

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

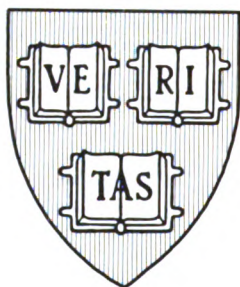
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HW RRN4 1

TRANSFERRED
TO

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

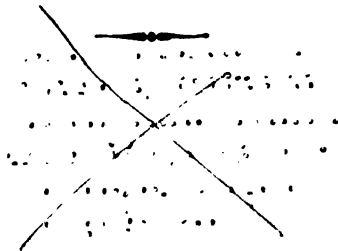
ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1885.

6

Δ
K S F 458 (1895
Oct-Dec.)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUL 23 1956

Nov 4

ABRIDGED
VOLUME
YEARLY

1945 № 1

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

II¹.

Къ исторіи Люблинской еврейской общины.

(1548—1769).

Въ 1769 г., августа 2-го, король Станиславъ Понятовскій подтвердилъ, по ходатайству Люблинскихъ евреевъ, рядъ различныхъ привилегій своихъ предшественниковъ.

Большою частью, каждая изъ привилегій есть не что иное, какъ подтвержденіе привилегій предшествующаго короля, а привилегія короля Станислава Понятовскаго представляется какъ бы сводомъ наиболѣе цѣнныхъ въ данный моментъ привилегій Люблинскихъ евреевъ.

Имѣя въ виду ту важную роль, которую Люблинская еврейская община играла въ исторіи внутренней жизни польскихъ евреевъ, мы въ правѣ были бы предположить, что содержаніе этой заключительной привилегіи крайне богато. Но ближайшее знакомство далеко не оправдываетъ этихъ ожиданій, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что и сравнительно немногое, что мы имѣемъ въ этой привилегіи, далеко не безынтересно. Сверхъ того, подтвердительныя привилегіи еврейскимъ общинамъ касаются только предметовъ, общихъ для всѣхъ членовъ общины; привилегіи уже отдѣльнымъ лицамъ вносятся въ общія привилегіи чрезвычайно рѣдко, тогда только, когда какія либо права, особыя льготы, предоставленныя отдѣльному лицу, переходятъ затѣмъ къ общинѣ: такъ, напр., право на постройку бани, данное первоначально въ видѣ привилегіи Брестскому еврею Еленю, переходитъ затѣмъ къ общинѣ, право на при-

¹ См. „Восходъ“. кн. IX.

готовленіе воску, дарованное первоначально знаменитому Шаулю Ваю, переходитъ отъ него, по завѣщанію или дарственной записи, съ точностью неизвѣстно, къ Брестской общинѣ и т. д. Между тѣмъ однѣми привилегіями общинѣ далеко не исчерпывались жалованныя грамоты королей, какъ мы имѣли случай показать и какъ увидимъ изъ нижеслѣдующихъ грамотъ.

Несмотря на относительную древность Люблинской общины и ея значеніе, древнѣйшею привилегіею, которую могли представить въ концѣ XVIII в. къ королевскому подтвержденію Люблинскіе евреи, была генеральная привилегія Сигизмунда Августа.

Изъ содержанія этой генеральной привилегіи, равно какъ изъ содержанія подобныхъ же привилегій королей Генриха, Стефана Баторія, Сигизмунда III, Владислава IV, Яна Казимира, Михаила и Яна Собѣскаго, видно, что за Люблинскими евреями признаются тѣ обычныя права и льготы, которыя предоставлялись вообще короннымъ евреямъ: право на синагогу, кладбище («*kierkuta albo okopiska*») и т. д. Сверхъ того, въ привилегіи Владислава IV и его преемниковъ были включены декреты различныхъ комиссій и два рескрипта, первый отъ 13 февраля 1646 г., въ Варшавѣ, и второй, отъ 19 марта 1669 г., въ Гроднѣ, въ силу которыхъ за общиной обезпечена независимость отъ иныхъ судовъ кромѣ суда воеводы и короля, а затѣмъ обезпечено право ввоза, вывоза и свободной продажи товаровъ всякаго рода, какъ въ г. Люблинѣ, окруженномъ каменными стѣнами, такъ и на его предмѣстьи. — Сверхъ того, предоставляется евреямъ имѣть свою собственную баню и купальню (*studnia*), а равнымъ образомъ дозволяется какъ общинѣ, такъ и отдѣльнымъ евреямъ владѣть лавками, судами, домами, усадебными мѣстами. Эти декреты и рескрипты, пока еще не отысканные нами въ подлинникѣ, были подтверждены королевемъ Августомъ II въ Варшавѣ, 31 августа 1698 г.

Гораздо интереснѣе содержаніе привилегіи Яна Собѣскаго отъ 11 марта 1676 года, такъ какъ въ нее включены: 1) специальная грамота короля Владислава IV въ Варшавѣ, отъ 16 іюля 1638 г., и затѣмъ 2) два распоряженія Люблинскаго старосты Карла Даниловича, отъ 21 ноября 1675 г.

Остановимся прежде на привилегіи короля Владислава:

«Принимая во вниманіе, говоритъ король, преклонныя лѣта Еленя Докторовича, завѣдывающаго въ Люблинѣ собраніемъ нѣкоторыхъ податей (*faktora lublinskiego*), и принимая во вниманіе выгоды, доставленныя имъ нашему казначейству, и взглянувъ на различныя заслуги его по исполненію имъ нашихъ порученій, дозволили мы ему по его просьбѣ, и позволяемъ настоящимъ нашимъ документомъ для себя и для своего потомства, — на особо избранномъ имъ и пріобрѣтенномъ въ собственность мѣстѣ, въ сторонѣ, подлѣ прудовъ, находящихся на Люблинскомъ предмѣстьѣ, — построить на свой собственный счетъ каменную синагогу, жить подлѣ нея со своими домохадцами (*domowemi*) и пользоваться ею для богослуженія.

Эта синагога, выстроенная Еленемъ Докторовичемъ на свой собственный счетъ, должна находиться въ его завѣдываніи и власти, съ предоставленіемъ ему права пользоваться ею какъ вмѣстѣ со своими родственниками (*przyiacielmi*), такъ и иными Люблинскими евреями, а равно и пріѣзжающими изъ различныхъ мѣстъ на Люблинскую ярмарку. Предоставляется ему вмѣстѣ съ ними отправлять обычное богослуженіе, безъ всякаго препятствія со стороны остальнаго еврейскаго населенія (*rozpolstwa zydowskiego*) и иныхъ какихъ бы то ни было лицъ».

«Для того же, чтобы онъ, Елень Докторовичъ, пользовался на своей старости спокойствіемъ, *воспринимаемъ* избирать его въ еврейскіе старшины или принуждать его какимъ бы то ни было способомъ къ принятію этой или какой либо иной должности (*innych urzędow*) въ виду того, что онъ имѣетъ занятія, хлопоты и труды по дѣламъ нашей казны».

«Въ *собственной же его синагогѣ* ему предоставляется должность старшины, и никто не имѣетъ права препятствовать ему въ отправленіи этой должности, а равнымъ образомъ никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ установленный имъ въ синагогѣ порядокъ и въ отправленіе имъ своей должности, подъ опасеніемъ потери нашей милости». — Эта привилегія была снабжена государственной коронной печатью.

Если только что приведенный документъ представляетъ характерный образчикъ стремленія стать независимымъ отъ

могущественной общины и притомъ во время наибольшаго разцвѣта широкой власти общинъ, то нижеслѣдующіе документы характерны во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Какъ мы сказали выше, король Янъ Казимиръ подтверждаетъ въ своей грамотѣ два *распоряженія* Люблинскаго старосты Даниловича, — но сами старосты и воеводы не довольствуются такими скромными названіями, они титулуютъ свои распоряженія «привилегіями» и даютъ имъ пышныя вступленія, въ родѣ королевскихъ грамотъ; такъ напр. одна изъ этихъ *привилегій* начинается такъ: Александръ Людовикъ Нѣзабитовскій, каштелянъ Лундскій, Люблинскій, Торновскій и прочая, староста. Доводимъ до свѣдѣнія всѣхъ и cadaго, кому о томъ вѣдать надлежитъ и т. д.

Уже давнымъ давно, а именно въ 1860 г., въ сочиненіи «Исторія евреевъ въ Польшѣ», пр. Гумпловичъ обратилъ вниманіе на то важное значеніе, которое имѣли въ жизни евреевъ эти распоряженія воеводъ и старостъ, называемыя ими самовольно привилегіями.

Но если не формально, то по существу, эти распоряженія дѣйствительно имѣли силу привилегій, Для магнатовъ Польскихъ и Литовскихъ, которые послѣ Люблинской уніи привыкли трактовать королей только, какъ пожизненныхъ президентовъ шляхетской республики, истинными господами въ этой республикѣ были они — магнаты, заставлявшіе напр. короля Генриха внести въ число основныхъ государственныхъ законовъ «право неповиновенія» государственной власти, а Сигизмунда III, на сеймѣ 1592 г., публично выслушивать обвиненія въ государственной измѣнѣ. Для этихъ магнатовъ королевскія привилегіи и грамоты имѣли не больше значенія, чѣмъ собственныя ихъ «привилегіи и грамоты». Мало того, воевода или староста, *подтверждая* распоряженія своего предшественника, готовъ былъ ихъ исполнять съ большею охотою, чѣмъ королевскія предписанія. Распоряженія своихъ предшественниковъ онъ подтверждалъ по своему желанію и исполнялъ ихъ въ силу даннаго имъ въ этомъ подтвержденіи согласія, королевскія же распоряженія онъ *долженъ былъ* исполнять.

Но кто же его могъ принудить къ исполненію, буде онъ того самъ не желалъ?

Необходимы были чрезвычайныя, особыя обстоятельства, необходимо было задѣть выдающіеся шляхетскіе интересы, чтобы король выступилъ на защиту своихъ привилегій противъ того или иного выдающагося магната. Поэтому то мы и видимъ, что съ конца XVI в. евреи, обыкновенно, исключаютъ себя пожалованіе такъ назыв. «генеральныхъ» привилегій, въ которыхъ говорится, что всѣ евреи Польши или Литвы, или той и другой общины, оставляются при своихъ старинныхъ правахъ и преимуществахъ и т. д. — опредѣленіе же подробностей, а равно расширеніе существующихъ правъ евреи предпочитаютъ получать изъ рукъ тѣхъ сановниковъ, подъ непосредственной властью которыхъ они находятся.

Впослѣдствіи эти распоряженія мѣстныхъ властей обыкновенно вносятся въ благопріятное время въ грамоту короля, жалующую евреямъ на коронаціонномъ сеймѣ, и такимъ образомъ получаютъ силу закона; такъ напр. кор. Янъ Казимиръ, подтверждая 16 іюля 1649 г., въ Люблинѣ, грамоты своихъ предшественниковъ, вноситъ въ свою подтвердительную привилегію распоряженія по дѣламъ Люблинскихъ евреевъ, сдѣланныя въ различное время и послѣдовательно утвержденныя Люблинскими старостами, а именно: Александромъ Нѣвабитовскимъ, Юріемъ Оссолинскимъ, канцлеромъ Короннымъ, Константиномъ Фирлеемъ, Збигневскимъ и наконецъ Яномъ Карлемъ изъ Турова, на Вишневецѣ Даниловичемъ.

«Соображаясь съ привилегіями моихъ предшественниковъ, говоритъ Даниловичъ, я принимаю *подъ свою защиту и покровительство* какъ самихъ евреевъ, такъ и ихъ убогое имущество (*ubóstwa*), для того, чтобы они могли безпрепятственно и свободно пользоваться тѣми правами, которыя предоставлены имъ наяснѣйшими королями Польскими, а именно:

1) Евреи, какъ домохозяева, такъ и квартиранты, обязаны уплачивать на замокъ обычныя, безъ всякаго повышенія, чинши какъ отъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ и усадебныхъ мѣстъ, такъ и отъ домовъ равнинныхъ и шельниковъ, отъ синагоги, богадѣльни, кладбища, лавокъ, бонъ и бань, согласно прежнимъ квитанціямъ, что вмѣстѣ составляетъ 700 польскихъ злотыхъ, что болѣе подробно изображено въ реестрѣ, выданномъ мною и въ мою печатью старинамъ Люблинскимъ

евреевъ, а также и въ реестрѣ, представленномъ мнѣ за подписью оныхъ старшинъ.

2) *Подтверждаю* всѣ договоры или соглашенія, заключенные евреями съ *моими* подзамковыми мѣщанами относительно мѣста и права раздробительной торговли медомъ, пивомъ и водою, а также и по поводу иныхъ взаимныхъ претензій.

3) Подати за право торговли евреи обязаны уплачивать согласно тому, что опредѣлено для горожанъ, и въ томъ же размѣрѣ, какъ уплачиваютъ Люблинскіе купцы христіане.

4) Въ виду того, что никогда во время управленія моихъ предшественниковъ христіане не стояли постоемъ въ еврейскихъ домахъ, такъ точно и теперь квартиры для постоя не должны быть отводимы въ домахъ евреевъ, — а гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ.

5) Евреи не обязаны будутъ ни платить на содержаніе пѣхотныхъ солдатъ, буде я пожелаю наwerben такого рода отрядъ для нуждъ замка, ни одѣвать этихъ солдатъ.

6) Кладбище еврейское, согласно старинной привилегіи, должно оставаться ненарушимо въ его нынѣшнихъ границахъ, окруженное каменною стѣною. Никто да не осмѣливается посягать на это мѣсто.

7) Если между евреями и моими подзамковыми мѣщанами возникнетъ тяжба изъ за недвижимаго имущества передъ моимъ грѣдскимъ намѣстникомъ, то предоставляется евреямъ апеллировать на рѣшеніе судьи прямо ко мнѣ; по остальнымъ же дѣламъ апелляціи должны идти обыкновеннымъ порядкомъ.

Всѣ вышеизложенныя постановленія, приняты мною благосклонно, я обязываюсь исполнять какъ для просителей, такъ и для ихъ потомства, пока Господь Богъ дастъ мнѣ здравія, а также обещаюсь я и за своего преемника. Установленные же мною намѣстники Люблинскаго замка обязаны будутъ, соблюдая все вышеизложенное, охранять евреевъ и не дозволить причиненія имъ обидъ.

Для того же, чтобы все вышеизложенное было надлежащимъ образомъ обезпечено, я подписываюсь на этой привилегіи собственноручно, приказываю притиснуть мою печать и обещаю исходатайствовать у нынѣ царствующаго государя подтвержденіе этимъ постановленіямъ. Дозволяю вмѣстѣ съ этимъ и самимъ

евреямъ, если пожелають, хлопотать передъ королемъ объ этомъ подтвержденіи, не ожидая того, когда мнѣ самому представится для этого возможность. Въ Люблинскомъ замкѣ, 21 ноября 1675 г.».

Въ тотъ же день Янъ Карлъ Даниловичъ освобождаетъ Люблинскихъ евреевъ отъ отбыванія повинности по исправленію прудовъ («stawowuchъ ezarwarkow»), а также отъ платы за провѣрку качества продаваемой ими водки («od wumiaru gza-lek»); во всякомъ случаѣ, они обяваны уплачивать не болѣе 20 грошей отъ 100 квартъ водки. — Равнымъ образомъ евреи не обяваны будутъ отвѣчать за засореніе ими прудовъ.

Содержаніе привилегіи довольно характерно само по себѣ для того, чтобы на немъ останавливаться. Любопытна, однако, одна общая черта, проходящая черезъ всѣ льготы, даруемыя евреямъ. Собственно говоря, все содержаніе привилегіи представляетъ собою повтореніе льготъ, давнымъ давно дарованныхъ евреямъ польскими королями, или полученныхъ евреями въ силу договоровъ съ горожанами - христіанами; повидимому старостѣ оставалось бы только исполнять эти постановленія, — но, очевидно, между теоріею и практикою существовала огромная пропасть. Для того, чтобы представитель исполнительной власти исполнялъ бы то, что на него возложено закономъ, необходимо было связать его волю еще особымъ договоромъ. Тамъ, гдѣ королевскій интересъ страдаетъ самъ по себѣ, гдѣ результатомъ пренебреженія являются убытки казнѣ, напр. въ доходахъ съ мельницъ, либо просто съ прудовъ, тамъ представитель власти, для котораго нѣтъ лично въ этомъ дѣлѣ никакой выгоды, снисходительно разрѣшаетъ засорять эти пруды.

И въ этихъ незначительныхъ фактахъ сказывается слабость исполнительной власти, плохое пониманіе государственныхъ интересовъ, неуваженіе къ закону, какъ къ безусловно твердому, хотя и отвлеченному основанію порядка и свободы, — отсюда необходимо — недостаточная обезпеченность правъ, даруемыхъ привилегіями какъ королевскими, такъ и старостинскими, какъ въ этомъ не разъ приходилось убѣждаться и Люблинскимъ евреямъ, въ частности.

Переходимъ къ привилегіи Августа III отъ 12 іюля 1736 года, въ Варшавѣ.

Благодаря разрушенію старыхъ началъ, все почти XVIII столѣтіе представляетъ непрерывную борьбу въ средѣ самихъ евреевъ. Всеобщее об'ѣднѣніе, страшная задолженность кагаловъ, отсутствіе того значенія, а слѣдовательно и средствъ помощи, какими обладали кагалы въ XVI и первой половинѣ XVII в., заставляютъ евреевъ—членовъ общины, искать выхода изъ этого тяжелаго положенія, и простѣйшимъ средствомъ имъ кажется переходъ подъ власть помѣщиковъ, поселеніе на ихъ земляхъ, или въ домахъ, принадлежащихъ имъ въ городахъ. Такой поселенецъ еврей становился, въ силу факта проживанія на панской землѣ, неподсуднымъ не только еврейскимъ, но и христіанскимъ властямъ; уплачивая пану большій или меньшій чиншъ, еврей не несъ ни государственныхъ, ни городскихъ, ни еврейскихъ податей; въ случаѣ же какихъ либо столкновеній, еврей могъ быть увѣреннымъ, что въ лицѣ своего помѣщика, какого либо знатнаго барина, онъ вѣрнѣе найдетъ покровительство и защиту, чѣмъ въ лицѣ об'ѣднѣвшаго кагала.

Соблазнъ великъ. И вотъ многое множество евреевъ соблазняется.

Въ виду этого представитель Люблинской общины испрашиваетъ у короля Августа III привилегію слѣдующаго содержанія:

«Въ виду того, что на Люблинскихъ предмѣстьяхъ, а также въ различныхъ домахъ и дворахъ, принадлежащихъ лицамъ различныхъ сословій (прискавши себѣ отчужденныхъ покровителей), проживаютъ евреи и занимаются различными оборотами, искусствами, въ особенности медициной, а также ведутъ торговлю, въ нарушеніе правъ и къ убытку Люблинскихъ евреевъ, не неся на себѣ никакихъ податей и не отбывая никакихъ повинностей вмѣстѣ съ Люблинскими евреями, которые одни принуждены уплачивать государственныхъ подати и отбывать повинности. Поэтому, въ виду ходатайства Люблинскихъ евреевъ, дозволяется имъ налагать запрещенія на вещи, товары, *мясо*, а равно взыскивать въ свою пользу деньги за проданные этими евреями предметы, а самихъ неповинующихся евреевъ наказывать по усмотрѣнію («*proenis arbitrariis*»).

Не знаемъ, въ состояніи ли были старшины Люблинской синагоги осуществить на дѣлѣ эту привилегію, но не подлежитъ сомнѣнію, что «непослушные» евреи препятствовали Люблинской общинѣ не только въ торговлѣ и промыслахъ: очевидно, количество этихъ непокорныхъ было настолько велико, что они пытались уже сложиться въ совершенно самостоятельную общину, обзавестись собственнымъ «шохетомъ» и т. д. — иначе совершенно страннымъ представлялось бы разрѣшеніе короля Августа III, данное Люблинской общинѣ, налагать запрещенія, конфисковать у неповинующихся — «мясо».

Какое мясо?

Неужели сама по себѣ мясная торговля составляла въ то время для евреевъ Люблина такое прибыльное занятіе?

Очевидно, что дѣло идетъ о коширномъ мясѣ. Понятно, почему евреи ходатайствуютъ о подтвержденіи привилегій короля Владислава IV Еленю Докторовичу на особую синагогу и на право производства въ ней богослуженія, какъ самому Еленю, такъ и его потомкамъ. Приобрѣтеніе этого права евреями, отдѣлившимися отъ старой Люблинской синагоги, у одного изъ потомковъ Елена было бы утвержденіемъ полной независимости отщепенцевъ отъ главнаго кагала,

Не знаемъ, чѣмъ окончилась эта борьба въ Люблинѣ, но изъ исторіи другихъ общинъ, напр., Виленской и Брестской, мы видимъ, что результатомъ такихъ столкновеній бывало обыкновенно примиреніе на какихъ либо согласительныхъ началахъ. Отдѣлившіеся признаются за общину, но взаменъ этого, они обязываются признать главенство старѣйшаго кагала, получать отъ него «райскіе яблоки», «шохетовъ» и т. д., а главное — участвовать въ уплатѣ известной доли неоплатныхъ еврейскихъ долговъ.

С. Бернадскій.

БАБУШКА.

Исторія одного дня.

I.

По обыкновенію своему бабушка Песя проснулась рано, въ четыре часа. Кряхтя и охая отъ старости, она одѣвалась, желая скорѣй выйти на улицу, дабы подышать пріятнымъ, прохладнымъ воздухомъ іюньскаго утра и накормить домашнюю птицу, что было всегдашней ея заботой. Она не нѣжилась въ постели, не любила долго лежать, а, проснувшись, сейчасъ-же одѣвалась, умывалась и, прочитавши громко и довольно усердно утреннюю краткую молитву, выходила на улицу. Тамъ ее ожидала всегда домашняя птица, состоявшая изъ куръ, гусей, утокъ и индѣекъ. По одному ея зову они сбѣгались, доврчиво окружали ее и смотрѣли, какъ она своими руками рассыпала кормъ.

Она вышла. Было чудное утро. Показавшіяся на горизонтѣ розовыя полосы и голубое небо, мѣстами покрытое бѣлою, едва замѣтною дымкой тумана, обѣщали знойный день; но теперь, въ четыре часа утра, было прохладно и хорошо. Она остановилась у крыльца своего дома, любовалась прекраснымъ видомъ утопающаго въ зелени Гнилопятска, вдыхала въ себя благоарстворенный воздухъ; по временамъ она поглядывала на небо, на виднѣвшіяся кое-гдѣ маленькія тучи. Удивительное дѣло! О чемъ ни задумаешься, непременно все это появится на небѣ, и эти бѣлыя облака превращаются вдругъ или въ рыбу-левіаѳанъ, или въ гиганта вола, не имѣющаго себѣ равнаго на землѣ, Schor-habog'a; то исчезаютъ и рыба-левіаѳанъ, и буйволъ schor-habog и изъ тѣхъ же облаковъ образуется

медвѣдь; не успѣешь еще порядкомъ разсмотрѣть медвѣдя— глядишь, изъ глазъ его выходитъ человекъ, держащій что-то въ рукахъ, въ родѣ скрижалей... Это вѣрно Моисей... Песа останавливается на этомъ человекѣ, внимательно изучаетъ его черты. Такъ вотъ онъ каковъ—этотъ Моисей! Сразу видишь, что это Божій человекъ, святой. И какъ онъ смотритъ! Жалѣетъ онъ, вѣроятно, грѣшныхъ людей,—объ этомъ говорить его взглядъ, такой мягкій, ласкающій, нѣжный. А въ рукахъ у него что? Это надо полагать, скрижали, гдѣ написана вся святая Тора—десять заповѣдей. О чемъ онъ думаетъ? Она желаетъ прочесть на его лицѣ, но... Что же это такое? Это вовсе не Моисей, это... это... *ребенинъ*,¹—да, это непременно она. Такое-же продолговатое лицо, тотъ-же длинный и широкій носъ, тѣ-же большія уши... Странно—и зубы виднѣются,—эти желтые, большіе зубы, которые наводятъ такой страхъ на маленькаго внука ея, Мойшеле... Она удивляется, какъ это все чудно выходитъ: кажется бѣлое облако и ничего болѣе, и вдругъ—на тебѣ, человекѣ, и рыбу-левіаеанъ, и вола *schog-habog'a*, и медвѣдя, и Моисея, а подъ конецъ и ребенинъ!

Она направилась дальше. Собака выбѣжала изъ сарая и бросилась ей на встрѣчу, начала прыгать около нея, хватала ее за передникъ, лизала ей руки, убѣгала на нѣсколько шаговъ, возвращалась опять и радостно визжала. Песа рукой гладитъ это умное животное, ласково смотрѣла на него и приговаривала:

— Ну, ну, будетъ тебѣ, Рябчикъ! Сейчасъ, сейчасъ тебѣ кушать дамъ.

Рябчикъ ходитъ за ней по пятамъ, ревниво слѣдитъ за каждымъ движеніемъ Песи и, видя, что послѣдняя мало на него обращаетъ вниманія, что она вонится въ сарай около индѣекъ, которыхъ онъ почему-то не долюбливалъ, началъ издавать сердитые звуки, сначала хриплые, а затѣмъ все громче и громче, выражая этимъ свой протестъ.

¹ Жена духовнаго раввина.

— Молчи, Рябчикъ! Вотъ скоро я и тебѣ дамъ, а теперь ты только мѣшаешь,—урезонивала она раскодившагося Рябчика.—Кушайте, кушайте, созданія Божіи,—ласково прибавила она, высыпавъ на землю нѣсколько горстей корма.

Покончивъ съ индѣйками, она направилась на средину двора, въ сопровожденіи неотстававшаго отъ нея Рябчика, зоркимъ, привычнымъ взглядомъ осмотрѣла свое птичье царство. Утокъ не было. Онѣ были на рѣчкѣ, находящейся не далеко отъ этого дома. Гуси выбрали себѣ укромное мѣстечко во дворѣ и возились съ маленькими гусятами, чистили имъ клювики. Поодаль отъ гусей сидѣлъ довольно внушительный пѣтухъ и слѣдилъ за своими женами и потомствомъ. Его излюбленные чада, вмѣстѣ съ матерью и другими курицами, были разсѣяны по всему двору и, разгребая ногами соръ, отыскивали себѣ пищу. Цыплята были маленькіе, только-что выведшіеся, и не мало труда стоило матери объяснить имъ своимъ кудахтаньемъ всѣ приемы добыванія пищи.

— Кво-кво-кво—кудахтала насѣдка, и весь выводокъ встрепенулся, замахалъ крылышками и направился къ своей матери, опережая другъ друга, кувыркаясь, падая и поднимаясь, разумѣя по всей вѣроятности смыслъ кудахтанья такъ: Сюда, мои милые! Сюда, мои птенчики! Сюда, мои дѣточки!

«Вотъ оно гдѣ—величіе Божіе,—думала въ эту минуту Песя, тронутая всѣмъ видѣннымъ:—точно человѣкъ, точно мать созываетъ своихъ дѣтей... Ахъ, какой Ты мастеръ, Боже мой, какой Ты великій мастеръ!—Не говорить кажется, а птенчики понимаютъ. Точно такія-же созданья Божіи, какъ мы. И у птицъ есть свой языкъ, какъ у людей-же есть разные языки, примѣрно, еврейскій, русскій, нѣмецкій,—ну, то же самое, должно быть, и у птицъ бываетъ: куриные звуки, утиные звуки, гусиные звуки; вѣдь у нихъ тоже звуки не одинаковые, вотъ и Царь Соломонъ понималъ говоръ птицъ, — стало быть и у нихъ есть свой языкъ.

Свое философское разсужденіе Песя завершила тѣмъ, что высыпала нѣсколько горстей корма.

— Цыпъ-цыпъ-цыпъ,—созывала она куръ. — Цыпуню, цыпъ-цыпъ!—Кушайте, милыя созданія Божія! Да будетъ это вамъ въ пользу! Цыпуню, цыпъ-цыпъ-цыпъ. Вонъ, Рябчикъ, не жѣнай, и ты свое получишь, а теперь безъ тебя обойдутся.

Первымъ отозвался на любезное приглашеніе хозяйки пѣтухъ, сидѣвшій все это время молча и съ серьезнымъ видомъ наблюдавшій эту идиллію. Онъ медленно всталъ, потянулся, расправилъ свои крылья и во все горло заоралъ «кукуреку», послѣ чего онъ направился къ Песѣ и началъ не сгибша, съ достоинствомъ, какъ подобаетъ серьезному господину, убирать одно зерно за другимъ. Послѣ пѣтуха воелъ Песю очутилась одна курица, затѣмъ другая, пока мало-по-малу весь гаремъ былъ на лицо. Рябчикъ сердито уставился глазами на это царство; особенно ему моголили глаза цыплята. Онъ неудомѣвалъ, терялся въ догадкахъ и все-таки не могъ понять причины расположенія Песю къ этой мелюзгѣ; онъ бы кажется всѣхъ этихъ цыплятъ, за которыми его госпожа такъ ухаживаетъ, одною лапой уложилъ на мѣстѣ. Чѣмъ онъ хуже ихъ? А все-же имъ отдается предпочтеніе. Положимъ, онъ этихъ глупыхъ зеренъ ѣсть не будетъ, но нельзя-же ему остаться совершенно безъ пищи. Пора ей знать, что онъ такое-же животное и, слѣдовательно, имѣетъ такое-же священное право на ѣду, какъ эта мелочь. Онъ посматривалъ на Песю и его взглядъ такъ и говорилъ: «скоро ли, кончишь съ этой мелюзгой?» Наконецъ, и Рябчикъ былъ накормленъ. Онъ принялъ советѣмъ другое выраженіе, выраженіе довольства своей собственной собачьей персоной. И цыплята перестали ему глаза моголить, и съ существованіемъ индѣекъ помирился. Что-жъ дѣлать? Это зло неизбежное и надо терпѣливо его переносить.

«Ну, слава Богу,—подумала Песю, осматривая съ довольнымъ видомъ весь дворъ. Всѣ ужъ накормлены. Теперь надо слѣдить за тѣмъ, что везутъ для продажи на базаръ; можетъ быть, мнѣ что-нибудь удастся купить: тутъ куда дешевле обойдется, нежели на базарѣ. Охъ, они шкуру дерутъ на базарѣ!»

«Будетъ жаркій день, — думала она, рассматривая красный шаръ восходящаго солнца.—Солнышко уже припекаетъ; а что будетъ послѣ? Эхъ, эти жары! Онѣ куда хуже холода. Отъ холода скроешься зимою въ теплой комнатѣ, а отъ жары ужъ не отдѣлаешься. И сегодня, я думаю, будетъ работа. Чтожъ, очень хорошо; дай только, Господи, силу мнѣ и всѣмъ людямъ работать для себя и для другихъ. Непріятно, пожалуй, будетъ такой старухѣ, какъ я, ноги волочить въ такую жару, но она необходима для хлѣба и вообще для растений. Пусть эта погода и останется для блага общаго».

Она вышла со двора на улицу и стала ожидать проѣзжающихъ подводъ. Не долго ей пришлось дожидаться, ибо она сейчасъ-же замѣтила приближающійся возъ. Песя очень обрадовалась, замѣтивъ, что тамъ всякой всячины довольно. Было свѣжее масло, нѣсколько кувшиновъ сметаны, курицы, утки и яйца.

Песя подошла къ возу и начала копошиться въ немъ руками. Она перебирала всѣхъ куръ, внимательно осматривала ихъ, вертѣла, ощупывала и мысленно оцѣнивала. У нихъ положимъ, домашней птицы достаточно, но развѣ помѣшаетъ лишній десятокъ куръ или утокъ? Хорошо, если подъ рукою лишняя птица имѣется,—тогда можно и бѣдной родильницѣ подарить пару—другую. Яицъ тоже слѣдуетъ купить; ничего, пригодятся. Хоть бы онѣ не запрашивалъ.

Къ великой радости Песи, мужикъ оказался очень сговорчивымъ. Покупку она сдѣлала очень выгодную, и съ сіяющей улыбкой вошла въ свою комнату, предвкушая заранѣе то удовольствіе, когда дочь ея, Эстеръ, прекрасная хозяйка, удивится дешевой покупкѣ. Тамъ она достала свой объемистый молитвословъ «корбенминхе», надѣла очки и благоговѣнно приступила къ молитвѣ.

II.

Первой послѣ Песи проснулась дочь ея, Эстеръ, у которой всегда было много дѣла по хозяйству. Надо разбудить

прислугу, еврейскую дѣвушку, которая, если ее не разбудишь, проспать, пожалуй, до двѣнадцати часовъ. О, эти еврейскія дѣвушки! Эстеръ ихъ хорошо знаетъ—служить онѣ не могутъ. Еврейская дѣвушка какъ будто рождена быть самостоятельной хозяйкой, съ нею совѣстно обращаться какъ съ прислугой. Взять же въ домъ русскую дѣвушку Эстеръ опять таки не можетъ. Слава Богу, у нея домъ—полная чаша: есть молочная и мясная посуда, насхальвая и обыкновенная. Если взять русскую дѣвушку, она ей надѣлаетъ много бѣдъ. Какъ съ ней ни толкуй, какъ ей ни объясняй, что эта ложка, молъ, молочная, а та мясная, что этотъ горшокъ — пейсаховый, а тотъ—простой, она можетъ легко перепутать: возьметъ мясную посуду вмѣсто молочной или наоборотъ; за ней нужно будетъ, поэтому, всегда слѣдить, не спускать глазъ съ нея, а это вѣдь невозможно: какъ разъ случится что-нибудь такое, что ей нужно будетъ уйти, а въ ея отсутствіи случится какое нибудь несчастье,—вѣдь не даромъ же люди говорятъ—*zoten mekatreg*. Нѣтъ, такого грѣха на свою душу набожная Эстеръ не возьметъ, она не желаетъ накормить трѣфнымъ обѣдомъ свою старую мать, своего мужа, у котораго и такъ много грѣховъ, себя и дѣтей своихъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ, надо сбѣгать на базаръ, приготовить все къ чаю, состряпать какой-нибудь завтракъ для дѣтей.

Послѣ нея, въ то время, когда Эстеръ съ дѣвушкой уже были гдѣ-нибудь на базарѣ, открывалъ глаза ея мужъ, Залменъ. Но онъ не торопился вставать. Онъ зналъ, что братъ его, Мендель, давно уже находится въ лавкѣ и; слѣдовательно, ему торопиться нечего. Онъ нѣжился въ постели, любилъ читать лежа газету, также не прочь былъ съ дѣтьми поиграть.

Наконецъ, проснулись и дѣти. Рахиль особенно торопится, Меиръ и Михель тоже одѣваются. Рахиль торопится потому, что ей нужно географію повторить. Она знаетъ, что ее сегодня непременно вызовутъ: давно ужъ не спрашивали.

— Папа, папа, — говоритъ Рахиль, одѣваясь послѣшно: — который часъ?

— Га? Что? — спросилъ отецъ, высунувъ свое лицо изъ-за газеты.

— Который часъ?

— Который часъ? Сейчасъ, милая.

Онъ протянулъ руку къ стоявшему около него столику, досталъ оттуда дорогіе часы, подаренные ему, когда онъ еще былъ женихомъ, и, посмотрѣвъ на нихъ, проговорилъ: семь.

— Боже мой, Боже мой! Уже семь! — воскликнула она: — а я вѣдь еще должна географію повторить; я ее еще такъ плохо знаю!

И она живо вскочила съ своей кровати и, съ еще мокрымъ лицомъ, начала вояться съ своими учебниками. Она, ходя по комнатѣ, стала вубрять заданный урокъ, останавливаясь по временамъ у висѣвшей географической карты и водя карандашомъ по знакомымъ ей линиямъ. Залменъ тоже поднялся съ постели. Въ только что прочитанной имъ газетѣ опять говорилось о палестинскомъ вопросѣ, къ которому газета очень часто возвращается. Такъ какъ Залменъ принадлежалъ къ такъ называемымъ палестинцамъ, то не удивительно, что онъ остался доволенъ прочитанной статьей и соглашался со всѣми мѣрами, предложенными редакціей для упорядоченія этого дѣла.

Онъ съ газетой въ рукахъ подошелъ къ колыбели, гдѣ спалъ маленькій Мойшеле, которому еще двухъ лѣтъ не исполнилось. Залменъ наклонился и нѣжно поцѣловалъ спавшаго ребенка. Ребенокъ помахалъ головой и сдѣлалъ попытку встать. Отецъ покачалъ колыбельку и, убѣдившись, что Мойшеле опять уснулъ, вышелъ изъ спальни.

Въ столовой стоялъ уже самоваръ и чайный приборъ. Рахиль глотала чай и однимъ глазомъ смотрѣла въ лежавшій передъ нею учебникъ. Отецъ подошелъ къ ней, принявъ книжку и проговорилъ:

— Чай пить и учиться нельзя. Или учись, или пей чай.

— Нѣтъ, папа, отдай, — сказала Рахиль очутившись около отца и простирая руку за книжкой. — Ты знаешь, меня сегодня вызовутъ по географіи, а у насъ учительница географіи

такая строгая, такая злоба, что если отвѣтишь ей хоть съ одной ошибкой, она поставитъ двойку; а я не хочу, считаюсь въ наипремѣйшій классъ первой ученицей, двойки получать!

— А я хочу, чтобы ты хоть одну двойку получила, — замѣтилъ, улыбаясь, отецъ: — получаешь все пятерки, да пятерки; надоѣло, наконецъ, это однообразіе. А интересно было бы поглядѣть на тебя тогда, когда ты явишься съ двойкой.

— Я-бъ, кажется, не выдержала, заболѣла бы отъ досады. Отдай, папочка, книжку, я еще разъ, хоть одинъ разочекъ повторю!

— Возмешь тогда книжку, когда ты ее достанешь, — сказалъ Залменъ, положивъ учебникъ на свою голову.

Въ эту минуту вошла Эстеръ, а за нею Мизръ и Михаль, веселые и бойкіе мальчики, изъ которыхъ одному было девять лѣтъ, а другому десять. Отецъ съ книжкой на головѣ показанъ имъ смѣшнымъ, и они весело расхохотались.

— Тсъ! — погрозилъ имъ отецъ пальцемъ: — бабушка молится.

Слово «бабушка» магически подѣйствовало на дѣтей, готовыхъ уже броситься на отца и общими силами отнять у него книгу, и они присмирѣли. Они на цыпочкахъ направились къ столу, усѣлись чинно и начали потихоньку перешептываться, по временамъ заглушая рукой готовый разразиться по комнатамъ хохотъ.

— Ты вотъ все загрызаешь съ дѣтьми, балуешься дома, газеты читаешь, — укоризненно замѣтила жена, подавая своему мужу стаканъ чаю, — словно сегодня суббота или праздникъ какой. Ты забиваешь, что Мендель съ пяти часовъ находится въ магазинѣ, что ему пора чаю напиться.

— Ты права, моя женушка, — ласково отвѣтилъ Залменъ. — Вотъ я допью стаканъ чаю, Богу помолюсь и пойду ему на смѣху.

— Какъ, ты еще Богу не молился? Охъ, грѣшишь ты передъ Господомъ Богомъ, Залменъ. Какой ты еврей, — спрашиваю я у тебя. Еврей, какъ только встанетъ, долженъ взять

свой *талесъ-закъ* и направиться въ моленную, а ты не только въ моленную не ходишь молиться, но и дома не молишься, — все равно, не молишься, ибо если раньше газеты читають, а потомъ лишь вспоминають о молитвѣ, то это то же, что не молиться совсѣмъ.

— Будеть тебѣ, Эстеръ! По твоему выходитъ, что цѣлый день я долженъ молиться да псалтырь читать. Тебѣ кажется, что все еврейство заключается только въ молитвѣ и послѣ, да въ безпрестанномъ чтеніи псалтыря.

— А по твоему, умникъ мой, что такое еврейство? — насмѣшливо спросила его жена. По ея улыбкѣ, съ которой былъ предложенъ этотъ вопросъ, можно было угадать слѣдующія ея мысли: «ужь знаю я, какую чужь ты нагородилъ. Нѣтъ, не быть тебѣ, повидимому, въ раю».

— Что такое еврейство? — Залменъ поднялся съ своего стула, глаза его разгорѣлись и онъ началъ жестиковать обѣими руками: — Что такое еврейство? — воскликнулъ онъ съ паесомъ. — Да развѣ можешь ты, женщина, воспитанная на традиціяхъ излюбленнаго вашимъ братомъ «ц'эноур'эно», которая видитъ все еврейство въ битвѣ «капоресъ», въ цѣлованіи «мезузесъ», въ запрещеніи носить платокъ въ субботу, — можешь ты понять значеніе этого слова? Еврейство — это свѣтъ, истина. Еврейство — это любовь къ ближнему, духъ, идея. Но что говорить съ тобою? — продолжалъ онъ махнувъ рукой. — Вотъ и выпучила глаза и думаешь, что я рехнулся.

— Да, признаться, изъ твоихъ словъ я поняла только то, что если ты еще съ ума не сошелъ, то на старости лѣтъ навѣрное поладишь въ сумасшедшій домъ. Охъ, эти книжки да газеты твои! До добра онѣ тебя навѣрное не доведутъ. Вотъ помани ты мое слово, Залменъ. Будешь ты когда-нибудь каяться да жалѣть, что не послушался меня, да поздно будетъ.

— Будеть, Эстеръ. Перестанемъ лучше говорить объ этомъ. Смѣю тебя увѣрить; что я имѣю такое же право называться евреемъ, какъ и другіе.

Дѣти сидѣли смиренно. Менръ пересталъ шептаться съ Михелемъ, а Рахиль оставила свой учебникъ. Они прислушивались къ разговору родителей, стараясь уловить что было доступно ихъ дѣтскому уму. Но они поняли 'только то, что это не мирная бесѣда, хотя разговоръ не принималъ рѣзкаго оборота.

— Да, это ты только говоришь,—не унималась набожная Эстеръ.—Я знаю, что ты считаешь себя евреемъ. Но еврей ли ты передъ Господомъ Богомъ — вотъ вопросъ. Вотъ аптекаръ Вольфовичъ, который курить въ субботу, ѣсть свинину и брѣзеть бороду,—тоже считаетъ себя евреемъ. Но развѣ кто-нибудь изъ нашихъ станетъ считать его евреемъ? Знаютъ только, что онъ *гой*, *трефникъ* и что на томъ свѣтѣ—черезъ сто двадцать лѣтъ—получить онъ кукишъ, а не рай.

Залменъ успокоился. Онъ смотрѣлъ на свою набожную супругу и улыбался.

— Тебѣ это смѣшно, я знаю. Пожалуй, ты скажешь, что по твоему и аптекаръ Вольфовичъ еврей. Я бы, впрочемъ, о тебѣ мало беспокоилась; пожалуй, жарься тамъ въ аду, мнѣ вѣдь больно не будетъ. Но ты и дѣтей совращаешь. По милости твоей, Рахиль учится въ прогимназiи, и Богъ знаетъ, что выйдетъ изъ нея. Жила бы она у отца и матери своей и была бы еврейской дѣвушкой, — такою дѣвушкой, какою была я и еще цѣлыя тысячи моихъ сверстницъ. Вотъ я не знаю географiи, ариметики и грамматики и, слава Богу, живу на свѣтѣ, и у меня — до ста двадцати лѣтъ — четверо дѣтокъ есть. А то ты посмотри на нее—она указала рукой на дѣвочку: — посмотри, до чего ты довелъ дитя! Вѣдь она была такая румяная, такая попененькая, а теперь она—кости да кожа: твоя географiи совсѣмъ ее доконала. Хорошо еще, что тутъ гимназiи нѣтъ, а то и мальчиковъ сталъ бы мучить всѣми этими науками. Они хоть будутъ настоящими евреями.

Последнiя слова опять взволновали Залмена. Онъ всталъ и началъ шагать взадъ и впередъ по комнатѣ. Эстеръ говорить, что *они* будутъ настоящими евреями, т. е. такими,

какими она желаетъ ихъ видѣть—безъ всякой самодѣятельности, покорныхъ авторитету *Шулманъ-аруха*, соблюдающихъ обряды. Она даже радуется, что въ Гнилоянтскѣ нѣтъ гимназій. Но этому не бывать. Его дѣти должны быть образованными людьми. Если въ Гнилоянтскѣ и нѣтъ гимназій, то она есть въ Шведовѣ. Онъ дѣйствительно желаетъ, чтобы его дѣти были евреями, но не застывшими, забальзамированными музіями.

Думы Залмена, равно какъ и дальнѣйшій разговоръ между супругами, были нарушены плачемъ маленькаго Мойшеке, который, увидѣвъ, что онъ оставленъ одинъ, началъ протестовать противъ такой несправедливости. Сначала онъ хныкалъ про себя, какъ бы пробуя свои силы; но видя, что этакъ никто его не услышитъ, онъ закричалъ благимъ матомъ: «мама!»

— Ахъ, охъ горе мое великое!—бросилась Эстеръ къ дверямъ спальни:—громъ меня поразилъ! Онъ ѣсть хочетъ,—вѣдь онъ вчера почти и не ѣлъ.

— Добренькаго утра тебѣ, мой милый!—Она рукой начала гладить его пухленькое тѣло. — Хочешь кушать? Скажи, мое золото, мое счастье.

Ребенокъ, увидѣвъ мать, повеселѣлъ и улыбнулся ей. Онъ ухватился рученками за шею матери.

— Мама, ба, — пролепеталъ онъ.

— Ба, ба хочешь, миленькій?—Она наклонилась и начала цѣловать его.—Сейчасъ, моя корона, сейчасъ мое счастье, сейчасъ дамъ «ба»,—прибавила она, разумѣя подъ звукомъ «ба» просьбу ѣсть. — Вотъ мы Мойшеке сейчасъ одѣнемъ, умоемъ, напоимъ чайкомъ, дадимъ «ба». Выйдетъ къ Мойшеке бабушка, возьметъ его на руки и пойдетъ съ нимъ «гайта».

— Баба, гайта, — пролепеталъ радостно Мойшеке, предвкушая заранѣе всю прелесть прогулки по улицѣ съ бабушкой.

— Мойшеке пойдетъ «гайта»,—продолжала Эстеръ, одѣвая его.—Тамъ онъ увидитъ «косу». Бабушка посадитъ Мойшеке на «косу» и пойдетъ Мойшеке «но».

— Но!—воскликнулъ восторженно Мойшеде, ударивъ мать по платью и воображая, что онъ несется «но».

Эстеръ торжественно внесла его въ столовую. Дѣти, замѣтивъ своего любимца, подбѣжали къ матери, окружили ее, стараясь каждый отнять его у Эстеръ. Рахиль тянула его къ себѣ за одну ручку, Меиръ за другую, а Михель, не имѣя возможности ухватиться за что-нибудь, увивался такъ за нимъ, колилъ около него, щелкалъ языкомъ и выдѣлывалъ всякія штуки, будучи вполнѣ счастливъ, если ему удалось вызвать радостный смѣхъ у маленькаго Мойшеде.

— Ш-шт!—сказалъ отецъ приложивъ палецъ къ губамъ:— тише, дѣти! Развѣ вы не знаете, что бабушка молится.

Дѣти, услышавъ слово «бабушка», вынуждены были оставить маленькаго Мойшеде, къ немалому удивленію послѣдняго, не могшаго понять, почему это онъ вдругъ оставленъ? Онъ, поэтому, и хотѣлъ выразить свое неудовольствіе, но его предупредилъ отецъ, взявшій его на руки.

О прежнемъ разговорѣ супруги совершенно позабыли. Когда Залменъ держалъ маленькихъ дѣтей на рукахъ и училъ ихъ уму-разуму, что онъ, къ слову сказать, очень любилъ,—религіозныя разногласія совершенно забывались. Набожная Эстеръ смотрѣла тогда на своего мужа благоговѣнно, и ей казалось, что такого умнаго, такого ученаго, такого находчиваго мужа, какъ у нея, ни у кого нѣтъ, никогда не было и не будетъ. То же самое было и теперь. Она, улыбаясь мужу, налила стаканъ чаю, бросила туда нѣсколько кусковъ сахару и, мѣшая ложечкой чай, приговаривала:

— Сейчасъ, мой сыночекъ! Вотъ я тебѣ сію же минуту дамъ и чаю, и «ба».

А «сыночку» не было ни до чаю, ни до «ба». Дѣло въ томъ, что, какъ только онъ очутился на рукахъ у отца, послѣдній началъ съ нимъ шалить, или, какъ онъ выражался, началъ развивать въ немъ человѣка и будущаго гражданина. Онъ подвинулъ къ столу стулъ маленькаго Мойшеде и посадилъ его, проговоривъ: сидѣть смирно. Затѣмъ онъ

взялъ въ свои руки нѣсколько кусковъ сахару. Одинъ изъ нихъ онъ поднималъ выше головы и сейчасъ же опускалъ, приговаривая маленькому Мойшеле, слѣдившему за всѣми движеніями отца:

— Это, Мойшеле, надо поднять и бросить, поднять и бро-о-сить!

Мойшеле торжественно взялъ въ свои руки кусокъ сахару, поднялъ его и съ размаху бросилъ, къ великому своему удовольствію и неописанной радости всѣхъ.

Отецъ на минуту вышелъ и возвратился, держа въ рукѣхъ нѣсколько образчиковъ разноцвѣтной матеріи.

— Смотри, Мойшеле, — сказалъ онъ, положивъ передъ сыномъ образчики. — Вотъ это красное, — прибавилъ онъ, указавъ на красный лоскутокъ: — помни, Мойшеле, это красное, красное; помни. А это — синее; не забудь же, Мойшеле, — синее; видишь — какое оно? А это вотъ — зеленое. Замѣть же, — вѣдь ты у меня хорошій мальчикъ, — красное, синее и зеленое.

Ребенокъ смотрѣлъ во всѣ глаза, стараясь, какъ взрослый, усвоить себѣ эти цвѣта.

— А гдѣ красное? — спросилъ его вдругъ отецъ.

Мойшеле указалъ на красную матерію.

Это произвело сенсацію. Умный Мойшеле послужилъ на нѣсколько минутъ предметомъ шумныхъ овацій, выражавшихся въ безчисленномъ множествѣ поцѣлуевъ.

— Тихе, тихе. Не шумите — бабушка молится. А гдѣ синее?

Мойшеле остановился. Синее и зеленое показались ему сначала одинаковыми, и нѣсколько минутъ онъ былъ въ нерѣшительности: смотрѣлъ то на синій лоскутокъ, то на зеленые. Наконецъ онъ указалъ на зеленый образчикъ.

— Нѣтъ, это красное, — сказалъ ему Михель. Ребенокъ бросилъ на него сердитый взглядъ, пробормоталъ что-то и указалъ на красное, точно говоря: «чего голову морочишь? Безъ тебя знаю, гдѣ красное. Вотъ оно».

— Отстань отъ него, — строго замѣтилъ отецъ. — Развѣ не видишь, что онъ умнѣе тебя?

Часы пробили восемь. Дѣти встрепенулись: имъ пора было уйти, а въ эту минуту имъ такъ хотѣлось еще побыть дома, поиграть съ Мойшеле! Рахиль неохотно собрала свои книги, съ раздраженіемъ всунула учебникъ географіи въ сумку и, взявъ свой завтракъ, вышла. Меиръ и Михель также ушли, обѣщаясь, что, какъ только придутъ изъ хедера, непременно Мойшеле покатаютъ.

III.

Окончивъ благополучно свою молитву, длившуюся часа два, бабушка Песя вышла въ столовую.

Зять съ дочерью поднялись съ своихъ мѣстъ и пошли ей на встрѣчу, а маленькій Мойшеле захлопалъ рученками и радостно пролепеталъ: «баба, баба».

— Добраго утра вамъ, дѣти мои, — сердечно сказала старуха.

— Добраго года, мама! — Добраго года, Schwieger! — одновременно отвѣтили зять и дочь.

Песя подошла къ Мойшеле и, взявъ его руками за подбородокъ, заботливо посмотрѣла ему въ глаза.

— Хорошо онъ спалъ? — обратилась она къ дочери.

— Слава Всевышнему, — отвѣтила Эстеръ. — Но оставь его, мама. Лучше поѣшь что-нибудь. Встаешь ты въ четыре часа и до сихъ поръ на тощакъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ — закусите что-нибудь, Schwieger.

— Сейчасъ, сейчасъ, дѣти мои, — сказала Песя, вертя своего внука въ равныя стороны и заботливо осматривая его.

Эстеръ успѣшила налить ей чаю, а Залмень подошелъ къ буфету и вынулъ оттуда молоко, масло, крендели и коржики.

— Кушайте, кушайте, Schwieger, — говорилъ онъ, любезно подавая ей все это. — Что-нибудь перекусите, а то вамъ послѣ некогда будетъ: вотъ вы ушли вчера безъ завтрака. Я думаю, что въ ваши годы это не особенно пріятно.

— Не безпокойся, сынъ мой, не безпокойся. Ужъ очень

ты заботишься обо мнѣ, ты славный у меня зять; за то, когда я умру...

— Ты еще будешь жить до ста двадцати лѣтъ, — перебила ее дочь.

— Вы еще Мойшеде должны благословить подъ балдахиномъ, — вѣдь вы его очень любите, — сказалъ съ своей стороны зять.

— То буду на томъ свѣтѣ вашей защитницей передъ Всевышнимъ, — закончила свою мысль Песа, не обращая вниманія на слова дочери и зятя.

Видя однако, что ея слова навѣваютъ грусть, она улыбнулась и принялась за завтракъ.

— Пока грѣшный человекъ живъ, онъ долженъ ѣсть и пить, вообще пользоваться тѣмъ драгоценнымъ даромъ, что добрый Богъ намъ даетъ, — жизнью.

— Вѣрно, Schwieger, — замѣтилъ зять.

— Ужъ ты всегда соглашаешься со мной, — сказала теща, любовно смотря на него. — Все, что ни скажетъ твоя Schwieger, для тебя *хотме* (умно). Ну и зятемъ наградила меня Господь, слава Ему.

— Ахъ, мама, не балуй его, — вмѣшалась дочь: — онъ вовсе не такая драгоценность, какъ ты думаешь. Представь себѣ, онъ до сихъ поръ не молился! Ну, что ты скажешь на это? Ужъ пожури ты его, по крайней мѣрѣ. Меня онъ совсѣмъ не слушаетъ.

— Что я слышу! — воскликнула стеруха: — еще не молился. Какъ же это можно? Ай-ай-ай, безстыдникъ ты, неблагодарный! Даже животныя — и тѣ славятъ Господа-Бога, Творца вселенной; вотъ я даже могу показать тебѣ мой молитвословъ, гдѣ имѣется цѣлый отдѣлъ *regak schigah*. Тамъ подробно описывается, какими словами каждое животное славить Бога. Не хорошо это, не хорошо, сынъ мой! Ступай сейчасъ молиться, — повелительно заключила Песа свои слова.

Залмень, не возражая ни слова, направился въ другую комнату. Жена бросила на него побѣдоносный взглядъ, кото-

рый выражалъ слѣдующее: «а что, мой дорогой муженекъ, чья взяла? Знаю я, что тебѣ молиться не хочется, но пока я тебѣ жена, пока мое имя Эстеръ, я не допущу, чтобы ты сдѣлался *гоемз!* Я насильно тебя вытащу изъ ада кромѣшного, не хочу, чтобы мой мужъ жарился на томъ свѣтѣ со всѣми грѣшниками».

— Вотъ это, мама, хорошо, — одобрила она свою мать. — Ты его всегда хорошенько пробирай. Онъ ужасный вольнодумецъ. Какъ начнетъ онъ своимъ язычкомъ доказывать, что молитва вовсе не такъ важна, что Господу-Богу болѣе важно сердце человѣческое, те волосы встанутъ дыбомъ. Иногда даже думаешь, что онъ немножко правъ... То-то говорятъ, что *сейчерг-торо* (злой духъ) иногда кажется правымъ.

— Вотъ что я тебѣ скажу, Эстеръ. Мужъ у тебя такой, какого дай Богъ всѣмъ еврейскимъ дѣвушкамъ. Ты только напрасно страдаешь отъ той мысли, что онъ не достаточно набоженъ. Онъ, повѣрь мнѣ, черезъ сто двадцать лѣтъ непременно попадетъ въ рай, даже скорѣй, чѣмъ какой-нибудь живодеръ, — возьмемъ на примѣръ Шахну ростовщика, который только то и дѣлаетъ, что молится, псалтырь читаетъ, да кліентовъ своихъ обижаетъ,

— Такъ по твоему значить ничего, если онъ не молится, — съ ужасомъ спросила дочь, не вѣря своимъ ушамъ. Какъ! Ея мать, та женщина, которая помышляетъ только о томъ свѣтѣ, у которой молитва отнимаетъ столько времени, та женщина, которая, кажется, для того только и создана, чтобы молиться да *миццы*¹ совершать, — эта то женщина говорить ей, что ея мужъ набоженъ, что онъ скорѣе попадетъ въ рай, чѣмъ Шахна, который, хотя и обижаетъ людей, деретъ съ нихъ шкуру, но за то онъ такой набожный, ничего въ ротъ не возьметъ *безъ броче*².

«Ужъ не правъ-ли въ самомъ дѣлѣ Задменъ?» — промельк-

¹ Заповѣди, Богу угодныя дѣла.

² Благословеніе.

нуло въ ея умѣ. Но она съ ужасомъ отогнала зашевелившуюся въ ней грѣховную мысль.

— Я вовсе этого не говорю, — сказала Песя. — Ты кажется сама видѣла, что я настаивала на томъ, чтобы онъ молился пошелъ. Но я хочу тебѣ сказать, что еслибы даже онъ и не молился, то также былъ бы хорошимъ евреемъ. Твой отецъ — свѣтлый рай ему, а всѣмъ вамъ на долгіе годы — говариваль, что еврей, который ходитъ въ синагогу только въ *страшные дни* и бороду брѣветъ — больше еврей, чѣмъ тотъ, который во время молитвы просто головой о стѣну бьется, а за моленной совершаетъ разныя злодѣйства. Онъ мнѣ однажды разсказаль, что одинъ святой *тане*¹ молился только разъ въ мѣсяцъ! Понимаешь-ли ты? Даже самъ *тане*, такой святой, праведный человекъ — и разъ въ мѣсяцъ молился!

— Такъ я не понимаю, — воскликнула пораженная Эстеръ: — зачѣмъ же молится раввинъ, рѣзникъ и всѣ набожные еврей? Зачѣмъ ты молишься, если говоришь, что это не такъ важно.

Песя не на шутку разсердилась на дочь.

— Да развѣ я говорю, что молиться не слѣдуетъ, дура ты этакая! Еще что выдумашь на меня? Что я креститься совѣтую? Я только говорю, что набожность не въ одной только молитвѣ заключается. До чего ужъ былъ набоженъ святой *тане*, а онъ, праведникъ, молился только разъ въ мѣсяцъ. Ты спрашиваешь, зачѣмъ я молюсь? Что же мнѣ, старухѣ дѣлать, если не молиться? Все у меня, слава Всевышнему и благодаря моимъ дѣтямъ, есть, ну, я только то и дѣлаю, что благодарю Того, Чье Имя я моими грѣшными устами недостойна произнести, за то, что у меня такія хорошія дѣти, что они не выгоняютъ своей старой матери, какъ это дѣлаютъ, прости ихъ, Господи, другіе.

А въ это время Эстеръ была охвачена новой заботой — объ обѣдѣ. Она поэтому уже плохо слушала свою мать; изъ словъ

¹ Ученый изъ составителей Талмуда.

последней она хорошо расслышала только слѣдующія слова: «до чего ужъ былъ набоженъ святой *тане*, а онъ, праведникъ, только разъ въ мѣсяцъ молился». Эти слова запечатлѣлись въ ея памяти и она, несмотря на то, что была поглощена кухней, ихъ обдумывала. Кто его знаетъ? Можетъ быть мать права, — не только «можетъ быть», но навѣрное права. Святой *тане* молился разъ въ мѣсяцъ. А *тане* точно также великъ и святъ, какъ *Хизкунн* и *Белгаей*, о которыхъ такъ часто говорится въ ея тайч-хумешѣ¹.

— Я развѣ знаю?—сказала она вслухъ:—должно быть ты права. Пойду теперь лучше на кухню и примусь застряпню.

— И хорошо сдѣлаешь, Эстеръ! Лучше позаботься, чтобъ обѣдъ былъ готовъ, когда дѣти придуть.

— А что сегодня варить?—озабоченно спросила Эстеръ и сморщила свой лобъ, что всегда служило признакомъ ея сосредоточенности. Она вся отдалась новой охватившей ее заботѣ.— Что варить, — чтобы я такъ горя не знала, какъ я не знаю, что варить сегодня. Посоветуй ты, мама: ты такая находчивая.

— Велика важность—что варить сегодня. Что ни сварить, то хорошо будетъ: все съѣдятъ.

— Но слѣдуетъ-же знать, что варить. Ты думаешь, что все будетъ хорошо, что ни сварю и что ни подамъ? А попробуй я подать Залмену не хорошо изготовленный обѣдъ, увидишь, что онъ разсердится и къ раввину потянетъ, чтобы дать разводъ, — насмѣшливо проговорила она. Потомъ, подумавъ нѣсколько минутъ, прибавила: развѣ рыбу варить?

— Вотъ и хорошо, — обрадовалась старуха: — я очень люблю рыбу.

— Ну и прекрасно. Второе блюдо будетъ супъ, а послѣ супа подамъ жаркое. Хорошо, кажется? Какъ ты думаешь, мама?

¹ Жаргонный переводъ Пятикнижія съ разными комментаріями.

— И не надо лучше. Помилуй: рыба, супъ и жаркое! Да вѣдь это праздничный обѣдъ.

— Ну, такъ я пойду на кухню. Дай-ка мнѣ сюда Мойшехе, а ты поѣшь, ибо ты мало ѣла; больше говорила, чѣмъ ѣла.

И она, взявъ Мойшехе, вышла.

Л. Рубиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВНУКИ ГЕТТО.

РОМАНЪ И. ЗАНГВИЛЛЯ.

Переводъ съ англійскаго.

ГЛАВА XII¹.

Между старыми друзьями.

Черезъ полчаса Есфирь уже безмятежно улыбалась и, къ величайшей радости Дебби, пила чай изъ ея единственной чайной чашки. У Дебби не было запасной чашки, но за то у нея нѣлся стулъ безъ спинки, на которомъ она и расположилась сама, усадивъ предварительно свою дорогую гостью на другой стулъ, со спинкой, и бережно положивъ ея пальто и шляпу на кровать.

— А гдѣ же Бобби? — освѣдомилась Есфирь тотчасъ же послѣ обихва самыхъ задушевныхъ изліаній со своей старой пріятельницей.

Оживленное и повеселѣвшее лицо Дебби вдругъ омрачилось.

— Онъ издохъ, бѣдняжка, — печально отвѣтила она, — издохъ четыре года тому назадъ, какъ разъ передъ праздникомъ Шведуотъ.

— Неужели? — тономъ самаго искренняго сожалѣнія проговорила Есфирь и въ порывѣ горести позабыла даже о своей чашкѣ съ чаемъ. — А какъ я боялась его въ дѣтствѣ, когда еще не знала его, какъ слѣдуетъ.

— Да, ужъ такой уной и смирной собаки теперь не найдемъ, — съ умилениемъ прибавила швед. — Мой Бобби не обидѣлъ даже и мухи.

Есфирь частенько видала, какъ лакомился, бывало, покой-

¹ См. „Восходъ“, кн. IX.

никъ мухамъ, но у нея не достало духа улыбнуться на замѣчаніе его освротѣвшей хозяйки.

— Я похоронила его потихоньку тутъ же, на дворѣ,—съ таинственнымъ видомъ заявила Дебби.—Онъ покоится вонъ тамъ, подъ тѣмъ большимъ камнемъ...

Есфирь выглянула въ крохотное оконце, изъ котораго видѣлся старый покривившійся заборъ съ развѣшаннымъ бѣльемъ, а по могильному монументу бѣднаго Бобби безопасно прогуливалась какая-то кошка, вѣроятно и не подозрѣвавшая, что она попираетъ прахъ своего наслѣдственнаго врага.

— Такъ что мнѣ кажется, что онъ какъ будто по прежнему остался со мной,—задумчиво замѣтила бѣдная дѣвушка,—и мнѣ даже чудится иногда, что онъ сидитъ совсѣмъ живой на камнѣ.

— Отчего же вы не заведете какую нибудь другую собачку въ утѣшеніе себѣ?

— Неужели вы считаете меня способной на такую безсердечную измѣну старому другу?

— Нѣтъ, нѣтъ, голубушка! Это какъ-то нечаянно сорвалось у меня съ языка. Я знаю, что Бобби незамѣнимъ для васъ. Но неужели вы до сихъ поръ не подружились ни съ кѣмъ изъ сосѣдей?

— Кому же охота дружитья со мной, миссъ Ансель,—уныло отозвалась Дебби.

— И я тоже разлюблю васъ, если вы будете величать меня этимъ титуломъ,—и смѣясь, и чуть не плача заявила Есфирь.—Я ужъ не помню теперь, какъ мы бранились въ школѣ, когда ссорились съ своими подругами; знаю только, что мы слюнили палецъ во рту и принимались усердно дразнить другъ друга. Вотъ и вы тоже заслужили теперь, чтобъ я продѣлала этотъ обрядъ полного отреченія отъ васъ.

— Ну, ну, не сердитесь, Есфирь, и не браните меня, пожалуйста. Но вы, право, такъ похожи на настоящую леди. Я,

впрочемъ, всегда говорила, что вы далеко пойдете. Вы вѣдь понимаете это?

— Пожню, голубушка, и никогда не прощу себѣ того, что за все это время ни разу не навѣстила васъ.

— Да вѣдь у васъ, я думаю, тоже не мало было дѣла,—добродушно замѣтила Дебби, которая хотя и сгараля отъ нетерпѣнія услыхать рассказъ объ интересныхъ приключеніяхъ своей пріятельницы въ большомъ свѣтѣ, но изъ деликатности не рѣшилась прямо заговорить съ ней объ этомъ, и спросила только, какъ поживаютъ ея родные въ Америкѣ.

— Нѣтъ, Дебби, не оправдывайте меня, пожалуйста,—продолжала Есфирь, не слушая ее. — И какъ это я не подумала даже о томъ, что вы могли быть въ большой нуждѣ, а вѣдь мнѣ такъ легко было помочь вамъ.

— Но развѣ вы не знаете, что я никогда и ни отъ кого не принимала помощи,—съ внезапной суровостью заявила Дебби.

— Нѣтъ, не знала,—отвѣтила Есфирь, съ почтительнымъ удивленіемъ взглянувъ на терпѣливую труженицу. — Неужели вы не пользовались даже обѣдами изъ столовой для бѣдныхъ?

— Никогда. Мнѣ и въ голову не приходила такая унижительная мысль. Да я согласилась бы скорѣе умереть отъ голода, чѣмъ протянула бы руку за помощью въ почетительный комитетъ. Оттуда получаютъ подачки только праздношатающіеся, да попрошайки, которые совѣшъ не нуждаются въ помощи; а я, слава Богу, даже въ самыя тяжелыя для меня времена всегда могла заработать себѣ кусокъ хлѣба и даже чашку чая. Я вѣдь не обременила семью, и мнѣ немного нужно,—съ грустной улыбкой говорила швея. — А чѣмъ рѣже человѣкъ обращается къ своимъ ближнимъ, тѣмъ лучше для него.

Есфирь слегка вздрогнула, чувствуя возрастающую духовную связь между нею и этой несчастной и во всемъ покинутой дѣвушкой:

— Но неужели вы отказались бы принять помощь даже отъ меня?

Дебби упрямно покачала головой.

— Ну, а я не такъ горда, какъ вы, — со страдальческой улыбкой сказала Есфирь, — и съ благодарностью принимаю помощь отъ васъ.

Тутъ изъ глазъ ея хлынули неудержимныя слезы, и растерявшася Дебби, обнявъ свою плачущую подругу, съ материнскою нѣжностью прижала ее къ своему измятому корсажу, вѣчно утыканному булавками. Успокоившись немного, Есфирь опять принялась за чай.

— Ну, какъ же поживаютъ наши общіе знакомые — все по старому?

— Не совсѣмъ. Бельковичи сдѣлались теперь настоящими аристократами и переселились въ первый этажъ.

— Только то, — съ улыбкой отозвалась Есфирь. — Ну, я вижу, что наши доморощенные аристократы не очень далеко нахнули, перебравшись изъ третьяго этажа въ первый.

— Они могли бы, пожалуй, переѣхать и на болѣе людную улицу, — пояснила Дебби, — только и-ръ Бельковичъ не любитъ бросать деньги на вѣтеръ.

— Значитъ, и у Цукерманновъ тоже произошло перемѣщеніе. Куда-жъ они то выселились изъ перваго этажа?

— А Цукерманны заняли прежнюю квартиру Бельковичей, въ третьемъ этажѣ. Людямъ, видно, надобѣдетъ жить все на одномъ и томъ же мѣстѣ. Къ тому же, ихъ сынъ, Эбенезеръ, не живетъ больше съ ними съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался литературной знаменитостью, благодаря какой-то замѣчательной книгѣ, написанной имъ, о которой я слышала отъ него самого; некому старикамъ нѣтъ теперь никакой надобности стремиться въ высшій кругъ. Верхняя же квартира, въ которой жили прежде вы, теперь пустуетъ, — рассказывала Дебби, стараясь выразиться съ самою изысканной вѣжливостью. — А раньше тамъ жилъ какой-то наклеръ съ семьей.

— Такъ Бельковичи, значить, вѣшли въ гору. А ихъ за-
нужная дочь, Фанни, все въ Манчестерѣ?

— Да, все тамъ же. Вообще, у нихъ все идетъ какъ нельзя
лучше, и они всѣ живы и здоровы.

— Какъ—неужели даже и разслабленная и-ссь Бельковичъ
перестала хворать?

— Она по прежнему охаетъ и дѣчится отъ своихъ болѣзней,
но я думаю, что она на столько же больна, на сколько и мы съ вами.

— Ну, а Бекки не вышла еще замужъ?

— Нѣтъ, не вышла, но за то она выиграла три процесса за
нарушеніе обѣщанія жениться на ней.

— А вѣдь она уже не молоденькая теперь и навѣрно поря-
дочно измѣнилась и подурнѣла за эти годы.

— Нѣтъ, она до сихъ поръ еще очень и очень не дурна со-
бой; но только молодежь ужъ не увивается за ней больше, потому
что побивается ея.

— Значить, поклонники ужъ не караулятъ ее теперь на
лѣстницѣ?

— Нѣтъ, нынѣшняя молодежь далеко не такъ романична,
какъ прежняя,—со вздохомъ отозвалась Дебби.—Да къ тому же,
такъ какъ Бельковичи живутъ теперь не въ третьемъ, а въ пер-
вомъ этажѣ, то поклонникамъ Бекки и пріѣзжаться—то негдѣ,
чтобъ подкарауливать ее, потому что площадка передъ ихъ квар-
тирой выходитъ прямо на крыльцо. Ну, а это не совсѣмъ удобно
для романтическихъ встрѣчъ и сердечныхъ изліаній.

— Я непременно побиваю у нихъ, когда буду дѣлать ви-
зиты своимъ старымъ знакомымъ,—сказала Есфирь засмѣявшись.—
Но больше всего мнѣ хотѣлось бы повидаться съ добрѣйшей
и-ссь Симонсъ. Она такъ много дѣлала для моей сестренки Сары
и такъ часто надѣлала насъ жареной рыбой. Вѣдь она живетъ
все тутъ же?

— М-ссь Симонсъ? Да она давно уже умерла послѣ продол-
жительныхъ страданій отъ рака.

Есфирь даже наѣвилась въ лицѣ, услышавъ эту грустную новость. — Вы такъ поразили меня, — проговорила она наконецъ, — что я боюсь и разспрашивать васъ о своихъ старыхъ знакомыхъ. Ну, а у Сынновъ Завѣта все идетъ по старому? Никто изъ нихъ не умеръ?

— Нѣтъ, но за то между ними произошла распря, и они раздѣлились на двѣ общины, — съ солидностью самой обстоятельной и безпристрастной рассказчицы начала Дебби. — Года два тому назадъ, м-ръ Бальковичъ и Шалоттенъ-Шамось сильно повздорили между собой при продажѣ одной синагогальной почести въ праздникъ Шевуотъ. Ссора эта вспыхнула, кажется, изъ-за того, что Бальковичъ началъ оспаривать у Шалоттена-Шамоса право ношенія малаго свитка закона, купленное имъ за восемнадцать пенсовъ, увѣряя, что право это было приобрѣтено имъ еще раньше для предоставленія его Даніэлю Гіамсу, у котораго какъ разъ въ это время умеръ отецъ въ Іерусалимѣ. Тутъ въ синагогѣ произошелъ такой гвалтъ, который чуть не кончился дракой. Послѣ этого Шалоттенъ-Шамось со всѣми своими приверженцами, въ числѣ девятнадцати человекъ, за вычетомъ ихъ женъ и дочкадцевъ, отдѣлился отъ конгрегациі и основалъ тутъ же, за угломъ, новую общину, постоянно враждующую со старой, которая состоитъ теперь только изъ двадцати пяти членовъ. Дезертиры хотѣли переманить къ себѣ и кантора Гринберга, но тотъ объявилъ имъ наотрѣзъ, что онъ только въ такомъ случаѣ перейдетъ къ нимъ, если они дадутъ ему обѣщаніе не замѣнять его другимъ чтецомъ во время большихъ праздниковъ. И замѣтите, бѣднякъ Гринбергъ выказалъ такое безкорыстіе въ этомъ случаѣ, что готовъ былъ выполнять всѣ свои обязанности даже за меньшее жалованье, чѣмъ онъ получалъ раньше. Но представители новой общины также рѣшительно объявили ему, что такъ какъ голосъ его не отличается особенной пріятностью, то они считаютъ необходимымъ замѣнять его другимъ чтецомъ по крайней мѣрѣ въ День Очищенія. Тутъ ужъ Гринбергъ совсѣмъ заупрамялся и прекратилъ съ ними вся-

кіе переговоры. А теперь, какъ я слышала, Сынн Завѣта заняты вопросомъ о слияніи ихъ общины съ федераціей Малыхъ Синагогъ; но м-ръ Вельковичъ говоритъ, что онъ согласится на это слияніе только въ такомъ случаѣ, если изъ названія федераціи—Малыя Синагоги—будетъ вычеркнуто слово *Малыя*. Да, онъ у насъ сдѣлался теперь настоящимъ политикомъ.

— Должно быть, онъ тоже почитываетъ „Иудейскій Стягъ“,—со смѣхомъ сказала Есфирь, выслушавъ интересныя новости, сообщенныя ей Дебби съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ.—А вамъ не понадалась въ руки эта газета?

— Нѣтъ, я даже и не слыхала о ней,—простодушно отозвалась швея.—Зачѣмъ я буду тратить деньги понапрасну, когда у меня ибѣются старыя нумера „Лондонскаго журнала“, которые я могу читать всю жизнь съ одинаковымъ удовольствіемъ. А м-ръ Вельковичъ, можетъ быть, и получаетъ эту газету. Я даже сама видѣла у него въ рукахъ какое-то новое изданіе. Да и подмастерья его говорятъ, что онъ ужъ не дѣлаетъ самъ себѣ выговоръ, когда черезчуръ заранертуется за работой и совсѣмъ позабудетъ о своемъ утѣгѣ, въ особенности когда начнетъ осыпаться бранью Гедеона, нашего представителя въ парламентъ, или превозносить м-ра Генри Гольдсмита, который, по его ибѣнію, только одинъ и можетъ служить надежной опорой для еврейства въ палатѣ общинъ.

— Ну, теперь я увѣрена, что онъ принадлежитъ къ числу читателей „Иудейскаго Стяга“, и навѣрно дѣлаетъ успѣхи въ англійскомъ языкѣ.

— Я, знаете ли, была очень рада тому, что онъ хвалитъ м-ра Генри Гольдсмита, потому что я хорошо помнила фамилію леди, которая была такъ добра къ вамъ, и подумала, что это, должно быть, ее мужъ,—прибавила Дебби, успокоившись немного послѣ припадка удушливаго кашля, который сдѣлался у нея отъ слишкомъ длинныхъ монологовъ, произнесенныхъ ею черезъ силу.

Есфирь взяла въ руки „Лондонскій журналъ“ и начала пе-

ради стнвать его, чтобы скрыть яркую краску, выступившую у нея на щекахъ.

— Прочтите мнѣ что-нибудь въ слухъ, — съ умоляющимъ видомъ проговорила Дебби. — Это такъ напомнитъ мнѣ былыя времена.

Есфирь подумала немного, какъ бы стыдась подчиниться этой ребяческой затѣѣ, но потому рѣшилась уступить невинному желанію своей романической пріятельницы и, раскрывъ журналъ наудачу, прочла слѣдующій чувствительный пассажъ:

„Нѣжный аромать, который была пропитана великолѣпная оранжерея, погружалъ юную чету въ сладостныя мечты. Прелестная Розалина, сидѣвшая на голубой атласной кушеткѣ, казалась дивно прекрасной въ своемъ воздушномъ нарядѣ и съ обворожительной улыбкой смотрѣла на молодого пера, который не въ состояніи былъ высказать пламенныхъ чувствъ, переполнявшихъ его пылкое сердце. Луна освѣщала серебристымъ свѣтомъ пальмовныя деревья, а изъ роскошно убранной бальной залы слышались волшебныя звуки вальса — *Синій Дунай*“.

Дебби съ безмолвнымъ восторгомъ выслушала описаніе этой поэтической картины.

— Вѣдь и вы тоже бывали на балахъ и насмотрѣлись, я думаю, на всякія чудеса! — съ увлеченіемъ вскричала она.

— Да, мнѣ приходилось бывать и въ роскошныхъ бальныхъ залахъ, я въ оранжереяхъ, освѣщенныхъ луннымъ свѣтомъ, — сдержанно отвѣтила Есфирь, которой не хотѣлось разрушать наивныя иллюзіи бѣдной швеи и объяснять ей, что свѣтская жизнь состоитъ не изъ одной только поэзіи и нѣжныхъ чувствъ, о которыхъ воркуютъ между собой влюбленные парочки, пріютившись подъ пальмовыми деревьями.

— Какъ я рада за васъ, милочка моя, — продолжала Дебби. — У меня и у самой не разъ являлось желаніе посмотреть на всѣ эти великосвѣтскія диковинки; но, конечно, это было не серьезное желаніе, а такъ что-то въ родѣ мимолетной фантазіи, потому что

мечтать серьезно объ этомъ было бы даже смѣшно съ моей стороны. Не знаете ли, по вечерамъ, когда я чересчуръ занятаюсь, сидя у своего окна, то принимаю иногда колья нашего забора за тропическія пальмы, освѣщенныя луннымъ свѣтомъ. Больше же всего я рада бываю, когда луна освѣтитъ могильный камень моего бѣднаго Бобби. Ну, вотъ, вы и засмѣялись и навѣрно назвали меня про себя полоумной старой чудачкой.

— Вотъ и ошиблись, голубушка моя!—вскричала Есфирь, бросаясь на шею къ шведъ и съ нѣжностью жѣлуя ее.—Я, напротивъ, подумала, что вы принадлежите въ числу самыхъ симпатичныхъ старухъ идеалистовъ. Но я своей болтовней отвлекаю васъ отъ дѣла и нѣшаю вамъ нить. Моя исторія вѣдь такъ длинна, что нить, по примѣру знаменитыхъ романистовъ вашего „Лондонскаго журнала“, самое лучшее будетъ отложить подробный разсказъ о ней „до слѣдующаго номера“. А въ видѣ предисловія я скажу вамъ только, что я собираюсь поселиться гдѣ-нибудь тутъ же, по сосѣдству съ вами. Не смотрите на меня пожалуйста съ такимъ удивленіемъ, я желаю жить не иначе, какъ въ Истѣ-Эндѣ, между своими.

— Понимаю; вы хотите жить здѣсь иностранно, какъ переряженная принцесса.

— Вовсе нѣтъ. Пожалуйста не забирайте себѣ въ голову никакихъ романтическихъ идей, моя наивная мечтательница. Я навѣрена жить здѣсь, какъ и прочій трудовой людъ, потому что хочу непремѣнно сама зарабатывать себѣ хлѣбъ.

— Да развѣ у васъ достанетъ силы на это?

— Отчего же нѣтъ? Вы опять-таки вдаетесь въ крайность, моя романтическая старушка, и теперь относитесь ужъ слишкомъ недовѣрчиво къ другимъ. Какъ же вы-то живете своими трудомъ?

— Я—совсѣмъ другое дѣло,—краснѣя пробормотала Дебби.

— Пустяки, пустяки! Чѣмъ же я-то хуже васъ?—задорно вскричала Есфирь, и какъ бы подъ вліяніемъ внезапно озарившей

ее мысли, съ живостью прибавила:—Если же вы считаете неприличнымъ для меня жить одной, то что же мѣшаетъ намъ поселиться вмѣстѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы серьезно хотите возложить на меня роль вашей дуэньки?—съ маленькимъ увлеченіемъ вскричала Дебби, но сейчасъ же опомнилась и уныло проговорила:—Нѣтъ, дорогая моя, нечего мнѣ и мечтать объ этомъ,—это невозможно для меня.

— Пустяки, пустяки!—съ жаромъ повторила опять Есфирь. Я и слушать не хочу вашихъ отговорокъ.

Но Дебби только безнадежно поначала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что на свѣтѣ не рѣшусь разстаться съ моимъ Бобби,—съ меланхолическимъ видомъ прибавила она и какъ-то нерѣшительно спросила:—А отчего бы намъ съ вами не поселиться тутъ же?

— Полноте, пожалуйста, Дебби. Развѣ мы погѣстимся вдвоѣмъ на этой кровати?—проговорила Есфирь, окидывая взглядомъ неприкотливое ложе своей пріятельницы.

— Отчего же не погѣстится? Она, кажется, достаточно широка,—въ раздумьи отозвалась Дебби, раздѣривая рукой кровать.—Можетъ быть, она покажется вамъ нѣсколько жестковатой, но на счетъ чистоты постельнаго бѣлья вы можете быть совершенно спокойны, иначе я никакъ не рѣшилась бы приглашать васъ къ себѣ.

Есфирь не вдругъ отвѣтила. Она была такъ измучена и физически, и нравственно, что не могла даже и подумать безъ ужаса о томъ, что ей предстоитъ масса утомительныхъ и неприятныхъ хлопотъ, сопряженныхъ съ принежаніемъ какого нибудь помѣщенія. Поэтому она, конечно, очень рада была тому, что дружеское приглашеніе гостепріимной шведки давало ей возможность отложить эти хлопоты до слѣдующаго дня.

— Сегодня я, конечно, съ большимъ удовольствіемъ переночую у васъ, голубушка моя,—сказала она наконецъ.—Завтра же мы потолкуемъ, какъ слѣдуетъ, о нашихъ общихъ дѣлахъ. А теперь не могу ли я хоть немножко помочь вамъ въ вашей работѣ.

— Нѣтъ, милочка моя, сегодня у меня такъ мало работы что я и одна управлюсь съ нею; а потомъ, можетъ быть, и побольше будетъ. Только, по правдѣ вамъ сказать, я сильно соинѣваюсь въ вашемъ талантѣ къ шитью. Вы вѣдь и дѣвочкой еще владѣли гораздо лучше перомъ, чѣмъ иглой. Помните, какъ вы тоже вызвались помогать мнѣ и прострочили все складки на юбкахъ, вмѣсто того, чтобы протачать ихъ? Я до сихъ поръ не могу забыть этого. Ха-ха-ха!

— Да, вѣдь, я сдѣлала это по разсѣянности, а никакъ не по неумѣнью, поэтому нечего вамъ и насмѣхаться надо мной, — задорно отозвалась Есфирь. — Но если вы считаете меня ужъ такой плохой швеей, то я сейчасъ же отправлюсь къ Бекки и наймусь къ ней въ машинистки.

Съ этими словами она надѣла на себя шляпу и, сойдя съ лѣстницы, снѣло постучала въ ту дверь, изъ которой слышался грохотъ машины.

— Кто тамъ, — мужчина или женщина? — раздался за дверью такъ хорошо знакомый ей голосъ вѣчно болящей еврейской матроны, говорившей на жаргонѣ.

— Женщина, — отвѣтила Есфирь по нѣмецки.

Она очень рада была, что выучилась говорить на этомъ языкѣ, который въ теперешнемъ ея положеніи былъ особенно полезенъ ей для замѣны жаргона.

— *Herein* (войдите)! — произнесла м-съ Бельковичъ съ законнымъ часового стража.

Повернувъ ручку двери, Есфирь съ удивленіемъ увидала себя не въ мастерской главы семейства, а въ спальнѣ его хворой супруги. Это такъ озадачило ее, что она чуть не опрокинула попавшее ей подъ ноги ведро съ холодной водой, занась которой никогда не переводился въ этой комнатѣ. При ея появленіи, стукъ машины тотчасъ же прекратился и работавшая на ней краснощекая и дородная красавица, съ курчавыми волосами, съ любопытствомъ устремила на нее свои черные глаза. Сама же болящая,

облеченная въ какой то балахонъ и въ нѣчной цепецъ и мирно занимавшаяся расчесываніемъ своего парика, вѣсившаго на спинкѣ стула, который служилъ для своей хозяйки чѣмъ то въ родѣ парикмахерскаго болвана, — такъ и остолебѣла на мѣстѣ, увидавъ передъ собою неожиданную посѣтительницу. Она такъ же какъ и торговка яблоками приняла было Есфирь за одну изъ дамъ патронессы, и хотя она давно уже перестала обращаться за помощью въ благотворительныя учрежденія, но старій инстинктъ, какъ то безотчетно для нея самой, моментально пробудился въ ней при семъ удобномъ случаѣ.

— Оскорѣе, скорѣе, Бекки! — забормотала она на жаргонѣ: — разотри мнѣ ногу... не высохшую, а ту — распухшую...

— Да развѣ вы не узнали меня? — съ улыбкой перебила ее взявшая ея гостыя. — Вѣдь это я — Есфирь Ансаль.

— Какъ... Да неужели вы въ самомъ дѣлѣ наша маленькая Есфирь!? — вскричала почтенная матрона, выпуская изъ рукъ гребень и порывисто обнимая молодую дѣвушку. — Господи, Господи! Ну, кто бы повѣрилъ этому? А какъ часто я вспоминала о васъ, голубка моя! — повторяла добродушная старушка, которая, несмотря на свою болѣзненность, ни на волосъ не измѣнилась за всѣ эти годы. — Помнишь, Бекки, какъ я говорила тебѣ, бывало: А гдѣ то теперь наша маленькая Есфирь? И золото мы выдаемъ, и серебро выдаемъ, а нашей маленькой Есфири, должно быть, ужъ никогда не увидимъ. И какая же вы стали хорошенькая и нарядная, — и право, точно настоящая леди. А замужемъ вы? Нѣтъ... Ну, объ этомъ не стоитъ горевать, душенька моя; я заранѣе предсказываю, что вамъ отъ здѣшнихъ селадоновъ просто проходу не будетъ, какъ отъ уличныхъ собакъ. Ну, хорошо ли устроился тамъ, въ Америкѣ, вашъ тата съ дѣтками?

— Очень хорошо, благодарю васъ, — отвѣтила Есфирь. — А вы какъ поживаете, Бекки?

Пробормотавъ что то въ отвѣтъ, Бекки торопливо пожала протянутую ей руку, при чемъ Есфирь снова почувствовала что то

похожее на робость передъ пышной востъ-эндской красавицей, которая, въ свою очередь, тоже видимо была заинтересована изящной востъ-эндской леди.

— А какъ идутъ дѣла м-ра Вейнгетта?—продолжала Есфирь, обращаясь опять къ м-су Бальковичъ. — Вѣдь онъ, кажется, въ Манчестерѣ?

— Не совсѣмъ те хорошо,—онъ, бѣдный, бьется, какъ рыба объ ледъ. Но за то Господь наградилъ его дѣтьми, а меня внучатами. У моей Фанни уже семеро ребятишекъ и скоро должны родиться восьмой. Если бы моя бѣдная овечка была еще жива, то была бы теперь прабабушкой. Представьте себѣ, у моего старшаго внука, Герцеля, окавался такой замѣчательный талантъ къ игрѣ на скринкѣ, что одинъ почтенный джентльменъ вызвался даже платить за его уроки какому то скрипачу. Да, Господь не забываетъ насъ Своими милостями. Вотъ и я тоже дождалась, наконецъ, лотерейнаго выигрыша—и не те, чтобы на какую нибудь ничтожную сумму,—нѣтъ, я сразу получила кушъ въ четыре фунта. Такъ что теперь я ужъ никакъ не могу жаловаться на то, что дѣвня тридцать лѣтъ даромъ тратила свои денешки на покупку лотерейныхъ билетовъ. Право, не будь я такая хвора, мнѣ грѣхъ было бы роптать на свою судьбу. И знаете - ли, что я купила на выигранныя деньги? Шкапъ для посуды съ стеклянными дверками—точь въ точь такой, какой у насъ былъ, когда мы жили въ Польшѣ. И мы оклеили его внутри такой же розовой бумагой и даже прибили по бокамъ точно такія же металлическія петли для серебряныхъ вилочекъ. Такъ что когда я стою теперь передъ нимъ, то мнѣ такъ и кажется, что я опять вернулась къ тому времени, когда мнѣ только что обрѣзали мои шелковистыя косы передъ свадьбой. Но какъ только взгляну на мою Бекки, то сейчасъ и вспомню... Бекки, кралечка моя, поди туда и скажи ему хоть одно ласковое слово пока я разговариваю съ Есфирью.

Бекки сдѣлала гримасу и пожала плечами, но безъ всякихъ отговорокъ отправилась въ мастерскую отца.

— Да, она у меня настоящая красавица, поэтому то мнѣ не и вышла такая разборчивая невеста, — съ гордостью продолжала нѣжная маменька по уходѣ своей писанной красавицы. — Но она такъ мучаетъ своего бѣднаго жениха, что мнѣ дѣлается даже досадно на нее. Онъ приходитъ къ намъ каждое утро съ иѣшкомъ кэвовъ, или съ апельсинами, а иногда съ чудеснѣйшей голландской селедкой, а моя принцесса только и дѣлаетъ, что дразнить его: Вотъ и теперь, взяла да и переставила сюда свою ивейную машинку, зная, что я ужъ никакъ не позволю ему входить въ мою спальню.

— А теперь кому же она кружить голову? — спросила Бефиръ, засмѣявшись.

— Ну, конечно, Шошъ Шмендрику.

— Шошъ Шмендрику! Да, вѣдь, онъ, кажется, давно ужъ женатъ на вдовѣ Финкальштайнъ.

— Да, былъ женатъ. Но она, бѣдняжка, должно быть соскучилась по своему покойникѣ и отправилась къ нему на тотъ свѣтъ, проживъ съ Шоши только четыре года и оставивъ ему въ наслѣдство всѣ свои капиталы, — съ добродушнымъ смѣхомъ пояснила м-съ Бельковичъ. — Это очень и очень достойный молодой челивѣкъ и, въ добавокъ, съ самой приличной наружностью.

— Но есть ли надежда на то, что свадьба состоится на этотъ разъ?

— Это ужъ дѣло рѣшеное, и Беки дала, наконецъ, свое согласие. Вѣдь, какъ ни вѣтрена она и какъ ни гордится своей красотой, а все таки понимаетъ, что она не всегда же будетъ молода. Мы ужъ и *Tenait* (поползку) назначили въ будущее воскресенье. Если вы зайдете къ намъ посмотреть на церемонію подписанія брачнаго контракта, то увидите у насъ даже Ковенскаго маггада, который тоже обѣщавъ пріѣхать къ намъ по этому случаю. А ужъ на угощеніе мы, конечно, не поскупимся, и кэвовъ съ ромомъ у насъ будетъ вдоволь. Но вы не думайте, пожалуйста, что Беки ломается такъ потому, что не любитъ Шоши, — нѣтъ, я навѣрно знаю, что она неравнодушна къ нему. Но она до сихъ поръ еще

такая дурочка у меня, что до смерти любить дурачиться и поддразнивать мужчинъ. Въ тому же, она, бѣдняжка, только кажется такой бойкой, а на самомъ дѣлѣ скромна и застѣнчива, какъ дѣвочка. Да вы идите туда и посмотрите сами на нихъ,—встать, полюбуетесь и меня шпаномъ съ стеклянными дверками.

Есфирь не прочь была взглянуть и на влюбленную парочку, и на великолѣпный шкапъ почтенной матроны, поэтому очень охотно отправилась въ мастерскую. А м-сье Вельковичъ, оставшись одна, опять принялась за свое влюбленное занятіе—расчесываніе и приведеніе въ порядокъ своего парика.

Мастерская Вельковича тоже показалась Есфире похожей на какой то заповѣднй уголокъ, въ которомъ за цѣлыя семь лѣтъ ровно ничего не измѣнилось, несмотря ни на нѣкоторую разницу въ расположеніи комнаты, ни на знаменитый шкапъ съ стеклянными дверками. Надъ зеркаломъ по прежнему пышно цвѣли бумажныя розы и надъ ними красовался все тотъ же бордюръ изъ ниткалевыхъ фестоновъ. Даже и „новый зонтъ“ хозяина не переимѣнилъ своего мѣста и продолжалъ пылиться въ переднемъ углу. Подмастерья м-ра Вельковича, правда, были теперь другіе, но они и прежде постоянно мѣнялись. Онъ никогда не имѣлъ дѣла съ „созанными рабочими“, другіе же наймиты пристраивались только на время въ его мастерской. Самой надежной его опорой былъ теперь нашъ старый знакомый, Симонъ Вольфъ, превратившійся за эти годы въ преждевременно состарившагося человѣка, съ морщинистымъ лицомъ и сгорбленнымъ станомъ. Созданная и сгруппированная имъ партія рабочихъ давно уже отшатнулась отъ него, и онъ, опускаясь все ниже и ниже съ ступеней жилой гѣлстницы, кончилъ тѣмъ, что вернулся опять въ мастерскую Вельковича, въ которой онъ началъ когда то свое трудовое поприще. Обремененный многочисленной семьей, бѣднякъ, несмотря на свой сдержанный и вѣчно нахмуренный видъ, въ глубинѣ души чувствовалъ самую искреннюю благодарность къ своему незабвенному матрону, котораго онъ во время оно такъ безощадно грохнулъ въ своихъ ярыхъ рѣчахъ.

Но востанъ необходимость молча выслушивать политико-экономическое пустословіе м-ра Вельковича казалась ему подъ часъ настоящей пыткой. Онъ гораздо охотнѣе помирился бы теперь съ прежнимъ его сухимъ и краткимъ догматизмомъ. Шоша Шмондринъ видимо блаженствовалъ, занимая пріятнымъ разговоромъ владычицу своего сердца, которая довела свою благосклонность до того, что не дѣлала никакихъ попытокъ освободить свою полненькую ручку изъ его грубой рабочей руки. Лицо его попрежнему было испещрено прыщами, но онъ утратилъ уже свою способность всматривать какъ зарево, безъ всякой видимой причины. И манеры его сдѣлались гораздо развязнѣе и приличнѣе. Вообще любовь къ вдовѣ Финкельштейнъ принесла Шошѣ очевидную пользу съ точки зрѣнія благосчитанности и умнѣнья держать себя въ обществѣ. По острому запаху терпентина, исходявшему изъ бутылки съ ромомъ, только что раскупоренной и поставленной на столъ, Есфиръ догадалась, что Бекки предупредила ужъ своего гостепрѣимнаго родителя о ея посѣщеніи. М-ръ Вельковичъ, хотя и сильно посѣдѣвшій за это время, показавшійся такимъ же бодримъ и подвижнымъ, какимъ онъ и прежде былъ, дружелюбно протянулъ своей гостьѣ лѣвую руку, вмѣсто правой, которая, по обыкновенію, быстро орудовала утюгомъ.

— Ну, очень и очень радъ, что вижу васъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ былыя времена,—степенно проговорилъ онъ на жаргонѣ.

— И я тоже отъ души рада, что вижу васъ такимъ же здоровымъ и крѣпкимъ, какъ и прежде,—отвѣтила Есфиръ по вѣнецки.

— Васъ, вѣдь, увезла отсюда, кажется, какая то богатая леди, чтобы дать вамъ хорошее образованіе?

— Да, мнѣ хотѣли доставить возможность пополнить мое образованіе.

— Ну и чтожъ — сколько языковъ вы знаете теперь?

— Да четыре и даже, пожалуй, пять,—съ улыбкой сказала Есфиръ.

— Четыре или пять—вот как!—повторил м-ръ Бельковичъ, съ почтительнымъ удивленіемъ взглянувъ на свою ученую гостью и позабывъ о своемъ утолѣ.—Ну, такая образованная дѣвушка смѣло можетъ рассчитывать на полученіе мѣста конторщицы. Я знаю многія фирмы, въ которыхъ служатъ молодые люди.

— Полноте, пана,—вставила Бекки,—нынче за мѣстами конторщицы ужъ не такъ гоняются, какъ прежде, и я увѣрена, что Есфирь мечтаетъ о чемъ нибудь получше.

— Нѣтъ—отчего же? Я очень охотно взяла-бы мѣсто конторщицы,—скромно возразила Есфирь.

— А, что—видишь! Другіе не такъ разсуждаютъ, какъ ты,—съ торжествомъ вскричалъ м-ръ Бельковичъ, обращаясь къ дочери.—Это только ты набила себѣ голову разной дурью и фыркаешь не все и на всѣхъ. Ты навѣрно и Шошѣ наклеяла бы носъ, если бы я позволилъ тебѣ это. Да, это только ты осмѣливаешься своевольничать и забиваться передо мной, а умные люди всѣ смотрятъ на меня съ уваженіемъ и каждое мое слово принимаютъ къ свѣдѣнію. Мое имя три раза было пропечатано цѣликомъ въ „Иудейскомъ Стигѣ“. Вотъ, у маленькой Есфири былъ и не такой дѣльный отецъ, какъ у тебя, да она никогда не позволяла себѣ издѣваться надъ нимъ.

— Ну, да,—у васъ всѣ лучше меня,—проворчала Бекки, съ досадой выдергивая свои пухлые пальчики изъ руки Шоши.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты лучше всѣхъ въ мірѣ,—съ жаромъ проговорилъ Шоши, тщетно стараясь опять завладѣть рукой прогнѣванной красавицы,

— Не суйся, пожалуйста, не въ свое дѣло, — сердито бухнулъ ему Бельковичъ.

— Не съ тобой говорить,—не менѣе грозно прибавила и Бекки съ своей стороны.

Сорвавъ свою досаду на ни въ чемъ неповинномъ Шошѣ, который только весь съезжился и съ умоляющимъ видомъ посмотрѣлъ на своихъ обидчиковъ,—отецъ съ дочерью успокоились, не

только умиротворенные, но даже весьма довольные другъ другомъ. Есфирь тоже если и не умиротворилась, глядя на эту семейную сценку, то полнѣе удовлетворила свое любопытство. Ей казалось, что она могла бы, съ проникательностью ясновидящей, предсказать дальнѣйшую судьбу каждаго изъ членовъ почтенной фамилиі Вальковича: самъ онъ, какъ прежде безъ устали трудился, такъ и теперь будетъ работать съ утра и до вечера, и хворая его супруга тоже будетъ продолжать гнѣчиться до тѣхъ поръ, пока оба не сойдутъ въ могилу, оставивъ послѣ себя—одинъ—мѣшокъ съ деньгами, а другая цѣлую баттарю аптекарскихъ пузырей и пузырьковъ, въ награду ихъ смиренному и почтительному зятю, Шомъ Шмендрику, который до конца дней своихъ будетъ съ превеликимъ удовольствіемъ плясать подъ дудочку своей ненаглядной Бекки. Отказавшись отъ радушно предложенной ей рюмки вѣрчайшаго рома, Есфирь поспѣшила вернуться къ ожидавшей уже ее Дебби.

Несмотря на энергичные протесты швен, обѣдъ былъ взятъ на деньги Есфири изъ такъ любимой ею когда то съѣстной лавочки и состоялъ изъ небольшого куса жареной говядины, съ картофелемъ и рисомъ. Есфирь очень желала отвѣдать опять того самаго кушанья, которое казалось ей когда то такимъ вкуснымъ. Но, увы! ни видъ, ни запахъ принесенныхъ яствъ не пробудилъ въ ней аппетита, какъ въ блаженные времена дѣтства, и первый же кусочекъ жаркого, взятый ею въ ротъ, убѣдилъ ее, что оно приготовлено не изъ того сорта говядины, которую она привыкла кушать за обѣдомъ Гольдсмитовъ. Такъ коварная судьба тѣпится иногда надъ голодающимъ ребенкомъ, позволяя ему только издали смотрѣть на сладкіе пирожки, и даетъ ему возможность наслаждаться ими уже тогда, когда онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, начинаетъ страдать диспепсией. Но Есфирь безропотно перенесла это новое разочарованіе.

— Знаете, Есфирь, шѣ просто не вѣрится, что вы опять вернулись къ намъ и что мы болтаемъ и смѣемся съ вами, какъ

въ старину,—говорила Дебби, которая съ видимымъ наслажденіемъ докончила всю свою порцію и даже обтерла кусочкомъ хлѣба края своей тарелки.—Ущипните меня, пожалуйста, побольше, чтобы убѣдить меня въ томъ, что это не сонъ, а дѣйствительность.

— Нѣтъ, дорогая моя, васъ и такъ судьба порядочно пощивала,—съ грустной улыбкой отвѣтила Есфирь, которая, какъ горячая поклонница Шекспира, тоже умѣла говорить подчасъ далеко не веселые каламбуры.

Послѣ обѣда, она отправилась въ Скверъ Захарин. Она прошла почти все гетто, не встрѣтивъ ни одной знакомой души; но на углу какого то закоулка наткнулась на кучку уличныхъ зѣвакъ, съ любопытствомъ глазѣвшихъ на эпилептическое представленіе Мекиша. Взглянувъ на это интересное зрѣлище, молодая дѣвушка тотчасъ же отвернулась отъ него съ добродушно брезгливой улыбкой и пошла далѣе, задавъ себѣ мимоходомъ вопросъ: „Какъ то поживаетъ теперь великанша маленькаго Мекиша—попрежнему ли щеголяетъ въ атласныхъ платьяхъ и дорогихъ ожерельяхъ, или промотала ужъ всѣ денежки своего горемычнаго супруга, или же, наконецъ, сжалилась надъ нимъ и великодушно переселилась въ вѣчность?“ Почти у самыхъ развалинъ, отъ которыхъ теперь не оставалась даже и слѣдовъ, вслѣдствіе проведенной тутъ желѣзной дороги, Есфирь чуть не была сбита съ ногъ желѣзнымъ обручемъ, который катилъ какой то смуглый и черноглазый мальчикъ, имѣвшій поразительное сходство съ Малкой.

— Что, дружокъ, твоя бабушка въ городѣ?—спросила его Есфирь на удачу.

— Д-а-а,—протянулъ мальчуганъ, съ удивленіемъ взглянувъ на незнакомую ему лѣди.—Но сегодня она не у насъ, а въ собственной квартирѣ.

Есфирь, очевидно, не слишкомъ торопилась на свиданіе съ своей почтенной родственницей и совершенно спокойно продолжала свои разспросы.

— Тебя, вѣдь, зовуть, кажется, Езекииль?—не безъ любопытства освѣдомилась она.

Утвердительный отвѣтъ черноглазаго мальчугана убѣдилъ ее, что она видитъ передъ собой первороднаго сына своей кузины, Миши, о торжественномъ искупленіи котораго она слышала кое что отъ своего отца.

— А твой папа и твоя мама здоровы?—обратилась она опять къ юному члену „фамиліи“ Малки.

— Папы теперь нѣтъ въ городѣ,—отвѣтилъ Езекииль, начиная безпокойно переминаться съ ноги на ногу и поглядывать на свой обручъ, который, очевидно, гораздо больше интересовалъ его, чѣмъ бесѣда съ молодой и изящной леди.

— А твоя тетя... тетя...—запинаясь проговорила Есфирь.— Ну, вотъ, совсѣмъ позабыла имя твоей тети.

— Тетя Лія? Да она давно ужъ переѣхала въ Ливерпуль.

— Зачѣмъ же это? Что она тамъ дѣлаетъ?

— Она завѣдуетъ какими-то торговымъ отдѣленіемъ, которое открыла тамъ бабушка. А сами-то вы—кто же такая?—съ наивнымъ любопытствомъ вдругъ спросилъ Езекииль.

— Ты все равно не помнишь меня, дружокъ. Скажи мнѣ лучше, вѣдь тетя Лія замужемъ теперь и ее зовуть м-ссъ Левинъ?

— Да, замужемъ, только у нея до сихъ поръ нѣтъ дѣтей,—съ оттѣнкомъ пренебреженія заявилъ Езекииль.

— А у тебя много ли братьевъ и сестеръ?—спросила Есфирь, невольно засмѣявшись.

— У меня-то ихъ довольно,—съ комической важностью отозвался мальчуганъ.—Но вамъ не удастся увидать ихъ, если вы зайдете къ намъ теперь, потому что они въ школѣ.

— А ты самъ почему же не въ школѣ?

Смуглое личико бѣднаго мальчика покрылось яркой краской.

— У меня попорчена одна нога,—машинально проговорилъ онъ, и толкнувъ изо всей силы свой обручъ, прихрамывая, пустился въ догонку за нимъ.—Къ мамѣ нечего и заходить, по-

тому что ея нѣтъ дома,—кривнулъ онъ, ужъ издали обернувшись къ Есфире.

Войдя въ скверъ, она увидала, какъ и въ прежнее время, ряды колыбелей у дверныхъ притолокъ, въ которыхъ копошились грудныя малютки, съ непомято большими головами, и сѣдовласыхъ старцевъ, курившихъ трубки или сладко дремавшихъ на солнышкѣ, прислонившись къ какому нибудь корыту, или къ бочкѣ. Изъ отворенныхъ дверей нѣкоторыхъ квартиръ распространялся запахъ жарившейся рыбы. Домишки казались такими убогими и жалкими, что Есфирь просто недоумѣвала теперь, какъ могла она когда-то смотрѣть на обитателей этого жалкаго закоулка, какъ на счастливыхъ, утопающихъ въ роскоши, и причислять Малю съ ея домочадцами къ разряду полу-божественныхъ особъ. Впрочемъ, со времени ея дѣтства такъ много воды утекло, что полу-божественныя особы какъ-то совсѣмъ измельчали и выродились мало-по-малу.

Малю смѣла въ мрачномъ раздумьи передъ растопленнымъ камнемъ и по временамъ угрюмо посматривала на платаную шетку, красовавшуюся на угольномъ столикѣ. Обстановка въ ея квартирѣ устроена была на такихъ неизбѣжныхъ основахъ, что ихъ, казалось, не могли бы потрясти никакіе перевороты въ судьбѣ европейскихъ государствъ. Ни философскія тенденціи, ни религіозныя реформы, ни даже перемѣны министерствъ не въ состояніи были вынудить ея фарфоровыхъ собачекъ покинуть посты, которые они цѣлые десятиа лѣтъ занимали на ея этажеркѣ. Ни одинъ волосъ не посѣдѣлъ на ея роскошномъ черномъ парикѣ, и станъ ея облакалъ, повидимому, все тотъ же шелковый корсажъ, къ которому прикрѣплена была все такъ же ярко блестящая золотая цѣпочка. Время, правда, наложило кое-какіе слѣды на наружность почтенной матроны, проведя на ея смугломъ лицѣ новыя морщины, которыя, впрочемъ, были не слишкомъ глубоки. Но старѣть съ годами—общій удѣлъ смертныхъ, и Малю никоимъ образомъ не могла избѣжать его.

Она тоже чуть не остолебѣла отъ удивленія, увидавъ вошедшую къ ней гостью, но узнавъ въ ней, наконецъ, свою племянницу, осталась, повидимому, весьма довольна ея наружностью изыщанной леди.

— Это дѣлаетъ тебѣ величайшую честь, душенька моя, что ты вспомнила свою старую тетку, — заговорила она на своемъ своеобразномъ діалектѣ, представлявшемъ самую пеструю смѣсь англійскихъ словъ съ еврейскимъ жаргономъ. — Я даже отъ собственныхъ моихъ дѣтей не вижу такой почитательности къ себѣ, — такъ что мнѣ остается только подивиться тому, что они не отговорили тебя зайти ко мнѣ...

— Да я еще и не видалась ни съ кѣмъ изъ нихъ, — перебила ее Есфирь.

— А, это другое дѣло, — съ какинъ-то злорадствомъ продолжала Малка. — А если бы ты завернула сначала къ моимъ милымъ дѣткамъ, то они навѣрно сказали бы тебѣ: — Ну что тебѣ за охота идти къ этой сварливой старухѣ, — она вѣдь со всѣмъ *менузэ*, и ее давно ужъ слѣдовало бы упрятать въ сумасшедшій домъ. Да, я вывормила и вынянчила своихъ дѣтей, воспитала ихъ и купила имъ мужей, которыхъ сама же и къ мѣсту пристроила, наградила ихъ и бѣльемъ, и всякимъ приданымъ, и вотъ какую благодарность я вижу отъ нихъ за всѣ мои заботы! Эта негодяйка Милли не дальше, какъ вчера, такъ забылась передо мной, что я собственноручно отодрала бы ее за уши, если бы только она не кормила теперь грудью Нафанана. Ну ужъ въ другой разъ, если она осмѣлится заспорить со мной на счетъ того, что наожную сынь не годится призначивать черпидани, то я такъ отдую ее по щекамъ, то у нея самой выступить еще не такая красная сынь отъ моей пятерни, какъ на тѣлцѣ Габріала. Не теперь ужъ между нами все кончено, и какая бы бѣда ни страшась надъ ней — я умиваю себѣ руки. Пусть ее живетъ, какъ хочетъ, если она считаетъ себя умнѣе матери. Я дала себѣ торжественную клятву держаться какъ можно дальше отъ нея

и отъ ея дѣтей, и ужъ не нарушу эту клятву, если бы мнѣ пришлось прожить еще хоть тысячу лѣтъ. Если бы она побольше слушалась старшихъ, то не пришлось бы ей пролить столько горькихъ слезъ въ жизни.

— А развѣ дѣла и-ра Филиппса идутъ не совсѣмъ удачно?— съ участіемъ спросила Есфирь.

— Нѣтъ, между членами моей „фамиліи“, слава Богу, нѣтъ неудачниковъ. Но за то у Милли были тяжкія сердечныя огорченія, потому что ей пришлось схоронить двоихъ дѣтей. А у моей бѣдной Ліи ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Я всегда говорила, что у той противной нищенки, что шлепалась къ Милли, недобрый глазъ,—вотъ и вышло по моему. Ліа живетъ теперь въ Ливерпульѣ съ своимъ Самомъ.

— Я слышала объ этомъ.

— Но на Лію я ужъ никакъ не могу пожаловаться: она такъ внимательна и почтительна ко мнѣ, что я не прочь была бы имѣть хоть тысячу такихъ дочерей,—съ увлеченіемъ заявила чадолюбивая еврейская матрона.—Я каждую недѣлю получаю отъ нея по письму, отвѣты на которыя пишетъ мой маленькій Езекииль... Учатъ ихъ, учатъ въ этихъ языческихъ школахъ и какъ есть ничему не выучиваютъ,—съ досадой продолжала она, перебрасываясь въ другую сторону.—Представь себѣ, Езекииль даже и письма не умѣлъ написать, какъ слѣдуетъ, до тѣхъ поръ, пока я сама не принялась учить его сочинять ихъ поскладнѣе. Пишетъ, бывало, обо всемъ, что бы ни пришло ему въ голову; но за то теперь онъ такъ наострился у меня, что пишетъ мои письма, какъ по книгѣ. Такъ прямо и пачинаетъ: „Пишу вамъ нѣсколько строкъ, дорогія мои дѣтки, чтобы увѣдомить васъ о томъ, что я, по Вожьей милости, жива и здорова, и молю Господа, чтобы Онъ и васъ сохранилъ въ добромъ здравіи на радость и утѣшеніе мнѣ“.

Потерявъ главную нить разсказа, она замялась-было немного, но сейчасъ же вспомнила, что ей, въ качествѣ радушной род-

ственницы, не иѣшаетъ попотчивать племянницу шатными лепешками. Есфирь съ благодарностью отказалась отъ угощенія и тоже сочла своимъ долгомъ освѣдомиться о м-рѣ Вирбаумѣ.

— Мой Михаэль, слава Богу, здоровъ,—словоохотливо отозвалась Малка. — Но въ дѣлахъ онъ остался такимъ же ротозѣемъ, какъ и прежде. Непремѣнно промахнется, когда дѣлаетъ закупки и заплатитъ за все въ три-дорога.

— Но вы сказали, кажется, что ваши дѣла идутъ недурно.

— Закупать и продавать не одно и то же, милая моя,— солидно замѣтила Малка,—и мой Михаэль, слава Богу, продаетъ далеко не въ убытокъ себѣ. Такъ что я, не хвастаясь скажу, что могла бы теперь разѣзжать въ собственной каретѣ и жить не хуже любой изъ вашихъ истъ-эндсскихъ леди, если бы не боялась прогнѣвить святое Провидѣніе. Но что касается до закупки товара, то Михаэль просто никуда не годится. И досаднѣе всего то, что онъ считаетъ себя настоящимъ коммерсантомъ, и даже слушать не хочетъ моихъ благоразумныхъ совѣтовъ,—продолжала она, съ сокрушеніемъ покачивая головой. — По настоящему, ему бы слѣдовало быть моимъ сыномъ, а не мужемъ. Я ужъ и то постоянно твержу ему, что онъ долженъ благодарить Господа Бога за то, что Онъ благословилъ его такой дѣльной женой, потому что если бы я была такой же разиней, какъ и онъ, то намъ съ нимъ навѣрно пришлось бы осаждать благотворительные комитеты просьбами о хлѣбѣ, углѣ и бесплатныхъ билетахъ на обѣды, вмѣсто того, чтобы самимъ помогать бѣднымъ. Представь себѣ, м-ссъ Исаакъ,—вонъ та, что живетъ на противоположной сторонѣ сквера,— вмѣсто того, чтобы прямо помогать своимъ бѣднымъ родственникамъ, придумала вносить въ благотворительный комитетъ тѣ же самыя денежки цѣликомъ въ ихъ пользу. И какъ бы ты думала— для чего она продѣлываетъ такіе фокусы? для того только, чтобы получить репутацію филантропки, и чтобы о ней кричали въ газетахъ. Ну, а я то ужъ не изъ таковскихъ, и меня никто не рѣшится упрекнуть въ томъ, чтобы я хлопотала только о своей

бѣдной родиѣ. Ты и сама теперь увидишь, какія крупныя суммы мой Михоэль жертвуетъ на синагогу. Онъ вѣдь цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ пробылъ *parnass'омъ* (предсѣдателемъ конгрегаціи) и заслужилъ уваженіе всѣхъ членовъ безъ исключенія. Да и не мудро—въ наше время не часто встрѣчаются такіе богобоязненные люди, особенно между дѣльцами. Да то ли еще будетъ, когда настанетъ время *баръ-мицвы* моего маленькаго Езекиіа: я сдѣлаю такіе щедрые вклады въ синагогу, что удивлю всю нашу конгрегацію. Я собственнымъ примѣромъ покажу нашему распущенному обществу, какъ слѣдуетъ соблюдать правила и предписанія истиннаго еврейства. У насъ вѣдь завелись теперь такіе порядки, что даже со стороны смотрѣть тошно на все. Представь себѣ, м-ссь Веньяминъ, — она живетъ тутъ же, въ Развалинахъ, — вмѣсто того, чтобы очинять пасхальные ножи и вилки на огнѣ, накаливая ихъ непременно до красна, — потреть ихъ между половниками—и дѣлу конецъ. А когда я уличила ее въ этомъ, то она начала увѣрять, что она будто бы позабыла это сдѣлать. Но меня то ужъ она не проведетъ,—я вижу ее насквозь и очень хорошо знаю, что она не изъ пустоголовыхъ нѣтреницъ, а просто-напросто вольнодушная христіанка и навѣрно сдѣлается мало-помалу такой же безбожницей, какъ Давидъ Брандонъ. И сколько разъ я повторяла моей Милли, что этого молодца даже и на порогъ не слѣдуетъ пускать. А во всемъ виноватъ мой зятекъ, Самъ Левинъ,—вотъ что значить игѣть членомъ своей „фамиліи“ сына какой-то прозелитки! Меня увѣряли даже, что дочь ребъ Шмуэла чуть-чуть не вышла замужъ за этого Брандона. Впрочемъ, это ужъ давнишняя исторія, и объ ней даже и толковать перестали теперь. Ну, вотъ и ты соскучилась, наконецъ, по роднымъ мѣстамъ и захотѣла вспомнить старыя времена — *Olow Hascholom* (блаженной памяти)! Какъ же ты поживаешь, душенька моя?—прибавила нѣжная тетушка, вспомнивъ вдругъ, что ей давно уже слѣдовало бы сдѣлать племянницѣ этотъ вопросъ, если не изъ участія къ ней, то хотя бы изъ вѣжливости.

— Очень хорошо, благодарю васъ, — отозвалась Есфирь.

— Ну, слава Богу, слава Богу! Ты — *unbeschrien* (въ добрый часъ сказать) — кажешься теперь настоящей леди. Да, ты, видно, поумнѣе твоей бѣдной матери, — миръ праху ея! — Конечно, прошлаго ужъ не вернешь, но я все-таки скажу, что она сдѣлала великую глупость, вышедши замужъ за твоего отца, хотя я и предупреждала ее, что онъ *шнореръ*, и посватался къ ней только потому, что она была въ родствѣ съ богатой фамиліей. Онъ и тебя навѣрно вытурилъ бы на улицу продавать спички, если бы я не удержала его отъ этого. Да, я твердо стояла на своемъ и постоянно твердила ему, бывало: у нашей маленькой Есфири такая же дѣльная головка на плечахъ, какъ у самого Аристотеля. Пусть ее учится и учится, какъ можно больше, и я ручаюсь, что изъ нея выйдетъ настоящая леди, — такъ что мнѣ никакъ не стыдно будетъ называть ее своей родственницей. Ну, твой отецъ оказался на этотъ разъ не такимъ упрямымъ дурнемъ, какъ твоя мать, послушался меня, — и все вышло точь въ точь, какъ я предсказывала.

И дальновидная тетушка съ горделивой улыбкой взглянула на свою нязщную племянницу, которая такъ блистательно оправдала ее надежды и нѣжную заботливость о ней.

— Вотъ если бы мой маленькій Езекиль былъ немножко постарше, — въ раздумьи проговорила она, — то...

— Но вы напрасно принимаете меня за какую-то важную леди, — перебила ее Есфирь, слѣша отказать отъ всякихъ притязаній на руку и сердце юнаго наследника богатой фамиліи и обладателя жемчужнаго обруча. — Я совсѣмъ ушла отъ Гольдсмитовъ и хочу опять поселиться здѣсь, въ Ость-Эндѣ.

— А, вотъ какъ! Такъ ты навсегда ушла изъ Исть-Энда? — громовымъ голосомъ вскричала Малка.

И ея благодушно улыбавшееся лицо вдругъ сдѣлалось мрачнѣе ночи, а черныя брови грозно сдвинулись.

— Да ты *meshugg*, что-ли? — сурово продолжала она послѣ

небольшой паузы: — или ужь свопила себѣ кое-что на приданое?

Есфирь мучительно покраснѣла, но только отрицательно покачала головой.

— Такъ что-жъ тебѣ отъ меня-то понадобилось вдругъ?— съ досадою заговорила старуха.—Если ты разчитываешь, голу-бушка, на мой карманъ, то очень ошибаешься, потому что я далеко не богатая женщина. Къ тому же меня самое Господь благословилъ дѣтьми, и я должна прежде всего подумать о нихъ и позаботиться, чтобъ они не остались безъ меня въ нищетѣ. Ну, не права ли я была, когда говорила твоему отцу: Моше, ты, какъ былъ, такъ и останешься на всю жизнь *инореромъ*, и изъ твоихъ дѣтей тоже выйдутъ *инореры*.

Есфирь вздрогнула, какъ ужаленная, но сдержала свое негодование. Грозная тетка, низвергнутая ею съ пьедестала полу-божественныхъ особъ, не могла ужь теперь слишкомъ сильно задѣвать се за живое.

— Я хочу собственнымъ трудомъ зарабатывать себѣ средства къ жизни,—съ полу-презрительной улыбкой возразила она.—Неужели вы думаете, что честный труженникъ—тотъ же *инореръ*?

— Ужъ ты, пожалуйста, не умичай,—сердито закричала опять вспыльчивая и властолюбивая матрона.—Я вижу, что ты такая же спорщица, какъ и твоя покойная мать, — миръ праху ей!— Ну можно ли быть такой сумасбродкой: жила ты у богатныхъ людей, была обеспечена на всю жизнь, и вдругъ, точно съ ума сошла—бросила все и явилась сюда, чтобы обирать своихъ родственниковъ.

— А тотъ, кто проживаетъ на счетъ постороннихъ людей, по вашему не *инореръ*?—съ горькой усмѣшкой спросила Есфирь.

— Говорятъ тебѣ—не смѣй спорить со мной, дерзкая дѣвченка!—громовымъ голосомъ закричала Малка.—Ты не хуже меня знаешь, что *инореромъ* называется тотъ, кто не стыдится при-нимать отъ кого ни пошло подачки по шести пенсовъ. Если же

добрые люди берутъ въ дочери какуюнибудь бѣдную дѣвочку, потерявшую родную мать, если они заботятся о ней—поить, кормить и одѣваютъ ее, то она должна благодарить за это Господа Бога и своихъ благодѣтелей, а не убѣгать отъ нихъ, какъ какая то сумасбродка, набившая себѣ голову разной дурью. Ну, на какую работу годишься ты, модница и бѣлоручка, привыкшая щеголять въ лайковыхъ перчаткахъ? Что ты будешь дѣлать теперь? Вѣдь, ты очутилась совсѣмъ одна на свѣтѣ—одна, какъ персть. Отецъ твой ужъ старъ, и ему не подѣ силу больше тащить тебя на своихъ плечахъ. Довольно и того, что онъ не только поилъ и кормилъ тебя, когда ты была дѣвчонкой, но даже позволялъ тебѣ ходить въ школу, вмѣсто того, чтобы выгнать тебя на улицу—продавать спички. И кончится твоя глупая затѣя—жить собственнымъ трудомъ—тѣмъ, что ты или умрешь съ голода, или перейдешь на хлѣба къ старой теткѣ.

— Не безпокойтесь, пожалуйста,—я скорѣе умру отъ голода, чѣмъ обращусь къ вамъ за помощью,—холоднымъ и высококѣрненнымъ тономъ отвѣтила Есфирь, которая тѣмъ болѣе раздражена была грубыми упреками тетки, что сознавала въ глубинѣ души, что та была отчасти права. „И въ самомъ дѣлѣ, какая она работница и что умѣетъ дѣлать?“ съ горечью подумала она, выходя изъ квартиры сердитой старухи и невольно припоминая такую же бурную сцену, происшедшую между ними, дѣтъ десять тому назадъ. Очутившись на улицѣ, она увидала Милли, стоявшую съ какой то молодой дѣвушкой у крыльца ея домика, находившагося на искосокъ отъ квартиры Малки. Такъ какъ враждебные лагери не считали предосудительнымъ прибѣгать къ системѣ шпіонства, при посредствѣ сквозныхъ заслоновъ, то зоркая Милли, завидѣвъ изыщную леди, проникшую въ салонъ ея матери, рѣшилась перенести свой наблюдательный постъ на крыльцо, чтобы получше рассмотреть интересную незнакомку, когда она опять появится на улицѣ. Что же касается до Есфири, то она не имѣла ни малѣйшаго намѣренія возобновлять знакомство съ Милли, какъ

потому что считала свою апатичную кухню далеко не такой интересной личностью, какъ ея сангвиническую и нормивистую мать, такъ и потому, что, при настоящихъ условіяхъ, ея визитъ къ младшей представительницѣ „фамиліи“ могъ бы показаться чѣмъ то въ родѣ мелкой мести, направленной противъ старшей. Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, она невольно подняла глаза вверхъ и встрѣтилась взглядомъ съ собесѣдницей Милли, въ которой сразу узнала Анну Джекобсъ. Вспомнивъ неприятную сцену съ Левки, она хотѣла было пройти мимо, но сейчасъ же раздумала и, привѣтливо поклонившись молодымъ женщинамъ, поспѣшила отрекомендоваться имъ. Но какъ ни уговаривала ее Милли зайти къ ней на чашку чая, она наотрѣвъ отказалась отъ ея приглашенія и, пожавъ на прощанье руку какъ ей, такъ и Аннѣ, быстро отправилась далѣе.

— Пойдите, миссъ Ансель, — я тоже сейчасъ ухажу, — крикнула ей Анна. — Пойдите виѣсть.

И получивъ отъ Милли шиллингъ, выданный ей съ шуточной гримаской, она догнала Есфирь и пошла рядомъ съ ней.

— Видите ли, — начала Анна: — я собираю деньги въ пользу одного бѣднаго семейства *гринеровъ*, только что прибывшаго сюда. У нихъ было въ карманѣ всего на всего нѣсколько рублей, которые дѣлкомъ ушли на проѣздъ, а нѣсколько мелкихъ монетъ, какими то чудомъ оставшихся у нихъ въ экономіи, имъ пришлось отдать извозщику, доставившему ихъ въ Ланъ. Я встрѣтила ихъ на улицѣ въ такомъ страшномъ отчаяніи, что чуть сама не расплакалась, глядя на ихъ слезы, и рѣшилась собрать хоть немножко деньжонокъ, чтобы дать имъ возможность пріютиться гдѣ нибудь.

— Бѣдняжки! — съ участіемъ проговорила Есфирь.

— Сейчасъ видно, что вы долго не жили между нами, — зашѣтила Анна, улыбувшись, — потому что коренная обитательница гетто непременно сказала бы: *Ach, nebbich* (увы, бѣдняжки!).

— Въ самомъ дѣлѣ? — отозвалась Есфирь, то же дружелюбно

улыбаясь и начиная чувствовать какое то особенное влеченіе къ своей симпатичной спутницѣ, съ которой ей въ прежнее время почти никогда не приходилось вступать въ разговоры, отчасти вслѣдствіе разницы въ ихъ общественномъ положеніи, но главное, потому что одна была тогда еще дѣвочкой, а другая—уже взрослой дѣвушкой. Теперь же мысль о томъ, что она такъ спокойно идетъ съ Анной, какъ взрослая дѣвушка и почти какъ ровесница ей, даже нѣсколько забавляла ее. И дѣйствительно, Анна почти совсѣмъ не измѣнилась за эти годы, потому то, вѣроятно, Есфирь и узнала ее съ перваго взгляда. Она нисколько не огрубѣла и не превратилась ни въ сухопарую, ни въ разползшуюся зрѣлую дѣву, но осталась такой же стройной и граціозной, какой она и прежде была, сохранивъ при этомъ просто душно цѣломудренное выраженіе на свѣжемъ и удивительно молодавомъ лицѣ. Но это интеллигентное и симпатичное лицо казалось теперь еще болѣе привлекательнымъ, благодаря какому то одухотворяющему отпечатку терпѣливаго страданія, хотя и глубоко затаеннаго, но смягченнаго душевнымъ миромъ, — который наложило на него время.

Есфирь молча вынула поль-кроны изъ кошелька и подала ее своей спутницѣ.

— Полноте, пожалуйста,—вскричала Анна. — Право, я не имѣла ни малѣйшаго намѣренія развѣрять васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — дрогнувшимъ голосомъ проговорила Есфирь.—Я отъ души рада, что могу хоть немножко облегчить положеніе этихъ горемычныхъ.

Но въ слѣдъ за этимъ на губахъ ея промелькнула саркастическая усмѣшка, вызванная желчной мыслью, что она тоже благотворить ближнимъ, не смотря на суровое правоученіе, только что прочитанное ей Малвой, и она почувствовала что то похожее на сожалѣніе о томъ, что передача пожертвованной ею монеты произошла не на глазахъ у грозной старухи. Но она тотчасъ же подавила въ себѣ это мелкое чувство.

— Вы, вѣдь, не откажетесь зайти къ намъ на чашку чая, когда мы найдемъ какое нибудь пристанище для нашихъ безпріятныхъ *зримеровъ*?—продолжала Анна.—Мой отецъ будетъ такъ радъ повидаться съ дочерью своего стараго пріятеля, ребъ Моше.

Есфирь дружески кивнула головой въ знакъ согласія.

— Я слышала о васъ кое что отъ вашего брата, съ которымъ я встрѣтилась какъ то въ театрѣ,—замѣтила она, помолчавъ немного.

Лицо Анны вспыхнуло отъ волненія.

— А когда это было?—тревожно спросила она.

— Это было передъ *седеромъ*... Да, такъ,—ровно за день до *седернаго* кануна.

— Такъ, значитъ, онъ былъ здоровъ тогда?

— Совершенно здоровъ.

— Ну, слава Богу,—радостно проговорила Анна и принялась рассказывать, какъ тревожно и грустно прошелъ для нихъ послѣдній *седерный* канунъ, вслѣдствіе отсутствія Леви на семейномъ праздникѣ.—Я не въ состояніи даже и передать вамъ, что мы пережили въ эту ночь,—прибавила она въ заключеніе.—Отецъ отправился, наконецъ, отыскивать его и вернулся назадъ ужъ въ первомъ часу утра, совершенно измученный и убитый горемъ.—Ну, чтожъ, видѣли вы его?—спросили мы.—Видѣлъ, но не спрашивайте меня ни о чемъ больше,—онъ умеръ и погибъ... неглубъ навсегда!—почти бессознательно отвѣтилъ онъ.

Есфирь поблѣднѣла. „Неужели пустой эпизодъ, происшедшій въ библиотекѣ м-ра Генри Гольдсмита, могъ привести къ такой трагической развязкѣ?“ со страхомъ подумала она.

— Но слова отца, конечно, не слѣдуетъ принимать въ буквальномъ смыслѣ,—пояснила Анна.—Онъ хотѣлъ сказать этимъ только то, что Леви умеръ лично для него, потому что узналъ, должно быть, о какомъ нибудь особенно тяжкомъ проступкѣ брата. Впрочемъ, мы ровно ничего не могли добиться отъ него; но съ

тѣхъ поръ мы не смѣемъ даже произносить имени Леви въ его присутствіи; поэтому я и васъ попрошу также не упоминать о немъ при отцѣ. Я наводила тайкомъ справки о немъ въ меблированныхъ комнатахъ, въ которыхъ онъ проживалъ въ послѣднее время, но тоже ничего не узнала. Куда онъ могъ скрыться—право, не понимаю, но мнѣ почему то кажется, что онъ уѣхалъ на Мысь Доброй Надежды.

— Вѣрнѣе всего, что онъ отправился въ провинцію съ какой нибудь группой путешествующихъ актеровъ. Онъ самъ говорилъ мнѣ, что думаетъ бросить адвокатуру и поступить на сцену. А вы, вѣдь, конечно, знаете, что поступить прямо на одну изъ здѣшнихъ сценъ рѣшительно невозможно.

— Очень можетъ быть, — съ живостью отозвалась Анна, находя предположеніе своей собесѣдницы вполне правдоподобнымъ.

— Я убѣждена въ этомъ, если только его нѣтъ въ Лондонѣ, — прибавила Есфирь. — Но скажите, ради Бога, чѣмъ же могъ бы вашъ братъ такъ сильно раздражить ребъ Шмуэля?

Лицо Анны слегка омрачилось.

— Откровенно говоря, я увѣрена, что Леви не сдѣлалъ ничего особенно ужаснаго, — съ горечью сказала она. — Я, конечно, знаю, что братъ до нельзя безразсуденъ и не привыкъ обуздывать себя; но въ этомъ случаѣ, все его преступленіе навѣрно состояло только въ нарушеніи какого нибудь религіознаго обряда.

— Да, это непремѣнно должно быть такъ, — вставила Есфирь. — Онъ самъ говорилъ мнѣ, что онъ порядочный эпикуреецъ. Но и вы тоже, должно быть, не принадлежите къ разряду строгихъ евреекъ, судя по вашимъ словамъ, — прибавила она, улыбнувшись и съ удивленіемъ взглянувъ на свою спутницу.

— А? Да, по правдѣ сказать, я и сама не знаю, къ какому разряду я принадлежу, — простодушно отвѣтила Анна. — Иногда мнѣ кажется, что меня можно причислить даже къ разряду самыхъ ярыхъ фанатиковъ.

— Но какъ же это? Неужели вы и сами не знаете настоя-

щихъ вашихъ убѣжденій?—допытывалась Есфирь, продолжая улыбаться.

Анна отрицательно покачала головой.

— Но можете же вы сказать, наконецъ, что вы такое—вѣрующая еврейка, или не вѣрующая?

— Нѣтъ, я ровно ничего не могу сказать на счетъ этого. Я дѣлаю все, что должна дѣлать каждая еврейка,—вотъ и все. А что касается до настоящей вѣры, то... Нѣтъ, лучше ужъ не говорить и даже не думать объ этомъ.

Улыбка сбѣжала съ лица Есфири, и она какъ то особенно взглянула на свою спутницу, которая вдругъ замолчала и сильно задумалась.

— Хотѣлось бы мнѣ знать,—заговорила опять Анна:—можете ли ктонибудь изъ насъ сказать, что онъ вполнѣ понимаетъ самого себя? Ну, хоть бы вы, напримѣръ—можете ли вы смѣло сказать, что вы понимаете самое себя?

Есфирь невольно смутилась при этомъ неожиданномъ вопросѣ.

— Я... право, не знаю,—безсвязно пробормотала она.

— Ну, вотъ, видите,—продолжала Анна,—и каждая изъ насъ навѣрно сказала бы то же самое, и я никакъ не могу разобратъся въ самой себѣ. Да, я и вѣрю, и не вѣрю, а для того, чтобы быть доброй еврейкой, мнѣ необходима искренняя вѣра, которая могла бы служить для меня поддержкой въ жизни.

На глазахъ ея навернулись слезы, а на задумчивомъ лицѣ появилось выраженіе такой трогательной грусти, которое придавало ей сходство съ кроткимъ гениемъ скорби. Молодня дѣвушки обижались бѣглымъ взглядомъ и безъ словъ поняли, что между ними устанавливается та внутренняя связь, которая можетъ возникнуть только между родными душами. Обѣ казались взволнованными и быстро шли впередъ.

— Не горюйте о вашемъ братѣ,—вы навѣрно скоро получите отъ него вѣсточку,—дружески замѣтила Есфирь.

— Да, съ его стороны просто безчеловѣчно оставлять насъ

въ такой мучительной неизвѣстности. Ну, что ему стоило бы написать мнѣ хоть нѣсколько строкъ, извѣнивъ немного почеркъ? Поневолѣ согласишься съ Миріамъ Гіамсъ, что всѣ братья страшные эгоисты.

— Миссъ Гіамсъ? А какъ она поживаетъ? Мнѣ, какъ бывшей ея ученицѣ, очень хотѣлось бы услыхать что-нибудь о ней.

— Если бы вы и не упомянули, что вы бывшая ея ученица, то я догадалась бы объ этомъ ужъ потому, что вы до сихъ поръ величаете ее *миссъ* Гіамсъ.

— А развѣ она замужемъ теперь?

— Нѣтъ, не то,—замужъ она пока еще не вышла и по прежнему живетъ съ братомъ и съ невѣстой. Вы, вѣдь, слышали, что Даніэль женился на дочери шадхана Цукерманна?

— На Бесси?

— Да, на ней. Это удивительно дружные и прихѣрные супруги, и я подозреваю, что Миріамъ завидуетъ немножко ихъ счастью. Но и она тоже, кажется, счастлива по своему: по прежнему развѣзжаетъ по театрамъ и не пропускаетъ ни одной танцевальной вечеринки, пользуясь тѣмъ, что Даніэль безропотно сопровождаетъ ее всюду.

— Неужели она до сихъ поръ такая же хорошенькая, какъ и прежде? Я помню, что мы всѣ просто съума сходили по ней, и очень любили похвастаться ея красотой и нарядами передъ прочими дѣвочками, у которыхъ были некрасивыя учительницы. И одѣваться она тоже умѣла всегда къ лицу.

— Ну, наряды—это ея стихія, и она еще больше щеголяетъ теперь.

— Вотъ какъ! Ужъ не служить ли это признакомъ увиданія ея красоты?—со смѣхомъ сказала Есфирь.

— Нѣтъ, она до сихъ поръ еще не дурна собой, и ея вздернутый носикъ еще больше приподнялся кверху. Впрочемъ, это, можетъ быть, только оптический обманъ, происходящій отъ того, что она одѣвалась съ нѣкоторыхъ поръ ужъ черезчуръ напыщенно.

лива и язвительна. О современной еврейской молодежи она тоже далеко не высокого мнѣнія. Кстати, Есфирь, вы ни съ кѣмъ еще не помолвлены?

— Помолвлена... Конечно, нѣтъ. Я даже и не думаю объ этомъ,—въ смущеніи пробормотала Есфирь, оправляя на своемъ вспыхнувшемъ личикѣ вуаль съ мушками.

— Впрочемъ, вы и въ самомъ дѣлѣ еще такъ молоды,—загнѣтила Анна, почти съ материнской нѣжностью взглянувъ на миниатюрную фигуру своей спутницы.

— Я никогда не выйду замужъ,—вполголоса проговорила Есфирь.

— Что за пустяки, милочка моя! Повѣрьте мнѣ, что для незамужней женщины нѣтъ и не можетъ быть счастья въ жизни. Вамъ рано еще разсуждать, какъ Миріамъ Гіамсъ. Впрочемъ, я догадываюсь, о чемъ вы думаете теперь.

— Нѣтъ, не догадываетесь,—еще тише отвѣтила Есфирь.

— Нѣтъ, догадываюсь,—повторила Анна, невольно засмѣявшись надъ парадоксальнымъ отвѣтомъ своей новой подруги.—Но моя пѣсня давно ужъ спѣта. А вотъ и наши *гримеры*,—прибавила она, и ея кроткое лицо какъ-то особенно оживилось и приняло почти ангельское выраженіе.

Подойдя поближе, Есфирь увидала далеко не живописную семейную группу, сидѣвшую на мостовой, посреди столпившихся около нея сердобольныхъ зрителей, и состоявшую изъ отца, одѣтаго въ долгополый истасканный кафтанъ, матери, закутанной съ головой въ неменѣе обтрепанную шаль, въ которой копошился грудной младенецъ, и прочихъ малютокъ, прикрытыхъ лохмотьями. Старшіе члены семьи имѣли какой-то растерянный и наивно ребяческій видъ, а младшіе, напротивъ, держали себя не по лѣтамъ степенно и тихо. Зрѣлище этой безотрадной нищеты поразило Есфирь до глубины души и разомъ пробудило въ ней расовой истинность. Притупленное и почти совсѣмъ заглушенное агонистической жизнью въ роскоши, которую она вела въ кругу культур-

никъ евреевъ, чувство это теперь снова воскресло и громко заговорило въ ней, при видѣ страданій ея братьевъ. Она ухватилась за мысль вернуться въ гетто, какъ утопающій хватается за соломинку, и утромъ оно произвало на нее самое удручающее впечатлѣніе, доходившее почти до нервнаго отвращенія. Теперь же, когда она успѣла ужъ присмотрѣться къ его убогой внѣшности и смрадной нищетѣ, сердце ея начало мало по малу согрѣваться, подѣ влияніемъ святого чувства любви къ ближнему. На глазахъ ея навернулись слезы, и она вздрогнула съ головы до ногъ отъ сознанія своего нравственнаго долга, какъ члена великой человѣческой семьи. „Кому же, какъ не ей, и понять этихъ обездоленныхъ людей, лишенныхъ всякихъ правъ безжалостной судьбой, кромѣ права молча и терпѣливо страдать всю жизнь? И ей тоже, вмѣсто счастья, достался въ удѣлъ одинъ суровый долгъ. Но она добросовѣстно выполнить этотъ долгъ“,—подумала она и пристально взглянула на сосредоточенное серьезное лицо Анны, какъ бы стараясь разгадать тайну ея святого спокойствія.

Сосчитавъ собранную сумму, молодые дѣвушки рѣшились сейчасъ же приступить къ присканію помѣщенія для своихъ безпріютныхъ *гримировъ*. Есфирь вспомнила о пустовавшемъ чердакѣ въ № 1 Королевской улицы, гдѣ проживала когда-то ея семья, и куда, благодаря энергичнымъ усиліямъ молодыхъ дѣвушекъ, новые жильцы благополучно переехали въ тотъ же день. Трудно передать, что передумала и перечувствовала Есфирь, очутившись опять на своемъ старомъ пепелищѣ. Въ счастье, хлопоты объ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ потребностей злополучныхъ *гримировъ* не давали ей возможности сосредоточиваться на своихъ мысляхъ: нужно было устроить имъ ложе изъ двухъ матрацовъ, разостланныхъ на полу, накормить ихъ, чѣмъ Богъ послалъ, и напоить чаемъ изъ посуды, взятой на поддержаніе у Дебби,—поэтому миниатюрная фигурка дѣвочки въ неуклюжихъ мужскихъ сапогахъ мелькала передъ ея уштенными очами только какъ мимолетное видѣніе. Не мало удивляло ее и то обстоятельство, что

она очутилась въ роли благотворительницы при такихъ неожиданныхъ условіяхъ,—фактъ этотъ казался ей какой-то странной пропавшей судьбы.

Распростившись наконецъ съ *примерами*, осмывавшими двухъ благодѣтельныхъ самаритянокъ изъявленіями самой искренней и горячей благодарности, Анна отправилась домой съ своей гостьей. Есфирь была очень грустно поражена переменой, происшедшей въ наружности почтеннаго ребѣ Шмуэля, который изъ дѣятельнаго и еще крѣпкаго старика превратился теперь въ совершенно дряхлаго старца. Онъ остался такимъ же радуннымъ хозяиномъ и приятнымъ собесѣдникомъ, какъ и прежде, и сохранилъ даже свою природную склонность къ добродушному юмору, но въ звукахъ его голоса слышалась теперь какая-то грустная нота. Носъ раввинши еще больше вытянулся и заострился, и вся ея наружность имѣла такой кислый видъ, какъ будто ея бѣдная душа была насквозь пронята самымъ ѣдкимъ укусомъ. Она даже при постороннихъ не въ состояніи была скрыть, какъ терзала ее мысль о томъ, что ея Анна осталась въ старыхъ дѣвахъ. Но Есфирь хотя и не знала исторіи первой и послѣдней любви Анны,—была слишкомъ проникательна для того, чтобы не догадаться, что она отказалась отъ замужества по доброй волѣ, поэтому рѣшительно не могла ни понять, ни отнестись съ сочувствіемъ къ материнскимъ огорченіямъ почтенной матроны.

Событія истекшаго дня снова ожили въ воображеніи нашей героини и замелькали передъ ней, какъ вереница пестрыхъ видѣній, когда она улеглась наконецъ на узенькой и жесткой постели, рядомъ съ Дебби, которая, съжившись у стѣны, съ жаромъ увѣряла, что ей такъ спокойно лежать, какъ въ самомъ мягкомъ и уютномъ гнѣздышкѣ. Но Есфирь долго не могла сомкнуть глазъ. У нея опять разболѣлась голова отъ волненія и кромя того ее удручала мысль о томъ, что она очутилась въ такой узкой средѣ, вернувшись въ свое родное гетто, которое продолжало жить все той же замкнутой и тусклой жизнью, какъ и

семь лѣтъ тому назадъ. Мысль о нравственномъ долгѣ по отношенію къ меньшей брати, воодушевлявшая ее нѣсколько часовъ тому назадъ, тоже какъ-то померкла передъ другой безотраднѣйшей мыслью, что она нищая, и она чувствовала по временамъ даже что-то похожее на сожалѣніе о томъ, что она отважилась на смѣлую попытку встать лицомъ къ лицу передъ суровой дѣйствительностью, вмѣсто того, чтобы предать полному забвенію свое прошлое. Но съ другой стороны, она находила какое-то грустное утѣшеніе въ сознаниі, что она поняла, наконецъ, самое себя, несмотря на скептическое мнѣніе, высказанное на счетъ этого Анной Джекобсъ, выяснила себѣ тайну своего пессимизма и убѣдилась въ томъ, что она истая дочь гетто.

А скрипка Пезаша Вейнготта наигрывала ужъ веселый галопъ, когда Есфирь, переселившись изъ міра тусклой дѣйствительности въ міръ пестрыхъ сновидѣній, очутилась вдругъ на помолвкѣ красавицы Векки и начала беззаботно порхать по мастерской и-ра Бельковича съ своимъ любезнымъ кавалеромъ, Шоши Шмендрикомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на сердитые взгляды, которые бросала на нее ревнивая невѣста. А на встрѣчу имъ неслась Анна Джекобсъ, въ лучахъ серебристаго свѣта, окутававшихъ ея красивую головку, какъ подвѣчный вуаль, и кротко улыбалась танцовавшему съ нею Меккишу, который, должно быть, отъ избытка удовольствія, выпускалъ изъ рта мыльные пузырьки. М-съ Бельковичъ, галопировавшая на громаднѣйшихъ ходуляхъ, изъ которыхъ одна была толстая, какъ бревно, а другая тоненькая, какъ спица, тоже не отставала отъ рѣзвой и вѣтренной молодежи. Малка же кружилась по комнатѣ, какъ бурный ураганъ, держа въ одной рукѣ желѣзный обручъ, а другой таща за собой маленькаго Езекиля, который безпрестанно спотыкался и путался въ своемъ непомерно длинномъ облаченіи. Но лучше всѣхъ танцовалъ Моисей Ансель, отличавшійся съ блестящей красавицей, Адди Леонъ, и своей ловкостью затившій даже щеголя Леви, галопировавшаго съ Миріамъ Гіамсъ. Рафаэль же, хотя и неуклюже,

но за то весьма любезно расшаркивался передъ вдовой Финкельштейнъ, приглашая ее на танецъ, къ очевидному удовольствію надхана Цукерманна, представившаго ихъ другъ другу. Вообще всѣ, казалось, веселились отъ души и кружились по мастерской съ легкостью воздушныхъ силъфовъ и силъфидъ, ни мало не безпокою юнаго Веньямина, который лежалъ посреди комнаты, съ записной книжкой въ рукахъ, и такъ былъ углубленъ въ подготовку матеріала для своего будущаго романа, что не обращалъ вниманія даже на м-съ Генри Гольдсмитъ, граціозно наклонившуюся надъ нимъ и съ благосклонной улыбкой гладившую его по курчавой головкѣ.

Есфирь ласково кивнула головой *гринерамъ*, которые тоже сочли своимъ долгомъ явиться на вечеринку и начали обносить гостей ромомъ, наливая его изъ чайника Дебби. Только одинъ безчувственный Сидней не принималъ никакого участія въ общемъ весельи и по своему обыкновенію беспощадно насмѣхался надъ почтенной публикой, стоя въ углу съ маленькой дѣвочкой въ неуклюжихъ мужскихъ сапогахъ, которая съ любопытствомъ прислушивалась къ его остроумной болтовнѣ и тоже иронически улыбалась.

Пер. С. Федоровичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕВРЕЙСКІЯ УЧИЛИЩА ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

(ДО И ПОСЛѢ ПОЛОЖЕНІЯ 1873 г.).

VIII¹.

Существующія нынѣ еврейскія начальныя училища, которыя стали постепенно открываться взамѣнъ прежнихъ казенныхъ училищъ 1-го разряда съ 1877 года, раздѣляются на одноклассныя и двухклассныя; тѣ и другія—съ приготовительными классами, въ которые принимаются дѣти безъ всякаго пріемнаго испытанія, т. е. неграмотныя, и продолжительность курса которыхъ не ограничена, а опредѣляется соотвѣтственно успѣхамъ и возрасту учениковъ.

Основной классъ *однокласснаго* училища состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій, въ которыхъ учащіеся остаются по 2 года; весь курсъ, слѣдовательно, не считая приготовительнаго класса—шестилѣтній. Въ *двухклассныхъ* училищахъ курсъ такой же: въ первомъ классѣ 2 отдѣленія (4 года), а во второмъ—1 отдѣленіе (2 года). Установленіе такой чрезмѣрной продолжительности учебнаго курса для элементарной, начальной школы вызвано было желаніемъ достигнуть возможно большей прочности въ усвоеніи учащимися сообщаемыхъ имъ свѣдѣній вообще и въ особенности же—русскаго языка; но на практикѣ не всегда оазывается возможнымъ и цѣлесообразнымъ удерживать дѣтей въ училищѣ столь долго (съ приготовит. классомъ—иногда 8 лѣтъ), и поэтому въ начальн. училищахъ сказанный срокъ на дѣлѣ часто сокращается, что допущено и положеніемъ (п. 12), для способнѣйшихъ учениковъ года на 2 или на 3.

¹ См. „Восходъ“, кн. IX.

Но и въ такомъ случаѣ *minimum* продолжительности всего курса училища 5—6 лѣтъ, а даже и такой срокъ не можетъ не представляться многимъ родителямъ слишкомъ продолжительнымъ для начальной школы: мальчикъ, поступающій въ училище на 10 или 11 году, кончаетъ его курсъ 16—17 лѣтъ отъ роду—и это въ лучшемъ случаѣ, при сокращенномъ срокѣ; а вѣдь многіе ученики, не принадлежащіе къ категоріи «способнѣйшихъ», проходятъ полный положенный срокъ ученія, т. е. остаются въ училищахъ чуть ли не 8 лѣтъ, отрѣзывая себѣ такимъ образомъ возможность какъ поступленія въ другое учебн. заведеніе для продолженія образованія, такъ и вообще приспособленія къ какому нибудь дѣлу.

Составители Положенія полагали, что въ приготовительный классъ будутъ поступать дѣти начиная съ 6 лѣтнаго возраста (п. 31) и слѣдовательно оканчивать свое ученіе въ возрастѣ 13—14 лѣтъ; но на самомъ дѣлѣ въ еврейскія училища дѣти такъ рано не поступаютъ, а потому растянутость училищнаго курса является для большинства родителей большимъ неудобствомъ, а отъ этого для училищъ происходитъ то во 1) что многіе, страшась перспективы столь долгаго «сидѣнія» дѣтей въ училищѣ, вовсе ихъ туда не опредѣляютъ и во 2) что значительная часть учащихся оставляетъ училище до окончанія ими полнаго курса ученія.

Для точности надо однако отмѣтить и другую, обратную сторону дѣла. Указанное обстоятельство, являясь съ одной стороны значительнымъ, такъ сказать, внѣшнимъ неудобствомъ, отражающимся на *количествѣ* учащихся въ начальныхъ училищахъ, съ другой—имѣетъ хорошее вліяніе на внутреннюю постановку учебнаго дѣла, на *качество* его. Продолжительность курса даетъ возможность вполне основательно и прочно закрѣплять въ учащихся сообщаемыя имъ свѣдѣнія, основательно и не спѣша проработать весь учебный матеріалъ на началахъ концентраціи, довести дѣтей до возможно лучшаго усвоенія отечественной рѣчи и достигнуть желаемой полноты и расширенія училищной программы.

Программа эта по общимъ предметамъ слѣдующая: русскій языкъ, ариѳметика, исторія, географія, естествовѣдѣніе и чистописаніе. Изъ этихъ предметовъ, естествовѣдѣніе положено проходить посредствомъ объяснительнаго чтенія соответственныхъ

статей, т. е. лишь какъ составной элементъ предмета русскаго языка, а исторію и географію въ одноклассныхъ училищахъ положено преподавать точно такимъ же образомъ, въ двухклассныхъ же—какъ отдѣльные учебные предметы. Разница въ *объемъ* преподаваемыхъ предметовъ между училищами одноклассными и двухклассными по Положенію этимъ не ограничивается; она касается и главныхъ, основныхъ предметовъ—русскаго языка и ариметики. Лишь для двухклассныхъ училищъ въ программу русскаго языка включено «практическое ознакомленіе съ грамматикою и упражненіе въ письменномъ изложеніи мыслей», а курсъ ариметики положено довести до тройного правила включительно; курсъ же одноклассныхъ училищъ Положеніе ограничиваетъ по русскому языку—чтеніемъ, письмомъ и упражненіями въ орфографіи, а по ариметикѣ—первыми четырьмя правилами.

Программа эта въ общемъ болѣе чѣмъ скудная, особенно для одноклассныхъ училищъ, которыхъ подавляющее большинство (въ Виленскомъ учебн. округѣ, напр., на 31 начальныхъ училище двухклассныхъ всего нынѣ приходится 8),—программа эта, говорю я, неволью вызываетъ недоумѣніе, какъ несоотвѣтствіемъ своимъ ясно выраженному смыслу Высочайшаго указа 16 марта 1873 г. о преобразованіи еврейск. училищъ «примѣняясь къ положенію о *городскихъ училищахъ* 31 мая 1872 года», такъ и несоразмѣрностью съ назначеннымъ для ея прохожденія временемъ: какимъ образомъ признано было возможнымъ и нужнымъ растянуть такой микроскопическій курсъ на столь продолжительное время—на *цѣлыхъ* восемь лѣтъ!—Правда, въ томъ же Положеніи сказано, что «въ развитіе его будутъ изданы инструкціи относительно объема и метода преподаванія и точныя программы преподаванія общихъ и еврейскихъ предметовъ». Но обѣщанныхъ инструкцій и программъ по сію пору издано не было,—и Положеніе, такимъ образомъ, сохраняетъ понынѣ силу и характеръ лишь общаго, намѣчающаго указателя, не дополненнаго болѣе тѣсными и точными опредѣленіями учебнаго курса начальныхъ училищъ.

Однако на первыхъ же порахъ дѣятельности этихъ послѣднихъ оказалось недостаточнымъ ограничиться положенной программой, и явилась необходимость ея расширенія. Тутъ помогли именно упомянутыя два обстоятельства: 1) растянутость учебнаго курса и 2) отсутствіе точныхъ программъ въ связи съ общимъ

указаніемъ на приведеніе училищной реформы въ соотвѣтствіе съ положеніемъ о *городскихъ училищахъ*. Первое убѣдило въ положительной невозможности держать еврейскихъ дѣтей столь долгое время на такой урѣзанной, скудной умственной діетѣ, какая отпущена положенной программой (особенно—для одноклассныхъ училищъ) чуть ли не въ гомеопатической дозѣ, и обнаружило настоятельную потребность въ значительномъ ея увеличеніи. Второе—позволяло осуществлять это, т. е. давало право на расширеніе границъ программы, намѣченной въ Положеніи лишь въ общихъ чертахъ,—и не только позволяло, но даже какъ бы само указывало на желательность подобнаго расширенія.

И начальныя училища дѣйствительно вышли изъ этихъ черезчуръ тѣсныхъ границъ. Какъ уже сказано, установленная между одноклассными и двухклассными училищами разница касается лишь объема, а не количества учебныхъ предметовъ, но и этой разницы нинѣ на дѣлѣ *не существуетъ*. И въ тѣхъ, и другихъ исторія, географія и естествовѣдѣніе давно уже выдѣлены въ особые учебные предметы, ариѳметика проходитъ вся, а курсъ русскаго языка съ устными и письменными (самостоятельными) упражненіями достигаетъ возможной полноты.

Вотъ, напр., что говорить между прочимъ годичный отчетъ о состояніи одного *однокласснаго* начальнаго еврейск. училища: «Обученіе русскому языку, начинаясь въ подготовительномъ классѣ устными бесѣдами объ окружающихъ предметахъ и грамотой, закончилось въ выпускномъ курсѣ ученіемъ о періодахъ, выясненіемъ логическаго построенія образца, ознакомленіемъ съ свойствами образнаго языка и видами различныхъ словесныхъ произведеній, а также самостоятельными письменными работами. Ариѳметика пройдена въ полномъ объемѣ и закончилась рѣшеніемъ задачъ посредствомъ уравненія 1-й степени съ однимъ и двумя неизвѣстными. Русская исторія пройдена въ объемѣ учебника Иловайскаго для средняго возраста съ необходимыми дополненіями изъ исторіи всеобщей. Свѣдѣнія изъ всеобщей географіи сообщены ученикамъ въ предѣлахъ книги Смирнова, а русская географія пройдена подробно по учебнику Баранова, составленному для городскихъ училищъ. Курсъ естественной исторіи ограниченъ краткими описаніями выдающихся представителей животнаго

царства и устройства человѣческаго тѣла, а также объясненіемъ разныхъ физическихъ явленій природы»¹.

Отчетъ свидѣтельствуетъ далѣе, что многіе изъ окончившихъ курсъ ученія въ училищѣ вскорѣ выдержали экзаменъ на право поступленія въ военную службу вольноопредѣляющимся II разряда или въ аптекарскіе ученики (подготовившись по древнимъ языкамъ), другіе поступили въ 3-й и даже 4-й классъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ состоятъ въ числѣ лучшихъ учениковъ.

То же можно сказать почти про всѣ другія еврейск. начальныя училища. Педагогическіе совѣты училищъ въ началѣ учебнаго года вырабатываютъ подробныя программы предполагаемаго къ прохожденію въ классахъ и отдѣленіяхъ, имѣютъ затѣмъ постоянное наблюденіе за надлежащимъ выполненіемъ этихъ программъ и рациональнымъ приимѣніемъ лучшихъ. цѣлесообразнѣйшихъ приемовъ и методовъ преподаванія.

Отъ этого, при благообразной внѣшней обстановкѣ, внутреннему быту училища нельзя отказать въ систематичности, выдержанности направленія, а вся его организація основана на разумныхъ педагогическихъ началахъ.

Въ училищахъ преподаются также пѣніе и гимнастика, а въ нѣкоторыхъ и музыка; при многихъ имѣются ремесленные классы².

Училища располагаютъ въ достаточной мѣрѣ учебными и иными пособіями, необходимыми для цѣлей нагляднаго обученія, и имѣютъ фундаментальныя и ученическія бібліотеки; изъ послѣднихъ учащіеся снабжаются книгами для разумнаго, развивающаго чтенія.

Въ итогѣ—между прежними казенными училищами и нынѣшними начальными разница немалая. Теперь учебная программа и количественно шире, и качествомъ лучше, да и вся организація дѣла во всѣхъ отношеніяхъ иная³.

¹ Отчетъ о состояніи Минскаго начальнаго еврейскаго училища 1893—4 уч. годъ. (Циркуляръ по Виленск. учебному округу за 1894 г., № 12).

² Въ Виленскомъ учебн. округѣ ремесленные классы имѣетъ нынѣ болѣе одной трети всего числа нач. училищъ

³ Надо замѣтить, что и матеріально новыя училища поставлены лучше прежнихъ казенныхъ. На послѣднія среднимъ числомъ отпускалось по 1223 р. на училище, на начальныя же училища по положенію ассигнуется по 2445 р. на однокл. и 3170 р. на двухклассное. Цифры эти въ случаѣ надобности увеличиваются частью изъ казенныхъ, частью изъ мѣстныхъ, общественныхъ суммъ.

Пресловутой жаргонно-русско-нѣмецкой смѣси, сближавшей дореформенное училище съ хедеромъ, теперь нѣтъ и слѣда; исключительное господство русской рѣчи во всемъ учебномъ обиходѣ начальнаго училища, начиная съ приготовительнаго класса, т. е. съ самаго момента вступленія еврейскаго мальчика въ стѣны его, полное и безусловное; а вмѣсто прежняго разношерстнаго состава учителей, плохо наученныхъ и плохо учившихъ, преобразованныя училища имѣютъ однообразный педагогическій персоналъ, специально подготовленный къ своему дѣлу и въ большинствѣ случаевъ добросовѣстно и умѣло ведущій его.

IX.

Общее удовлетворительное состояніе еврейскихъ начальныхъ училищъ не могло не быть замѣчено въ обществѣ вскорѣ по обнаруженіи ихъ скромной, но полезной дѣятельности, которая находила себѣ должную оцѣнку въ печати и о которой неоднократно свидѣтельствовали также и официальные органы.

Такъ, напримѣръ, въ циркулярѣ по Виленскому учебному округу за іюль мѣсяць 1887 года находимъ слѣдующее характерное описаніе публичнаго акта, состоявшагося въ одномъ одноклассномъ начальномъ еврейск. училищѣ (въ м. Молодечнѣ, Виленской губ.). «Г. попечитель виленск. учебн. округа, директоръ мѣстной семинаріи и преподаватели посѣтили одноклассн. начальн. евр. училище, гдѣ состоялся публичный актъ по случаю окончанія занятій. По прочтеніи отчета одинъ изъ учениковъ произнесъ вслухъ молитву за Царя и отечество. За симъ вышелъ на средину классной комнаты ученикъ, который прочиталъ наизусть стихотвореніе «Зернышко». Чтеніе это удостоилось одобренія г. попечителя. Одобреніе это такъ подѣйствовало на присутствовавшую на актѣ еврейку, мать читавшаго ученика, что она выступила изъ среды стоявшихъ здѣсь евреевъ, бросилась къ ногамъ г. попечителя и со слезами на глазахъ благодарила за открытіе училища, давшее возможность ея сыну бесплатно учиться русской грамотѣ и началамъ еврейской вѣры. Появленіе на сценѣ названной еврейки съ тѣмъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, которое произвело на всѣхъ присутствовавшихъ дѣйствительно прекрасное чтеніе и весьма стройное пѣніе учениковъ училища, произвело отрадное дѣйствіе на всѣхъ... Всѣмъ понравилось то прекрасное направленіе, которому

слѣдуетъ училище... Ученики смѣло, бодро и съ нѣкоторою гордостью пѣли на актѣ патриотическія русскія пѣсни... Училище не успѣло просуществовать еще и года, но оно уже приняло видъ благоустроеннаго заведенія. Ученики, которымъ сообщенъ благообразный внѣшній видъ введеніемъ дешевой форменной одежды, скромны, вѣжливы, почтительны... Г. попечитель благодарилъ»...

Въ объяснительной запискѣ къ отчету о состояніи народныхъ училищъ Кіевскаго учебн. округа за 1885 г. между прочимъ читаемъ: «Пріемы преподаванія всѣхъ предметовъ курса въ еврейскихъ училищахъ удачно приспособлены учителями къ занятіямъ съ еврейскими дѣтьми, поступающими въ училища безъ всякаго знанія и пониманія русской рѣчи. Вслѣдствіе выработанныхъ и опредѣленныхъ пріемовъ преподаванія, успѣхи учениковъ во всѣхъ училищахъ удовлетворительны; въ дисциплинарномъ отношеніи ученики выдержаны безукоризненно»...

Въ «Недѣльную Хроніку Восхода» (№ 29, за 1887 г.) пишутъ изъ Бердичева: «Здѣшнее двухклассное начальное еврейское училище состоитъ изъ приготовительнаго и двухъ основныхъ классовъ... Всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ и по новѣйшимъ методамъ; преподаются также хоровое пѣніе и гимнастика... На происходившемъ недавно актѣ учащимися были прочитаны стихотворенія, а также отрывки изъ лучшихъ произведеній русскихъ классиковъ. и исполнены были хоровыя пѣсни. Все это прослушано было присутствовавшими съ большимъ вниманіемъ и вызвало выраженіе всеобщаго сочувствія».

Подобныхъ, официальныхъ и частныхъ выраженій сочувствія къ дѣятельности начальныхъ еврейскихъ училищъ можно бы было привести еще очень много ¹, но, свидѣтельствуя вообще объ удовлетворительномъ состояніи начальныхъ училищъ, какъ учебно-воспитательныхъ учреждений, всѣ такіе отзывы, по характеру своему болѣе или менѣе случайные и единичные, могли бы, пожалуй, показаться недостаточными убѣдительными для рѣшенія другого

¹ Весьма лестные отзывы о нашихъ училищахъ, почерпнутые изъ официальныхъ источниковъ, находимъ иногда и на страницахъ общей повременной печати. См. напр. «Очерки школьнаго дѣла въ Россіи въ журналѣ „Русскій Начальный Учитель“, 1890 г. № 10. — Намъ извѣстенъ также случай, когда начальствующія лица учебныхъ дирекцій ставили еврейск. начальные училища въ образецъ подвѣдомственнымъ имъ общимъ заведеніямъ подобнаго рода.

важнаго вопроса — о томъ, каково отношеніе къ нашимъ училищамъ самого еврейскаго населенія, насколько они удовлетворяютъ его запросамъ на элементарное образованіе и въ какой мѣрѣ они пользуются его довѣріемъ. На *эти* вопросы самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ несомнѣнно можетъ служить лишь такой, который выражается убѣдительнымъ, безпристрастнымъ языкомъ цифръ. Обратимся же къ этимъ цифрамъ, т. е. къ числу учащихся въ начальныхъ еврейскихъ училищахъ, взявъ для примѣра Виленскій учебный округъ (6 губерній: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская).

Постепенный ростъ числа начальныхъ училищъ въ сказанномъ округѣ и цифры учащихся въ нихъ виденъ изъ слѣдующей таблицы: ¹.

Учебные годы.	Число начальныхъ училищъ.	Обще число учащихся въ нач. училищахъ.	Среднимъ числомъ на каждое училище учащихся.
187 ⁸ / ₉	13	819	63
187 ⁹ / ₈₀	18	1,160	64
188 ¹ / ₂	21	1,622	77
188 ³ / ₄	25	1,758	70
188 ⁶ / ₇	28	1,960	70
188 ⁸ / ₉	30	2,512	84
188 ⁹ / ₉₀	31	2,700	87
189 ³ / ₄	31	3,311	106

Цифры эти показываютъ во 1), что начальныя училища и въ первое время, а въ особенности теперь далеко не могутъ считаться малолюдными, и во 2), что среднее число учащихся въ нихъ постепенно возрастаетъ. Особенно замѣтнымъ это возрастаніе становится съ 188⁸/₉ уч. года, т. е. вскорѣ послѣ установленія, въ 1887 году, процентнаго ограниченія при приѣмѣ евреевъ въ общія учебныя заведенія, и на первыхъ порахъ должно было быть поставлено за счетъ тѣхъ болѣе крупныхъ центровъ, гдѣ всего ощутительнѣе должны были сказаться послѣдствія упомянутаго ограниченія. Такъ, наприм., въ двухъ Виленскихъ училищахъ въ 188⁶/₇ г. было 153 ученика, а въ 188⁸/₉ г. число это возрастаетъ

¹ Цифровыя данныя взяты нами изъ официальныхъ изданій округа и дирекцій народныхъ училищъ.

до 280; въ томъ же году въ Минскѣмъ начальн. училищѣ было 146 учениковъ, въ Ковенскомъ 130, въ Могилевскомъ 115 и т. д. Но продолжающійся съ тѣхъ поръ ростъ числа учащихъ въ начальн. училищахъ постепенно захватываетъ все большій и большій районъ, распространяясь въ послѣдніе годы и на менѣе крупныя города и такимъ образомъ становясь явленіемъ общимъ.

Это нужно сказать, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, одинаково о Виленскомъ и о прочихъ учебныхъ округахъ. Всюду многія училища уже вынуждены отказывать дѣтямъ въ приемѣ «за неимѣніемъ мѣста», многія расширяютъ свои помѣщенія и ужъ давно работаютъ при усиленномъ составѣ педагогическаго персонала, стремясь къ возможно болѣе полному и лучшему удовлетворенію запросовъ еврейскаго населенія путемъ необходимаго совершенствованія внѣшней и внутренней организаціи учебно-воспитательнаго дѣла.

Фактъ значительнаго улучшенія этого дѣла въ начальныхъ училищахъ, значительнаго, такъ сказать, подъема и оживленія дѣятельности ихъ *за послѣднее время* — не подлежитъ сомнѣнію: результатъ болѣе внимательнаго отношенія къ нимъ со стороны еврейскаго общества и печати и того вообще интереса, который нынѣ нѣсколько ожилъ у насъ въ вопросахъ воспитанія молодого поколѣнія.

Надо замѣтить, что на первыхъ порахъ еврейскими начальными училищами у насъ мало интересовались, и та или иная ихъ дѣятельность проходила почти совершенно незамѣченной. Это объяснялось не одною только малочисленностью начальныхъ училищъ (ихъ и теперь сравнительно очень немного), но имѣло болѣе естественную, внутреннюю причину. Она заключалась въ томъ взглядѣ, котораго у насъ долго держались по отношенію къ спеціально-еврейской школѣ, какъ таковой, и ея просвѣтительному значенію. Такого значенія за ней не признавалось въ то время, когда наши учебно-воспитательныя идеалы опредѣлялись извѣстными двумя крайними направленіями — исключительнымъ признаніемъ одного лишь «священнаго» хедера, съ одной стороны, и такимъ же исключительнымъ стремленіемъ къ одному только общему образованію — съ другой. Для представителей обѣихъ этихъ крайностей середины не было; ея не хотѣли ни тѣ, ни другіе; а вѣдь такой именно серединой, посредственной ступенью и является бла-

гоустроенное еврейское училище. Если для однихъ оно было антитезой хедера, безбожной, еретической «школой» со всѣмъ свойственными таковой опасными элементами, то другихъ оно, напротивъ, пугало призракомъ все того же хедера, все той же узко-исключительной сферы и специфической «ветоши», несомѣстимой съ неудержимо-широкими представленіями объ ассимиляціи и обновленіи. Въ результатъ такое училище не удовлетворяло ни тѣхъ ни другихъ; ни тѣ, ни другіе не видѣли въ немъ никакого *raison d'être*.

Въ этомъ отношеніи начальныя училища на первыхъ порахъ раздѣляли участь прежнихъ «казенныхъ» и точно такъ же, какъ эти послѣднія, служили убѣжищемъ для всѣхъ отверженныхъ и «негодныхъ», оказавшихся неспособными къ воспріятію талмудической премудрости или свѣтскихъ наукъ, т. е. отрѣзанныхъ ломтей, разрушившихъ радужныя родительскія «надежды»... Другіе, болѣе надежныя элементы, какъ извѣстно, усердно готовились непремѣнно въ раввины или доктора и, конечно, въ виду столь блестящихъ перспективъ, миновали элементарныя еврейскія училища. Одни видѣли въ нихъ новое, «чужое», не свое излюбленное и потому опасное; другіе -- именно «свое», устарѣвшее, надобное свое, не желательное и ненужное; если тѣ боялись еврейскихъ училищъ, то эти ихъ презрительно игнорировали...

Но время измѣнило эти взгляды, сгладило ихъ крайности и примирило; необходимость совмѣщенія въ воспитаніи нашихъ дѣтей обоихъ элементовъ -- еврейскаго и общаго -- стала признаваться всѣми, и цѣлесообразность, необходимость даже, еврейскихъ училищъ перестала подвергаться сомнѣнію.

Подъ вліяніемъ какихъ причинъ произошла такая метаморфоза, — объ этомъ, кажется, излишне распространяться; она — одинъ изъ многихъ актовъ народнаго самосознанія, явившагося слѣдствіемъ роковыхъ событій. Прибавимъ только, что въ данномъ случаѣ, кромѣ этихъ естественныхъ, внутреннихъ причинъ, участвовали и два другія обстоятельства: во 1) процентное ограниченіе евреевъ въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, и во 2) обнаружившаяся дѣятельность самихъ еврейск. начальныхъ училищъ. Сказанное ограниченіе, какъ уже было упомянуто, *вынудило* многихъ обратиться къ услугамъ еврейскихъ училищъ, — вынудило тѣхъ, которые при другихъ условіяхъ, быть можетъ, желали бы и могли

обойтись безъ нихъ; а все болѣе и болѣе проявлявшаяся удовлетворительная сама по себѣ дѣятельность начальныхъ училищъ, ихъ превосходство надъ прежними, дореформенными, ихъ правильная внѣшняя и внутренняя организація и весь ихъ нормальный учебно-воспитательный распорядокъ — все это не могло не обратить на себя вниманія массы населенія; нельзя было не замѣтить въ начальныхъ училищахъ характерныхъ сторонъ благоустроеннаго заведенія, дающаго дѣтямъ не устарѣлую схоластику, а живое, реальное элементарное знаніе.

Далѣе произошло естественное взаимодействіе: удовлетворительное состояніе училищъ вызвало болѣе внимательное отношеніе къ нимъ со стороны населенія, а это въ свою очередь оказываетъ вліяніе на улучшеніе дѣятельности училищъ, на стремленіе учителей къ совершенствованію вѣреннаго имъ учебнаго дѣла и удовлетворенію новыхъ запросовъ населенія, къ отклику на справедливыя его требованія и насущныя, жизненныя задачи, поставлемыя новыми условіями времени. Это обыкновенный, естественный законъ спроса и предложенія, который и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, приводитъ къ положительнымъ, успѣшнымъ результатамъ.

Х.

Но если удовлетворительное состояніе еврейскихъ начальныхъ училищъ и замѣчающееся нынѣ болѣе или менѣе сочувственное къ нимъ отношеніе евр. населенія—есть вообще фактъ несомнѣнный, то справедливость требуетъ отмѣтить, что есть въ этомъ дѣлѣ и такая сторона, гдѣ, какъ говорится, не все обстоитъ благополучно. Я разумѣю постановку дѣла преподаванія въ училищахъ еврейскихъ предметовъ.

Противъ этой, дѣйствительно слабѣйшей, стороны еврейск. училищъ ужъ давно раздаются недовольные голоса; но недовольство это особенно усилось въ послѣднее время, съ установленіемъ у насъ болѣе строгихъ требованій къ собственно *еврейскому* образованію. Вопросъ этотъ нынѣ представляетъ такимъ образомъ живой, практической интересъ. За послѣднее время онъ привлекалъ къ себѣ весьма заботливое вниманіе еврейск. общества и печати и настойчиво обсуждался съ различныхъ сторонъ (между прочимъ и въ послѣдней засѣдавшей въ Петербургѣ раввинской

комнесія), замѣтно выдвигаясь, такимъ образомъ, на ст пень серьезнаго, насущнаго предмета, какъ важной составной части общаго вопроса о воспитаніи нашего юношества.

Въ виду этого онъ заслуживаетъ и съ нашей стороны болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Въ упомянутой выше извѣстной запискѣ «О преобразованіи евреевъ» (1841 г.) графъ Уваровъ между прочимъ писалъ: «Одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ обезсиленію Талмуда состоитъ въ изученіи еврейскаго священнаго языка, языка Ветхаго Завета и св. Пророковъ. Посему при образованіи еврейскихъ училищъ надобно поставить во главѣ еврейскій языкъ»...¹ Задавая цѣлью просвѣтить, «облагородить» русское еврейство и умалить если и не совсѣмъ уничтожить преграду, отдѣляющую его отъ кореннаго населенія, и возлагая всѣ свои надежды въ этомъ отношеніи на преобразование у евреевъ учебной части, авторъ записки одно изъ лучшихъ средствъ къ достиженію этой цѣли видитъ въ распространеніи среди нихъ знанія древне-еврейскаго языка, могущаго, по его мнѣнію, оказать благотворное, отрезвляющее дѣйствіе на отуманенные схоластикомъ умы и служить противовѣсомъ традиціонному талмудическому режиму.

Такой взглядъ на оздоровляющее, просвѣтительное значеніе библейскаго языка авторъ записки подкрѣпляетъ тѣмъ фактомъ, что во 1) чрезвычайное распространенное среди евреевъ знаніе Талмуда и раввинской письменности имѣеть у нихъ мѣсто рядомъ съ полнѣйшимъ незнакомствомъ ихъ съ самой Библіей и языкомъ пророковъ, который, по мнѣнію автора, «гораздо ближе извѣстенъ протестантскому духовенству, чѣмъ раввинамъ», и во 2) что тѣ немногіе, которые преимущественно занимаются изученіемъ древне-еврейскаго языка, оказываются гораздо менѣе фанатичными и людьми сравнительно здравомыслящими, съ болѣе очищенными религіозными понятіями.

Эти то соображенія и послужили основаніемъ къ тому, чтобы въ курсъ учрежденныхъ тогда еврейскихъ училищъ включить и еврейскіе предметы; однако, вопреки приведенному положенію гр. Уварова, предметы эти на дѣлѣ не только не заняли въ училищномъ обиходѣ *главнаго* мѣста, но отошли совершенно на задній планъ.

¹ Доп. къ сборнику постановленій по Мин. Нар. Просвѣщ., стр. 703.

Въ программу прежнихъ, разрядныхъ, училищъ входило (согласно п. 14 Положенія 13 ноября 1844 года): 1) чтеніе и письмо по древне-еврейски и 2) Законъ еврейскій. Оба предмета эти преподавались такъ, что тѣсныя рамки положенной программы не только не расширялись нисколько, но суживались еще больше. По еврейскому языку, слѣдуя буквѣ Положенія, ограничивались однимъ «чтеніемъ и письмомъ» въ самомъ тѣсномъ смыслѣ безъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ теоретическихъ и практическихъ дополненій, а Законъ еврейскій сводился къ сухому процессу перевода нѣкоторыхъ мѣстъ изъ кодекса «Хаіе-Адамъ» (сочин. раввина Авраама Данцига) или Маймонидова «Іадъ-Гахазака» на нѣмецкій языкъ, по специально для того изданнымъ министерствомъ народн. просвѣщенія руководствамъ, а то и просто на еврейскій жаргонъ ¹.

Преподаваніе евр. предметовъ обыкновенно велось лицами или наимѣвными достаточныхъ познаній въ нихъ или вообще несоотвѣтствовавшими дѣлу въ педагогическомъ отношеніи ². И учащіе, и учащіеся одинаково тяготились еврейскими предметами, съ которыми дѣло обстоило еще хуже, чѣмъ съ общими, о какихъ было говорено выше, — и тѣхъ благотворныхъ результатовъ, о которыхъ нѣкогда мечталъ графъ Уваровъ, отъ введенія этихъ предметовъ въ курсъ еврейскихъ училищъ не получалось: то, что давали въ этомъ отношеніи училища, очевидно, далеко не соответствовало представленію о томъ «широкомъ» распространеніи чистаго еврейскаго знанія, на которое возлагалось столько надеждъ, какъ на благотворную просвѣтительную силу.

Неудивительно поэтому, что внослѣдствіи, когда ясно обнаружилось безотрадное состояніе этой стороны евр. училищъ, стали раздаваться голоса за совершенное исключеніе изъ нихъ программы еврейскихъ предметовъ, съ чѣмъ соглашалось и учебное начальство. И дѣйствительно, во многихъ училищахъ еврейскіе предметы въ 60-хъ годахъ были упразднены, какъ напр. въ губерніяхъ

¹ Позднѣе кодексы эти замѣнены были Св. Писаніемъ.

² А между тѣмъ казенныя еврейск. училища между прочимъ призваны были контролировать дѣятельность хедеровъ и меламдовъ: въ нихъ происходили ежегодныя испытанія ученикамъ хедеровъ, которыхъ меламды обязаны были представлять для этого въ училища на основаніи минист. распоряженія отъ 18 октября 1854 года.

Витебской и Могилевской (по инициативѣ директора училищъ Арнольда), и лишь въ немногихъ изъ нихъ предметы эти сохранили свое мѣсто вплоть до новаго положенія.

При преобразованіи старыхъ училищъ нельзя было не воспользоваться прошлымъ опытомъ. Вмѣстѣ съ общей частью подверглась улучшенію и часть еврейская. По новому Положенію расширена и самая программа еврейскихъ предметовъ и увеличено время для ихъ преподаванія. Въ теперешнихъ начальныхъ училищахъ преподаются: древне-еврейскій языкъ, еврейскій законъ вѣры, библейская исторія и объясненіе важнѣйшихъ молитвъ, при чемъ подь «еврейскимъ языкомъ» здѣсь разумѣется не одно лишь чтеніе и письмо, а все именно содержаніе предмета, весь учебный матеріалъ, обнимаемый этимъ названіемъ, а подь закономъ вѣры — объясненіе Библии и основъ религіи, ея догматической и обрядовой стороны и пр.

Такимъ образомъ, курсъ еврейскихъ предметовъ въ начальныхъ училищахъ заключаетъ въ себѣ теоретическія свѣдѣнія изъ еврейской грамматики въ связи съ соответственными практическими упражненіями, объясненіе Пятикнижія и нѣкоторыхъ пророковъ, объясненіе молитвъ, главнѣйшія основанія вѣры и библейскую исторію.

Всѣ эти предметы преподаются при 10-ти недѣльныхъ урокахъ въ подготовительномъ классѣ и 8-ми урокахъ — въ основномъ. Что же касается того, какъ ведется это преподаваніе, то само собою разумѣется, что и здѣсь рациональные методы и приемы преподаванія, имѣющіе, какъ уже сказано было, мѣсто въ училищахъ, и весь вообще правильный, устойчивый ходъ учебнаго дѣла въ нихъ не остаются безъ своего положительнаго вліянія, и слѣдовательно здѣсь такъ же, какъ и по общимъ предметамъ, достигаются результаты несравненно лучшіе и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи, нежели, напр., въ прежнихъ дореформенныхъ училищахъ ¹.

Чѣмъ же, однако, объяснить то общее недовольство, которое и по сію пору имѣетъ мѣсто по отношенію къ этой сторонѣ дѣятельности начальныхъ училищъ?

¹ Едва ли можно въ этомъ отношеніи раздѣлять оптимистическій взглядъ автора: еврейскіе предметы во многихъ училищахъ поставлены далеко неудовлетворительно.

Чтобы со всею точностью и безпристрастіемъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо обстоятельно разсмотрѣть сущность этого недовольства и ясно опредѣлить его характеръ и мотивы.

XI.

То обстоятельство, что плохая постановка дѣла обученія еврейскимъ предметамъ въ прежнихъ училищахъ, не ускользнувшая отъ вниманія и учебнаго начальства и еврейскаго населенія, не вызывала, однако, въ этомъ послѣднемъ столь всеобщаго и громкаго ропота ¹, какой видимъ теперь по отношенію къ начальнымъ училищамъ, *несмотря на то, что дѣло это поставлено нынѣ гораздо лучше*, — ужъ это обстоятельство, говорю, достаточно разъясняетъ причину занимающаго насъ явленія. Она кроется въ томъ проявившемся нынѣ у русскихъ евреевъ стремленіи къ національному самосознанію и самоопредѣленію, о которомъ мы уже сказали выше и которое между прочимъ выразилось въ болѣе заботливомъ и внимательномъ отношеніи общества къ собственно *еврейскому* элементу нашего воспитанія, въ признаніи за нимъ важнаго самостоятельнаго значенія и слѣдовательно въ повышеніи современныхъ требованій въ этомъ отношеніи и запросахъ, болѣе притязательныхъ и строгихъ.

Вдаваться въ обсужденіе этого предмета по существу и говорить *вообще* обо всѣхъ этихъ требованіяхъ и запросахъ мы, разумѣется, здѣсь не станемъ; но насколько эти самыя требованія справедливы въ частности по отношенію къ начальнымъ училищамъ, насколько эти притязанія и нареканія по отношенію къ нимъ основательны и согласуются съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла — этотъ вопросъ подлежитъ нашему обстоятельному разсмотрѣнію. Постараемся же разобраться въ этомъ и отдадимъ себѣ отчетъ—кто и чѣмъ недоволенъ.

Если вообще недовольство это явленіе и не новое, какъ мы видѣли, всегда сопровождавшее, такъ сказать, еврейскія училища и ихъ дѣятельность по отношенію къ собственно «еврейской» части, то новостью является нынѣ, кромѣ болѣе настойчиваго и

¹ Этому, однако, не противорѣчатъ вышеупомянутый фактъ упраздненія въ нѣкоторыхъ казенныхъ училищахъ преподаванія еврейскихъ предметовъ: это было сдѣлано, какъ сказано выше, *по инициативѣ учебнаго начальства*.

громкаго выраженія этого недовольства, также и то, что оно теперь стало болѣе общимъ и распространеннымъ, захватило такъ сказать, большій районъ съ новыми группами населенія.

Прежде были недовольны только ортодоксы и консерваторы, т. е. болѣе набожный классъ,—старики, однимъ словомъ; теперь къ нимъ присоединились и молодые, т. е. болѣе интеллигентный и просвѣщенный классъ населенія.

Что недовольны старики—неудивительно нисколько.

Глядя на дѣло нашего еврейскаго воспитанія съ исключительно религіозной точки зрѣнія и полагая весь его смыслъ прежде и главнѣе всего, не столько въ простомъ *обученіи* и въ развитіи природныхъ силъ дитяти, сколько въ сложномъ и тонкомъ *изученіи* имъ талмудической и прочей раввинской, схоластической премудрости,—они, конечно, не могутъ не считать своего хедера единственно цѣлесообразнымъ для этого учебно-воспитательнымъ учрежденіемъ. Они не могутъ не смотрѣть на наши училища лишь какъ на терпимыя «по нынѣшнимъ временамъ» заведенія, дающія небезполезное для повседневнаго житейскаго обихода свѣтское образованіе, но и отвѣчающія поэтому *только* этой — по мнѣнію ихъ, второстепенной во всякомъ случаѣ—цѣли. Пожалуй, если бы училища кромѣ этого, давали бы *также и все то, что даетъ хедеры*, тогда и «старики» были бы довольны, но такъ какъ они никоимъ образомъ не могутъ дать этого, т. е. того, что составляетъ главнѣйшую сущность воспитательныхъ идеаловъ этой группы населенія, — словомъ, такъ какъ училища хедера вполнѣ замѣнить не могутъ, то очевидно, что спеціально-еврейская часть въ училищахъ никогда не будетъ въ состояніи удовлетворить людей съ *такими* воззрѣніями даже при самой рациональной постановкѣ дѣла.

Теперь обратимся къ «молодымъ». Ихъ недовольство имѣетъ нѣсколько иной характеръ. Если мы сейчасъ имѣли дѣло съ мотивами самобытно-религіозными, то здѣсь выступаютъ причины, такъ сказать, національно-политическія. Люди, пришедшіе къ заключенію о вредѣ для насъ полной ассимиляціи съ окружающимъ населеніемъ и объ опасности, отъ нея вытекающей для нашей національной цѣлости, естественно видятъ необходимость въ постановкѣ дѣла нашего воспитанія на національно-еврейскихъ началахъ. Хедерный режимъ ихъ не удовлетворяетъ; они придержи-

ваются болѣе или менѣе здравыхъ понятій о воспитаніи и придаютъ значеніе не сухой схоластикѣ, а знанію Библіи, еврейскаго языка, исторіи и пр., т. е. тому, что старики считаютъ чуть-ли не волюндумствомъ и ересью или въ лучшемъ случаѣ—второстепенными, излишними пустяками.

Эти люди, наоборотъ, видятъ въ такихъ «пустякахъ» наше національное достояніе, которое нужно оберегать и культивировать; они требуютъ для нашего юношества вполне основательнаго, глубокаго и разносторонняго еврейскаго знанія: знанія языка, исторіи, литературы и пр., требуютъ доставленія ему не поверхностнаго лишь знакомства съ этими предметами, не «обрывковъ» ихъ, а солиднаго и прочнаго знанія путемъ широко поставленнаго обширнаго учебнаго курса еврейскихъ предметовъ.

Но отъ кого они требуютъ выполненія такой задачи, на кого возлагается отвѣтственность за эту нелегкую миссію?—На еврейскія *начальныя* училища, т. е. на элементарную школу!

Не сказывается-ли здѣсь наша склонность къ увлеченіямъ и крайностямъ по принципу: все или ничего, наши часто неумѣренныя притязанія «объять необъятное» и неумѣіе или нежеланіе принимать во вниманіе дѣйствительное, фактическое, а не воображаемое только положеніе дѣла?¹

Стоитъ подойти ближе къ занимающему насъ предмету и при-

¹ Авторъ, по нашему мнѣнію, допускаетъ серьезную ошибку, не совсѣмъ точно разграничивая разсматриваемыя имъ двѣ категоріи взглядовъ на еврейскіе предметы. Сторонниковъ того и другого возрѣнія объединяетъ, прежде всего, убѣжденіе что начальная еврейская школа призвана дать своимъ питомцамъ болѣе или менѣе законченное религиозно-нравственное воспитаніе въ еврейскомъ духѣ. Далѣе, нежѣрно, будто ортодоксальная часть евреевъ не придаетъ никакого значенія знанію еврейскаго языка, Библіи, еврейской исторіи, литературы и этики. Именно на этой почвѣ и желательно примиреніе «старыхъ» и «молодыхъ». Наконецъ, преувеличены и замѣчанія автора, будто еврейская интеллигенція предъявляетъ къ начальнымъ училищамъ чрезмѣрныя требованія: примѣръ нѣкоторыхъ образцовыхъ талмудъ-торъ на югѣ и другихъ общественныхъ училищъ въ Одессѣ и С.-Петербургѣ указываетъ, что при болѣе внимательномъ отношеніи къ этимъ предметамъ со стороны преподавателей, а также нѣкоторомъ увеличеніи числа учебныхъ часовъ, вполне достижимо—не въ ущербъ успѣхамъ по общимъ предметамъ—болѣе полное и сознательное усвоеніе еврейскомъ мальчикомъ того, что составляетъ сущность еврейскаго вѣроученія и еврейскаго самосознанія. Ниже самъ авторъ приходитъ къ такимъ же заключеніямъ.

смаиваться къ тому, *съ какія условія* поставлено въ училищахъ преподаваніе еврейскихъ предметовъ, чтобы получить ясное представленіе о требованіяхъ, какія мы въ этомъ отношеніи къ нимъ можемъ предъявлять, не вступая въ противорѣчіе съ логикой и справедливостію.

Прослѣдимъ шагъ за шагомъ послѣдовательный ходъ обученія въ училищѣ еврейскимъ предметамъ.

Въ приготовительный классъ мальчикъ обыкновенно поступаетъ безъ всякаго почти знанія отечественной рѣчи. Такъ какъ преподаваніе обязательно ведется по-русски, то очевидно, что объ обученіи ученика *еврейскому* языку на непонятномъ ему пока *русскомъ* не можетъ быть еще въ первое время и рѣчи. Все вниманіе учителя и его искусство въ это время направлены всецѣло на то, чтобы, говоря характернымъ школьнымъ терминомъ, нѣсколько «приручить звѣрька», развязать ему языкъ и медленно, шагъ за шагомъ, научить его кое-какъ выражаться по-русски, понимать учителя и все, что дѣлается вокругъ него въ классѣ. Одновременно съ этимъ ведется чтеніе и письмо по-русски и первоначальныя упражненія въ счетѣ. Только по прошествіи первыхъ 3—4 мѣсяцевъ является возможность приступить къ еврейскимъ предметамъ (въ приготовительномъ классѣ — Кн. Бытія и древне-еврейскій языкъ).

Но и теперь еще запасъ русскихъ словъ и выраженій у ученика слишкомъ скуденъ для успѣшнаго усвоенія имъ объясняемыхъ ему по-русски оборотовъ библейской рѣчи, подчасъ весьма трудныхъ для перевода. Процессъ этого перевода по необходимости подвигается чрезвычайно медленно, слово за словомъ, строка за строкою — черепашиимъ шагомъ. Въ то же время по еврейскому языку удастся лишь поупражнять дѣтей въ переводахъ (съ русскаго и обратно) небольшого количества легкихъ фразъ, спряженіи простѣйшихъ глаголовъ и склоненіи (сопряженіи) именъ, да иногда — и въ объяснительномъ чтеніи легкихъ статейкъ, басенъ и пр.

Такъ проходитъ первый учебный годъ (а онъ всего-то составляетъ не болѣе 8-ми полныхъ мѣсяцевъ), въ теченіе коего дѣлается, слѣдовательно, лишь первый вступительный шагъ въ положенный курсъ еврейскихъ предметовъ, — шагъ незначительный, но, по обстоятельствамъ, единственно возможный.

Затѣмъ ученикъ переходитъ въ слѣдующій, основной классъ¹. Здѣсь при 8-ми недѣльныхъ урокахъ на 4 евр. предмета, т. е. по 2 урока въ недѣлю на каждый, тоже далеко уйти нельзя. Правда, ученики остаются въ этомъ классѣ (въ 3 его отдѣленіяхъ) нѣсколько лѣтъ, но нужно при этомъ имѣть въ виду во 1-хъ, что при обученіи еврейскимъ предметамъ учителю постоянно приходится считаться со степенью знанія учениками русскаго языка (на которомъ ведется преподаваніе), и что пока, въ первые годы, это знаніе еще слабо, оно не можетъ не задерживать успѣшнаго хода обученія по предметамъ еврейскимъ, и во 2-хъ, что древне-еврейскій языкъ, помимо своей сравнительной трудности, кромя того вѣдь не вполне живой, разговорный языкъ, и если его по всей справедливости нельзя вообще причислить къ языкамъ мертвымъ, совершенно отжившимъ, то все же онъ является почти таковымъ съ точки зрѣнія собственно *педагогической*; это значитъ, что какъ *учебный матеріалъ* въ школѣ онъ представляетъ для учителя черты и особенности, свойственныя языкамъ неживымъ. Тутъ приемы и методы не тѣ, — и результаты иные. Только благодаря продолжительности училищнаго курса и представляется возможность ученикамъ приобрести ту сумму знаній по еврейскимъ предметамъ, которую даетъ имъ начальное училище.

Если сумма эта не очень велика и не соотвѣтствуетъ желанію многихъ видѣть наше молодое поколѣніе солидно и *хорошо* знающимъ по-еврейски, основательно и *широко* свѣдущимъ во всемъ, что входитъ въ разнообразный кругъ спеціально-еврейской науки, — то нельзя же за это обвинять *элементарную* школу. Не слѣдуетъ забывать, что школьное дѣло не терпитъ рѣзкихъ переходовъ и искусственныхъ скачковъ, что оно немислимо безъ извѣстной, естественной послѣдовательности и постепенности, — извѣстной, такъ сказать, градаціи. Вездѣ образованіе первоначальное и слѣ-

¹ Такъ какъ курсъ приготовительнаго класса по Положенію опредѣленнаго срока не имѣетъ, то въ однихъ училищахъ онъ одногодичный, въ иныхъ — двухгодичный (смотря по степени развитія поступающихъ дѣтей, неодинаковой въ различныхъ центрахъ, и другимъ мѣстнымъ условіямъ); но въ виду того, что въ послѣднемъ случаѣ учителю приходится имѣть дѣло съ менѣе развитыми дѣтьми и непремѣнно съ *двумя* группами, въ итогѣ разница между учебными курсами приготовительнаго класса въ обоихъ случаяхъ оказывается незна-тельной.

дущія за нимъ среднее и высшее обнимаютъ каждое свой опредѣленный кругъ учебной работы, и никто не думаетъ смѣшивать ихъ разнородныя функціи, т. е. смѣшивать такія понятія, какъ начальное училище, средняя школа и университетъ или академія. Никто и не думаетъ поэтому предъявлять ко всѣмъ этимъ заведениямъ одинаковыя требованія.

Но у насъ изстари установилась такая именно путаница понятій. Нѣкогда наши дѣды величали всякаго гимназиста и школьника «студентомъ» и съ всеобъемлющимъ именемъ «классы» соединяли представленіе о всѣхъ безъ различія храмахъ свѣтской науки (*shofmas iowon*), относительно которыхъ не предполагалось никакихъ подраздѣленій и классификацій. И мы еще по сію пору какъ бы не отрѣшились отъ подобной рутинны; какъ наивный ямщикъ отъ рабби Гилеля, мы требуемъ, чтобы насъ научили «всей Торѣ на одной ногѣ», и считаемъ всякое училище, какъ таковое, обязаннымъ давать образованіе полное, безъ всякихъ пробѣловъ: на то дескать, оно и училище...

Правда, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ весьма значительнымъ, по мнѣнію многихъ, пробѣломъ, а именно: съ невозможностью дать еврейскому юношеству раціональное еврейское образованіе въ предѣлахъ болѣе широкихъ, чѣмъ начальный элементарный курсъ — за отсутствіемъ соответственныхъ для этого заведеній (единственный, специально *учительскій*, институтъ съ его ограниченнымъ числомъ воспитанниковъ идти въ счетъ не можетъ). Но начальныя училища замѣнить же ихъ не могутъ и слѣдовательно нисколько въ этомъ неповинны.

XII.

Но слѣдуетъ-ли изъ всего сказаннаго, что наши училища въ этомъ отношеніи совершенно безукоризненны?—На этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, приходится отвѣтить отрицательно.

Если несправедливо, какъ мы сказали, предъявлять къ нимъ требованія слишкомъ широкія, то требовать слѣдуетъ, чтобы они не давали меньше того, что они дать должны и могутъ. Между тѣмъ, если не про всѣ училища, то про многія изъ нихъ, пожалуй даже про большинство,—надо сказать, что они ужъ слишкомъ мало вниманія удѣляютъ еврейской части своей программы и суживаютъ предѣлы возможнаго въ этомъ отношеніи. Такъ напр.,

по еврейскому языку обыкновенно принято въ нихъ ограничиваться непотными грамматическими правилами да сухими переводами фразъ; а между тѣмъ возможно и необходимо отвести мѣсто (въ старшихъ отдѣленіяхъ) болѣе самостоятельнымъ и серьезнымъ практическимъ (письменнымъ) упражненіямъ, чтенію и разбору статей, заучиванію наизусть стихотвореній и басенъ и т. п. Подъ Закономъ вѣры въ нѣкоторыхъ училищахъ почему-то подразумеваютъ лишь объясненіе молитвъ, что прямо противорѣчитъ Положенію, гдѣ (п. 41-й) рядомъ съ молитвами помѣщенъ Законъ вѣры, какъ самостоятельный предметъ. Онъ можетъ заключать въ себѣ объясненіе основъ Закона Моисеева хоть бы въ предѣлахъ, изложенныхъ въ существующихъ еврейскихъ катехизисахъ, и въ такомъ краткомъ видѣ никоимъ образомъ не долженъ отсутствовать въ программѣ еврейскихъ предметовъ. Возможно также нѣкоторое расширеніе курса еврейской исторіи. А главное—необходимо болѣе внимательное, живое отношеніе ко всей этой части учебнаго курса училищъ.

Ближайшими средствами къ достиженію такого отношенія и вообще возможно лучшей постановкѣ въ училищахъ этихъ предметовъ мы считаемъ слѣдующія:

1) Улучшеніе постановки тѣхъ же предметовъ въ учительскомъ институтѣ. — Объ этомъ уже говорено было выше. Необходимо установить болѣе строгія требованія въ этомъ отношеніи къ поступающимъ въ институтъ, что не трудно сдѣлать въ настоящее время, когда, вслѣдствіе затруднительнаго доступа евреевъ въ другія заведенія, число желающихъ попасть въ институтъ ежегодно бываетъ весьма значительно,—есть, слѣдовательно, изъ чего выбирать; а затѣмъ, разумѣется, рядомъ съ этой мѣрой расширить количественно и качественно улучшить специально еврейскую часть институтскаго курса. Несомнѣнно, что такое повышеніе собственно-еврейскаго образовательнаго ценза учителей начальныхъ училищъ естественно вызоветъ соотвѣтствующее улучшеніе дѣла въ самихъ училищахъ.

2) Обязательность еврейскихъ предметовъ въ начальныхъ училищахъ.—Посѣщеніе уроковъ еврейскихъ предметовъ для учащихся въ училищахъ (согласно примѣч. къ п. 42-му Положенія 1873 г.) нынѣ не обязательно и вполнѣ зависитъ отъ желанія ихъ родителей. Это обстоятельство какъ бы невольно пріучаетъ и учащихся

и учащихся смотрѣть на еврейскіе предметы въ училищѣ, какъ на ненужную, лишнюю вещь, которую можно игнорировать и къ которой по меньшей мѣрѣ серьезное отношеніе не обязательно. Поэтому представляется вполне цѣлесообразнымъ измѣнить этотъ порядокъ вещей. При установленіи его авторы Положенія руководились неоднократно выраженнымъ (Положеніе о евреяхъ 1804 г., Высочайшее повелѣніе 4 мая 1859 г. и др.) намѣреніемъ высшей власти не стѣснять евреевъ въ *религіозно-воспитательномъ* отношеніи, предоставивъ имъ самимъ заботиться о специально-еврейскомъ образованіи своихъ дѣтей и свободно выбирать между правительственными училищами и своими собственными традиціонными учрежденіями; кромѣ того, сказанные авторы не могли не имѣть въ виду, что учрежденныя училища должны были по мысли правительства служить лишь переходной, промежуточной ступеню для главной тогда цѣли — направленія евреевъ въ общія учебныя заведенія имперіи, для каковой цѣли, конечно, та или иная организація собственно *еврейской* части въ училищахъ важнаго значенія не имѣла. Но нынѣ, когда съ одной стороны сами евреи въ большинствѣ случаевъ ужъ не довольствуются хедеромъ и сознаютъ пользу *раціональнаго* еврейскаго образованія, а съ другой — еврейскія училища по обстоятельствамъ вмѣсто прежней, служебной роли получили самостоятельное, такъ сказать, самодовлѣющее значеніе, — необходимость установленія обязательнаго посѣщенія еврейскихъ уроковъ учащимися въ начальныхъ училищахъ становится очевидной ¹.

3) Соединеніе еврейской части *по времени* съ общеобразовательной. — Эта мѣра находится въ непосредственной связи съ предыдущей и въ зависимости отъ нея. Теперь, при необязательности посѣщенія уроковъ еврейскихъ предметовъ, предметы эти отдѣлены по времени ихъ преподаванія отъ предметовъ общихъ и отнесены на послѣ-обѣденные часы «въ интересахъ училищной дисциплины», по выраженію объяснительныхъ свѣдѣній въ Поло-

¹ Особенно послѣ новаго, послѣдовавшаго въ началѣ сего 1895 года министерскаго разъясненія, что согласно закону 1 марта 1893 года о хедерахъ въ нихъ воспрещается преподаваніе еврейской грамматики, чтеніе ново-еврейскихъ авторовъ и т. п. (См. Циркуляръ по Виленскому Учебному Округу, 1895 г., № 3). Были, правда, слухи объ отміѣнѣ этого циркуляра, но съ высказаннымъ въ немъ взглядомъ министерства нельзя не считаться.

женію 1878 г. Но если предметы эти сдѣлаются обязательными, тогда не будетъ надобности въ разъединеніи обонхъ курсовъ, общаго и еврейскаго, и въ лишеніи такимъ образомъ послѣдняго права гражданства въ ряду всей, такъ сказать, іерархіи учебныхъ предметовъ училища. Еврейскіе предметы отъ этого выиграютъ¹, и общіе нисколько не пострадаютъ: въ нихъ не будетъ внесено никакого диссонанса, такъ какъ и еврейскіе предметы преподаются по-русски и поэтому не только не мѣшаютъ, но даже значительно способствуютъ практическому усвоенію учащимися русской рѣчи.

4) Установленіе надлежащаго контроля надъ дѣломъ преподаванія еврейскихъ предметовъ въ училищахъ. Конечно, въ учебномъ дѣлѣ живое, добросовѣстное и любовное отношеніе учащихся къ своимъ обязанностямъ всегда на первомъ планѣ; но такъ какъ и здѣсь, какъ во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ, мы рассчитываемъ не столько на рѣдкихъ, исключительно-идеальныхъ представителей данной профессіи, сколько на обыкновеннаго, средняго человека, съ обыкновенными человѣческими наклонностями и слабостями, — то нельзя сказать, чтобы тутъ было достаточно положиться на одно внутреннее, идейное сознаніе, на одну, такъ сказать, педагогическую «совѣсть» самихъ учащихся, и чтобы вышнія побудительныя воздѣйствія не играли здѣсь извѣстной роли. Нынѣ только общеобразовательная часть начальныхъ училищъ ревизуется чинами учебнаго вѣдомства на общемъ основаніи, но полезно было бы и на еврейскую часть распространить подобный же контроль, для чего и учредить соотвѣтственные органы при тѣхъ учебныхъ округахъ (Виленскомъ, Киевскомъ, Рижскомъ и Одесскомъ), въ которыхъ находятся еврейскія училища².

¹ Такъ какъ теперь ими занимаются въ такое время, когда и учитель и ученики утомлены предыдущими учебными занятіями, поглотившими необходимыя для того физическія и душевныя ихъ силы.

² Мы не прибавляемъ къ указаннымъ здѣсь средствамъ также и увеличеніе числа еврейскихъ уроковъ, потому что это врядъ-ли представляется возможнымъ: общее число недѣльныхъ уроковъ въ основномъ классѣ евр. училищъ (32) и безъ того весьма значительно и, далеко превышая таковое число въ училищахъ городскихъ, уѣздныхъ и т. п., достигаетъ возможнаго для начальной школы тахішут'а (5—6 уроковъ ежедневно), увеличеніе котораго грѣшило бы противъ основныхъ требованій школьной дѣтетики (даже въ хе-

Это все, что мы находимъ возможнымъ сказать о теперешнемъ состояніи нашихъ начальныхъ училищъ¹. Мы далеки отъ мысли, что намъ удалось исчерпать все содержаніе предмета, освѣтить его со всѣхъ сторонъ и детально разработать. Мы старались представить прошлое и настоящее нашей русско-еврейской школы въ общихъ чертахъ и отмѣтить нѣкоторыя изъ тѣхъ ея сторонъ, которыя или ускользали отъ общаго вниманія, или являлись ему не въ надлежащемъ, истинномъ свѣтѣ. Но мы не коснулись многихъ вопросовъ, какъ общевоспитательнаго, такъ и специально дидактическаго и методическаго характера, могущихъ служить предметомъ особаго подробнаго разсмотрѣнія. Сюда относится, напримѣръ, весьма важный вопросъ объ утвержденіи нашего учебнаго дѣла на широкихъ началахъ физическаго развитія и здороваго, дѣятельнаго труда въ разнообразныхъ его отрасляхъ и видахъ, о нѣкоторыхъ дополненіяхъ и измѣненіяхъ въ училищной программѣ, объ учебникахъ и руководствахъ, о необходимости учительскихъ съѣздовъ еврейскихъ учителей, о матеріальныхъ и нравственныхъ нуждахъ этихъ самыхъ учителей и много другихъ вопросовъ и задачъ, какъ обще-педагогическихъ, такъ въ особенности такихъ, которые вызываются особыми условіями русско-еврейской школы, ея исключительнымъ характеромъ жизни и дѣятельности.

О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ², въ другомъ надѣемся еще вернуться; настоящую же работу мы хотѣли посвятить ясному опредѣленію того, что представляетъ

дѣрахъ закономъ 1 марта 1893 г. допускается не больше 6—7 часовъ занятій въ день); объ увеличеніи же числа еврейскихъ уроковъ *за счетъ* предметовъ общеобразовательныхъ, т. е. въ прямой ущербъ этимъ послѣднимъ, въ нашей русско-еврейской правительственной школѣ, конечно, еще менѣе можетъ быть рѣчи.

¹ Въ Виленск. Учебн. Округѣ нарождается и другой, низшій типъ еврейск. училища: это бывшія школы грамотности, нынѣ переименованныя въ еврейскія народныя училища—одноклассныя и двухклассныя (съ однимъ и съ двумя учителями); программа ихъ—элементарный курсъ русскаго языка и ариметики, еврейскихъ предметовъ нѣтъ; большинство училищъ съ женскими смѣнами для дѣвочекъ. Весьма полезныя школы, но ихъ еще немного, и дѣятельность ихъ еще впереди.

² Ср. мой ст.: „Учительскіе съѣзды“, „Недѣльн. Хроника Восхода“, 1887 г. № 10, и „Новые запросы нашего воспитанія“, „Восходъ“, 1894 г., кн. 9-я.

собой наше начальное еврейское училище, т. е: наша единственная благоустроенная элементарная школа, въ ея послѣдовательно-историческомъ развитіи. Такое освященіе предмета, раскрывая любопытную страницу изъ исторіи просвѣщенія евреевъ въ Россіи, казалось намъ безполезнымъ и въ интересахъ пракческаго рѣшенія вопросовъ, предъявляемыхъ современнымъ положеніемъ дѣла воспитанія нашего юношества.

Як. Каценельсонъ.

Словимъ. Іюнь 1895 г.

ДАЙ ЦВѢТОКЪ!

КАРИНКА ЭЛИЗЫ ОРЖЕШКО.

На улицахъ города О. стоятъ вѣчный шумъ и гамъ. Дребезжа, несутся по мостовой экипажи, по узкимъ тротуарамъ бѣгутъ во всѣ стороны прохожіе и, не замѣчая другъ друга, спѣшать куда-то и зачѣмъ-то...

Не приходилось-ли вамъ видѣть, среди этой толпы, старой сгорбленной женщины въ разорванномъ платьѣ, медленно бродящей по улицамъ, обыкновенно жмущейся къ стѣнамъ домовъ. Вотъ тяжело дыша, съ каплями пота на сморщенномъ лбу, старушка останавливается для минутнаго отдыха.

Очевидно она устала, но причины этой усталости не доискивайтесь въ ея сегодняшнихъ странствованіяхъ. Дни, мѣсяцы, цѣлые годы она подобнымъ же образомъ тянетъ свою лямку; она безпрестанно пробивается чрезъ толпу, сталкивающую ее съ тротуара, заставляющую ходить въ разорванныхъ туфляхъ по острымъ камнямъ, прижимающую ее къ стѣнамъ домовъ, раскаленнымъ въ зной и холоднымъ какъ ледъ—вимою. Всмотритесь въ ея низкую сгорбленную фигуру, въ ея маленькое сморщенное лицо, покрытое толстой, коричневой кожей; посмотрите, какъ пожелтели ея черные глаза и какъ дрожатъ надъ этими поблѣднѣвшими зрачками желтыя, сморщенные, лишенные рѣсницъ вѣки. Сколько морщинъ на ея лбу! Этотъ лобъ скорѣе походить на кусокъ старой смятой бумаги, долгое время валявшейся гдѣ-то въ пыли и грязи. Волосъ у старушки не замѣтно; ихъ прикрываетъ ветхій платокъ, сохранившій еще однако свой ярко-желтый цвѣтъ. Концы платка падаютъ на спину, покрытую широкимъ кафтаномъ съ множествомъ заплата на рукавахъ и на груди. Обувь этой бѣдной женщины составляютъ какія-то старыя, изношенныя туфли; синіе шерстяныя чулки видны изъ-подъ изношенной юбки, окаймленной

внизу нитками, запачканными уличной грязью на подобіе бахромы.

Вамъ эта женщина не знакома?

Я ее знаю. Имя ея—Хая; по профессіи—она старьевщица. О! Боже! простите-ли, читатели, что я осмѣливаюсь знакомить васъ съ личностью, занимающей такую низкую ступень въ общественной іерархіи?

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между вами, благородный читатель, и старьевщицей? Вы самое это слово произносите, вѣроятно, съ отвращеніемъ, и во всякомъ случаѣ съ пренебреженіемъ.

Простите! Я люблю старую Хаю, и всякій разъ, когда смотрю на нее, мнѣ кажется, что между нами много общаго, нераздѣльнаго. Я и она принадлежимъ къ одной великой семьѣ, называемой человечествомъ. Значить, она моя родственница, и извините, читатели,—но ваша тоже! Это безспорная истина, противъ которой бессильно отвращеніе, оправдываемое нерѣдко «чувствомъ изящнаго», бессилень и презрительный жестъ иѣжной бѣлой ручки, унизанной кольцами! Если бы однако мѣриломъ общественнаго положенія служили пережитыя страданія и трудъ, то нашей Хаѣ пришлось бы подъ старость занять далеко не послѣднее мѣсто!...

Хая не всегда была старьевщицей... Ея прошлое... Какой необыкновенный интересъ возбуждаетъ прошлое именно такихъ существъ, съ сморщенными лбами, съ желтыми вѣками, со зрачками, налитыми кровью отъ пролитыхъ слезъ; эти полинявшіе зрачки такъ и носятъ, кажется, отпечатокъ времени, которое такъ долго въ нихъ отражалось! При видѣ этого сморщенного лица, изсохшихъ губъ, блѣдныхъ зрачковъ мною овладѣваетъ непреодолимое желаніе узнать: кто ты такая? кѣмъ ты была? кого ты въ молодости любила? какіе труды, страданія, радости и разочарованія встрѣчала ты на своемъ жизненномъ пути, который доведетъ тебя до могилы? Повѣрьте, господа, что знаніе исторіи такихъ бѣдныхъ, сгорбленныхъ, усталыхъ и несчастныхъ существъ обогащаетъ сердце всякаго человѣка и вдохновляетъ умъ писателя.

Въ молодости Хая была стройной дѣвушкою съ красивымъ, полнымъ и румянымъ личикомъ, съ черными какъ смоль

волосами и съ большими черными, бархатными глазами. Родилась она въ деревнѣ—въ корчмѣ.

Это была маленькая корчма, находившаяся въ низкой хижинѣ съ оступившимися стѣнами и съ прогнившею крышею. Но кругомъ этой хижины разстилались обширные луга и прекрасныя нивы, за которыми видѣлся тѣнистый дубовый лѣсъ; недалеко отъ хижины тянулся прекрасный, старинный садъ, принадлежавшій помѣщику, точно также, какъ и эта маленькая корчма, которую ежегодно арендовалъ отецъ Хаи.

Бѣдна была корчма, бѣденъ былъ и ея арендаторъ. У него было много дѣтей, которыя очень рано оставляли родительскій домъ. Когда Хаѣ было около 15 лѣтъ, ей сосватали жениха Лейбу, все имущество котораго состояло изъ лошади и воза.

Лейба возилъ въ мѣстечко муку изъ загородной мельницы и этимъ себѣ снискивалъ пропитаніе. Перетаскивая постоянно мѣшки съ мукой, онъ былъ ею покрытъ съ ногъ до головы, напоминая своимъ видомъ альбиноса.—Переѣхавъ въ городъ, Хая разсталась навсегда съ идилліей своего дѣтства, съ зелеными лугами, среди которыхъ ей приходилось ежедневно проводить по нѣскольку часовъ спокойнаго, беззаботнаго сна подъ тѣнью вѣтвистаго шиповника; вѣтви шиповника, подобно вѣру, касались ея ушей и какъ будто рассказывали ей длинныя, не совсѣмъ ясныя, но очаровательныя сказки; она разсталась съ вѣчно журчащимъ ручейкомъ, съ плакучими ивами, опускающими свои вѣтви въ воду; повиснувъ на одной изъ этихъ вѣтвей, она бывало подолгу качалась надъ вѣчно журчащими, плещущими волнами, такъ отчетливо отражавшими ея прекрасное личико съ черными огненными глазками... Да, она разсталась съ нивами, на которыхъ она такъ беззаботно играла въ прятки со своими рѣзвыми братишками; она разсталась съ помѣщичьимъ садомъ, гдѣ ей иногда позволяли гулять подъ тѣнью вѣтвистыхъ деревьевъ, гдѣ она дышала запахомъ душистыхъ цвѣтовъ... Видъ этого прекраснаго сада приводилъ Хаю въ восторгъ... Въ какомъ-то упоеніи и какъ бы въ глубокой задумчивости она бродила по тѣнистымъ аллеямъ!.. Она простилась съ бѣдной корчмой и съ маленькой каморкою, въ которой находилось нѣсколько ковъ, сердечныхъ ея пріятельницъ. Въ корчмѣ безпрестанно хлопотала ея мать, уже до-

волью пожилая женщина со страдальческимъ, но нѣжнымъ взглядомъ; у входа въ избушку на низенькой скамейкѣ сидѣлъ бывало старшій братъ Хай и воспроизводилъ на скрипкѣ невысказанныя, но хватающія за душу, то порывистыя, то уныло-протяжныя мелодіи. Хая, прижавшись къ нему, съ большимъ напряженіемъ прислушивалась къ его игрѣ, блуждая взоромъ по дальнимъ нивамъ, окутаннымъ бѣлымъ туманомъ... Во время игры у брата наворачивались слезы на глаза. Видя это, Хая спрашивала, отчего онъ плачетъ? Но не получала отвѣта. Грустили они оба, не зная о чемъ.. Оба они были невѣжественны, но многое предчувствовали... Они тосковали, желали чего-то, а можетъ быть и боялись чего-то... Возможно, что они жалѣли о томъ, чего имъ не суждено было никогда достигнуть... Если это такъ, то предчувствіе ихъ не обмануло: тяжелое будущее сулила имъ судьба... Когда тоны скрипки становились протяжнѣе, грустнѣе, вся дѣтвора собиралась вокругъ игравшаго и жадно слушала его музыку... Мать въ это время, ходя взадъ и впередъ по темнымъ сѣнямъ, глубоко вдыхала, а отецъ, съ большою рыжею бородой, сморщеннымъ лбомъ и какимъ-то особенно унылымъ взоромъ, стоя у окна избы, молился все громче и усерднѣе, все поспѣшнѣе и жалобнѣе...

Съ первыхъ же дней своей городской жизни наша бѣдная Хая разсталась со всѣмъ этимъ... а можетъ быть, и еще съ чѣмъ-то... Можетъ быть, когда-то, въ знойный лѣтній день, качаясь на вѣткѣ ивы надъ серебристыми волнами, она увидѣла своими огненными, широко раскрытыми глазами прекраснаго юношу съ бѣлоснѣжной маленькой ручкой, съ страстнымъ взоромъ и съ челомъ, озареннымъ мудростью праучителей Израилевыхъ, о которыхъ ея отецъ такъ часто рассказывалъ братьямъ... Это возможно... Вѣдь не однѣмъ только царицамъ можно мечтать о счастьи... О немъ, вѣроятно, мечтаютъ и эти босоногія еврейскія дѣвчонки, сидящія возлѣ своихъ грязныхъ корчемъ на лугу, смотрящія своими сонно-мечтательными глазами въ непроницаемую даль...

Счастье! *Quel animal est-ça?*—могла бы спросить Хая, если бы знала по французски... Но она не знаетъ французскаго языка, и потому она на своемъ простомъ жаргонѣ ежедневно

повторяетъ: «Господи міра! благодарю Тебя за то, что Ты создалъ меня по своей волѣ!..»

Да, Хая переселилась въ городъ... Теченіе городской жизни унесло ее, какъ маленькій атомъ, случайно прилипшій къ цѣлой массѣ подобныхъ же атомовъ, поцавшихъ въ безпрестанный, неумолимый круговоротъ, въ которомъ стопа завидуетъ стопѣ изъ-за каждой пяди земли, грудь—груди изъ-за каждой частицы воздуха, ротъ—рту изъ-за каждой крошки хлѣба, гдѣ сердца черствѣютъ, вянуть и каменѣютъ при видѣ этихъ грязно-сѣрыхъ камней, почернѣвшихъ стѣнъ и блѣдныхъ лицъ, чуждыхъ ласкающихъ звуковъ, видовъ и всѣхъ чаръ свѣжей и свободной природы..

Что дѣлать? какъ тутъ быть? чѣмъ помочь мужу, образъ котораго, правда, не отражался въ серебряныхъ волнахъ ручейка, какъ пропитать своихъ дѣтей, число которыхъ все возрастало? Хая прибѣгала къ разнообразнымъ средствамъ: сначала она разносила по городу мелкій товаръ въ нѣсколькихъ ящикахъ, которыми она обвѣшивалась со всѣхъ сторонъ, такъ что казалась, будто у нея горбъ спереди и сзади, потомъ она разносила фрукты въ большихъ корзинахъ, послѣ этого..

Но не буду вамъ, господа, рассказывать, что дѣлала Хая во всю свою жизнь. Одно только хочу вамъ сказать. Она очень часто ходила на кладбище,—на еврейское кладбище, обнесенное низкимъ кирпичнымъ заборомъ, расположенное въ верстѣ отъ города на песчаномъ возвышеніи, казавшееся издали цѣлымъ лѣсомъ каменныхъ полукруглыхъ плитъ. Хая часто ходила на это песчаное возвышеніе, а передъ ней тянулся, дребезжа по неровной мостовой, воевъ съ продолговатымъ, деревяннымъ ящикомъ.

Слѣдуя за возомъ, Хая заливалась горькими слезами, а послѣ возвращенія ея домой, число камней на песчаномъ возвышеніи увеличивалось... Впослѣдствіи на этихъ камняхъ выписывались разные имена: мужа Хаи, брата ея, матери, жившей подъ старость у Хаи, имя сына, который былъ безцѣннымъ «алмазомъ» въ ея заплаканныхъ глазахъ, имя дочери, которая цвѣла, какъ роза, въ ея терновомъ вѣнцѣ..

Хая, подобно многимъ пожилымъ людямъ, потеряла всѣхъ своихъ близкихъ: одни умерли, другіе куда-то уѣхали, третьи

посреди собственныхъ хлопотъ и трудовъ забыли про нее... Она почти совсѣмъ стала одинокой. Она покупаетъ старую одежду, иногда даже подымаетъ выброшенные изъ оконъ старыя тряпки, разноситъ ихъ по городу въ большой плетеной корзинѣ, сбываетъ этотъ замѣчательный товаръ еще болѣе замѣчательнымъ покупателямъ и—живетъ...

Вы думаете, господа, что Хая живетъ уже безъ всякихъ радостей, что нѣтъ ничего на свѣтѣ, что бы могло придать блескъ ея потухшимъ глазамъ, вызвать нѣжную почти радостную улыбку на ея увядшія губы?

Ошибаетесь! Взгляните на Хаю, когда она, сгорбленная подъ тяжестью своей корзины, идетъ по улицѣ, вытирая своимъ разорваннымъ кафтаномъ стѣны домовъ; туфли ея зацѣпляются объ острые камни и падаютъ съ ногъ, она ежеминутно останавливается и, гнѣвно бормоча, снова ихъ надѣваетъ на ногу въ синемъ чулкѣ. Посмотрите на нее! Она подняла голову и съ огненнымъ блескомъ въ глазахъ вскрикнула: — Хаимке! Хаимке!

Шестилѣтній мальчикъ, бѣжавшій по улицѣ, услышалъ ея зовъ; обвивъ руками ея шею, онъ громко поцѣловалъ сморщенное чело старушки и, быстро повернувшись, побѣжалъ дальше со смѣхомъ и крикомъ за цѣлою толпой старшихъ и младшихъ мальчиковъ, направлявшихся въ ту сторону, гдѣ вотъ уже нѣсколько дней красовалась необычайная вывѣска съ нарисованнымъ на ней великаномъ. За входъ въ балаганъ, гдѣ показывали великана, нужно было платить, между тѣмъ изображеніемъ, вывѣшеннымъ на стѣнѣ дома, Хаимъ и его товарищи любовались по цѣлымъ часамъ бесплатно...

Хая не была совсѣмъ одинока... Хаимъ—ея внукъ, оставшійся послѣ самой младшей ея дочери, послѣ той, именно, которая, какъ роза, цвѣла въ ея терновомъ вѣнцѣ. Судьба лишила старую Хаю ея любимой дочери, но оставила ея живой образъ въ маленькомъ внукѣ. У Хаима были темнорусые вьющіеся волосы, какъ у покойной матери, а своими огромными черными глазами онъ напоминалъ бабушку. Хаимъ былъ красивый ребенокъ. Замѣтили-ли вы, господа, что почти всѣ безъ исключенія еврейскія дѣти въ первые годы своего дѣтства очень красивы? Но потомъ, постепенно—ихъ лица худѣютъ,

зрачки теряютъ свой блескъ и поблѣднѣвшія губы раскрываются съ какимъ-то безмысленно-тупымъ выраженіемъ. Юноши и отроки уже носятъ отпечатокъ болѣзненности и дѣливой усталости. Не знаю, что собственно лишаетъ ихъ такъ рано свѣжести и красоты. Пришлось-ли вамъ видѣть когда-нибудь квартиры ихъ родителей? Знакомы ли вамъ изслѣдованія о вліяніи количества и качества пищи на человѣческой организмъ? Заглянули-ли вы когда-нибудь въ хѣдеры, гдѣ обучаются эти дѣти? Знаете-ли вы, чему, какъ и когда ихъ учатъ? Знакомы ли вамъ мелады съ крѣпкимъ кулакомъ и нетерпѣливымъ взоромъ?.. Но Хаимъ еще очень красивъ. По его одеждѣ очень легко можно угадать профессію бабушки, его единственной опекуни; круглый годъ, лѣтомъ и зимой, на немъ коленкоровый камзолъ, коленкоровый сюртучекъ и такая же шапка. Въ шапкѣ пришить кожаный, измятый козырекъ, но Хаимъ рѣдко носитъ шапку; онъ почти всегда оставляетъ ее дома, а по улицамъ бѣгаетъ въ рыжей, маленькой ермоглѣ, прикрывающей только небольшую часть его темнорусыхъ кудрей.

Хая сама собственноручно шьетъ одежду для Хаимки; правда, это бываетъ довольно рѣдко; но всегда, когда это случается, можно наблюдать любопытную картину, какъ эта женщина, въ большихъ очкахъ, прикрывающихъ своими темными стеклами большую часть ея сморщенного лба, сидитъ на низкой скамейкѣ и при тускломъ свѣтѣ лампы дрожащими исхудавшими руками мѣритъ и шиваетъ старыя полинявшія тряпки. Дѣлая это съ необыкновеннымъ напряженіемъ силъ и зрѣнія, она отъ времени до времени бормочетъ что то про себя полупшепотомъ. Это послѣднее превратилось для нея въ привычку. «Кто тамъ теперь живетъ?» шепчетъ она по временамъ. Въ такіе минуты она думаетъ о маленькой, грязной корчмѣ, гдѣ она родилась и выросла.

— Ай, ай! какъ великолѣпны они были!

Воспоминаніе это относится къ деревьямъ помѣщичьяго сада, подѣ тѣнью которыхъ она прогуливалась, будучи еще ребенкомъ и дѣвушкой.

Въ другой разъ она тяжело вздыхаетъ. Когда онъ умеръ — бормочетъ Хая — онъ былъ бѣлѣе той муки, которую постоянно возилъ. Онъ умеръ очень рано, но что-же тутъ удивительнаго?

Тяжелые мѣшки клалъ онъ на возъ всю свою жизнь... очень усталъ и... ушелъ туда...

Послѣ этихъ словъ она прибавляетъ:

— Господи міра! присоедини его душу къ душамъ Авраама, Исаака, Якова...

Иногда же она шепчетъ:

— Человѣкъ подобенъ вѣдоху, дни его жизни исчезаютъ, какъ тѣнь!—Тогда она думаетъ о молодой, красивой своей дочери, матери Хаимки. По временамъ игла выпадаетъ изъ рукъ старой Хаи, она гнѣвно сжимаетъ кулаки, а глаза ея пылаютъ... Ай, ай! злая женщина, воровка! негодяйка! какъ она съ меня содрала! какъ она меня обманула! Два пятиалтынныхъ за такую тряпку! кто мнѣ столько дастъ за это? я несчастна! она меня погубила!

Но подумавъ немножко, Хая успокаивается и прибавляетъ:— Ну, кто-жъ мнѣ за это тряпье столько дастъ? Горничная этихъ богачей... Вѣдь ровно ничего она не смыслить... постоянно смѣется и подпрыгиваетъ, да и только. Я пришью къ этой кофточкѣ вонъ тѣ блестящія пуговицы и покажу ей не съ той стороны, гдѣ полно дыръ, а съ этой, гдѣ блестятъ пуговицы.. Можетъ быть она мнѣ дастъ и три пятиалтынныхъ... Цѣлый пятиалтынный заработка! вотъ было бы счастье!

Мечтая о такомъ большомъ заработкѣ и улыбаясь при мысли о блестящихъ пуговицахъ, которыя должны были прельстить молодую горничную, постоянно смѣющуюся и подпрыгивающую, старая бабушка начинаетъ дремать. У нея страшно болятъ ноги отъ камней, по которымъ она ходила цѣлый день; вотъ Хая хочетъ прилечь на постель, состоящую изъ единственной перины, полученной ею еще въ приданное... Она подымается, но чувствуетъ, что около ея ногъ лежитъ какое-то тѣло. Дрожащей рукой она беретъ лампу и нагибается. Хаимъ, сидѣвшій раньше у ея ногъ, болталъ и внимательно слѣдилъ за работою бабушки, теперь онъ отдыхаетъ въ глубокомъ снѣ у ногъ Хаи и въ крѣпко сжатомъ кулакѣ держитъ кусокъ недоѣденнаго бублика...

На тонкихъ и блѣдныхъ губахъ Хаи появилась веселая улыбка; она ставитъ лампу на столъ, беретъ внука въ объятія и цѣлуетъ его въ раскраснѣвшіяся отъ сна щечки, приговаривая:

— Ахъ ты, малый соня! я чуть не упала черезъ тебя! И при этихъ словахъ такъ смѣется, что почти заливается... Хаимекъ пробуждается, раскрываетъ сонныя вѣки и подноситъ ко рту недоѣденный кусокъ бублика...

Бабка прикрываетъ его периной.

— Вубе? — зоветъ ребенокъ.

— Ну?—спрашиваетъ бабушка.

— А гдѣ этотъ пятакъ, который я получилъ сегодня отъ пурица?

Этотъ вопросъ производить на Хая неприятное впечатлѣнiе.

— Гдѣ этотъ пятакъ!—восклицаетъ она.—Я выбросила его черезъ окно! Ты его выпросилъ! развѣ я тебѣ не говорила, чтобъ ты не просилъ милостыни! Если не будешь слушаться, я тебя выскю!

Но Хаимекъ не слышитъ уже ни упрекъ, ни угрозы. Онъ снова заснулъ съ бубликомъ въ рукѣ.. Темныя рѣсницы бросаютъ тѣнь на разгорѣвшіяся щеки, а маленькiй ротикъ улыбается сонливо и нѣжно. Старуха еще мгновенiе сердится и брюзжитъ, но потомъ вынимаетъ изъ кармана выпрошенный пятакъ, осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, какъ-бы желая убѣдиться, не сдѣлала ли она большой глупости, т. е. не выбросила ли монеты за окно. Затѣмъ, тяжело вдохнувъ, она встряхиваетъ головой и, прикрывшись периной, шепчетъ:

— Ну, что-жъ дѣлать?.. Нужда!

Иногда бабушка и внукъ проводятъ время другъ съ дружкой очень весело. Это случается тогда, когда Хая возвращается домой съ корзиной, наполненной старыми тряпками, закушленными ею или же выбранными изъ сорныхъ ящичковъ.

Хая живетъ въ самомъ центрѣ того лабиринта, который состоитъ изъ множества тѣсныхъ улицъ и крошечныхъ домиковъ, составляющихъ еврейскiй кварталъ города О. Ея квартира состоитъ изъ низенькой комнатки съ потолкомъ изъ почернѣвшихъ балокъ; большая половина бабушки занята полуразвалившейся глиняной печью, изъ единственнаго окошка съ маленькими стѣклышками въ почернѣвшихъ рамахъ не видно даже улицы, такъ какъ этотъ домикъ расположенъ посреди цѣлаго лабиринта дворовъ. Ихъ такое множество, что чужой человекъ въ нихъ непремѣнно заблудится. Раздѣленные ма-

ленькими домиками и перегнившими, продыравленными и покосившимися заборами, дворы эти имѣютъ самую разнообразную форму; есть круглые, квадратные или продолговатые; всѣ они загромождены громадными сорными кучами, между которыми стоять никогда невысыхающія лужи грязи; мѣстами навалены кучи досокъ, на которыхъ днемъ качаются ребятишки и которыя ночью при сильномъ вѣтрѣ скрипятъ на всѣ лады.

Иногда Хаймекъ возвращается домой раньше бабушки. Хаймекъ — очень умный мальчикъ. Придя въ сумерки домой, онъ разыскиваетъ спички, зажигаетъ маленькую лампу и ставитъ ее на окно, чтобы освѣтить бабушкѣ дорогу черезъ дворъ, имѣющій видъ длиннаго, извилистаго коридора. Совершивъ это съ большой осторожностью и серьезностью, онъ начинаетъ шарить по всѣмъ угламъ. Сначала онъ направляется къ печкѣ, гдѣ разбираетъ нагроможденные тамъ кучи старой бумаги, потомъ заглядываетъ подъ столъ, подъ перину и подушку бабушки и подъ свою собственную перинку, лежащую въ маленькомъ уголку. Иногда эти поиски бывали тщетны, но по большей части за печкой или подъ периной Хаймекъ находитъ сухую булку, кусокъ хлѣба, бубликъ или кусокъ твердаго сыра.

Тогда-то онъ забирается съ добычей въ какой-нибудь уголокъ, съѣдаетъ съ большимъ аппетитомъ найденный лакомый кусочекъ и, распѣвая въ полголоса или громко смѣясь при воспоминаніи о происшествіяхъ дня, ожидаетъ прихода бабушки.

И вскорѣ раздается за окномъ шлепанье истопанныхъ башмаковъ. Хай, дверь широко растворяется и сначала появляется въ дверяхъ ярко-желтый платокъ, прилегающій плотно къ головѣ бабушки, потомъ ея сгорбленная спина и большая корзина, наполненная разновѣтными тряпками, среди которыхъ иногда блестятъ металлическія пуговицы, украшающія изношенную одежду. Хаймекъ подбѣгаетъ къ бабушкѣ, помогаетъ ей снять съ плечъ ношу, протягиваетъ ей ручку съ недоѣденнымъ кускомъ бублика или сыра и говоритъ: «Ъшь, бубе.» Хая иногда беретъ поднесенный ко рту кусокъ и ѣстъ, но по большей части она чувствуетъ себя до того измученною, что у нея едва хватаетъ силъ сѣсть на землю возлѣ корзины. Хаймекъ садится противъ бабушки и обѣ свои ручки погружаетъ въ корзину.

Это его любимое занятіе. Что за чудныя вещи въ этой корзинѣ! Каждую минуту изъ груди Хаимки вырывается радостное восклицаніе. Его нетерпѣливыя и любопытныя руки вытаскиваютъ длинное кисейное фіолетоваго цвѣта платье съ широкими оборками, или что нибудь другое въ этомъ родѣ... Правда, платье это усыяно всякаго рода пятнами и дырами, но Хаимекъ ихъ не замѣчаетъ, онъ видитъ только прекрасный фіолетонный цвѣтъ и съ раскрытымъ ртомъ разсматриваетъ вѣточки и цвѣточки замысловатаго узора... Другой разъ онъ вытаскиваетъ смятую соломенную шляпу, безъ дна, но украшенную розой и розовой лентой. Хаимъ при видѣ розы хватается за голову обѣими руками и затѣмъ, вѣроятно, желая лучше разсмотрѣть невиданную вещь, кладетъ шляпу на голову бабушки. Бабушка не препятствуетъ ему, напротивъ, глаза ея блестятъ и улыбаются изъ подъ розы, осѣняющей ея желтый, сморщенный лобъ, Хаимекъ оглядываетъ ее со всѣхъ сторонъ, восклицая: Шейне бабе! а шейне бабе! Иной разъ найдутся въ корзинѣ маленькія, грязныя, дѣтскія ботинки, изъ красной тоненькой кожи. Хая не купила ихъ, но нашла на дворѣ, подъ окномъ барскаго дома. Въ одно мгновеніе красная обувь оказывается на ногахъ Хаимка. Онъ скачетъ въ ней по избушкѣ, и каждую минуту нагибаясь, присматривается къ ней серьезно и съ необыкновеннымъ наслажденіемъ. Хая, глядя на счастливаго ребенка, отдыхаетъ.

— Хаимке! получилъ-ли ты сегодня что-нибудь въ городѣ?

Когда она выговариваетъ эти слова, дрожь пробѣгаетъ у нея по губамъ, а вѣки прикрываютъ беспокойныя, блуждающіе зрачки. По всей вѣроятности, ей стыдно собственнаго вопроса или онъ ей очень неприятенъ.

Когда Хаимъ ничего не получилъ, она ему ничего не говорить, только про себя что-то шепчетъ и, поникнувъ головой, тяжело вдыхаетъ; если же мальчикъ опускаетъ руку въ карманъ и вынимаетъ мѣдную или мелкую серебряную монету, старая бабушка вырываетъ у него деньги изъ рукъ, бросаетъ на землю и начинаетъ сердиться.

— Ты снова просилъ милостыни! — кричитъ бабушка, поднимаясь и направляясь съ распростертыми руками къ перинѣ ребенка.—А что я тебѣ говорила? Развѣ я тебѣ не говорила,

что просить милостыню стыдно и грѣшно; я тебя за это ровгой высѣку!

При этихъ словахъ глаза ея принимаютъ строгое выраженіе, а голова и руки трясутся, такъ что, несмотря на то, что подобныя сцены повторяются довольно часто, Хаимекъ каждый разъ очень боится и, прижавшись къ землѣ, весь прячется подъ перину. Только съ одной стороны маленькая ножка въ красныхъ ботинкахъ выглядываетъ изъ-подъ перины, а съ другой стороны Хаимекъ однимъ глазкомъ пугливо и шаловливо посматриваетъ на бабушку. Долго еще стоитъ бабушка около ботинокъ и читаетъ Хаимку нотацию. Но вдругъ она восклицаетъ гнѣвно:

— Сними ботинки! Что это такое? Развѣ я ихъ для тебя принесла?

— Бубе!—отвѣчаетъ изъ-подъ перины тихій, боязливый голосокъ.

— Сними ботинки сію минуту, ну!

— Бубе, позволь мнѣ только одну ночь въ нихъ проспять!

На этотъ разъ въ голосѣ Хаимки слышатся такія умоляющія ноты, что Хая, сдѣлавъ снисходительный жестъ рукой, уходитъ къ своей кровати. Оттуда, еще разъ взглянувъ на голову ребенка съ темнорусыми кудрями, выглядывающую изъ-подъ перины несмѣло, полубоязливо, она улыбается и шепчетъ:

— Фишеле! (рыбка, дитя).

На слѣдующій день, когда Хаимъ раскрывалъ глаза, на узкомъ и длинномъ корридорѣ уже свѣтало, а въ избушкѣ распространялся голубоватый мракъ; на мрачномъ фонѣ ярче отражалась фигура Хая, одѣтой въ темно-синій кафтанъ безъ рукавовъ и съ лицомъ, обращеннымъ къ окну. Хая горячо молилась. Быстрыми и низкими поклонами она перерываетъ слова молитвы, выговариваемыя въ полголоса:

«Благословенъ Ты, Господи, Боже нашъ, сотворившій меня по волѣ Твоей.

«Благословленъ Ты, Господи, Боже нашъ, расковывающій узниковъ.

«Благословленъ Ты, Господи, Боже нашъ, выпрямляющій станъ согбенныхъ».

Маленькій Хаимъ вылѣзаетъ въ это время изъ-подъ своей

перины и въ сѣрой рубашкѣ и красныхъ ботинкахъ, ставъ за бабушкой, кладеть поклоны и говорить:

«Благословленъ Ты, Господи, Боже нашъ, что не сотворилъ меня рабомъ.

«Благословленъ Ты, Господи, Боже нашъ, что не сотворилъ меня женщиной...

И еще долго читаетъ онъ свою утреннюю молитву, которой изъ состраданія къ бѣдному сиротѣ обучилъ его ученый Шимпель, отецъ сердечнаго его друга Мендельки.

Старая бабушка ничему не могла его выучить, такъ какъ она была очень занята, а главное, сама не обладала никакими серьезными познаніями. Братья ея учились многому, но она не умѣла даже читать. Все таки Хая отлично понимала, что внукъ ея долженъ знать все то, что знали братья ея, мужъ и зать ея. Это были бѣдные, тяжело работавшіе люди, но они умѣли читать по древне-еврейски и знали многія предписанія своего закона. Эти знанія необходимы всякому еврею. Долженъ ли внукъ Хаи составить такое горькое и поворное исключеніе? Хая думала объ этомъ очень часто, но пособить горю не могла. Меламеды—вообще люди не безкорыстные, между тѣмъ она выручала изъ своей торговли ровно столько, сколько нужно было, чтобы поддерживать одно свое и внука существованіе, всего 3 рубля въ мѣсяцъ, или десять копѣекъ въ день. Если же въ мѣсяцѣ былъ и 31-ый день, то этотъ добавочный день причинялъ Хаѣ не мало хлопоть...

Насмотрѣвшись вдоволь на вывѣску, Хаимъ пошелъ къ скверу, окруженному заборомъ и носящему громкое названіе бульвара города О. Его товарищи направились въ ту же сторону, но такъ какъ они были старше его, то побѣжали скорѣе. Хаимъ же съ своимъ закадычнымъ другомъ Менделемъ шелъ медленно, разговаривая о громадныхъ рукахъ великана и объ его прекрасной розовой блузѣ и синихъ брюкахъ. По дорогѣ они часто останавливались, любовались золотыми и серебряными вещами въ окнахъ магазиновъ и улыбались при видѣ булбковъ и булокъ въ окнахъ булочныхъ. Въ особенности маленькій Менделе восхищался выставкой булочныхъ, и при видѣ булокъ вытягивалъ объ руки... Хаимекъ, старше его годомъ, старался всячески объяснить своему другу, что этихъ булокъ и

бубликовъ достать нельзя, а если-бы даже можно было, то все-таки кушать ихъ нельзя, такъ какъ они трэфные. У Менделе не было яснаго представленія о значеніи трефа. Хаимѣ былъ извѣстенъ только фактъ, но объяснить его онъ не умѣлъ, такъ что за объясненіемъ они рѣшили обратиться къ Еноху, девятилѣтнему брату Мендельки, который учится уже цѣлыхъ пять лѣтъ, трудолюбивъ и любовнательнъ. Войдя на бульваръ, они увидѣли сидящаго на скамьѣ мальчика въ длиннополомъ сѣромъ скюртукѣ и въ высокой шапкѣ, надвинутой на лобъ. Это и былъ Енохъ, сынъ Шимшеля и братъ Мендельки. Вокругъ него собралось нѣсколько мальчиковъ, его ровесниковъ, которые разговаривали о чемъ то и даже спорили, безпрестанно обращаясь къ нему, какъ къ судьѣ или къ ученому. По всей вѣроятности, молодой Енохъ, извѣстный уже съ ранняго дѣтства своей ученостью и набожностью, занималъ между своими ровесниками такое же почетное мѣсто, какъ его отецъ, набожный Шимшель, между обывателями города О. Такое видное положеніе мальчика въ столь раннемъ возрастѣ сулило ему, конечно, прекрасное будущее. Но смуглое, прекрасное округленное лицо молодого мудреца было такъ блѣдно и худощаво, а черные и впалые глаза смотрѣли на міръ съ такимъ серьезнымъ и печальнымъ выраженіемъ: казалось, что громадное количество знаній, которыми онъ славился, накопляясь въ головѣ, поглощало его кровь, что набожность, которою онъ отличался съ раннихъ лѣтъ, дѣлала его фигуру неподвижной и сообщала лицу выраженіе горя.

Хаимъ подошелъ къ Еноху, облокотился на его конѣни и, поднявъ вверхъ свое круглое подвижное личико и прекрасную головку съ вьющимися темно-русыми кудрями, спросилъ: Енохъ! скажи намъ, мнѣ и Менделькѣ, что значить трэфъ и кошеръ, и объясни намъ, отчего намъ нельзя ѣсть тѣхъ булокъ, которыхъ такъ много въ окнахъ той булочной?

Услышавъ этотъ вопросъ, Енохъ намѣревался его разъяснить маленькому Хаимку и Менделькѣ, но въ то же время другіе мальчики, стоящіе за скамьей, единогласно воскликнули, что этотъ вопросъ имъ давно извѣстенъ и что они даже не желаютъ его слушать, и просятъ Еноха рассказать имъ какую-нибудь интересную исторію.

Енохъ знаетъ множество прекрасныхъ исторій. Онъ ихъ узналъ въ хедерѣ (онъ уже прошелъ Пятикнижіе, а теперь занимается изученіемъ Талмуда съ комментариемъ Раши) и слышалъ часто, какъ отецъ его, Шимшель, рассказываетъ ихъ своимъ гостямъ, женѣ своей, а иногда, за неимѣніемъ слушателей, и самому себѣ. Енохъ знаетъ наизусть множество такихъ исторій и очень охотно рассказываетъ ихъ своимъ товарищамъ. И теперь, объяснивши значеніе трефного и кошернаго, онъ съ жаромъ началъ рассказывать о десяти египетскихъ казняхъ. Это была одна изъ самыхъ страшныхъ исторій, какія знаетъ Енохъ.

Казни наступаютъ одна за другой длинной вереницей и одна страшнѣе другой. О непроницаемой тьмѣ египетской дѣти слушаютъ въ какомъ-то ослепеніи, только изрѣдка поднимая глаза вверхъ, желая убѣдиться, что надъ ними еще свѣтитъ лѣтнее солнышко. Гораздо меньшее впечатлѣніе производятъ на юныхъ слушателей рассказы о саранчѣ,—такъ какъ у нихъ нѣтъ яснаго представленія о томъ, какой видъ могутъ имѣть эти маленькія насѣкомыя, и воображая, что они походятъ на тѣхъ насѣкомыхъ, которыхъ такъ много въ квартирахъ ихъ родителей, они не чувствуютъ къ нимъ особеннаго отвращенія. Зато ихъ воображеніе сильно занимаетъ рассказъ о волшебной палкѣ Моисея, превратившейся въ змѣя. Вотъ было бы хорошо, еслибы каждый изъ нихъ могъ превращать всѣ предметы во что ему вдумается! Маленькій Менделе, напримѣръ, тотчасъ превратилъ бы камешекъ, лежащій у его ногъ, въ прекрасную, желтую, мягкую халу, а Хаимке повелѣлъ бы увядшей вѣткѣ, которую онъ держитъ въ рукахъ, обратиться въ такую прекрасную розу, какъ та, которую онъ видѣлъ на пляжѣ, найденной имъ въ корзинѣ бабушки.

Несмотря на то, что рассказъ Еноха живо интересуется окружающихъ, онъ прерывается отъ времени до времени мелкими эпизодами, не имѣющими никакого отношенія къ рассказываемому. Такъ, напримѣръ, несообщительный и глуповатый Мордко, сынъ портнаго Гершона, желая приблизиться къ рассказчику, оттолкнулъ Менделька такъ сильно, что тотъ упалъ и громко заплакалъ. Хаимъ возмутился этой сценой. Съ горящими глазами и крѣпко сжатымъ кулакомъ онъ уда-

рилъ нѣсколько разъ Мордка по спинѣ, а потомъ нагнувшись поднялъ Менделька, поцѣловалъ его въ лобъ, погладилъ его нѣсколько разъ по щекамъ и, крѣпко обнявъ, прижалъ къ себѣ. Мендельке пересталъ плакать, но въ толпѣ возникъ шумъ и гамъ, на который Енохъ однако не обращалъ вниманія и продолжалъ рассказывать съ возрастающимъ оживленіемъ. Эта настойчивость имѣла очень хорошія послѣдствія, потому что когда рассказъ достигъ своего кульминаціоннаго пунета, т. е. повѣсти о трагической гибели всѣхъ первородныхъ, вниманіе было снова и всецѣло обращено на рассказчика. Съ широко-раскрытымъ ртомъ, съ выраженіемъ тревоги и глубокой скорби въ глазахъ, эти мальчики слушали рассказы объ одновременной смерти всѣхъ первородныхъ египетскихъ дѣтей.

Очевидно, эти дѣти еще не дѣлали никакого различія между народностями, населяющими этотъ міръ, и не знали еще о томъ, что одна можетъ ненавидѣть другую и радоваться ея несчастіямъ. Умъ ихъ еще не достигъ той степени развитія, гдѣ начинается пониманіе ненависти и мести. Поэтому они глубоко сожалѣли объ участи египетскихъ дѣтей. Но умъ Еноха уже достигъ этого развитія и судьба первородныхъ не возбуждала въ немъ ни малѣйшаго состраданія. Съ горящими глазами и выразительными жестами онъ готовился рассказывать о плачѣ и вопляхъ, которые послѣ этого страшнаго событія раздавались по всему Египту, какъ вдругъ...

— Смотри! смотри!—воскликнули всѣ слушатели и всѣ вытянули указательные пальцы въ одномъ и томъ же направленіи, а Хаимъ даже задрожалъ отъ радости.

Въ эту минуту по бульвару проходила дама въ бѣломъ, легкомъ платьѣ, съ темными, мягкими, какъ шелкъ, волосами и съ огромнымъ букетомъ прекрасныхъ цвѣтовъ въ рукѣ, обтянутой тоненькой лайковой перчаткой. Это была элегантная и стройная женщина...

Енохъ сидѣлъ одинъ на скамьѣ; не обративъ даже вниманія на то, что онъ оставленъ всѣми слушателями, онъ рассказывалъ съ возрастающимъ увлеченіемъ о переходѣ Моисея и израильтянъ черезъ Красное море.

Проходящая черезъ бульваръ прекрасная дама и чудные цвѣты, которые были у нея въ рукѣ, не произвели на него

ни малѣйшаго впечатлѣнія, такъ какъ уже издавна пустота и свѣтскій блескъ не прельщаютъ его: умъ его всецѣло поглощенъ серьезными изслѣдованіями надъ вѣрой, Талмудомъ и прочимъ...

Но ни съ чѣмъ нельзя сравнить быстроту, съ какой легкомысленные и свѣтскіе товарищи Еноха побѣжали за этимъ прекраснымъ существомъ, приведшимъ ихъ въ восторгъ. Цѣлой толпой они шумно побѣжали за барыней въ бѣломъ платьѣ, а ихъ восклицанія то и дѣло оглашали воздухъ.

Въ особенности Хаимъ не могъ оторвать глазъ отъ громаднаго и прекраснаго букета. До того времени онъ видѣлъ только узорные цвѣты на старыхъ платьяхъ, приносимыхъ Хасей въ корзинѣ, или помятые и смятые цвѣты, украшающіе изношенныя шляпки, которыя Хая часто находила на дворахъ большихъ домовъ. Но никогда въ жизни ему не пришлось видѣть живыхъ, яркихъ и душистыхъ цвѣтовъ, блестящихъ серебромъ утренней росы. Въ первый разъ онъ увидѣлъ ихъ и весь дрожалъ отъ восторга и удивленія. Въ восторгѣ онъ забылъ даже о маленькомъ Менделе, у котораго не хватало силъ слѣдовать за Хаимомъ, вслѣдствіе чего онъ сѣлъ на бульварной тропинкѣ и громко зарыдалъ... Другіе мальчики, менѣе смѣлые или по природѣ своей не такъ страстно увлекающіеся красотой, бѣжали за барыней, держась нѣсколько поодаль. Но Хаимъ то подбѣгалъ близко, вытягивалъ обѣ ручки къ ея цвѣтамъ, не отрывая отъ нихъ своего умоляющаго взора; то одолеваемый робостью удалялся, чтобы потомъ снова и съ тѣми же жестами и взоромъ приблизиться къ дамѣ.

Сначала дама не обращала вниманія на ребенка, но вдругъ Хаимъ схватилъ ее за платье и легко притянулъ къ себѣ. Она остановилась и съ удивленіемъ, смѣнившимся улыбкой, взглянула на ребенка. Она нагнулась и концами пальцевъ дотронулась до его плеча. Ея улыбающіеся темно-голубые глаза съ серебрянымъ блескомъ встрѣтились съ не смѣлыми глазами ребенка, черными какъ смоль. Круглое личико его покрылось румянцемъ во всю щеку, а на маленькихъ пухленькихъ губкахъ заиграла восторженная улыбка. Нагнувшись къ мальчику, дама спросила:

— Чего хочешь, маленькій?

Хаимекъ несмѣлымъ медленнымъ движеніемъ дотронулся кончикомъ пальца къ ея цвѣтамъ. Дама засмѣялась звучнымъ, серебристымъ голосомъ и положила свою мягкую ручку на его густыя кудри.

— Попроси вѣжливо—сказала она—тогда, можетъ быть, дамъ тебѣ цвѣтокъ изъ моего букета!

Хаимъ стоялъ передъ ней неподвижно и смотрѣлъ ей прямо въ глаза, его ввортъ выражалъ страхъ и удивленіе, по губамъ пробѣгала дрожь—казалось, что онъ заплачетъ. Онъ не понималъ языка, на которомъ говорила незнакомая дама; онъ, кажется, первый разъ слышалъ звуки этой рѣчи. Но по лицу и по голосу дамы, равно какъ по жесту руки, которой она такъ нѣжно гладила его, онъ догадался, что прекрасная дама относилась къ нему ласково, но чего она собственно хотѣла, про что спрашивала его—онъ не зналъ. Догадалась объ этомъ владѣтельница букета:

— Онъ меня не понимаетъ!—и въ одно мгновеніе ея бѣлое личико покрылось тѣнью печали. Но потомъ она нѣжно и шутливо сказала:

— Повтори, мой милый, дай цвѣтокъ!

На этотъ разъ Хаимъ догадался, что женщина учить его повторять какіе-то незнакомыя ему слова.

Понятливость и вниманіе отразились въ его большихъ глазахъ...

— Дай цвѣтокъ!—все еще улыбаясь, промолвила женщина.

Хаимъ прояснилъ сначала что-то непонятное, но мгновенно, по-дѣтски переиначивая только что сказанныя ему слова, съ радостью громко и ясно произнесъ:

— Дай цвѣтокъ!

Женщина въ бѣломъ платьѣ какъ-то особенно глубоко посмотрѣла ему въ глаза и отдала ребенку довольно большой пучекъ великолѣпныхъ цвѣтовъ.

— Прекрасное дитя!—промолвила дама къ своему спутнику, намѣреваясь идти дальше, какъ вдругъ Хаимъ схватилъ ее за руку и началъ покрывать ее страстными поцѣлуями.

Черезъ минуту онъ уже бѣжалъ по улицамъ, ведущимъ въ еврейскій кварталъ. Цвѣты держалъ онъ въ высоко-поднятой рукѣ, бѣжалъ очень скоро, не обращая вниманія на своихъ

товарищей. Такимъ образомъ онъ пробѣжалъ нѣсколько узкихъ переулковъ, нѣсколько дворовъ и наконецъ попалъ въ квартиру бабушки. Уже наступали сумерки и косые лучи падали на маленькія стеклышки и прогнившія рамы. О, да будетъ благословено солнце, бросающее свой золотой блескъ на почернѣвшія стѣны низкихъ, темныхъ избушекъ, опоясывающее пурпуровыми лентами глиняныя, полуразвалившіяся печи и оставляющее горячій поцѣлуй на сморщенномъ, пожелтѣвшемъ лбу сгорбленной, усталой, дряхлой старьевщицы!

Въ розовомъ свѣтѣ заходящаго солнца съ цвѣтами въ рукѣ предсталъ Хаимъ передъ своей бабушкой, которая сидѣла на низкой скамейкѣ, дрожащими руками перебирая разорванныя и грязныя тряпки. Бѣлоснѣжныя лиліи, центофолія, голубыя незабудки и высокія травы съ серебристыми краями блестѣли при солнечномъ свѣтѣ, подобно радугѣ; свѣжій, сильный, обаятельный ихъ запахъ наполнилъ всю избушку, начиная съ чернаго потолка до глинянаго, истоптаннаго и засореннаго пола. Хая отъ удивленія широко раскрыла ротъ и глаза, воскликнувъ: — Хаимъ! — ай, ай! Хаимъ! откуда ты взялъ эту прелесть? Дай ихъ мнѣ, дай поглядѣть на нихъ... Ай, какой прекрасный запахъ! — Чувство искренней радости разлилось по лицу Хаи; она взяла чудные цвѣты изъ рукъ внука, разсматривала ихъ издали и вблизи, жмурила глаза, погрузила носъ въ чашу бѣлой лиліи, а широкую травку съ серебристымъ краемъ гладила рукой, какъ любимое дитя, и постоянно восклицала:

— Ай, ай! какъ это гладко! какъ это пахнетъ! а какъ блеститъ!

И трудно, кажется, было бы сказать, кто изъ этихъ двухъ существъ, бабушка или внукъ, больше радовались этому артистическому произведенію природы, которое блеснуло въ ихъ городской душной темницѣ, освѣтило, разсѣяло на мигъ мракъ нищеты. Да, оба эти бѣдныя существа радовались громко, навивно; но радость мальчика была продолжительнѣе радости бабушки. Спустя четверть часа, Хая грустно покачала головой и глубоко вздохнула:

— Когда я была молода, — шепнула она, — такіе же цвѣты я

видѣла въ барскомъ саду. Съ того времени, я уже не видала никакихъ цвѣтовъ.

Хаимъ сидѣлъ въ углу избы на своей перинѣ и, рассказывая бабушкѣ о прекрасной дамѣ и встрѣчѣ съ ней, цѣловаль отъ времени до времени розы и лиліи. Но бабушка послѣ непродолжительной радости впала въ уныніе и цѣлый вечеръ, глотая при послѣднихъ лучахъ дневного свѣта, вспоминала про себя отповскую корчму, барскій садъ, вѣтви березы, колышавшіяся надъ водой, свою послѣдующую жизнь, горе, хлопоты, несчастья... Ночью она часто просыпалась, тяжело вздыхала и стонала; изъ темнаго уголка избы послышался дѣтскій голосокъ, чистый и звучный, какъ серебро; улыбающійся, съ отѣвкомъ просьбы, онъ промолвилъ сквозь сонъ слова: Дай цвѣтокъ!

Хаимкѣ приснилась женщина въ бѣломъ платьѣ, съ темно-голубыми блестящими глазами, ему снились цвѣты, и это неудивительно, такъ какъ онъ дышалъ ихъ прекраснымъ запахомъ. Въ эту ночь, подобно второму Гелиогабалу, спалъ онъ на цвѣтахъ. Боясь, чтобы они не затерялись, онъ положилъ ихъ подъ подушку, покрытую темносинимъ, жесткимъ полотномъ.

Но, увы, горько было пробужденіе!

Хая, шепча рано утромъ свою молитву, услышала громкій, почти спазматическій плачь. Она обернулась, и вотъ какая картина представилась ей глазамъ:

На кучѣ соломы, прикрытой тоненькой перинкой, сидѣлъ Хаимъ съ растрепанными волосами, колѣни его прикрыты были сѣрой рубашкой, а маленькія ножки были покрыты трупами цвѣтовъ. Проснувшись, онъ немедленно же засунулъ свою ручку подъ подушку и вынулъ свое сокровище, но, Боже, въ какомъ состояніи! Атласные листья бѣлыхъ лилій пожелтѣли, а розы потеряли большую часть своихъ лепестковъ и показывали свои обнаженные стебельки; широкія зеленыя травы измѣнились до неузнаваемости... Это уже не были цвѣты, а только слабое воспоминаніе о нихъ. Окинувъ ихъ печальнымъ взглядомъ, онъ громко зарыдалъ... Напрасно бабушка утѣшала нѣжными словами и бранила его, угрожая розгой... Хаимъ ничего не слышалъ и не видѣлъ! Крупныя, горячія слезы цѣ-

лымъ ручьемъ текли по лицу, падая на увядшіе цвѣты и орошая ихъ подобно утренней росѣ... Одна только вѣточка незабудокъ сохранила еще немного свою свѣжесть и свой цвѣтъ. Эти голубыя звѣздочки съ золотыми глазками, казалось, нѣжно смотрѣли на заплаканнаго ребенка. Охъ! если бы онѣ могли говорить, или если бы Хаимкѣ было извѣстно ихъ названіе, то, навѣрное, промолвили бы къ нему: «Помни». Но это воспоминаніе о цвѣточкахъ съ голубыми вѣнчиками, кажется, очень скоро затрется, подъ вліяніемъ серьезнаго ученія ребѣ Нохима...

Въ темный осенній вечеръ, подъ окнами нашей избушки, по длинному и узкому корридору съ жалобнымъ визгомъ завывалъ вѣтеръ, Хая лежала на своей постели, тяжело вдыхала и стонала. Тусклый свѣтъ маленькой лампы озарялъ розовое личико маленькаго Хаимки, а Хая въ это лицо всматривалась своимъ неподвижнымъ взоромъ, и, по привычкѣ, въ полголоса говорила про себя:—Ой! бѣдное, несчастное дитя мое, что съ тобой будетъ, когда душа моя разстанется съ моимъ тѣломъ! Что будетъ съ тобой, когда Предвѣчный призоветъ мою душу къ себѣ и присоединитъ ее къ душамъ моей матеря, отца моего, мужа Лейба, брата моего Авраама и любимой моей дочери Малки? Что я скажу моей Малкѣ, когда она меня спроситъ на томъ свѣтѣ:—Мать, что ты сдѣлала съ моимъ маленькимъ сыномъ, Хаимкой? Развѣ ты оставила кого нибудь съ нимъ, кто бы снабжалъ его хлѣбомъ, а умъ его обогащалъ знаніями?—Мнѣ будетъ стыдно, очень стыдно, я не посмѣю поднять на нее своихъ глазъ, такъ какъ я оставила сына ея безъ опеки!.. Онъ такой маленькій и не можетъ себѣ помочь... У него такія маленькія ручки, онъ еще не умѣетъ зарабатывать, а головка еще такъ глупа, что можетъ повести его къ несчастіямъ! Ой, бѣдная, несчастная голова моя!..

Вотъ какъ думала и размышляла Хая. Въ этотъ вечеръ она много думала о смерти, такъ какъ на свѣтѣ было скучно и темно, вѣтеръ жалобно завывалъ, она чувствовала сильную боль въ костяхъ и въ головѣ; съ ней дѣлалось дурно, такъ что ей казалось, что съ каждымъ ея движеніемъ частица души покидаетъ ея усталое тѣло...

Кромѣ того уже нѣсколько дней она мучилась угрызениями совѣсти. Было ли это отъ недостатка силъ или отъ того, что

ея соперницѣ, значительно моложе и здоровѣе ея, удалось опередить ее въ торговлѣ и въ собираніи тряпья по дворамъ, но Хая уже цѣлую недѣлю ничего не заработала. Нѣсколько разъ она даже прямо говорила Хаимкѣ: Ну, иди и выпроси нѣсколько грошей у пурицовъ, иначе нечего тебѣ будетъ ѣсть! Когда же онъ принесъ ей вечеромъ нѣсколько выпрошенныхъ имъ грошей, она не бранила его и только обыкновенную угрозу, произносимую ею въ такихъ случаяхъ: «я тебя розгой за это высѣку», промолвила такъ тихо, что Хаимъ совсѣмъ не услышалъ ея. Уже былъ поздній вечеръ и уже давно наступила пора раздѣться и спрятаться подъ перину, но старушка не дѣлала этого, лежала въ одеждѣ и долго, долго бормотала что-то вполголоса, не спуская глазъ съ лица спящаго внука. Потомъ, вставъ съ большимъ трудомъ, она набросила на голову большой поношенный платокъ и, не обращая вниманія ни на темноту ночную, ни на дождь и вѣтеръ, вышла изъ избушки. Сгорбленная, съ рукой, вытянутой впередъ, несмотря на страшный ливень, который пронизывалъ ее до костей, она проходила по крутымъ дворамъ и узкимъ переулкамъ. Ея ноги то скользили по острымъ камнямъ, то попадали въ глубокія лужи—она шла очень медленно. Наконецъ она достигла цѣли своего странствованія и, войдя въ темныя сѣни низкаго домика, постучалась въ дверь, которую насилу нашла въ потьмахъ.

— Кто тамъ?—спросилъ какой-то мужской голосъ. Хая тихонько выговорила свое имя.—Войди!

Изба, въ которую вошла Хая, была очень просторна, но и очень бѣдна. На самой простой скамеечкѣ, передъ столомъ, на которомъ лежала раскрытая книга, сидѣлъ человекъ въ длиннополомъ, почти цѣликомъ истертомъ и разорванномъ сюртукѣ, съ густыми волосами и съ землянистаго цвѣта лицомъ. Этотъ человекъ, очевидно, углубился въ лежащую передъ нимъ книгу; когда онъ посмотрѣлъ на входящую женщину, его черты были тусклы, какъ у всѣхъ лицъ, которые съ трудомъ могутъ оторваться отъ предмета своихъ мыслей. Однако онъ не разсердился на то, что ему помѣшали заниматься, и мягкимъ голосомъ спросилъ:—Чего вы приходите ко мнѣ такъ поздно? Постигло ли васъ какое нибудь несчастье?

— Съ тѣхъ норъ, какъ я оставила родительскій домъ, не-

счастье сдѣлалось моимъ постояннымъ спутникомъ,—отвѣтила женщина.

— На то Божья воля, намъ не слѣдуетъ на нее роптать,— строго отвѣтилъ ребе и спросилъ:— Чего вы хотите отъ меня?

Хая нагнулась и, схвативъ его темную, худощавую руку, поднесла ее къ губамъ.—Ребе!—сказала она:—я пришла просить тебя о моемъ внукѣ, маленькомъ невинномъ ребенкѣ, который можетъ сдѣлаться несчастнымъ существомъ, если ты не сжалишься надъ нимъ... Тутъ она начала рассказывать про свои заботы и опасенія относительно будущности своего внука...

— Ребе, передъ тобой я открою мою душу. Я совершила великій грѣхъ, сама я выучила ребенка просить милостыню... Ребе! не смотри на меня гнѣвно... презрительно... мнѣ жить тяжело!... Но мысль о будущности ребенка мнѣ страшна. Онъ выучился просить милостыню, плохая это наука... она можетъ повести къ тому, что ребенокъ станетъ воровать... Ай, ай! ребе! не хочу я этого! я этого очень боюсь!—Въ эту минуту она дрожала, словно въ лихорадкѣ.—Ребе! на моей совѣсти много грѣховъ! Случалось, что старую тряпку я продавала за хорошій товаръ, а покупая какую нибудь вещь, я платила за нее, какъ за тряпье. Иногда мнѣ случалось, что я показывала товаръ съ той стороны, гдѣ онъ цѣль и красивъ, а другую сторону, изношенную и дырявую, я прятала!... Кромѣ того, я часто ссорилась, иногда даже доходило и до драки, съ моей соперницей Ентой, къ которой я питала постоянную ненависть!... Видишь, ребе, что передъ тобой я открываю мое сердце,—но ты не смотри на меня такъ гнѣвно и презрительно, потому что мнѣ тяжело жить!... Но ты, ребе, подумай о томъ, что я не хочу, чтобы мой Хаймъ грѣшилъ, какъ я! Ребе! мнѣ страшно! я очень боюсь этого! Смилуйся надъ маленькимъ, невиннымъ ребенкомъ! Онъ такъ красивъ, такъ уменъ и еще такъ малъ! Возьми, ребе, моего внука подъ свою опеку, какъ и другихъ бѣдныхъ дѣтей! Сдѣлай такъ, чтобы онъ могъ учиться, чтобы его умъ обогащался знаніями, и чтобы онъ не чувствовалъ недостатка въ хлѣбѣ, когда моя душа разстанется съ тѣломъ... Ты добръ и сострадателенъ къ бѣднымъ! Твое милосердіе, равно какъ и твоя мудрость, славятся на весь міръ. Да

найду и я милосердіе въ твоихъ глазахъ и состраданіе въ твоёмъ сердцѣ!

Со вниманіемъ выслушалъ ребе дрожащимъ голосомъ произнесенную рѣчь. и, подумавъ нѣсколько минутъ, сказалъ:— Не безпокойся! я исполню твою просьбу и дамъ приютъ твоему внуку! Я возьму его въ свой домъ, соберу для него небольшую сумму денегъ, пошлю его въ талмудъ-тору и самъ буду его учить!

Блѣдное и болѣзненное лицо Хаи оварилось радостью и безконечной благодарностью. Вдругъ она громко, спазматически зарыдала.

— Чего ты плачешь?—спросилъ ребе.

— О, ребе, извини! не обращай вниманія на мои слезы! Это глупыя слезы, но онѣ тѣснятъ прямо изъ сердца къ глазамъ и я не могу воздержаться отъ нихъ. Когда ты возьмешь моего Хаимку въ твой домъ, я разстанусь съ нимъ.... У меня не будетъ никого на свѣтѣ, кромѣ него.... Оба мы жили, какъ двѣ капли воды, которыя вѣтеръ забросилъ на песокъ и которыя постоянно смотрятъ другъ на друга и одна другой помогаютъ жить... Когда ты возьмешь его къ себѣ, я останусь какъ глазъ безъ врачка, какъ тѣло безъ души. Когда я пробужусь утромъ, я не увижу его улыбки, а вечеромъ, когда буду возвращаться домой, его ручки не обовьются вокругъ моей шеи, онъ не будетъ бѣгать по нашей невзрачной избушкѣ, въ темнотѣ ночной никто не промолвитъ: Бубе, возьми меня къ себѣ... я согрѣюсь подъ твоей периной... Позволь, ребе, приходите къ тебѣ въ домъ отъ времени до времени посмотрѣть на мальчика своими старыми глазами.

На слѣдующій день въ избушку Хаи вошелъ ребе Нохимъ и, взявъ за руку испуганнаго и рыдающаго Хаимку, повелъ его къ себѣ въ домъ..

Кто такой ребе Нохимъ? Это человѣкъ, пользующійся необыкновенной славой. Вы удивляетесь, по всей вѣроятности, такъ какъ вы никогда о немъ не слышали! Вотъ еще одно доказательство, что обладая многими познаніями, можно все таки многого не знать. Ребе Нохимъ—популярнѣйшая личность въ еврейской массѣ; онъ славится какъ необыкновенно ученый, набожный и добродѣтельный человѣкъ. Онъ талмудистъ, и

изучаетъ Каббалу съ величайшимъ прилежаніемъ. Нѣкоторые говорятъ, что нѣтъ для него никакой тайны ни на небѣ, ни на землѣ—я объ этомъ судить не могу... Но въ добротѣ этого человѣка сомнѣваться не могу. Часто видѣла я бѣдныхъ еврейскихъ дѣтей, голодныхъ, оборванныхъ, находившихъ приютъ у него; я видѣла безпомощныхъ, согбенныхъ стариковъ, которымъ онъ служилъ опорой... Но кромѣ доброты, я хочу указать еще на одну особенную черту этого человѣка, которая, вѣроятно, не осталась безъ вліянія на нравственное и умственное воспитаніе Хаимки. Ребъ Нохимъ, кромѣ древнееврейскаго языка и обыкновеннаго жаргона, не понималъ никакихъ другихъ языковъ; поглощенный всецѣло изученіемъ религиозныхъ сочиненій, въ особенности каббалистическихъ, которыя, повѣрите, не особенно-то легко даются, ребъ Нохимъ, должно быть, не успѣлъ выучиться языку той страны, которая была родиной еще его прадѣдовъ. Это незнаніе имѣло еще одну причину: мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ собственными глазами:

Однажды, гуляя по улицамъ города О., я встрѣтила цѣлую толпу погорѣльцевъ. Въ сосѣднемъ мѣстечкѣ погребло отъ огня много бѣдныхъ хижинъ, а собственники послѣднихъ, оборванные, худые, голодные, тащились на возахъ и шли пѣшкомъ; на лицахъ ихъ лежалъ отпечатокъ нужды и страшнаго горя. Толпа эта медленно подвигалась по мостовой, а мѣстные жители, стоя на тротуарахъ, смотрѣли на несчастныхъ своихъ собратьевъ. Тутъ же находился ребъ Нохимъ. Несчастное положеніе этихъ нищихъ тронуло его до глубины души; горькія слезы текли по темному и заросшему лицу ребъ Нохима. Въ рукахъ онъ держалъ жестяную кружку и передъ каждымъ стоявшимъ на тротуарѣ потрясалъ ею и просилъ денегъ для погорѣльцевъ. Правда, онъ не просилъ устами, но очень ясно просили его слезы и глубокій, печальный взглядъ.

Каждый разъ, когда кто-нибудь бросалъ мѣдную или серебряную монету, лицо ребъ Нохима озарялось нѣжной, полной глубокой благодарности, улыбкой.

Какая-то женщина, не принадлежащая къ еврейскому народу, тоже бросила какую-то монету въ кружку ребъ Нохима. Ребъ Нохимъ не подходилъ къ ней съ своей кружкой, такъ какъ сразу узналъ, что эта женщина не была еврейка; но

когда она сама бросила свой даръ, ребъ Нохимъ окинулъ ее быстрымъ и строгимъ взоромъ и сильно потрясъ кружкой, какъ бы желая выбросить попавшую туда монету и, не улыбувшись даже, удалился отъ женщины.

Въ этотъ именно моментъ я взглянула на ребъ Нохима и вмѣстѣ съ тѣмъ подумала о маленькомъ Хаимкѣ. Но, можетъ быть, эти бѣлыя лиліи, на которыхъ Хаимъ проспалъ цѣлую ночь, эти незабудки, которыя, кажется, такъ и говорили ему: «помни»...

Хаимекъ живетъ у ребъ Нохима и посѣщаетъ талмуд-тору, но по вечерамъ ребъ Нохинъ часто самъ занимается съ мальчикомъ.

Ребе ведетъ со своимъ ученикомъ длинные разговоры, рассказываетъ ему много исторій, заимствованныхъ изъ священныхъ книгъ; это со стороны ребе большая жертва, такъ какъ рѣчи эти занимаютъ много драгоценнаго времени, отрывая его отъ любимыхъ занятій и молитвъ. Но чего не сдѣлаетъ ребъ Нохимъ, когда видитъ, что кто-нибудь нуждается въ помощи, или когда надѣется возбудить въ чьемъ-либо сердцѣ любовь къ еврейскому народу и его вѣрѣ!

Третьяго дня вечеромъ ребъ Нохимъ занимался съ Хаимкой. Оба они сидѣли въ низкой избушкѣ, другъ противъ друга; ребе сидѣлъ, облокотясь одной рукой на столъ, а другую поднимая вверхъ, указывая на небо; дитя съ круглымъ, понятливымъ личикомъ сидѣло на высокомъ стулѣ, всматриваясь въ лицо своего учителя.

Ребъ Нохимъ мистикъ. Онъ вѣритъ во всѣ сверхъестественныя силы, и нѣкоторые изъ нихъ пользовались его особенной любовью. Этой любовью онъ хочетъ подѣлиться съ Хаимкой. Третьяго дня онъ рассказывалъ своему ученику объ ангелѣ Сандальфонѣ, стражѣ небесныхъ вратъ, принимающемъ всѣ возсылаемыя къ небесамъ молитвы, которыя онъ превращаетъ въ прекрасныя вѣнки и кладетъ у ногъ Іеговы.

Хаимъ въ восторгѣ слушаетъ рассказъ объ ангелѣ молитвъ и состраданія и, какъ бы желая его увидѣть, поднимаетъ свои глаза вверхъ. Внезапно передъ его памятью и воображеніемъ предстала женщина въ бѣломъ платьѣ, видѣнная имъ

когда-то на городскомъ бульварѣ; онъ увидѣлъ наклонившееся къ нему бѣлое нѣжное личико съ темно-голубыми глазами и, глядя куда-то вверхъ, громко и съ улыбкой сказалъ:

— Дай цвѣтокъ!

Ребѣ Нохимъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мальчика, произносившаго странныя, незнакомыя слова...

Перев. Эмиля З.

ИЗЪ ПСАЛМОВЪ ДАВИДА.

Подражаніе псалму 68.

Спаси меня, о Боже, ибо воды
До области души моей дошли,—
И я тону,—я слабый сынъ земли,—
Въ стремленьи волнъ, исполненныхъ свободы!
Я изнемогъ отъ вопля, и гортань
Моя суха... и въ ожиданьи Бога
Тускнѣеть взоръ,—и всё растеть тревога:
Враги меня преслѣдуютъ, какъ лань.

Враги берутъ, чего не отнималъ!
О, Боже мой, грѣхи мои Ты знаешь,—
Ты ихъ въ душѣ, какъ въ книгѣ, прочитаешь,—
Передъ Тобой униженъ я и малъ!
Я сталъ чужимъ для братьевъ, ибо ради
Тебя несу безчестіе свое.
Но грѣшника поносятъ бытіе
Съ улыбками презрѣнія во взглядѣ!

Я притчею сталъ въ городѣ моемъ,—
И вретисцемъ смѣнилъ свои одежды.
Меня глупцы поворять за виномъ
И у воротъ сидящіе невѣжды
Свой праздный толкъ слагаютъ обо мнѣ.

Но я къ Тебѣ съ молитвою взываю:
Спаси меня, я въ тинѣ погибаю,
Я мучаюсь въ пылающей волнѣ.

Услышь меня, о Господи, молю!
По множеству щедротъ Твоихъ высокихъ
Приблизь лицо къ рабу, — и отъ жестокихъ
Меня укрой... я гибну — и скорблю.
Въ уныніи — участія я просилъ, —
И не нашель ни слова утѣшенья.
Скупой далъ желчь голодному въ отмщенье
И уксусомъ въ день жажды напоилъ.

Да порази, о Боже, грѣшный міръ!
Насыть скупцовъ тоской по долготѣтью,
Да будетъ-же смятеніемъ ихъ пирь,
И трапеза лукавая имъ сѣтью!
Я бѣдствую, приди, Господь, ко мнѣ
Въ убогій домъ, подъ нищенскую кровлю, —
Гдѣ гуслими Тебя я славословлю,
И гимнъ Тебѣ слагаю въ тишинѣ!..

К. Фофановъ.

ЕВРЕЙСКІЯ СЕКТЫ НА ВОСТОКѢ ¹.

Образованіе и развитіе еврейскихъ сектъ на востокѣ въ эпоху гаоновъ представляетъ одну изъ крайне интересныхъ, но, къ сожалѣнію, весьма темныхъ областей еврейской исторіи. Вообще сектъ въ еврействѣ, какъ это извѣстно изъ исторіи, было весьма немногo. Съ самой эпохи разрушенія Іерусалима, когда враждовавшія между собой религіозно-философскія секты только увеличивали безпомощность маленькой Іудеи, храбро боровшейся съ могущественнымъ Римомъ, еврейство до VIII в. не знало въ своей средѣ сектъ, какъ отдѣльныхъ группъ, имѣющихъ особые религіозные или философскіе взгляды. Первый значительный расколъ въ іудействѣ вызванъ появленіемъ Анана и выдѣленіемъ караимства, принявшаго характеръ явной оппозиціи ученію раввиновъ, насколько оно вылилось въ постановленіяхъ Талмуда.

Побѣдное шествіе ислама въ передней Азіи вдохнуло, какъ это часто бываетъ съ великими событіями, нарушающими вѣковое спокойствіе народовъ, свѣжую струю мысли и въ побѣдителей и въ побѣжденныхъ. На поверхности исторіи начинаютъ появляться, безспорно подъ вліяніемъ мусульманскихъ побѣдъ, одна за другою секты, еврейскія и мусульманскія, ученія которыхъ ярко отражаютъ броженіе умовъ и неустойчивость той эпохи.

Свѣдѣній о еврейскихъ сектахъ, въ большей части весьма малолюдныхъ и недолговѣчныхъ, сохранилось весьма немногo,

¹ *А. Гаркави*. Извѣстія караима Абу-Юсуфа Якуба аль-Киркисани объ еврейскихъ сектахъ („Записки Восточнаго Отдѣленія Импер. Русск. Археолог. Общества“, т. VIII, 247—321.)

и дошли они до насъ въ весьма запутанномъ и искаженномъ видѣ.

Поэтому-то «Извѣстія Киркисани», вышедшія въ прошломъ году въ С.-Петербургѣ на арабскомъ языкѣ, и такъ важны, что проливаютъ яркій свѣтъ на всю эту эпоху еврейской исторіи, весьма бѣдную серьезными источниками. Къ арабскому тексту «Извѣстій», напечатанныхъ еврейскими литераторами, приложенъ краткій очеркъ литературной дѣятельности Киркисани на русскомъ языкѣ, а также краткое содержаніе тѣхъ главъ книги, гдѣ трактуется собственно о сектахъ.

Г. Гаркави уже не въ первый разъ представляетъ ученому міру драгоценности Императорской Публичной Библіотеки. Изданныя имъ нынѣ «Извѣстія о сектахъ» составляютъ первый отдѣлъ обширнаго сочиненія Киркисани, носящаго весьма замысловатое, совершенно въ восточномъ вкусѣ, заглавіе: «Книга свѣтилъ и обсерваціонныхъ пунктовъ» («Китабъ аль-анваръ валь-маракибъ»). Названіе этого сочиненія было уже давно извѣстно, благодаря г. Гаркави. Въ чрезвычайно важныхъ «замѣчаніяхъ редакціи» (того же г. Гаркави), приложенныхъ къ пятому тому «Исторіи» Греца, вышедшему въ свѣтъ въ 1883 г. въ русскомъ переводѣ, имѣется не мало ссылокъ и даже весьма любопытныхъ цитатъ ихъ этого сочиненія, вполне подтверждающихъ слова г. Гаркави о значительной важности его¹.

Съ того времени интересъ къ Киркисани въ ученомъ мірѣ все возрасталъ, и съ нетерпѣніемъ всѣ ждали появленія на научномъ горизонтѣ новаго для науки, хотя и весьма древняго по времени жизни, автора. Но методичный и аккуратный г. Гаркави не спѣшилъ: изъ его научной лабораторіи вещи выходятъ не иначе, какъ въ совершенно отдѣланномъ и до послѣдней возможности законченномъ видѣ. Ученому міру

¹ Для иностранныхъ ученыхъ, не владѣющихъ русскимъ языкомъ, г. Гаркави печаталъ свои замѣчанія одновременно и на франц. языкѣ въ журналѣ „Revue des études juives“.

Въ самое послѣднее время эти замѣчанія г. Гаркави появились въ болѣе полномъ, исправленномъ и переработанномъ видѣ въ еврейскомъ переводѣ исторіи Греца, издаваемомъ П. Рабиновичемъ.

волей-неволей оставалось ждать, и только въ прошломъ году ихъ взорамъ предстало это замѣчательное и чрезвычайно любопытное произведеніе одного изъ выдающихся караимскихъ авторитетовъ, обладавшаго весьма рѣдкими для караима качествами: трезвымъ взглядомъ на вещи, недюжинною ученостью и — last not least — способностью болѣе или менѣе объективно относиться къ лицамъ, думающимъ не такъ, какъ онъ.

Изданныя «Ивѣстія», какъ мы уже сказали, представляютъ только первый и весьма незначительный отдѣлъ всей книги «Свѣтили и обсервационныхъ пунктовъ». Конечно, читатель уже догадывается, что никакой астрономіи въ твореніи Киркисани нѣтъ. Заглавіе нужно понимать чисто аллегорически, какъ вообще восточныя заглавія. Это видно изъ сообщаемого г. Гаркави и приводимаго ниже оглавленія «Книги свѣтилъ», по которой читатели могутъ составить свое сужденіе о полнотѣ и разумности плана Киркисани.

«Книга Свѣтилъ» состоитъ изъ тринадцати отдѣловъ («макаль» — מקאל).

1. Первый отдѣлъ, носящій названіе введенія, prolegomena, «садруль-китабъ», состоитъ изъ 19 главъ и трактуетъ о еврейскихъ сектахъ, о возникновеніи и главнѣйшихъ ученіяхъ каждой.

2. Въ 23 главахъ второго отдѣла авторъ доказываетъ необходимость критики разума въ дѣлахъ вѣры и дѣйствительную важность ея результатовъ.

3. Третій отдѣлъ, въ 25 главъ, содержитъ полемику съ сектантами.

4. Въ четвертомъ, весьма любопытномъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ 68 главъ, трактуются о способахъ достиженія полного знакомства съ законами религіозными.

5. Пятый отдѣлъ трактуетъ объ обрѣваніи и субботѣ; онъ имѣетъ 40 главъ.

6. Въ шестомъ, самомъ обширномъ отдѣлѣ разбираются остальные 9 заповѣдей (кромѣ субботы, о которой рѣчь идетъ въ 5 отдѣлѣ); въ немъ 104 главы.

7. Въ седьмомъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ 21 главы, трактуется о лунномъ календарѣ и мѣсяцѣ *абибъ* (пасхальномъ).

8. Въ восьмомъ отдѣлѣ трактуется о праздникѣ Шабуотъ и о библейскомъ терминѣ *שְׁבֻעַת הַמַּצּוֹת*, понимаемомъ у караимовъ иначе, чѣмъ у евреевъ; онъ состоитъ изъ 15 главъ.

9. Въ девятомъ отдѣлѣ, имѣющемъ 24 главы, трактуется объ остальныхъ праздникахъ.

10. Десятый отдѣлъ содержитъ правила о нечистотѣ (*תְּמֵאָה*) животныхъ и людей. Онъ состоитъ изъ 66 главъ.

11. Одиннадцатый отдѣлъ трактуетъ о запрещенныхъ бракахъ (*אֵיִשׁוּב*) и левиратѣ (*יבום*). Раздѣляется на 31 главу.

12. Двѣнадцатый отдѣлъ—о запрещенномъ въ пищу, одеждѣ и посѣвѣ и о «цицитъ» («кистяхъ видѣннѣ»), 42 главы.

13. Тринадцатый отдѣлъ о наслѣдствахъ; этотъ отдѣлъ имѣетъ 14 главъ.

«Книга свѣтиль», такимъ образомъ, составляетъ цѣлую систему еврейско-караимскаго богословія на философской подкладкѣ. Это сочиненіе, какъ установлено г. Гаркави, написано въ 937 г., т. е. четыре года спустя послѣ появленія однороднаго сочиненія Саадіи Гаона «Китабъ-аль-аманатъ», также взявшагося примирить вѣру съ разумомъ.

Г. Гаркави пользовался для своего изданія двумя большими, хотя и неполными манускриптами (А и Б), во многихъ мѣстахъ пополняющими другъ друга, и кромѣ того маленькимъ рукописнымъ фрагментомъ (В). Изъ обѣихъ рукописей г. Гаркави выбиралъ наилучшія чтенія. Такимъ образомъ, предъ нами лежитъ связанный и довольно правильный текстъ перваго отдѣла «Китабъ-аль-анваръ». Нельзя сказать, чтобы было очень много пробѣловъ: они встрѣчаются тамъ, гдѣ въ обѣихъ рукописяхъ оказывались пропуски въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.

Кромѣ «Книги свѣтиль», въ Императорской Публичной Библіотекѣ сохранилось еще одно сочиненіе Киркисани подъ заглавіемъ «Книга полей и садовъ» (Китабъ ар-риадъ валь-хаданкъ), занимающееся не агрономіей, какъ можетъ предполагать читатель, а толкованіемъ тѣхъ мѣстъ Пятикнижія, о

которыхъ не трактуется въ «Книгѣ свѣтилъ», т. е. не содержащихъ законовъ въ собственномъ смыслѣ слова. Другія сочиненія Киркисани до насъ не дошли. На основаніи собственныхъ ссылокъ Киркисани на свои же сочиненія, ссылокъ, которыя встрѣчаются въ его двухъ книгахъ, дошедшихъ до насъ, г. Гаркави опредѣлилъ заглавія еще четырехъ трудовъ плодовитаго караимскаго писателя. Это—«комментаріи на Иова и Экклезіаста», «Книга о единобожіи» и «Книга о библейскихъ переводахъ».

Вышедшій теперь первый отдѣлъ сочиненія Киркисани знакомитъ ученый міръ съ истиннымъ положеніемъ еврейскихъ сектъ на Востокѣ, какъ въ древнія времена, такъ особенно во времена Киркисани. Безпристрастное и внушающее полное довѣріе изложеніе автора бросаетъ яркій свѣтъ на всю эту эпоху, освѣщавшуюся до сихъ поръ неполными и отрывочными свѣдѣніями людей, лично сектъ не видавшихъ и съ ихъ ученіями знакомыхъ только по рассказамъ изъ десятыхъ рукъ. Извѣстія Киркисани, собранныя въ книгѣ, специально еврейскимъ сектамъ посвященной, носятъ характеръ полной исторической достовѣрности. Киркисани, какъ это видно изъ его книги, много путешествовалъ, самъ видѣлъ приверженцевъ многихъ сектъ, интересовался ихъ ученіями, внимательно читалъ сочиненія всевозможныхъ ученыхъ о законахъ религіи, посѣщалъ ученые засѣданія, гдѣ обсуждались вопросы о религіозныхъ разногласіяхъ, а когда не имѣлъ возможности лично присутствовать на такихъ засѣданіяхъ, старался частнымъ путемъ узнавать, о чемъ шла рѣчь. Такимъ образомъ Киркисани находился au courant современныхъ ему свѣдѣній о религіозныхъ ученіяхъ сектъ.

Больше всего свѣдѣній о сектахъ Киркисани нашелъ въ одномъ сочиненіи Давида, Ибнъ Мервана ар-Раки. Объ этомъ Давидѣ, прозывавшемся Аль-Мукаминъ, показанія котораго о сектахъ служили главнымъ источникомъ для многихъ послѣдующихъ писателей, до сихъ поръ знали весьма мало достовѣрнаго. По однимъ выходило, что онъ былъ мусульма-

ниномъ и потомъ перешелъ въ еврейство, колеблясь между раввинизмомъ и караимствомъ, по другимъ—что онъ былъ евреемъ, жилъ въ Каирѣ подъ именемъ Давида Вавилонскаго, и тамъ переписывался о высокихъ матеріяхъ съ однимъ бѣднымъ караимомъ—Менахемомъ (который, какъ уже давно, впрочемъ, доказано, жилъ не раньше, какъ 400 лѣтъ спустя послѣ Аль-Мукаммиса) и т. д. Благодаря выходу въ свѣтъ сочиненія Киркисани предъ учеными раскрылась настоящая фizioномія этого старшаго современника Киркисани. Давидъ Аль-Мукаммисъ былъ, рассказываетъ Киркисани, философъ. Онъ родился евреемъ, затѣмъ въ городѣ Несибинѣ принялъ христіанство по увѣщаніямъ нѣкагого челоуѣка, по имени *Нана*, пользовавшагося большимъ уваженіемъ со стороны христіанъ за свои обширныя познанія въ философіи и медицинѣ. Давидъ былъ его ученикомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, дѣлалъ отличныя успѣхи, въ совершенствѣ овладѣвъ христіанскимъ ученіемъ и христіанскою философіей. Онъ перевелъ съ сирійскаго языка на арабскій христіанскіе комментаріи на Св. Писаніе: Толкованіе на первую книгу Моисея, которую онъ, по христіанскому, называетъ книгою «Бытія» (*Γένεσις*) и Толкованіе на Экклезіаста. Г. Гаркави удалось даже найти въ одномъ рукописномъ отрывкѣ, принадлежащемъ, какъ онъ догадывается, вышеупомянутому сочиненію Киркисани «Китабъ ар-риядъ», отзвѣвъ о «Толкованіи на книгу Бытія» Аль-Мукаммиса, бросающій нѣкоторый свѣтъ на особенности Давида, какъ писателя. Книга его названа въ отзвѣвъ прекрасною. Только Давиду ставится въ укоръ неумѣніе распоряжаться матеріаломъ. Иногда, говорится въ отрывкѣ, онъ не достаточно распространяется тамъ, гдѣ это требуется, а мѣстами слишкомъ распространяется тамъ, гдѣ въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Впослѣдствіи Аль-Мукаммисъ обратно перешелъ въ еврейство и въ своихъ новыхъ двухъ сочиненіяхъ, пользовавшихся, по свидѣтельству Киркисани, обширною извѣстностью, между прочимъ полемизировалъ съ христіанами. Киркисани передаетъ заглавіе того сочиненія Аль-Мукаммиса, гдѣ

онъ трактовалъ о сектахъ. Оно называлось «Китабъ ад-дара», что, по мнѣнію г. Гаркави, можетъ быть, означаетъ «Книга жизни чаши», по мнѣнію ученаго редактора «Записокъ Восточнаго Отдѣла» скорѣе значить «Книга совершенной преданности и привязанности» (напр.—къ истинѣ), а по мнѣнію Бахера, означаетъ «Книга ожесточенной атаки» (отъ dharia—быть жестокимъ), каковое заглавіе, прибавляетъ будапештскій ученый, весьма характерно для полемическаго сочиненія. Что касается прованія Аль-Мукаммиса, то г. Гаркави придумалъ на этотъ счетъ остроумное и весьма оригинальное объясненіе. Аль-Мукаммисъ должно означать *прыгунъ* (арабское *قار*, арамейское *קאר*—саранча, sautegele), и въ этомъ слѣдуетъ видѣть намекъ на его послѣдовательные переходы изъ одной религіи въ другую: сперва изъ іудейства въ христіанство, а затѣмъ обратно.

Въ своемъ сочиненіи Киркисани является страстнымъ приверженцемъ свободной критики въ дѣлахъ вѣры и врагомъ слѣпотаго догматизма. Для него непогрѣшимыхъ авторитетовъ не существуетъ: всякое мнѣніе, говоритъ онъ, отъ кого бы оно ни исходило, отъ раббанитовъ-ли, Анана, или кого-нибудь другого, должно быть подвергнуто предварительной цензурѣ разума, и только по одобреніи разумомъ можетъ быть принято. Киркисани, такимъ образомъ, заявляетъ себя ревностнымъ мутазилистомъ, горячимъ поклонникомъ рационализма. Такіе карaimы нерѣдко попадались въ первые, либеральные вѣка жизни карaimства, когда оно еще боролось, доказывало и пропагандировало. Уже въ первой, вступительной главѣ, весьма горячо написанной, онъ нападаетъ на персидскихъ и особенно Тустерійскихъ¹ карaimовъ за то, что они не относятся съ должнымъ почтеніемъ къ основному принципу карaimства—свободѣ мышленія, а возстаютъ противъ философіи, утверждая, будто она вредитъ чистой вѣрѣ. «Существуютъ карaimы въ Персіи, говоритъ нашъ авторъ, напр. Тустерійцы, которые

¹ Тустеръ—древніа Сузы.

въ теоріи высказываются въ пользу критики, а на практикѣ относятся весьма недружелюбно ко всякому проявленію свободной мысли, отвергая точныя науки, логику и философію. Я вижу двѣ причины такого поведенія. Первая—это умственная инерція этихъ господъ, дѣлающая для нихъ философію просто недоступной или, въ лучшемъ случаѣ, непомѣрно утомительной, чего совершенно достаточно, чтобы они стали враждебно къ ней относиться. Вторая причина — неумѣніе, при отсутствіи правильного взгляда на вещи, ориентироваться въ явленіяхъ жизни и вытекающая отсюда повадка къ невѣрнымъ обобщеніямъ и ошибочнымъ выводамъ. Еслибы они могли сообразить, что громадное большинство людей, относясь сознательно къ религіи, не только вѣры не теряетъ, но еще укрѣпляется въ ней, и что съ другой стороны существуютъ люди, которые ничего общаго не имѣютъ съ философіей или наукой и, несмотря на это, стоятъ весьма далеко отъ религіи или погрязшіе въ какую-либо ересь, еслибы они вообще могли посмотрѣть взоромъ чистымъ, не отуманеннымъ предвзятыми убѣжденіями, на окружающее, то они познали-бы, что разумная критика—есть фундаментъ и основа всякой вѣры, какъ и всякой науки.

Что особенно пріятно поражаетъ въ Киркисани — это его полная откровенность, отсутствіе всякаго попользованія замолчать и утаить грѣхи караимства. Этимъ онъ стоитъ неизмѣримо выше извѣстныхъ намъ караимскихъ писателей. Читая его рѣзкіе отзывы о неприглядныхъ сторонахъ караимства, о вѣчныхъ спорахъ и раздорахъ между людьми, напиравшими съ особенной силой, какъ протестанты въ новѣйшее время, на принципъ свободнаго толкованія Библии, можно временно забыть, что это пишетъ караимъ.

Въ первой же главѣ достается одному почтенному караимскому ученому Данилу аль-Кумиси. Киркисани сначала даетъ ему довольно лестную аттестацію: это—человѣкъ, говоритъ онъ, весьма добросовѣстный, пользующійся славой недюжиннаго ученаго, всю жизнь искавшій истины и съ предупредительностью,

достойной подражания, сообщавшей своимъ постояннымъ читателямъ, т. е. людямъ, приобрѣтавшимъ себѣ списки его сочиненій, тѣ измѣненія и поправки, которыми онъ находилъ нужнымъ внести въ свои прежнія работы. И вотъ этотъ человекъ не только относится враждебно къ свободной критикѣ, но и позволяетъ себѣ самымъ непристойнымъ образомъ относиться къ Анану, котораго онъ величаетъ אֱלֹהֵי הַדָּוָר (свѣличайший дуракъ»), послѣ того, какъ въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ онъ относился къ нему съ величайшимъ почтеніемъ, называя его не иначе, какъ אֱלֹהֵי הַדָּוָר (свѣличайшій мудрецъ»). И если вы спросите, что заставило несомнѣнно умнаго и выдающагося человѣка такъ круто повернуть свое мнѣніе объ Ананѣ, то отвѣтомъ будетъ: «зависть и честолюбіе». Мы еще увидимъ, какую чувствительность обнаруживаетъ Киркисани ко всякимъ оскорбленіямъ Анана, предъ ученостью котораго онъ глубоко преклоняется.

Больше половины сочиненія Киркисани занято полемикой съ раббанитами, которые представляются его взору въ извращенной исторической перспективѣ, какъ большая еретическая секта, давно уже отпавшая отъ истиннаго еврейства, представляемаго караимами, и упорствующая въ своихъ заблужденіяхъ.

Для большей силы своей полемики Киркисани, по собственному заявленію, изучалъ памятники литературы раббанитовъ и въ напечатанномъ отдѣлѣ своего сочиненія дѣйствительно обнаруживаетъ знакомство съ Вавилонскимъ Талмудомъ, раввинской и каббалистической литературой ¹, а

¹ Книги, упоминаемыя Киркисани, слѣдующія:

1. פֶּסֶק הַקּוּפָּה — „Размѣры корпуса“—извѣстное каббалистическое сочиненіе, приписываемое Р. Исмаилу. Оно относится, вѣроятно, къ VIII в. и очень грубыми штрихами описываетъ „размѣры“ Бога.

2. מַדְרֵשׁ הַקָּדוֹם (т. е. מַדְרֵשׁ הַקָּדוֹם הַגָּדוֹל)—мистическое сочиненіе, приписываемое Р. Акибѣ.

3. מִשְׁכַּל הַמַּלְאָכִים (т. е. מִשְׁכַּל הַמַּלְאָכִים הַגָּדוֹל)—такое же каббалистическое сочиненіе, приписываемое Р. Исмаилу.

Эти сочиненія пользовались во времена Киркисани большимъ уваженіемъ.

4. מִשְׁכַּל הַמַּלְאָכִים — этическое сочиненіе въ жанрѣ талмудическаго трактата פְּסֵק הַקּוּפָּה. Отъ него сохранились двѣ рукописи въ Водлеянской библиотекѣ (Бахеръ).

также и съ еврейскимъ молитвенникомъ. Въ одномъ мѣстѣ (296, 3—6) «наши единомышленники» (такъ называется Киркисани каранмовъ) подвергаются упреку въ недостаточномъ вниманіи къ ученіямъ раввиновъ. «Если бы каранмы побольше занимались этими ученіями, то они были бы избавлены отъ необходимости рассчитывать исключительно на словесную ловкость въ спорахъ раббанитами».

Планъ лежащаго предъ нами сочиненія Киркисани таковъ: сначала (гл. II) даются краткія свѣдѣнія объ основателяхъ сектъ или вообще лицахъ, ученія которыхъ имѣли какія-нибудь особенности... въ хронологическомъ порядкѣ появленія ихъ... а потомъ—о каждой сектѣ говорится подробнѣе. Посвящается всѣмъ сектамъ по одной главѣ. Исключеніе дѣлается для «секты» раббанитовъ, грѣхи которыхъ перечисляются на протяженіи двухъ длинныхъ главъ (III и IV), занимающихъ больше половины книги, и къ которымъ авторъ возвращается впоследствии еще разъ перечисляя взаимныя несогласія и противорѣчія палестинскихъ и ваби-

5 и 6. *על פי דברי ר' יוחנן*—агадическія, а, можетъ быть, и мистическія произведенія, до насъ не дошедшія.

7. *אין בזה תורה* — «агадическое» произведеніе, изъ котораго Киркисани приводитъ длинную и, повидимому, подлинную цитату, снабдивъ ее довольно отграниченнымъ примѣчаніемъ: «Я думаю, что это изъ Талмуда». Г. Гаркави полагаетъ, что Киркисани имѣетъ въ виду „Іерусалимскій“ Талмудъ.

8. *על פי דברי ר' יוחנן*—„Литургія Элазара“, т. е. Кабири.

9. Вышеупомянутая *פירוש דברי ר' יוחנן* Давида Аль-Мукаммиса.

10. *פירוש דברי ר' יוחנן* изъ которой Киркисани почерпнулъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сектѣ Карайя. Г. Гаркави полагаетъ, что это сочиненіе тождественно съ „Китабъ аль-мазалатъ“ Абу Исмаиль Аль-Варрака, въ которомъ, какъ видно изъ Хронологіи Аль-Вирани, дѣйствительно имѣлись свѣдѣнія о еврейскихъ сектахъ.

11. Кроме того упоминается безъ указанія заглавія одно сочиненіе *על פי דברי ר' יוחנן*—начальника академіи, въ которомъ идетъ рѣчь о еврейскомъ календарѣ,—и

12. Еврейскій переводъ одного сочиненія Анана, написаннаго на арамейскомъ языкѣ. Переводъ этотъ, сдѣланный, по словамъ Киркисани, самимъ начальникомъ академіи Гаейей, совмѣстно съ отцомъ (?) своимъ, приводится въ нашей книгѣ, какъ доказательство учености Анана.

лонскихъ раббанитовъ. Мы дадимъ содержаніе извѣстій Киркисани о каждой изъ сектъ, начиная съ раббанитовъ.

1. Раббаниты.

Хотя россказни караимскаго писателя о раббанитахъ и его полемика съ ними никакого серьезнаго значенія для науки не имѣютъ, однако мы рѣшились дать въ краткихъ чертахъ исторію этой «секты», превосходящей, по крайней мѣрѣ, въ тысячу разъ караимское «ядро» еврейства, какъ ее представляетъ Киркисани. На фонѣ исторической перспективы еврейскихъ сектъ рисуется караиму величайшій еретикъ, царь Израильскій Геровоамъ I, основатель секты раббанитовъ.

«Первый, кто внесъ смуту въ дѣла религіи и посѣялъ отступничество во Израилѣ, кто искажилъ Законы Божіи и поддѣлалъ¹ ихъ, былъ Геровоамъ б. Небать», — такъ начинается свою исторію раббанитовъ Киркисани. «Гервоамъ изъ чисто-политическихъ цѣлей ввелъ въ грѣхъ Израиля и установилъ еретическія религіозныя формы, весьма близко подходившія къ религіознымъ формамъ правовѣрнаго Іерусалима, дабы народъ не замѣчалъ разницы въ своихъ вѣрованіяхъ и продолжалъ считать себя евреями. Ученіе Гервоама, силою навязанное десяти колѣнамъ, вполне привилось къ нимъ, было ими сохранено во всю эпоху царей израильскихъ, взято съ собою въ плѣнъ и удержано въ цѣлости до настоящаго времени».

Затѣмъ Киркисани «доказываетъ», что Гервоамъ идолопоклонникомъ никогда не былъ, а если въ Библии сказано, что онъ смастерилъ двухъ золотыхъ тельцовъ, приносилъ имъ жертвы, воскурялъ имъ ошміамъ и провозглашалъ «Вотъ твои боги, Израиль, выведшіе тебя изъ земли египетской», то это, очевидно, нужно понимать въ обратномъ смыслѣ, что Гервоамъ идоловъ не строилъ, жертвы не приносилъ, ошміама не воску-

¹ Обвиненіе въ поддѣлкѣ законовъ караимы могли заимствовать у мусульманъ, направлявшихъ обыкновенно это обвиненіе противъ евреевъ.

ряжь, а тельцовъ вовсе богами не считалъ. Карайму нужно во что бы то ни стало доказать, что Іеровоамъ идолопоклонникомъ не былъ, иначе его утверженіе, что этотъ израильскій царь есть основатель секты раббанитовъ, разлетится въ прахъ, такъ какъ раббаниты—не идолопоклонники.

Но если раббаниты не идолопоклонники, то они весьма напоминаютъ послѣднихъ, такъ какъ въ «ихъ» сочиненіи *תפארת ישראל* содержатся грубые антропоморфическіе взгляды на божество, грѣшащія противъ самыхъ элементарныхъ правилъ разума¹. Этимъ обвиненіемъ въ грубости воззрѣній на божество Киркисани начинаетъ обвиненія, направленныя противъ раббанитовъ.

Затѣмъ идетъ довольно систематическое изложеніе непослѣ-

¹ Книга „*Schiur Kama*“ относится къ тѣмъ мистическимъ и псевдо-эпиграфическимъ сочиненіямъ, пользовавшимся въ темное время гаоновъ распространеніемъ и почетомъ въ массѣ. Караймы, какъ Нисси б. Ноахъ, Салмонъ б. Іерухимъ, сильно нападали на раббанитовъ за ихъ легковѣрное отношеніе къ этимъ книгамъ. Находились раббанитскіе ученые и даже такіе, какъ Саадія Аль-Фауми, которые смѣло поднимали брошенную караймами перчатку и всячески защищали мистическую белиберду этихъ книгъ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ спорѣ караймовъ съ раббанитами нельзя не видѣть сильнаго вліянія волненій, поднятыхъ въ мусульманскомъ мірѣ тѣми же самыми вопросами и приведшихъ къ образованію двухъ толковъ: *мутазилитовъ* „отщепенцевъ“, философски смотрѣвшихъ на религію и придававшихъ аллегорическое значеніе антропоморфизмамъ корана, и *мушаббигитовъ*, „уравнителей“, говорившихъ, что Богъ создалъ человѣка буквально по *своему* подобію. Если считать Киркисани типичнымъ представителемъ караймовъ (а это довольно сомнительно), то послѣднихъ слѣдуетъ, причислить къ мутазилитамъ, хотя съ другой стороны огульное обвиненіе раббанитовъ въ мушаббигизмѣ не вѣрно. Саадія Гаонъ еще за 4 года до Киркисани написалъ свой „*Китабъ аль-аманатъ*“, въ которомъ онъ стоитъ на чисто-раціональной точкѣ зрѣнія мутазилитовъ. Г. Гаркави, приведя свидѣтельство Шаграстана, что-де „раббаниты соответствуютъ нашимъ *мутазилитамъ*, а караймы — нашимъ *муджаббигитамъ* и *мушаббигитамъ*“, совершенно справедливо замѣчаетъ, что строить на основаніи подобныхъ извѣстій какіе либо широкіе выводы нельзя. И среди раббанитовъ и среди караймовъ необразованная чернь понимала библейскіе антропоморфизмы—рука, глаза Бога и пр. въ буквальномъ смыслѣ, тогда какъ образованные люди несомнѣнно видѣли въ этихъ выраженіяхъ только метафоры.

довательности раббанитовъ и ихъ невнимательности къ тексту. Киркисани при этомъ обнаруживаетъ порядочную начитанность въ еврейской литературѣ и довольно ѣдкій критическій умъ. Правда, онъ иногда прибѣгаетъ къ приемамъ не совсѣмъ лояльнымъ, которые въ современномъ лексиконѣ были бы названы передержками, искаженіями текста и проч., и которые г. Гаркави мягко называетъ «недоразумѣніями». Тѣмъ не менѣе, полемика Киркисани представляетъ не малый интересъ, раскрывая передъ нами духовную фizioномію караимовъ.

Прежде всего посмотримъ, какъ Киркисани представляетъ себѣ историческій ходъ развитія раббанизма послѣ возвращенія евреевъ изъ плѣна и какъ онъ смотритъ на цѣпь традиціи раввиновъ, столь тщательно оберегаемой въ Мишнѣ.

Послѣ появленія самаритянъ, пишетъ Киркисани, въ эпоху второго храма, на сцену выступаютъ главы синедріона. Первымъ является — Симеонъ, котораго раббаниты называютъ Симеономъ Праведнымъ. Они утверждаютъ, что онъ принадлежалъ къ членамъ Великаго Собора, къ לְבַיְת־הַמִּשְׁכָּה т. е. къ современникамъ Эздры и Нееміи. Дѣятельность этихъ главъ синедріона заключалась въ томъ, что они удерживали народъ въ условіяхъ, созданныхъ Героваомомъ, оправдывая и прославляя Героваомскія ученія. Въ этомъ духѣ сочинили они Мишну и другія книги. И они всѣ одинъ за другимъ присваивали себѣ роль законодателей и нагромождали законы, нерѣдко доходящіе до неаѣности (282, 23 слѣд.) Киркисани обвиняетъ евреевъ въ томъ, что они вопреки предписанію Библии (Эзра III, 10) простираютъ свое творчество и на область литургіи, сочиняя собственныя молитвы, хотя сами, приступая къ ежедневной молитвѣ, заявляютъ, что намѣреваются молиться пѣснями Давида ¹.

¹ Киркисани, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его книги, знаетъ раббанитскій молитвенникъ довольно поверхностно. Онъ сообщаетъ такую молитвенную формулу (שְׁמַחְנוּ בַּמִּשְׁכָּה וְבַתְּהוֹמוֹתֶיהָ וְבַתְּהוֹמוֹתֶיהָ וְבַתְּהוֹמוֹתֶיהָ—„который избралъ раба Своего Давида и возлюбилъ его святыя пѣсни“), какой теперь нѣтъ, да и врядъ ли когда существовала, тогда какъ существующая въ еврейскихъ молитвенникахъ фор-

Вообще раббаниты довольно непочтительно относятся къ исламъ, позволяя себѣ читать ихъ сидя, точно это не молитвы а простое чтеніе.

Затѣмъ, вставивъ еще упрекъ въ излишнемъ возвеличеніи ангеловъ, отражающемъ какъ-бы мушаббитскія воззрѣнія раббанитовъ, Киркисани, какъ и слѣдовало ожидать, подробно останавливается на законахъ раббанитовъ, влекущихъ «нарушеніе святости субботы». Воспитанный на принципѣ милліона тягостныхъ терзаній, составляющихъ въ совокупности карайскую «субботу», Киркисани не можетъ переварить даже самыя мелкія постановленія, которыя придуманы раввинами для облегченія «бременъ тяжелыхъ и неудобноносимыхъ», превращающихъ «субботное удовольствіе» въ самую отчаянную пытку. Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что философскій умъ Киркисани не далъ ему застыть на карайской точкѣ зрѣнія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ рѣзко осмѣиваетъ раббанитовъ, не уступавшихъ иногда караймамъ въ строгости субботнихъ постановленій. Киркисани приводитъ различныя мѣста изъ Мишны и Талмуда, одно, по его выраженію, «удивительнѣе» другого, свидѣтельствующія о произволѣ и непослѣдовательности раввиновъ при установленіи субботнихъ законовъ ¹. «И они разрѣшили эти, очевидно, запрещенныя вещи и, наоборотъ, подвергли запрещенію то, что Богомъ не запрещено»,—таковъ нѣсколько разъ повторяющійся отзывъ Киркисани о законодательной дѣятельности раввиновъ.

Второе мѣсто въ этомъ обвинительномъ актѣ противъ раббанитовъ занимаютъ законы о левитской нечистотѣ. Киркисани является здѣсь, мы бы сказали, plus papiste que le Pape, если бы караймы вѣрили въ непогрѣшимость Аана. Извѣстно, что Аанъ, при всѣхъ своихъ пуританскихъ

куда («п תלול תזו תת תזו—», и пѣснями раба Твоего Давида мы будемъ восхвалять тебя“) гораздо болѣе подходила-бы къ полемическимъ цѣлямъ Киркисани.

¹ Кстати замѣтимъ, что запрещеніе носить слону въ субботу, которое такъ жестоко осмѣивается нашимъ авторомъ, находится въ М. Эрвингъ, X, 4.

наклонностяхъ держался довольно либеральныхъ воззрѣній насчетъ левитской чистоты. При помощи аналогіи словъ, совсѣмъ въ духѣ Талмуда, этотъ врагъ талмудизма доказывалъ, что законы о левитской нечистотѣ, подобно законамъ о жертвоприношеніяхъ, потеряли свою силу съ разрушеніемъ храма. Киркисани подвергаетъ строгой критикѣ подобное же ученіе раббанитовъ объ упраздненіи законовъ касательно левитской нечистоты въ изгнаніи.

Затѣмъ идетъ критика разныхъ мѣстъ Мишны, трактующихъ о дозволенномъ и недозволенномъ къ употребленію въ пищу. Киркисани по обыкновенію обвиняетъ раббанитовъ въ непослѣдовательности: «они разрѣшаютъ не подлежащее разрѣшенію и запрещаютъ то, чего не запретилъ Господь» (291, 25).

Мы не будемъ утомлять читателя подробнымъ перечнемъ отступленій, допущенныхъ преступными раббанитами въ своихъ постановленіяхъ о пасхѣ, суккотъ, о правѣ наслѣдства и пр. Но не можемъ не привести слѣдующихъ словъ Киркисани, весьма ярко рисующихъ его отношеніе къ раббанитамъ.

«Перечислить всѣ постановленія раввиновъ, говоритъ онъ (297, 5 слѣд.), несостоятельность которыхъ очевидна для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, заняло бы слишкомъ много мѣста. Это не согласуется съ моимъ намѣреніемъ — представить дѣло кратко и толково. Они, раббаниты, несмотря на всѣ свои отступленія отъ истиннаго іудаизма, выдаютъ себя за исключительныхъ обладателей традиціи, за прямыхъ наслѣдниковъ пророковъ въ дѣлѣ божественнаго ученія, за хранителей священнаго языка, они себя именуютъ «просвѣщенными» и «просвѣтителями»... Мы постараемся доказать неосновательность этой похвалы разборомъ нѣкоторыхъ религиозно-философскихъ воззрѣній раббанитовъ, которыя не только не могутъ претендовать на пророческое происхожденіе, но, наоборотъ, носить на себѣ всѣ признаки отступничества и ереси».

Такими словами Киркисани заканчиваетъ свой разборъ галахическихъ промаховъ раббанитовъ и переходитъ къ обзору

ихъ возвращеній на Божество, къ агадѣ. Мутазилитская душа Киркисани, проникнутая идеальнымъ представленіемъ сущности Божества, глубоко оскорблена грубыми взглядами разныхъ Шіуръ-Кома, Отіотъ Акиба, Китабъ-Ишмаэль, Седеръ Гегиномъ и др. мистическихъ сочиненій. Правда, дѣло не такъ страшно, какъ оно представляется Киркисани. Нужно замѣтить, что этотъ караймъ весьма мало поэтиченъ; его взоръ не замѣчаетъ поэтическихъ аллегорій агадъ, иногда довольно красивыхъ; вездѣ ему мерещатся антропоморфизмы и оскорбленіе Божества. Онъ, напримѣръ, приводитъ изъ Б. Меція 86а (съ нѣкоторыми вариантами) талмудическую легенду, рассказывающую довольно развязно о научныхъ занятіяхъ «Небесной академіи» подъ предсѣдательствомъ Господа Бога. Однажды тамъ научали книгу Левить и рѣчь зашла о слѣдующемъ стихѣ (XIII, 4): «А если на кожѣ больного бѣлое пятно, не кажушееся углубленнымъ въ кожу и не покрытое побѣлѣвшими волосами, то такого больного священникъ долженъ запереть на 7 дней». Спрашивается, что этотъ больной, чистъ или нечистъ. Господь говоритъ: нечистъ. Академики утверждаютъ противное, твердо стоятъ на своемъ и не уступаютъ. Тогда одному изъ ангеловъ отдается приказъ: «Принести душу Рабба б. Нахмани, самаго ученаго и самаго краснорѣчиваго изъ раввиновъ»¹.

Ангель застаётъ Раббу погруженнымъ въ свои талмудическія занятія и не можетъ, такимъ образомъ, отнять у него души. Онъ возвращается и рассказываетъ, что видѣлъ. И говоритъ ему Пославшій: Спрячься недалеко отъ Раббы, приведи въ движеніе при помощи сильнаго вѣтра окружающія его деревья, и когда онъ отвлечется отъ книги, завладѣй его душой. Ангель послѣдовалъ приказанію Господа и принесъ душу Раббы. И вотъ душа вскричала: «чистъ, чистъ!» въ противность мнѣнію

¹ Рабба баръ Нахмани (Рабба) былъ ректоромъ академіи въ Пумбедитѣ (умеръ въ 331 г.).

Господа. Господь тогда призналъ себя побѣжденнымъ... Дальше рассказывается, будто, когда умеръ Рабба баръ Нахмани, то поднялся страшный ураганъ, грозившій уничтожить мѣръ. Это Богъ хотѣлъ вознести Раббу на небо. Тогда одинъ арабъ спросилъ: «что это означаетъ?», и ему отвѣчали: «Бенъ-Нахмани возносится на небо». Арабъ сталъ укорять Господа словами: «Ты создалъ Бенъ-Нахмани, и Ты же отнял у него духъ: съ какой же стати уничтожать мѣръ?» Тогда вѣтеръ стихъ».

Киркисани передаетъ этотъ талмудическій рассказъ, выпустивъ нѣсколько поэтическихъ деталей. И на основаніи этого мѣста черствый и прозаическій караимъ извергаетъ слѣдующее обвиненіе противъ раббанитовъ: «Въ началѣ рассказа, говорить онъ, Бенъ-Нахмани опровергаетъ Создателя (да будетъ Онъ славенъ и великъ!), и отмѣняетъ слова Его, и Господь соглашается на такую отмѣну: признаетъ слова В. Нахмани справедливыми, а Свои собственные слова, невѣрными. Кромѣ того въ концѣ рассказа арабъ позволяетъ себѣ читать нотацію Создателю, призывать его къ порядку, и Господь Богъ принимаетъ это къ свѣдѣнію» (300, 31 слѣд.). Съ такими критическими приѣмами легко признать глубоко еретической всю агаду Талмуда, представляющую прекрасные образчики еврейскаго творчества.

Заканчиваетъ Киркисани свою полемику энергичной критикой талмудическаго рассказа о библейскомъ переводѣ LXX Толковниковъ и разборомъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ чрезвычайно уважаемаго раввинами арамейскаго перевода Онколоса, которыя онъ признаетъ нелѣпыми.

Но этимъ еще не кончается обвинительный актъ противъ раббанитовъ. Киркисани еще разъ возвращается къ нимъ съ новымъ аргументомъ неосновательности ихъ увѣренія, будто они обладаютъ истинной традиціей, будто ихъ ученіе, ихъ устная Тора дана на Синаѣ. Этотъ аргументъ нашъ авторъ нашелъ въ разногласіяхъ, господствовавшихъ среди самихъ раббанитовъ, именно между палестинскими и вавилонскими равви-

нами (гл. X). Разногласія раббанитовъ Каркисани приводитъ въ связь съ спорами Гиллелитовъ и Шаммантовъ и опредѣляетъ число спорныхъ пунктовъ цифрою 50. Для ознакомленія съ разногласіями раввиновъ Каркисани, по собственнымъ его словамъ, читалъ ихъ произведенія, обративъ особенное вниманіе на сочиненіе одного раввина, который собралъ въ отдѣльной книгѣ всѣ спорные пункты.

Аль-Гаввасъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

(Изъ пѣсень гошенца).

И мнѣ—хмурому забитому, слабосиль-
ному гошенцу—пѣть хочется...

С. Фругъ.

Серебромъ разсыпается пѣсня въ тиши,
Замираетъ и таетъ въ просторѣ —
— Роковую тоску хоть на мигъ утиши,
Утиши мое старое горе!..

Всюду чары весны — ароматъ и лазурь,
Столько нѣги подъ пологомъ сосенъ,
А въ душѣ столько холода, мрака и бурь,
А въ душѣ — безпросвѣтная осень!..

Такъ въ усталую грудь, какъ цѣлебный бальзамъ,
Влейся пѣсня волной ароматной,
И умчусь я на встрѣчу весеннимъ лучамъ,
И лазурью упьюсь необъятной!..

За зеленымъ лѣскомъ, за лѣскомъ молодымъ,
На лугу благовонномъ, цвѣтущемъ,
Гдѣ вздымается парь, словно жертвенный дымъ,
Ты запой мнѣ о свѣтломъ грядущемъ.

Въ прошломъ — тяжкія муки и горе одно,
Въ настоящемъ — отчаянья бремя...
Мнѣ теперь лишь одно утѣшенье дано —
Это вѣра въ грядущее время.

Но и этотъ просвѣтъ исчезаетъ средь тучь;
Переполнилась горечи мѣра,
Какъ вечерней зари угасающей лучь,
Исчезаетъ послѣдняя вѣра...

Такъ спаси же послѣдній, послѣдній маякъ,
Свѣточъ вѣры отрадной и сладкой,
Пусть одинъ хоть сіяющей лучь — этотъ мракъ,
Эту ночь озаряетъ украдкой...

Громко пой о безоблачной вешней порѣ
Съ оживляющей, нѣжащей лаской;
Истомленнаго брата о яркой зарѣ
Убаюкай волшебною сказкой,

Я забудусь на мигъ, я забудусь хоть разъ
Въ этомъ царствѣ мечтанья и грезы,
И польются желанныя слезы изъ глазъ,
Свѣтлой вѣры и радости слезы.

Л. Я.

ДОЧЬ ІЕВФАЯ.

Изъ „Еврейскихъ мелодій“ Байрона.

— «Мой отецъ, если жизни цѣной —
Милыхъ братьевъ и край мой родной
Избавляю отъ гибели я, —
Да исполнится клятва твоя!

Я отчизнѣ сказала: прости,
И на смерть я готова идти,
Но нестрашенъ бываетъ конецъ
Отъ руки дорогой намъ, отецъ.

Кровь моя, о родитель, чиста,
Чисты сердце мое и уста...
И, въ загробный напутствуя край,
Мнѣ лобзанье послѣднее дай.

Обо мнѣ пусть не плачетъ Солимъ,
Долго былъ онъ врагами тѣснимъ,
Но спасаю я смертью своей
И отца, и народъ — отъ цѣпей.

И, когда я умру, вспоминай
О дитяти своемъ, Іевфай, —
Что сама я, покорна судьбѣ,
Улыбалась предъ смертью тебѣ.

Н. Григоровичъ.

КОЛОНИЗАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ РУС- СКИХЪ ЕВРЕЕВЪ

ВЪ ПАЛЕСТИНУ И АРГЕНТИНУ ¹.

Мысль о сѣздѣ была нова и заманчива, и въ Каттовицѣ сѣздалось около 25—30 человѣкъ представителей разныхъ еврейскихъ общинъ. Отмѣтимъ при этомъ фактъ, что около половины всего числа членовъ сѣзда было изъ Варшавы и Вѣлостока, т. е. состояло изъ членовъ Варшавскаго палестинскаго кружка. Были также представители и изъ Москвы, Петербурга, Одессы, Риги, Харькова, но очень мало пріѣхало изъ городовъ Западной Европы, если не считать, впрочемъ, жителей самого Каттовица. Такимъ образомъ Каттовицкій сѣздъ правильнѣе считать сѣздомъ русскихъ евреевъ, а не евреевъ всей Европы, а выборъ мѣстомъ сѣзда небольшого прусскаго города на русской границѣ естественно объясняется трудностью устроить такой сѣздъ въ самой Россіи, гдѣ благотворительность въ пользу дѣла колонизаціи Палестины еще не получила въ то время необходимаго разрѣшенія. Основаніемъ къ сѣзду и его официальной задачей было совмѣстное обсужденіе и принятіе рѣшенія по вопросу «объ увѣковѣченіи памяти великаго мужа во Израилѣ сэра М. Монтефіоре какимъ либо благимъ дѣломъ въ странѣ, къ которой онъ неизмѣнно тяготѣлъ душой во всю его долгую жизнь», т. е. дѣлъ сѣзда формулировалась почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и исполнѣ совпадала съ дѣлами лицъ, издавшихъ юбилейный портретъ Монтефіоре. Уже заранѣе, конечно, всѣмъ членамъ сѣзда было хорошо извѣстно, что этимъ «какимъ либо дѣломъ» окажется дѣло устройства въ Святой Землѣ земледѣльческихъ колоній.

¹ См. „Восходъ“ кн. VII.

Восходъ, кн. X.

Съѣздъ имѣлъ свои занятія отъ 6 по 11 ноября 1884 года. Сущствующее въ Каттовицѣ отдѣленіе всемірной еврейско массонской ложи «Vnei brith» приняло въ лицѣ своего предсѣдателя и нѣкоторыхъ членовъ живое участіе въ дѣлѣ съѣзда, и первое засѣданіе послѣдняго открылось вступительной рѣчью предсѣдателя каттовицкой ложи г. Лебингера; въ ней онъ привѣтствовалъ членовъ собранія, принявшихъ на себя «высокую задачу и отвѣтственную обязанность дать реальное выраженіе глубокому почету, который весь еврейскій народъ питаетъ къ своему великому печальнику и живому идеалу сэру М. Монтефіоре». Гораздо содержательнѣе и интереснѣе была рѣчь д-ра Пинскера, избраннаго предсѣдателемъ съѣзда, объяснившаго настоящій смыслъ и цѣли съѣзда и вложившаго общую его программу.

Пинскеръ началъ съ того, что нарисовалъ картину того положенія, какое среди другихъ народовъ заняли евреи, когда они послѣ 2000 лѣтъ скитанія, всюду въ качествѣ «чужихъ», вынуждены были отучиться отъ земледѣлія; они издавна сдѣлались народомъ торговымъ par excellence. Они располагались въ городахъ, направляли всѣ свои усилія на торговлю и въ прежнее время, когда международное сообщеніе было весьма недостаточно и громадное большинство общаго населенія сосредоточивалось въ деревняхъ, они всюду играли роль, какую нынѣ играютъ паръ и телеграфъ; теперь, однако, все измѣнилось; возрасла густота населенія въ городахъ, усилились торговныя движенія въ современныхъ государствахъ; прежняя роль евреевъ исчерпана, ихъ экономическое положеніе значительно ухудшилось, должно въ будущемъ ухудшиться еще болѣе. Крайне интересно другое положеніе, на которое дальше почти впервые указалъ въ своей рѣчи д-ръ Пинскеръ. Сдѣлавшись народомъ торговымъ, евреи всюду сдѣлались либо представителями капитала, либо значительно чаще посредниками между трудомъ и капиталомъ. Въ настоящее время, когда соціально-экономическія возрѣнія народовъ достигли небывалаго подъема, можно, пожалуй, считать открытымъ вопросъ, скоро-ли или не скоро будетъ объявлена капиталу, по справедливымъ или несправедливымъ основаніямъ, война на жизнь и на смерть,—но несомнѣнно то, что евреи падутъ первыми жертвами угрожающаго переворота. Пинскеръ, намекая на недавніе погромы, видятъ въ нихъ подтвержденіе своей мысли, считая имъ отдален-

ними предвѣстниками будущаго переворота. Пинскеръ находитъ одно спасеніе для еврейскаго народа: это возвращеніе къ труду, къ плугу. «Мы нѣкогда сумѣли перейти отъ плуга къ вѣсамъ, вернемся столь же бодро и смѣло къ старинному другу». Пинскеръ тутъ же заявляетъ, что, само собою разумѣется, мы должны приходить на помощь всякому благородному стремленію къ труду, гдѣ бы оно ни оказалось, но предлагаетъ собранію настоящимъ всеобщимъ стремленіемъ создать какое либо благое дѣло въ Святой Землѣ въ память Монтефіоре, воспользоваться для основанія союза для поощренія земледѣлія среди евреевъ, преимущественно посредствомъ устройства земледѣльческихъ колоній въ Палестинѣ.

Собраніе, конечно, согласилось съ предложеніемъ своего председателя, и всѣ послѣдующія какъ общія засѣданія, такъ равно засѣданія отдѣльныхъ комиссій были посвящены выработкѣ основаній къ осуществленію предложенія председателя.

Послѣ многихъ засѣданій и преній были выработаны рѣшенія, выраженные въ слѣдующихъ пяти основныхъ пунктахъ:

1) Основывается учрежденіе, носящее имя «Союза Монтефіоре», для поощренія земледѣлія среди евреевъ вообще и для вспоможенія евреевъ-земледѣльцевъ въ Палестинѣ.

2) Для завѣдыванія дѣлами «Союзъ Монтефіоре» назначается на срокъ одного года временный центральный комитетъ, состоящій изъ 18 членовъ и имѣющій свое постоянное пребываніе въ Берлинѣ или же въ случаѣ надобности въ другомъ городѣ, имѣющемъ быть избраннымъ впоследствии.

3) Обязанности комитета состоятъ въ завѣдываніи и храненіи суммъ, образовавшихся изъ пожертвованій, уже сдѣланныхъ въ пользу колонизаціи Палестины до основанія Союза и имѣющихъ поступить современемъ; далѣе—въ надзорѣ за существующими и впредь имѣющими устроиться колоніями; въ выработкѣ полнаго устава союза и въ избраніи депутаціи для ходатайства предъ Высокой Портой о безпрепятственномъ допущеніи еврейскихъ поселенцевъ въ Палестину.

4) Въ виду того, что пока дѣло колонизаціи Палестины еще не имѣетъ достаточной степени легальной почвы, воздержаться отъ устройства новыхъ колоній впредь до окончательнаго узаконенія задачъ и круга дѣйствій Союза, а взамѣнъ этого немед-

ленно же озаботиться надлежащей поддержкой уже существующих колоній и въ особенности оказать необходимую помощь колоніямъ «Исодъ-га-маало» и «Песахъ Тикво».

5) Для полного ознакомленія съ мѣстными условіями и положеніемъ дѣлъ отправить въ Палестину довѣренныхъ лицъ, на основаніи отчетовъ которыхъ можно было бы вполне увѣренно дѣйствовать.

Таковы были рѣшенія, постановленныя съѣздомъ. Вопросъ о томъ, почему выбрали Палестину для колонизаціонныхъ цѣлей евреевъ,—не дебатировался и не могъ дебатироваться, такъ какъ весь съѣздъ былъ созданъ для осуществленія «благого дѣла» именно въ Святой Землѣ.

Принявъ такимъ образомъ рѣшеніе поддержать колонизаціонныя стремленія евреевъ въ Святую Землю, съѣздъ не разсматриваетъ и совершенно не касается вопросовъ, на какихъ началахъ вести это дѣло, какихъ правилъ и т. д. держаться при этомъ. Громадное большинство съѣзда, состоявшее изъ людей торговли и раввиновъ, впрочемъ, была бы и не въ силахъ разобраться въ какомъ либо изъ подобныхъ вопросовъ. Съѣздъ, принявъ въ принципѣ рѣшеніе основать постоянное общество съ колонизаціонными цѣлями, назначаетъ для веденія дѣла временный (т. е. вѣроятно до новаго съѣзда) комитетъ и заранѣе опредѣляетъ задачи этого комитета. Комитету предписывается, между прочимъ, выработать уставъ Общества, но не предписывается выработать принципы для дѣйствій Общества.

Мы увидимъ, что въ самомъ дѣлѣ уставъ былъ выработанъ создавшимся вскорѣ комитетомъ, принциповъ же почти вовсе не существуетъ понинѣ. Съѣздъ принимаетъ еще другое благоразумное рѣшеніе—отправить въ Палестину довѣренныхъ лицъ для «полнаго ознакомленія съ мѣстными условіями и положеніемъ дѣлъ». Очень жаль, что рядомъ съ этимъ съѣздъ не принялъ послѣдовательнаго рѣшенія выбрать лицъ для ознакомленія съ колонизаціонными вопросами вообще, равно съ колонизаціонными предпріятіями и попытками другихъ народовъ: быть можетъ, такое ознакомленіе предохранило бы будущій комитетъ отъ многихъ его грустныхъ ошибокъ, съ которыми мы познакомимся далѣе.

Тутъ же на съѣздѣ предложено было желающимъ ѣхать въ

Палестину для «полнаго ознакомленія съ мѣстными условіями и пр.» заявить объ этомъ Съѣзду. Вызвался В. Я. Высоцкій и больше никто.

ГЛАВА VIII.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и г. Высоцкій въ самомъ дѣлѣ сталъ собираться въ Святую Землю. До отъѣзда онъ однако счелъ полезнымъ посовѣтоваться объ общемъ планѣ своихъ будущихъ дѣйствій съ наиболѣе видными изъ палестинцевъ. Для этой цѣли условлено было съѣхаться въ Бѣлостоку, и дѣйствительно сюда собрались: Шоферъ-Рабиновичъ, тогдашняя душа палестинскаго дѣла, р. Могилевецъ и нѣкоторые другіе изъ бывшихъ членовъ Каттовичаго съѣзда. Главнымъ вопросомъ, подвергшимся обсужденію, былъ: кого же потомъ Высоцкій можетъ оставить исполнителемъ рѣшеній, къ принятію которыхъ онъ придетъ. Кто-то предложилъ въ такіе будущіе вернители судебъ нѣкоего г. Старовольскаго. Послѣдній былъ колонистъ-землевладелецъ сѣверо-западнаго края, по общему отзыву честный и дѣльный человѣкъ, хотя врядъ-ли достаточно развитой и интеллигентный для предполагаемой для него роли. Старовольскій жилъ близъ Бѣлостока; переговоры съ нимъ были недолгіе. Интересуясь самъ палестинскимъ дѣломъ, онъ согласился на всѣ предложенныя ему условія и на крайне скромный окладъ жалованья (сдва 40 р. въ мѣсяцъ).

Успокоенный на счетъ будущаго замѣстителя, г. Высоцкій выѣхалъ въ Одессу, чтобъ отсюда направиться въ Святую Землю. Предъ отъѣздомъ Могилевецъ и Рабиновичъ настоятельно рекомендовали ему въ невѣдомой ему Святой Землѣ во всемъ совѣщаться и слѣдовать совѣтамъ І. М. Пинеса, извѣстнаго уже тогда всему читающему еврейскому міру по его безчисленнымъ воззваніямъ и статьямъ въ газетахъ и журналахъ. Въ Одессѣ г. Высоцкій пригласилъ себя въ секретари по рекомендаціи Лиліенблюма нѣкоего Ревейаха, уроженца Палестины, незадолго передъ тѣмъ издававшаго еврейскую газету въ Руминіи и теперь находившагося безъ дѣла въ Одессѣ. Въ апрѣлѣ 1885 г. г. Высоцкій выѣхалъ въ Святую Землю.

Первое, что въ своей повѣдѣ г. Высоцкій рѣшилъ сдѣлать, это остановиться къ Константинополѣ, чтобъ тутъ познакомиться съ положеніемъ вопроса объ отнѣннѣ турецкимъ правительствомъ за-

препечения иностраннымъ евреямъ въѣзда въ Святую Землю. Запрепечение это, къ которому равнѣ всѣ относились пренебрежительно, стало возбуждать въ палестинцахъ серьезныя опасенія.

Высоцкій навѣстилъ Эліась-пашу, еврея лейбъ-медика султана, котораго неизмѣнно попутно навѣщаютъ всѣ еврейскіе путешественники въ Святую Землю, — навѣстилъ хахамъ-баши и другихъ высокопоставленныхъ евреевъ Константинополя; на всѣхъ произвелъ, по разскаву Эліась-паши, благоприятное впечатлѣніе, но, понятно, не добился тутъ ничего.

Очень скоро Высоцкій былъ уже въ Яффѣ. Вѣсть о томъ, что ѣдетъ уполномоченный отъ Каттовичскаго сѣзда „друзей Сіона“, конечно, задолго распространилась между иммигрантами Святой Земли. Встрѣча, которую они оказали Высоцкому, была самая торжественная. Всякій, кто могъ, пріѣхалъ на бортъ парохода, чтобы привѣтствовать желаннаго гостя, отъ котораго ожидалась, конечно, реальная помощь во всѣхъ матеріальныхъ затрудненіяхъ и страданіяхъ, сильно къ тому времени обострившихся. Вскорѣ Высоцкій былъ уже и въ колоніяхъ. Въ Пейсахъ-Тикво и Іегудѣ его встрѣчали поголовно всѣ, и старъ и младъ. Радостными криками и странными для еврейскаго уха Высоцкаго салютаціонными выстрѣлами изъ револьверовъ привѣтствовали этого мепіаха, посланнаго въ Эрецъ-Исроэль если не Богомъ, то всѣмъ еврейскимъ міромъ.

Первый объѣздъ колоній доставилъ однако Высоцкому сплошной рядъ огорченій: его вездѣ поражали царствовавшій во всемъ хаосъ и безпорядокъ, но всего больше его удивило и огорчило то, что онъ нашелъ въ колоніи Пинеса. Еще теперь, черезъ 10-12 лѣтъ, Высоцкій не можетъ спокойно вспомнить объ этой ямѣ съ нарами, въ которую усадилъ Пинесъ своихъ юношей-колонистовъ, лишь бы получить возможность чрезъ своего «шеліаха» и чрезъ газеты заявить міру, что колонія основалась, что колонія готова. Невольно Высоцкій ввспоминалъ всѣ розказни этого «шеліаха», естественно вспоминалъ, что, вѣдь, онъ самъ, Высоцкій, купилъ паи на владѣніе домомъ въ колоніи. Гдѣ же этотъ домъ? Или эта яма и есть тотъ проданный Пинесомъ «друзьямъ Сіона» домъ?

Впечатлѣніе, произведенное колоніей Пинеса, казьи равно дошедшіе до него разныя слухи сразу расхолодили Высоцкаго въ отношеніяхъ его въ Пинесу, и онъ отнюдь во все время своего пребы-

ванія въ Святой Землѣ не выслушивалъ совѣтовъ послѣдняго, такъ горячо рекомендованныхъ ему П. Рабиновичемъ и Могилаверомъ, и объ этомъ ему вовсе не пришлось пожалѣть.

Мало толку, порядку и дѣла нашелъ Высоцкій и въ другихъ колоніяхъ, которыя рѣшено было поддержать на Катовицкомъ съѣздѣ. Въ колоніи Іегудъ, являющейся нынѣ поселкомъ Пейсахъ-Тикво, оказалось приблизительно то же, что въ Гдейро, хотя объ этой колоніи мы еще въ 83 году читали, что она «не заявляетъ о себѣ печатно, справедливо предпочтая тихую благотворную дѣятельность всякимъ громкимъ и бесплоднымъ рекламъ»¹.

Но особенно огорчило Высоцкаго знакомство съ разваго рода людьми, норовившими проявлять въ зачинавшемся дѣлѣ свою дѣятельность въ роли маклеровъ, посредниковъ, старостъ и т. п. Въ дѣятельности этихъ господъ ему пришлось констатировать уже прямо рядъ злоупотребленій, и съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ знакомить «друзей Сиона» въ многочисленныхъ частныхъ письмахъ, равно въ письмахъ, помѣщенныхъ въ печати.

Чего нибудь законченнаго, опредѣленнаго Высоцкій не успѣлъ, конечно, сдѣлать въ Святой Землѣ, уже въ виду одной хотя бы непродолжительности его пребыванія въ странѣ. Онъ выполнилъ нѣкоторыя, такъ сказать, текущія дѣла, т. е. роздалъ или опредѣлилъ къ ближайшей раздачѣ деньги, ассигнованныя отчасти еще съѣздомъ, отчасти комитетомъ въ Одессѣ, къ которому, какъ намъ придется еще видѣть, перешло предводительство Палестинскимъ дѣломъ послѣ Катовицкаго съѣзда. Въ распоряженіе Высоцкаго отдана была и сумма въ 300 футовъ, привезенная Германомъ Адлеромъ и Бенасомъ изъ Лондона. Деньги эти опредѣлялись имъ на приобрѣтеніе живого и мертваго инвентаря, на постройки домовъ и на другія надобности хозяйства; при немъ уже и началась постройка нѣкоторыхъ домовъ. Съ первыхъ дней своего пребыванія въ колоніи Высоцкій прямо заявилъ себя врагомъ той системы распределенія пособій и средствъ, которая существовала уже во всѣхъ колоніяхъ Святой Земли, благодаря вліянію порадковъ, введенныхъ администраціей Ротшильда. Колонистъ, какъ нищій, получалъ на пропитаніе и не имѣлъ нужды забо-

¹ Русскій Еврей 1883, № 4.

тяться о себѣ самъ, исправно даже у Пинеса получая свой франкъ въ день. Высоцкій справедливо находилъ, что такая система должна уничтожить всякую самостоятельность въ колонистахъ и сдѣлать изъ нихъ вѣчныхъ попрошайекъ. Уже съ первыхъ дней своего пребыванія Высоцкій поручилъ составить общій цензъ каждой семьи. Вскорѣ онъ собралъ въ Яфѣ совѣтъ изъ всѣхъ сколько нибудь видныхъ людей Яффы и Иерусалима, знакомыхъ съ колонистами той или другой колоніи.

На этихъ совѣщаніяхъ онъ установилъ, сколько по общему мнѣнію требуется той или другой семьѣ для окончательнаго устройства ихъ хозяйства. Теперь свои выдачи Высоцкій ставилъ какъ бы въ текущій счетъ назначеннаго колонисту кредита.

Высоцкій уже пробылъ около 3 мѣсяцевъ въ Святой Землѣ, а общанный Старовольскій не пріѣзжалъ. Рядъ писемъ по этому поводу не помогаль,—и Высоцкій рѣшается вернуться въ Россію, оставивъ главное управленіе дѣлами общества «друзей Сіона» и завѣдываніе принадлежащими ему суммами давнишнему обитателю Яффы сефарду Муялу. Съ дѣятельностью его мы еще познакомимся позднѣе и увидимъ, насколько удаченъ былъ выборъ.

Проводы Высоцкаго изъ Святой Земли имѣли совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ {его встрѣча. Колонисты были недовольны и прямо озлоблены противъ него за его воздержаніе въ раздачѣ денегъ. Нѣкоторые изъ болѣе благоразумныхъ колонистовъ Пейсахъ-Тиево высказались однако за необходимость какъ нибудь отблагодарить Высоцкаго за его тяжелый трудъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Составленъ былъ адресъ, но по требованію большинства колонистовъ адресъ разорвали. И никто изъ колонистовъ не пришелъ его проводить.

Какъ я сказала, дѣятельность Высоцкаго собой ничего законченнаго не представляетъ и представлять не могла. Гораздо больше имѣютъ для насъ значенія тѣ убѣжденія, которыя онъ оттуда, какъ практическій человѣкъ, вынесъ и съ которыми, какъ мы уже сказали, онъ не преминулъ ознакомить другихъ «друзей Сіона».

Высоцкій первый сталъ высказываться противъ спекуляціи на количественный ростъ колонизаціи въ ущербъ качественного пруспѣянія этого дѣла; онъ прямо высказался поэтому противъ увеличенія числа колоній, котораго желало большинство «друзей

Сіона», но настаивалъ на упроченіи уже существовавшихъ колоній. Какъ практическое средство для упроченія колонизационнаго дѣла, Высоцкій предложилъ учрежденіе поземельнаго банка, который путемъ долгосрочнаго кредита давалъ бы колонистамъ возможность существовать до первыхъ значительныхъ урожаевъ. Съ другой стороны, Высоцкій одинъ изъ первыхъ зрѣло взглянулъ на потребности колонистовъ при ихъ первомъ обезаедеиіи и по его расчету на устройство семьи требуется въ Святой Землѣ около 10000 франковъ. Укажемъ, что еще раньше, приблизительно такую же сумму именно 300 фунт. считалъ необходимой для устройства семьи сэръ Олифантъ; почти столько же считалъ необходимымъ для обезаедеиія одной семьи и Г. М. Пинесъ (именно 3000 р.), но такое пониманіе потребностей колонистовъ, мы уже знаемъ, и самому Пинесу не мѣшаетъ основывать колонію безъ всякихъ средствъ и лишь съ надеждами на притокъ денегъ отъ «друзей Сіона».

Высоцкій вернулся въ Россію и тутъ начинается не то, чтобъ полемика, но оживленные споры въ газетахъ и журналахъ по поводу отдѣльныхъ взглядовъ, высказанныхъ Высоцкимъ и проникшихъ въ печать. Эти газетные споры во многихъ отношеніяхъ представляютъ интересъ. Въ нихъ видно отношеніе къ дѣлу какъ самихъ палестинцевъ, такъ и ихъ противниковъ. Палестинцы въ родѣ Лиленблюма и другихъ совершенно не желаютъ считаться съ фактами. Имъ говорятъ, что колонизационное дѣло прежде всего дорого, что нужны тысячи на устройство одной семьи, что среди всѣхъ этихъ старость, старшинъ, делегатовъ есть безчестные люди, что они творятъ злоупотребленія и т. д. Въмѣсто того, чтобъ серьезно взглянуть на всѣ подобнаго рода указанія, всѣ эти писатели изъ палестинцевъ начинаютъ съ того, что отрицаютъ факты; когда же выясняется, что факты достовѣрны, они начинаютъ доказывать, что изъ нихъ еще ничего не слѣдуетъ и т. д. Они систематично отрицаютъ факты, боясь, какъ бы указанія злоупотребленій или негодности какого нибудь старости Рубина въ Іегудъ-Гамаале или дѣла какого либо другого дѣятеля не дискредитировали палестинскаго дѣла по существу. Боясь, какъ бы указанія о дороговизнѣ устройства хозяйства не отбили бы охоты къ новымъ пожертвованіямъ или переселеніямъ,—они опять отрицаютъ достовѣрность расчетовъ и въ доказательство приводятъ счеты высланныхъ доселѣ денегъ, приходятъ при томъ обмѣно-

венно къ торжественному выводу, что выслано немного и вотъ, если выслать еще столько и столько то, то въ скоромъ времени положеніе колоніи будетъ «почти» упрочено. Это характерное «почти» обнаруживаетъ, что писавшій это и самъ, конечно, не вѣрилъ въ то, что пишетъ. Мы уже знаемъ, что такого рода увѣренія—что вотъ недостаетъ такихъ то и такихъ то пустяковъ для окончательнаго устройства,—вообще характерны, когда рѣчь идетъ о палестинскихъ колоніяхъ. Замѣтимъ, что иногда указанія о томъ, чего недостаетъ для окончательнаго устройства, бывали и полиѣе. Такъ колоніи Рошъ-Пино, стоившей Ротшильдъ съ тѣхъ поръ миллионъ, по увѣренію корреспондентовъ еще въ 1883 г. не хватало слѣдующаго: «нѣсколькихъ воловъ, различныхъ овощей для обезмѣненія огородовъ, нѣкотораго количества пшеницы для окончанія посѣвовъ и 100 овецъ и козъ, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ»¹. Почему козы такъ необходимы въ сельскомъ хозяйствѣ,—корреспондентъ не объясняетъ.

Такія увѣренія и обнадеживанія еще понятны въ такого рода корреспонденціяхъ безграмотныхъ писакъ изъ колонистовъ, въ особенности на первыхъ порахъ колонизаціоннаго дѣла,—но они совсѣмъ не позволительны въ письмахъ почтенныхъ публицистовъ въ отвѣтъ на проникшія въ печать указанія Высоцкаго на необходимость крупной суммы для устройства семьи.

Такова была тактика палестинцевъ. Тѣмъ же въ обратномъ смыслѣ грѣшатъ всѣ статьи противниковъ палестинскаго дѣла. Они каждое лыко ставятъ въ строку, изъ всякаго факта выводятъ единственное заключеніе о непригодности Палестины для колонизаціонныхъ цѣлей. Сообщается ли фактъ, что арабы напали на колонистовъ Пейсахъ-Тивво,—и врагамъ палестинской затѣи уже чудится погромы; говорятъ ли, что колонистамъ нужны деньги,—они кричатъ, что нѣтъ конца тѣмъ суммамъ, которыя нужны для колонизаціи Святой Земли. Точно есть гдѣ набудь на бѣломъ свѣтѣ уголокъ, гдѣ можно дешево устроить такое колонизаціонное дѣло. Особенно много труда стоило этимъ противникамъ палестинскаго дѣла отвѣчать на указанія, что, вѣдь, что бы тамъ ни было, а Палестина несомнѣнно старинная «земля млека и меда». И мы неоднократно читаемъ краснорѣчи-

¹ Русскій Еврей. 1883 г., № 6.

вня увѣренія, что старая земля Израіля взохла среди вѣковыхъ опустошеній, точно мы не находимъ даже въ Священномъ Писаніи указаній на любой современный недостатокъ естественныхъ свойствъ Святой Земли.

ГЛАВА IX.

Раньше, чѣмъ приступить къ дальнѣйшему обзору колонизаціонной дѣятельности барона Э. Ротшильда и его агентовъ, равно къ обзору послѣдующей дѣятельности общества «Союзъ Монте-фіоре» (Маскересъ Мойше) и другихъ основанныхъ, въ Россіи палестинскихъ кружковъ и обществъ, остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на дѣятельности сэра Лауренса Олифанта, о которой намъ вскользь уже приходилось упоминать нѣсколько разъ. «I will bring thim into Gilead» (я хочу ввести ихъ въ землю Гилеадскую), мечталъ о евреяхъ этотъ англичанинъ-поэтъ, и какъ увидимъ, онъ серьезно взялся за осуществленіе своей мечты, къ которой однако, какъ мы уже упоминали, такъ подозрительно отнеслись члены дипломатической миссіи молодыхъ билудцевъ, когда столкнулись съ Олифантомъ въ Константинополѣ.

Должно сказать, что мысль о колонизаціи Святой Земли евреями явилась у Олифанта за нѣсколько лѣтъ до русскихъ погромовъ 1881 и 1882 года и до обострившихся въ 80 году гоненій евреевъ въ Румыніи. Такимъ образомъ дѣятельность въ пользу еврейской колонизаціи Палестины отнюдь не вызвана была впечатлѣніемъ погромовъ, хотя глубоко потрясенный ими Олифантъ еще энергичнѣе приступилъ къ осуществленію своей идеи, сдѣлавшейся вскорѣ чуть-ли не завѣтной его мечтой. Мысль объ этой колонизаціи явилась у Олифанта, какъ онъ самъ рассказываетъ въ своей книгѣ¹, вскорѣ послѣ Берлинскаго конгресса, подъ вліяніемъ оживившагося во всей Европѣ интереса въ Восточному вопросу. Сэру Олифанту приходилось до этого времени три раза бывать въ Турціи; онъ зналъ недурно страну и естественно интересовался событіями того времени болѣе другихъ. Ему и всѣмъ казалось, что Восточный вопросъ теперь, послѣ войны, войдетъ въ новую фазу. Казалось неизбѣжнымъ, что либо

¹ The land of Gilead.

великія державы начнутъ болѣе осязательно вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи, либо, чтобъ избѣгнуть основаній къ подобнымъ вмѣшательствамъ, сама Высокая Порта приступитъ къ ряду внутреннихъ реформъ. Государственные люди, публицисты и вообще интересующіеся политикой джентльмены Англіи послѣ услугъ, оказанныхъ Турціи англійскимъ правительствомъ во время и послѣ войны, считали себя особенно вправѣ интересоваться внутренней жизнью Турціи,—и вотъ въ это-то время общаго интереса восточными дѣлами и явилась у сэра Олифанта его смѣлая мысль о колонизаціи евреями Святой Земли. Идея эта явилась у него однако не сразу. Онъ вовсе не думалъ о Святой Землѣ и еще меньше онъ думалъ объ евреяхъ; онъ только, какъ многіе англичане въ то время, думалъ о Турціи, о реформахъ въ ея внутренней жизни. Раньше когда-то онъ интересовался Индіей, потомъ Японіей и Китаемъ, затѣмъ Россіей. Теперь, когда во всемъ англійскомъ мірѣ, да и не въ одномъ только англійскомъ, интересовались восточнымъ вопросомъ, твердили о возобновленіи въ Турціи конституціи и о другихъ внутреннихъ турецкихъ реформахъ, сэръ Лауренсъ Олифантъ естественно сталъ интересоваться и писать о Турціи. Ему было это тѣмъ легче и доступнѣе, что онъ, какъ мы уже знаемъ, и до этого нѣсколько разъ посѣщалъ страну и зналъ ее. Сэръ Олифантъ сталъ въ своемъ Athenaeum Club'ѣ толковать о реформахъ для Турціи; только та реформа, твердилъ онъ, будетъ дѣйствительною, которой будетъ дано начало изъ Константинополя по обычной, официальной турецкой системѣ, а не та, которая будетъ навѣяна извнѣ. Самая важная реформа, въ которой нуждается страна, это децентрализація власти: провинціи должны пользоваться до извѣстной степени автономіей, и вали или генераль-губернаторы ихъ должны быть въ теченіе извѣстнаго времени несмѣняемы. Всякій сколько нибудь знакомый со страной найдетъ эти взгляды Олифанта совершенно правильными. Намъ позднѣе придется еще упоминать о злѣ, пронстекающемъ въ Турціи и нынѣ отъ излишней централизаціи власти, когда, напр., разрѣшеніе на постройку дома и то должно исходить изъ Константинополя.

Но Олифантъ, конечно, хорошо понималъ, что о введеніи подобныхъ радикальныхъ реформъ не можетъ быть и рѣчи въ современной Турціи, такъ какъ султанъ и его министры всячески

оберегаютъ свою власть, въ особенности въ азіатскихъ владѣніяхъ, отъ всякихъ такихъ европейскихъ затѣй. И вотъ у сэра Олифанта явилась новая идея: пусть Высокая Порта сдѣлаетъ опытъ въ маломъ масштабѣ, пусть сдѣлаетъ этотъ опытъ хотя бы въ одной маленькой провинціи и пусть, развѣсившись, обогативши своихъ жителей и увеличивши доходы имперіи, такая провинція обратитъ на себя вниманіе и симпатіи Европы, нисколько при этомъ не вредя верховнымъ правамъ султана. Но противъ всякихъ подобныхъ попытокъ и опытовъ можетъ быть сдѣлано одно существенное возраженіе: всѣ они требуютъ извѣстныхъ затратъ, а разшатанные финансы Турціи не могутъ доставить средствъ для новыхъ затратъ. И сэру Олифанту приходитъ въ голову новая мысль: для подобной цѣли можно привлечь иностранные капиталы притомъ безъ всякаго покровительства и вмѣшательства державъ, къ которымъ особенно щепетильно относятся султанъ и его министры. Капиталы могутъ быть доставлены колонизаціоннымъ обществомъ, которое основалось бы на совершенно коммерческихъ началахъ подъ покровительствомъ султана съ центральнымъ управленіемъ въ Константинополѣ, совершенно такъ-же, какъ основалось и существуетъ множество другихъ акціонерныхъ турецкихъ обществъ—какъ общество оттоманскаго банка, общество табачной монополіи и многія имъ подобныя. Какъ и послѣднія, колонизаціонное общество можетъ привлечь для своего предпріятія иностранные капиталы, если только будутъ достаточно гарантированы интересы владѣтелей акцій.

Дальнѣйшими вопросами, рассказываетъ далѣе Олифантъ¹, которые теперь естественно представились его уму, были во 1-хъ, какая мѣстность должна быть выбрана для опыта, и во 2-хъ, какого рода народъ долженъ быть приглашенъ (should be invited) въ колонисты. Для этой цѣли не могутъ быть выбраны христіане, такъ какъ на основаніи существующаго въ Турціи колонизаціоннаго закона колонисты прежде всего должны сдѣлаться оттоманскими подданными, если желаютъ воспользоваться преимуществами колонизаціоннаго закона. Ясно, что ни одинъ христіанскій подданный европейскаго государства не приметъ турецкаго подданства,

¹ The land of Gilead, XV.

не сдѣлаетъ этого уже хотя бы потому, что этимъ лишается привилегія консульской защиты и множества другихъ преимуществъ. Къ тому же вѣчное соперничество разныхъ христіанскихъ церквей, равно европейскихъ державъ, поддерживающихъ ту или другую церковь, всегда явилось бы тормазомъ для всякаго рода колонизаціонныхъ попытокъ въ Турціи. Взять для колонизаціоннаго дѣла тѣ тысячи мусульманскихъ бѣглецевъ, которые покинули свой кровъ въ Болгаріи и Румелии, тоже казалось Олифанту невозможнымъ, такъ какъ въ виду слишкомъ малого интереса, проявляемого въ христіанской Европѣ къ этимъ несчастнымъ, врядъ ли бы нашлись капиталисты, которые дали бы капиталы на устройство этихъ голыхъ мусульманскихъ бѣдняковъ на совершенно новомъ для нихъ мѣстѣ.

«И вотъ, въ дѣйствительности, восклицаетъ Олифантъ, существуетъ одна только раса въ Европѣ, которая, будучи богата, не должна обращаться за деньгами для всего этого предпріятія къ христіанскимъ капиталистамъ; которая не можетъ вызвать возраженій со стороны Порты противъ введенія лишней соперничающей христіанской секты; которая никогда не пугала турецкаго правительства какими либо національными стремленіями, но наоборотъ, всегда выказывала себя лояльной по отношенію къ его величеству султану; которая однако своими историческими преданіями тѣсно связана съ одной провинціей въ Азіатской Турціи и которую мысль снова сдѣлаться собственницей ея святой почвы можетъ сдѣлать столь сильной, чтобъ согласиться на всевозможныя условія турецкаго правительства».

Такимъ то процессомъ дедукціи пришелъ Олифантъ къ выбору Палестины и евреевъ для осуществленія его проекта объ опытѣ реформъ въ Турціи.

Проектъ еврейской колонизаціи Палестины чрезвычайно понравился сэру Олифанту. Чѣмъ дольше онъ размышлялъ о немъ, тѣмъ болѣе онъ казался ему желательнымъ съ политической точки зрѣнія. Противъ него, казалось ему, ничего не могутъ имѣть ни европейскія державы, ни султанъ; съ другой стороны, къ такому проекту должавъ отзывчиво отнестись и еврейскій міръ, который не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что католическій фанатизмъ далеко горше ислама. Подтверженіе такому благопріятному отношенію еврейскаго міра къ этой идеѣ колонизаціи Палестины

Олифантъ находятъ въ двухъ статьяхъ въ «Jewish Chronicle» отъ 9 января и 9 юля 1880 г., а это, вѣдь, руководящій органъ евреевъ въ Англіи и въ этомъ случаѣ, можно утверждать, представляетъ чувства всей націи по данному поводу.

Гдѣ же теперь взять деньги для осуществленія проекта? Какъ позднѣ Лиліенблюмъ, сэръ Олифантъ рѣшаетъ, что 7 милліоновъ евреевъ, столь связанныхъ традиціями къ своей старинной странѣ, легко дадутъ по подпискѣ капиталъ въ 10 милліоновъ франковъ, и этого на первыхъ порахъ достаточно для колонизаціи 1—1½ милліона акровъ, которые для начала Олифантъ, какъ увидимъ, выбралъ въ Гилеадѣ.

Но кто изъ евреевъ пойдетъ въ колонисты будущаго колонизаціоннаго общества? Конечно, не пойдутъ евреи Англіи и Франціи, но охотно пойдутъ евреи Европейской и Азіатской Турціи, въ особенности же евреи Россіи, Румыніи, Галиціи, Сербіи и другихъ славянскихъ земель; даже болѣе богатые классы этихъ евреевъ будутъ рады перемѣнить стѣсненія, которымъ они нынѣ подвергаются, «на свѣжій воздухъ, какимъ они подъ Турецкимъ владычествомъ будутъ пользоваться на землѣ ихъ предковъ, гдѣ они будутъ къ тому же пользоваться защитой компаніи и наконецъ до извѣстной степени правомъ самоуправленія». Олифантъ приводитъ рядъ литературныхъ доказательствъ, что это дѣйствительно такъ, т. е. что евреи охотно отзовутся на приглашеніе идти назадъ въ страну ихъ предковъ. Въ самомъ дѣлѣ m-r Geary¹, описывая еврейскую общину города Hillah близъ Багдада, рассказываетъ, что евреи здѣсь ссужаютъ громадныя суммы мѣстнымъ землепашцамъ на ирригаціонныя работы и посѣвы и сильно поддерживаютъ земледѣльческое дѣло этой части Месопотаміи, но въ то же время систематически воздерживаются отъ всякой покупки земель и даже отъ какой либо постройки дома, такъ какъ очень трудно будетъ превратить эти недвижимыя имущества въ деньги, когда придетъ моментъ идти въ Іерусалимъ, а что явится такой моментъ, когда евреи съ триумфомъ вернутся въ наслѣдіе Авраамово, въ это они никогда не переставали вѣрить. Не менѣе вѣское доказательство сэръ Олифантъ видитъ въ статьѣ, незадолго передъ этимъ появившейся въ сб-

¹ Through Asiatic Turkey, vol. I, p. 189.

веро-американскомъ еврейскомъ журналѣ «American Hebrew» подъ заглавіемъ «Back to Palestine» («Назадъ въ Палестину»); въ ней авторъ г. Бирнбаумъ, обращаясь ко всѣмъ американскимъ евреямъ, зоветъ ихъ «назадъ въ Палестину».

Но, вѣдь, всѣ эти евреи, которые отзовутся на призывъ колонизаціоннаго общества, — не земледѣльцы и попытка вызвать съ ихъ помощью земледѣльческое развитіе страны должна окончиться несомнѣнной неудачей. Сэръ Олифантъ уступчивъ до нелзя: онъ рекомендуетъ на первыхъ порахъ пригласить евреевъ эмигрировать въ Палестину, чтобъ приобрести здѣсь землю и сдавать ее въ аренду за высокую плату мѣстнымъ «фермерамъ», что, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ гораздо предпочтительнѣе, чѣмъ ссужать крестьянамъ деньги подъ посѣвы, какъ они это дѣлаютъ нынѣ. Но очень вѣроятно, предполагаетъ Олифантъ, что, увидѣвъ всю доходность земледѣльческаго дѣла, евреи вскорѣ и сами пожелаютъ приобрести необходимыя практическія земледѣльческія познанія и займутся земледѣліемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, вотъ близъ Лидды, въ 10 миляхъ отъ города Яффы группа въ 55 еврейскихъ семействъ приобрѣла недавно 2,000 акровъ земли и съ большимъ успѣхомъ ее обрабатываетъ. (Мы уже знаемъ, каковы были первые успѣхи Пейсахъ-Тикво, о которой говоритъ здѣсь Олифантъ). Затѣмъ лейтенантъ Киченеръ видѣлъ въ санджакѣ Акка цѣлую деревню (?) изъ еврейскихъ землепашцевъ, обрабатывающихъ свою землю съ незапамятныхъ временъ. Далѣе, въ Марокко и другихъ частяхъ Африки значительное число евреевъ занимается земледѣліемъ, да наконецъ въ самой Россіи еврейскія земледѣльческія колоніи проявляютъ явные успѣхи. Между тѣмъ, судя по корреспонденціямъ газеты «Times'a», города русской Польши и Литвы кишатъ немѣющимъ никакой работы или занятій еврейскимъ пролетаріатомъ, съ которымъ мѣстныя власти просто не знаютъ, что и предпринять. Ясно, что этотъ пролетаріатъ легко можетъ быть приспособленъ для колонизаціонныхъ цѣлей Олифанта. Правда, обвиняютъ евреевъ въ неспособности и въ нежеланіи заниматься полевыми работами, но нѣтъ сомнѣнія, что это съ одной стороны объясняется ихъ религиознымъ чувствомъ, которое не позволяетъ имъ сдѣлаться землесобственниками гдѣ либо внѣ ихъ собственной страны, съ другой стороны это объясняется препятствіями, кото-

рыя во многихъ странахъ имъ ставили правительства и народы въ возможности приобрѣтать земли. Но исторія свидѣтельствуетъ, что подобнаго пренебреженія сельской жизнью не существовало у евреевъ въ прежнее время, да и нынѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Азіатской Турціи у нихъ сохранились даже пастушескіе обычаи, которые особенно характерны для этой расы. Впрочемъ, въ послѣднее время то и дѣло стали проявляться признаки оживившагося среди евреевъ стремленія къ землѣ. Alliance Israélite Universelle основала близъ Яффы земледѣльческую школу, гдѣ еврейскія дѣти обучаются земледѣлію; наконецъ, въ письмѣ, адресованномъ въ «Jewish Chronicle» 20 августа 80 г., представители 100 еврейскихъ семействъ въ Румыніи заявляютъ, что они основали колонизаціонное общество для колонизаціи Святой Земли, что всѣ эти 100 семействъ рѣшили эмигрировать съ исключительной цѣлью заняться тамъ земледѣліемъ, что каждое изъ семействъ имѣетъ для этой цѣли по 400 франк. и нынѣ просятъ поддержку въ видѣ займа 20,000 франк. изъ суммъ фонда Монтефіоре.

Олифантъ былъ, повидимому, особенно восхищенъ этими бравыми румынами, стремленія которыхъ, какъ мы видимъ, почти совпадали съ его собственной идеей. Немедленно онъ пишетъ письмо въ «Jewish Chronicle»¹, въ которомъ ставитъ на видъ Румынскому колонизаціонному обществу, что и гораздо большая сумма, чѣмъ 20 000 фр., въ которыхъ нуждается общество, можетъ быть найдена для ихъ цѣли въ Англии, и совѣтуетъ обществу немедленно выслать въ Лондонъ делегацию, которая была бы уполномочена вести переговоры. Въ письмѣ своемъ онъ далѣе обращаетъ вниманіе румынскаго общества, что на основаніи существующаго въ Турціи колонизаціоннаго закона иммигранты могутъ получить «безъ всякой покупки» какое угодно количество земли подъ условіемъ принятія оттоманскаго подданства, и что около 200,000 акровъ подходящей земли можно выбрать въ каймаканикахъ (уѣздахъ) Тиберіи и Іенинъ. Письмо свое Олифантъ заключаетъ выраженіемъ румынскому обществу своей полной готовности помочь ему указаніями, совѣтами и всѣми услугами, какія онъ только въ состояніи оказать для исполненія цѣли общества.

¹ Jew. Chron. 1880, September.

Но зачѣмъ вся эта исторія Олифанту и англичанамъ? Оказывается, Олифантъ не совсѣмъ доволенъ Берлинскимъ трактатомъ. Въ самомъ дѣлѣ на конгрессѣ въ Берлинѣ коалиція европейскихъ державъ норовила устроить всяческіе барьеры противъ движенія Россіи на Босфоръ и Константинополь. Для этой цѣли провозглашена независимость Румыніи и Сербіи, отданы двѣ провинціи Австріи, созданы Болгарія и Восточная Румелия. Все это прекрасно, но на конгрессѣ совершенно упустили изъ виду, что отъ азіатской границы Россіи въ Арменіи до бухты Александретты нисколько не дальше, чѣмъ отъ русской границы у береговъ Дуная до Дарданеллъ, и то, чего Россія не можетъ достигнуть въ Европѣ, она легко достигнетъ въ Азій, т. е. береговъ Средиземнаго моря. Между тѣмъ, Александретта еще вдвое ближе къ Египту, чѣмъ Дарданеллы, а Египетъ нынѣ главный путь и стратегическая дорога въ Индію. Вотъ въ этомъ-то и вся суть. Да еще къ тому же религіозныя чувства русскаго народа современемъ обязательно потребуютъ занятія Іерусалима и Святыхъ мѣстъ. Произойдетъ цѣлый новый крестовный походъ особаго рода! А съ занятіемъ Палестины Россія уже будетъ господствовать на всемъ Востокѣ, между прочимъ и въ Персіи; ея флоту будетъ открыто и Красное море, и Персидскій заливъ, и Индійскій океанъ.

И вотъ — то средство, какое Берлинскій конгрессъ избралъ на Балканскомъ полуостровѣ, должно быть употреблено и здѣсь: нужно даровать административную автономію Арменіи, Сиріи и Палестинѣ, обезпечивъ, впрочемъ, ихъ лояльность по отношенію къ султану; начать все это дѣло можно съ Палестины съ помощью евреевъ и ихъ капиталовъ.

Д-ръ А. Беркенгеймъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИУДЕЙСТВО И ГИГИЕНА.

1) *Prof. Dr. Adolf Baginsky*, Die hygienischen Grundzüge der mosaischen Gesetzgebung; Braunschweig, 1895, Vieweg. (Проф. д-ръ *Адольфъ Багинскій*, Гигиеническія основы Моисеева законодательства). — 2) *Dr. Alfred Nossig*, Socialhygiene der Juden und des alt-orientalischen Völkerkreises. Stuttgart, 1894, Deutsche Verlags-Anstalt. (Д-ръ *Альфредъ Носсигъ*, Общественная гигиена евреевъ и древне-восточной группы народовъ). — 3) *Rab. Dr. A. Wiener*, Die jüdischen Speisegesetze, nach ihren verschiedenen Gesichtspunkten, zum ersten Male wissenschaftlich-methodisch geordnet und kritisch beleuchtet. Breslau, 1895, Schottländer. (Раввинъ д-ръ *А. Винеръ*, Иудейскіе законы о пищѣ, съ различныхъ точекъ зрѣнія, впервые сгруппированные научно-методически и освѣщенные критически).

«Физическое благополучіе составляетъ основу просвѣщенія и независимости».

Р. Вирловъ.

Возприимчивая устойчивость еврейскаго племени, сдѣлавшаго остаться кѣлымъ и невредимымъ вопреки жестокимъ гоненіямъ, которыми его подвергали во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, естественно, является крайне интереснымъ вопросомъ сравнительнаго народовѣдѣнія. Историко-философская школа склонна видѣть причину еврейской національной живучести въ нравственныхъ элементахъ иудейской религіи, въ спасительной идеѣ единобожія, въ строго національномъ духѣ иудаизма. Но эта точка зрѣнія не исключаетъ возможности другого воззрѣнія, по которому еврейство обязано своимъ долголѣтіемъ преимущественно гигиеническому элементу, положенному въ основу многихъ иудейскихъ религіозныхъ предписаній. Ни одна изъ религій древняго и новаго міра не удѣляла столько вниманія заботѣ о тѣлесномъ благополучіи человѣка, какъ религія иудейская, и несомнѣнно, что многія изъ преподанныхъ основателями иудейства гигиеническихъ правилъ сохранили свою разумность вплоть до нашихъ дней и могутъ быть одобрены

современной медицинской наукой. Выяснить, въ какой именно мѣрѣ гигиеническое начало іудейскаго религіознаго законодательства содѣйствовало и до сихъ поръ содѣйствуетъ сохраненію еврейскаго народа на землѣ, чрезвычайно важно, какъ съ точки зрѣнія общихъ теоретическихъ идей, такъ и въ практическомъ отношеніи, и всякую новую работу въ этой отрасли нужно привѣтствовать, какъ явленіе высоко отрадное.

Гигиеническія предписанія іудейской религіи, какъ и все іудейское законодательство вообще, слагаются изъ двухъ отдѣльныхъ элементовъ: законовъ, изложенныхъ въ Пятикнижій, и правилъ, установленныхъ Талмудомъ. Какъ мы увидимъ ниже, медицинская критика относится къ обоимъ законодательствамъ неодинаково. Библейскіе законы, за рѣдкими исключеніями, установлены съ гигиенической цѣлью, въ интересахъ физическаго благополучія еврейскаго народа, и они почти во всѣхъ случаяхъ оказываются согласными съ требованіями современной наукъ науки; талмудическія же предписанія, за немногими исключеніями, преслѣдовали цѣли моральнаго свойства и собственно съ гигиенической стороны оправданія себѣ не находятъ.

Брошюра проф. Вагинскаго (занимающаго катедру дѣтскихъ болѣзней въ берлинскомъ университетѣ) посвящена исключительно обзору библейской гигиены. Почтенный авторъ, очевидно, не задавался мыслью изложить вопросъ на основаніи новыхъ собственныхъ изслѣдованій. Его брошюра—популярный очеркъ, публичная лекція, прочитанная имъ въ пользу берлинской кассы Общества вспоможенія еврейскимъ ученикамъ. Но проф. Вагинскій сумѣлъ въ немногое дать многое. На первыхъ страницахъ брошюры мы находимъ блестящее изложеніе общихъ взглядовъ на гигиену, долженствующихъ подготовить читателя къ уразумѣнію отдѣльныхъ частей Моисеева санитарнаго законодательства. Читатель получаетъ отчетливое представленіе о задачахъ и предѣлахъ гигиены — о гигиенѣ *частной*, заботящейся о благѣ отдѣльной личности, и гигиенѣ *общественной*, охраняющей цѣлый народъ или государство и трактующей отдѣльную личность лишь какъ составную часть общества. Моисеево законодательство относится преимущественно къ гигиенѣ общественной. Изъ области частной гигиены Библия занимается только регулированіемъ пищевого режима еврея, и тутъ именно оказывается одинъ исключительный случай (запрещеніе крови), въ которомъ библейскій законодатель руководствовался моральными соображеніями. Запрещеніе *крови* въ пищу проф. Вагинскій не считаетъ строго гигиеническимъ; законодатель руководился, очевидно, религіознымъ стремленіемъ отнять у еврея всякую возможность пользоваться кровью для

известных языческих обрядовъ. Съ гигиенической точки зрѣнія кровь вредна только въ мясѣ не первой свѣжести, такъ какъ она содѣйствуетъ болѣе быстрому наступленію гніенія. Все-таки весьма возможно, что Петръ Франкъ былъ правъ, утверждая, что библейское запрещеніе употребленія крови имѣло цѣлю предохранить еврея отъ употребленія разлагающагося мяса. Запрещеніе *семиנים* имѣло уже гигиеническую подкладку. Еще у египтянъ существовало убѣжденіе, что отъ употребленія свиного мяса развиваются назожныя болѣзни (Геродотъ). Плутархъ говоритъ, что и другіе народы избѣгали употребленія свинины, опасаясь образованія назожныхъ сыпей и струпуевъ. Элианъ утверждаетъ, что онъ въ Египтѣ часто слышалъ отъ туземцевъ, что пьющіе свиное молоко страдаютъ разными назожными болѣзнями и даже проказой. Такой взглядъ существуетъ и теперь у нѣкоторыхъ племенъ въ Бразиліи. Надо полагать, что подобныя опасенія и побудили библейскаго законодателя запретить еврею свинину. Знали ли въ библейское время о встрѣчающихся въ свиномъ мясѣ паразитахъ-трихинахъ—рѣшить трудно, но возможно, что случаи заболѣванія трихинозомъ наблюдались и хотя оставались въ сущности невыясненными, однако заставляли людей относиться къ свининѣ съ большою осторожностью.—Запрещеніе *иземт-нмизъ мородъ птицъ* тоже находитъ себѣ теперь объясненіе. Въ журналѣ «Virchow's Archiv» недавно описанъ Борелемъ особый паразитъ, въ родѣ трихины, наблюдающійся иногда въ крови ворона; самъ Вирховъ прибавляетъ къ этому описанію установленный фактъ, что у употребляющаго зараженное воронье мясо можетъ развиваться подкожный паразитъ, подобный гвинейскому червю. Аналогичныя явленія наблюдались при употребленіи въ пищу воронъ, галокъ, соекъ, орловъ. Что касается запрещенныхъ Библией *рыбъ, пресмыкающихся и млекопитающихъ*, то опасность употребленія нѣкоторыхъ изъ нихъ (угрей, муренъ и т. п.) до сихъ поръ признается многими обитателями жаркихъ странъ, въ чемъ проф. Вагинскому приходилось убѣждаться лично, наприм., въ Испаніи. Въ медицинской литературѣ нѣтъ недостатка въ изслѣдованіяхъ, оправдывающихъ эти опасенія, поскольку они касаются, напр., раковъ и устрицъ. Въ новѣйшее время нѣкоторыми учеными (Шмидтманомъ, Бригеромъ, Сальковскимъ, Вольфомъ и др.) открыты и выдѣлены особые химическіе яды, гнѣвядіеся въ равовинахъ, а практической медициной установлены случаи, когда цѣлыя эпидеміи тифозныхъ заболѣваній съ смертельными исходами развивались единственно вслѣдствіе употребленія въ пищу зараженныхъ устрицъ и раковъ. На эти факты обращается теперь серьезное вниманіе санитарной полиціей, и естественно, что библейскій законодатель, зная

о вредномъ вліяніи, которое иногда оказываютъ пресыщающіяся и мягокѣлыя, и не умѣя дать народу точныхъ указаній для отличія вреднаго отъ безвреднаго, долженъ былъ совсѣмъ изъять изъ числа пищевыхъ веществъ всѣ сомнительныя породы животныхъ.—Далѣе Вибліей воспрещена въ пищу *падалъ*. Едва ли надо доказывать разумность этого закона. Въ трупахъ животныхъ обыкновенно образуются крайне ядовитыя вещества. Кроме того, не зная причины смерти животнаго, можно предполагать, что оно погнбло отъ болѣзни заразной, которая передается тому, кто будетъ ѣсть его мясо. Такой же смыслъ имѣетъ запрещеніе ѣсть принесенное въ жертву мясо *позже 2-го дня* послѣ убоя. На третьи сутки мясо начинаетъ разлагаться.—Такимъ образомъ, библейскіе законы о пищѣ имѣютъ цѣлью *охранить здоровье людей*.

Ту же цѣль, только въ болѣе широкихъ предѣлахъ, преслѣдуютъ библейскіе законы о *чистотѣ*. Чтобы устранить передачу заразы, Виблія предписываетъ въ соответствующихъ случаяхъ *обособленіе* зараженнаго (современный карантинъ), или *уничтоженіе заразы* (современная дезинфекція), и эти предписанія проникнуты духомъ строгой послѣдовательности. Въ раннихъ періодахъ исторіи человечества такая идея дезинфекціи является неприемлемою. Виблейскій законодатель зналъ также объ опасностяхъ, представляемыхъ для здоровья уклоненіями отъ нормальной половой жизни, и предписанія его, весьма обстоятельныя, касаются подчасъ самыхъ интимныхъ сторонъ брачнаго сожителства. На эту тему проф. Вагинскій конечно не могъ распространяться въ публичной лекціи,—и онъ отгѣтилъ только разумность законовъ объ омовеніи женщины послѣ родовъ и притомъ непременно въ «живой», т.-е., проточной водѣ. Тутъ очевидно предупреждается не только заболѣваніе самой родильницы и ея мужа, но также зараженіе другихъ женщинъ, которыя будутъ купаться послѣ нея въ той же водѣ.—Виблія часто говоритъ объ эпидемическихъ заболѣваніяхъ, опасности ихъ распространенія и случаяхъ ихъ прекращенія, описанныхъ какъ чудеса и знаменія, но представляющихъ въ сущности случаи рациональнаго пригнѣненія дезинфекціи.

Во время эпидеміи обыкновенно считывалось число погибшихъ, всегда являлся на помощь первосвященникъ съ кадильницей, производившій окуриваніе дезинфекціонными веществами, затѣмъ такъ или иначе уничтожались самые носители заразы, иногда съ большою жестокостью, если переносчиками заразы являлись язычники. Когда при столкновеніи съ индьянами въ еврейскомъ лагерѣ стали появляться заразные венерическія болѣзни, то Моисей приказалъ умертвить всѣхъ захваченныхъ индійскихъ

женщины, но не трогать цѣломудренныхъ дѣвицъ. Эта жестокая иѣра, впрочемъ не представлявшая у древнихъ народовъ ничего чрезвычайнаго, особенно въ военное время, очевидно продиктована санитарными соображеніями о необходимости во что бы то ни стало уничтожить источникъ заразы, угрожавшей погубить весь еврейскій лагерь. Поучительно предписаніе проводить черезъ огонь всякій металл, могущій носить на себѣ заразные вещества, и характерно прибавленіе къ этому закону: «А все, что не можетъ пойти въ огонь, проводите черезъ воду, мойте вашу одежду» и т. д. (Второзак. XXXI, 22 и слѣд.). Авторъ замѣчаетъ при этомъ: «Дайте вышнему военному санитару задачу предохранить лагерь отъ эпидеміи, и онъ даже въ наши дни не въ состояніи будетъ придумать болѣе совершенныхъ, болѣе дѣйствительныхъ иѣръ». Къ иѣрамъ, предупреждающимъ распространеніе заразы, относятся также предписанія, касающіяся погребенія труповъ. Всякій, прикасавшійся къ трупу, считается «нечистымъ» въ теченіе 7 дней; «нечиста» также палатка, въ которой лежитъ покойникъ, нечисты всѣ находящіяся въ ней предметы и т. д. Очищеніе лицъ, прикасавшихся къ трупу, посредствомъ пепла сожженной коровы (Рого адумо) авторъ объясняетъ такимъ же образомъ, какъ это объяснили Михаиель и др. Иссопъ и кедровое дерево, которое приѣшивалось къ пеплу, благодаря содержанію смолистыхъ веществъ, представляютъ недурное обеззараживающее средство, что-то въ родѣ современнаго фенола, крезола и т. п.; что же касается животныхъ веществъ, входившихъ въ составъ пепла, то они дѣйствовали преимущественно своими солями (калія и натрія). Повидимому, законодатель старался дать священникамъ такое обеззараживающее вещество, которое было бы по возможности растворимо въ водѣ, и библейскій рецептъ антисептическаго «пепла» является, поэтому, во всѣхъ отношеніяхъ довольно удовлетворительнымъ.

Институтъ «Цараасъ», т. е. законы о предъявленіи священнику всякаго человѣка, у котораго оказалась сыпь, похожая на «цараасъ», проф. Вагнискій считаетъ весьма цѣлесообразнымъ установленіемъ, предохраняющимъ отъ распространенія заразныхъ сыпей въ народѣ. По вопросу о томъ, какую собственно болѣзнь надо понимать подъ словомъ «цараасъ», авторъ склоняется къ высказанному нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями мнѣнію, что подъ «цараасъ» подразумѣвалась не проказа (лерга), но крайней иѣрѣ не одна только проказа, а цѣлая группа различныхъ наложныхъ болѣзней. Обособленіе людей, страдающихъ заразительной или даже подозрительной сыпью, — иѣра очень разумная, соотвѣтствующая современной карантинной системѣ. Установленное для крайнихъ случаевъ

разрушеніе дома, въ которомъ гнѣздилась зараза, тоже вполне рациональная мѣра. Проф. Вагинскій напоминаетъ, что ему нѣредко приходилось совѣтовать предавать разрушенію избы, въ которыхъ жили страдавшіе злокачественной формой дифтерита.

Резюмируя все изложенное въ брошюрѣ, проф. Вагинскій говоритъ: «Въ общемъ санитарныя постановленія библейскаго законодателя сохранили силу до настоящаго времени. Мы удивляемся мудрости этихъ законовъ, которые, по выраженію Библии, суть «не слова только, а основа жизни».

Книга д-ра Носсига, «Соціальная гигиена евреевъ», написана очень претенціозно. Судя по заглавію, д-ръ Носсигъ имѣлъ въ виду изложить общественную гигиену не только евреевъ, но всѣхъ народовъ древняго востока. Книга дѣйствительно начинается обзоромъ религіозныхъ гигиеническихъ предписаній китайцевъ, индусовъ, персовъ и египтянъ. По всѣмъ этимъ четыремъ народамъ авторъ удѣляетъ не болѣе 30 страницъ, посвящая остальную часть своей книги (стр. 31—152) разбору еврейской общественной гигиены. Книга эта не представляетъ труда оригинальнаго. Авторъ старался дать только сводъ того, что уже сдѣлано другими по данному вопросу. Заслуживаетъ, д-ръ Носсигъ не врачъ, и это обстоятельство въ значительной степени уменьшаетъ значеніе его работы. Дѣло не въ отдѣльныхъ ошибкахъ, въ которыхъ авторъ впадаетъ при обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ, доступныхъ только специалисту, а въ общемъ направленіи мысли, связующей и освѣщающей факты. Медицинское образованіе дисциплинируетъ умъ въ направленіи строго реальнаго мышленія, до извѣстной степени страхуя его отъ уклоновъ въ сторону мистицизма и схоластики. А почтенный авторъ временами грѣшитъ такими уклонами очень сильно. Напримѣръ авторъ гдѣ то вычиталъ, что въ брюшной полости находится такъ называемое солнечное нервное сплетеніе (plexus solaris), функция котораго когда то апіористически считалась очень обширной, но теперь признается недостаточно выясненной. Увлечшись стариннъ изреченіемъ, что это сплетеніе играетъ въ брюшной полости роль мозговаго центра, авторъ смѣло провозглашаетъ, что у человѣка существуютъ *два* мозга (одинъ въ головѣ, а другой въ утробѣ), что одинъ изъ нихъ является органомъ духовной функціи организма, а другой — органомъ его животныхъ отправленияхъ. Этотъ странный тезисъ требуется автору единственно для того, чтобы оправдать проповѣдуемое Моисеемъ равновѣсіе между физической и моральной стороной человѣческаго бытія! Конечно, цѣлесообразность строгой гармоніи человѣческихъ силъ ни въ какихъ схоластическихъ доказатель-

ствах не нуждается; во всякомъ случаѣ, возводить для этой цѣли скромное нервное сплетеніе въ степень «брюшного мозга» (Gehirn des Abdomens) немножко сѣло.

Затѣмъ, отрицательной стороной труда д-ра Носсига, особенно чувствительной въ трудѣ компилятивномъ, является недостаточная утилизация существующей литературы по данному предмету; автору остались неизвѣстными многія крупныя изслѣдованія о библейской и талмудической гигиенѣ и о санитарномъ состояніи современныхъ евреевъ, особенно изслѣдованія русско-еврейскихъ авторовъ, кстати сказать, внесшихъ очень много новаго въ эту отрасль. При всемъ томъ, книга д-ра Носсига заслуживаетъ вниманія какъ первая попытка объединить и сгруппировать разбросанныя въ обширной литературѣ интересныя отрывочныя данныя о значеніи гигиеническихъ предписаній іудейской религіи.

Обзоръ библейской соціальной гигиены авторъ начинаетъ съ указанія на Моисеевы законы о чистотѣ. Гигиена почвы изложена слишкомъ кратко; тутъ цитируется только предписаніе имѣть внѣ лагера мѣсто для отбросовъ. Говоря о дезинфекціи, авторъ приводитъ главу о «цараасѣ», предписывающую предъявленіе священнику всякаго человѣка, заболѣвшаго сыпью. При этомъ д-ръ Носсигъ принимаетъ, что библейскій «цараасъ» есть «проказа» (Lepros), чѣмъ обнаруживаетъ полное пренебреженіе въ существующихъ по этому вопросу нѣсколькимъ довольно обстоятельнымъ работамъ, доказавшимъ, что подъ «цараасъ» никомъ образомъ нельзя понимать проказу. Вслѣдствіе этого все сказанное д-ромъ Носсигомъ о производившихся осмотрахъ больныхъ теряетъ главный смыслъ, ибо оно доказываетъ только, что осмотры производились, но не подтверждаетъ, что они имѣли разумное основаніе. Во всякомъ случаѣ, изъ этой главы явствуетъ, что библейскіе законодатели знали уже о свойствѣ заразы нѣкоторыхъ болѣзней скрываться въ кожѣ людей, а также въ одеждѣ и въ стѣнахъ домовъ, и тутъ авторъ весьма кстати приводитъ замѣчаніе проф. Гено-де-Мюсси, что въ XIII главѣ книги Левитъ впервые встрѣчается указаніе на возможность передачи заразы черезъ платье. Дезинфекція пепломъ и водою (предписываемая въ XIX гл. Второзаконія) объясняется авторомъ по Маймониду! Новѣйшія медицинскія соображенія по данному вопросу автору, очевидно, неизвѣстны.

Слѣдующую главу, трактующую объ охраненіи отъ венерическихъ болѣзней, авторъ начинаетъ разборомъ обряда обрѣзанія. По этому вопросу существуетъ множество работ¹, въ которыхъ сообщается о наблюденіяхъ

¹ Специальная литература по вопросу объ обрѣзаніи приведена въ нашей статьѣ «Обрѣзаніе», помѣщенной въ «Реальной энциклопедіи медицинскихъ наукъ, проф. Эйзенбурга и Аванасева», т. XIII, стр. 597 и слѣд.

врачей надъ вліяніемъ обрѣзанія на функціи организма, на теченіе нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзней и т. п. Авторъ совершенно игнорируетъ всю эту литературу, ограничиваясь выпиской изъ сочиненія Фялона, писаннаго въ I вѣкѣ по р. Хр. Зато очень недурно изложена та часть Моисеева законодательства о чистотѣ, которая касается общихъ условій супружеской жизни и понятпо безъ спеціальныхъ медицинскихъ знаній. Заботясь о непрерывномъ продолженіи племени и рожденіи здороваго потомства, библейскій законодатель направилъ главное вниманіе на семейный бытъ народа, оставилъ его наибольшими гарантіями «чистоты». Такъ называемая свободная любовь исключена безусловно. Проституція еврейкамъ воспрещена подъ угрозой смертной казни. Неестественное удовлетвореніе плотской страсти считается тяжкимъ преступленіемъ, о которомъ въ законахъ говорится повторно. Сношенія съ иноплеменными женщинами наказуются смертью. Остается одинъ выходъ — семья. Для благополучнаго сожителства супруговъ требуется любовь, которая не всегда бываетъ вѣчной. Поэтому законодатель допустилъ расторженіе браковъ несчастливыхъ. Возможность развода заставляетъ супруговъ больше дорожить взаимными сердечными отношеніями, увеличиваетъ шансы внутренней прочности семьи. Законодатель счелъ нужнымъ, какъ бы указывая на возможность развода, сказать супругамъ: «Зато, если вы живете совѣстно, то живите въ «чистотѣ» и до момента расторженія брака оставайтесь вѣрными другъ другу». Принципъ расторженности брака сильно содѣйствовалъ чистотѣ семейныхъ нравовъ.—Д-ръ Носсигъ цитируетъ при этомъ замѣчаніе Ролара, сравнивающаго библейскіе законы о сохраненіи рода съ спартанскими законами Ликурга, который тоже заботился о развитіи здороваго племени. «Предписанія Моисея во всѣхъ отношеніяхъ выше грозныхъ законовъ Ликурга, стоящихъ въ вѣчной борьбѣ съ природою и безсердечно обрекающихъ слабосильнаго въ жертву фанатическому патріотизму». Оберегая семью отъ неблагопріятныхъ вліяній, библейскій законодатель всачески охранялъ личность семьянина отъ власти общества. Молодоженъ въ первый годъ супружества освобождался отъ участія въ войнѣ, — ибра, которая значительно способствовала укрѣпленію семейныхъ узъ и къ тому же должна была увеличивать ростъ населенія. Правильную супружескую жизнь законъ охранялъ еще нѣкоторыми предписаніями витиннаго свойства, требованіемъ воздержанія въ извѣстные физиологическіе періоды женской природы. О благотѣльности этихъ разумныхъ предписаній, охраняющихъ женщину отъ заболѣваній и способствующихъ продуктивности брака, авторъ говоритъ однако голословно, хотя медицинская лите-

ратура и существующія по данному вопросу спеціальныя работы врачей-евреевъ содержатъ весьма поучительный матеріалъ, важный и какъ фактическое доказательство разумности соответствующихъ предписаній, и какъ внушительное предостереженіе для евреекъ слишкомъ свободомыслящихъ. Но несмотря на этотъ недочетъ, глава о семейномъ бытѣ по Моисееву законодательству производитъ очень хорошее впечатлѣніе, рисуя довольно отчетливую картину благотѣльнаго вліянія его на сохраненіе еврейскаго племени.

Отдѣльная глава, разбирающая библейскіе законы о пицѣ, составлена до неупотребительности слабо. Д-ръ Носсигъ считаетъ свою задачу въ этомъ отдѣлѣ оконченной, процитировавъ Маймонида, писавшаго въ XII вѣкѣ, что медицина признаетъ наиболѣе питательными тѣ сорта мяса, которые еврею разрѣшено употреблять въ пищу. По такимъ вопросамъ, какъ питательность той или другой пищи, конечно, нельзя ссылаться на медицину XII столѣтія. Эта часть гигиены разработана только въ новѣйшее время.

Затѣмъ д-ръ Носсигъ переходитъ къ обзору талмудическаго законодательства. Точка зрѣнія его на Талмудъ до нельзя странная для врачебнаго изслѣдованія. Авторъ—правовѣрный приверженецъ традиціи и призываетъ, что Талмудъ даетъ только письменное изложеніе того, что устно по традиціи переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію и что было установлено Моисеемъ, хотя и не занесено на пергаментъ. При такомъ взглядѣ, разумеется, немыслима никакая критика. Страннымъ образомъ авторъ вслѣдъ затѣмъ начинаетъ излагать (по Рабиновичу и Вундербару) состояніе научной медицины во время составленія Талмуда, причемъ оказывается, что талмудисты и анатомію практически изучали, и физиологію разрабатывали, и всякими научными методами пользовались. Одно изъ двухъ: или талмудическая медицина дѣлкомъ перешла отъ Божественнаго законодателя, или она разрабатывалась людьми своего времени. Средины тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Однако д-ръ Носсигъ какъ-то умудряется сочетать два воззрѣнія, ортодоксальное и рационалистическое. Желая доказать разумность установленныхъ Талмудомъ правилъ, авторъ, увлекаясь, утверждаетъ, что талмудическая медицина стояла на громадной высотѣ и увѣряетъ, что въ трактатѣ *Oholoth* содержится вѣрное описаніе всѣхъ костей человѣческаго скелета. Еслибы авторъ зналъ о работѣ д-ра Каценельсона («Ремахъ Эернигъ»), старавшагося путемъ остроумнѣйшихъ натяжекъ объяснить, почему талмудисты въ этомъ трактатѣ насчитывали у человѣка 248 костей, когда ихъ на самомъ дѣлѣ 200, то онъ бы съ меньшимъ восторгомъ говорилъ объ анатомическихъ познаніяхъ составителей Талмуда.

О «курсе физиологии», изложенномъ въ Bergasoth, можно говорить только какъ объ одномъ изъ историческихъ памятниковъ, рисующихъ еврейскую медицину того времени. Авторъ часто употребляетъ выраженіе «Врачи Талмуда»; «Talmud-Doctoren», понимая подъ этииъ выраженіемъ своего рода медицинскую коллегію, вооруженную специальными званіями въ известной опредѣленной системѣ и дѣйствующей подъ вліаніемъ опредѣленныхъ научныхъ воззрѣній. Но съ такими взглядами едва ли можно согласиться. По Бергелю и по Ландау, (автору новѣйшей специальной книги о еврейскихъ врачахъ), въ Талмудѣ приводятся только *три* врача, имѣющихъ титулъ доктора—горбе: Юсифъ, Товія и Тодсъ; четвертый (Аба) именуется фельдшеромъ или кровопускателемъ (eimat или eimpo отъ греч. αίμα — кровь), а затѣмъ остается всего девять человѣкъ (въ томъ числѣ наиболѣе знаменитый Самуилъ Астрономъ, Jarchinai), тоже повидному занимавшихся медицинской практикой или обсуждавшихъ медицинскіе вопросы. И это на протяжении почти восьми столѣтій (Вавъ-Азія, «врачъ при храмѣ» жилъ въ 110 г. до Р. Х., а Гамалиилъ послѣдній патриархъ, о врачебной дѣятельности котораго свидѣтельствуетъ Марцелій Эпирвикъ, умеръ въ 645 г. послѣ Р. Х.). Можно ли этихъ людей, жившихъ въ разное время и получившихъ свое образованіе изъ самыхъ различныхъ источниковъ (Тодсъ, 100 л. послѣ Р. Х., учился въ Александріи; Нахмани, умершій въ 250 г. послѣ Р. Х., учился въ Персіи), ставить въ одну группу и говорить о нихъ какъ о единой «школѣ», руководящейся одинаковыми научными принципами и проводящей одинаковые взгляды. Затѣмъ, совершенно неизвѣстно, имѣли-ли эти врачи какое нибудь вліаніе на практическое законодательство по вопросамъ гвигіены, разросшееся въ Талмудѣ до громадныхъ размѣровъ. (12 трактатовъ отдѣла Taharoth посвящены предписаніямъ о чистотѣ, два трактата отдѣла Kodaschim, Chulin и Maachaloth—законамъ о пищѣ; трактатъ Naschim—законамъ о женской чистотѣ и т. д.).¹ Ав-

¹ Нужно замѣтить, что Талмудъ при разнообразіи своего матеріала даетъ всякому то, чего въ немъ ищутъ, и это отражается на оцѣнкѣ талмудической медицины современными исследователями. Ортодоксъ д-ръ Рабиновичъ привелъ факты, доказывающіе солидность медицинскихъ знаній талмудистовъ; сторонникъ реформы д-ръ Бергель наоборотъ доказываетъ, что медицинская эрудиція талмудистовъ весьма невелика. Несомнѣнно, что въ Талмудѣ упоминается о медицинской экспертизѣ въ затруднительныхъ случаяхъ. (Nidda, 22 b, Beshor. 28 b., Chulin 77 и т. д.). Но отсюда слѣдуетъ только то, что талмудисты не признавали свои проектируемые законы установленными Моисеемъ, такъ какъ при подобномъ взглядѣ всякая экспертиза исключалась бы уже a priori. Это слѣдовало бы принять во вниманіе приверженцамъ взгляда на талмудическое за-

торь вообще не имѣть руководящаго взгляда на отношеніе талмудистовъ къ библейскимъ предписаніямъ, не видѣть разнородности исходныхъ точекъ обонхъ законодательствъ. И это отсутствіе принципиальнаго отношенія, отчасти обусловленное, очевидно, истиническимъ взглядомъ на Талмудъ, какъ на продолженіе Пятикнижія, составленное одновременно съ 1-ой частью и только позднѣе написанное, отражается на всѣхъ сужденіяхъ автора о гигиеническихъ правилахъ Талмуда.

Авторъ констатируетъ, прежде всего, что талмудисты почти упразднили институтъ «Цараасъ» и институтъ очищенія пещоломъ сожженныхъ животныхъ (Pogoh aduma). Почему? Объ этомъ у д-ра Носсига нѣтъ ни слова, хотя эти два института раньше были имъ описаны подробно, какъ важные моменты для предохраненія народа отъ заразительныхъ болѣзней. Читатель остается въ недоумѣніи насчетъ того, былъ-ли образъ дѣйствій талмудистовъ въ этомъ случаѣ коррективомъ къ Пятикнижію, продиктованнымъ тогдашней медициной, т. е. было ли оно шагомъ впередъ; или же, напротивъ, неосновательнымъ новшествомъ, которое въ гигиеническомъ отношеніи было вредно для народа. Дальше идетъ глава объ убоѣ скота. Изумительно, что для доктора Носсига прошли незамѣченными и шумная агитація, которая въ послѣдніе годы велась противъ еврейскаго способа убоа, и многочисленныя серьезныя заявленія специалистовъ о цѣлесообразности этого способа, собранныя, напр.,

конодательство какъ на традиціонное наслѣдіе отъ библейскихъ законодателей. Къ сожалѣнію, нельзя придавать большого медицинскаго значенія случаямъ упомянутыхъ экспертизъ, ибо въ нихъ идетъ дѣло о мелкихъ вопросахъ, остальное-же гигиеническое законодательство Талмуда, повидимому, обошлось безъ всякаго вліянія представителей врачебной науки. Что же касается писателей послѣ-талмудической эпохи, то они, окруживъ Талмудъ ореоломъ святости, во многихъ случаяхъ, въ принципѣ отвергали вѣдѣтельство врачей въ обсужденіе „религиозныхъ“ вопросовъ гигиены. Такъ, наприм., И.-бенъ-Шепеть говоритъ: „Въ сужденіи о законахъ нашего Писанія намъ не приходится руководствоваться мнѣніями врачей и естествоиспытателей“ *אמרנו וזכרנו וזכרנו וזכרנו וזכרנו וזכרנו וזכרנו וזכרנו* и дальше: „Мы опираемся на законъ нашихъ талмудистовъ, хотя бы они завѣдомо называли правое лѣвымъ“. Въ такомъ же смыслѣ говоритъ Хагисъ (Le-keth hakemach): „Если люди опыта (т.-е. научнаго опыта—врачи, естествоиспикки) станутъ доказывать противуположное тому, что говорили талмудисты, то ты отступи отъ нихъ, не слушай ихъ“. Это вполне понятная точка зрѣнія, логически вытекающая изъ отношенія къ Талмуду, какъ къ святыни, стоящей внѣ человеческой критики. Но совершенно непонятно, какъ нѣкоторые, призывая святость талмудической традиціи, въ то же время допускаютъ принципъ каковаго бы то ни было сопоставленія талмудической гигиены съ требованіями современной медицины.

въ извѣстномъ изданіи д-ра Гильдесгейера. Между тѣмъ, авторъ признаетъ за способомъ убоя скота громадное общественно-гигіеническое значеніе. Насколько въ этомъ случаѣ повредилъ автору недостатокъ специальныхъ знаній и знакомства съ литературой предмета, видно изъ того, что всю суть еврейской «шехиты» онъ усматриваетъ въ уменьшеніи заразительности мяса убиваемаго животного путемъ выпусканія крови, въ которой по его убѣжденію, *всегда* гнѣздится всякая зараза! Выходитъ такъ, что всякое животное, даже совершенно здоровое, всегда носитъ въ себѣ большую кровь! За то недурно, хотя и далеко не въ должной и возможной полнотѣ, изложена у д-ра Носсига глава объ осмотрѣ мяса. Тутъ автора выручилъ Гено-де-Мюси, одинъ изъ первыхъ обратившій вниманіе на возможность зараженія бугорчаткой черезъ употребляемое въ пищу мясо больного животного. Немножко сѣтло и вполнѣ голословно говоритъ авторъ затѣмъ о соленіи мяса, утверждая почему то, что благодаря солению мясо *всегда* освобождается отъ заразныхъ веществъ, хотя заразное вещество не всегда существуетъ въ свѣжемъ мясѣ. Странно, что въ главѣ о пищевомъ режимѣ д-ръ Носсигъ не упоминаетъ о введенныхъ Талмудомъ ограниченіяхъ, наприм., о запрещеніи употреблять молочную пищу вслѣдъ за мясомъ, о недопущеніи къ еврейскому столу такъ наз. филейной части животного и т. д.

Особую главу д-ръ Носсигъ посвящаетъ воззрѣніямъ Маймонида, и особенно его діететическимъ правиламъ. Затѣмъ цѣлая глава удѣлена обзору діететики по «Шуханъ-Аруху». Можно было ожидать, что, отиѣчая шагъ за шагомъ тѣ напластованія, которыя съ вѣками превратили простое и ясное библейское законодательство въ запутанный лабиринтъ неясныхъ и малопонятныхъ житейскихъ правилъ, авторъ покажетъ, гдѣ кончается разумное и обязательное и начинается необязательное и неразумное. Ничего этого у автора нѣтъ. Нѣсколько довольно безразличныхъ выписокъ изъ Маймонида сдѣланы только для того, чтобы показать, что Маймонидъ былъ ушій человѣкъ, въ чемъ, конечно, никто не сомнѣвался. Цитируя кодексъ Іосифа Каро, авторъ ограничивается опять славословіемъ. Вообще д-ръ Носсигъ всѣмъ доволенъ, и Моисеи, установившій осмотръ подозрительныхъ больныхъ, и талмудистамъ, упразднившимъ эту санитарную мѣру, и Шуханъ-Арухомъ, который ввелъ новыя стѣснительныя мѣры.

Заканчивается книга главой съ многообѣщающимъ заглавіемъ: «Причины біотическихъ преимуществъ современныхъ евреевъ». Это богатая область, обилующая многими въ высшей степени интересными данными. Но видѣсто связаннаго обзора особенностей рождаемости, заболѣваемости и смерт-

ности евреевъ въ связи съ ихъ религіозно-бытовыми условіями мы находимъ тутъ нѣсколько совершенно незначительныхъ выписокъ изъ Леруа-Воле и двухъ-трехъ, цитированныхъ имъ румынскихъ авторовъ. Ни малѣйшаго намёка на существованіе обширныхъ статистическихъ изслѣдованій о ростѣ евреевъ, о преобладаніи у нихъ тѣхъ или другихъ болѣзней, объ особенностяхъ дѣтской смертности, сравнительномъ долголѣтіи и т. д. и т. д. Изъ данной главы рѣшительно не видно, чтобы евреи пользовались какими-нибудь біотическими преимуществами, а тѣмъ болѣе, чтобы эти преимущества обуславливались благоприятными бытовыми моментами, установленными іудейской религіей. Между тѣмъ, и одно, и другое въ настоящее время доказано многочисленными работами, которыя не трудно было сопоставить при извѣстномъ знакомствѣ съ литературой предмета.

Въ общемъ книга д-ра Носсига оставляетъ въ читателѣ непріятное впечатлѣніе. Видно, что авторъ понималъ важность взятой имъ темы, довольно вѣрно распланировалъ свой трудъ, но при исполненіи ощутилъ недостатокъ въ фактическомъ матеріалѣ. Еще хуже, можетъ быть, то, что у автора не оказалось достаточно широкаго круга идей, необходимаго при разработкѣ столь обширнаго вопроса. Тѣмъ не менѣе, надо воздать д-ру Носсигу должное. Какъ популярная книжка, дающая безиритязательному читателю общія понятія о предметѣ, сочиненіе д-ра Носсига имѣетъ извѣстныя достоинства. Что же касается серьезнаго научнаго обзора еврейской общественной гігіены, то имѣсто для него остается въ нашей литературѣ свободнымъ.

Послѣ книжки д-ра Носсига съ особымъ удовольствіемъ читается обширный высоконаучный трудъ недавно скончавшагося д-ра Винера «Іудейскіе законы о пищѣ». Надъ этимъ сочиненіемъ авторъ проработалъ около 30 лѣтъ. Книга, занимающая 33 печатныхъ листа убористаго шрифта, испещрена на каждой страницѣ множествомъ цитатъ и выносокъ на нѣсколькихъ древнихъ и новыхъ языкахъ, указывая на громадную эрудицію автора и необычайную любовь къ дѣлу. Къ сожалѣнію, это обиліе цитатъ, выносокъ, прибавленій и дополненій до крайности затрудняетъ чтеніе книги, и требуется большое напряженіе, чтобы въ лабиринтѣ деталей не потерять нити изслѣдованія. Но впечатлѣніе все таки получается сильное. Есть что то внушительное въ этихъ большихъ работахъ еврейскихъ ученыхъ старой нѣмецкой школы!

Д-ръ Винеръ задался мыслью прослѣдить исторію развитія іудейскаго законодательства о пищѣ. Система, которой онъ держится при изслѣдованіи, требуетъ совершенно необычайной начитанности въ еврейской письмен-

ности всѣхъ временъ и основательнаго знакомства съ религіозными кодексами, воззрѣніями и легендами всѣхъ народовъ древняго міра, оказавшихъ свое вліяніе на еврейское религіозное законодательство. Авторъ беретъ извѣстный отдѣльный законъ и отыскиваетъ его первоисточникъ въ Библии; притомъ, для точнаго уразумѣнія текста, онъ по необходимости приводитъ всѣ соотвѣтствующія интерпретаціи, предложенныя комментаторами въ различное время, а также собственные лингвистическія соображенія. Затѣмъ онъ отыскиваетъ въ обычаяхъ и легендахъ другихъ древнихъ народовъ тѣ элементы, которые могли находиться въ извѣстной генетической связи съ даннымъ іудейскимъ установленіемъ. Потомъ онъ старается прослѣдить всѣ тѣ видоизмѣненія, которыя подвергался данный законъ на протяженіи всей еврейской исторіи, приводитъ сначала взгляды Іосифа Флавія, Филона, далѣе въ послѣдовательномъ порядкѣ толкованія Мишны, Гемары, многочисленныхъ комментаторовъ Талмуда, составителей компендіевъ, — Симона Кагира, Ряфа, Маймонида, Яковъ-бенъ-Ашера, Іосифа Каро, при чемъ отмѣчаетъ судьбу даннаго закона на каждомъ этапномъ пунктѣ. Изложивъ эволюцію религіознаго закона, авторъ сравниваетъ затѣмъ нынѣшнюю его версію, т. е., ту форму, въ какой законъ практически принятъ въ еврейскомъ быту въ настоящее время, съ первоначальной библейской его редакціей. Результаты получаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ поразительные. Не ограничиваясь этой чисто теоретической работой, авторъ старается въ каждомъ случаѣ освѣтить добытый имъ результатъ соображеніями практическаго свойства и отмѣчаетъ нѣкоторыя экономическія послѣдствія, вытекающія для евреевъ отъ исполненія закона въ нынѣшней его формѣ, а равно и вліяніе, которое данный обычай оказываетъ на взаимоотношенія между евреями и христіанскими народами. Такому анализу д-ръ Винеръ подвергаетъ законы, воспреещающіе употреблять въ пищу: заднюю часть крупнаго скота, смѣсь молочной и мясной пищи, сало, кровь, извѣстныя породы четвероногихъ, птицъ и рыбъ и т. п. Изложить вкратцѣ содержаніе книги д-ра Винера, въ виду ея обильнаго строго фактическаго матеріала, очень трудно. Мы все таки постараемся передать нѣкоторыя главы этой замѣчательной книги, хотя бы съ неизбежными, весьма досадными, пропусками.

Первая глава трактуетъ о *сѣдалищномъ мерзѣ*, называемомъ по еврейски *gid hanasche*. Въ Библии (Бытіе, XXXII, 25—32) повѣствуется, что патриарху Якову ночью явилось неземное существо въ образѣ чело­вѣка, вступившаго съ нимъ въ единоборство и въ пылу борьбы прикоснушагося къ его сѣдалищу, вслѣдствіе чего Яковъ сталъ хромать. На рас­свѣтѣ чело-

вѣкъ сказалъ: «Отпусти меня. Ты боролся съ божествомъ и побѣдилъ его, а посему да будетъ тебѣ имя Побѣдитель Вожества, Исро-Эль». Разсказъ заканчивается замѣчаніемъ: «А посему сыны Израиля по сей день не ѣдятъ сѣдалищной жиры». Мифологія древнихъ народовъ очень богата поэтическими легендами о побѣдосной борьбѣ человѣка съ невинными существами. Индійская мифологія даетъ подобный разсказъ о борьбѣ Аргуны съ Сивую; единоборство тоже происходитъ ночью, «когда нечистыя силы очень могущественны», и кончается съ разсвѣтомъ. Намеки на такіе мифы находятся также въ Иліадѣ. По мнѣнію изслѣдователей, они знаменуютъ собою побѣду человѣка надъ природой, тяжелыми препятствіями, которыя мѣшали первообытному человѣку выйти на путь культуры. — Такъ или иначе, а въ Вибліи нѣтъ прямого воспрещенія употреблять въ пищу сѣдалищный нервъ, а есть только упоминаніе о существующемъ издавна обычаѣ. Въ Мишиѣ сначала признается, что въ пищу *воспрещены* только правосторонній сѣдалищный нервъ, и притомъ только верхній его слой, который нужно извлекать изъ мышечной массы единственно «для исполненія предписанія». Но затѣмъ устанавливается, что запрещеніе относится также къ нерву лѣвой стороны, причѣмъ объявляется запрещеннымъ въ пищу такое мясо, въ которомъ еще замѣтенъ вкусъ нерва. Гемара объясняетъ, что есть съ каждой стороны по два сѣдалищныхъ нерва, одинъ на самой кости (этотъ воспрещенъ по Вибліи), а другой вблизи мяса; послѣдній тоже объявляется запретнымъ; умѣренные талмудисты признавали, что жировая кѣтъчатка, окружающая нервъ, дозволена въ пищу; другіе подвергали это сомнѣнію и вопросъ остался въ Талмудѣ нерѣшеннымъ. Маймонидъ обходитъ послѣдній пунктъ молчаніемъ. Иосифъ Каро признаетъ воспрещеннымъ и жиръ, и ближайшіе слои мышцъ, а такъ какъ тщательное очищеніе мяса отъ запретныхъ частей очень затруднительно и требуетъ особнхъ знаній и ловкости, то на практикѣ оказывается воспрещенной въ пищу вся задняя часть и даже всѣ мясистыя части заднихъ ногъ¹. И все это Шууханъ-Арухъ устанавливаетъ не на основаніи талмудическихъ предписаній, а единственно по принципу: «евреи должны быть сваты». — Въ такомъ видѣ законъ и принимается теперь. Въ діететическомъ отношеніи д-ръ Винеръ находитъ этотъ законъ очень неблагопріятнымъ, причѣмъ

¹ Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ особнхъ еврейскихъ спеціалистовъ по удаленію запрещеннаго въ пищу сѣдалищаго нерва, евреямъ возбраняется ѣсть слѣдующія части: тонкій фиде, филейную покровку, бочонокъ, тельский фиде, вострецъ, огузокъ, бедро, подбедерокъ, сѣкъ. Это какъ разъ самыя лучшія части, образующія *первыя сорта* мяса.

ссылается на исследование специалистовъ (Rappenheim), признающихъ филейную вырезку наиболее питательной частью мяса. Въ экономическомъ отношеніи д-ръ Винеръ находитъ данный обычай вреднымъ, потому что изъятіе изъ пиши крупной части животнаго естественно поднимаетъ продажную цѣнность остальныхъ частей и еврей долженъ платить за доступную ему говядину значительно дороже ея дѣйствительной стоимости. На взаимоотношенія между еврейскимъ населеніемъ и иновѣрцами обычай этотъ вліяетъ вредно въ томъ смыслѣ, что усиливаетъ обособленность евреевъ.

Слѣдующая глава трактуетъ о воспрещеніи сѣшивать молочную пищу съ мясомъ. Въ Пятикнижій первоисточникомъ этого закона служитъ стихъ, который встрѣчается три раза. Въ двухъ случаяхъ (Исходъ, XXIII, 19 и XXXIV, 26) онъ гласитъ «Первые плоды земли твоей носи въ домъ Господень; *не вари ягненка въ молоко матери его*»; въ третьемъ случаѣ (Второзак., XIV, 21) онъ изложенъ такъ: «Падали не ѣшь. Чужаку, въ вратахъ твоихъ пребывающему, можешь ее подарить, для ѣды, или продать иноземцу, но ты народъ посвященный Господу твоему; *не вари ягненка въ молоко матери его*». Судя по смыслу и изложенію, послѣднія слова стиха не носили характера особой заповѣди, а имѣли аллегорическое значеніе; надо думать, что выраженіе «варить ягненка въ молоко его матери» было синонимомъ словъ «не дѣлай непристойнаго!» Иосифъ Флавій и Филонъ объясняютъ этотъ стихъ стремленіемъ законодателя внушить еврею состраданіе къ животнымъ. Филонъ говоритъ: «Если ты хочешь ѣсть мясо, виѣствѣ съ молокомъ, то зачѣмъ тебѣ непременно брать для этого молоко матери убитаго тобою молодого животнаго. Предоставь матери кормить свой плодъ своимъ молокомъ хоть въ первые семь дней по его рожденію». Такъ понимали данный текстъ всѣ позднѣйшіе переводчики. Лютеръ, наприм., переводитъ: «Не вари ягненка, когда онъ находится еще на молоко своей матери». Каранскіе ученые толкуютъ это мѣсто совсѣмъ иначе. По еврейски глаголъ «baschol» означаетъ не только «варить», но также «взростить» (בשולו בשולו); такъ какъ въ соответствующихъ библейскихъ стихахъ идетъ рѣчь о приношеніи духовенству первыхъ плодовъ земли и животныхъ, то каранскіе переводятъ конецъ стиха: «не давай первородному ягненку вырасти на молоко матери» (скорѣе носи его къ священнику). Нѣкоторые этнографическія данныя заставляютъ все-таки думать, что библейскій законодатель имѣлъ въ виду запретить евреямъ существовавшее у древнихъ народовъ, шокирующее гуманнаго человѣка обыкновеніе умилостивлять боговъ жертвою, состоявшею изъ ягненка, свареннаго въ молоко его матери. Въ Римѣ пастуха такой жертвой, при-

носиной Сильвану и Фавну, обезпечивали себѣ богатый приплодъ скота. Въ Испаніи этотъ пастушескій обычай существовалъ еще въ средніе вѣка. Возможно и вѣроятно, что тотъ же языческій обычай существовалъ у восточныхъ народовъ, и библейскій законодатель, зная объ этомъ, стелъ нужнымъ въ предписаніи о жертвоприношеніяхъ оговорить, что отнюдь не подобаетъ варить ягненка въ молокѣ его матери.—Такъ или иначе, а въ Пятикнижии говорится только о *ягненкѣ* и молокѣ *его матери*, въ которомъ его нельзя *варить*.

Мишна (Chulin) безъ всякихъ preliminарій и мотивировки объявляетъ: «Всякое мясо, кромѣ рыбаго, воспрещается варить въ молокѣ». Это совершенно новый законъ, не имѣющій въ Пятикнижии ни малѣйшаго основанія. Гешара развиваетъ уже безчисленное множество тонкихъ деталей этого новаго закона, занимающихъ 28 страницъ фоліанта. Стараясь обосновать установленный Мишною новый законъ, Талмудъ не можетъ найти для этого никакихъ другихъ соображеній, кромѣ того, что стихъ о недозволённости варенія ягненка въ молокѣ повторяется въ Пятикнижии не менѣе трехъ разъ. «Для чего запретъ повторенъ трижды?—спрашиваетъ талмудическій законодатель и отвѣчаетъ:—разъ для запрещенія варенія, другой — для запрещенія ѣды, а третій—для запрещенія всякаго иного рода употребленія для своего удовольствія». Но такъ какъ отсюда вытекаетъ лишь, что въ молокѣ запрещено варить и ѣсть баранину, а остается невыясненнымъ вопросъ объ основаніи запрещенія сѣси всякаго другаго мяса съ молокомъ, то Талмудъ пользуется первымъ своимъ методомъ для отвѣта и на этотъ вопросъ. «Запрещеніе повторено трижды потому, что оно относится, во первыхъ, къ четвероногимъ животнымъ, во вторыхъ, ко всякаго рода птицѣ, и въ третьихъ, ко всякой нечисти». Старинные еврейскіе писатели, которыхъ въ строгой системѣ цитируетъ д-ръ Винеръ, видимо смущались своеобразной діалектикой Талмуда, но они принимали новыя предписанія, стараясь подкрѣпить слабую талмудическую мотивировку новыми соображеніями. Маймонидъ, въ великомъ стремленіи своимъ приписать народъ съ тягостными узаконеніями Талмуда, утѣшалъ колеблющихся медицинскими соображеніемъ, что сѣсь молока съ мясомъ представляетъ пищу нездоровую, неудобоваримую. Эбанъ-Эара, наоборотъ, заявляетъ, что «Низвалеты» считаютъ баранину въ молокѣ очень вкусной, здоровой и питательной пищей; но это не имѣаетъ ему преклоняться предъ установленнымъ закономъ. Другіе писатели считали даже нужнымъ усугубить этотъ законъ, который поистинѣ получилъ очень распространительное толкованіе. У Юсефа Каро приведено уже очень сложное законодательство объ

условіяхъ употребленія мяса и молока. Тутъ молочные продукты и мясные изображены, какъ два элемента, діаметрально противоположныя. Не только нельзя ихъ ѣсть одновременно (молочное блюдо допускается не раньше какъ черезъ шесть часовъ послѣ принятія мясной пищи), но для каждого элемента требуется особая посуда, начиная съ горшковъ и котловъ и кончая ножомъ и солонкой. Не только всѣ продукты одной категоріи становятся запрещенными, если къ нимъ случайно приѣшались хотя бы незначительная часть противоположнаго элемента, но даже посуда, въ которой находились продукты, становится при этомъ «нечистой». Безчисленное множество случаевъ, возможныхъ въ хозяйствѣ, тщательно предусмотрено и квалифицировано въ уставѣ, занимающемъ не менѣе 11 раздѣловъ и 62 главъ, точное знаніе которыхъ однако не избавляетъ ученыхъ раввиновъ отъ недоумѣнія въ многочисленныхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ, встрѣчающихся въ обыкодѣ благочестивой еврейской хозяйки. Отсюда возникшая уже послѣ осифа Каро богатая казуистическая литература такъ называемыхъ Реэропа (отвѣты на запросы), содержащая рѣшенія и заключенія ученѣйшихъ раввиновъ по запутаннымъ вопросамъ, связаннымъ съ узаконеніями о мясо-молочной пищѣ.

Въ отношеніи *діететическаго* смысла этихъ законовъ д-ръ Винеръ не удовлетворяется утѣшительнымъ заявленіемъ Маймонда о вредномъ дѣйствіи на желудокъ совѣстнаго употребленія мяса съ молокомъ. Онъ утверждаетъ ссылкой, что Талмудъ нѣкогда образомъ не могъ руководиться въ данномъ случаѣ соображеніями гигиеническаго свойства. Современная медицина не усматриваетъ въ смѣшеніи мясо-молочныхъ продуктовъ ни малѣйшаго вреда. Сыръ послѣ обѣда считается даже весьма полезнымъ прибавленіемъ. — Въ *экономическомъ* отношеніи авторъ находитъ трагическій законъ о пищѣ крайне вреднымъ. Въ виду установленнаго антагонизма между элементами мяснымъ и молочнымъ въ хозяйствѣ бѣдняка приходится дѣлать чувствительныя затраты на лишнюю посуду и нрѣдко оставаться безъ обѣда вслѣдствіе несчастной случайности, въ родѣ смѣшенія посуды или неумѣстнаго соприкосновенія молочнаго продукта съ мяснымъ. Авторъ полагаетъ, что въ финансовомъ отношеніи благочестивому еврею даже выгоднѣе совсѣмъ отказаться отъ употребленія молока и оставаться всегда на одной мясной пищѣ: это избавило бы его отъ необходимости имѣть два запаса посуды. — На взаимоотношенія между евреями и иновѣрцами данный законъ тоже вліяетъ весьма неблагопріятно. Онъ вызываетъ распріи и невѣрныхъ сосѣдей, иѣшаетъ взаимному сближенію, которому такъ содѣйствуютъ совѣстная трапеза. Авторъ кончаетъ эту главу очень рѣзкимъ

забѣтаніями по адресу тѣхъ раввиновъ, которые изъ мудраго, гуманнаго библейскаго напоиннанія сдѣлали крайне стѣснительный, вредный законъ, притомъ безъ всякаго основанія. Впрочемъ, авторъ приводитъ литературныя выписки, указывающія на то, что уже въ XIII столѣтіи виднѣйшіе еврейскіе писатели относились къ закону о мясо-молочной пицѣ отрицательно, хотя въ виду печальныхъ условій того времени они осторожно и остроумно маскировали свои еретическія мысли. Такъ, знаменитый Іосифъ Каспи, комментаторъ Маймонида, въ своемъ «Завѣщаніи», содержащемъ философскія воззрѣнія, наставительно говоритъ своему сыну, что ученый, какъ бы онъ ни былъ силенъ въ своей наукѣ, не долженъ гнущаться при надобности обратиться за совѣтомъ къ другому ученому, хотя бы тотъ былъ и моложе и менѣе извѣстенъ, и для иллюстраціи этой мысли Каспи рассказываетъ о слѣдующемъ, бывшемъ съ нимъ случаѣ. Однажды онъ назвалъ къ себѣ гостей на большой семейный праздникъ. Когда сѣли за столъ, служанка вбѣжала съ плачемъ, говоря, что она по неосторожности всунула «молочную» ложку въ большой горшокъ съ говядиной, приготовленной къ обѣду; но она съ затаенной надеждой на спасеніе прибавила, что въ злополучный горшокъ попалъ только кончикъ ложки. Возникла тонкая дилемма, которую ученый и знаменитый Каспи не рѣшился разъяснить собственными силами. «Обозленный и огорченный, голодный и жаждущій отправился я къ раввину. Онъ какъ разъ сидѣлъ за столомъ съ своей семьей и аппетитно кушалъ яства и напитки. Я долженъ былъ стоять за дверью и ждать до вечера. Я уже было совсѣмъ обезсилѣлъ, когда раввин, наконецъ, далъ мнѣ очень обстоятельный отвѣтъ на мой вопросъ. Вернувшись домой, я засталъ гостей моихъ измученными. Однако мнѣ не было стыдно, что я самъ не разрѣшилъ возникшаго сомнѣнія. Я думаю, что вѣрное пониманіе Библии, умѣнье познавать существованіе Бога и доказать Его Единство до нѣвѣстной степени уравниваетъ недостатокъ той учености, которая требуется для разбора столкновенія, возникающаго между ложкой и горшкомъ».

Третья глава труда д-ра Винера разбираетъ законъ, воспрещающій употребленіе *животнаго жира*. Этотъ запретъ имѣетъ уже нѣкоторое основаніе въ Св. Писаніи. Жиры, какъ извѣстно, бываютъ: твердый (плавящійся при высокой температурѣ, *сало*) и мягкій (легко расплывающійся); въ точности не выяснено, о какомъ изъ нихъ говорится въ Библии. По-видимому Библия держится особой классификаціи: жиръ, который тѣсно связанъ съ мясомъ или органомъ, она разрѣшаетъ въ пищу, а жиръ, который лежитъ отдѣльно отъ мяса и органовъ, имѣетъ видъ самостоятельнаго

куска (по консистенціи обыкновенно представляет *сало*), Библия считаетъ запрещеннымъ. Библия точно перечисляетъ тѣ органы животнаго, концы жиръ должно отдавать священнику для жертвоприношенія: «Жиръ, покрывающій кишки, и весь жиръ, находящійся между кишками, обѣ почки и жиръ на нихъ, а также жиръ у поясницы и сальникъ на печени». (Книга Левит., III, 3—5) Если въ жертву приносится овца, то священникъ отбираетъ кроми тѣ того весь жиръ изъ хвоста (Тамъ-же, 9), обстоятельство, имѣвшее важное значеніе, такъ какъ въ древней Иудей овцеводство было развито очень сильно, и палестинская порода овецъ отличалась пышнымъ курдюкомъ. Смыслъ запрещенія довольно ясенъ. Законъ этотъ, какъ и запрещеніе крови, не имѣлъ мотива гигиеническаго. Запретительный законъ приведенъ въ главѣ о жертвоприношеніяхъ, имѣвшихъ, какъ извѣстно, двойную цѣль: воздаяніе Господу за Его милости и обезпеченіе безземельнаго духовенства провіантомъ. Сало составляетъ весьма цѣнный продуктъ и могло служить для духовенства очень выгодной статьей дохода. Впрочемъ, позднѣйшіе комментаторы придавали этому закону другую мотивировку. Саадія Гаонъ, считая (какъ это признаютъ очень многіе), что жиръ — лучшая часть животной пищи, говоритъ: «Господь не терпитъ, чтобы человѣкъ уподоблялся Ему, употребляя пищу, Ему посвященную». Маймонидъ, по своему обыкновенію, приписывалъ запрету гигиеническое значеніе, но на этотъ разъ допускалъ нѣкоторое сомнѣніе въ вредности жира («Все, что Св. Писаніемъ запрещено намъ въ пищу, вредно для здоровья, сомнѣніе остается только относительно свинины и жира»); но все же онъ полагалъ, что жирная пища производитъ «сгущеніе» крови и даже «охлажденіе» ея. Однако санитарная основа закона въ данномъ случаѣ мало вѣроятна. Уже вѣроятнѣе мотивъ культурный. Жиръ былъ преимущественнымъ объектомъ жертвоприношеній у многихъ народовъ древности въ силу господствовавшего у нихъ принципа: лучшее надо отдать богамъ. Персы напр., «брали верхушку курдюка, селезенку, обволакивали ихъ сальникомъ и бросали въ огонь. Мясо поѣдалось». Римляне тоже потчивали своихъ боговъ саломъ. Это говоритъ въ пользу религіознаго значенія закона также у евреевъ. Впрочемъ, тѣсная связь соответствующаго текста съ описаніемъ ритуала жертвоприношенія исключаетъ всякую возможность серьезнаго предположенія о гигиеническомъ мотивѣ. Изъ сего д-ръ Виереръ выводитъ, что законъ имѣлъ силу лишь по столько, по сколько имѣли значеніе всякія жертвоприношенія; по упраздненіи жертвоприношеній, теряло всякій смыслъ и запрещеніе въ пищу тѣхъ частей, которыя предназначались для священниковъ. Но Машнавы не стали на эту естественную точку зрѣнія и признали, что всякій, завѣдомо употребляющій въ пищу запрещенный

животный жиръ, подлежить отлученію. Генара пошла нѣсколько дальше и увеличила число частей, изъ которыхъ не дозволено пользоваться жиромъ (наприм., жирный слой въ области желудка, вокругъ селезенки и т. п.). При этомъ Талмудъ вдался въ очень детальный разборъ анатомическихъ частей, о которыхъ можетъ еще остаться нѣкоторое сомнѣніе. Дальнѣйшіе писатели не отставали въ данномъ вопросѣ отъ своего обычнаго стремленія къ усугубленію религиозныхъ стѣсненій. Въ результатъ получилось то, что Леонъ-ди-Модена могъ съ полнымъ основаніемъ жаловаться на раввинистовъ: «Они довели дѣло до того, что намъ возбраняется употреблять въ пищу почти половину задней части животнаго».

Діететическое значеніе разбираемаго закона изложено д-ромъ Винеромъ довольно сжато. Авторъ ограничивается замѣчаніемъ, что въ нашемъ климатѣ жирная пища едва-ли можетъ быть особенно вредна. Но медицинская литература могла бы дать автору обильный матеріалъ, доказывающій, что животныя жиры не только не вредны для организма, но наоборотъ въ высокой степени полезны. При смѣшанной пищѣ изъ вводимыхъ въ желудокъ жировъ усваивается 92—95 процентовъ, т. е., такая громадная часть, какая рѣдко встрѣчается при употребленіи другихъ пищевыхъ продуктовъ. Обладая большей способностью къ распаденію, чѣмъ мышечная ткань, жиръ въ тѣлѣ, при работѣ, защищаетъ отъ распаденія другія ткани организма. При избыткѣ жира въ пищѣ онъ отлагается въ тѣлѣ, способствуя полнотѣ и составляя запасъ, могущій сослужить человѣку большую службу въ болѣзни, сопровождающейся длительной лихорадкой и исхуданіемъ.—Въ экономическомъ отношеніи д-ръ Винеръ признаетъ запрещеніе животныхъ жировъ крайне неблагопріятнымъ. Еврейской хозяйкѣ воспрещено жарить мясо на наслѣ и на жирѣ четвероногихъ; ей остается только пользоваться птичьимъ, преимущественно гусинымъ жиромъ, цѣна котораго поэтому искусственно поднимается несоразмѣрно его дѣйствительной цѣнности, какъ рыночнаго продукта. Съ другой стороны запрещенная въ пищу часть животнаго, если ее не продать иновѣрцу, пропадаетъ втунѣ, а отсюда неизбежно увеличивается продажная цѣнность частей, дозволенныхъ въ пищу. Коротко, еврею остаются на потребу худшія части животнаго, а платить за нихъ онъ долженъ въ тридорога.—На отношенія между евреями и иновѣрцами данный законъ, какъ и другіе законы о пищѣ, вліяютъ очень неблагопріятно, какъ моментъ, мѣшающій сближенію.

Слѣдующая глава посвящена запрещенію животной *крови* въ пищу, запрещенію, какъ уже сказано, тоже не имѣвшему гигиеническаго мотива. О крови Пятакнижіе говоритъ отчасти въ тѣхъ же стихахъ, что и о жирѣ,

ибо кровь тоже была предметомъ жертвоприношенія (Левит., III, 17). Но запрещеніе крови проведено съ гораздо большимъ ригоризмомъ. Наприм., жиръ воспрещенъ только коренному еврею, а кровь также и пребывающему въ еврейской странѣ чужеземцу; жиры птицъ допускаются въ пищу, кровь же исключена абсолютно, независимо отъ ея источника, и очевидно тутъ дѣйствуетъ еще другой мотивъ, мотивъ высшаго порядка. Мотивъ этотъ явствуетъ изъ стиха: «Тѣло съ душой ея, кровью ея, не ѣшьте» (Бытiе, IX, 4). Такое варварство было въ обычай у многихъ народовъ древности. Это не допустимо, потому что «кровь есть душа всякаго живого тѣла» (Левит., XVII, 11 и 14). Въть живую тварь, когда изъ нея еще течетъ живая кровь, противно гуманному духу еврейства. «Если кто изъ дома израильскаго или изъ чужеземцевъ, среди васъ живущихъ, будетъ ѣсть кровь, то Я изволю гнѣвъ Свой на того человѣка и искореню его изъ народа» (тамъ же, 10). Но мотивъ гуманности, игравшій тутъ главную роль, ни мало не приложимъ къ животному убитому. Тамъ можетъ быть только допущенъ тотъ-же мотивъ, который вызвалъ запрещеніе жира. Впрочемъ, весьма можетъ быть, что кромѣ гуманнаго принципа тутъ дѣйствовалъ еще страхъ предъ употребленіемъ крови какъ средства для языческихъ религіозныхъ обрядовъ и для колдовства. Объ этомъ имѣются въ Вибліи указанія и намеки. Въ первой книгѣ Самуила (XIV, 32) повѣствуется, что совратившіеся въ язычество евреи устроили трапезу «на крови». Кровь служила средствомъ для колдовства (Левит., XIX, 26). Въ Одиссеѣ приведена легенда о пиршествѣ «тѣней, которыя собирались послѣ священнодѣйственнаго крововозліанія»; у римлянъ существовалъ обычай «посвященія кровью» въ честь Цереры: окропленіе кровью быка, принесеннаго въ жертву Церерѣ, возвращало людямъ свѣжія силы, «перерождало» ихъ. Вѣроятно поэтому именно кровь убитаго животного библейскимъ законодателемъ и не довѣрялась мирянамъ. Она принадлежитъ Богу, должна быть отдана священнику. Какъ элементъ ритуала, этотъ запретъ, естественно, долженъ терять всякую силу по упраздненіи самого ритуала, которому онъ служилъ, т. е., обрядовъ жертвоприношеній. Соображенія въ этомъ случаѣ въ сущности тѣ-же, какія проведены при законѣ о жирахъ.

Мишна устанавливаетъ: «грѣшно употреблять кровь, истекающую при зарѣзываніи животнаго (ш'хитѣ), при уколахъ, при кровопусканіи, при конкѣ исходить душа». Далѣе воспрещаются въ пищу: кровь, селезенка, сердце, яичники, надо полагать, потому собственно, что эти органы содержатъ кровь въ изобиліи. Гемара прибавляетъ къ этому перечню еще печень, впрочемъ, условно: печень можно употреблять въ пищу, если ее

предварительно подвергнуть долгому вымачиванію въ уксусѣ, пока она не сморщится, или же долгому кипяченію въ водѣ. Главное затрудненіе, установленное Гемарой, заключается однако не въ этомъ, а въ введеніи новой процедуры для изгнанія крови изъ мяса—*соленія*. Въ Пятикнижии нигдѣ не упоминается о соленіи, какъ приѣмъ для удаленія крови. По книгѣ Левитъ, соль прибавляютъ ко всякому продукту, подлежащему приношенію въ жертву. «Всякое добротное приношеніе свое ты обсыпай солью». Возможно, что это была своего рода натуральная повинность, налогъ на соль въ пользу духовенства. Можетъ быть, соль имѣла при жертвоприношеніи еще символическое значеніе. На это существуетъ указаніе въ самомъ предписаніи о приношеніи соли («Не устравяй соли, заѣта Господняго, изъ приношенія своего») и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Библии (Книга Чиселъ, XVIII, 19; Вторая книга Царей, XVII, 5). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что соль, какъ символъ союза съ богами, играла немалую роль въ мнѳологіи многихъ языческихъ народовъ. Греки, по сообщенію Гомера, всегда посыпали свои жертвы солью; у римлянъ тоже было положеніе: *nulla sacrificia sine molla salsa*. Но Талмудъ, въ частности Гемара, присоединилъ обрядъ соленія къ созданному имъ же ритуалу изгнанія крови изъ мяса, предназначеннаго въ пищу: «Удалить всю кровь изъ мяса можно не иначе какъ обильнымъ соленіемъ и повторнымъ промываніемъ водою» (Chulin, 113). Эта идея о соединеніи двухъ совершенно самостоятельныхъ обрядовъ въ одну діететическую процедуру, идея, принадлежащая Абаѣ (Mepach., 21), встрѣтила въ дальнѣйшую эпоху поддержку со стороны писателей, стремившихся для примиренія народа съ затруднительными законами приписывать послѣднимъ санитарное значеніе. Въ Шульханъ-Арухъ Каро изгнаніе крови трактуется уже какъ священный законъ, подробно разработанный и обилующій множествомъ деталей.

Въ діететическомъ отношеніи на кровь отнюдь нельзя смотрѣть какъ на вредное пищевое средство. Но эта часть едва намѣчена д-ромъ Винеромъ. Между тѣмъ врачъ можетъ многое сказать въ пользу допущенія крови въ пищу. Современная медицина признаетъ кровь очень питательнымъ средствомъ, обилующимъ бѣлковыми тѣлами; въ Финляндіи прибавляютъ кровь къ муку, изъ которой выпекаютъ хлѣбъ, чѣмъ значительно повышаютъ его питательность. Въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Царствѣ Польскомъ кровь употребляется населеніемъ въ громадномъ количествѣ въ видѣ кровавыхъ блиновъ. Въ Петербургѣ изъ крови выдѣлываютъ для продажи хлѣбъ, сухари, вермишель, макароны. Такъ какъ въ крови содержится много желѣза,

то ее особенно полезно давать людямъ ослабленнымъ, малокровнымъ, а въ многихъ мѣстахъ существуютъ особыя лѣчебницы для лѣченія свѣже-выпущенной кровью. Можетъ быть, далеко не мѣшало бы ознакомить еврейское населеніе съ обширными новѣйшими данными по этому вопросу, добытыми медициной въ новѣйшее время.

Пятая и шестая главы труда д-ра Винера посвящены обзору узаконеній, запрещающихъ употреблять въ пищу мясо животнаго, *растерзаннаго* или *мишнаго* (טרפה, newela). Термины «трефа» и «невела» встрѣчаются въ Библии почти всегда совмѣстно, и точное значеніе ихъ не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. *Трефа*—означаетъ животное, растерзанное другимъ животнымъ, «въ полѣ», (Исходъ, XXII, 30), а подъ словомъ *невела* разумѣется животное, погибшее естественной смертью, падалъ. Въ Пятикнижии безусловно воспрещена только падалъ (Левит., XVII, 23); изъ частей животнаго растерзаннаго всѣмъ вообще евреямъ воспрещены только жиръ (Левит., VII, 24), а священнослужителямъ всѣ органы. Мишна возбуждаетъ вопросъ о дозволенности убивать для кухни такое животное, которое получило какое либо увѣче, но не погибло отъ него, и рѣшаетъ дѣло такъ: если увѣче смертельно, то страдающее имъ животное воспрещено. При этомъ Мишна приводитъ перечень восьми видовъ поврежденій, дѣлающихъ животное запретнымъ: пораненіе когтями хищнаго звѣря или птицы, лишеніе члена, продыравленіе члена, разрывы въ какой либо части тѣла, вскрытіе горла, переломъ конечности; но страннымъ образомъ сюда же причислены: «паденіе съ высоты» и «прирожденный недостатокъ члена»; вслѣдствіе этого понятіе «трефа» значительно расширено и стало означать уже не «растерзанное», а «запрещенное въ пищу». Новый смыслъ, совершенно произвольно данный талмудистами слову «трефа», остался за нимъ на всѣ времена. Гемара значительно увеличила число видовъ «трефнаго», прибавивъ къ мишнаитскому перечню еще: отрывъ челюсти, вывихъ и особенно различныя *уродливости*, вслѣдствіе чего въ понятіи «трефа» исчезли всякіе слѣды его первоначальныхъ границъ. Такъ какъ имъ дозволеннаго къ пищу оказалось изъятымъ всякое вообще животное, погибшее насильственной смертью (даже убитое человекомъ), то явилась необходимость оставить по меньшей мѣрѣ одинъ родъ насильственной смерти, который не дѣлалъ бы животное «трефа»; отсюда особый способъ убоя скота — ш'хита. Слово «ш'хита», встрѣчающееся въ Библии очень часто, имѣетъ тамъ общее значеніе «зарѣзать»; но нигдѣ въ Библии нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы «зарѣзыванье» животнаго (даже

при жетвоприношеніи) сопровождалось какими либо ритуаломъ ¹. Между тѣмъ Талмудъ создалъ очень обстоятельный ритуалъ убоя скота, впоследствии еще болѣе осложненный множествомъ деталей, прибавленныхъ различными комментаторами и составителями талмудическихъ компендіевъ. Въ результатѣ получилось, между прочимъ, запрещеніе дичи и всякой живности, убиваемой на охотѣ, явилась необходимость имѣть особаго рѣзника, осведомленнаго въ сложной наукѣ объ убояхъ скота.

Въ этой главѣ д-ръ Винеръ, увлекаясь критикой законодательства объ убояхъ, въ сожалѣнію, упускаетъ изъ вида что въ прежнее время это законодательство имѣло и выгодную сторону, именно устанавливаемый Талмудомъ обязательный осмотръ органовъ убиваемаго животнаго. ² Подъ рубрику «трефа», правда, произвольно расширенную, Талмудъ подводитъ много такихъ болѣзненныхъ явленій въ убиваемыхъ животныхъ, которыя явно вредны для здоровья, а эта санитарно-полцейская мѣра,

¹ Ортодоксы, утверждающіе, что обрядъ ш'хиты заповѣданъ Моисеемъ, опираются на библейскій текстъ: „Если мѣсто, которое Господь Богъ твой избересть для ищрененія именемъ Своимъ, будетъ далеко отъ тебя, то принеси жертвы изъ скота твоего и овецъ твоихъ, какъ я повелѣлъ тебѣ, и ѣшь въ вратахъ твоихъ по желанію души твоей“ (Второзак. XII, 21). Слово „повелѣлъ“ ортодоксія толкуетъ не въ смыслъ обязательности жертвоприношенія даже вдали отъ Иерусалима, а относить къ обряду убоя скота, и полагаетъ, что самый обрядъ ш'хиты былъ заповѣданъ Господомъ Моисею, но почему-либо не записанъ въ Пятикнижій. Буквальный смыслъ поставленнаго въ текстѣ еврейскаго слова *glatz* не оставляетъ сомнѣнія, что повелѣніе требуетъ только принесенія жертвы, но нисколько не указываетъ на самый способъ убоя, о существованіи котораго въ Библии нѣтъ вообще никакихъ свѣдѣній.

² Существуютъ попытки медико-научнаго опредѣленія различныхъ болѣзней скота, подразумеваемыхъ подъ тѣми или другими названіями, упоминаемыми въ талмудическихъ узаконеніяхъ объ осмотрѣ мяса (*b'dika*). Жаль, что ни у Носсига, ни у Винера ничего не говорится объ этой существенной отрасли иудейскаго санитарнаго законодательства. Кстати нужно замѣтить, что недавно между двумя врачами-евреями завязался споръ о томъ, знало ли талмудическое законодательство о такъ назыв. жемчужной болѣзни рогатаго скота. Утверждаютъ, что подъ имѣющимися въ Талмудѣ выраженіями «*Kandi*, *Tinari*, *Zimchi*» надо понимать именно жемчужницу. Винеръ доказываетъ, что первое запрещеніе мяса, пораженнаго жемчужницей (мѣстной бугорчаткой) принадлежатъ жившему въ XVI стол. Соломону Лурія, автору сочиненія „*Ture Sahab*“ (116, 6). Лурія указалъ, что Талмудъ не упоминаетъ объ этой заразной болѣзни и включилъ ее въ число болѣзненныхъ явленій, дѣлающихъ убитое животное негоднымъ въ пищу. Его поправка была принята и внесена въ кодексъ, въ которомъ о жемчужницѣ, конечно, имѣлись бы указанія и раньше, еслибы эта болѣзнь была извѣстна талмудистамъ.

облеченная въ форму строгаго религіознаго закона, имѣла громадное значеніе для предохраненія потребителей отъ мяса, содержащаго болѣзненные зародыши. Конечно, теперь освидѣтельствованіе мяса должно производиться только врачами и въ паше время для этого не требуется религіозной санкціи. Но въ свое время б'удика была въ высшей степени мудрымъ, даже единственнымъ въ своемъ родѣ установленіемъ, которому у другихъ народовъ не было равнаго не только въ древніе, но и въ средніе вѣка. Этому нисколько не противорѣчитъ установленный нѣкоторыми изслѣдователями (Parrenheim, Niemann) несомнѣнный фактъ, что при нынѣшнемъ состояніи медицинскіи науки талмудическіе методы осмотра мяса далеко не могутъ считаться удовлетворительными и гарантирующими еврейю вполне безопасное для здоровья мясо.

При оцѣнкѣ практическаго значенія законовъ о «трефа и невела» авторъ проводитъ рѣзкую грань между первоначальной библейской редакціей даннаго запрета и той формой, какую онъ получалъ, пройдя черезъ горнило Машны, Талмуда и послѣ-талмудической литературы. Запрещеніе ѣсть падалъ вполне понятно: падалъ и отвратительна, и вредна, и при всемъ томъ однако употребляется въ пищу некультурными племенами, къ числу которыхъ въ эпоху созиданія еврейскаго общественнаго строя принадлежали и евреи. Животное, растерзанное въ полѣ хищнымъ звѣремъ, во всѣхъ отношеніяхъ близко приближается къ падали. Соответствующія запрещенія, хотя и не облеченныя въ форму религіознаго закона, встрѣчались у многихъ народовъ, приобщившихся къ культурѣ. У римлянъ считалось противнымъ даже одѣвать сандалии, приготовленныя изъ кожи дохлыхъ животныхъ. Все это естественно. Но что касается способовъ убоя скота и различныхъ болѣзненныхъ явленій, устанавливаемыхъ при осмотрѣ мяса, то религія должна предоставить ихъ всецѣло на усмотрѣніе специалистовъ. Соответствующія іудейскія предписанія по выводамъ д-ра Винера не имѣютъ обязательной силы, ибо они не вытекаютъ изъ текста Вѣдьян и составлены совершенно произвольно талмудистами и средневѣковыми писателями.—Въ экономическомъ отношеніи авторъ находитъ *библейскій* законъ о «трефа и невела» почти безразличнымъ, ибо даже и безъ всякихъ предписаній еврейская хозяйка не стала бы кормить свою семью падалю; но *талмудическое* законодательство по этому предмету онъ находитъ въ высшей степени тяжелымъ для бюджета еврейскихъ обывателей: необходимость содержать въ каждой общинѣ одного или нѣсколькихъ рѣзниковъ, затѣмъ постоянныя потери по случаю признанія равваномъ тrefными такихъ ритуально убитыхъ животныхъ или птицъ, въ которыхъ нѣтъ ничего вреднаго или опаснаго для здоровья, — все это поглощаетъ

массу денегъ, которыя съ пользой можно было бы употребить на какое нибудь полезное общественное учрежденіе. Наконецъ, законы о «трефа» очень дурно вліяютъ на отношенія между евреями и ниневърами, безъ надобности давая сосѣдямъ поводъ къ насмѣлкѣ, и особенно дѣлая невозможною совѣстную трапезу еврея и христіанина. Д-ръ Винеръ полагаетъ, что пора упразднить всѣ эти талмудическіе законы, и что объ этомъ должны постараться люди просвѣщенные и свѣдущіе въ исторіи іудейскаго религіознаго законодательства.

Дальнѣйшія главы своего труда д-ръ Винеръ посвящаетъ разбору предписаній, запрещающихъ употребленіе въ пищу извѣстныхъ классовъ животнаго царства, а также пищу «смѣшанную» (taarugwoth), состоящую изъ веществъ дозволенныхъ и запретныхъ. Въ главѣ о «нечистыхъ» животныхъ авторъ даетъ мало интереснаго, потому что соотвѣтствующія узаконенія установлены преимущественно Патрикьянжемъ и къ нимъ Талмудъ прибавилъ сравнительно мало новаго. Глава о «смѣшанной» пищѣ содержитъ, въ сущности, повтореніе того, что было высказано авторомъ при обсужденіи законовъ о мясо-молочной пищѣ. Въ заключеніе д-ръ Винеръ резюмируетъ свои выводы слѣдующими словами сѣв.-американскаго еврейскаго реформатора д-ра Колера: «Законы о пищѣ являются для насъ священными обломками. Они священны, потому что нѣкогда въ нихъ воплощался возвышенный духъ. Но они все таки лишь обломки, потому что духъ, въ нихъ жившій, давно уже оставилъ ихъ. Эти законы мертвы, потому что они уже не возбуждаютъ въ насъ религіозной жизни; они ждутся на возрѣвнѣяхъ и обычаяхъ, которые для насъ уже слишкомъ устарѣли. Старыя понятія о «чистомъ и нечистомъ», старыя представленія о психическомъ началѣ и его мѣстопребываніи въ тѣлѣ уподобляются въ нашихъ глазахъ какимъ то загадочнымъ іероглифамъ. Такъ какъ мы ихъ теперь уже не понимаемъ, то они не могутъ имѣть для насъ обязательной силы». Д-ръ Винеръ кончаетъ напоминаніемъ о настоятельной необходимости созвать еврейскій синодъ для пересмотра всѣхъ законовъ о пищѣ.

Мы ограничились сжатымъ изложеніемъ основныхъ идей, приведенныхъ въ книгѣ д-ра Винера. Подвергнуть эти идеи подробному разбору значило бы вдаться въ обсужденіе всего, что приводится про и contra іудейской религіозной реформы, другими словами—войти въ полемику о еврейской реформаци, въ основѣ которой, между прочимъ, лежитъ критика законовъ о пищѣ. Это не было нашей задачей. Но какъ бы ни относиться къ труду д-ра Винера, за нимъ нельзя не признать большого значенія какъ за новымъ богатымъ вкладомъ въ литературу о реформѣ. Если многія изъ

мыслей, приведенныхъ авторомъ, были высказаны и раньше его, то за то несомнѣнно, что до сихъ поръ не было еще въ литературѣ ни одной работы, въ которой все относящееся къ законамъ о пищѣ, кромѣ дѣстетической стороны дѣла, было бы сопоставлено съ такой полнотой и разносторонностью, какъ въ данномъ трудѣ. Въ этомъ отношеніи заслуга д-ра Винера неоспорима.

Д-ръ Самуилъ Грузенбергъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

A. Kuenen. Gesammelte Abhandlungen zur biblischen Wissenschaft. Aus d. Holländ. übersetzt. v. Budde. 1894. (А. Кюненъ. Собраніе статей по библейской наукѣ).

У насъ такъ мало занимаются библейской критикою, такъ мало интересуются древней исторіей Израиля и его религіи, что имя Авраама Кюнена, одного изъ замѣчательнѣйшихъ изслѣдователей въ этой области, навѣрное покажется новымъ для огромнаго большинства читателей¹. А между тѣмъ Кюненъ пользуется европейскою извѣстностью, сочиненія его переведены съ голландскаго на англійскій, французскій и нѣмецкій языки, труды его считаются наиболѣе научными среди безчисленнаго множества работъ въ этой области, которая можетъ похвалиться именами такихъ ученыхъ какъ Рейсъ, Вельгаузенъ, Грець, Ренавъ и др. При общемъ развитіи историческихъ наукъ въ нашемъ столѣтіи, исторія народа, распространившаго свои идеи по всему земному шару, и исторія религіи, послужившей основаніемъ всей современной этики, естественно привлекли къ себѣ особенное вниманіе. Литература Библии и библейской исторіи разрослась до огромныхъ размѣровъ; ею занимаются ориенталисты, историки, теологи, ей посвящена большая часть христіанско-богословскихъ и еврейскихъ журналовъ. До Россіи доходятъ только скудныя извѣстія объ оживленной работѣ, происходящей на Западѣ. Русскіе богословскіе журналы стоятъ на апологетической точкѣ зрѣнія, не допускающей никакой критики, а русскіе евреи съ одной стороны слишкомъ заняты злобами дня, съ другой—мало интересуются своей религіей и своей исторіей. На Библию у насъ существуетъ два рѣзко-противоположныхъ взгляда: или слѣпо вѣруютъ въ Библию, считая каждую букву и точку ея священною, или на нее смотрятъ пренебрежительно, снисходительно, какъ на сборникъ народныхъ сказаній. Послѣдній взглядъ распространенъ среди образованныхъ и

¹ У насъ въ свое время была помѣщена критическая статья о Кюненѣ, по поводу его книги „*Volksreligion und Weltreligion*“. См. „Восходъ“ за 1884 г. кн. 9. Ред.

полуобразованныхъ классовъ и вызывается, къ сожалѣнiю, такимъ же поверхностнымъ отношенiемъ къ еврейской религiи. Классики вообще чаще служатъ для украшенiя полочекъ, чѣмъ для чтенiя,—тѣмъ болѣе Библия—самая классическая изъ всѣхъ книгъ. Мы знакомимся съ нею въ ранне дѣтскiе годы, когда она мало доступна пониманiю, а потомъ—потомъ наврядъ ли раскрываемъ ее когда-либо въ жизни. Религиозный индифферентизмъ позволяетъ намъ обойтись безъ опредѣленнаго, продуманнаго взгляда на Библию, а полукультурность дѣлаетъ равнодушными къ своей исторiи.

Иудаизмъ, иудейская наука, библейская критика у насъ мало кого интересуютъ; и мы вѣроятно не ошиблись, предположивъ, что Кюненъ—пото почитъ для большинства читателей. Поэтому, прежде чѣмъ обратиться къ разбираемой книгѣ, скажемъ нѣсколько словъ объ авторѣ.

Кюненъ, жившiй отъ 1828 до 1891 года, былъ въ теченiе многихъ лѣтъ профессоромъ въ лейденскомъ университетѣ и предсѣдателемъ голландской академiи наукъ. Всемирная извѣстность его въ области библейской науки началась съ шестидесятихъ годовъ; основой его славы послужило его первое крупное произведенiе «Историко-критическое изслѣдованiе о происхожденiи и канонизацiи Ветхаго Заветъ». До самой смерти Кюненъ неутомимо продолжалъ свои изслѣдованiя, которые напечатаны въ голландскихъ, англiйскихъ и французскихъ журналахъ, и занялъ первое мѣсто среди ученыхъ, отвоовавшихъ и защищавшихъ теперешнiй органическiй взглядъ на Ветхiй Заветъ. Изъ цѣлага ряда его крупныхъ произведенiй особенной извѣстностью, кромѣ указаннаго уже изслѣдованiя, пользуются слѣдующiя: «Религiя Израиля до паденiя евр. государства», «Пророки и пророчество въ Израилѣ», «Народная религiя и всемирная религiя». Последнiе годы своей жизни Кюненъ посвятилъ вторичной обработкѣ своего главнаго труда, «Историко-критическое изслѣдованiе» и т. д., необходимой въ виду того прогресса, который совершился за послѣднюю четверть вѣка въ области библейской критики. Третiй и послѣднiй томъ этого сочиненiя остался, къ сожалѣнiю, неоконченнымъ и вышелъ уже послѣ смерти Кюнена. О достоинствахъ произведенiй Кюнена одинъ изъ его нѣмецкихъ критиковъ говоритъ: «Если сопоставить всѣ труды его, то нужно признаться, что никто съ большимъ успѣхомъ не работалъ надъ Ветхимъ Заветомъ, надъ исторiей и религiей древняго Израиля. Знанiе языка, критическая пронизательность, историческое чутье, эстетическiй даръ, религиозное настроенiе—всѣ эти качества были ярко представлены и не заглушали другъ друга. Надъ всѣми господствовала неопредѣленная добросовѣстность и стремленiе къ истинѣ. Кромѣ этихъ психологическихъ

качества, работы его обнаруживают еще точность метода, наибольшую полноту материала, собранного из самых неизвестных источников, и крайнее спокойствие и осмотрительность въ изслѣдованіи, говорящая за основательность и безпристрастіе сужденій». Разсматриваемое нами произведеніе Кюнена представляет сборникъ академическихъ рѣчей его и журнальныхъ статей, напечатанныхъ въ разное время, на разныхъ языкахъ. Изъ массы статей Кюнена нѣмецкій переводчикъ Вудде избралъ наиболѣе цѣнныя и издалъ ихъ отдѣльно въ 1894 году. Большинство статей, поименованныхъ выше, высоко научнаго интереса, заслуживаетъ нашего вниманія еще потому, что онѣ касаются коренныхъ вопросовъ исторіи Израиля и его религіи. Первая статья служитъ какъ бы введеніемъ ко всей книгѣ; въ ней Кюнень подробно излагаетъ методъ, какимъ пользуется библейская критика, доказываетъ его научность и сходство съ общепризнаннымъ методомъ историческаго изслѣдованія, принимаемаго повсюду къ такъ называемой свѣтской, не священной исторіи. Основныя положенія, высказанныя тутъ Кюненомъ, служатъ базисомъ всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій въ области Вибліи, пользующихся критическимъ методомъ. Основнымъ закономъ является идея объ эволюціи, которую іудейская религія должна была пройти такъ же, какъ всѣ остальные религіи. Здѣсь не мѣсто подробнѣе разсматривать основанія критическаго метода: они слишкомъ важны, чтобы уѣздить въ рецензій, и мы надѣемся ознакомить съ ними читателей посредствомъ перевода самой статьи. Дальнѣйшія изслѣдованія, помѣщенные въ сборникѣ, наглядно показываютъ, какъ прилагается этотъ методъ на практикѣ, къ какимъ результатамъ онъ приводитъ, насколько они заслуживаютъ нашего довѣрія и вниманія. Цѣлый рядъ статей занимается исторіей евреевъ въ эпоху второго храма; въ нихъ разсматривается роль иудеевъ Великой Синагоги, значеніе Синедріона и хронологія персидскаго періода. Здѣсь мы находимъ всѣ указанныя достоинства трудовъ Кюнена. Разработка матеріала доведена до абсолютной полноты. Говоря о Великой Синагогѣ, Кюнень не только приводитъ всѣхъ новѣйшихъ еврейскихъ историковъ, какъ Вейсса, Юста, Греца, Крохмала и др., но исчерпываетъ всю талмудическую литературу, цитируетъ мидраши, таргумы, мехилату, ссылается съ мнѣніемъ Маймонида и средневѣковыхъ экзегетовъ.

Относительно Великой Синагоги въ литературѣ существуютъ различныя взгляды. Талмудическая традиція видитъ въ ней законодательное учрежденіе, которое существовало со времени возвращенія изъ Вавилонскаго плѣна, восприняло устный законъ отъ пророковъ и передавало его отъ

поколѣнія въ поколѣнію до Симеона Праведнаго, послѣдняго представителя Великой Синагоги.

Къ этому взгляду болѣе или менѣе примыкаетъ Вейссъ, Фюрстъ, Влохъ и др., которые не сомнѣваются въ томъ, что «Великое Собраніе» (Кенесетъ hagdolah) стояло въ V и IV стол. до Р.Х. во главѣ демократическаго правленія еврейскаго народа. Противоположнаго мнѣнія держится Грець въ своей исторіи евреевъ; онъ думаетъ, что Великое Собраніе состоялось лишь однажды во время Эздры и Нееміи, о чемъ мы имѣемъ непреложное свидѣтельство въ книгахъ Ветхаго Завѣта, а затѣмъ уступило мѣсто судилищу изъ 71 члена. Кюнень послѣ детальнаго разбора всѣхъ источниковъ соглашается въ общемъ съ мнѣніемъ Греца и считаетъ институтъ Великой Синагоги одной изъ иллюзіи позднѣйшихъ учителей закона, изреченія и мнѣнія которыхъ собраны въ Машнѣ и Гемарѣ. Относительно политической организаціи еврейскаго государства за все время до Маккавеевъ Кюнень вполне согласенъ съ Гейгеромъ въ томъ, что народомъ управлялъ верховный жрецъ и знать духовная и свѣтская. Такое же преобладаніе теократическаго и аристократическаго элемента Кюнень въ другой своей статьѣ о Синедріонѣ доказываетъ и относительно втораго періода исторіи отъ Маккавеевъ до разрушенія Іерусалима. По мнѣнію Цунца, Греца и др., Синедріонъ учрежденъ приблизительно около 142 года, состоялъ главнымъ образомъ изъ ученыхъ, книжниковъ, свѣдущихъ въ законахъ, предсѣдательствовали въ немъ тѣ пары (sugôth), которые въ Талмудѣ являются носителями преданія отъ Іосе бенъ Іозера до Симеона II. Противникомъ такихъ взглядовъ является Іустъ въ «Исторіи евреевъ и ихъ сектъ»; онъ думаетъ, что Синедріонъ существовалъ болѣе въ теоріи, чѣмъ на практикѣ, больше in potentia, чѣмъ in actu; что такой корпораціи, какая описывается Грецомъ, не существовало, а власть ея присваивали себѣ первосвященники, цари и случайно собранные судьи. Такимъ образомъ Іустъ объясняетъ противорѣчіе, которое существуетъ между извѣстіями талмудическими и показаніями Іосифа Флавія и другихъ современниковъ. Кюнень идетъ еще дальше: по его мнѣнію, ученые книжники и законовѣды до паденія Іерусалима господствовали только въ школахъ, а въ управленіи государствомъ занимали лишь скромную роль; позднѣйшіе составители Талмуда ошибочно выставляютъ ихъ предсѣдателями Синедріона, который они превращаютъ въ собраніе ученыхъ; въ дѣйствительности такъ было лишь впоследствии, когда въ Палестинѣ осталась еврейская община, а не было государства. Кюнень очень подробно

разбираетъ этотъ кардинальный вопросъ еврейской исторіи, и доводитъ его нельзя отказать въ научности и вѣроятности. Въ большинствѣ согласія съ установленными ивѣніями Кюнень находится въ вопросѣ о хронологіи персидскаго періода, которому онъ посвящаетъ также особую статью.

Вопросъ о томъ, когда евреи возвратились въ Іерусалимъ, когда затѣвѣ дѣйствовали Эздра и Неемія, представляетъ большой интересъ для исторіи еврейской религіи. Въ послѣднее время были сдѣланы попытки (Noonacker, de Saulcy, Vernes и др.) отнести построение второго храма и реформу Эдры къ позднѣйшему періоду, отодвинувъ ихъ на нѣсколько вѣковъ. Такой комбинаціи благопріятствовала одноименность многихъ персидскихъ царей. Такъ напр. миссію Нееміи они относятъ къ царствованію Артаксеркса II Мнемона, вмѣсто Артаксеркса I Лонгиана, Дарія I замѣняютъ Даріемъ II и т. д.

Талмудъ, сократившій весь персидскій періодъ до 52 лѣтъ, и Іосифъ Флавій не даютъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій объ этой эпохѣ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи библейскихъ данныхъ Кюнень удается опровергнуть всѣ сомнѣнія критиковъ, основывающихся на нѣсколькихъ темныхъ мѣстахъ источниковъ. Кюнень убѣдительно доказываетъ, что возрожденіе іудаизма совершилось въ первую половину персидскаго періода, въ первое же столѣтіе по возвращеніи евреевъ изъ плѣна въ V столѣтіи. Этотъ фактъ имѣетъ важное значеніе въ виду того, что противники, отодвигая развитіе іудаизма, стараются вмѣстѣ съ тѣмъ провести глубокую пропасть между религіей Израиля до изгнанія и послѣ изгнанія. Vernes и Navet не только наставляютъ на позднѣйшемъ происхожденіи событій, рассказанныхъ въ книгахъ Эдры и Нееміи, но и считаютъ всѣ произведенія пророковъ созданіями людей, жившихъ послѣ Вавилонскаго плѣна. Религія пророковъ, по ихъ ивѣнію, кореннымъ образомъ отличается отъ религіи, господствовавшей у іудейскаго народа до разрушенія Іерусалима. Разсматривая эти крайнія фазы библейской критики, Кюнень обстоятельно доказываетъ, какъ неосновательны такіе взгляды, опирающіеся на нѣсколькихъ стихахъ изъ пророка Іереміи. Разбору современныхъ направленій въ области библейскихъ изслѣдованій посвященъ въ книгѣ еще цѣлый рядъ статей. Разбираются, кромя упомянутаго Vernes'a, взгляды Baudisvin'a, Дилльмана, Ренана и др.; много мѣста удѣляется полемикѣ съ ивѣстными еврейскимъ ученымъ Галеви, защищающимъ единство Пятикнижія.

Относительно происхожденія книгъ Моисеевыхъ Кюнень держится взглядовъ «графіанской» школы, разработанныхъ Реуссомъ, Графомъ, Велль-

гауеновъ и др.; они установили хронологическую последовательность трех частей Пятикнижия: пророческой части (Иеговистъ и Элогистъ), Второзаконія и жреческаго кодекса; изъ нихъ первыя двѣ части составлены до плѣна, послѣдняя по возвращеніи изъ Вавилона. Въ рядѣ статей Кюненъ поддерживаетъ этотъ взглядъ противъ различныхъ сомнѣній и поправокъ, предлагаемыхъ другими авторами. Отказываясь отъ наложенія этихъ интересныя статей, мы позволимъ себѣ только упомянуть еще объ отзывѣ Кюнена относительно «Histoire du peuple d'Israël» Эрнеста Ренана, въ виду громадной популярности, какой пользуется этотъ блестящій писатель не только на Западѣ, но и у насъ въ Россіи. Отзывы ученыхъ, оказывается, далеко не соответствуютъ тому авторитету, какой Ренанъ приобрѣлъ въ публикѣ. Главный упрекъ заключается въ преобладаніи у Ренана вдохновенія надъ точнымъ изученіемъ. Не считая нужнымъ церемониться съ ненадежными источниками, Ренанъ обращается съ ними совершенно свободно и пишетъ исторію *per divinationem*, руководясь главнымъ образомъ своимъ воображеніемъ. Въ результатѣ оказываются невѣрными, по мнѣнію Кюнена, не только детали, но и основная идея всей исторіи. Ренанъ держится того взгляда, что чистое единобожіе уже существовало во время патріарховъ, онъ идеализируетъ кочевое состояніе народа и не перестаетъ выставлять контрастъ между первобытной идиллической жизнью и дальнѣйшимъ упадкомъ послѣ поселенія въ Палестинѣ. Все движеніе пророковъ Ренанъ считаетъ возвратомъ къ религіи патріарховъ, вѣковыми усиліями свергнуть ложнаго Бога Іегову и вернуться къ первоначальному Элогизму. Такое воззрѣніе Кюненъ считаетъ совершенно не научнымъ и не обоснованнымъ. Мнѣніе, высказанное авторитетнымъ авторомъ о перекозѣ тогѣ этой исторіи, единственною тогда въ 1888 году, заставляеть сильно задуматься всякаго знакомаго съ сочиненіями Ренана. Интересующимся подробностями советуемъ познакомиться съ самой книгой Кюнена, въ которой они найдутъ еще много статей, касающихся коренныхъ вопросовъ еврейской исторіи. Хотя книга и не представляетъ ничего цѣльнаго, но можетъ дать прекрасное понятіе о характерѣ библейскихъ вслѣдованій, являющихся для насъ *terra incognita*, между тѣмъ какъ результаты ихъ, по словамъ того же Ренана, принадлежать къ самымъ блестящимъ завоеваніямъ современной критики.

Antisemiten-Hammer. Eine Anthologie aus der Weltliteratur. Mit einem Vorwort von Moleschott und einer Einleitung von Iosef Schrattenhols. Dusseldorf, 1894, 648+XVIII. (Молотъ для антисемитовъ. Апология изъ всемірной литературы. Съ предисловіемъ Молешотта и введеніемъ І. Шратенгольца).

Нашимъ первымъ движеніемъ и словомъ по поводу этого обширнаго труда можетъ быть только выраженіе искренней благодарности и одобренія. Разсматриваемая книга есть плодъ долговременныхъ усилій, усидчивой и кропотливой работы, которая требовала настоящаго самопожертвованія со стороны составителей. Въ книгѣ собрано все, что высказано было нѣтъ-каго о евреяхъ, о религіи, о вѣротерпимости, о національности и другихъ предметахъ, нѣющихъ близкое отношеніе къ еврейскому вопросу. Тутъ использована литература всѣхъ вѣковъ и странъ, приведены мнѣнія великихъ людей древности и выдающихся современниковъ. Нельзя, конечно, требовать отъ книги абсолютной полноты: не возможно истерять всѣ богатства, оставленные намъ предъидущими вѣками, особенно когда тема взята такъ широко, когда она поставлена въ связь съ коренными вопросами исторіи, религіи и этики. Нужно отдать справедливость составителямъ: они воспользовались литературой почти всѣхъ историческихъ народовъ. Мы должны только отиѣтить одинъ, довольно крупный пробѣлъ, который сразу бросается въ глаза всякому русскому читателю—именно совершенное отсутствіе цитатъ изъ русскихъ авторовъ, которые могли бы дать богатый матеріалъ по еврейскому вопросу. Несомнѣнно, что у русскихъ писателей можно также найти много нѣтъкихъ и безпристрастныхъ замѣчаній, могущихъ служить прекраснымъ орудіемъ въ борьбѣ съ антисемитизмомъ, и если составители сборника не воспользовались ими, то причину этого нужно искать попросту въ незнакомствѣ съ русскими языкомъ и литературой.

Но за этигь, чувствительнымъ для насъ, русскихъ евреевъ, исключеніемъ, книга отличается удивительной полнотой и богатствомъ содержанія. «Antisemiten-Hammer» представляетъ первый опытъ всемірной антологіи по еврейскому вопросу. Правда, за послѣдніе годы появились еще два сборника подобнаго рода: I. Singer, Briefe berühmter christlicher Zeitgenossen über die Judenfrage, и С. Е. Klopfer, Zur Judenfrage. Zeitgenössische Originalaussprüche; но послѣдніе, какъ видно изъ ихъ заглавій, ограничиваются только мнѣніями современниковъ о евреяхъ. Если антисемитизмъ есть продуктъ реакціи, есть извѣтна всѣмъ гуманнымъ

принципамъ цивилизаціи и выросъ на почвѣ узкаго шовинизма и эгоизма, то напоминаніе о взглядахъ великихъ писателей, великихъ людей прошлаго и творцовъ нашей культуры, должно представлять коренное средство борьбы со зломъ.

Еще большую важность такой сборникъ получаетъ въ виду обычнаго, ни на чемъ не основаннаго заявленія антисемитовъ, будто великіе люди всѣхъ временъ относились враждебно къ евреямъ и еврейству. Стоитъ только раскрыть эту книгу, просмотрѣть имена Паскаля, Лютера, Кромвеля, Монтескье, Гете, Лессинга и др., чтобы убѣдиться въ противномъ. Привести хоть краткій списокъ всѣхъ выдающихся лицъ, высказывавшихся о еврействѣ, конечно, не возможно въ рецензіи. Да и самую книгу мы не советуемъ бы читать подъ-рядъ; ее лучше всего открывать время отъ времени, по тому или другому вопросу: тогда мы убѣдимся, какую пользу мы можемъ извлечь изъ общенія съ великими умами, какіе широкіе горизонты они открываютъ нашему собственному мышленію. Чѣмъ крупнѣе талантъ писателя; тѣмъ глубже онъ проникаетъ въ сущность предмета и тѣмъ ярче онъ выражаетъ ее въ нѣсколькихъ ивѣнкихъ чертахъ, которыя уже самъ читатель легко дополняетъ деталями. Согласно широко задуманной программѣ, сборникъ раздѣленъ на нѣсколько главъ, трактующихъ различныя стороны вопроса. Нужно сознаться, что нѣкоторыя главы имѣютъ лишь отдаленное отношеніе къ евреямъ, какъ напр., отдѣлы: Gott, Mensch und Leben, Wahrheit und Irthum. Воистинѣ необходимую связь еврейскаго вопроса съ общими проблемами этики и религіи, мы все-таки должны признать, что составители нѣсколько увлекаются въ этомъ направленіи, такъ что временами получается 'впечатлѣніе, что они ратуютъ противъ атеизма и безнравственности, а не противъ антисемитизма. Чтобы дать нѣкоторое представленіе нашимъ читателямъ о содержаніи книги, приведемъ оглавленія отдѣловъ: 1) предисловіе проф. Молешотта, 2) введеніе издателя Іосифа Шраттенгольца, 3) Богъ, человѣкъ и жизнь, 4) раса, нація и человечество, 5) евреи и еврейство, 6) религія, мораль и гуманность, 7) іудейская религія, 8) золото, деньги и богатство, 9) торговля и ростовщичество, 10) истина и ложь, справедливость и несправедливость, 11) государство и духъ времени, общество и предразсудки, 12) еврей, какъ носители культуры, 13) голоса современниковъ о евреяхъ и антисемитизмѣ, 14) стихотворенія.

Подъ этии рубрики собрано на прострaнствѣ 648 страницъ масса глубокомысленныхъ замѣчаній, имѣющихъ то или другое отношеніе къ евреямъ и еврейству. Хотѣлось бы подѣлиться съ читателями особенно

кѣткини мысли, встрѣчающіеся въ сборникѣ, но огромное количество цитатъ изъ первоклассныхъ европейскихъ авторовъ, заставляетъ насъ отказать отъ такой попытки, которая завела бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ еще, что издатель, поставивъ своею главною цѣлью борьбу съ антисемитизмомъ, предназначаетъ свой сборникъ не только для христіанъ, но и для евреевъ. Послѣдніе, кромя широкаго міросозерцанія и яснаго самопознанія, знакомство со взглядами великихъ мыслителей можетъ дать и большое нравственное утѣшеніе, столь необходимое для болящей отъ гоненій еврейской души. Прикосновеніе къ гуманнымъ идеаламъ должно подвѣять бодрость еврея, его вѣру въ существованіе добрыхъ, чуткихъ людей, сочувствующихъ чужимъ страданіямъ, и укрѣпить его надежды на то, что кѣсть съ развитіемъ прогресса взгляды и мысли послѣднихъ восторжествуютъ надъ вѣковыми предрассудками. Правда, за послѣднее двадцатипятилѣтіе, въ эпоху общей реакціи и торжества циничной политики крови и желѣза, средневѣковые привраки опять появились въ Европѣ, стали заглушать общечеловѣческіе идеалы,—но на долго ли?.. Вотъ вопросъ, для рѣшенія котораго разсматриваемый сборникъ даетъ также богатый матеріалъ. Въ одной изъ приведенныхъ въ немъ цитатъ Александръ Гумбольдтъ говоритъ, что подобное умственное затенѣніе не можетъ поражать цѣлое поколѣніе на столько, чтобы приостановить прогрессъ, а въ другомъ мѣстѣ сборника братъ его Вильгельмъ Гумбольдтъ такъ опредѣляетъ цѣли прогресса: главная идея, проникающая всю исторію человечества, есть стремленіе уничтожить ту вражду, которую предрассудки и односторонніе взгляды установили между людьми; установить общій взглядъ на всѣхъ людей, какъ на братьевъ, составляющихъ безъ различія вѣроисповѣданій, національностей и цвѣта кожи одно великое цѣлое, призванное къ достиженію одной и той же цѣли—къ мирному развитію внутреннихъ силъ. Слова этихъ великихъ мыслителей могутъ служить намъ лучшимъ утѣшеніемъ и поддержкой въ настоящую смутную эпоху. Въ книгѣ читатель найдетъ вообще массу глубокопродуманныхъ взглядовъ по различнымъ вопросамъ этики и исторіи, которые помогутъ ему выработать себѣ сознательное отношеніе къ современнымъ явленіямъ еврейской жизни и придадутъ много свѣта, ясности и глубины его воззрѣніямъ на исторію и судьбы еврейскаго народа.

—US.

И. С. Штейнгауеръ. Первые уроки географіи, примененные къ потребностямъ школы съ имородческимъ элементомъ. 1895 г.

Въ довольно многочисленныхъ и пространныхъ предисловіяхъ своихъ авторъ между прочимъ высказывается: «При составленіи предлагаемаго учебника авторъ именно имѣлъ въ виду: *доставить соответственный матеріалъ для расширенія области дѣтскаго языка и имѣть съ тѣмъ средство умственного развитія, специально направленаго къ познанію обитаемой нами земли въ общихъ чертахъ и нашего отечества въ частности*». И далѣе: «И если питаемая мною надежда не обманетъ меня, и составленная мною книжка дѣйствительно поможетъ ученику не-русскаго происхожденія сдѣлать *хоть однимъ шагомъ больше въ необъятную область русскаго языка*, если при прохоженіи моихъ «первыхъ уроковъ» въ его умъ и сердце западутъ, имѣть съ географическими свѣдѣніями, хоть искорки неисчислимаго богатства родной (?) рѣчи, я буду считать себя безъ иѣры вознагражденнымъ за трудъ, положенный на составленіе этой небольшой книжки». Прикосновенные къ дѣлу обученія русскому языку въ школахъ съ «имородческимъ элементомъ», мы рѣшаемся дѣсь предложить нѣсколько замѣчаній о трудѣ г. Штейнгауера. Почтенный авторъ самъ указываетъ на полноту сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, при всей, молъ, «краткости изложенія». Но, въ сожалѣнію, г. Штейнгауеръ упускаетъ изъ виду, что, во 1-хъ, напряженная сжатость учебника соединена тутъ съ педагогически-неудачнымъ приѣмомъ, и что, во 2-хъ, книжка главнѣйше представляетъ собою наборъ тѣхъ же шаблонныхъ именъ и терминовъ, въ той же рутинной систематизаціи, тѣмъ богаты и другія многочисленные «педагогическія» изданія. Нѣкоторое новшество «Первыхъ уроковъ» въ «катехизической» формѣ начальныхъ отдѣловъ книги. Нѣтъ ничего труднѣе, разунѣтся, какъ просто, ясно, точно и имѣть съ тѣмъ литературно ставить вопросы и отвѣты въ подобныхъ случаяхъ. Не совсѣмъ логично, напр., спрашивать: «Почему земля, держась въ пространствѣ, не падаетъ?» Не падаетъ?.. потому что *держится*. «А можно ли вообразить себѣ земную ось?» Да мало ли что можно вообразить? Можно вообразить, что «обогащаемъ» рѣчь ребенка, подбирая изънатурныя катехизическія формы. И развѣ выиграетъ «русское» слово ученика отъ выраженій: «нижнія» (ви. нижнія) части заданія, «круженіе» (ви. вращеніе) воды и пр. «Узкая часть моря, соединяющая двѣ воды и раздѣляющая двѣ суши, называется проливомъ». «Двѣ суши», «двѣ воды»—допускаются, такъ сказать, разговорной халатностью; но въ чистомъ книж-

номъ изложеніи не позволительны! По *рыбнымъ* прописанъ ово (Каспійское море) занимаетъ первое мѣсто въ Россіи: тутъ ловятъ множество сельдей, судаковъ... и *даже тюленей*. Стремясь «расширить область дѣтскаго языка», необходимо строго слѣдить за вѣрностью и точностью словъ. Точность слова—точность мысли. Это педагогическая аксіома. «Только немное теченіе его (Днѣпра) становится очень опаснымъ для судоходства... вслѣдствіе появленія на немъ множества подводныхъ камней и *мзотныхъ днѣпровскихъ пороговъ*». Это «и» вноситъ опять неясность въ рѣчь. Если «подводные камни»—понятіе не вполне однозначное съ «порогами»,—обязательно было передать подробно, что такое «Днѣпровскіе пороги».

Задавъ себѣ *дѣл* цѣли (какъ было показано выше), авторъ мѣстами видимо старается оживить и приукрасить свое изложеніе. Но в «художественныя описанія» автора оставляютъ желать многого. «Нѣтъ тогда (зимомъ на сѣверѣ) и *малышаго* признака *растительности*, крошечнаго, рѣденькаго кустарника, да скуднаго моха» (т. е. растительности же) и т. п. А на югѣ—«теплый, дѣтній и живительный воздухъ, чудное лазуревое-голубое (а не лазуревое-голубое или лазурно-голубое?) небо, зелено-синее море, величаво извивающіяся горы (въ одномъ эпитетѣ соединены и величіе, торжественность и нѣкоторая легкость, итнривость)... все это привлекаетъ сюда тысячи посѣтителей: *многъ* полѣтѣться отъ разныхъ недуговъ, *друмихъ* просто *портзвиться* (дѣтей, что ли?) и отдохнуть отъ обыденныхъ работъ». Иногда г. Штейнгауеръ нѣсколько увлекается и въ болѣе отвлеченную область мысли, дѣлая замѣчанія едва ли умѣстныя въ начальномъ учебникѣ. «Японцевъ поворотъ только языческая вѣра, которой они придерживаются». Какая вѣра кого поворотъ—объ этомъ лучше не разсуждать на урокахъ географіи въ начальной школѣ. «Чтобы составить себѣ ясное понятіе о степени развитія англичанъ, слѣдуетъ замѣтить, что городское населеніе у нихъ въ полтора раза многочисленнѣе сельскаго: это единственный примѣръ въ свѣтѣ». Такими категорическими утвержденіями едва ли что-нибудь *прояснится* въ умѣ школьника.

Особенно сузивъ и водоступивъ для пониманія покажется ученику отдѣлъ «Мірозданіе». А г. Штейнгауеръ, вдобавокъ, и тутъ не остерегается отъ такихъ, напригѣръ, выраженій: «все болѣе и болѣе *отращеннымъ* отъ солнца своимъ сѣвернымъ полюсомъ, «тѣло независимое, *отдѣльно-цѣлое*» и пр. Подчасъ авторъ пускается прямо уже въ учебную терминологию, преподнеся школьнику подобныя *поясненія*: «совъ

земли приходится относительно *плоскости орбиты не подъ прямымъ угломъ*» и т. д., и т. д. Авторъ, впрочемъ, не только какъ будто не боится упрековъ въ недостаточной популярности. Онъ, пожалуй, не прочь угостить читателя и... гипотезами. Латыши, по словамъ г. Штейнгауера, «*сродни отчасти великоруссамъ*»; «подобно латышамъ» и литовцы «*сродни великоруссамъ*». Такія неопредѣленные указанія въ особенности не кстати въ учебникѣ для элементарныхъ училищъ. «Обозначенный не въ меньшей мѣрѣ и тѣмъ обстоятельствомъ, что постановка ударенія представляетъ для учениковъ-инородцевъ большую трудность, и желая также въ этомъ отношеніи облегчить употребленіе «Первыхъ уроковъ» въ школахъ съ преобладающимъ инородческимъ элементомъ, — заявляетъ авторъ, — я счелъ полезнымъ ставить надъ всѣми географическими терминнами и словами, по крайней мѣрѣ въ первый разъ встрѣчающимися, а равно надъ тѣми географическими именами, произношеніе которыхъ уже строго установлено, *знаки ударенія*».

Намѣренія, несомнѣнно, весьма благія, но и *обязывающія*. При небольшой своей смѣлости авторъ идетъ даже и далѣе, добавляя: «Полагаю, что это будетъ не безъ пользы и для чисто русскихъ учащихся, такъ какъ за послѣднее время преподаватели рѣдного языка вообще стали жаловаться на ослабѣвающее въ молодомъ поколѣніи чутье къ правильности просодіи». Однако, г. Штейнгауеръ... дѣлаетъ ошибки въ обозначеніи удареній и надъ такими словами: сродни, лососина, кокосовый, кремень, головаши, непостоянныя, огородничествомъ, бѣлозерскій, конопля и пр. А между тѣмъ онъ здѣсь могъ бы воспользоваться указаніями того же «Толковаго Словаря» Даля, о которомъ упоминается въ «Объяснительной запискѣ» автора. Г. Штейнгауеръ называетъ настоящее «новое» изданіе своего учебника «окончательно переработаннымъ». Не лучше ли автору... переименовать такое рѣшеніе?! Еврейская школа едва ли выиграетъ отъ введенія подобнаго учебника въ его настоящее видѣ.

Александръ Налимовъ.

Вынужденное объясненіе.

Объясненіе, въ которое мы крайне неохотно вступаемъ теперь съ нашими читателями, мы собственно должны были бы дать уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Но дорожа репутацией частныхъ лицъ, мы съ мѣсяца на мѣсяць отклады-

вали это объясненіе, въ надеждѣ, что намъ какъ-нибудь возможно будетъ обойтись безъ него. Къ сожалѣнію, это оказалось рѣшительно невозможнымъ.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Читатели наши, конечно, замѣтили, что въ этомъ году книги „Восхода“ сильно запаздывали выходомъ и что нѣкоторыя изъ нихъ выпущены были безъ „Приложенія“, чему не было примѣра съ тѣхъ поръ, какъ нами съ „Восходомъ“ соединенъ этотъ способъ изданія отдѣльныхъ выдающихся сочиненій, которыя помимо этого способа едва ли когда-нибудь увидѣли бы свѣтъ. Таковы, напр., соч. Карпелеса „Исторія Еврейской Литературы“, „Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ“, „Иудейская война“ Юсифа Флавія и др. Но кромѣ „Иудейской войны“ мы имѣли въ виду дать въ „Восходѣ“ въ видѣ „Приложенія“ и остальные сочиненія Флавія: „Противъ Апіона“ и „Древности Іудейскія“. Поэтому, когда въ *сентябрѣ прошлаго 1894 года* маг. евр. слов. Я. И. Израэльсонъ, извѣстный своей эрудиціей гевранствъ и знатокъ исторіи евреевъ, предложилъ намъ приготовить для „Восхода“ переводъ Флавіева „Апіона“ съ своими „введеніемъ“ и примѣчаніями, мы охотно приняли это предложеніе. Тѣмъ болѣе, что г. Израэльсонъ при этомъ заявилъ намъ, что значительная часть перевода уже имъ сдѣлана, что никакой задержки произойти не можетъ и что, начиная съ января 1895 года, безъ всякой остановки можно будетъ въ каждой книжкѣ дать по *два* листа. Однако уже съ января мѣсяца г. Израэльсонъ сталъ доставлять рукопись крайне неаккуратно и по листочкамъ, объясняя это трудностью добыть необходимыя ему для составленія предисловія книги и разными другими причинами и утѣшая насъ тѣмъ, что дѣло пойдетъ гораздо быстрѣе, когда начнется самый текстъ Флавія, часть перевода котораго уже готова. Не имѣя никакой причины не довѣ-

рять г-ну Израэльсону,—который, замѣтимъ мимоходомъ, получилъ отъ насъ значительный авансъ въ счетъ гонорара,—мы должны были примириться какъ съ запаздываніемъ книжекъ, такъ и съ тѣмъ, чтобы въ первыхъ книжкахъ давать, вмѣсто предполагаемыхъ двухъ листовъ, по одному листу „Приложенія“, надѣясь давать больше, когда начнется печатаніе перевода текста. Къ сожалѣнію, дѣло и тутъ не обстояло лучше, и г. Израэльсонъ опять сталъ ссылаться на неполученіе книгъ, необходимыхъ ему для примѣчаній, и на разныя домашнія обстоятельства, увѣряя однако насъ при этомъ, что все войдетъ въ свою колею, и что мы не только успѣемъ дать въ этомъ году весь „Апіонъ“, но еще и предисловіе его же, Израэльсона, къ „Иудейской войнѣ“. Такъ шло дѣло до апрѣля мѣсяца. Въ апрѣлѣ г. Израэльсонъ заявилъ намъ, что онъ переѣзжаетъ въ Москву, гдѣ онъ въ состояніи будетъ спокойно предаваться работѣ для „Восхода“ и не только аккуратно будетъ доставлять переводъ Флавія, но и разныя другія работы, и редакція тогда же выдала ему гонораръ не только за весь переводъ „Апіона“, но и за разныя критическія статьи о новыхъ книгахъ, также взятыхъ съ собою г. Израэльсономъ. Взаимнъ оказаннаго редакціей г. Израэльсону довѣрія, результатъ былъ тотъ, что, несмотря на неоднократныя напоминанія, письменныя и устные, отъ г. Израэльсона не было получено изъ Москвы ни одной строчки перевода и майскую книгу „Восхода“, послѣ напрасныхъ ожиданій, пришлось выпустить и пездно и безъ „Приложенія“.

Для іюньской же книжки, послѣ вслѣдственныхъ усилій, удалось еще добиться отъ г. Израэльсона одинъ листъ „Приложенія“, но за то послѣ іюньской книжки г. Израэльсонъ не доставлялъ уже ни одной строчки; въ теченіе іюня и іюля онъ кормилъ редакцію клятвенными обѣщаніями быть аккуратнымъ въ доставленіи перевода, увѣрялъ всѣмъ свя-

тѣмъ, что все будетъ имъ окончено во-время и что редакция успѣетъ закончить приложение „Противъ Апіона“ еще въ этомъ году. Такъ, 10 мая г. Израэльсонъ писалъ намъ: „Я крайне огорченъ, что опять навлекъ на себя ваше неудовольствіе... Надѣюсь, что это послѣднее уже прегрѣшеніе съ моей стороны и что впредь будете мною довольны“. Несмотря на это, 5 іюня г. Израэльсону вновь приходится писать намъ: „Я не отрицаю, что вы имѣете полное основаніе быть недовольны мною, я самъ сознаю свою вину... Но я вамъ обещаю, что отнынѣ буду вамъ регулярно посылать оригиналы“ и т. д. И далѣе: „я былъ бы очень радъ, если бы вы могли стать ко мнѣ вновь въ тѣ отношенія, которыя между нами существовали раньше. Но какое вы ни примете рѣшеніе по отношенію ко мнѣ, захотите ли прервать всякую связь со мною, оскандалить меня въ вашей газетѣ или еще, можетъ быть, что-нибудь придумаете—я никогда не перестану васъ уважать“ и пр.

Казалось бы, что послѣ такихъ увѣреній можно было ожидать отъ г. Израэльсона, человѣка съ высшимъ научнымъ образованіемъ, нѣсколько болѣе строгаго отношенія къ своему долгу и къ принятымъ на себя обязательствамъ, тѣмъ болѣе, когда гонораръ за работу имъ давно уже былъ полученъ. Тѣмъ не менѣе, 20 іюня намъ опять, вмѣсто ожидаемаго дальнѣйшаго перевода, вновь пришлось любоваться слѣдующими фразами въ письмѣ почтеннаго ученаго: „Вы только напрасно волнуетесь и беспокоитесь... Впредь вы будете получать оригиналы регулярно, и я надѣюсь, что изъ-за меня задержки больше не будетъ“. То же самое г. Израэльсонъ повторяетъ въ письмѣ отъ 22 іюня. И несмотря на это, вплоть до 20-хъ чиселъ іюля редакция ни одвой строчки оригинала отъ г. Израэльсона не получила. Но и затѣмъ получено было опять-таки не оригиналы, а лишь письмо, помѣченное 17 іюля, въ которомъ почтенный магистрантъ

снова пишетъ: „Могу только повторить мое прежнее заявленіе, что работа будетъ окончена въ нынѣшнемъ году—не смотря ни на какія помолвки, свадьбы и пр.“.

Но и послѣ этого письма опять-таки не только не доставлено было г. Израэльсономъ ни одной строки оригинала, но онъ уже не считъ нужнымъ даже отвѣтить на письма какъ самого редактора, такъ и секретаря редакціи. И такъ до настоящаго времени. Книжки за іюль, августъ и сентябрь вышли безъ „Приложенія“. Во все это время редакція воздерживалась отъ передачи перевода Флавія другому лицу и необходимаго въ такомъ случаѣ по сему предмету объясненія съ читателями, въ надеждѣ, что авось въ г. Израэльсонѣ заговоритъ совѣсть и онъ одумается. Но вотъ годъ приходитъ къ концу, удовлетворить законное требованіе гг. подписчиковъ необходимо, а г. Израэльсонъ, получивъ около 300 руб. впередъ, накормивъ редакцію неоднократно чуть ли не влятвенными обѣщаніями, почилъ на лаврахъ, и отъ него ни слуху, ни духу.

Намъ же ничего не осталось, какъ передать переводъ сочиненія Флавія другому лицу, именно кандидату восточныхъ языковъ Г. Г. Генкелю, и дать читателямъ это вынужденное объясненіе—почему выходъ октябрьской книжки такъ опоздалъ и почему сочиненіе Флавія является нынѣ въ переводѣ другого лица.

Затѣмъ редакція приняла всѣ мѣры для того, чтобы до новаго года подписчикамъ были доставлены аккуратно ноябрьская и декабрьская книги, и чтобы въ нихъ было закончено *все* сочиненіе „Противъ Апіона“.

Редакція.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ Евреевъ въ Польшѣ. П. Къ исторіи Люблинской еврейской общины. Проф. С. А. Бершадскаго.	3
II. БАБУШКА. Исторія одного дня. Разказъ. Л. Рубинова.	12
III. ВНУКИ ГЕТТО. Романъ И. Зангвила. Гл. XII. Переводъ съ англійскаго. С. Л. Федоровичъ.	31
IV. ЕВРЕЙСКІЯ УЧИЛИЩА ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ. Яв. Каценельсона.	70
V. ДАЙ ЦВѢТОКЪ. Картина. Элизы Оржешко. Пер. Э. З.	95
VI. ИЗЪ ПСАЛМОВЪ ДАВИДА. Стихотвореніе. Б. М. Фофанова.	122
VII. ЕВРЕЙСКІЯ СЕКТЫ НА ВОСТОКЪ. Аль-Гаввасъ	124
VIII. ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ. Стихотвореніе. Л. Я.	142
IX. ДОЧЬ ІЕВФАЯ. Изъ «еврейскихъ мелодій» Вэйрона. Стихотвореніе. Н. Григоровичъ.	144
X. О ДРЕВНОСТИ ІУДЕЙСКАГО НАРОДА. ПРОТИВЪ АЦІОНА. Сочиненіе Флавія Іосифа, переводъ съ греческаго. Г. Г. Генкеля. Въ особомъ приложеніи въ концѣ книги. (<i>Bound separately</i>)	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XI. КОЛОНИЗАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПАЛЕСТИНУ И АРГЕНТИНУ. А. М. Беркенгейма.	1
--	---

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XII. ІУДЕЙСТВО И ГИГИЕНА. 1) <i>Prof. Dr. Adolf Baginsky, Die hygienischen Grundzüge der mosaïschen Gesetzgebung; Braun-</i>	
--	--

schweig, 1895, Vieweg. (Проф. д-ръ *Адольфъ Банинскій*, Гигиеническія основы Моисеева заководательства).—2) *Dr. Alfred Nossig*, Socialhygiene der Juden und des alt-orientalischen Völkerkreises. Stuttgart, 1894, Deutsche Verlags-Anstalt. (Д-ръ *Альфредъ Носсигъ*, Общественная гигиена евреевъ и древне-восточной группы народовъ). — 3) *Rab. Dr. A. Winer*, Die jüdischen Speisegesetze, nach ihren verschiedenen Gesichtspunkten, zum ersten Male wissenschaftlich-methodisch geordnet und kritisch beleuchtet. Breslau, 1895, Schottländer. (Раввинъ д-ръ *А. Винеръ*, Иудейскіе законы о пищѣ, съ различныиъ точекъ зрѣнія, впервые сгруппированныи научно-методически и освѣщенные критически). (Читано въ собраніи историко-этнографической комиссіи при общ. распр. просвѣщеніи между евреями). Д-ра Сам. Ос. Грузенберга. 19

XIII. БИБЛИОГРАФІЯ:

- 1) *A. Kuenen. Gesammelte Abhandlungen zur biblischen Wissenschaft. Aus d. Holländ. übersetzt. v. Budde. 1894.* (*А. Кюенъ*. Собраніе статей по библейской наукѣ). — 2) *Antisemiten-Hammer. Eine Anthologie aus der Weltliteratur. Mit einem Vorwort von Moleschott und einer Einleitung von Iosef Schrattenholz. Düsseldorf, 1894, 648+XVIII.* (Молотъ для антисемитовъ. Антологія изъ всемірной литературы. Съ предисловіемъ Молешотта и введеніемъ І. Шратенгольца). — US . 47
- 3) *H. C. Штейнауеръ. Первые уроки географіи, примененные къ потребностямъ школъ съ инопородческимъ элементомъ. 1895 г. Александра Наллимова.* 56

XIV. ВЫНУЖДЕННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ. Редакціи. 59

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Ноябрь—Декабрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.
1895.

ОБЪТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

ГЛАВА XXI¹.

Стѣсненное положеніе Песахъ-Тиквы.—Помощь Друзей Сіона.—Нападеніе іегудійцевъ.—Первые шаги барона въ колоніи.—Плантаторы и хлѣбопашцы.—Шейхъ Абу Рабахъ, столкновение съ нимъ.—Женщины побѣждаютъ.—Примиреніе съ шейхомъ и возвращеніе администраціи въ Песахъ-Тикву.—Система подневныхъ рабочихъ.—Экскурсія въ Іегудъ.

Въ 1882 году стали сѣвѣжаться новые колонисты въ Песахъ Тикву; немногіе изъ нихъ имѣли небольшіе капиталы, большинство же состояло изъ людей бѣдныхъ; были даже и такіе, которые по пріѣздѣ въ Яффу уже очутились безъ копейки, безъ всякихъ средствъ на первоначальное обзаведеніе. Разу мѣтся, вслѣдствіе понятной неопытности въ новомъ дѣлѣ, а также по причинѣ ссоръ съ арабами, недостатка рабочаго скота и орудій и отнимавшихъ много времени ежедневныхъ хожденій изъ Іегуда въ Песахъ Тикву и обратно, — работа первыхъ лѣтъ была крайне плохая и урожаи самыя незначительныя. Въ другихъ колоніяхъ стали дѣятельно разводить виноградники, но песахъ-тиковцы не могли приступить ни къ какимъ плантаціямъ изъ за несчастнаго процесса съ арабами Млебеса, потому что, пока арабы владѣли своею «четвертью», которая не была официально отдѣлена отъ еврейской земли, ни одинъ колонистъ не могъ быть увѣренъ, что его участокъ останется всегда за нимъ. Уже въ 1883 г. многіе не были въ состояніи уплатить земельного налога, а векорѣ у нѣкоторыхъ и хлѣба не стало. Начались крики о помощи. Временами получались вспомошествованія отъ разныхъ палестинскихъ кружковъ, но они прибывали такими незначительными суммами, что на нихъ ничего существеннаго нельзя было сдѣлать. Такъ прозябала колонія три года. Но вотъ и для нея блеснулъ лучъ свѣта. Разрозненные кружки палестинскіе соединились на Катовицкомъ сѣздѣ въ одно общество «Друзей Сіона», одинъ изъ

¹ См. „Восходъ“, кн. IX.

видныхъ членовъ котораго, г. В., лѣтомъ 1885 г. пріѣхалъ въ Палестину для изслѣдованія положенія нуждающихся колоній и способовъ къ окончательному устройству ихъ. Такъ какъ Друзья Сіона не имѣли достаточно средствъ, чтобы кореннымъ образомъ обезпечить три нуждавшіяся тогда колоніи, то они имъ дали только самое необходимое. Песахъ-тиковцы получили 13 домовъ, бассейнъ у колодца, микву, скотъ рабочій, посѣвъ, помощь на пропитаніе, а также учителя и рѣвника. Но основные недуги колоніи остались необлегченными. У колонистовъ было все такъ же мало земли, тянулась все та же канитель съ «четвертью». Плантаціями, какъ я уже сказалъ, они не могли заниматься, но хлѣбопашество у нихъ шло плохо главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что владѣльцы большинства участковъ постоянно проживали гдѣ то за границей, земли своей не воздѣлывали и колонистамъ трудно было устеречь свои посѣвы, разсѣянные между пустопорожними землями. Относительно послѣднихъ также происходили недоразумѣнія. Всякому хотѣлось воспользоваться свободными участками, а такъ какъ хозяева ихъ жили за морями и не вмѣшивались ни во что, то каждый колонистъ произвольно захватывалъ лучшую землю. Общій безпорядокъ, господствовавшій постоянно въ колоніи, вносилъ какой-то хаосъ и въ полевую работу. Песахъ-тиковцы постепенно прослыли людьми совершенно неспособными, лѣнтяями. Палестинцы тяготились Песахъ-Тиквой, мало симпатизировали ей и все свое вниманіе обратили на другія, болѣе любимыя колоніи. Это было большая несправедливость. Мы видѣли, что судьба особенно преслѣдовала Песахъ-Тикву и выпавшія на ея долю бѣдствія были такого рода, что колонисты не могли избавиться отъ нихъ сами безъ посторонней сильной руки. Общепринятое мнѣніе о неспособности песахъ-тиковцевъ къ работѣ крайне ошибочно. Песахъ-тиковцы работали не хуже колонистовъ любой колоніи (за исключеніемъ Экрона); женщины у нихъ также принимали участіе въ полевыхъ работахъ, и при моихъ посѣщеніяхъ Песахъ-Тиквы я ихъ часто заставлялъ за уборкой хлѣба, молотьбой. Зимой 1885—86 гг., благодаря содѣйствію Друзей Сіона, работы въ Песахъ Тиквѣ были поведены правильнѣе. Друзья Сіона рассчитывали, что они постепенно въ состояніи будутъ радикально устроить свои колоніи, но членскіе взносы стали все рѣже поступать въ ихъ кассу, и лѣтомъ 1886 г. общество почти перестало присылать деньги въ Палестину. Песахъ-тиковцы очутились въ худшемъ положеніи, чѣмъ прежде. Раньше они

должны были только о себѣ заботиться, а теперь надо было еще и скоть прокормить.

Видя критическое положеніе колонистовъ, сосѣди арабы стали сильно докучать имъ. Отъ млебесцевъ колонисты окончательно избавились, такъ какъ около этого времени былъ выигранъ процессъ съ ними, и ихъ «четверть» окончательно перешла къ колоніи, но теперь начались частыя дразги съ богатыми и многолюднымъ сосѣднимъ селомъ Іегудіей—изъ за погравъ и кражъ. Однажды накрыли въ одной конюшнѣ нѣсколько іегудійцевъ, собиравшихся увести скоть; ихъ, разумѣется, порядкомъ поколотили. Арабы точили зубы на евреевъ и грозили, что когда нибудь да расправятся съ ними. Весною 1887 г. колонисты какъ то забрали 15 ословъ, которые паслись въ пшеницѣ. Ословъ погнали въ Яффу, въ полицію; а такъ какъ боялись, чтобы іегудійцы ихъ не отбили по дорогѣ, то ихъ сопровождала толпа колонистовъ. Вслѣдъ за тѣмъ показались арабы, говорятъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ; они хотѣли отнять своихъ ословъ, но не заставъ уже ихъ, стали бить стекла въ домахъ, вырывать молодыя деревья. Многие изъ колонистовъ отправились въ Яффу, другіе были на полѣ, въ колоніи оставалось нѣсколько мужчинъ, которыхъ арабы и поколотили. За то одна еврейская женщина такъ угостила двухъ арабовъ, что одинъ изъ нихъ, говорятъ, потомъ умеръ. Гиршъ, которому сейчасъ дано было знанъ о случившемся, принялъ это дѣло близко къ сердцу. Онъ немедленно помчался изъ Микве Израіля въ Яффу и въ короткое время былъ уже въ Песахъ Тиквѣ съ французскимъ и австрійскимъ консулами, ихъ кавасами и 20 хаялами. Арабовъ уже не было въ колоніи. Но въ тотъ же вечеръ были арестованы шейхи Іегудіи и всѣ вачинщики нападенія; связанными ихъ привели въ Песахъ Тикву, гдѣ они переночевали, а утромъ ихъ погнали въ Яффу. Арабы жестоко заплатились за совершенное ими насиліе и съ тѣхъ поръ они находятся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ колоніей.

Стѣсненное состояніе Песахъ Тиквы между тѣмъ все усиливалось. Изрѣдка получались незначительныя суммы, но онѣ доставляли только минутное облегченіе. Друзья Сіона со своими слабыми средствами не могли и думать о коренномъ устройствѣ Песахъ Тиквы. Да всѣ боялись и подступить къ вопросу объ устройствѣ Песахъ Тиквы. Колонія эта рисовалась въ воображеніи всѣхъ бездонною пропастью, въ которую сколько ни швырять денегъ, все ея не наполнить. Колонія представ-

яла какое то развинченное тѣло, скрипѣвшее во всѣхъ своихъ суставахъ; въ ней не было ничего цѣльнаго, сплоченнаго; разединеніе и разбросанность чувствовались во всемъ, — въ двойственности колоніи (Песахъ Тиква и Іегудъ), въ запутанныхъ земельныхъ спорахъ колонистовъ между собою и съ арабами. Не было въ Песахъ Тиквѣ одной власти, связи, всякій заботился только о себѣ и дѣлалъ то, что хотѣлъ. Колонія и не принадлежала наличнымъ колонистамъ, $\frac{3}{4}$ всѣхъ участковъ были собственностью лицъ, разбѣянныхъ по всему свѣту и ничего не дѣлавшихъ на своей землѣ; они даже своей поземельной подати не присылали, не принимали никакого участія въ общественныхъ расходахъ, и все бремя отстаиванія границъ, веденія разворительныхъ процессовъ, хлопотъ о постройкахъ и проч. падало только на тѣхъ, которые жили на мѣстѣ. Нельзя было даже опредѣлить числа колонистовъ. Многіе собственники Песахъ Тиквы сдѣлали себѣ выгодную статью дохода изъ продажи первому встрѣчному мелкимъ мѣстѣ для постройки дома. Вслѣдствіе того, что въ бароновскихъ колоніяхъ новымъ лицамъ не позволяли селиться, а въ Гедерѣ не было земли для продажи и строить тогда еще нельзя было, единственное мѣсто, гдѣ еще можно было постороннему преклонить голову, была Песахъ-Тиква, и потому она стала убѣжищемъ, сборнымъ и сброднымъ пунктомъ всякой нищеты. Кто бы ни пожелалъ, могъ приобрести у какого-нибудь іерусалимскаго собственника нѣсколько сажень земли, сколотить шалашъ изъ десятка досокъ и рогожъ, и вотъ у него домъ въ колоніи; онъ — колонистъ, только земли не имѣетъ.

По этимъ причинамъ баронъ, который съ 1886 г. сталъ проявлять склонность къ помощи колоніи, выказывалъ въ первые годы такую нерѣшительность; администрація его не знала, какъ приняться за дѣло. На первыхъ порахъ, покончивъ съ вопросомъ о «четверти», администрація уплатила поземельную подать за бѣднѣйшихъ колонистовъ и приняла на себя всѣ общественные расходы по колоніи. Въ концѣ 1886 г. баронъ назначилъ въ Песахъ-Тикву своего администратора, который сталъ скупать участки улицъ, не находившихся въ колоніи. Администрація намѣревалась потомъ раздать эти участки малоземельнымъ колонистамъ, увеличить такимъ образомъ ихъ надѣлы и избавить въ то же время колонію отъ отсутствующихъ обственниковъ. Постепенно администрація успѣла выкупить около 40 участковъ. Колонисты отъ барона никакой помощи не получали и ихъ положеніе мало чѣмъ улучшилось.

Въ теченіе «шемиты» 1888—89 гг. только 4 колониста обрабатывали свою землю; всѣ же остальные колонисты не засѣвали своихъ полей. Нѣкоторые работали у администраціи или на сторонѣ; иные занимались перевозкой пассажировъ по іерусалимской дорогѣ, другіе принуждены были продать свой скотъ; немного денегъ колонисты получили изъ Іерусалима отъ «комитета шемиты», всѣ погрязли по шею въ долги и такимъ образомъ кое-какъ протянули «субботній годъ».

Въ 1889 г. баронъ, наконецъ, рѣшилъ заняться серьезно устройствомъ колоніи. Прежде всего былъ потребованъ списокъ колонистовъ, у которыхъ имѣется земля, съ указаніемъ, кто изъ нихъ нуждается въ помощи. Песахъ-тиковцы составили вѣдомость, по которой оказалось, что всего въ колоніи 35 колонистовъ и изъ нихъ 28 нуждающихся. Эти 28 семействъ баронъ принялъ подъ свое покровительство; при этомъ для устройства ихъ былъ выработанъ какой-то дикій планъ, состоявшій въ слѣдующемъ.

Всѣ 28 семействъ дѣлятся на двѣ группы по 14 сем.; одна занимается хлѣбопашествомъ, а другая работает на плантаціяхъ; при этомъ ежегодно роли мѣняются: хлѣбопашцы превращаются въ плантаторовъ, а послѣдніе — въ хлѣбопашцевъ. Для плантацій администрація отводитъ принадлежащую ей землю у рѣки Оджи; колонистамъ не назначаются отдѣльные участки, но плантаціи разводятся сообща всѣми плантаторами. Своихъ лошадей и землю плантаторы отдаютъ хлѣбопашцамъ. Послѣдніе получаютъ кормъ для лошадей, посѣвъ и все необходимое, съ тѣмъ чтобы они потомъ подѣлились урожаемъ съ плантаторами. Тѣ и другіе во время нужды получаютъ помощь въ размѣрѣ 10 франк. въ мѣсяцъ на душу. Когда плантація посѣютъ, онѣ будутъ раздѣлены между всѣми 28-ю колонистами, такъ что каждый будетъ имѣть и плантаціи, и пахатную землю.

Эта система, возникшая изъ стремленія администраціи по возможности ограничить свободу дѣйствій колониста и сосредоточить все въ собственныхъ рукахъ, обнаружила всю свою не состоятельность, лишь только она была примѣнена къ дѣлу. Къ тому же г. Блохъ, которому было поручено управленіе Песахъ Тиквой, согласно своему направленію, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы внушать въ видѣ поощренія колонистамъ, что имъ нечего надѣяться на что либо, что они не болѣе, какъ самые обыкновенные поденщики. Какъ и слѣдовало ожидать, плантаторы, не будучи увѣрены, что трудятся для

себя, работали нехотя, слабо, многіе часто сказывались больными. Работы подвигались до того вяло и по истеченіи почти цѣлаго года дали такіе ничтожные результаты, что даже бароновская администрація, привыкшая уже къ такимъ явленіямъ, была поставлена втупикъ. Но вмѣсто того, чтобы винить себя, она всю вину сваливала на колонистовъ; особенно озлобился противъ нихъ Блохъ, которому по преимуществу принадлежала честь созданія злополучной системы. И вотъ дѣломъ 1890 года, вслѣдствіе рапортовъ своей администраціи, баронъ приказалъ приостановить работы въ Песахъ Тиквѣ. Тогда Шайдъ съ Блохомъ собрали колонистовъ и объявили имъ, что такъ какъ они лѣнны и съ тѣхъ поръ, какъ имъ стали выдавать помощь, они перестали работать и половина изъ нихъ всегда сказывается больною, то баронъ не желаетъ больше помогать колоніи, а на будущее время принимаетъ на себя только общественные расходы.

Колонія была подвергнута опалѣ не только изъ за недовольства колонистами, но вслѣдствіе возникшей тогда ссоры между Блохомъ и однимъ сосѣднимъ шейхомъ, Абу Рабахомъ. Этотъ шейхъ въ послѣдніе годы играетъ такую важную роль въ судьбѣ Песахъ Тиквы, что на его личности слѣдуетъ остановиться подробнѣе. Шейхъ Абу Рабахъ происходитъ изъ очень вліятельной и священной фамиліи, изъ которой вышло не мало муфтіевъ и кади. Отецъ его былъ особенно извѣстенъ и считался великимъ святымъ. Про него ходитъ среди арабовъ много легендъ; между прочимъ говорятъ, что во время осады Плевны русскими онъ въ образѣ бѣлаго голубя леталъ надъ мусульманскими войсками и вездѣ приносилъ съ собою побѣду. Абу Рабахъ вполне унаслѣдовалъ святость отца. Находясь въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ дѣтъ 15 тому назадъ купилъ на берегу Оджи клочекъ земли въ $\frac{1}{2}$ десятины и поставилъ на рѣкѣ мельницу. Обладая недюжиннымъ умомъ и проницательностью, онъ въ короткое время приобрѣлъ сильное вліяніе въ окрестности. Вмѣстѣ съ солиднымъ и священнымъ образомъ жизни онъ завелъ у себя широкое гостепріимство. «Приди къ нему съ лошадыю и оставайся у него хоть 10 дней, — онъ очень радъ», съ уваженіемъ говорятъ арабы объ Абу Рабахѣ. Окрестные воры и другіе преступники часто прибѣгаютъ къ его покровительству и онъ скрываетъ ихъ, объявляетъ предъ властями, что ему очень легко, такъ какъ, благодаря своимъ обширнымъ связямъ, онъ въ яфѣскомъ сераѣ можетъ провести очень многое. И признательные преступники готовы за него

въ огонь и въ воду. Но если шейхъ Абу Рабахъ хочетъ погубить кого, то ему ничего не стоитъ выставить противъ своего недруга цѣлую армию ложныхъ свидѣтелей, возстановить противъ него серай, а то и вовсе расправиться съ нимъ посредствомъ яда или пули,— разумѣется, чрезъ кого нибудь изъ своихъ клеветовъ; послѣдняго рода подвиги Абу Рабахъ при томъ умѣетъ обставить такъ, что его слава какъ святаго отъ нихъ только увеличивается. Такъ, Абу Рабахъ заставилъ Песахъ Тивву уступить ему небольшой участокъ земли вовлѣ его мельницы и онъ себѣ тамъ выстроилъ домъ. Вотъ однажды пришелъ къ нему въ гости богатый и вліятельный шейхъ селенія Внэ-Брака, человекъ въ высшей степени солидный и благородный. Сидѣли, раскуривали наргиле, запивая кофе. Наступилъ полдень. Абу Рабахъ вдругъ подымается къ молитвѣ, его примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе и, исполнивъ обрядъ омовенія, цѣлымъ обществомъ стали молиться. Шейхъ Внэ-Брака перешелъ на противоположный берегъ рѣки и помолился отдѣльно. Когда потомъ Абу Рабахъ спросилъ его о причинѣ его поступка, шейхъ открыто отвѣтилъ, что грѣшно молиться Богу на ограбленной землѣ. «Аллахъ накажетъ тебя за эти дерзкія слова!—воскликнулъ взбѣшенный Абу Рабахъ. Знай же, не пройдетъ и года, какъ тебя уже не будетъ въ живыхъ!» Пророчество это сбылось, и въ томъ же году шейхъ Внэ-Брака внезапно умеръ, — какъ есть основаніе полагать, отъ отравленія.—При постройкѣ какого то дома люди Абу Рабаха копали глину на противоположномъ берегу рѣки. Арабъ, хозяинъ земли, воспротивился этому. Произошла ссора, и Абу Рабахъ благословилъ своего сосѣда тѣмъ же, чѣмъ и шейха Внэ Брака. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ арабъ былъ застрѣленъ какимъ то бедуиномъ. Подобныя чудеса и вообще ужасная смѣсь восточныхъ добродѣтелей и пороковъ сдѣлали Абу Рабаха душою всей окрестности; повсюду у него имѣются свои жрицы, ни одинъ споръ, ни одно важное дѣло не рѣшается безъ него. Часто онъ читаетъ проповѣдь въ яфѣской мечети. Его пламенные рѣчи такъ сильно дѣйствуютъ на умы арабовъ, что въ 1886 г. послѣ одной его рѣчи, полной фанатической ненависти къ европейцамъ, наэлектризованная чернь хлынула было на улицу для избіенія всѣхъ «насара» — христіанъ. Несчастіе было въ самомъ началѣ предупреждено энергичнымъ вмѣшательствомъ консуловъ и быстрыми мѣрами властей.

Сосѣдство такого человѣка не могло быть пріятно для Пе-

сахъ Тиквы. Довольно часто колонисты имѣли съ Абу Рабахомъ столкновѣнія, но они приняли болѣе острый характеръ, когда во главѣ администраціи сталъ Блохъ. Столкновѣніе съ могущественнымъ шейхомъ произошло въ началѣ 1890 года. Администрація, планируя свои плантаціи у рѣки Оджи, немного отодвинула дорогу къ мельницѣ Абу Рабаха; но арабы все таки продолжали ходить по прежнему направленію. Какъ то разъ, когда на полѣ находился землемѣръ, агрономъ и рабочіе евреи, какіе то арабы проѣхали по старой дорогѣ и ихъ согнали; изъ мельницы выбѣжало нѣсколько человѣкъ и стали драться, ихъ поколотили. Тогда «хатыбъ»¹ Абу Рабаха (шейха самого не было) выславъ всѣхъ своихъ людей, которые и стали бить евреевъ; случайно прибыли 3 члена администраціи, арабы побили и ихъ. «Теперь то свирѣпный Блохъ проучитъ чрезчуръ зазнавашагося шейха! думали всѣ. Шутка-ли, самое администрацію поколотили!» Къ всеобщему удивленію, хатыбъ Абу Рабаха первый возбудилъ дѣло противъ Блоха, обвиняя его въ томъ, что онъ лично со своими людьми совершилъ вооруженное нападеніе на мельницу; масса свидѣтелей арабовъ подъ присягой подтвердили, что они сами были очевидцами этого нападенія. Слѣдственная комиссія нашла въ стѣнахъ мельницы множество слѣдовъ отъ пуль. Такъ какъ мельница стоитъ на правомъ берегу Оджи, который принадлежитъ къ Наблускому округу, то дѣло разсматривалось въ Наблусѣ (Сихемѣ), и Блохъ былъ присужденъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію, а нѣкоторые колонисты—къ заключенію на меньшій срокъ. На разбирательство дѣла Блохъ не явился, приговоръ былъ заочный. Почему Блохъ не прибѣгнулъ къ энергическимъ мѣрамъ при помощи консула и на какомъ основаніи судебное разбирательство состоялось безъ обвиняемыхъ и безъ представителя отъ консульства,—является непонятнымъ. Какъ бы то ни было, положеніе было самое скверное и администрація не знала, какъ съ честью выпутаться изъ него. Эта ссора дала сильный толчекъ рѣшимости барона развязаться съ Песахъ Тиквой.

Перенеся свою злобу съ администраціи на всю колонию, Абу Рабахъ прискалъ новую лавейку, чтобы повредить евреямъ, и на сцену неожиданно появилась тѣнь давно уже отошедшей въ вѣчность «четверти». Дѣло въ томъ, что когда песахъ-тиковцы получили кучку крѣпости на «четверть» и эта земля

¹ „Хатыбъ“—писарь, секретарь.

фактически перешла къ нимъ, млебесцы оставили за собой ради святости могилъ такъ называемый «Джедръ», т. е. мѣсто гдѣ стояло селеніе. Послѣднее занимало около 3 десят., но арабы потомъ стали утверждать, что оно гораздо шире. И вотъ въ декабрѣ 1890 года, по наущенію Абу Рабаха, на помощь шести прежнимъ хозяевамъ Млебеса пришла громадная толпа арабовъ въ Іегудіи; они заняли около 100 десятинъ вокругъ «Джедра» и начали пахать. Беззащитные, покинутые всѣми колонисты Песахъ Тиввы, не имѣя средствъ для новаго раззорительнаго процесса и не будучи въ состояніи силою прогнать арабовъ, съ отчаянія бросались подъ плуги, ложились подъ ноги воловъ и своими тѣлами мѣшали пахать. Напрасно арабы пробовали бить ихъ своими набутами¹, колонисты оставались глухи къ ударамъ. По совѣту Абу Рабаха арабы пришли со своими плугами въ субботній день, но евреи появились съ раввиномъ во главѣ, молились на полѣ и тѣмъ же манеромъ не пускали пахать. Наконецъ въ дѣло вмѣшались еврейскія женщины; онѣ прибѣжали, стали бить арабовъ, бросать въ нихъ камнями, ломать ихъ плуги, подняли визгъ, плачь и все кричали, зачѣмъ молъ бьютъ ихъ мужей! Женщины побѣдили и арабы были прогнаны. Вслѣдъ за тѣмъ на арабовъ была подана жалоба, что они били колонистовъ и ихъ женъ, что они вспахали будто засѣянное ячменемъ поле и проч. Кончилась вся эта исторія мировой сдѣлкой. Млебесцы получили около 700 руб. и окончательно уступили колоніи свой «Джедръ», выдавши на него кушанъ.

За примиреніе Блоха съ Абу Рабахомъ взялся тогдашній папа іерусалимскій, Решидъ, вмѣшались и многія другія вліятельныя лица, и послѣ долгихъ хлопотъ и большихъ денежныхъ «подарковъ» Абу Рабахъ согласился замять дѣло и когда администрація въ 1891 году опять стала помогать Песахъ Тиввѣ, прежняя вражда смѣнилась своеобразной дружбой и взаимными сосѣдскими услугами. Абу Рабахъ обязался «охранять» колонію и за это онъ получаетъ ежегодно известную сумму. Часто онъ проситъ одолжить ему всяческія мелочи, повозку, сбрую, лѣсъ, орудія и забываетъ, конечно, отдавать. Администрація добровольно уступила ему около ея мельницы участокъ земли въ 200 дун. (17 дес.) и по его просьбѣ еще вспахала ему паровымъ плугомъ 5 дес. Вообще, этотъ чело-вѣкъ півзкой сосетъ изъ администраціи что только возможно.

¹ „Набутъ“—дубица, неразлучная спутница всякаго феллаха.

Онъ разбогатѣлъ насчетъ барона. Со своей стороны онъ не особенно церемонится съ администраціей. Когда, напримѣръ, для орошенія бароновскихъ плантацій провели помпу въ Оджу, онъ тотчасъ же прислалъ сказать, чтобы приняли ее, иначе онъ ее разломаетъ. Такъ и пришлось рыть колодезь. Часто онъ вмѣшивается во внутреннія дѣла колоніи, прося, вступая за кого либо или рекомендуя кого.

Нѣкоторыя услуги Абу Рабахъ оказываетъ администраціи въ сношеніяхъ ея съ яфѣскимъ сераемъ, причемъ онъ самъ за свои труды ничего не беретъ. При возникновеніи какихъ либо споровъ съ сосѣдями администрація также прибѣгаетъ къ его посредничеству. Такъ, напримѣръ, онъ недавно окончилъ давнишній пограничный споръ колоніи съ деревней Іегудіей. Послѣдняя лѣтъ 25 тому назадъ захватила у Млебеса около 500 десятинъ. Когда земля Млебеса перешла къ евреямъ, они завели съ іегудійцами процессъ о возвратѣ этой земли. Администрація повела это дѣло особенно энергично и легко могла его выиграть, такъ какъ по кушану граница еврейской земли обозначена далеко вглубь арабской. Но и выигравши процессъ, нелегко было бы отнять у феллаховъ цѣлыхъ 500 дес. земли, которую они уже $\frac{1}{4}$ вѣка засѣвають и привыкли считать своею собственностью. Абу Рабахъ устроилъ мировую, по которой арабы формально возвратили евреямъ 100 дес. При этомъ, конечно, равные шейхи Іегудіи получили не мало бакшишей. Тѣ или другія недоразумѣнія съ арабами случаются нерѣдко и когда надо давать бакшишъ, Абу Рабахъ указываетъ, кому и сколько надо дать. Разумѣется, всѣ берущіе, видя, что самая взятка и размѣры ея зависятъ всецѣло отъ Абу Рабаха, заискиваютъ въ немъ, благодарны ему. Деньгами барона Абу Рабахъ пріобрѣтаетъ себѣ друзей, вознаграждаетъ приверженцевъ своихъ и наказываетъ своихъ противниковъ. И растетъ вліяніе, сила и популярность шейха насчетъ барона. Нѣтъ сомнѣнія, что администрація и сама прекрасно могла бы справиться и съ яфѣскимъ сераемъ, и съ сосѣдями; вѣдь обходится же она во всѣхъ своихъ колоніяхъ безъ посторонней помощи. Неумѣстнымъ вмѣшательствомъ Абу Рабаха въ свои внутреннія дѣла колоніи обязана Блоху, который съ начала до конца велъ себя съ шейхомъ крайне безтактно. Съ Абу Рабахомъ надо было сразу стать въ дружескія отношенія, выказывать ему уваженіе и никоимъ образомъ не допускать до ссоры. А разъ такая случилась, то послѣ примиренія не слѣдовало вступать съ нимъ въ чрепуръ

близкія отношенія. Но будучи вообще безжалостенъ и деспотиченъ къ слабѣйшимъ, Блохъ моментально смирялся, дѣлался ниже травы, когда его кто-нибудь побѣждалъ, и тѣмъ самымъ давалъ своему бывшему противнику слишкомъ большую власть надъ собою. Такъ было съ раввинами послѣ борьбы изъ-за «шемиты», такъ было и съ Абу Рабахомъ.

Отказавшись въ 1890 году отъ Песахъ-Тиквы, баронъ, вѣроятно, допускалъ, что возникшее тогда въ Одессѣ Палестинское общество примется за устройство этой колоніи. Но юное общество не въ силахъ было поднять такое бремя. Въ слѣдующемъ 1891-мъ году великодушный баронъ сжалился надъ обѣдствующей колоніей и послѣ примиренія Блоха съ Абу Рабахомъ администрація опять стала дѣйствовать въ Песахъ-Тиквѣ. О земледѣліи администрація вовсе перестала заботиться и все свое вниманіе обратила на разведеніе виноградниковъ. Но теперь прежняя система была отмѣнена и принципъ подушной помощи былъ совершенно отвергнутъ. Администрація обязалась во всякое время давать каждому изъ покровительствуемыхъ ею 28 семействъ работу на плантаціяхъ, которыя для нихъ же разводятся, причемъ взрослые получаютъ по 2 фр. въ день, а малолѣтніе—по усмотрѣнію; никто не обязанъ непременно являться на работу, но за то онъ въ нерабочій день ничего и не получаетъ. Тотъ, кто постоянно работаетъ у администраціи, въ случаѣ болѣзни получаетъ половину своей рабочей платы, но больныхъ дней можно имѣть не болѣе 10 въ мѣсяць. Колонистамъ оставлена ихъ земля и они могутъ ее засѣвать, не получая на это никакой помощи. Домовъ администрація никому не строитъ, тѣмъ же изъ 28 сем., которыя не имѣютъ своихъ домовъ, она даетъ деньги на наемъ квартиры. Что касается тѣхъ колонистовъ, которые не принадлежать къ 28 сем., то администрація и ихъ обѣщала принимать на работу, но за пониженную плату и только тогда, когда она будетъ нуждаться въ рабочихъ. Но на дѣлѣ они получаютъ почти такую же плату, какъ и привилегированные, да и работу имъ дають всегда безъ отказа. Всѣ плантаціи администрація стала разводить на своей собственной землѣ. Особенно дѣятельно поведена была работа съ начала 1892 г. Ручное вскапываніе земли подъ плантаціи было замѣнено глубокой борозды въ 14 вершковъ глубины. Посредствомъ длинной цѣпи эти плуги приводятся въ движеніе локомотивомъ, или коннымъ приводомъ. Подготовивъ такимъ образомъ землю, администра-

ція зимою 1892—93 г. сразу засадила 100 дес. виноградника, а въ слѣдующую зиму еще около 30 дес. Кроме того, при рѣкѣ Оджѣ разведена тутовая плантація въ 25 дес. (10,000 деревьевъ). Остальную свою землю администрація ежегодно засѣваетъ,—не ради доходовъ, но для доставленія работы колонистамъ; это для администраціи тѣмъ выгоднѣе, что лошади, которыхъ она держитъ для плантацій, въ посѣвную пору стоятъ почти безъ дѣла.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ администрація стала производить чрезвычайно важныя для хлѣбопашества агрикультурныя опыты на специальномъ участіи земли, года три тому назадъ унавоженномъ и вспаханномъ паровымъ плугомъ на глубину 14 вершковъ. Лѣтомъ, т. е. за полгода приблизительно до производства посѣва, поле перепаживается. Небезъинтересно посмотреть результатъ послѣдняго года. Пшеницу посѣяли двухъ сортовъ: алжирскую и мѣстную: первая дала самъ-8, а вторая самъ-7, но по этимъ цифрамъ нельзя дѣлать никакихъ заключеній, такъ какъ всходы пшеницы сильно пострадали отъ полевыхъ мышей. Ячмень французскій далъ самъ-20. Посѣвъ арабскаго ячменя производился двоякимъ путемъ: часть засѣяли обыкновеннымъ способомъ, а на другомъ мѣстѣ чловѣкъ шелъ за плугомъ и сыпалъ зерно въ борозду посредствомъ лейки. Въ первомъ случаѣ уродилось самъ-27 $\frac{1}{2}$, а во второмъ самъ-43. Изъ другихъ растений, съ которыми производились опыты, стоитъ упомянуть о льнѣ. Послѣдній теперь въ Палестинѣ нигдѣ не встрѣчается, но въ древности, какъ видно изъ Св. Писанія, онъ здѣсь культивировался въ значительныхъ размѣрахъ. Не имѣя мѣста на опытномъ полѣ, администрація засѣяла немного льна на средняго качества неудобренной землѣ. Солома достигла $\frac{3}{4}$ арш. вышины, а зерна получилось самъ-25, урожай далеко не блестящій, но все таки не дурной, если принять во вниманіе, что здѣсь даже не знаютъ, когда по мѣстнымъ условіямъ слѣдуетъ производить посѣвъ льна.

Песахъ Тиква единственная колонія, гдѣ стали дѣлать опыты съ зерновыми растениями, да и то мимоходомъ, поверхностно и въ крайне ничтожныхъ размѣрахъ. Поглощенная вся изученіемъ древесныхъ плантацій, бароновская администрація совершенно игнорируетъ полевое хозяйство. А между тѣмъ изслѣдованія въ этой области оказали бы неоцѣнимыя услуги палестинскому хлѣбопашеству, которое подвергнуто опалѣ, но въ сущности отнюдь не заслуживаетъ меньшаго вни-

манія, чѣмъ древоводство. Вѣдь въ первые годы колонизаціи какъ хлѣбопашество, такъ и садоводство дали въ колоніяхъ одинаково дурные результаты. Однако администрація, насколько не обезкураженная первой неудачей, настойчиво принялась за всестороннее изученіе садоводства, которое и доведено теперь до высокой степени развитія. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы такое же серьезное вниманіе было обращено и на усовершенствованіе приѣмовъ хлѣбопашества, то и здѣсь достигли бы прекрасныхъ результатовъ. Но хлѣбопашество такъ и оставили въ черномъ тѣлѣ.

Администрація не только не поощряетъ полевого хозяйства, но косвеннымъ образомъ даже вредитъ ему. Такъ какъ она во всѣхъ своихъ колоніяхъ исключительно занимается различными отраслями садоводства, то ея примѣру слѣдуютъ и вновь устраивающіяся колоніи. Администрація не воспрещаетъ колонистамъ засѣвать свои поля, но не даетъ имъ для этого никакой помощи. Но самый чувствительный ударъ хлѣбопашеству нанесла система поденной работы, во всей своей типичности примѣненная къ Песахъ Тиквѣ. Здѣсь имѣется всего съ полдесятка семействъ, существующихъ независимо и занимающихся хлѣбопашествомъ. Вся колонія, можно сказать, работаетъ у барона: одни работаютъ на его поляхъ, другіе служатъ помѣсячно надсмотрщиками или писцами въ бюро, ремесленники работаютъ въ административныхъ мастерскихъ. Песахъ Тикву даже трудно назвать колоніей: это скорѣе имѣніе съ жилищами для рабочихъ и служащихъ, съ аптекой, школой и другими учрежденіями. Колонисты оставили свое хозяйство и окончательно превратились въ поденщиковъ, вслѣдствіе чего въ колоніи чувствуется недостатокъ личной предприимчивости, энергіи, жизни. Вотъ, на примѣръ, одинъ давнишній мой знакомый, уже пожилой колонистъ изъ первыхъ поселенцевъ Песахъ Тиквы, принадлежавшій еще къ іерусалимской плеядѣ. Помню, какъ, ухлопавъ всѣ свои денежки въ землю, онъ хотѣлъ было засѣять пшеницу, да лошади не было, впоследствии онъ раздобылъ лошадь, да посѣва уже не имѣлъ; и такъ онъ бился изъ года въ годъ, вѣчно озабоченный, суетливый. Теперь онъ весь преобразился. Вмѣсто длиннаго, благообразнаго сюртука—коротенькій бароновскій пиджакъ изъ синяго холста, передникъ, на головѣ какой то блинъ, въ зубахъ трубка, ступаетъ медленно, въ спокойствіи чинномъ. Да и чего ему торопиться на работу? Отъ прежняго

колониста только и остались длинныя «цицисъ»¹, выпущенныя изъ подъ пиджака и болтающіяся у его ногъ.

— Посѣвы совсѣмъ бросили?—спросилъ я его.

— Невыгодно! Никакой посѣвъ мнѣ не дастъ больше, чѣмъ я получаю у барона. Для чего же мнѣ держать скотъ, вести хозяйство, поле оберегать, взвалить на себя цѣлую обузу, когда я могу то же самое имѣть безъ хлопотъ, спокойно? Съ администраціей имѣть дѣло очень хорошо. Подросткамъ платятъ почти столько же, сколько взрослымъ. Каждый работаетъ какъ можетъ, никто его не погоняетъ. Кромѣ того работу намъ дають во всякое время, въ ясные дни и въ дождливые. Когда въ 6 час. прозвонитъ колоколь, я себѣ отправляюсь домой, рѣшительно ни о чемъ не заботаюсь, и я спокойно могу прочитать листъ изъ Талмуда или главу изъ Мишны.

Такъ разсуждаютъ почти всѣ колонисты.

— Никогда хлѣбопашество не дастъ круглымъ числомъ по 2 франка въ день, какъ намъ платить администрація!—говорятъ они.

Расчетъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ. У себя на полѣ кромѣ мужичивъ приносятъ пользу и женщины и дѣти. Теперь же дѣти всѣ въ школѣ, или такъ безъ дѣла околачиваются, женщины сидятъ дома, и изъ большинства семействъ на работу къ барону отправляется по одному всего человѣку. Въ мѣсяцѣ всего 25 рабочихъ дней и самый прилежный и здоровый мужчина можетъ заработать не болѣе 50 фр., т. е. около 20 руб. въ мѣсяцъ; если у него многочисленная семья и если онъ притомъ составляетъ единственную ея рабочую силу, то ему приходится испытывать крайнюю нужду, тѣмъ болѣе, что своего ничего нѣтъ и все приходится покупать. Подобныхъ семействъ съ однимъ рабочимъ очень много и всѣ они жалуются на свою судьбу, не видя впереди себя ничего отраднago.

— Но вѣдь не всегда такъ будетъ,—пробовалъ я возражать нѣкоторымъ недовольнымъ.—Всѣ плантаціи для васъ же разводятся.

— Это еще бабушка надвое сказала. Шейдъ, правда, нѣсколько разъ подтверждалъ, что впоследствии плантаціи распредѣлятся между колонистами, но еще чаще Блохъ заявлялъ намъ, что мы ничего не получимъ, что мы здѣсь простые

¹ „Цицисъ“—священныя нити, которыя евреи носятъ подъ верхней одеждой.

поденщики. Поди, знай, кому больше вѣрить. Мы бы ужъ рады были отказаться отъ этой надежды получить надѣлъ въ бароновскихъ плантаціяхъ, лишь бы теперь намъ сносно жилось.

Непрактичность системы временнаго превращенія колонистовъ въ поденщиковъ и разведенія общихъ плантацій съ послѣдующимъ распредѣленіемъ ихъ между колонистами очевидна для всякаго, такъ какъ эта система исключаетъ такой могущественный двигатель, какъ соревнованіе отдѣльныхъ лицъ. Ришонъ - Леціонъ блестяще доказалъ, что колонистамъ можно смѣло вѣрить заботы объ ихъ собственномъ благѣ. Да и въ самой Песахъ Тиквѣ тѣ колонисты, которые не принадлежатъ къ привилегированнымъ «двадцати восьми», со слабыми средствами успѣли развести себѣ небольшія плантаціи, ни въ чемъ не уступающія бароновскимъ. Но и съ системой рабочихъ можно было бы помириться, если бы Блохъ не издѣвался надъ самыми законными чувствами колонистовъ, если бы онъ не лишалъ ихъ послѣднихъ упованій и не сулилъ имъ вѣчнаго рабства, не догадываясь, что подобными дѣйствіями онъ бросаетъ тѣнь на свѣтлый обликъ барона. Колонисты пали духомъ, ходятъ какъ въ воду опущенные, но какое дѣло до этого Блоху? Господа Блохи вообще не сентиментальны, имъ нѣтъ дѣла до такихъ нѣжностей; притомъ они не нуждаются въ энергіи колонистовъ, полагаясь во всемъ на свою силу. Но чрезмѣрно падать духомъ все таки не слѣдуетъ. Разные гг. Блохи временны и они въ концѣ концовъ безсильны предъ чистыми, безкорыстными стремленіями великодушнаго барона, неустанно заботящагося о благѣ колонистовъ и колонизаціи.

Предъ тѣмъ какъ уѣхать изъ Песахъ Тиквы, я полюбопытствовалъ увидѣть Іегудъ. Я направился къ юго-востоку и чрезъ 50 мин. достигъ колодца, вырытаго на песчанномъ холмѣ, подъ которымъ, среди сыпучихъ, голыхъ песковъ, я увидѣлъ безталанный поселокъ, долженствовавшій когда-то спасти Песахъ-Тикву отъ ея будто губительнаго климата. Какая глубокая, мертвая тишина! Печально стоитъ десятокъ хорошихъ каменныхъ домовъ, которые хозяйева когда то съ такой надеждой и любовью строили. Иные изъ нихъ отъ недостатка надзора уже поддались, кое гдѣ треснули, крыши на нихъ ввали и ежеминутно грозятъ несчастіемъ. Другіе дома сохранились хорошо и стоятъ все такъ же стройно. Я зашелъ въ хедеръ; мелемедь растянулся на скамьѣ и спалъ сладкимъ сномъ; нѣсколько мальчугановъ беззаботно шалили и

вдругъ смолкли при моемъ появленіи, вытаращивъ на меня недоумѣвающіе глаза. Гдѣ то раздавалось гнѣіе гнѣтуконъ, но сколько я ни напрягалъ зрѣнія, я ни одной птицы на улицѣ не видалъ. Предъ однимъ домомъ стоялъ теленокъ и такъ удивился мнѣ, что даже позабылъ броситься въ сторону. Единственное, что напоминаетъ здѣсь о движеніи, это поставленный надъ колодцемъ вѣтряной двигатель, колесо котораго, безостановочно, съ легкимъ свистомъ кружащееся высоко въ воздухѣ, смахиваетъ на какую то фантастическую хищную птицу. Ихъ всѣхъ домохозяевъ Іегуда здѣсь живетъ всего одинъ. Всѣ дома заняты 15 семействами рабочихъ изъ Песахъ-Тиквы. Прежде они жили въ Песахъ-Тиквѣ, но желая очистить колонію отъ постороннихъ, администрація въ прошломъ году заставила ихъ переселиться въ Іегудъ, гдѣ они платятъ отъ 25 до 70 руб. въ годъ за наемъ дома. Рабочіе эти получаютъ у администраціи по 65 коп. въ день и вслѣдствіе значительнаго разстоянія Іегуда отъ колоніи они пользуются привилегіей приходить утромъ на работу позже и вечеромъ уходить раньше на $\frac{1}{2}$ часа. Они были бы однако довольны своею судьбою, еслибы какъ Дамокловъ мечъ надъ ними не висѣло опасеніе совершенно лишиться источника для существованія, такъ какъ администрація въ видахъ экономіи уже собиралась отказать имъ въ работѣ, но затѣмъ отложила свое намѣреніе до полученія инструкцій изъ Парижа. Если рабочіимъ откажутъ, то Іегудъ тогда совершенно опустѣетъ. Столь же старый, какъ самъ поселокъ, вопросъ, —будетъ ли когда нибудь прокъ изъ Іегуда, какъ имъ воспользоваться, чтобы не пропало понапрасну столько капиталовъ, вложенныхъ въ него, —едва ли будетъ когда удовлетворительно рѣшенъ. Полагали прежде, что баронъ откупитъ Іегудъ, но на что онъ ему? Во всемъ Іегудѣ я засталъ одного только мужчину, —вышеупомянутого меламеда; онъ же и рѣшникъ, и получаетъ жалованье отъ барона. Женщины, —единственныя дневныя обитательницы Іегуда, —группами сидѣли съ работой у домовъ, въ тѣни. Я ихъ спросилъ, не боятся ли онѣ оставаться однѣ, не обижаютъ ли ихъ арабы?

— Кого намъ бояться? Насъ никто не пугаетъ. Было бы только что ѣсть!

Мнѣ эти бѣдные люди были очень рады и не знали, какъ получше принять, такъ какъ изъ всѣхъ туристовъ почти никто не сворачиваетъ сюда взглянуть на этотъ печальный памятникъ одного изъ промаховъ колонизаціи.

ГЛАВА XXII.

Балагула Зеликъ и отъѣздъ изъ Песахъ-Тиквы. Расъ-эль-Эйнъ. Саронская равнина. Джальджилие. „Все возвращается, откуда взято“. Калькилие. Хабби Симонъ. Новѣйшій ханъ. Какунъ. Безъ дороги. Зеликъ выказываетъ себя настоящимъ балагулой. Хедера, основаніе ея. Волога, отсутствующія общества. Ханъ хедерскій. Неблагопріятныя условія. Споры съ сосѣдями. Покровительство бароновской администраціи.

Подводы изъ Яффы въ Хедеру обыкновенно проѣзжаютъ мимо Песахъ-Тиквы, но онѣ случаются не совсѣмъ часто, иногда приходится ждать недѣли двѣ и три; поэтому я очень обрадовался, тогда услышалъ, что балагула Зеликъ только что прибылъ изъ Яффы и отправляется дальше въ Хедеру. Зеликъ былъ мнѣ знакомъ, съ нимъ мнѣ случалось уже ѣздить. Это интересный балагула. На пассажировъ онъ смотритъ какъ на своихъ подданныхъ, надъ которыми онъ облеченъ деспотической властью. Сколько человекъ къ нему бы ни пришло, никому отказа нѣтъ, для всякаго есть мѣсто и каждому онъ говоритъ, что беретъ только четырехъ пассажировъ. Жалобы своихъ несчастныхъ сѣдковъ, которымъ потомъ приходится тѣсно какъ сельдямъ въ бочкѣ, онъ выслушиваетъ съ философской невозмутимостью, словно онѣ до него совсѣмъ не относятся. «А мнѣ развѣ лучше сидѣть,—скажетъ онъ только иногда,—устраивайтесь какъ знаете». И у него еще лошади не запряжены, онъ самъ еще цѣтъ или вакусываетъ въ харчевнѣ, а пассажиры уже толпятся вокругъ повозки, стараясь захватить сносное мѣстечко, и потомъ, чтобы не лишиться своей позиціи, иногда по цѣлымъ часамъ неподвижно сидятъ въ ожиданіи Зелика. И когда онъ, наконецъ, появляется съ лошадьми и начинаетъ флегматично запрягать, всѣ устремляютъ на него глаза, чтобы разгадать, пьянъ ли онъ. Это обстоятельство далеко не безразлично: если онъ хватилъ лишняго,—а это, что грѣха таить, чаще всего съ нимъ случается,—тогда необходимо держаться возможно скромнѣе, тише, чтобы не подвергнуться цѣлому потоку грубостей. Но и это непріятное состояніе Зелика имѣетъ въ глазахъ пассажировъ свою хорошую сторону: онъ тогда не жалѣетъ лошадей, и его невзрачную тройку, желая ли убѣжать отъ безпрестанныхъ ударовъ кнута, или отъ страшныхъ ругательствъ своего хозяина, мчится впередъ изо всей мочи.

«А, дохлыя,—кричитъ тогда Зеликъ,—теперь вы куражитесь, а тамъ пристанете!» И въ счетъ будущаго на бѣдныхъ

лошадокъ сыплется новый градъ ударовъ. Зеликъ замѣчательно точенъ: ранѣ назначеннаго срока онъ никогда не выѣзжаетъ. Мы должны были выѣхать ночью, со восходомъ луны, и къ разсвѣту Зеликъ былъ у моего крыльца. Впрочемъ, я былъ радъ этому обстоятельству: я успѣлъ выспаться, чаю напиться, да и ѣвдить я предпочитаю засвѣтло, когда все видно. Взглянувъ на подводу, я сталъ втупикъ: она была биткомъ набита всякими вещами; на самомъ высокомъ мѣстѣ, на узлѣ насѣдкой сидѣла одна френкина¹, бережно держа что то въ рукахъ; около нея ютилась сморщенная старуха съ дѣтьми, далѣе—нѣсколько заспанныхъ мужчинъ. Но Зеликъ проявилъ ко мнѣ несвойственную еще благосклонность, разчистилъ мѣсто на передкѣ, обнажилъ какую то доску, и я съ грѣхомъ пополамъ помѣстился, поджавъ подъ себя ноги и спиной поддерживая какіе то узлы.

— Ну, всѣ тамъ?—крикнулъ Зеликъ.

— Подождите! подождите!—послышался голосъ, и мы увидѣли бѣгущую къ намъ молодую женщину.

— Охъ, умаялась! А гдѣ же я сяду?

Она полѣзла чуть ли не на меня.

— Куда вы прете!—строго заворчалъ Зеликъ:—Самаринская² женщина чтобы сидѣла около мужчинъ! Тамъ, позади сядьте!

— Весь свѣтъ понабралъ!—не унималась молодая женщина. Сказалъ, что всего 4 пассажира, а тутъ семь... восемь...

— Развѣ можно еврейскія души считать!—прервалъ ее Зеликъ.—Садитесь скорѣе, некогда мнѣ ждать!

Молодая женщина кивномъ втѣсалась среди другихъ, послышался визгъ френкини, затѣялся споръ.

— Ну, готовы?—равнодушно окликнулъ Зеликъ.—Держитесь! Ды!

Кнутъ взвился, повозка тронулась, всѣ невольно ухватились другъ за друга и мы поѣхали по Зихронъ-Яковской дорогѣ.

Вскорѣ мы потеряли колонію изъ виду и предъ нами открылась необозримая ширь Саронской равнины, упиравшейся далеко на востокъ въ гранитную гряду Сихемскихъ горъ. Легкій утренній царъ вздымался отъ полей, разливаясь по оврагамъ и окутывая блѣдною пеленою отдаленныя деревни. Въ застывшемъ воздухѣ не слышно было никакого шороха. Природа еще не проснулась, она еще только протираала глаза и разми-

¹ Френки, или сефарды,—испанскіе евреи, говорятъ на испанскомъ жаргонѣ.

² Самаринъ—прежнее названіе колоніи Зихронъ Якова.

нала свои члены послѣ ночного сна; но чувствовалось, что вотъ вотъ она стряхнетъ съ себя оцѣпенѣніе, встрепенется, заговорить. Надъ вершинами Сихемскими пышнымъ вѣтромъ раскрывались золотые лучи восходящаго солнца. Цвѣты весело протягивали свои изящіе, смоченные росой лепестки къ дневному свѣтилу, какъ бы прося согрѣть ихъ. Все сливалось въ одну радостную улыбку.

Величавое спокойствіе природы благотворно подѣйствовало на нашихъ пассажировъ; они примирились со своими неудобствами, притихли. Я также пересталъ обращать вниманіе на то, что кто то уперся мнѣ колѣномъ въ спину, а другой — локтемъ въ бокъ. Только наша френкиня все была недовольна и беспрестанно брюзжала. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа мы подѣхали къ глубокому вади. На днѣ его стояла вода, а берега были почти отвѣсны и такъ изрыты послѣ недавнихъ дождей, что мы всѣ сочли за лучшее перейти вади пѣшкомъ. Только френкиня не соглашалась сойти съ повозки; думала ли она, что безъ воли Господа ни одинъ волосъ съ ея головы не спадетъ, или, что вѣрнѣе, она вовсе не разсуждала, но, не внимая никакимъ увѣщаніямъ, она сидѣла на своемъ мѣстѣ какъ вкопанная. Лошади тронулись, повозка устремила въ низъ, на бѣду наѣхала на бугоръ, опрокинулась, и френкиня со всей поклажей полетѣла въ воду. Единодушный крикъ испуга вырвался изъ груди всѣхъ пассажировъ; мы бросились къ бѣдной френкинѣ на помощь. Къ счастью, глупая женщина попала подъ мягкіе узлы и отдѣлалась только легкимъ ушибомъ; но на этомъ основаніи она уже потомъ еще болѣе пищала и не давала намъ покоя веку дорогу.

Еще черезъ $\frac{1}{4}$ часа мы поровнялись съ древнимъ замкомъ, построеннымъ на искусственномъ холмѣ, вокругъ котораго замѣтны еще слѣды глубокаго рва. Замокъ довольно хорошо сохранился; многочисленныя помѣщенія внутри его теперь служатъ убѣжищами для пастуховъ и ихъ стадъ. У подножія замка, съ запада, изъ-подъ одного камня вытекаетъ источникъ: это начало рѣки Оджи. Съ юго-запада къ замку примыкаетъ болото, а съ сѣвера и востока почва вся усыяна камнями, свидѣтельствующими, что здѣсь былъ когда-то городъ. Арабы называютъ это мѣсто Расъ-эль-Эйнъ (начало источника, т. е. истокъ Оджи). Историческихъ свѣдѣній объ этомъ замкѣ не имѣется. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ построенъ крестоносцами, но большинство мнѣній сводится къ тому, что здѣсь стоялъ городъ Антипатрисъ, основанный Иро-

домъ въ память отца своего, Антипатра. «Въ память своего отца,—говоритъ Иосифъ Флавій ¹, — Иродъ основалъ въ прекраснѣйшей равнинѣ своей страны, въ мѣстности, орошенной рѣчками и покрытой деревьями, городъ, который онъ назвалъ Антипатросъ».

Но вмѣстѣ съ покрывавшими ее цвѣтущими городами давно исчезла и краса когда-то прекраснѣйшей равнины всей страны. И теперь она богата источниками, ее орошаютъ болѣе полдюжины рѣчекъ, круглый годъ не высыхающихъ; вездѣ, на близкомъ разстояніи отъ поверхности земли, легко найти воду; но вслѣдствіе отсутствія канализаціи и общаго запустѣнія страны, эти многочисленные источники и рѣчки заросли, заглохли, образовали болота — и не огороды и сады орошаютъ они теперь, но дѣлаютъ негодными для обработки большія пространства земли, служатъ очагомъ злокачественныхъ лихорадокъ, изнуряющихъ населеніе, и обильнымъ пастбищемъ для стадъ буйволовъ, которые, съ наслажденіемъ пощипавъ зеленыхъ, сочныхъ зарослей, любятъ погружаться на отдыхъ въ прохладный болотный илъ. Почва Саронской равнины, за исключеніемъ узкой приморской ея полосы, и теперь весьма плодородна, но изъ года въ годъ въ теченіе многихъ столѣтій истощаемая, лишенная удобренія и сколько-нибудь разумной обработки, она давно уже не приноситъ прежнихъ обильныхъ урожаевъ; исчезли когда-то покрывавшія ее деревья, и теперь лишь изрѣдка можно на ней встрѣтить около какого-нибудь селенія нѣсколько тощихъ фиговъ и оливъ.

Отъ Расъ-эль-Эйна дорога пошла прямо на сѣверъ и чрезъ 1½ часа мы пріѣхали въ Джальджилие, гдѣ остановились напоить лошадей. Неглубокой колодезь былъ покрытъ каменнымъ сводомъ съ отверстиями для черпанія воды. На этомъ сводѣ сидѣли арабки и стирали бѣлье, а грязная вода обратно стекала въ колодезь. Эту возмутительную неряшливость я замѣчала здѣсь во всѣхъ деревняхъ. Повсюду женщины стираютъ бѣлье надъ самымъ колодеземъ, дѣняясь хоть немного отступить въ сторону, чтобы имъ не пришлось носить воду на какіе-нибудь нѣсколько шаговъ.

— Таково ужъ свѣтъ устроенъ,— замѣтилъ по этому поводу Зеликъ,—все должно возвратиться туда, откуда взято.

Но эта философія не могла уже меня заставить утолить свою жажду изъ грязнаго колодца. Около послѣдняго стоитъ

¹ Иуд. война. I. 29. 9.

прекрасно еще сохранившійся ханъ ¹ и рядомъ съ нимъ зданіе, которое принимаютъ за старинную мечеть. Совершенно свѣжій видъ имѣетъ еще большой залъ съ красивымъ куполомъ съ 12 оконцами; въ стѣнахъ ниши съ мраморными колонками. Сопровождаемые неистовымъ хоромъ сбѣжавшихся ребятишекъ, во все горло оравшихъ: «хадидо! хадидо!» — мы оставили Джальджилие. Почва отъ самаго Расъ-эль-Эйна въ высшей степени плодородная, лучшая во всей окрестности; пшеница повсюду замѣчательная. Черезъ 1/2 часа мы увидѣли слѣва деревню Кэфръ-Сабу, гдѣ одинъ еврей почти уже купилъ около 750 десятинъ, — и еще черезъ 1/4 часа мы проѣхали Калькилие. За этой деревней черезъ 5 мин. мы поровнялись съ обыкновенною гробницей арабскаго святого: небольшой четырехугольный домикъ съ куполомъ, обведенный оградой. Арабы говорятъ, что здѣсь покоится прахъ небби ² Симона, одного изъ сыновей патріарха Якова. Между нашими пассажирами пошли разсужденія о томъ, заслуживаетъ-ли вѣры это указаніе арабовъ. «Самаритянка» наша, какъ ее прозвалъ Зеликъ, сразу рѣшила вопросъ.

— Во первыхъ, — глубокомысленно замѣтила она, — изъ исторіи извѣстно, что въ то время люди были громаднаго роста, — какъ же могъ Шимонъ помѣститься на такомъ маленькомъ пространствѣ?

Послѣ Калькилие мы черезъ 2 1/2 часа прибыли въ деревню Калансаву, гдѣ остановились для отдыха у колодца въ ханѣ. Читатель навѣрное представляетъ себѣ массивныя старинныя стѣны, сложенныя изъ громадныхъ камней, мощные своды, высокія арки, остатки древней рѣзвы надъ воротами, — ничуть не бывало: ханъ, гдѣ мы остановились. — уже новѣйшей арабской постройки и представляетъ собою простой навѣсъ, покрытый сухими вѣтвями и поддерживаемый четырьмя кривыми подпорками. Хозяинъ, арабъ, приглашаетъ путниковъ отдохнуть въ тѣни его шатра, предлагаетъ для освѣженія разныя овощи, арбузы, огурцы, зеленый лукъ, — смотря по

¹ Ханъ — постоянный дворъ, гостинница; кромѣ того ханы служатъ часто складочнымъ мѣстомъ для товаровъ и прибѣгающіе изъ разныхъ мѣстъ купцы нерѣдко устраиваютъ здѣсь базары. Ханы въ малонаселенныхъ пунктахъ, особенно въ прежнее время, имѣли величайшее торговое значеніе; для огражденія отъ нападений разбойничьихъ бедуинскихъ племенъ ханы всегда строились прочно, на подобіе небольшихъ крѣпостей.

² Небби — пророкъ. Мусульмане почитаютъ всѣхъ еврейскихъ и нѣкоторыхъ христіанскихъ святыхъ и считаютъ ихъ за своихъ, мусульманскихъ пророковъ.

сезону, а для утоленія жажды своего гостя черпаетъ воду изъ колодца желѣзнымъ ведромъ, изъ котораго одинаково пьютъ и люди, и лошади; онъ также готовъ купить въ деревнѣ что нужно, зарабатываетъ такимъ образомъ нѣсколько ашарцій¹ въ день и доволенъ. Утомленные ѣздой, мы однако съ удовольствіемъ расположились въ этомъ незатѣйливомъ ханѣ и съ аппетитомъ позавтракали. Арабъ, догадываясь, что на этотъ разъ ему щедрѣе заплатятъ, раздобылъ откуда то маленькую жестянку съ ручкой, выдернулъ изъ потолка пару сучьевъ, разложилъ огонь и чрезъ нѣсколько минутъ подаль намъ по фінджану² кофе, хотя и горькаго, но очень вкуснаго.

Часа въ 2 пополудни мы двинулись въ путь. Дорогу то и дѣло пересѣкали неглубокія ваді; френкина наша при каждомъ толчкѣ пищала и все призывала на помощь нэбби Меръ-баль-Несъ³, не думая, однако, сходить съ повозки.

— Что это здѣсь столько ваді! — удивлялась «самаритянка».

— По этимъ-то каналамъ, вѣроятно, когда-то и текли здѣсь молоко съ медомъ! — усмѣхнулся Зеликъ.

Лошади наши стали бѣжать съ подозрительной быстротою, и разстояніе отъ Калансавы до Какуна мы проѣхали всего въ 1 часъ, — на $\frac{1}{4}$ часа скорѣе обыкновеннаго. Чрезъ нѣсколько времени послѣ Какуна мы оставили большую дорогу, ведущую въ Зихронъ Яковъ, и взяли лѣвѣе, къ сѣверо-западу — на Хедеру. Характеръ почвы сталъ измѣняться къ худшему; гладкая плодородная равнина уступила мѣсто песчанымъ холмамъ. Отъ Какуна до Хедеры всего 2 часа ѣзды. Мы рассчитывали пріѣхать въ колонію еще засвѣтло, но вышло не такъ, какъ мы ожидали. Вслѣдствіе того, что въ Хедеру подводы идутъ довольно рѣдко, дорога, по которой мы ѣхали, была мало изѣзжена; постепенно становилась она все уже, превратилась въ тропинку, которая также дѣлалась все незамѣтнѣе, развѣтвлялась, исчезала и вновь появлялась; въ концѣ концовъ мы очутились безъ дороги. Тутъ то мы замѣтили, что нашъ балагула, все время часто прикладывавшійся къ бутылкѣ, былъ мертвецки пьянъ. Онъ гналъ лошадей наудалую, — по кочкамъ, канавамъ и, наконецъ, со всего разбѣга врѣзался

¹ Ашарційя — мелкая монета двухкопѣчнаго достоинства.

² Фінджанъ — крошечная фарфоровая чашечка, изъ которой на востокѣ пьютъ кофе; она содержитъ около столовой ложки.

³ Гробница его находится въ Тиверіадѣ.

въ какое-то болото. Напрасно хлесталъ онъ лошадей: бѣдныя животныя напрягали всѣ свои силы, чтобы вытащить возъ, но сами по животы вязли въ тину и падали. Пришлось выгружать всѣ вещи и почти разобрать повозку. Исторія эта заняла около двухъ часовъ. Между тѣмъ стемнѣло совершенно. Высвободившись изъ болота, Зеликъ пошелъ колесить безъ всякаго толка; ясно было, что не только онъ дороги не знаетъ, но потерялъ уже и приблизительное направленіе. Вглянувшись на компасъ, я спохватился, что мы ѣдемъ уже не въ Хедеру, а въ противоположную сторону. Я это энергично замѣтилъ Зелику и потребовалъ, чтобы онъ остановился.

— Ну чтожь!—проворчалъ онъ пьянымъ голосомъ.—Мы заблудились. Знаете что,—прибавилъ онъ громче,—вы подождите здѣсь нѣсколько минутъ, а я пойщу дорогу, или какуюнибудь колею.

И онъ, шатаясь, удалился и исчезъ во мракѣ, а мы остались одни въ открытомъ полѣ. Но прошло полчаса, часъ,—а Зелика нѣтъ. Страхъ овладѣлъ всѣми.

— Дѣти! мы пропали!—вскричала самаритянка.—Насъ здѣсь ограбятъ, убьютъ!

— Вотъ бѣжить арабъ съ ружьемъ!—воскликнула старуха.

Дѣти начали плакать. Одинъ старикъ сталъ говорить «видуй»¹. Только френкиня молчала, не издавая ни звука: не ея это дѣло, она заплатила и ее должны доставить по назначенію. На повозкѣ находился одинъ молодой человекъ; я ему предложилъ пойти поискать Зелика, но женщины вѣпились въ насъ и кричали, что не отпускать, что онѣ не останутся однѣ. Мнѣ пришлось пойти самому, причемъ женщины заклинали меня, чтобы я не кричалъ, не звалъ Зелика громко, иначе услышатъ арабы. Около получаса провелъ я въ напрасныхъ поискахъ, боясь въ то же время слишкомъ удалиться отъ повозки, чтобы не потерять ее. «Да развѣ теперь отыщешь этого пьяницу!—рѣшилъ я.—Постараемся лучше какънибудь прѣхать въ Хедеру». Я вышелъ на ближайшій холмъ и сталъ пристально смотрѣть на сѣверо-западъ, гдѣ приблизительно должна была находиться Хедера. Мнѣ удалось замѣтить какой-то огонекъ. Это могла быть Хедера или другое жилье, или костеръ пастуха,—во всякомъ случаѣ тамъ люди, и я рѣшилъ поѣхать по направленію огонька. Спускаясь съ холма, я въ долину услышалъ какой-то храпъ. Я приблизился,—мой Зе-

¹ Предсмертная исповѣдь у евреевъ.

ликъ лежалъ въ канавѣ и спалъ богатырскимъ сномъ! Я его растолкалъ и велѣлъ слѣдовать за собою, такъ какъ я нашелъ дорогу. Зеликъ какъ-то присмирѣлъ и безпрекословно повиновался. Съ повозки огонька не видно было, но я зналъ уже какого направленія держаться. Мы ѣхали по прямой линіи, по холмамъ, вспаханнымъ полямъ, чрезъ канавы; вмѣсто одного огонька мы уже видѣли ихъ нѣсколько и, наконецъ, явственно различили ханъ хедерскій. Тутъ Зеликъ вновь взялъ бразды правленія въ свои руки, стегнулъ измученныхъ лошадей и лихо вѣхалъ въ открытыя ворота хана.

Всѣ двери пораскрылись и насъ окружили почти всѣ обитатели хана, любопытствуя, кто пріѣхалъ, привезли ли почту и проч. Я услышалъ, что проносятъ мою фамилію. Оказалась, что и здѣсь у меня нашлись старые знакомые. Меня повели въ одинъ деревянный домикъ, стоявшій особнякомъ, шагахъ въ двухстахъ отъ хана, и принадлежавшій одному изъ наиболѣе зажиточныхъ хозяевъ Хедеры. Я засталъ тамъ нѣсколько старѣйшихъ колонистовъ. Запла рѣчь о текущихъ дѣлахъ колоніи, — обычная пѣсенька, каждый куплетъ которой заканчивается припѣвомъ: «Но денегъ гдѣ достать?»

«Слышно, что уже ѣдутъ хаялы за взысканіемъ повинностей. Деньги немалыя. Хедерѣ приходится платить поземельныхъ, подушныхъ и дорожныхъ налоговъ 1700 руб. въ годъ. Въ прошломъ году хаялы арестовали посѣвы и продали урожай за безцѣнокъ, лишь бы выручить то, что слѣдуетъ казнѣ. Какъ бы эта бѣда и теперь не повторилась!»

Но.... гдѣ же деньги взять?

«Пришло достовѣрное извѣстіе, что теперь можно получить скоро разрѣшеніе на постройки, требуется только тысячи полторы рублей».

О, еслибы были деньги!

«Вслѣдствіе спора съ сосѣдней деревней о границахъ, на дняхъ прибудетъ коммиссія, пойдутъ, конечно, расходы»...

А денегъ—нѣтъ какъ нѣтъ!

Хедера смахиваетъ на торговца, истратившаго весь свой капиталъ на помѣщеніе лавки и не оставившаго ни гроша на покупку товара. Широко она раскинулась, есть у ней мѣста удобныя подъ всякую культуру: и подъ хлѣбные посѣвы, и подъ виноградники, и подъ бояры, — да нечѣмъ все это сдѣлать.

Хедера—плодъ колонизаціонной горячки 1890—91 годовъ. Три колоніи были тогда основаны: Реховоть, Хедера и Мишмаръ-Гаярдонъ. Одна только первая повела свои дѣла удачно,

всякомъ случаѣ не заплатить за нее ни гроша, пока бохота не будутъ предварительно осушены! Далѣе, $\frac{2}{7}$ Хедеры купили единичныя личности, находившіяся уже на мѣстѣ, а $\frac{1}{7}$ — делегаты отъ трехъ кружковъ. Въдъ Гедера, и въ особенности Песахъ Таква, дали уже поучительный примѣръ, что отсутствующіе члены для колоніи то же, что камень на шею пловца. По еврейскому закону нельзя запрягать вмѣстѣ разнородныхъ животныхъ; этотъ принципъ слѣдовало бы помнить при колонизаціи и не основывать колоній изъ наличныхъ и отсутствующихъ членовъ. Желаетъ какое либо общество приобрести землю,—пусть оно устраивается отдѣльно и дѣйствуетъ на свой страхъ: продержится оно,—прекрасно; если же рухнетъ, то пусть по крайней мѣрѣ не придушитъ частныхъ лицъ. Но про хедерскія общества никто, конечно, не сомнѣвался, что они будутъ процвѣтать, что засадятъ они много виноградниковъ, настроятъ массу домовъ. Вообще, основатели Хедеры слишкомъ самонадѣянно смотрѣли на ея будущее. Прежде всего—размѣры колоніи; въ то время какъ всѣ существующія колоніи имѣютъ по 3—7, а самыя большія до 14 тысячъ дунамовъ, Хедера одна заключаетъ въ себѣ цѣлыхъ 30 тысячъ. Чего только нельзя сдѣлать на такомъ пространствѣ! Нѣкоторые мечтали устроить въ Хедерѣ агрономическій институтъ, въ которомъ подготовлялись бы кадры для будущихъ колоній. Съ запада Хедера примыкаетъ къ Средиземному морю, которое образуетъ въ хедерскомъ берегу маленькую бухточку; современемъ можно будетъ эту бухточку расширить нѣсколько, углубить и имѣть такимъ образомъ собственный портъ. Что касается небольшого парохода, ежедневно совершающаго рейсы между Хедерой и Яффой, то это считалось дѣломъ ближайшаго будущаго. Подобныя невинныя мечтанія имѣли мѣсто во всѣхъ колоніяхъ, но вездѣ они приносили нѣкоторую пользу, озаряя жизнь колонистовъ и поддерживая въ нихъ энергію, а въ Хедерѣ они только мѣшали дѣлу.

Немедленно послѣ покупки земли приступили къ работамъ. Делегаты трехъ хедерскихъ обществъ на первыхъ порахъ получили по немного денегъ и занялись виноградниками. Гораздо энергичнѣе повели работы частные хозяева. Съ покупкой Хедеры Ханкинъ выхлопоталъ и разрѣшеніе постройки, на основаніи котораго и сталъ строить дома на одномъ холмѣ, на самомъ берегу моря. На это правительство взглянуло подозрительно и, находя этотъ пунктъ «имѣющимъ стратегическое значеніе», не только воспретило постройки, но уничтожило и са-

мое разрѣшеніе. Такимъ образомъ Хедера осталась безъ домовъ по сей день. Вскорѣ яфѳскій комитетъ Одесскаго Палестинскаго общества былъ упраздненъ и представитель его вернулся въ Россію, оставивъ хедерскія дѣла въ самомъ плачевномъ безпорядкѣ. Бассы еще не были осушены, земля не раздѣлена между колонистами, купція крѣпости еще не вручены имъ. Такъ какъ большинство хедерцевъ уплатило деньги за свою землю въ комитетъ, который уже имѣлъ дѣло съ Ханкинымъ, то по отъѣздѣ представителя комитета, Ханкинъ заявилъ, что тотъ не уплатилъ ему еще всѣхъ денегъ за землю, требовалъ, чтобы хедерцы доплатили ему еще довольно значительную сумму, и не хотѣлъ выдать колонистамъ кушановъ. И пошли нескончаемыя распри между хедерцами и Ханкинымъ. Было даже время, когда Ханкинъ при помощи хайловъ собирался согнать колонистовъ съ земли, которая еще официально принадлежала ему. Кто виноватъ въ этомъ спорѣ, — судить трудно, да оно и не важно. Распрей этихъ не было бы, еслибы покупка земли была совершена толково. Раздоры съ Ханкинымъ значительно затормозили развитіе колоніи. Хедерскія общества, и безъ того близкія къ распаденію, совершенно перестали присылать деньги своимъ управляющимъ, рѣшивъ приостановить работы до полученія кушановъ.

Болѣе трехъ лѣтъ прошло со времени основанія Хедеры и она до сихъ поръ представляетъ собою только полотно для картины, но самая картина еще не написана, и лишь кое гдѣ проведено нѣсколько поверхностныхъ штриховъ. Почти вся колонія заключается въ ханѣ, который былъ купленъ вмѣстѣ съ землею и былъ выстроенъ прежнимъ владѣльцемъ для рабочихъ, для помѣщенія скота и всякаго имущества. Это большое прямоугольное каменное зданіе, построенное вокругъ обширнаго квадратнаго двора, который снабженъ двумя воротами, запирающимися на ночь. Все зданіе раздѣлено на комнаты, не сообщающіяся между собою, но имѣющія каждая свою дверь во дворъ. Ханъ содержитъ 24 большія комнаты и еще много маленькихъ. Хедерцы счастливы, что имѣютъ хоть этотъ ханъ, иначе имъ бы вовсе негдѣ было пріютиться. Нѣкоторымъ лицамъ удалось, несмотря на бдительный надзоръ властей, поставить себѣ домишки изъ досокъ и выштукатурить ихъ изнутри. Такихъ домовъ есть всего 4—5 и разбросаны они на значительномъ разстояніи, такъ что одинъ отъ другого отстоятъ шаговъ на 200—500. Эта несообразность, затрудняющая охрану колоніи, произошла по той при

чинѣ, что каждый хотѣлъ поставить домъ на принадлежащемъ ему мѣстѣ, и всѣ думали, что скоро вся колонія обстроится. Въ Хедерѣ насчитывается 150—200 хозяевъ, но почти всѣ они, состоя членами трехъ обществъ, отсутствуютъ, и на мѣстѣ, кромѣ нѣсколькихъ постороннихъ семействъ, живетъ всего около 20 семей колон., составляющихъ 85 душъ. И эти семейства устроились бы довольно сносно, еслибы имъ не приходилось все время страдать за ошибки тѣхъ, которые руководили покупкой Хедеры. Главнѣйшимъ зломъ являются эти отсутствующія общества. Въ первые 2 года они еще кое-что дѣлали въ колоніи, но потомъ пришли въ упадокъ и перестали высылать деньги своимъ управляющимъ. Послѣдніе, все-таки надѣясь на получение денегъ и заботясь о томъ, чтобы не запустить посаженные уже виноградники и чтобы какъ нибудь поддержать хозяйство, занимали деньги на мѣстѣ за большіе проценты, выдавая векселя за свою личную подписью. Этотъ поступокъ со стороны делегатовъ былъ благороденъ, но въ высшей степени непрактиченъ. Делегаты не имѣютъ отъ своихъ обществъ никакихъ формальныхъ бумагъ ни на веденіе хозяйства, ни на выдачу денежныхъ обязательствъ. Тогда все такъ велось въ Хедерѣ, халатно, на вѣру. Такимъ образомъ долги трехъ обществъ вмѣстѣ съ наросшими процентами достигаютъ теперь 40 тыс. франк. Общества не имѣютъ чѣмъ платить и даже еще не признаютъ сдѣланныхъ ихъ делегатами расходовъ. Кредиторы, мѣстные жители, люди небогатые, рискуютъ потерять свои деньги, такъ какъ они только могутъ взыскивать съ делегатовъ, а съ нихъ нечего взять. Пока все еще надѣются, что общества уплатятъ свои долги, въ противномъ случаѣ делегаты принуждены будутъ, на основаніи разныхъ частныхъ писемъ и неформальныхъ документовъ, предъявить иски къ членамъ своихъ обществъ, живущихъ въ Россіи, и тогда Хедера можетъ дожить до крупнѣйшимъ скандаловъ. Но есть основаніе полагать, что общества до этого не допустятъ. Помимо собственныхъ ихъ неурядицъ, эти распадающіяся общества составляютъ положительное несчастье для всей колоніи. Такъ какъ всѣ владѣльцы Хедеры считаются турецкими подданными, то правительство требуетъ за всѣхъ подушный налогъ, который вмѣстѣ съ земельной и другими повинностями составляетъ 1.700 руб. въ годъ. Любопытно, что на основаніи выданнаго когда то разрѣшенія на постройки, правительство теперь ежегодно взыскиваетъ налогъ съ несуществующихъ домовъ, хотя разрѣшеніе имъ же давно уничто-

жено. Конечно, хедерцы могли бы доказать неправильность взиманія этого налога, но они полагаютъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ при дальнѣйшихъ хлопотахъ о разрѣшеніи. Въ дѣлѣ уплаты правительственныхъ налоговъ круговой поруки между членами общинъ въ Турціи не существуетъ и каждый обязанъ платить только за себя, иначе взыскиваютъ съ его имущества. Но такъ какъ хедерцы официально между собою земли не раздѣлили и въ глазахъ закона владѣютъ ею сообща, то каждая недомка считается на всю землю, и хедерцамъ волей-неволей приходится отвѣчать другъ за друга. Не уплатилъ одинъ изъ нихъ подати, — хаялы могутъ придти на виноградникъ другого, или на поле третьяго и арестовать доходы. Такимъ образомъ 20 семействъ, живущихъ въ Хедерѣ и владѣющихъ всего $\frac{1}{4}$ всей земли, должны вносить налоги не только за себя, но и за хозяевъ остальныхъ $\frac{3}{4}$ земли, живущихъ въ Россіи. Въ распоряженіи хедерцевъ всего одинъ источникъ дохода, — съ земли. Въ прошломъ году они отдали свою землю кочующимъ здѣсь бедуинамъ, которые обязались дать хедерцамъ $\frac{1}{6}$ урожая. Пятая часть урожая со всей хедерской земли могла бы составить сумму довольно солидную, которая позволила бы колонистамъ легче покрыть всѣ общественные расходы. Но бедуины сняли свой урожай и разбѣжались, а лишь немногіе изъ нихъ внесли условленную часть. Благодаря отсутствію большинства хозяевъ, незначительная горсть хедерцевъ не въ силахъ ничего сдѣлать, гдѣ требуются какіе нибудь расходы. До сихъ поръ колонія стоитъ безъ домовъ и до послѣдняго времени почти не сдѣлано было никакихъ попытокъ для полученія разрѣшенія, на что требуется нѣсколько тысячъ франковъ. А нѣтъ домовъ, то, разумѣется, нельзя держать скота, птицы, огорода завести, не гдѣ имущества держать, словомъ — нельзя быть колонистомъ. Только на дняхъ одинъ колонистъ при помощи Одесскаго Палестинскаго общества купилъ 20 коровъ и пока кое какъ помѣщаетъ ихъ позади хана, гдѣ онѣ очень мало гарантированы отъ покражи.

Какъ и всякая новая колонія, Хедера не сжилась еще съ сосѣдями и временами случаются небольшія стычки. Такъ, напримѣръ, недавно одинъ колонистъ вышелъ на бассу, находящуюся на границѣ съ деревней Дзеть, косить сѣно. Его встрѣтили два араба и стали бить за то, что онъ будто бы косилъ на ихъ землѣ, дзетской. Къ колонисту на помощь подошло нѣсколько товарищей и они поколотили арабовъ; но

прибѣжали другіе арабы и въ свою очередь побили евреевъ. Разумѣется, и арабы, и евреи потомъ подали жалобы, причѣмъ евреи указали, что столкновение произошло на ихъ землѣ и что арабы первые на нихъ напали. Пока что,—вовникъ процессъ, требующій денегъ. Во всякой колоніи также биваютъ въ первое время споры съ сосѣдами относительно границъ. Арабы обыкновенно дѣлають попытки урвать клочки на границахъ, для чего прискиваются разнымъ придирки. Арабы при этомъ ничѣмъ не рискуютъ: удастся—хорошо, а нѣтъ—такъ они ничего не теряютъ. Но колонистамъ подобныя притязанія и возникающіе изъ нихъ процессы всегда стоятъ порядочныхъ денегъ. И такіе споры продолжаются обыкновенно до тѣхъ поръ, пока колонія не окрѣпнетъ и не докажетъ, что она можетъ постоять за себя. При покупкѣ Хедеры границы были обведены канавами и подтверждены формально и властями и сосѣдами. Это, однако, не избавило колонію отъ хлопотъ. Хедера принадлежитъ къ Хайфской каймакаміи ¹, но къ юго-востоку отъ колоніи начинается уже Телль-Керемская каймакамія. И вотъ каймакамъ Телль-Керема, желая получить бакшишъ, затѣялъ споръ противъ границъ Хедеры, находя, что ея граница съ деревней Дзетомъ, принадлежащимъ къ Телль-Керему, невѣрна и что колонія захватила у Дзета лишней земли десятинъ 50—100. Прибыли для разслѣдованія двѣ комиссіи: изъ Телль-Керема и Хайфы. Первая, конечно, нашла претензію своего каймакама вполне правильною, а вторая, не будучи «заинтересована» оспаривать заключеніе первой, дала неопредѣленный отзывъ. Получивъ рапорты обѣихъ комиссій вали ² бейрутскій предписалъ теллькеремскому каймакаму отобрать у Хедеры въ пользу Дзета 50 десятинъ, предоставивъ евреямъ въ случаѣ недовольства этимъ рѣшеніемъ привести свои доводы. На этомъ основаніи каймакамъ Телль-Керема приказалъ Дзетскимъ феллахамъ немедленно выйти съ плугами и пахать еврейскую землю. Сами шейхи Дзета были этимъ недовольны, такъ какъ они прежде сами же формально признали границы, но, по ихъ словамъ, каймакамъ грозилъ оштрафовать каждаго, кто не пойдетъ пахать. И вотъ въ январѣ текущаго года на еврейскую землю пришли арабы съ сотней плуговъ и стали вспахивать границу,

¹ „Каймакамія“ — соответствуетъ нашему уѣзду, „пашалыкъ“ — губернія, „вайлайтъ“ — округу.

² „Вали“ — начальникъ округа,

гдѣ между прочимъ были и виноградники. Впрочемъ, арабы пахали только для вида и ни одного куста винограднаго не повредили. На слѣдующій день хедерцы пригласили своего мудира ¹ изъ Кесаріи, который и составилъ протоколъ, такъ какъ телль-керемскій каймакамъ не имѣлъ права отбирать у Хедеры землю безъ присутствія хайфскихъ властей.

Подобныя случайности, впрочемъ, не Богъ вѣсть какъ страшны, и мало-мальски организованная колонія легко съ ними справляется. Но Хедера, подобно дереву съ тонкимъ, чахлымъ стволомъ, беззащитна противъ малѣйшей непогоды. Нѣтъ въ Хедерѣ твердой руки, которая управляла бы общественными дѣлами; она не представляетъ собою общественнаго организма, но каждый заботится только о себѣ. Да иначе и быть не можетъ. Горсть колонистовъ не въ силахъ справиться съ массою хлопотъ за себя и за отсутствующихъ. Еслибы всѣ владѣльцы Хедеры были на мѣстѣ, то для нихъ не только ничего бы не значили разныя мелкія стычки съ сосѣдями и неважные споры о границахъ, но они, навѣрное, и разрѣшеніе на дома имѣли бы, и пожалуй, даже бассы злополучныя въ состояніи бы были осушить, такъ какъ все это сводится къ деньгамъ, а въ Хедерѣ раскладка даже по одному франку съ дунама земли даетъ уже 80 тыс. франковъ.

Несмотря на всѣ тяжелыя условія ихъ жизни, хедерскіе колонисты проявляютъ очень много мужества и дѣятельности. За 3 года существованія колоніи они успѣли засадить 225 тыс. виноградныхъ лозъ (ок. 80 десят.) и они развели бы еще гораздо болѣе, если бы не общая во всѣхъ колоніяхъ временная пріостановка дальнѣйшаго разведенія виноградниковъ. Посажено также въ послѣднюю зиму болѣе 40 тыс. миндальныхъ деревьевъ (ок. 100 дес.), но за немногими исключеніями, миндаля неудаченъ, такъ какъ миндальнымъ плантаціямъ удѣляютъ мало вниманія и уходъ за ними здѣсь ведется очень небрежно. Посѣвы дѣлаются въ очень ничтожныхъ размѣрахъ, потому что единичнымъ личностямъ трудно было бы устеречь свои поля, окруженныя арабскими посѣвами.

Раскаживая по полямъ хедерскимъ, я отчасти понялъ увлеченіе тѣхъ, которые ихъ покупали. Дѣйствительно, чего тутъ только нѣтъ! Около полугода имѣются прекрасныя пастбища, а у бассъ—почти круглый годъ. Кто только не дѣнится ко-

¹ „Мудиръ“—проставъ. Хедера относится къ Кесарійскому стану, Хайфскаго уѣзда, Аккскаго губерніи, Бейрутскаго округа.

силь, запасается сѣномъ на весь годъ, а нѣкоторые колонисты продали въ этомъ году въ сосѣднюю колонію Зихронъ-Яковъ на 500 руб. сѣна. Для разведенія бояръ хедерская почва какъ нельзя болѣе благоприятна. При подходящемъ климатѣ и почвенныхъ условіяхъ, бояры тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ дешевле обходится ихъ орошеніе; а Хедера въ смыслѣ орошенія не оставляетъ желать ничего лучшаго. Также для хлѣбопашества здѣсь есть отличныя мѣста. У рѣчки Наръ-эль-Ахдаръ, протекающей у сѣверной границы Хедеры, мнѣ попала такая великолѣпная пшеница, какой я никогда еще не видалъ. Особенно замѣчательны мѣстные арбузы, которымъ, пожалуй, Хедера обязана своимъ именемъ (арбузъ по арабски—Хадръ). Въ то время, какъ вездѣ въ Палестинѣ арбузамъ отводятъ тощія песчаныя мѣста, здѣсь арабы сажаютъ ихъ на хорошей почвѣ, часто 2—3 года подрядъ. Арабы предпочитаютъ даже садить арбузы тамъ, гдѣ могла бы уродиться наилучшая пшеница. Арбузы здѣсь чуть-ли не выгоднѣе виноградника: съ десятины арбузовъ здѣсь часто выручаютъ 150 и даже 200 руб.! Да, велика и обильна хедерская земля, да княжить въ ней некому.

Въ послѣднее время великодушный баронъ, тронутый бѣдственнымъ положеніемъ Хедеры, предложилъ г. Бенъ-Шимолу, администратору Зихронъ Якова, принять на себя заступничество за Хедеру предъ властями и вообще оказывать ей моральную поддержку. Зихронъ-Яковъ, какъ и Хедера, принадлежитъ къ Хайфской каймакаміи, и г. Бенъ-Шимоль, какъ представитель барона, пользуется у тамошнихъ властей широкимъ вліяніемъ. Теперь г. Бенъ-Шимоль, не только по порученію барона, но и по своему личному желанію, старается помогать Хедерѣ, чѣмъ только онъ въ состояніи. Я упомянулъ выше, что въ прошломъ году бедуины, арендовавшіе у хедерцевъ землю, снявъ урожай, не отдали колонистамъ условленной части. Въ текущемъ году за это дѣло взялся г. Бенъ-Шимоль. Онъ сдаетъ бедуинамъ землю отъ своего имени и заключаетъ съ ними формальные контракты на гербовой бумагѣ. Въ распоряженіи г. Бенъ-Шимолы достаточно хаяловъ, и нѣтъ сомнѣній, что на этотъ разъ бедуины уплатятъ до послѣдней копѣйки. Бенъ-Шимоль также принялся за вышеупомянутые процессы съ тель-керемскимъ каймакомомъ и съ двзетскими феллахами, и онъ, конечно, приведетъ ихъ къ желаемому результату. Г. Бенъ-Шимоль общается также во что

бы то ни стало добиться, чтобы позволили строить дома. А г. Шайдъ при недавнемъ объездѣ колоній, на приглашеніе хедерцевъ посѣтить и ихъ колонію, отвѣтилъ, что въ Хедеру онъ пріѣдетъ только съ разрѣшеніемъ на постройки въ рукахъ, каковое онъ надѣется выхлопотать въ Константинополѣ. Вообще, администрація бароновская принимаетъ теперь близко къ сердцу все, что касается Хедеры, и Бенъ-Шимоль взялъ даже на себя трудъ высшаго наблюденія за внутренними общественными дѣлами колоніи. Къ сожалѣнію, Бенъ-Шимоль стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ недостаткомъ денегъ. Поручивъ ему оказывать моральное покровительство Хедерѣ, баронъ не ассигновалъ для этого никакихъ средствъ, и расходы производятся изъ скудной суммы, назначенной Одесскимъ Палестинскимъ обществомъ на общественныя надобности Хедерѣ, а также на счетъ арендной платы за землю, которая получится отъ бедуиновъ. Покровительство бароновской администраціи значительно улучшило положеніе колоніи, которая перестала себя чувствовать такой беззащитной, какъ прежде. Несомнѣнно, всесильная администрація добьется для Хедеры разрѣшенія на постройку домовъ. Но отъ другихъ своихъ крупныхъ золъ, каковы отсутствіе большинства владѣльцевъ земли и обширныя, распространяющія лихорадки болота, — отъ этихъ золъ Хедера избавится еще не скоро.

Однако, во время моего пребыванія въ Хедерѣ на меня успокоительно дѣйствовало, хотя и изумляло нѣсколько, то обстоятельство, что сами хедерцы довольно оптимистически смотрятъ на свое положеніе и горой стоятъ за свою колонію. И какъ бы наперекоръ всѣмъ стихіямъ, можно часто услышать доносящіяся изъ какой-нибудь каморки хана слова гордаго хедерскаго гимна:

In Chederah möcht'ich leben
 In Chederah lustig sein,
 Vo die Berge tragen Reben
 Und die Reben goldnen Vein.

Е. ХИСИГЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Критическій методъ въ изслѣдованіи библейской исторіи ¹.

Профессора Ав. Кузена.

I.

Comme quoi Napoléon n'a jamais existé! Таково заглавіе одной остроумной, удачно иллюстрированной книжки, которая лѣтъ 30—40 тому назадъ вѣроятно доставила нѣсколько веселыхъ минутъ многимъ читателямъ. Наполеонъ—это солнце, а исторія его шагъ за шагомъ заимствована изъ греческихъ представлений о богѣ солнца, его судьбахъ и дѣлахъ. Уже одно имя его—«истинный Аполлонъ»—подтверждаетъ это. Но кромѣ того, развѣ онъ не родился на одномъ изъ острововъ Средиземнаго моря? развѣ мать его не зовется Летиціей, — имя очевидно произведенное отъ Лето, Летона? развѣ не видимъ у него трехъ сестеръ (три граціи), четырехъ братьевъ (четыре времени года), двѣнадцати маршаловъ на дѣйствительной службѣ (двѣнадцать знаковъ Зодіака)? Чтобы не перечислять дальше—развѣ онъ не начинаетъ своего славнаго поприща на Востокѣ, чтобы затѣмъ пасть на одномъ изъ острововъ Западнаго моря? Стало быть Наполеонъ не болѣе какъ мнѣя, и дѣйствительно 1814 годъ, послѣдній годъ его мнимаго двѣнадцатилѣтняго царствованія, считается въ официальныхъ источникахъ девятнадцатымъ годомъ правленія Людовика XVIII...

Я думаю, что какъ у насъ, такъ и за границей есть еще много серьезныхъ людей, которые видятъ въ этомъ способѣ доказательствъ больше чѣмъ удачную шутку. По ихъ мнѣнію,

¹ Эта статья извѣстнаго голландскаго ученаго появилась впервые въ Англійскомъ журналѣ The Modern Review, а затѣмъ въ нѣмецкомъ переводѣ съ голландскаго оригинала напечатана въ сборникѣ: Gesammelte Abhandlungen zur Biblischen Wissenschaft v. Dr. Abraham Kuenen. Freiburg u. Leipzig 189.

здѣсь изображены съ натуры, если не всё критики вообще, то главнымъ образомъ критики Библии. Нѣкоторыя положенія послѣднихъ по своей нелѣпости ничуть будто-бы не уступаютъ мнѣческому изложенію исторіи Наполеона.

Это нелестное мнѣніе о современной библейской критикѣ не ограничивается тѣмъ кругомъ лицъ, которые по своимъ занятіямъ не имѣютъ никакого отношенія къ научнымъ историческимъ изслѣдованіямъ. Мы встрѣчаемся съ нимъ и у докторовъ богословія, иногда оно прямо высказывается, иногда молча предполагается. Стоитъ лишь обратить вниманіе на то, какъ они оспариваютъ предложенія критиковъ! Они отдѣлываются отъ нихъ самыми общими и презрительными фразами, помощью аргументовъ, которые такъ поверхностны, что спрашиваешь себя, какъ это въ самомъ дѣлѣ противники упустили ихъ изъ виду. И дѣйствительно, не лишено извѣстнаго интереса разслѣдовать, что за взгляды о библейской критикѣ составляютъ себѣ тѣ, которые знакомы съ ней лишь по возраженіямъ апологетовъ. Безпочвенный скептицизмъ и необузданный произволъ несомнѣнно были бы главными чертами.

Пользоваться такой славой конечно не особенно пріятно библейскимъ критикамъ. Между ними есть и было много усердныхъ работниковъ, много свѣтлыхъ головъ, людей, которые достойны той высокой оцѣнки, какая обыкновенно удѣляется дѣятелямъ точныхъ наукъ, которые, стало быть, имѣютъ право жаловаться на то, что ихъ ставятъ на ряду съ изобрѣтателями пустыхъ и фантастическихъ выдумокъ. Но какъ бы ни было печально такое мнѣніе, причины его легко найти. Самая важная изъ нихъ заключается въ тѣсной связи между результатами критическихъ изслѣдованій и распространенными религиозными убѣжденіями. Послѣднія—такъ обыкновенно думаютъ, а этого ужъ достаточно—стоятъ въ самой тѣсной зависимости отъ установленныхъ воззрѣній на исторію Израиля, происхожденіе и первое развитіе библейской литературы. Поэтому всякое уклоненіе отъ нихъ получаетъ тотчасъ въ глазахъ многихъ отпечатокъ святотатства и невѣрія, а съ этого момента—да какъ-же иначе?—всякій безпристрасный взглядъ становится невозможнымъ. Пока этотъ образъ мышленія существуетъ, правильная оцѣнка работъ библейскихъ критиковъ недостижи-

ма. Все таки въ данную минуту я оставляю безъ разсмотрѣнія эти догматическія заявленія, и позволю себѣ обращаться не къ тѣмъ, которые претендуютъ противъ критиковъ во имя вѣры, но къ тѣмъ, которые, не оспаривая законности ихъ разсужденій, всетаки считаютъ ихъ выводы произвольными и нелѣпыми. Эту точку зрѣнія можно также легко объяснить себѣ: она основывается на характерѣ достигнутыхъ результатовъ. Далекіе отъ непосредственной очевидности, они на первый взглядъ конечно нѣсколько странны. Вѣдь Библия у всѣхъ подъ рукой, а критикъ пользуется той-же книгой, что и его слушатели. Онъ не утверждаетъ, что обладаетъ другими, сторонними, источниками, недоступными толпѣ, или что онъ въ своей Библии читаетъ что нибудь иначе, чѣмъ простой смертный. Если онъ мѣстами и исправляетъ обычный переводъ, то это исключеніе, а не правило. И всетаки онъ осмѣливается набросать совсѣмъ другую картину религіознаго развитія Израиля, не похожую на то, что каждый находитъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, начертать такой образъ древняго христіанства, какого и самый проникательный глазъ не можетъ открыть въ Новомъ Завѣтѣ! Что это такое какъ не воображеніе или страсть къ новизнѣ?

Критику, знающему, какое впечатлѣніе его работы производятъ на большинство, и дорожающему тѣмъ не менѣе своимъ мнѣніемъ, задача предстать вполне опредѣленная. Онъ могъ бы сослаться на то положеніе, что онъ поступаетъ точно также, какъ сотоварищи его въ области такъ называемой свѣтской исторіи.

Но, хотя послѣдніе охотно подтверждаютъ такое положеніе, этимъ ничего не докажешь до тѣхъ поръ, пока историческая критика вообще есть terra incognita для большинства. Кромѣ того критика Библии, правда, есть отдѣлъ общаго цѣлаго, но отдѣлъ во многихъ отношеніяхъ своеобразный, который, подчиняясь общимъ законамъ, требуетъ по многимъ причинамъ особаго примѣненія ихъ. Поэтому на людяхъ, занимающихся библейской критикой, лежитъ обязанность *изложить свой методъ*.

«Изложить свой методъ!» Не предпочтительнѣе ли показать его примѣненіе? Въ пользу этого можно многое сказать. Оно яснѣе и занимательнѣе изложенія общихъ правилъ, всегда бо-

тѣе или менѣе отвлеченныхъ. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ полезнымъ изложить сначала основные законы, а затѣмъ разъяснить ихъ на одномъ или нѣсколькихъ примѣрахъ.—Хорошо, но затѣмъ, послѣ описанія критическаго, метода должно всетаки слѣдовать доказательство его права существованія? О нѣтъ, въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Методъ долженъ дѣйствовать самъ своей простотой. Можно скорѣе опасаться, что останется впечатлѣніе, будто онъ слишкомъ простъ, даже баналенъ. Но иначе невозможно. Критикъ не алхимикъ, и не долженъ быть алхимикомъ. Всякій проблескъ таинственности совершенно не уместенъ въ критической системѣ. Можетъ быть, Огюсть Контъ и не правъ, утверждая, что вся философія не что иное, какъ систематизированный здравый смыслъ; но тотъ отдѣлъ философіи, который называется критикой, былъ бы «уже осужденъ», еслибы вздумалъ претендовать на чтонибудь большее.

II.

«Методъ», какъ видно изъ самого слова, предполагаетъ впереди какуюнибудь *цѣль*. Методомъ называется вѣрный, или по крайней мѣрѣ хорошій способъ дойти куданибудь, къ намѣченной заранѣе точкѣ. Какую же цѣль намѣчаетъ себѣ критика?

Если мы описательно опредѣлимъ эту цѣль какъ «познаніе дѣйствительности» или вѣрнѣе *дѣйствительнаго*, болѣе или менѣе удаленнаго *прошлаго*, то мы можемъ не опасаться серьезныхъ возраженій. Но содержаніе этого опредѣленія еще не вполне ясно. Потому придадимъ ему другую форму: критика даетъ намъ, или должна давать, исторію, *истинную исторію*. Критикъ есть помощникъ исторіографа; онъ доставляетъ матеріалы, изъ которыхъ послѣдній возводитъ свою постройку. Обыкновенно критикъ и историкъ соединены въ одномъ лицѣ, но отъ этого дѣло не мѣняется. Первый постоянно остается слугой послѣдняго; хотя его работа неразрывна и какъ бы переплетена съ исторіографіей, она все таки подчинена и логически предшествуетъ ей.

Что же такое «Исторія»? То, что въ наши дни носить эту кличку, должно удовлетворять опредѣленнымъ условіямъ, которыхъ никто не можетъ безнаказанно нарушать, хотя они нигдѣ не

записаны. Лѣтопись, голое перечисленіе фактовъ, какъ бы точно и полно она ни велась, еще далеко не составляетъ исторіи; въ качествѣ вспомогательнаго средства она правда необходима, но дальнѣйшихъ притязаній имѣть не можетъ. Не удовлетворяетъ уже нынче никого и такое изображеніе прошлаго, въ которомъ дѣйствующими лицами выступаютъ правящіе цари, ихъ придворные и полководцы. «L'histoire bataille» отжила свой вѣкъ. По взгляду нашего времени, народъ есть дѣйствующій и страдательный субъектъ исторіи; этотъ взглядъ конечно оставляетъ мѣсто царямъ и войнамъ, но именно столько мѣста, сколько имъ слѣдуетъ въ связи со всѣмъ остальнымъ. Но сдѣлаемъ еще шагъ дальше. Исторія только тогда удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ ей въ наше время, если она воспроизводитъ *жизнь*, или въ видѣ описанія жизни отдѣльнаго индивида, или, какъ обыкновенно бываетъ, въ видѣ изложенія жизни цѣлаго народа. Къ этой жизни относятся, правда, и происшествія, крупныя или мелкія, наполнявшія и часто опредѣлявшія ея направленіе; точно также и матеріальныя условія и ихъ внезапныя или медленно происходившія пермѣны, отъ которыхъ она въ своемъ теченіи вполнѣ или отчасти зависитъ. Но жизнь состоитъ не только изъ этихъ внѣшностей. Жизнь есть прежде всего *духовная* жизнь и дѣятельность; уразумѣть и вѣрно изобразить послѣднюю—вотъ въ чемъ главная задача историка. Настоящая біографія должна показать духовное развитіе своего героя и вліяніе его на другихъ людей; истинная исторія, достойная этого имени, должна всегда быть исторіей культуры, или еще правильнѣе, исторіей образованія—слово, которое исключаетъ всякое внѣшнее пониманіе и даетъ чувствовать, что дѣло идетъ объ идеяхъ, ихъ происхожденіи и развитіи, ихъ социальномъ распространеніи и вліяніи, которое онѣ оказываютъ на жизнь.

Однако мнѣ не слѣдуетъ забывать, что я пишу не объ исторіи, но о критикѣ. Пусть этотъ бѣглый взглядъ на высокую цѣль, которую критика преслѣдуетъ, послужитъ ей въ качествѣ *carpatio benevolentiae*...

Вернемся теперь къ нашему предмету и попытаемся отдать себѣ отчетъ во взаимныхъ отношеніяхъ между исторіей и дѣйствительностью. Связь между ними до того тѣсна, что мы не-

рѣдко пользуемся однимъ и тѣмъ-же словомъ для обоихъ понятій. Исторіей мы съ одной стороны, въ объективномъ смыслѣ, называемъ все то, что происходило, съ другой стороны обозначаемъ этимъ именемъ описаніе происшествій въ той или другой формѣ. Несмотря на такую одноименность между дѣйствительностью и исторіей, которую мы употребляемъ здѣсь (и впредь) въ субъективномъ смыслѣ слова, есть очень существенная разница.

Дѣйствительность прежде всего такъ безконечно сложна и богата, что о болѣе или менѣе совершенномъ воспроизведеніи ея не можетъ быть и рѣчи. Изъ всѣхъ явленій, совершающихся внутри маленькаго круга, доступнаго мнѣ, я воспринимаю лишь незначительную долю, между тѣмъ какъ большая часть проходитъ для меня совершенно незамѣтно. На сколько-же дѣло осложняется если вмѣсто маленькаго круга выступаетъ большой, напр. народъ, къ которому я принадлежу. Затѣмъ, исторія, о которой мы говоримъ, принадлежитъ конечно прошлому; а вмѣстѣ съ тѣмъ моментомъ, когда фактъ перестаетъ быть настоящимъ, неизбежно и безвозвратно теряется значительная доля этого факта.

Всетаки съ подобной потерей можно въ извѣстной степени мириться, потому что—и въ этомъ второе отличіе—не все, присутствующее въ данное время дѣйствительности, заслуживаетъ быть принятымъ въ исторію данной эпохи. Одинъ изъ нашихъ выдающихся писателей справедливо замѣтилъ: «Подобно тому, какъ не всякій фактъ есть историческій фактъ, такъ и не всякое знаніе прошлаго есть историческое знаніе. Историческое знаніе только тамъ имѣетъ мѣсто, гдѣ фактъ настолько важенъ, что, кромѣ познанія въ данный моментъ, достоинъ передачи будущимъ поколѣніямъ»¹. Историкъ часто рискуетъ потерять изъ виду это различіе. Онъ часто безсознательно оцѣниваетъ значеніе факта сообразно съ трудомъ, потраченнымъ на его открытіе, хотя въ теоріи онъ не станетъ спорить, что значеніе факта для науки измѣряется значеніемъ его для познанія народной жизни. Всетаки нужно согласиться и съ тѣмъ, что при этой оцѣнкѣ субъективный взглядъ историка играетъ громадную роль, и что границу между фактомъ и историче-

¹ F. C. Baur. Die Epochen der Kirchlichen Geschichtschreibung.

скимъ фактомъ нельзя провести съ точностью. Нѣтъ ничего столь маловажнаго, что не могло бы приобрести значенія при извѣстныхъ обстоятельствахъ; цѣлый рядъ событій иногда получаетъ правильное освѣщеніе лишь благодаря одной подробности, которая, будучи поставлена отдѣльно, казалось, не заслуживала нашего вниманія. Но это исключенія, которыя не ослабляютъ установленнаго выше общаго правила.

Въ третьихъ, обратимъ вниманіе на то, что исторія, несмотря на меньшій объемъ, заключаетъ въ себѣ также больше, чѣмъ соотвѣтствующая ей дѣйствительность, или лучше сказать, больше, чѣмъ могъ воспринять изъ дѣйствительности, даже при выгоднѣйшихъ условіяхъ, человѣкъ, жившій въ ней. Всѣ лица, активно участвовавшія въ событіи, конечно знали въ суммѣ больше, чѣмъ узнаетъ когда-либо историкъ; но значеніе событій, въ его связи съ послѣдующимъ, послѣднему всетаки гораздо яснѣе, чѣмъ оно могло быть для тѣхъ. Еще съ большимъ правомъ это можно утверждать относительно того, что мы называемъ *духомъ исторіи*, именно относительно жизни и прежде всего духовной жизни народа. Эта жизнь, скрытая отъ участниковъ событій, во всякомъ случаѣ отъ подавляющаго большинства ихъ, открыта и ясна историку. По крайней мѣрѣ таковъ идеалъ; его осуществленіе зависитъ отъ массы внутреннихъ и внѣшнихъ условій, которыя рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ. Но чѣмъ благоприятнѣе они складываются, тѣмъ ближе исторія достигаетъ идеальной высоты и тѣмъ болѣе она пользуется своими преимуществами надъ дѣйствительностью.

Какъ бы высоко мы ни ставили эти различія, они всетаки не ослабляютъ той установленной истины, что исторія въ отличіе отъ романа или поэзіи обязана своимъ значеніемъ именно *согласію съ дѣйствительностью*. Теперь мы можемъ опредѣлить, въ чемъ собственно заключается это согласіе, и каковы границы, которыхъ оно по своей природѣ никогда не должно переступать. Абсолютная полнота, какъ мы видѣли, совершенно недостижима, да и нельзя требовать ея; даже относительная полнота въ извѣстныхъ случаяхъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Въ сравненіи съ дѣйствительностью всякая исторія лишь выставка. Факты, собранные въ ней, разумѣется должны быть ввѣты изъ дѣйствительности, въ которой они

происходили въ той же взаимной связи, какъ ихъ изображаетъ историкъ. Но и относительно голыхъ фактовъ онъ въ большинствѣ случаевъ даетъ не одну копію. Чтобы попасть въ историческій рассказъ безъ измѣненій, событіе должно быть уже крайне простымъ и несложнымъ. Почти всегда оно при этомъ подвергается значительному сокращенію и упрощенію. нельзя ничего имѣть противъ этого, лишь бы сохранился характеръ событія, лишь бы характеръ этотъ выступалъ ясно въ изображеніи историка. Отсюда уже видно, какую значительную роль играетъ личность историка; такъ какъ то, что мы назвали характеромъ событія, есть въ сущности его взглядъ, который правда зависитъ отъ свѣдѣній, доставленныхъ ему изъ дѣйствительности, но въ такой же мѣрѣ зависитъ и отъ него самого, отъ собраннаго имъ опыта и отъ его «точки зрѣнія». Можно сожалѣть объ этомъ, сколько угодно; но историкъ, даже самый безпристрастный, даетъ даже при изображеніи голыхъ фактовъ нѣчто другое, чѣмъ мелкій источникъ, изъ котораго дѣйствительность доходитъ до насъ. А насколько еще увеличивается его самостоятельность, когда онъ переходитъ къ разрѣшенію своей настоящей задачи и вмѣстѣ со скелетомъ дѣйствительности изображаетъ ея душу, внутреннюю жизнь прошедшихъ вѣковъ! Относительно ея онъ можетъ представить лишь тотъ образъ, который отразился въ его собственной душѣ; здѣсь, стало быть, все зависитъ отъ его внутренней природы. Если между историкомъ и прошедшей дѣйствительностью нѣтъ духовнаго сродства, онъ въ состояніи дать намъ только искаженное изображеніе.

Однако довольно уже предисловія къ нашей настоящей задачѣ. Цѣль у насъ теперь передъ глазами: какимъ-же путемъ критика приведетъ насъ къ ней?

III.

Вѣгло очертивъ выше образъ историка, я исходилъ изъ того предположенія, что онъ обладаетъ необходимыми свѣдѣніями въ той области всеобщей исторіи, которую предполагаетъ рассмотреть. Очевидно, что онъ долженъ начать именно съ пріобрѣтенія этихъ свѣдѣній. Но откуда и какъ? Вотъ первый вопросъ.

Откуда? Изъ источниковъ той эпохи, которою онъ занимается. Вы спросите: какіе именно? Всѣ возможные: подлинныя вещи, памятники и надписи, монеты, акты, первоисточники, лѣтописи, историческія повѣствованія, а также остальная литература того вѣка во всемъ ея объемѣ. При всякомъ съуженіи задачи историка, извѣстная часть литературы становится излишнею, но если онъ берется изобразить жизнь народа, то для него всѣ произведенія имѣютъ цѣну, а нѣкоторыя приобрѣтаютъ особенно важное значеніе.

Что касается этихъ документовъ, — такимъ именемъ я называю все въ совокупности, — то слѣдуетъ тотчасъ установить между ними различіе. Одни — сами по себѣ факты, части и отдѣлы изслѣдуемой нами дѣйствительности; другіе состоятъ изъ рассказовъ о той эпохѣ, о которой идетъ рѣчь.

Справедливость и значеніе такого различія прямо очевидны. Монета, мирный договоръ, фундаціонный актъ и тому подобныя данныя носятъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ показанія даже очевидца, присутствовавшего при событіи, не говоря ужъ о рассказѣ лица, удаленнаго отъ мѣста и времени дѣйствія. При обсужденіи и пользованіи послѣдними постоянно подымается множество разсматриваемыхъ далѣе вопросовъ, которые относительно первыхъ не могутъ быть предложены: такъ напр. было бы несообразно говорить о достовѣрности договора. Но не трудно также усмотрѣть, что одинъ родъ документовъ незамѣтно переходитъ въ другой, такъ что границу между ними можно провести лишь по зрѣломъ обсужденіи.

Прель нами лежитъ, на примѣръ, ассирійская надпись, скажемъ — царя Санхериба. Несомнѣнно, документъ перваго рода. Но событіе, трактуемое въ этой надписи, заключается въ томъ, что ассирійскій царь въ такомъ-то году своего царствованія далъ такой-то докладъ о своихъ военныхъ походахъ. Объ этомъ нечего дальше разговаривать; это попросту нужно признать. Ну а самый докладъ, напр., о его третьей экспедиціи противъ Хивкиа? То наблюденіе, что ассирійскіе цари постоянно одерживаютъ болѣе или менѣе славныя побѣды и никогда не терпятъ пораженій, возбудило подозрѣнія въ осторожныхъ, даже очень расположенныхъ къ ассирійцамъ, изслѣдователяхъ и внушило имъ мужество сдѣлать порядочную свідку въ сообще-

ніяхъ этихъ подлинныхъ источниковъ и составить себѣ собственный взглядъ на теченіе тѣхъ дѣлъ, о которыхъ великій царь не вымолвилъ ни слова. Правы ли они—я теперь не разбираю; это зависитъ отъ обстоятельствъ. Но нельзя у нихъ оспаривать права имѣть свое сужденіе даже предъ лицомъ царя Санхериба, какъ рассказчика.

Другой примѣръ я заимствую у Зибеля¹. Къ источникамъ, по которымъ придется создать исторію лондонской конференціи 1864 года, принадлежатъ телеграммы и депеши, которыми обмѣнивались послы и правительства во все время засѣданій, а также историческое резюме русскаго уполномоченнаго барона фонъ-Бруннова, и послѣдовавшее затѣмъ представленіе нѣмецкаго посла. Названныя вначалѣ сообщенія содержатъ свѣдѣнія о томъ, что, одинъ предлагалъ и, какъ другіе возражали, слѣдовательно они носятъ одинаковый характеръ съ доставленными впоследствии обзорами. Тѣмъ не менѣе полезно не смѣшивать ихъ между собою. Депеши суть отрывки засѣданій, слѣдовательно факты; связанные обзоры пословъ державъ носятъ совсѣмъ иной отпечатокъ и имѣютъ каждый свою особую окраску: именно потому, что нѣмцамъ былъ непріятенъ обзоръ русскаго посла, они тотчасъ-же поторопились выставить наряду съ нимъ другой.

Къ этому примѣру можно прибавить замѣчаніе, которое часто примѣняется въ области библейскихъ изслѣдованій. Историческое резюме барона фонъ-Бруннова принадлежитъ несомнѣнно къ источникамъ второго рода, это рассказъ; но его можно и слѣдуетъ разсматривать также какъ фактъ. Онъ самымъ безспорнымъ образомъ доказываетъ намъ, какъ русскій посолъ и, слѣдовательно, правительство смотрѣли на лондонскую конференцію и ея результаты и какіе взгляды они хотѣли распространить въ публикѣ. Это обстоятельство также относится, въ обширномъ смыслѣ слова, къ исторіи этого важнаго собранія, о которомъ можно заключать изъ соответствующаго источника, несмотря на большую или меньшую правдивость его сообщеній. Отсюда ясно, при какихъ обстоятельствахъ нужно разсматривать подобный рассказъ и съ этой

¹ Vorträge und Aufsätze, стр. 8.

точки зрѣнія, т. е. какъ фактъ: тогда только, когда авторъ его самъ представляетъ часть той дѣйствительности, изслѣдованіемъ которой мы занимаемся. Музы Геродота, напр., представляютъ фактъ для исторіи Греціи въ пятомъ вѣкѣ до нашего лѣтосчисленія; но то, что разсказывается тамъ о Египтѣ и египетскихъ царяхъ, является изслѣдователю древне-египетской исторіи совсѣмъ не въ такомъ свѣтѣ. Другое дѣло, если бы мы доказали, что отецъ исторіи въ своей второй книгѣ буквально передалъ то, что ему разсказали жрецы при посѣщеніи имъ Египта. Фактомъ было бы то обстоятельство, что жрецы тогда, въ серединѣ пятого столѣтія, внушали любовнательнымъ иностранцамъ подобныя представленія о дѣяніяхъ своихъ царей и происхожденіи своихъ памятниковъ. Это останется прочнымъ независимо отъ исторической вѣрности или невѣрности сообщеній.

Изъ предыдущаго очевидно, что библейскіе историческіе разсказы вполне отвѣчаютъ поставленному сейчасъ условію. Они безъ исключенія составныя части, и очень важныя, той дѣйствительности, которую хочетъ возстановить историкъ, пишущій объ Израилѣ и древнемъ христіанствѣ. Положимъ, на примѣръ, что книги Хроникъ написаны въ Іерусалимѣ въ 250 г. до Р. X.; нѣкоторые отодвигаютъ ихъ на два вѣка раньше, — значительное разногласіе, но допустимъ, что оно улажено въ пользу первой даты. Фактъ получается тотъ, что тогда существовалъ жрецъ или другой второстепенный служитель второго храма, который самъ раздѣлялъ относительно исторіи Израила до изгнанія тѣ взгляды, какіе находятся въ книгахъ Хроникъ, и старался распространить ихъ среди другихъ; далѣе, что онъ, между прочимъ, смотрѣлъ очень неблагосклонно на десять колѣнъ Израилевыхъ и ихъ исторію, какъ это явствуетъ изъ окраски ихъ исторіи и отдѣльныхъ мѣстъ (2 Хрон. 11, 13—16; 13, 4 и сл.; 30, 6 и сл.). Этотъ фактъ естественно получить еще большее значеніе, если доказать, что эта картина прошлаго Израила значительно отличается отъ тѣхъ представленій, которыя были господствующими въ прежнее время; или что Хронистъ можетъ считаться выразителемъ мнѣній того сословія, къ которому принадлежалъ. Но и въ противномъ случаѣ остался бы на лицо фактъ, которому историкъ третьяго вѣка

долженъ удѣлить мѣсто въ своемъ произведеніи. Въ такомъ же положеніи находятся и всѣ остальные историческія книги. Независимо отъ цѣны, какую онѣ имѣютъ какъ источники свѣдѣній о трактуемой ими эпохѣ, онѣ еще разсматриваются какъ произведенія своего вѣка и представляютъ для изученія его болѣе или менѣе цѣнный матеріалъ.

Кажется, мы достаточно уже разъяснили и опредѣлили ту разницу между двумя группами документовъ, которую я считала нужнымъ указать. Къ общимъ качествамъ обѣихъ группъ принадлежитъ то, что имъ нельзя довѣрять и слѣдовать слѣпо, не ввѣривая и не испытавъ. Считаю обиднымъ для читателя вѣзаться доказывать необходимость послѣдняго; кто такъ наивенъ, чтобы усумниться въ томъ? Есть масса подложныхъ и поддѣльныхъ источниковъ; есть безчисленное множество неточныхъ, партійныхъ и баснословныхъ разсказовъ. Всякій попадающійся намъ источникъ необходимо, стало быть, подвергнуть тщательному изслѣдованію, прежде чѣмъ воспользоваться имъ. Здѣсь начинается область критики. И здѣсь тотчасъ подтвердится, что приведенное выше различіе вполнѣ правильно, потому что не всѣмъ нашимъ документамъ мы ставимъ одинаковые запросы. Въ общихъ чертахъ можно такъ формулировать эту разницу: при всякомъ документѣ, какъ бы онъ ни назывался, мы ставимъ вопросъ о подлинности или по крайней мѣрѣ о времени и происхожденіи; при разсказахъ же мы кромѣ того спрашиваемъ о достовѣрности. Или короче: всѣ документы безъ различія подлежатъ *литературной* критикѣ, сообщенія о происшествіяхъ кромѣ того подлежатъ еще *исторической* критикѣ, въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ слова.

Теперь дѣло въ томъ, чтобы изложить эту литературную критику; но, приступая къ ней, я наталкиваюсь на значительное затрудненіе. Характеръ предмета въ дѣйствительности настолько неоднороденъ, что не позволяетъ примѣнять повсюду одно и то же правило. Въ одномъ случаѣ въ распоряженіи историка богатѣйшій выборъ документовъ изъ первыхъ рукъ, актовъ и первоисточниковъ, а также разсказовъ очевидцевъ; онъ, такъ сказать, захлебывается отъ избытка, и можно лишь опасаться, какъ бы онъ не затонулъ въ нихъ. Въ другомъ случаѣ онъ долженъ удовольствоваться сравнительно малыми остат-

ками отъ интересующей его эпохи, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ онъ скоро замѣчаетъ, возбуждаютъ сильное подозрѣніе. Правда, задача въ обоихъ случаяхъ все та же; и какъ бы ни велико было разстояніе между положеніемъ того и другого историка, они все-таки не раздѣлены непроходимой пропастью; но само собою разумѣется, что способъ ихъ работы не совсѣмъ одинаковъ. Къ какому разряду судьба причислила критика Библии, въ этомъ нельзя долго сомнѣваться: въ сравненіи съ изслѣдователемъ средневѣковой или какого нибудь отдѣла новѣйшей исторіи, онъ бѣденъ, крайне бѣденъ источниками. Объ одномъ годѣ англійской исторіи имѣется больше источниковъ, чѣмъ о полутора столѣтіяхъ зарожденія христіанства, или даже пятнадцати столѣтіяхъ національной жизни Израиля. Слѣдуетъ-ли намъ, въ виду поставленной нами вначалѣ задачи, тотчасъ приступить къ изображенію того критика, который страдаетъ недостаткомъ матеріала? Такъ, можетъ быть, покажется проще всего, но все-таки лучше сперва получить представленіе о томъ, какъ приступаетъ къ работѣ тотъ историкъ, которому стоитъ лишь протануть руку, чтобы достать массу документовъ. Его положеніе гораздо лучше чѣмъ, положеніе бѣдно обставленнаго историка, и должно по справедливости считаться нормальнымъ. Для большей вѣрности воспользуемся для уясненія этого метода показаніями лица, знакомаго съ нимъ по богатому собственному опыту¹. Затѣмъ уже мы безъ чувства зависти, но надѣюсь, съ прояснившимся взглядомъ, вернемся къ нашей собственной области.

Итакъ, историческій изслѣдователь, знающій свое дѣло, начинаетъ съ того, что прилагаетъ *литературную* критику. Онъ подвергаетъ ей всѣ свои документы безъ различія. Если назовете имена авторовъ, онъ ставитъ вопросъ объ ихъ подлинности; если этотъ вопросъ не разрѣшается утвердительно, онъ относитъ ихъ въ категорію подложныхъ или поддѣльныхъ документовъ. Относительно послѣднихъ остается рассмотретьъ, когда и какъ, кѣмъ и съ какимъ намѣреніемъ они были сочинены, — все пункты, которые онъ старается разъяснить и въ докумен-

¹ Von Sybel. Die Gesetze des historischen Wissens. (Vorträge und Aufsätze 51 ff).

тахъ, дошедшихъ до насъ безъ имени автора. Едва ли нужно упоминать, что при этомъ слѣдуетъ обращать вниманіе на сложный составъ тамъ, гдѣ таковой обнаруживается. Стало быть, историческія сочиненія, къ которымъ онъ обращается, не разсматриваются безъ дальнѣйшихъ разсужденій, какъ одно цѣлое, но разлагаются на составныя части, и отдѣльныя собранныя въ нихъ сообщенія относятся къ отдѣльнымъ авторамъ или источникамъ, изъ которыхъ они почерпнуты. Относительно этихъ, болѣе древнихъ, свидѣтелей или сообщеній ставятся тѣ же вопросы, какъ относительно книгъ, въ коихъ они приведены. Понятно также, что критикъ при этомъ изслѣдованіи повсюду пользуется всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами. Онъ соображается съ преданіями или свѣдѣніями объ авторахъ или времени составленія ихъ источниковъ и придаетъ имъ тѣмъ больше значенія, чѣмъ они старше и согласнѣе между собой. Большою частью онъ не можетъ еще успокоиться на этихъ извѣстіяхъ объ источникахъ, но изслѣдуетъ ихъ далѣе относительно формы и содержанія тѣхъ произведеній, къ которымъ они примыкаютъ. Если они не противорѣчатъ или совершенно подтверждаютъ одинъ другой, то изслѣдованіе о происхожденіи источниковъ основательно считается законченнымъ и возобновляется лишь тогда, когда новыя показанія или оставшіяся до сихъ поръ незамѣченными явленія въ самомъ документѣ требуютъ пересмотра. Если, напротивъ, обнаруживается противорѣчіе между преданіемъ и содержаніемъ, или формой документа, то дѣло рѣшается сообразно съ послѣднимъ: преданіе можетъ основываться на недоразумѣніи или даже обманѣ, само произведеніе, лежащее передъ нами, не можетъ врать. Этого правила нужно твердо держаться. Впрочемъ, конфликтъ между внѣшними и внутренними данными о происхожденіи документа обнаруживается самыми разнообразными способами, которые должны быть рассмотрѣны каждый въ отдѣльности; только общее правило, высказанное здѣсь, остается непоколебимымъ.

Литературная критика этимъ заканчивается. Относительно разсказовъ остается еще то, что можно назвать исторической критикой въ тѣсномъ смыслѣ слова, именно изслѣдованіе ихъ достовѣрности, или, говоря общѣе, ихъ отношенія къ дѣйстви-

тельности. При этомъ мы опять имѣемъ два случая: или авторъ разсказа извѣстенъ критику, или неизвѣстенъ. Правда, по формѣ это противоположеніе абсолютное: «извѣстенъ» и «неизвѣстенъ» относятся другъ къ другу, какъ да и нѣтъ; но въ дѣйствительности есть конечно много переходныхъ ступеней, такъ что границу между ними часто трудно уловить. Мы даже самихъ себя не знаемъ вполне, тѣмъ болѣе другого чловѣка, котораго мы никогда не встрѣчали, отъ котораго насъ отдѣляютъ цѣлыя столѣтія; съ другой стороны, абсолютно незнакомымъ для насъ не остается ни одинъ авторъ, прилежно прочтенный, хотя мы не можемъ назвать ни его имени, ни мѣста жительства. Разница стало быть лишь относительная; но тѣмъ не менѣе разница есть и имѣетъ вліяніе на методъ критика.

Если извѣстна личность разсказчика, размѣры его мыслительныхъ способностей, его характеръ, отношеніе къ политическимъ или церковнымъ партіямъ, дѣйствующимъ въ разсказѣ, то въ общей сложности передъ нами получается «такъ сказать среда, черезъ которую исходящій отъ событій свѣтъ проникаетъ до глазъ изслѣдователя, среда, которая никогда не пропускаетъ лучъ свѣта безъ измѣненій и преломленій. Дѣло тогда въ томъ, чтобы разсчитать эти измѣненія и преломленія... И это можно произвести потому, что мы знакомы съ ними по наблюденіямъ надъ самими собой и надъ лицами, окружающими насъ; намъ остается лишь примѣнить эти поправки къ данному случаю: какъ бы ни вліяла индивидуальность, онѣ всетаки сохраняютъ тотъ же характеръ, который намъ извѣстенъ по личному опыту или прежнимъ изслѣдованіямъ. Вообще то, что Зибель называетъ «испытаніемъ разсказчиковъ по существу ихъ личности», хотя и трудно, но не невозможно и приводитъ насъ къ познанію той дѣйствительности, о которой они говорятъ.

Далѣе возьмемъ другой случай. Разсказчикъ намъ совершенно неизвѣстенъ или такъ мало, что мы не осмѣливаемся, исходя отъ его личности, заключать о дѣйствительномъ ходѣ событій. Будемъ ли мы тогда совершенно безпомощны, слѣдуетъ ли намъ просто оставить разсказъ такимъ, каковъ онъ есть? Нѣтъ,—скажемъ мы вмѣстѣ съ Зибелемъ,—нѣтъ, потому

что мы знаемъ примыкающія событія. Съ послѣдними мы сравниваемъ данный разсказъ, и считаемъ его достовѣрнымъ, поскольку онъ соотвѣтствуетъ такому сосѣдству. Такимъ образомъ, критика по установленной предварительно связи событій выводитъ еще одну неясную деталь. Она такъ поступаетъ, надеясь, что сдѣланная можетъ быть ошибка рано или поздно выступить наружу. «Такъ какъ послѣдовательность вещей не нарушима, то неправильное пониманіе одного событія, очевидно, должно придти въ столкновеніе съ правильной картиной другого: или одна ошибка влечетъ за собой дальнѣйшія, или оказывается пробѣлъ во взаимной связи, который указываетъ на источникъ ошибки».

Тутъ можно замѣтить, что критическій методъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ основывается на слѣдующемъ положеніи, которое мы еще разъ выскажемъ словами Зибеля: «Положеніе, отъ котораго вполне зависитъ вѣрность нашего познанія, есть абсолютная законосообразность развитія, всеобщее единство въ теченіи земныхъ явленій. Если оно не существуетъ или можетъ гдѣ-нибудь прерываться, то уничтожается вѣрность всякаго заключенія, сдѣланнаго изъ взаимной связи явленій, и всякое сужденіе о человѣческихъ поступкахъ подчиняется случаю. Оба источника историческаго познанія такимъ образомъ закрываются. *Прочность исторической, какъ и всякой другой, науки неразрывно связана съ признаніемъ вѣдствующаго закона*».

Теперь мы знакомы съ нормальнымъ, такъ сказать, ходомъ работы критика. Доказательствъ правильности и цѣлесообразности ихъ никто не потребуешь; онѣ вытекаютъ изъ самой сущности предмета, который кромѣ того импонируетъ своей установленной и послѣдовательной системой. Это впечатлѣніе еще усиливается у тѣхъ, которые въ состояніи ее примѣнить, т. е. у тѣхъ работниковъ въ области всеобщей исторіи, которые отмежевали себѣ опредѣленный отдѣлъ, гдѣ они могутъ въ полномъ объемѣ слѣдовать ей, не уклоняясь ни влѣво, ни вправо. Между ними мнѣ знакомы люди, которые такъ избалованы имѣющимъ у нихъ изобиліемъ, что думаютъ, будто бы нельзя двинуться съ мѣста тамъ, гдѣ запасъ документовъ становится скромнѣе. Не можетъ быть, — говорятъ они, — исторіи, заслуживающей этого

имени, тамъ, гдѣ нельзя черпать изъ чистыхъ и обильныхъ документовъ, изъ современныхъ первоисточниковъ и разсказовъ очевидцевъ. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, призывается на помощь фантазія, а послѣдняя не можетъ восстановить затерянной окончательно дѣйствительности. Такой взглядъ можно услышать, но въ сущности развѣ это не взглядъ богатаго чловека, который не можетъ понять, какъ менѣе надѣленный сохраняетъ свою жизнь? Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ выбора. Любознательности людской нельзя ставить границъ и нельзя даже категорично сказать, интересуемся ли мы больше тѣми вѣками, отъ которыхъ до насъ дошло мало документовъ, или тѣмъ временемъ, среди массы остатковъ котораго трудно пробиться?

Поэтому мы не относимся къ дѣйствительности, какъ кредиторы, и не падаемъ духомъ отъ того, что нашъ удѣлъ — «въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой». Искусный ремесленникъ, по голландской пословицѣ, умѣетъ «пилить буравомъ и буравить пилой». Не упуская изъ виду идеала и не отклоняясь отъ правильныхъ упорядоченныхъ приѣмовъ безъ крайней необходимости, критикъ умѣетъ по одеждѣ протягивать ножки. Это требованіе мы ставимъ ему съ тѣмъ большей увѣренностью, что можемъ доказать, какъ нерѣдко и тамъ, гдѣ документы летятъ со всѣхъ сторонъ, приходится оставлять обычный порядокъ и пуститься окольными путями, если хочешь достигнуть цѣли. Объяснимся.

Вопросы о подлинности, древности и т. д., которые относятся къ литературной критикѣ и потому стоятъ на первой очереди, иногда нельзя рѣшать заранѣе. На первый взглядъ очень просто и несложно: если хочешь составить жизнеописаніе Карла I, опредѣли сперва точно автора книги *Eikon basilike*. Но какъ мнѣ опредѣлить это, не зная заранѣе Карла I и его времени? Еще ярче бросится въ глаза необходимость уклоненія отъ нормальнаго порядка при разсмотрѣніи какого либо историческаго сочиненія. Часто значеніе разсказа большею частью зависитъ отъ источника, изъ котораго его почерпалъ жившій впоследствии разсказчикъ. Но развѣ, наоборотъ, не играетъ при опредѣленіи этого источника большой роли мнѣніе объ отношеніи разсказа къ исторической дѣйствительности?

Только въ исключительныхъ случаяхъ вопросъ объ авторѣ можетъ быть доведенъ до окончательнаго рѣшенія безъ помощи исторической критики въ тѣсномъ смыслѣ слова, хотя при обычномъ порядкѣ она сама должна основываться на томъ рѣшеніи.

Объ части исторической критики повѣтому стоятъ рядомъ, прекрасно гармонируя между собой; одна дополняетъ другую, результаты обѣихъ одинаковы. Такъ ли это всегда въ дѣйствительности? Не случается ли часто, что историческая послѣдовательность не даетъ мѣста тому, что мы признали за фактъ на основаніи характера и компетентности свидѣтеля? Тогда мы начинаемъ нашъ расчетъ сначала, — можетъ быть, обнаружится здѣсь или тамъ ошибка; но возможно также и даже правдоподобно, что мы въ заключеніе очутимся передъ неразрѣшимымъ конфликтомъ. Столь же часто можетъ случиться такъ, что взаимная связь извѣстныхъ намъ событій не даетъ отвѣта на вопросъ, предложенный нами. Пробѣлъ, открывающійся здѣсь, несомнѣнно долженъ быть заполненъ, и только *одинъ* родъ заполненія можетъ быть правильнымъ. Но наши познанія должны быть болѣе полны для того, чтобы мы могли съ точностью указать его. Очень нерѣдко осторожный критикъ не пойдетъ дальше признанія нѣсколькихъ гипотезъ и, держась отведенной тропинки, не выскажетъ никакого рѣшенія.

Всякій свѣдущій человѣкъ согласится, что эти соображенія, которыхъ я сейчасъ коснулся, все вмѣстѣ встрѣчаются въ области Библии и, стало быть, представляютъ большія здѣсь трудности. Такъ называемыя «Введенія» въ книги Ветхаго и Новаго Завѣта все увеличиваются по объему и обогащаются по содержанію. Нежить ли причина въ томъ, что современное поколѣніе ученыхъ много обстоятельнѣе своихъ предшественниковъ, или скорѣе въ томъ, что мы теперь пришли къ такому взгляду, что раньше слишкомъ легко смотрѣли на литературную критику, которой собственно посвящены эти введенія? Тогда считали достаточнымъ или подтвердить преданіе о происхожденіи библейскихъ книгъ нѣсколькими доводами, или указать, почему его отрицаютъ. Теперь же, по справедливости, нападаютъ на такую постановку дѣла — какъ будто бы рѣчь шла о преданіи, а не о пониманіи самихъ книгъ! — а больше и прежде всего

нападаютъ на изолированіе литературной критики. И дѣйствительно, результаты ея или незначительны, или совершенно ненадежны, до тѣхъ поръ пока она не поставлена въ связь съ историческими изслѣдованіями во всемъ ихъ объемѣ, пока они не освѣщаютъ другъ друга. Вопросы литературной критики въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣ часто сложнѣе всѣхъ другихъ вопросовъ, и потому они должны рѣшаться послѣ всего. Возьмемъ какъ примѣръ книгу Даниила. Она заключаетъ въ себѣ въ гл. 2—6 такія свѣдѣнія о Невухаднецарѣ, паденіи халдейской монархіи и Даріѣ Мидянинѣ, которыя не должны упускаться изъ виду изслѣдователемъ исторіи 6-го вѣка до Р. Х., если только они основываются на истинѣ. Историческая критика поэтому желаетъ узнать отъ литературной, правда-ли, что Данииль—авторъ приписываемой ему книги? и если не онъ, то кто-же? Но стоитъ только серьезно заняться этими вопросами, какъ тотчасъ-же убѣдимся, что отвѣтъ между прочимъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ взгляда, какой составился о данныхъ событіяхъ. Съ тѣмъ-же явленіемъ мы встрѣчаемся при изслѣдованіи вопросовъ объ отдѣльныхъ частяхъ, изъ которыхъ составлены историческія книги. Въ Новомъ Заветѣ дѣло обстоитъ такъ-же. Возьмемъ на примѣръ вопросъ, который теперь вызываетъ споръ между близкими по духу профессорами Гольстеномъ и Шмидтомъ, вопросъ о происхожденіи письма къ Филиппіанамъ. Какимъ жалкимъ и недостаточнымъ кажется намъ теперь тотъ разборъ этой проблемы, которымъ раньше думали разрѣшить ее! Кто не призываетъ на помощь всей исторіи апостолическаго и послѣдующаго времени, тотъ не можетъ дать ничего похожаго на разрѣшеніе.

Подобно тому, какъ и литературной критикѣ въ области Библии отчасти указывается особое мѣсто, такъ и историческая критика довольно часто не можетъ тутъ примѣняться правильнымъ установленнымъ образомъ. «Испытаніе рассказчика по существу его личности, и испытаніе событій по ихъ взаимнымъ отношеніямъ во времени, пространствѣ и причинной связи»:—такъ гласитъ разумная и простая формула Зибеля. Но какъ незначительно наше знаніе объ этой «личности»! Большинство рассказчиковъ мы даже не знаемъ по имени; а то, что мы знаемъ о нихъ, мы заключаемъ изъ ихъ собственныхъ писаній.

Какъ значительны, дагѣе, пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ о ходѣ событій! О цѣлыхъ поколѣніяхъ въ нашемъ распоряженіи имѣются лишь разьединенныя преданія, а часто и этого нѣтъ! Конечно, мѣстами мы лучше обставлены — иначе было бы слишкомъ печально, но всетаки выборъ между исключющими другъ друга предположеніями частенько очень затруднителенъ.

Зачѣмъ, спросять нѣкоторые, всѣ эти жалобы? Конечно, не затѣмъ, чтобы унижить библейскую критику или обезкуражить тѣхъ, которые думаютъ посвятить ей свои силы. Мое намѣреніе состоитъ исключительно въ томъ, чтобы уяснить необходимость видоизмѣненнаго, смотря по обстоятельствамъ, приложенія того метода, который признанъ нормальнымъ. Въ чемъ слѣдуетъ искать это видоизмѣненіе, не подлежитъ никакому сомнѣнію, благодаря характеру задачи. Если различные подотдѣлы критики не могутъ прилагаться по очереди другъ за другомъ, то нужно взять ихъ всѣ вмѣстѣ и направить къ общей цѣли. Препятствія, не поддававшіяся одиночному нападенію, можетъ быть, устранятся съ пути при комбинированномъ движеніи всѣхъ имѣющихся силъ. Справедливость пословицы «*vis unita fortior*» такъ часто оправдывалась, что призмѣненіе этого способа рѣшенія къ нашему предмету заслуживаетъ а priori добросовѣстнаго разсмотрѣнія.

Прежде чѣмъ излагать этотъ методъ, я долженъ дать отвѣтъ тѣмъ, которые полагаютъ, что такая попытка должна остаться тщетной въ виду самой сущности предмета. По ихъ мнѣнію, есть одинъ вопросъ, на который прежде всего и недвусмысленно надо отвѣтить, который не можетъ оставаться подъ сомнѣніемъ, потому что отъ отвѣта на него зависитъ все дальнѣйшее изслѣдованіе. Всякій понимаетъ, что мы имѣемъ въ виду чудеса. Признать-ли возможность или вѣрнѣе существованіе чудесъ? Вотъ вопросъ; и пока мы не согласны по этому поводу, мы не сойдемся и относительно метода библейской критики. Поэтому заяви заранее то, что ты думаешь о кардинальномъ пунктѣ, тогда мы тебя и дальше послушаемъ!

Мой отвѣтъ очень простъ. Всякій знаетъ, что вопросъ о чудесахъ не относится исключительно къ области Библии; для критики Геродота напр. и біографовъ Магомета онъ играетъ такую же роль и имѣетъ такое же значеніе. И все-таки

чудеса ни для кого не составляютъ *вопроса* въ этихъ болѣе обширныхъ границахъ. Мы, не колеблясь, отвергаемъ чудо вездѣ за исключеніемъ исторіи Израиля и утвержденія христіанства. Положеніе, будто причина лежить въ томъ, что для библейскихъ чудесъ мы имѣемъ болѣе надежные источники, не заслуживаетъ серьезныхъ опроверженій; всѣмъ извѣстно именно противное. Скорѣе чудеса, въ видѣ исключенія, признаются за факты потому, что они какъ-то тѣсно сплетены съ религіозными вѣрованіями, которымъ или служатъ основаціями или своей взаимной гармоніей оказываютъ поддержку.

Отсюда слѣдуетъ, что споръ о чудесахъ наврядъ-ли можетъ разбираться въ области историческихъ изслѣдованій. Настоящая причина для признанія ихъ дѣйствительности лежитъ не тутъ. Я не говорю этимъ, что историческая критика должна считать себя здѣсь некомпетентной и предоставлять рѣшеніе вѣрѣ. Но посмотримъ, не могутъ-ли люди, принимающіе чудеса, поучиться чему-нибудь у отвергающихъ ихъ и наоборотъ. Нѣтъ-ли нейтральной почвы, на которой они могли бы встрѣтиться и попытаться придти къ соглашенію? Между людьми, интересующимися истиной, такую нейтральную область нужно искать и можно найти. Я могу ее на самомъ дѣлѣ указать. Не скрывая своего убѣжденія, что ни одного чуда нельзя принимать за фактъ, я въ исторической критикѣ выставляю положеніе, которому я никогда сознательно не измѣнялъ на пути своихъ изслѣдованій, положеніе, что *чудеса возможны*. По этому я не буду отвергать ихъ а priori безъ разсужденій и безъ различія: но совершенно серьезно, не только изъ приличія, буду заниматься также изслѣдованіемъ достовѣрности всякаго разсказа о чудѣ. При разсказѣ такого рода мы, закончивъ предварительныя изслѣдованія, стоимъ передъ вопросомъ: вѣроятнѣе-ли, что разсказъ составленъ на основаніи дѣйствительнаго чуда, или, безъ всякаго фактическаго основанія, созданъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ? Я думаю, что противъ такой постановки вопроса не станетъ возражать и вѣрующій въ чудеса, если онъ допускаетъ обсужденіе и хочетъ остаться разумнымъ въ своей вѣрѣ: и здѣсь, какъ повсюду, онъ подчинится большей вѣроятности. Такимъ образомъ мы обрѣли общую почву, а я могу теперь вернуться къ тому, что соб-

ственно стоять на очереди: къ изложенію тѣхъ способовъ, какими библейскій критикъ примѣняетъ къ дѣлу общія правила критики.

Его способъ-методъ можно хорошо разъяснить посредствомъ сравненія. «Критика» значитъ искусство судить. Поэтому представимъ себѣ человѣка, занятаго именно такого рода дѣятельностью — судью. Онъ привыкъ составлять приговоры согласно закону; но мы теперь оставимъ безъ вниманія эту часть его задачи, а ограничимся лишь тѣмъ что предшествуетъ ей, именно установленіемъ фактовъ, на которыхъ въ концѣ концовъ основывается приговоръ. Предположимъ очень запутанный случай и судью, отличающагося безпристрастіемъ и дѣлающаго все возможное для уясненія дѣйствительности. Посредствомъ изслѣдованій на мѣстѣ онъ приобрѣлъ знакомство со всѣми матеріальными условіями, среди которыхъ происходило дѣйствіе. Всѣ свидѣтели, могущіе освѣтить фактъ, призваны безъ исключенія. Начинается дознаніе, свидѣтели подвергаются еще перекрестному допросу. Судья за всѣмъ слѣдитъ; многолѣтнимъ опытомъ онъ подготовленъ для выполняемой обязанности. Такъ, онъ наблюдаетъ и пользуется мелкими особенностями въ личномъ поведеніи свидѣтелей, въ содержаніи и взаимномъ отношеніи показаній, что не привлекло бы вниманія неопытнаго слушателя. По истеченіи нѣкотораго времени въ умѣ судьи зарождается *предположеніе* о дѣйствительномъ ходѣ дѣла. Онъ не отбрасываетъ его, но и не придаетъ особеннаго значенія: опытъ научилъ его, что первыя впечатлѣнія такого рода столь же часто подтверждаются дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ, какъ и опровергаются. Все-таки онъ это предположеніе сохраняетъ въ памяти и неизбѣжно ставитъ его въ связь съ дальнѣйшимъ ходомъ доказательствъ, которыя служатъ пробнымъ камнемъ. Допросъ продолжается. Въ тотъ моментъ, когда судья можетъ уже все обзрѣть, въ головѣ его составляется *гипотеза*, согласная или несогласная съ первоначальнымъ предположеніемъ. Теперь онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ: онъ почти не можетъ сомнѣваться, что *дѣло произошло такъ-то и такъ-то*. Вотъ содержаніе его первой гипотезы. Основывается-ли она на томъ, что всѣ показанія одинаково дали такое представленіе о фактѣ? Можетъ быть, потому что всѣ сви-

дѣтели могли высказаться *bona fide* и быть хорошо освѣдомленными. Но это отнюдь не обязательно. Гипотеза судьи можетъ противорѣчить нѣкоторымъ свидѣтельскимъ показаніямъ или даже не совпадать вполне ни съ однимъ изъ нихъ; она лишь *объясняетъ ихъ все*, т. е. если дѣло произошло такъ, какъ предполагаетъ гипотеза, то очень естественно, что одинъ свидѣтель сообразно со своей личностью и отношенію къ событію показываетъ такъ, другой — иначе. Но судебное разбирательство еще не кончено, нужно выслушать послѣднія и менѣе важныя заявленія. Возможно, что они измѣнятъ кое-что въ его взглядѣ. Но, положимъ, этого не случилось, тогда остается выполнить еще послѣднюю обязанность. Всѣ показанія съизнова просматриваются и взвѣшиваются, обращаютъ соотвѣтственное вниманіе на то, что приводятъ стороны и ихъ повѣренные. Но имъ не удается опровергнуть или поколебать гипотезу. Обзорѣвши весь матеріалъ, судья убѣждается, что его построеніе хода дѣла правильно и вполне объясняетъ его содержаніе и форму. Тогда гипотеза подтверждена, и онъ сообразно съ нею высказываетъ приговоръ.

Я едва-ли долженъ варьировать свое сравненіе. Всякій видитъ, что я взялъ самый благопріятный случай. Можетъ случиться, что не встрѣтится гипотезы, объясняющей всѣ показанія; что остается одно или нѣсколько, правда не противорѣчащихъ ей, но и не говорящихъ ничего въ ея пользу. И тогда заключеніе наше основательно, хотя и обладаетъ меньшею степенью вѣроятности. Возможно также, что при противорѣчій между свидѣтелями всякая гипотеза должна оставить нѣкоторыя показанія въ видѣ неразрѣшенныхъ загадокъ. И въ этомъ случаѣ, судья по обязанности долженъ постановить приговоръ, хотя бы онъ предпочиталъ уклониться отъ рѣшенія въ виду недостатка нравственного убѣжденія. Но довольно; дальнѣйшее разрисовываніе картины, допускающей безконечное равнообразіе случаевъ, не можетъ уже ярче освѣтить интересующій насъ предметъ. Судья—это критикъ. Такъ поступать онъ *можетъ* вездѣ; но *неизбѣжнымъ* этотъ методъ является тамъ, гдѣ онъ не можетъ разбирать по порядку другъ за другомъ отдѣльныхъ частей своей задачи. Это конечно случается и въ другихъ областяхъ, но особенно часто въ области Библии. По

крайней мѣрѣ все принимаемое тамъ за историческіе факты суть *найденныя основательными гипотезы для объясненія документовъ.*

Надѣюсь, читатель мнѣ охотно позволитъ привести доказательства правильности этого метода. Но, кромѣ того, я не откажусь отъ попытки разяснить его нѣсколькими примѣрами. Этому я посвящу слѣдующія главы.

III.

Историкъ, какъ мы раньше сказали, подвергаетъ данные ему документы сперва литературной критикѣ и старается такимъ путемъ собрать свѣдѣнія объ ихъ авторѣ, времени и характерѣ. Затѣмъ относительно содержащихся въ нихъ разсказовъ о прошедшемъ онъ изслѣдуетъ ихъ достовѣрность или, вѣрнѣе, отношеніе къ дѣйствительности. Но часто, особенно въ библейской критикѣ, оказывается, что эти двѣ операціи, примѣненныя въ послѣдовательномъ порядкѣ одна за другой, не могутъ привести къ результатамъ. Тогда критикъ измѣняетъ свой методъ и приравниваетъ его къ своеобразному характеру своего предмета. Онъ соединяетъ литературную критику съ исторической въ тѣсномъ смыслѣ слова, освѣщаетъ одну другой и, пользуясь одновременно обѣими, достигаетъ удовлетворительнаго пониманія тѣхъ фактовъ или ряда фактовъ, изслѣдованіемъ которыхъ онъ занимается. Онъ считаетъ и излагаетъ какъ исторію *тѣхъ гипотезъ, которыя оказались вполне способными объяснить документы.*

Вотъ результаты сдѣланнаго нами разбора. Согласно съ этимъ историческую критику можно опредѣлить какъ отысканіе гипотезы для объясненія документовъ, а въ случаѣ возможности многихъ гипотезъ, какъ выборъ той, которая имѣетъ право на большую вѣроятность.

Наврядъ-ли необходимо подробно излагать требованія, которымъ должна удовлетворять критическая гипотеза, и дать въ руки масштабъ, прилагаемый для сравненія двухъ взаимно исключającychся возможностей. Само собой разумѣется, что гипотеза, чтобы заслужить вниманіе, прежде всего должна отвѣчать своей ближайшей цѣли, т. е. давать объясненія содержанію и формѣ того документа, для котораго она и

составлена. Не нужно далѣе доказывать, что гипотеза сама по себѣ должна быть допустима, и стало быть все заключающееся въ ней не должно противорѣчить другимъ вполне установленнымъ фактамъ. Легко далѣе понять, что она тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ больше находитъ поддержку въ исторической связи событій. Наконецъ, никто не станетъ отрицать, что гипотеза, подтверждаемая аналогіей, имѣетъ преимущество передъ той, которая противорѣчитъ ей или не находитъ въ ней поддержки. Если въ этомъ перечисленіи встрѣчается что нибудь, не совсѣмъ ясное сразу, то мы спокойно можемъ ожидать разъясненій отъ тѣхъ избранныхъ примѣровъ примѣненія критическаго метода, которые я намѣренъ дать послѣ изложенія его сущности.

Нѣтъ лучшаго средства познакомиться съ отличительными свойствами предмета, какъ сравнить его или противопоставить другому предмету, принадлежащему къ тому-же роду. Его примѣты, которыя легко могутъ ускользнуть отъ насъ, тотчасъ обнаруживаются вслѣдствіе сравненія или контраста. Всякій знакомъ съ той критикой, которая претендуетъ на это названіе, хотя въ дѣйствительности составляетъ ея антиподъ. Я говорю объ апологіи, защитѣ предвзятой цѣли всѣми находящимися въ распоряженіи средствами. Отъ чего бы ни зависѣла конечная цѣль, способъ, употребляемый для ея защиты, т. е. апологетическій методъ всегда и вездѣ въ сущности остается тѣмъ-же. При историческихъ изслѣдованіяхъ онъ сообразно съ характеромъ предмета или примѣняется въ чистомъ видѣ, или въ особомъ, называемомъ гармонистически-апологетическимъ методомъ или, проще, гармонистическимъ. Вотъ двоякій контрастъ, съ помощью котораго я думаю ярче освѣтить критическій методъ.

По многимъ обстоятельствамъ книга Даниіла, которую я уже привелъ во второй главѣ, особенно удобна для образца. Проблема, которую она намъ ставитъ, сравнительно проста, не усложняется паралельными рассказами, съ которыми приходилось бы согласовать Даниіла, и всетаки достаточно трудна и въ высокой степени привлекательна. На пишущемъ исторію Израіля и его религіи лежитъ обязанность указать соответствующее мѣсто этой книгѣ и автору ея, принять или отбросить то, что содержится въ первыхъ шести главахъ, при описаніи Вавилон-

скаго плѣна и, смотря по *тому или другому* рѣшенію, придать послѣднему тотъ или другой особый отпечатокъ. Побочнымъ основаніемъ для выбора именно той книги послужило то обстоятельство, что въ нашемъ распоряженіи находится очень авторитетное и почти современное сочиненіе, которое демонстрируетъ теперешнее апологетическое толкованіе ¹.

Посмотримъ, какъ апологетъ приступаетъ къ нашей книгѣ.

Очевидно съ полнымъ убѣжденіемъ, что она содержитъ чистую исторію, такъ какъ, еще до доказательства или даже разбора достовѣрности, описываются уже «жизнь и времена Даниила» и трактуются замыслы Провидѣнія при созданіи такого человѣка и такомъ устройствѣ его судьбы. Вскорѣ обнаруживается, на чемъ покоится это убѣжденіе, именно на «принятіи книги Даниила» сначала въ еврейскій, а за тѣмъ и въ христіанскій Канонъ. Фактъ конечно неоспоримый, что евреи приняли эту книгу въ число Священныхъ Писаній и постоянно приписывали ей большое значеніе; но это обстоятельство никакъ не можетъ быть доказательствомъ ея древности или вѣрнѣе ея составленія во время Вавилонскаго изгнанія. Исторія Ветхаго Завѣта оставляетъ слишкомъ много простора для позднѣйшаго происхожденія. Поэтому для апологета очень важно рѣзко выдвинуть впередъ значеніе канонизаціи книги, такъ, чтобы исключить такимъ образомъ составленіе ея въ Маккавейскую эпоху. Для этой цѣли устраняется все, что могло бы привести къ отрицанію ея происхожденія въ эту эпоху—какъ напр. помѣщеніе книги не между пророками, но въ третьемъ отдѣлѣ въ Агіографахъ, умолчаніе Иисуса Сираха о Даниилѣ и его товарищахъ. Наоборотъ, громаднѣйшее значеніе придается всѣмъ показаніямъ даже самымъ незначительнымъ, въ пользу существованія книги уже въ персидскія времена.

Къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ талмудическое извѣстіе, что «мужи Великой Синагоги (Нехем. 8 — 10) написали книги Езекиила, двѣнадцати малыхъ Пророковъ, Даниила и Эсѣири», и разсказъ Иосифа Флавія, что Александру Великому показали въ Иерусалимскомъ храмѣ книгу Даниила, и особенно

¹ The Holy Bible etc. (Speakers Commentary) Vol. VI стр. 210. The book of Daniel.

находящееся тамъ предсказаніе побѣды надъ персами—вѣроятно безъ указанія на его собственное паденіе и раздѣленіе царства его по «четыремъ сторонамъ свѣта» (гл. 8, 8; 11, 4)! Наконецъ выступаютъ Новый Заветъ и церковь. По мнѣнію апологета стихъ 24, 15 Мате. «приписываютъ упоминаемому писателю авторитетъ и вдохновеніе». Это «запрещаетъ намъ считать автора книги маккавейскимъ книжникомъ или египетскимъ мечтателемъ». Но, возразимъ мы, если это такъ, то зачѣмъ еще строить научныя изслѣдованія, какъ будто бы стоило еще что нибудь изслѣдовать, и научныя доказательства *pro et contra* могли бы имѣть какой нибудь вѣсъ?

Только теперь читатель подготовленъ къ тому, чтобы узнать отъ апологета, какъ дѣйствительно обстоитъ дѣло съ книгой Даніила. Теперь его душевный миръ не страдаетъ, если онъ увидитъ, «что съ книгой связаны нѣкоторыя затрудненія».

Послѣднія касаются отчасти предсказаній, отчасти чудесъ, отчасти нѣкоторыхъ историческихъ показаній, встрѣчающихся въ Даніилѣ.

Послѣ того какъ эти затрудненія не разъ излагались и повторялись, апологету, казалось бы, легко было правильно передать ихъ. Между тѣмъ фактъ тотъ, что ему это не удастся, и что ни одинъ противникъ подлинности не можетъ признать безпристрастнымъ то изложеніе вопроса, которое онъ даетъ. Это въ сущности совершенно понятно, такъ какъ апологетъ не *видитъ* доводовъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Съ его точки зрѣнія это—многочисленныя нападки на дорогія ему убѣжденія и на авторитетъ, почитаемый имъ за наивысшій: какъ-же онъ можетъ ихъ правильно воспринимать? Поэтому и отвѣты его часто проходятъ мимо вопроса, особенно относительно пророчествъ и чудесъ. Что касается оспариваемыхъ историческихъ показаній, то одни изъ нихъ повидимому оправдываются, относительно другихъ представляется выборъ между двумя и болѣе рѣшеніями затрудненія, еще дальше открываются виды на будущія изслѣдованія, напр. клинообразныхъ надписей, которыя будто бы несомнѣнно разъяснятъ то, что теперь еще кажется темнымъ или страннымъ. Итакъ ничто не мѣшаетъ признать книгу Даніила за произведеніе той эпохи, которую она разсматриваетъ. Правда, нельзя доказать, что самъ пророкъ написалъ

ее сначала до конца; но развѣ это роиаетъ ея значеніе? Въ сущности, она подлинна и достовѣрна.

Едва ли нужно доказывать, что такъ поступать нельзя. Это не критика, хотя и выступаетъ подъ этимъ девизомъ, а полное отрицаніе критики. Вообразите себѣ судью, ведущаго слѣдствіе такимъ образомъ! Но я лучше просто составлю для контраста съ этой лже-критикой настоящей критической методъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ пускаться въ подробности; но для того, чтобы составить себѣ сужденіе, достаточны и главные черты. При этомъ не нужно притворяться, будто мы здѣсь впервые начинаемъ изслѣдованія; изысканія послѣдняго столѣтія уже устранили развѣ навсегда многія гипотезы, которымъ а priori нельзя отказать въ нѣкоторой возможности. Книга Даниила не есть сборникъ отрывковъ, но нѣчто цѣльное¹. Въ общемъ она лежитъ передъ нами въ томъ видѣ, какой ей далъ авторъ; интерполяцій нѣтъ и слѣда. Что касается ея происхожденія, то мы находимся передъ слѣдующей альтернативой: или она написана Данииломъ вскорѣ по окончаніи Вавилонскаго плѣна, или въ царствованіе Антиоха Епифана, вскорѣ послѣ начала Маккавейскаго восстанія; третьяго предположенія нельзя допустить.

Тутъ нужно замѣтить тотчасъ, что внѣшнія показанія о книгѣ Даниила позволяютъ свободный выборъ между обоими предположеніями. Зачисленіе ея въ канонъ Ветхаго Завета ничуть не опредѣляетъ ея древности, потому что вопросъ именно въ томъ, когда это зачисленіе произошло. Древнѣйшее показаніе о ея каноничности находимъ въ первой книгѣ Маккавеевъ, которая влагаетъ въ уста умирающаго Маттаеи указаніе на главы 3 и 6. Но послѣдній авторъ писалъ послѣ смерти Іоанна Гиркана въ 106 году до Р. X. (гл. 16, 24), болѣе чѣмъ черезъ 60 лѣтъ послѣ начала восстанія. До тѣхъ поръ прошло достаточно времени для принятія книги Даниила, если послѣдняя написана въ 165 г. до Р. X. Что Маттаея дѣйствительно произнесъ приписываемыя ему слова, конечно нельзя считать доказаннымъ на основаніи показанія лица, жившаго двумя по-

¹ Въ послѣднее время de Lagarde снова защищалъ этотъ взглядъ, (Gött. Gel.-Anz. 1891 стр. 498—520).

колѣніями позже! Правда, греческій переводчикъ изреченій Иисуса сына Сирахова (позже 132 г. до Р. X.) знаетъ священную книгу, распадающуюся на три отдѣла, но отсюда не видать, чтобы это относилось къ книгѣ Даниїла. Поэтому мы имѣемъ право выставить оба вышеупомянутыя предположенія. Но мы должны пойти дальше и заявить, что есть факты, которые придаютъ больше вѣроятности маккавейскому происхожденію. Иисусъ сынъ Сираховъ (около 200 г. д. Р. X.) не приводитъ ни Даниїла, ни трехъ его товарищей, которые такъ подошли бы къ его «хвалебной пѣснѣ предкамъ» (гл. 44 и сл.): развѣ онъ поступилъ бы такъ, если бы зналъ книгу Даниїла? И почему-же, спросимъ дальѣ, данная книга находится не тамъ, гдѣ ее всякій искалъ бы и куда ее перемѣстилъ уже Александрійскій переводчикъ, именно между пророками, а напротивъ въ третьемъ отдѣленіи, гдѣ помѣщены Агіографы и между ними самыя позднія книги Ветхаго Завѣта? Отдѣлъ пророковъ былъ уже законченъ, когда стала извѣстной книга Даниїла и признана достойной приѣма въ число Священныхъ Писаній. Но я не придаю этому большого значенія: одни внѣшнія показанія, какъ охотно признаю, не приводятъ еще къ окончательному рѣшенію. Но развѣ книга сама — развѣ она не выдаетъ себя за произведеніе Даниїла? Дѣйствительно, въ глав. 7—12 авторъ постоянно говоритъ въ первомъ лицѣ, между тѣмъ какъ въ гл. 1—6 онъ всегда упоминается въ третьемъ лицѣ, при чемъ мѣстами такъ восхваляется, какъ обыкновенно не водится дѣлать о себѣ самомъ (Гл. 1, 17, 19, 20; 5, 11 и слѣд.; 6, 4). Это обстоятельство можно объяснить или тѣмъ, что настоящій авторъ имѣетъ достаточное основаніе говорить такимъ образомъ въ главахъ отъ 1 до 6 о себѣ самомъ и своихъ товарищахъ, или во вторыхъ тѣмъ, что авторъ главы 1—6, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Даниїломъ, заставляетъ послѣдняго говорить собственными словами въ гл. 7—12. Какое изъ двухъ предположеній принять, зависитъ отъ дальнѣйшаго изученія обѣихъ частей. И дѣйствительно оно рѣшаетъ дѣло, притомъ такъ очевидно и недвусмысленно, что ни одинъ разумный человѣкъ не сталъ бы колебаться въ выборѣ, если-бы только не существовало постороннихъ причинъ, мѣшающихъ видѣть вещи таковыми, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ. Картина будущаго,

развернутая въ гл. 7—12, во всемъ, что касается Персидскаго царства, не только не полна, но и невѣрна; относительно Александра Великаго и его наслѣдниковъ она согласуется съ фактами; мѣры Антіоха Эпифана противъ іудейской религіи описаны въ ней до мельчайшихъ подробностей; изъ маккавейскаго возстанія упоминается по крайней мѣрѣ начало. Но дальше этого факта свѣдѣнія автора не идутъ. Время возобновленія законнаго богослуженія въ іерусалимскомъ храмѣ онъ опредѣляетъ многократно, но всегда не точно; гибели Антіоха онъ ждетъ въ другомъ видѣ и при другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ это произошло въ исторіи; о событіяхъ, слѣдующихъ за тѣмъ, онъ рисуетъ блестящую картину, которая по всѣмъ нунитамъ опровергнута дѣйствительностью. Вотъ что можно сказать о пророчествахъ; перейдемъ теперь къ историческимъ указаніямъ въ гл. 1—6. Насколько ихъ можно сравнить съ достовѣрной исторіей, они оказываются въ непримиримомъ противорѣчій съ послѣдней. Выведеніе евреевъ изъ Іерусалима въ третьемъ году царствованія Іоакима; царствованіе Вальтасара сына Невухаднецара въ Вавилонѣ во время его завоеванія; замѣна Вавилонскаго царства Мидійскимъ, Вальтасара—Даріемъ Мидяниномъ—вотъ факты, прямо противорѣчащіе надежнѣйшимъ свидѣтелямъ. Что изъ этого слѣдуетъ? Что невѣроятно, будто Даніилъ самъ это рассказываетъ и будто *такая* картина будущаго ему была открыта сверхъестественнымъ и механическимъ путемъ. Напротивъ, очень вѣроятно предположить, что современникъ преслѣдованій Эпифана могъ знать и не знать именно то, что, какъ оказывается, извѣстно и не извѣстно автору книги Даніила.

Хотя мы такъ рѣшительно остановились на этомъ выборѣ, мы не считаемъ еще дѣло оконченнымъ. Мы не воздаемъ еще всего долгаго книгѣ Даніила, пока разсматриваемъ лишь его предсказанія съ точки зрѣнія исторической дѣйствительности и относительно его рассказовъ спрашиваемъ лишь, насколько они согласуются съ твердо установленными фактами. Если мы кромѣ того рассмотримъ книгу въ ея совокупности, какъ предсказанія, такъ и рассказы, то обнаружится еще яснѣе, что гипотеза о ея маккавейскомъ происхожденіи вполне оправдывается. Именно, подъ давленіемъ страшныхъ преслѣдованій правовѣрный израильтянинъ, склоненный надъ писаніями пророковъ

(гл. 9, 2), могъ возъимѣть надежду, что теперь «время конца» настало, и что скоро возсіяетъ день избавленія, и начнется месіанскій вѣкъ. Твердо убѣжденный, что вѣрныи слуга Іеговы не будетъ покинутъ своимъ Господиномъ, и что дерзость язычниковъ, посягнувшихъ на корону Бога Израиля, будетъ въ конецъ посрамлена—онъ могъ приободрить своихъ товарищей по несчастьямъ и поддержать ихъ стойкость, указывая примѣрами Даниила и его друзей, а также примѣрами Невухаднецара и Бельсацара на судьбу, ожидающую ихъ самихъ и тиранновъ.

Но чѣмъ вызвана такая форма? Правда, ожиданія какъ разъ подходятъ къ жертвамъ преслѣдованія; правда, мораль разсказовъ какъ разъ та, въ какой онѣ нуждаются; но что побуждаетъ автора облекать ихъ въ такую форму, влагать въ уста Даниила то, что онъ самъ можетъ возвѣщать, какъ слово Божіе, и на судьбѣ древнихъ праведниковъ дѣлать очевиднымъ то, что онъ могъ бы удобно высказать и въ другомъ видѣ? Эти послѣднія сомнѣнія также исчезаютъ при нѣкоторомъ размышленіи. Въ теченіе трехсотъ лѣтъ уже не появлялось пророка во Израилѣ; то время, когда «Господь Богъ ничего не предпринималъ, не открывая своей тайны пророкамъ, своимъ слугамъ» (Ам. 3, 7), казалось, безвозвратно прошло. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ авторъ ясно сознавалъ, что его убѣжденія суть плоды изученія писаній пророковъ и серьезнаго размышленія надъ ними. Онъ остался вѣрнымъ этимъ убѣжденіямъ, заставляя предшественника высказывать то, чему онъ самъ научился у предшественниковъ. Зачѣмъ же не прибѣгнуть къ Даниилу, тому образцу благочестія и небесной мудрости, на который уже Езекииль указывалъ своимъ современникамъ (гл. 14, 14, 20; 28, 2)? Если мы точнѣе не можемъ обосновать это, то причина въ томъ, что мы не знаемъ тѣхъ преданій о Даниилѣ, которыя дошли до автора, и не можемъ сказать, насколько онъ примкнулъ къ нимъ. Но этотъ пробѣлъ не мѣшаетъ намъ признать, что изложеніе книги въ цѣломъ вполнѣ соответствуетъ характеру первой маккавейской эпохи.

Такимъ образомъ наша гипотеза оправдывается со всѣхъ точекъ зрѣнія; нѣтъ ни одного явленія, котораго она не объяснила бы. Ни одного? Но развѣ она не заставляетъ насъ отрицать всякое значеніе за книгой Даниила? Вотъ непосредственный результатъ маккавейской гипотезы именно въ глазахъ

которые берутся опровергать ее. Но между ея защитниками нѣтъ ни одного, который признавалъ бы это мнимое послѣдствіе. Они правда имѣютъ вѣрный взглядъ на тѣ свойства, которыми книга Даниила не въ свою пользу отличается отъ писаній пророковъ; но это не мѣшаетъ имъ воздать должное автору книги, дать мѣсто этому Неизвѣстному между праведниками и героями Израиля. Нельзя смотрѣть свысока на «маккавейскаго начетника или египетскаго мечтателя». «Духъ витаетъ тамъ, гдѣ ему угодно», а благоговѣніе подобаетъ передъ твердой вѣрой и тамъ, гдѣ она обнаруживается и въ необычныхъ формахъ.

Та же самая книга Даниила можетъ послужить намъ далѣе для перехода отъ первой ко второй части нашей задачи, къ объясненію разницы между критическимъ и гармонистическимъ методомъ. Она, какъ уже упомянуто, даетъ намъ своеобразное представленіе о паденіи Халдейской или Вавилонской монархіи. Послѣдній царь ея низвергается престарѣлымъ уже Даріемъ Мидяниномъ (гл. 5, 31); за нимъ слѣдуетъ Киръ Персіянинъ (ср. гл. 9, 1 съ 10, 1 и 1, 21). Соотвѣтственно этому во снѣ Невухаднецара (гл. 2) и въ видѣніи четырехъ звѣрей и Сына Человѣческаго (гл. 7), Халдейское царство уступаетъ мѣсто Мидійскому, а оно въ свою очередь Персидскому. Конечно послѣднія находятся въ связи между собой и даже могутъ объединяться въ другомъ видѣніи (гл. 8) въ образѣ козла съ двумя рогами, но всетаки ихъ слѣдуетъ различать, и относительно господства надъ Вавилономъ одно по времени предшествуетъ другому. Далѣе извѣстно, что объ этомъ знаменательномъ событіи, особенно объ основаніи Персидскаго царства, до насъ дошло много извѣстій, которыя столь же мало согласны другъ съ другомъ, какъ и съ книгой Даниила. Намъ съ дѣтства еще нравился ясный и отдѣланный до мелочей рассказъ Геродота, а также описаніе Ксенофонта въ Киропедіи. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ не согласны извѣстія Дейнона, Ник. Дамаскина и Моисея Хоренскаго, которые также уклоняются другъ отъ друга¹. Какого же взгляда держатся теперешніе историки на столь разнорѣчивыя показанія?

Вѣдь между ними есть такія, которыя импонируютъ древностью происхожденія или другими преимуществами, какъ напр.

¹ См. М. Duncker, Geschichte des Alterthums, Bd. II, стр. 446—452.

показанія Геродота и Ксенофонта, которые путешествовали по Персїи. Обязаны-ли мы поэтому привести къ гармонїи всѣ эти свѣдѣнія или по крайней мѣрѣ древнѣйшія и наиболѣе рекомендуемыя и считать главныя обстоятельства въ нихъ строго историческими? Никто этого не думаетъ; наоборотъ, историки, понимающіе свое дѣло, какъ Bähr, Duncker и Canon Rawlinson, довольны, если они установили гипотезу, которая сама по себѣ вѣроятна и въ то же время объясняетъ происхожденіе позднѣйшихъ разукрашенныхъ и противорѣчивыхъ извѣстій. Такъ, они отказываются допустить, чтобы Астиагъ выдалъ свою единственную дочь за перса и такимъ образомъ перенесъ гегемонію отъ господствующаго народа къ покоренному. Киръ былъ сынъ управителя Персїи, или, если угодно, платившаго дань князя той страны. А какое же составить себѣ мнѣніе о разсказахъ, утверждающихъ, и довольно согласно, совсѣмъ противоположное? Нужно обратить вниманіе на ихъ происхожденіе и цѣли и сопоставить послѣднія съ идеями ихъ авторовъ, знакомыми намъ другими путями; тогда удастся объяснить ихъ генетически и совершенно удовлетворительнымъ образомъ. Мнѣ право тяжело отказаться отъ удовольствія подробнаго изложенія, но я долженъ ограничиться указаніемъ на образцовый разборъ М. Duncker'a. Дарія Мидянина онъ совсѣмъ не принимаетъ въ расчетъ, отчего исторія ничуть не страдаетъ. На критикѣ Библии лежитъ лишь обязанность дать надлежащее объясненіе уклоненіямъ, замѣчаемымъ въ книгѣ Даниила, что не требуетъ большого труда ¹.

Какъ велика сила преданія, ясно доказываетъ тотъ фактъ, что обыкновенный читатель Ветхаго Завѣта не замѣчаетъ, что тамъ встрѣчается совершенно подобное же противорѣчіе въ показаніяхъ, и при томъ относительно самой національной фигуры въ исторїи Израиля, царя *Давида*. Не принимая пока въ расчетъ болѣе тонкихъ оттѣнковъ, мы можемъ сказать, что въ Ветхомъ Завѣтѣ представлены три типа Давидовыхъ. Одинъ—Хронистомъ въ глав. 11—29 первой книги: *Давидъ, основатель Иерусалимскаго культа*. Другой въ оглавленіи псалмовъ, чи-

¹ Послѣ появленія этой статьи Кюнена, открыты были надписи Набоннда и Кира и Вавилонская Хроника, которыя блестяще оправдали критическіе взгляды современныхъ историковъ.

сломя 73, носящихъ его имя: *Давидъ религиозный поэтъ*, царственный арфистъ. Третій наконецъ въ 1 Сам. 16—1 пар. 2: *Давидъ храбрый воинъ*, вольный наѣздникъ, счастливый монархъ, слабый отецъ. Что эти три картины находятся въ связи между собой, наврядъ ли нужно говорить. Конечно Хронистъ опускаетъ известную ему исторію судьбы Давида во время Саула и Исбосета, и, что еще характернѣе, рассказъ о его семейной жизни (2 Сам. 9—20) и споръ о престолонаслѣдіи (1 Пар. 1); но другими свѣдѣніями изъ второй книги Самуила (гл. 5—8, 24 и т. д.) онъ пользуется. Псаломъ о торжественномъ открытіи богослуженія на Сіонѣ взятъ изъ книги Псалмовъ, хотя не изъ числа тѣхъ, которые тамъ приписываются Давиду. Такія же точки прикосновенія существуютъ между вторымъ и третьимъ типомъ. Къ составу второй книги Самуила (гл. 21—24) приложенъ Псаломъ 18 въ видѣ пѣсни Давида, а рядомъ съ нимъ лебединая пѣснь царя (гл. 23, 1—7), напоминающая нѣкоторые псалмы. Но и въ связанномъ изложеніи событій онъ также выставленъ какъ поэтъ (2 Сам. 1, 18—27; 3, 33 и сл.) и искусный артистъ на арфѣ (1 Сам. 16, 18). Тѣмъ легче, казалось бы, можно разсматривать эти три типа, какъ различныя стороны одного и того же, и попытаться соединить ихъ въ нашемъ изображеніи историческаго Давида. Другими словами, выставляется, конечно еще безъ яснаго отчета, гипотеза, что три автора распредѣлили между собой работу и дополняютъ другъ друга. Вотъ бессознательная гармонистика диллетанта, которая примѣнялась затѣмъ вполне сознательно теологической наукой, и теперь еще въ полности или болѣе умѣренно употребляется апологетами. Зачѣмъ же намъ не высказать открыто, что эта попытка становится труднѣе день ото дня? Имъ не удастся изъ трехъ типовъ создать дѣйствительное единство; очевидно, что они не мирятся другъ съ другомъ. Въ древнѣйшей картинѣ послѣднихъ дней Давида нѣтъ мѣста нигдѣ великому собранію, которое намъ описывается въ 1 Хрон. 28, конечно не для дополненія стараго изложенія, а для присвоенія ему болѣе достойной и благовидной формы. Послѣднее относится собственно ко всему, въ чемъ Хронистъ полнѣе своихъ предшественниковъ. Его Давидъ, считающій себя недостойнымъ строить храмъ въ виду обильно пролитой на войнѣ крови (гл. 22, 8; 28, 3), со всѣмъ не похожъ на военнаго героя книгъ Самуила. Отъ по-

слѣднаго существенно отличается и авторъ псалмовъ. Между идеей о прощеніи грѣховъ, лежащей въ основѣ Пс. 32, и жертвоприношеніемъ потомковъ Саула за грѣхи отца (2 Сам. 21, 1—14) лежитъ глубокая пропасть. Чистый монотеизмъ псалмовъ не принадлежалъ къ вѣрованіямъ того дома, въ которомъ Терафимъ были всегда подъ рукой (1 Сам. 19, 11—17). Благочестивыя мнѣнія, выражаемыя Давидомъ тамъ и сямъ въ древнѣйшемъ историческомъ разсказѣ (1 Сам. 26, 14; 2 Сам. 16, 25 и сл.; 17, 10 и сл.), носятъ совсѣмъ иной отпечатокъ, чѣмъ тѣ, которыми отзывается большинство Псалмовъ, украшенныхъ его именемъ. Мнѣнія, высказанныя въ Пс. 18, 21—27, не подобаютъ устамъ человѣка, общественная и домашняя жизнь котораго несвободны отъ пятенъ. Но довольно! Мы не могли оставить безъ испытанія гипотезу о единствѣ трехъ типовъ Давида—если мы желаемъ сохранить ее, мы должны примириться съ психологической невозможностью, или-же насиловать факты.

Здѣсь слѣдуетъ *выбрать* одинъ типъ, и конечно безъ колебанія тотъ, который описанъ въ книгахъ Самуила. Мы не можемъ ограничиться тутъ тѣмъ, что устранимъ Хрониста и откажемся отъ нѣсколькихъ и даже большинства оглавленій псалмовъ. Это будетъ полумѣрой, которая устранимъ лишь бросающіяся въ глаза противорѣчія и оставитъ неразрѣшенными остальные. Только въ томъ случаѣ, если мы будемъ строго придерживаться книгъ Самуила и главнымъ образомъ древнѣйшихъ находящихся тамъ извѣстій, только тогда мы создадимъ въ своемъ умѣ дѣйствительный историческій образъ царя. Конечно онъ стоитъ выше своихъ современниковъ, но все таки подходит къ нимъ и совершенно уместенъ по сосѣдству съ суровымъ героическимъ періодомъ Израиля, только что законченнымъ, и съ эпохой Соломона, построившаго храмъ Іеговъ и въ то же время святилища Астартѣ, Молоху и Камосу (1 Цар.)

Но откуда же взялись остальные типы и, прибавимъ еще, тѣ черты въ книгахъ Самуила, которыя плохо или совсѣмъ не подходятъ къ указанному историческому образу? Сначала я долженъ обратить вниманіе на то, что критическій методъ можетъ получить ложное освѣщеніе, если читатель приметъ сдѣланный выше краткій очеркъ его примѣненія за полное изложеніе его. Исслѣдованіе естественно простиралось и на детали, и даже основывалось на нихъ. При этомъ относительно Хроникъ ока-

залось, что онѣ не только въ общемъ неточны, но и въ отдѣльности противорѣчатъ старѣйшимъ извѣстіямъ и очень невѣроятны. Также подорванъ уже давно авторитетъ оглавленій псалмовъ; большинство ихъ очевидно невѣрны, и кромѣ того доказано по внѣшнимъ и внутреннимъ мотивамъ, что они всѣ очень поздняго происхожденія, не восходятъ раньше эпохи второго храма и, слѣдовательно удалены отъ царя Давида на разстояніе многихъ столѣтій. Поэтому нѣтъ никакого произвола и «насилія», если мы, по необходимости, заставляемъ оба позднѣйшихъ типа уступить мѣсто древнѣйшему, изображенному въ книгахъ Самуила. Затѣмъ еще возникаетъ вопросъ, откуда взялись другіе образы, и наша гипотеза станетъ на твердую почву лишь тогда, когда дастъ удовлетворительный отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Послѣднему требованію она вполне удовлетворяетъ. Давидъ не былъ забытъ своимъ народомъ. Политическія событія придавали все больше и больше значенія его личности и его дѣлу, объединенію Израиля, такъ что позднѣйшія поколѣнія все болѣе цѣнили его какъ образецъ еврейскаго царя и соотвѣтственно съ тѣмъ идеализировали его. Сильно, вѣроятно, содѣйствовали этому надежды на возрожденіе и восстановленіе его династіи, мессіанскія ожиданія. Между тѣмъ и религіозныя убѣжденія духовныхъ вождей Израиля подверглись существеннымъ перемѣнамъ; понятіе о Іеговѣ и подобающемъ Ему служеніи становилось все возвышеннѣе и чище. Это не могло остаться безъ вліянія на представленія, создавшіяся о Давидѣ; образъ его по необходимости подвергся переработкѣ, соотвѣтственно новымъ идеямъ о Божествѣ, для того чтобы остаться преимущественно такимъ, какимъ его считали уже современники, — «мужемъ по сердцу Іеговы». Поэтическій даръ и музыкальныя способности, которыя ему приписываетъ и древнее преданіе, онъ могъ употреблять не иначе, какъ для возвеличенія Бога Израиля. Такимъ образомъ ему и его современникамъ уже довольно рано стали приписывать религіозныя гѣсны. Когда затѣмъ, послѣ Вавилонскаго плѣна, стала пышно развиваться храмовая поэзія и храмовая музыка изъ древнѣйшихъ началъ, то легко могла явиться мысль видѣть автора ихъ въ лицѣ Давида. Такимъ образомъ проложенъ путь для близкаго, но не тождественнаго изображенія его личности и дѣяній, какое мы встрѣчаемъ у Хрониста. Послѣ реформы

Эвры и Неемиа (440 г. до Р. Х.) религія и культъ для многихъ стали нераздѣльны; только великому царю Давиду, а если возможно то и самому Іеговѣ (1 Хр. 28, 19), можно приписать устройство въ храмѣ и распредѣленіе богослуженія. Правда, всякій зналъ, что не Давидъ, а Соломонъ построилъ Домъ Божій; но все таки первый не преминулъ же сдѣлать подготовленія къ великому дѣлу (ср. Сам. 8, 10 слѣд.). И зачѣмъ полагать, что онъ только устроилъ храмовые хоры, а не назначилъ также жрецовъ, левитовъ и привратниковъ и не распредѣлил ихъ на классы? Казалось необходимымъ дополненіемъ пробѣловъ въ древнѣйшихъ преданіяхъ, если приписать ему всѣ эти мѣры, которыя и признаетъ за нимъ Хронистъ. Но мнѣнію тѣхъ, для кого «одинъ день въ предверьяхъ Божіихъ лучше тысячи другихъ дней», человѣкъ «по сердцу Іеговы» не могъ этого не сдѣлать.

Факторы, изъ которыхъ выведено въ этомъ бѣгломъ очеркѣ происхожденіе различныхъ типовъ Давида, не принадлежать воображенію, но взяты оба изъ дѣйствительности. Если подробнѣе изложить вопросъ и привести также исторію Моисеева законодательства, то это сдѣлалось бы еще болѣе очевиднымъ. Но и теперь уже мы имѣемъ право утверждать, что переработка, и именно въ этомъ направленіи, дѣйствительнаго типа Давида была исторически необходима. Оказывается, стало быть, что наша гипотеза, въ пользу которой сначала говорила лишь ея внутренняя вѣроятность, даетъ полный отчетъ и о томъ матеріалѣ, который находится въ распоряженіи историка.

Нашъ обзоръ типовъ царя Давида представляетъ собой больше, чѣмъ заурядный примѣръ примѣненія критическаго метода въ противоположность гармонистическому. Онъ освѣщаетъ также происхожденіе и развитіе библейскаго изображенія историческихъ событій, и знакомитъ съ тѣми вліяніями, которымъ оно подвергалось. Всѣ эти вліянія можно охватить названіемъ *религіознаго фактора* и прибавить къ этому положеніе, что признаніе этого фактора и примѣненіе его къ историческимъ изслѣдованіямъ—вотъ, что отличаетъ современную критику отъ прежней. Если спросить противниковъ объ отличительномъ признакѣ современнаго метода, то они несомнѣнно назовутъ прилагаемую критику *тенденціозной* и приведутъ это какъ причину, почему они не могутъ примѣнуть къ гос-

подствующему направленію, не будучи вообще — о Боже сохрани! — противъ критики. Сторонникъ тенденціозной критики — такъ примѣрно выставляютъ они дѣло — спрашиваетъ при обсужденіи библейскаго разсказа не о подтвержденіи его фактами, а о конечной цѣли автора. Стало быть, онъ а priori утверждаетъ, что авторъ имѣлъ опредѣленную цѣль; что онъ не думалъ или не только думалъ о сообщеніи событій, но о томъ, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе, выразить то или другое наставленіе, внушить другимъ собственное религиозное воззрѣніе. Правда, это не предосудительныя цѣли, но онѣ способны слѣлать подозрительнымъ свидѣтеля, раздѣляющаго ихъ, а то и совсѣмъ негоднымъ. Тенденціозный критикъ своимъ ни на чемъ не обоснованнымъ недоувѣріемъ лишаетъ всякаго значенія историческія показанія... Такъ говорятъ наши противники. Ихъ взгляды и вытекающее изъ нихъ изложеніе дѣла мы можемъ признать только отчасти. Ихъ ошибка тотчасъ обнаруживается въ пристрастіи къ названію «тенденціозная критика», которое поистинѣ не опредѣляетъ теперешняго метода во всемъ его содержаніи и поэтому неправильно. Конечно, мы находимъ во многихъ библейскихъ разсказахъ опредѣленную цѣль; но мы остерегаемся говорить, будто она совершенно произвольно избрана авторомъ. Когда разсказчикъ придаетъ событіямъ опредѣленное освѣщеніе, онъ конечно дѣлаетъ это *для того*, чтобы другіе видѣли ихъ такъ, а не иначе, но прежде всего еще *потому*, что онъ самъ ихъ такъ видитъ. Последняго обстоятельства прозвище «тенденціозная критика» совсѣмъ не выражаетъ, а оно главное. И дѣйствительно авторы Библии видѣли лица и событія въ томъ-же свѣтѣ, въ какомъ они ихъ изображаютъ. Если же спросите, почему они часто получаютъ не такъ, какъ были, происходили и даже изображены предшественниками, то отвѣтомъ будетъ: потому, что авторы имѣли собственную точку зрѣнія, отличавшую ихъ отъ предшественниковъ. Намъ стоитъ нѣкотораго труда сразу понять это. Мы сами привыкли и стараемся изо всѣхъ силъ, чтобы наши личные взгляды и симпатіи не вліяли на наши представленія о прошломъ, и считаемъ несправедливымъ не дѣлать этого.

Но что намъ даетъ возможность поступать такъ? То, что наши личныя убѣжденія, по крайней мѣрѣ относительно, независимы отъ нашихъ взглядовъ на прошлое; поэтому то или

другое представленіе о немъ не является потребностью или во всякомъ случаѣ жизненной потребностью. Раньше было иначе. Тогда «историческая дѣйствительность» и «истина» совпадали, и такъ какъ истина передавалась непосредственно и прямо отъ Бога, то приходилось думать, что она съ самаго начала была открыта вполне. Поэтому были безсознательно перенесены въ болѣе раннія времена тѣ познанія о Сущности и Волѣ Божіей, которыя пріобрѣтены лишь впоследствии. Понятіе объ историческомъ развитіи тогда еще не создавалось; тогда не знали и не могли знать о томъ, какъ зародышъ истины среди сильной борьбы и сопротивленія освобождается отъ заблужденія, съ которымъ сначала соединенъ, затѣмъ развивается свободно, чтобы снова вступить въ соединенія, отъ которыхъ впоследствии опять долженъ освободиться. Съ точки зрѣнія тогдашняго тензма, истина также неизмѣнна, какъ Тотъ, отъ Котораго она истекаетъ, и даже постепенное откровеніе — въ сущности компромиссъ между настоящимъ супранатурализмомъ и теоріей развитія—было тогда недоступнымъ понятіемъ. Выводъ ясенъ и не требуетъ объясненій. Для того, чтобы историческая непрерывность у древнихъ, а особенно у Израиля, не нарушалась, прошлое постоянно должно было приравливаться къ настоящему и подвергаться соответственному перерожденію или переселенію душъ. Это можно назвать закономъ религіозной историографіи. По крайней мѣрѣ извѣстно, что ему должны подчиниться, какъ израильская, такъ и древнехристіанская исторія. Треть ступенямъ развитія, которыя прошла религія Израиля: Пророкамъ, Второзаконію и жреческому кодексу, соответствуетъ тройкій взглядъ на исторію Израиля. Подобное-же явленіе замѣчаемъ и въ древнѣйшей христіанской литературѣ. Вездѣ, независимо отъ различія предмета, мы замѣчаемъ совершенно тотъ-же процессъ, образцомъ котораго можетъ служить іудаизмъ послѣ заключенія Канона. Предписанія и ближайшія опредѣленія, которыми ученые дополняли законъ Моисеевъ, принадлежали безспорно имъ самимъ и потому съ каждымъ столѣтіемъ становились многочисленнѣе и подробнѣе. Но во мнѣніи вѣрующаго іудея они столь-же святы и божественны, какъ самый законъ, а поэтому и столь-же древни, какъ послѣдній, т. е. происходятъ отъ Моисея, съ той лишь разницей

что они не были написаны, а высказаны устно и передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Можетъ показаться, что мы отклонились отъ нашей собственной темы, но это невѣрно. Стѣсненное положеніе, въ которомъ критикъ оказывается относительно извѣстій о Давидѣ, повторяется очень часто въ области Библии. Факты не только тутъ, но всегда, безъ исключенія, приводятъ къ крушенію попытки гармонизировать и принимать противорѣчащія другъ другу извѣстія лишь за разныя стороны одной и той же картины. Это обстоятельство должно имѣть свою причину, и мы должны были отыскать и указать ее. Пока не понимали этой зависимости, приходилось волею неволею удовлетворяться насильственными и даже невозможными гипотезами. Не рѣшались двигаться дальше, такъ какъ считали своей обязанностью дать каждому извѣстію фактическую подкладку, отъ которой считали себя не вправѣ отказаться. Эта крайность теперь устранена. Противорѣчіе мѣстами было столь очевидно, что его нельзя было не признать, а за признаніемъ послѣдовало и объясненіе. Послѣднее такого рода — объ этомъ можетъ судить и самъ читатель, — что характеръ писателей совѣмъ не затрагивается, между тѣмъ какъ значеніе документовъ для исторіи и духовнаго развитія Израиля скорѣе возвышается, чѣмъ уничтожается. И въ противномъ случаѣ мы бы тоже должны были помириться; но право намъ нѣтъ основанія жаловаться. Критика освобождаетъ насъ отъ нѣкоторыхъ мнимыхъ фактовъ, которыхъ мы не знали куда помѣстить, и въ то же время открываетъ намъ доступъ къ лабораторіи религіознаго духа, который мы тѣмъ лучше поймемъ, чѣмъ ближе станемъ разсматривать.

IV.

Оправданіе критическаго метода я раньше назвалъ излишнимъ; я думалъ ограничиться однимъ изложеніемъ его. Отъ этого мнѣнія я не отказываюсь; но надѣюсь, я не буду себѣ противорѣчить, если постараюсь разъяснить тутъ въ бѣглыхъ чертахъ, что тѣ жалобы, возбуждаемыя противъ критики, очень часто основываются на недостаточномъ знакомствѣ съ ея методомъ и потому при ближайшемъ знакомствѣ замолкнуть сами собой.

Какой, на примѣръ, смыслъ имѣеть утверженіе, что новѣйшая критика Библии *слѣдуетъ* «теоріямъ», а не «фактамъ»? Этими хотаятъ конечно сказать, что она часто приводитъ къ отрицанію того, что въ библейскихъ источникахъ считается «фактами». Но тогда нужно говорить объ источникахъ и преданіяхъ, которыхъ право нельзя же приравнять къ фактамъ. Къ дѣйствительнымъ фактамъ критика питаетъ величайшее уваженіе, потому то она и начинается съ документовъ, твердо прилѣпляется къ нимъ, и кончаетъ ими-же. Вотъ ея «факты», за которые она постоянно держится. Она положительно исключаетъ теоріи, т. е. такія, которыя не обоснованы и не оправдываются документами. Могутъ ли противники современной критики утверждать то же самое о себѣ?

Столь же неосновательна жалоба на *разрушительный* характеръ критики. Можетъ быть покажется наивнымъ, но какъ бы просто это ни было, разъ навсегда нужно высказаться: совсѣмъ не въ ея силахъ уничтожать что нибудь на свѣтѣ. Въ противномъ случаѣ она отказалась бы пользоваться такой силой. Она слишкомъ цѣнитъ значеніе фактовъ, чтобы отказаться даже отъ одного изъ нихъ: она бы напротивъ желала увеличить ихъ число! Она оставляетъ ихъ существовать въ томъ видѣ, въ какомъ они переданы намъ. Каковы бы ни были результаты критики объ отдѣльныхъ книгахъ Ветхаго и Новаго Завета, объ ихъ историческомъ содержаніи, объ ихъ религіозномъ значеніи, она тѣмъ не менѣе признаетъ, что эти книги приняты въ Канонъ іудейской синагогой и христіанской церковью и оставляетъ въ полной силѣ фактъ этого приѣма. «Разрушительна» она только для «теорій», которыя въ теченіе столѣтій создались относительно этихъ фактовъ и теперь еще имѣютъ много сторонниковъ. Сюда относится на примѣръ теорія, что собиратели Канона никогда не ошибались относительно авторовъ и историческаго значенія тѣхъ книгъ, которыя они считали достойными занять мѣсто въ собраніи. Очень можетъ быть—хотя мы вѣрно и не знаемъ—что тогдашніе ученые приписывали «Экклевіаста» царю Соломону и считали книгу Эсеир чисто исторической. Мы охотно взвѣсиваемъ это мнѣніе, предположивъ, повторяю, что оно дѣйствительно принадлежало тѣмъ неизвѣстнымъ, но признавать его или слѣпо слѣдовать ему мы не можемъ и не обязаны. Если отрицаніе и измѣненіе такихъ

рѣшеній «разрушительно», то критика въ высокой степени заслужила это названіе. Но развѣ могутъ ее упрекать за это протестанты, которые не признаютъ ни непогрѣшимости Церкви, ни непогрѣшимости Синагоги?

Сюда примыкаетъ и столь же непонятное положеніе, будто новѣйшая критика *отрицательна*. Ей противопоставляютъ положительную критику. Оба эпитета одинаково непригодны. Истинная критика всегда отрицательна и положительна въ одно и то же время, отрицательна лишь затѣмъ, чтобы стать положительной. Если дѣйствительность получается лишь при устраненіи одной части преданія, критикъ понятно не долженъ отступать. Но можетъ быть дѣло въ томъ, что гипотезы критики о лицахъ и фактахъ прошлаго менѣе прекрасны и увлекательны, чѣмъ тѣ извѣстія, которыя дошли до насъ по преданію, можетъ быть поэтому критика называется отрицательной? На такія соображенія у меня двойкій отвѣтъ. Во первыхъ, вѣдь тѣ извѣстія для насъ не пропадаютъ; если они дѣйствительно такъ прекрасны и увлекательны, то они таковыми и остаются и ничто не мѣшаетъ ими и впредь наслаждаться. Конечно, мы не можемъ ихъ болѣе разсматривать какъ слѣпки съ дѣйствительности; но развѣ отъ этого зависитъ ихъ эстетическое и религиозное значеніе? Вѣдь обыкновенно мы не отвергаемъ прекрасныхъ параболъ и назидательныхъ легендъ! А во вторыхъ, никакъ нельзя согласиться, будто установленная критикой картина прошлаго по красотѣ и религиозному содержанію всегда уступаетъ традиціонному изображенію. Будь дѣйствительно такъ, мы тоже могли бы по указаннымъ уже причинамъ стерпѣть это. Но наоборотъ—сплошь и рядомъ критика *реабилитируетъ* ветхо—и новозавѣтныя личности, что имѣеть тѣмъ большее значеніе, такъ какъ критику, вѣрному своимъ правиламъ, совершенно чуждо намѣреніе выставлять ихъ въ благопріятномъ свѣтѣ. Развѣ не бросается въ глаза тотъ фактъ, что много обвиненій, право не безпочвенныхъ, которымъ въ прежнее время подвергались праведники Израиля, тотчасъ рухнули, когда извѣстія о нихъ подверглись испытанію критики? Относительно патріарховъ я не могу доказать этого, не выступая за назначенные мнѣ предѣлы; могутъ спросить, можно ли сказать вообще, что современная критика оправдываетъ патріарховъ, когда разсматриваетъ ихъ не какъ личности, а какъ олицетво-

ренія, хотя она и устраняетъ много неприятностей? Но возьмемъ на примѣръ Самуила! Если я долженъ считать историческимъ то, что разсказывается, хотя и съ цѣлью возвеличенія, о его поведеніи при избраніи царя (1 Сам. 8; 10, 17—26; 12); если я долженъ признавать два извѣстія объ отверженіи Саула (1 Сам. 13, 8—14; 15) и помазаніи Давида (16, 1—13),—то я не вижу возможности спасти Самуила и долженъ возложить на него отвѣтственность за тѣ разочарованія, которыми окончилось возведеніе Саула на престоль. Замѣтимъ, что критика, именно непредубѣжденная критика, даетъ намъ возможность уважать его и впредь какъ одного изъ великихъ мужей Израиля. Въ другой формѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ при царѣ Давидѣ. Читателямъ вѣроятно не безъизвѣстно, какъ строго осуждаетъ его такой превосходный историкъ, какъ профессоръ Max Duncker. Я противъ такого авторитета охотно возьму на себя защиту Давида; но подъ однимъ условіемъ,— что я могу пользоваться критикой въ тѣхъ неограниченныхъ предѣлахъ, какіе указаны выше. Если бы мнѣ пришлось признавать преданіе во всемъ его объемѣ, я конечно очутился бы въ затрудненіи, какъ отвѣчать на тѣ или другія подозрѣнія, появляющіяся на примѣръ у Duncker'a; лишь тогда, когда очистишь образъ Давида отъ всего, что прибавили позднѣйшія поколѣнія для прикрасы, тогда онъ остается «героємъ», а тамъ гдѣ не ведетъ себя по геройски, остается «человѣкомъ и братомъ». То же можно повторить и о новозавѣтныхъ личностяхъ.

Основательнѣе повидимому возраженіе, что результаты критики крайне не вѣрны и уже осуждены взаимнымъ несогласіемъ критиковъ, а часто кромѣ того измѣнчивостью взглядовъ одного и того же лица. Вообще говоря, такому доводу нельзя придавать большого значенія. Разногласіе относительно истины стоитъ бесконечно выше согласія въ ошибкахъ. Какъ нельзя опровергать протестантство помощью «l'histoire de ces variations», такъ нельзя опровергать и критику указаніемъ на ея движеніе ощущью.

Частенько она направлялась по ложному слѣду и вѣроятно теперь еще по многимъ вопросамъ стоитъ на невѣрномъ пути, потому что «человѣкъ заблуждается, пока стремится». Но развѣ поэтому нужно перестать стремиться? Впрочемъ мы не должны прибѣгать къ этимъ общимъ соображеніямъ, такъ какъ нашъ

разборъ критическаго метода даетъ на дѣлѣ окончательное опроверженіе тѣхъ нападокъ, о которыхъ мы говоримъ. Прежде всего онъ далъ намъ ясное понятіе о величайшихъ трудностяхъ, съ которыми долженъ бороться историкъ Израиля и древняго христіанства. Какъ скудость, такъ и своеобразный характеръ источниковъ постоянно ставятъ его въ затрудненіе. Мы не могли согласиться съ тѣми, которые совѣтовали поэтому лучше прекратить изслѣдованія; но мы должны были признать, что лишь увеличеніе числа источниковъ можетъ устранить ту неувѣренность, которая теперь безспорно существуетъ. При данномъ положеніи вещей, должны предполагаться и такія гипотезы, которыя хотя и не опровергаются, но и не удостоверяются фактами, такъ что окончательнаго рѣшенія установить нельзя. Поэтому неизбѣжно, что по одному и тому же вопросу обыкновенно защищаются двѣ гипотезы, которыя, опровергая одна другую, не опровергаются извѣстными фактами. Во вторыхъ нашъ разборъ критическаго метода обращаетъ особенное вниманіе на всегда существующее, но часто не замѣчаемое вліяніе, какое *субъективный факторъ* оказываетъ на исторіографію. Я выразился, что задача историка состоитъ въ выводѣ и разборѣ гипотезъ, такъ какъ по моему мнѣнію въ этихъ словахъ заключается самое чистое и полное опредѣленіе его дѣятельности. Но кромѣ того это опредѣленіе имѣетъ еще то преимущество, что рѣзко отмѣчаетъ, какое вліяніе имѣетъ личность историка, его проникательность, его способность къ комбинаціямъ, все то, что я могъ бы назвать словомъ гениальность, если бы это названіе не примѣнялось исключительно къ гению въ болѣе научномъ смыслѣ. Ernest Naville недавно еще напомнилъ намъ, какую роль эта духовная способность играетъ даже въ естественныхъ наукахъ, которыя славятся своей объективностью¹, а въ области литературы и исторіи значеніе ея для достиженія истины конечно еще больше. Мы бы не особенно удивились, если бы кто нибудь испугался массы нагроможденныхъ историческихъ изслѣдованій о Ветхомъ и Новомъ Заветѣ и пришелъ къ заключенію просто бросить весь этотъ балластъ и обратиться исключительно къ первоисточникамъ. Но все-таки онъ поступилъ бы глупо, и лишилъ бы

¹ La logique de l'hypothèse (Bibl. de Phil. contempor.) Paris 1880.

себя такимъ путемъ доброй половины вспомогательныхъ средствъ. Или это слишкомъ сильно сказано? Въ такихъ вещахъ каждый по существу дѣла можетъ лишь отвѣчать за себя, и авторъ этой статьи не колеблется признаться, что онъ столь-же не охотно отказался бы отъ того, что другіе видѣли въ источникахъ, и отъ выведенныхъ отсюда гипотезъ, какъ и отъ самихъ источниковъ. Опытъ научилъ его, что факты правда говорятъ, но что часто ихъ голосъ не слышенъ, пока «уши не отверсты» (Пс. 40, 7). Знакомство съ критическимъ методомъ научаетъ насъ понимать это, и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнить работы предшественниковъ. Но еще яснѣе онъ намъ показываетъ, какъ неразумно жаловаться на перемѣны въ критическихъ результатахъ и выставлять ихъ какъ доводъ противъ критики. Тамъ, гдѣ субъективность играетъ такую важную роль, тамъ понятно не могутъ отсутствовать всѣ естественныя послѣдствія ея.

Это приводитъ насъ къ послѣднему замѣчанію. И въ томъ, что касается духовныхъ способностей, которыя я раньше отмѣтилъ, каждый есть сынъ своего времени. Всякое послѣдующее поколѣніе не только имѣетъ больше позитивныхъ знаній чѣмъ предъидущее, но и въ силу подвинувшася развитія имѣетъ другую точку зрѣнія и болѣе свѣтлый взглядъ на прошлое. Отсюда слѣдуетъ, что изображеніе той или другой части миновавшей дѣйствительности, набросанное однимъ поколѣніемъ, не вполне удовлетворяетъ послѣдующее. *L'histoire est toujours à refaire*, если даже источники ея не измѣняются. Но что разъ завоевано для науки, уже не пропадаетъ снова. Исторія есть прогрессирующая наука, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если историки считаютъ своимъ долгомъ не игнорировать работу своихъ предшественниковъ, а разбирать ихъ. Какъ же можно не мириться съ колебаніями исторіи? Если цѣпь не прерывается умышленно, мы должны въ ней замѣтить постепенное приближеніе къ истинѣ. Пускай «наши маленькія системы спокойно прекратятъ свое существованіе, отживши свой день». Это былъ лишь «преломленный свѣтъ», которому не суждено сохраняться. О лишь бы только онъ увеличивали наши познанія о той истинѣ, «которая выше ихъ»!

Ю. В.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹.

Годъ пролетѣлъ, и я долженъ былъ причислиться къ лику святыхъ, т. е. перейти въ привилегированный IV-й классъ, гдѣ *habeas corpus act* получаетъ полное примѣненіе. Но тутъ случилось такъ, что я, съ переходомъ въ этотъ классъ, поступилъ также неожиданно *«на казенный счетъ»*. Надобно знать, что, начиная съ IV-го класса, стали принимать учениковъ на казенное содержаніе, на полный интернатъ. Поступали, конечно, тѣ, которые привнавались начальствомъ наиболѣе достойными. Но такъ какъ въ послѣдствіи такіе ученики должны были отслуживать опредѣленное число лѣтъ, по назначенію отъ правительства, то весьма неохотно, и лишь по нуждѣ, соглашались быть *«казеннокоштными»*. Меня также намѣтило начальство и вступило въ официальную переписку съ отцомъ чрезъ «столичнаго» городничаго. Какъ мнѣ объявилъ директоръ въ классѣ, онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы городничій убѣжденіемъ склонилъ отца на согласіе. И дѣйствительно это согласіе по начальству дошло до Житомира, и я сдѣлался казеннокоштнымъ ученикомъ.

Съ этого времени началась совершенно новая жизнь, жизнь въ общежитіи, среди семидесяти еще другихъ учениковъ, дѣтей и взрослыхъ, на которую условія закрытаго заведенія налагаютъ особый отпечатокъ. Здѣсь ученики состояли не только изъ казеннокоштныхъ, но и изъ *«своекоштныхъ»*, которые, будучи болѣе или менѣе состоятельны, платили за содержаніе, подчиняясь общему режиму. Это были дѣти такихъ родителей, которые не желали оставлять дѣтей безъ надзора. По возрасту составъ интернатскихъ былъ крайне разнообразный: здѣсь рядомъ съ десятилѣтнимъ ребенкомъ

¹ См. „Восходъ“, кн. VII.
Восходъ, кн. 11.—12

встрѣчался и великовозрастный, гдѣ двадцати пяти и болѣе. По наклонностямъ, характеру, способностямъ, полученному дома воспитанію и сословіямъ контингентъ этотъ составлялъ самую разношерстную массу.

Но ознакомимся съ внѣшнею и внутреннею обстановкою того зданія, гдѣ помѣщалась раввинская семинарія; взглянемъ поближе на жизнь еврейской бурсы, на ученическіе и учительскіе типы и на направленіе, которое тамъ вырабатывалось, благодаря условіямъ общежитія. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы встрѣтимся во многомъ съ чертами общей бурсы, такъ талантливо нарисованной Помяловскимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ натолкнемся и на отличительныя черты еврейской бурсы, составляющія результатъ національныхъ особенностей.

Житомирское раввинское училище помѣщалось на углу Чудновской и Мало-Бердичевской улицъ. Обѣ улицы, отдаленныя отъ центра города и, слѣдовательно, отъ городского шума, вполне соответствовали назначенію училища. Единственное разнообразіе, на которое оно могло рассчитывать, это—тюрьма, которая была расположена какъ разъ насупротивъ зданія, окна противъ оконъ. Въ минуты отдохновенія ученики, бывало, усаживались на подьоконникахъ и заглядывали въ окна тюрьмы, гдѣ, въ свою очередь, располагались арестанты, и другъ на друга молча поглядывали. Чувствовалось нѣчто общее въ лишеніи свободы, въ разлукѣ съ родными и въ мечтаніяхъ о выходѣ изъ затворничества. Но разница была довольно наглядная: въ училищѣ не было тѣхъ желѣзныхъ рѣшетокъ у оконъ, какія украшали окна тюрьмы, и въ этомъ именно заключалась зависть однихъ и тайная радость другихъ. Но тѣмъ не менѣе на лицахъ тѣхъ и другихъ замѣчалось выраженіе молчаливой симпатіи, и нерѣдко ученики разсуждали на тему о томъ, какъ бы тѣ считали себя счастливыми, если бы могли очутиться въ ихъ положеніи, и это одно уже составляло значительное облегченіе участи учениковъ.

Зданіе училища состояло изъ двухъ съ половиною этажей. Нижній этажъ походилъ на погребъ: окна его прямо выходили на тротуаръ. Тамъ помѣщались низшіе классы до четвертаго и одинъ изъ высшихъ—седьмой. Здѣсь пахло такою сыростью, что польскій писатель Крашевскій, разъ посѣтившій съ ди-

ректоромъ учающе, при входѣ въ одинъ изъ классовъ, прямо поддался назадъ, выразивъ на лицѣ крайнее удивленіе. Во второмъ этажѣ помѣщались всѣ прочіе высшіе классы и инспекторская. Здѣсь были просторныя, свѣтлыя комнаты, весьма удобныя для классовъ. Въ третьемъ этажѣ помѣщалась такъ называемая общая квартира, общежитіе казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Пробираясь вверхъ по длинной, крытой лѣстницѣ, вы всходите на стеклянную галерею, отъ которой въ общежитіе ведутъ широкія двери. Но здѣсь вниманіе останавливается на чуланѣ, составляющемъ отдѣленную, замкнутую часть галереи. Это самое интересное отдѣленіе бурсы, отдѣленіе *сундучное*. Это—святая святыхъ, въ которой все держалось въ секретѣ. Здѣсь хранились подъ замками всѣ настоящія драгоценности бурсы: чай, сахаръ, пряники, домашнія печенья, гусиное сало, а иногда и спиртные напитки у великовозрастныхъ. Здѣсь цѣлый день царствовала гробовая тишина и лишь предъ обѣдомъ, а иногда и предъ завтракомъ, происходило сильное оживленіе: открывали замочки, шарили по сундукамъ, доставая изъ разныхъ угловъ различное съѣдобное, и дѣлали все это подъ полуприкрытыми крышками сундуковъ, чтобы чужое око не заглядывало. Несмотря, однако, на всѣ эти предосторожности, часто случалось, что самые богатые сундучки оказывались совершенно опорожненными къ великому горю ихъ обладателей и къ еще большому горю родныхъ, которые, получивъ печальное извѣстіе, должны были присылать новыя лакомства. Эти продѣлки всегда происходили по ночамъ,—благо въ чуланѣ выходили окна изъ спаленъ, откуда, пользуясь непробуднымъ сномъ товарищей, весьма удобно было тихонько пробраться къ сундукамъ и наслаждаться вдоволь чѣмъ попало. Это обыкновенно дѣлали всѣ, кто только отличался веселымъ нравомъ и кому ничего не стоило чужое неудовольствіе и лишеніе. Это были шалости, простительныя въ глазахъ многихъ, шалости, которымъ иные даже аплодировали, но которыя ввергали въ продолжительное уныніе обиженныхъ. За исключеніемъ этихъ шалостей, въ чуланѣ происходили иногда очень трогательныя сцены: близкіе товарищи угощали другъ друга иногда въ открытую, выкладывая все для выбора. Это происходило въ торжественныя минуты жизни,

или въ праздничные дни, когда было весело на душѣ. Иногда совершенно бѣдные товарищи надѣлялись необходимымъ—сахаромъ или чаемъ. Какъ бы то ни было, чуланъ, это мертвое въ сущности помѣщеніе, свидѣтельствовало о живой связи учениковъ съ родными: надъ нимъ постоянно витала духъ еврейскихъ матерей и сестеръ, которыя снабжали своихъ дѣтей и братьевъ всѣмъ, что были только въ состояніи для нихъ изготовить, начиная отъ дорогихъ печеній и кончая простыми лепешками на яйцахъ. Я остановился нѣсколько на этомъ чуланѣ, потому что онъ игралъ весьма важную роль въ жизни еврейской бursы: въ немъ часто проливались слезы радости, но чаще—слезы отчаянія и зависти.

Изъ этой же галлерей, на которой помѣщался чуланъ, широкія двери вели въ довольно обширный корридоръ, усѣянный кругомъ вѣшалками для платьевъ. Изъ корридора направо открывалась умывальная, въ которой стоялъ громадныхъ размѣровъ круглый умывальникъ съ мѣднымъ водоемомъ, утыканнымъ кранами; подъ этими послѣдними—большой мѣдный тазъ. Въ умывальной старшіе ученики сѣкли младшихъ по своему усмотрѣнію съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ происходила классная порка по пятницамъ. Здѣсь сѣкли не разъ въ недѣлю, а по нѣскольку разъ въ день. Болѣе эта умывальная ничѣмъ не была замѣчательна. Другія двери, расположенныя прямо противъ входныхъ, вели изъ корридора въ большой залъ съ большимъ числомъ оконъ, глядѣвшихъ на тюрьму. Въ этомъ залѣ, отъ оконъ по направленію къ дверямъ, расставлены была шесть или семь длинныхъ столовъ, съ длинными скамейками по обѣимъ сторонамъ и табуретами во главѣ стола, у самой стѣны, гдѣ сидѣлъ такъ называемый старшій—отвѣтственное лицо за всѣхъ сидѣвшихъ за его столомъ. У стѣны противъ оконъ расставлены были шкафчики, гдѣ лежали книги и тетради каждаго стола. По обѣимъ сторонамъ зала были расположены спальни: съ одной стороны—въ двухъ свѣтлыхъ комнатахъ, а съ другой—въ трехъ комнатахъ, изъ которыхъ одна была менѣе свѣтлою и выходила въ историческій чуланъ. На косякахъ дверей каждой спальни красовался длинный ночникъ, состоявшій изъ длинной, металлической трубки, налитой водою до верху, въ которую опу-

скалась длинная, сальная свѣча, рассчитанная такъ, чтобы горѣла отъ 11 ч. вечера до 6 ч. утра. Къ верху трубка принимала видъ болѣе или менѣе широкой, рѣшетчатой галлерей, чрезъ которую горѣвшая свѣча отбрасывала раскодившіяся по стѣнамъ длинныя тѣни. По мѣрѣ мерцанія свѣчи, тѣни эти дѣлались подвижными и будто плясали по стѣнамъ. На учениковъ съ богатымъ воображеніемъ онѣ производили удручающее впечатлѣніе и пугали ихъ ночью, когда они почему-либо просыпались. Какъ бы они ни укутывались въ свои одѣяла, въ ихъ воображеніи все-таки рисовалась какая то пляска въ царствѣ тѣней, которая долго, долго не давала имъ спать. Для такихъ учениковъ это были самые мучительные часы ночи.

Внѣ зданія былъ широкій дворъ, такъ называемый парадный, гдѣ ученики гуляли во время перемѣнъ въ классахъ, или же во время отдыха отъ занятій, происходившихъ въ общей квартирѣ. Со стороны улицы былъ длинный заборъ съ воротами, которыя, по окончаніи классныхъ занятій и уходѣ всѣхъ вольноприходящихъ, не жившихъ въ общежитіи, запирались, чтобы никто изъ учениковъ куда-нибудь не поступался. Въ противоположной сторонѣ отъ забора былъ флигель, гдѣ жилъ экономъ-подрядчикъ, классическій Ицко. Тамъ же была и кухня. Противъ главнаго корпуса красовался еще одинъ флигель, въ которомъ была столовая изъ двухъ комнатъ и больница, куда поступали ученики въ случаѣ болѣзни и лѣчились училищнымъ врачомъ, ежедневно посѣщавшимъ училище. Рядомъ съ больницей помѣщалась квартира надзирателя, жившаго при общей квартирѣ и наблюдавшаго за порядкомъ. Парадный дворъ сообщался мимо квартиры надзирателя съ чернымъ дворомъ, въ которомъ находились всѣ службы. Этотъ черный дворъ, въ свою очередь, имѣлъ безпрепятственное сообщеніе съ дворомъ сосѣдняго дома, чрезъ который очень удобно было, укрывшись отъ взора надзирателя, пробраться куда-нибудь въ городъ и возвращаться также незамѣтнымъ образомъ. Задѣлка сосѣдняго двора потребовала бы казеннаго расхода, на который суммы не отпускались, а ученикамъ это было на руку.

Порядокъ при общежитіи поддерживался двумя столпами: надзирателемъ, жившимъ, какъ мы знаемъ уже, при самой

квартирѣ, и старшимъ надзирателемъ, занимавшимъ при училищѣ должность, соотвѣтствовавшую инспекторской должности при гимназiи. Его надзоръ былъ самый широкій—внутренній въ стѣнахъ училища, и внѣшній надъ частными квартирами, въ которыхъ жили ученики группами отъ 6 до 10 человекъ. Такой же надзоръ онъ имѣлъ и надъ общею квартирною.

Какъ надзиратель, такъ и старшій надзиратель были люди съ опредѣленною системою надзора, которая значительно облегчала ученикамъ задачу принаравливаться къ ней. Утромъ надзиратель являлся на верхъ ровно въ 6 часовъ, чтобы поднять учениковъ съ постелей. Бывали молодцы изъ учениковъ, которые вставали раньше 6 часовъ, что такъ же строго запрещалось, какъ и вставать послѣ 6 ч. Тѣмъ не менѣе они, незадолго до наступленiя 6 ч., тушили свѣчи и принимали видъ, будто только что встали. Ранѣе появленiя надзирателя, на готовѣ стоялъ уже сторожъ съ колоколомъ въ рукахъ, который только того и ждалъ, чтобы данъ былъ приказъ будить. По мановенiю надзирательскаго жезла, сторожъ обходилъ спальни, звоня во всю ивановскую. Нельзя забыть того состоянiя внезапнаго пробужденiя отъ колокольнаго звона, въ какое впадали ученики. Это было продолжавшееся нѣсколько минутъ самое мучительное чувство, когда слышишь и начинаешь сознавать уже значенiе внезапнаго шума, но находишься еще въ оковахъ сна, изъ которыхъ трудно насильно вырваться. На всѣ жалобы по этому поводу—нуль вниманiя. Коль скоро порядокъ этого требуетъ, то колокольный звонъ является столь же необходимъ, какъ законъ тяготѣнiя, или законъ паденiя тѣлъ. Больше всѣхъ страдали тѣ ученики, которые глубоко спали и которыхъ колокольный звонъ сразу не поднималъ. Когда они оказывались спящими еще послѣ того, какъ сторожъ успѣлъ уже обойти спальни съ противоположной стороны, надзиратель, въ сопровожденiи сторожа, начиналъ торжественное шествiе по спальнямъ и, самолично срывая съ несчастныхъ одѣяла, кричалъ: «Звони ему на ухо», а этотъ звонъ на ухо приводилъ просыпавшихся въ бѣшенство: они часто инстинктивно вырывали изъ рукъ надзирателя одѣяла, а изъ рукъ сторожа — колоколъ, за что, конечно, они еще

сверхъ того подвергались наказанію какъ немоторные и строгитивые.

Оканчивая такъ блестяще первый шагъ своей дневной дѣятельности, надзиратель торжественно отправлялся вниъ, вручая власть старшимъ ученикамъ. Въ это время могло происходить все, что угодно: это уже не было дѣломъ надзирателя. Черезъ два часа онъ являлся вновь на молитву. Обыкновенно кто-нибудь изъ учениковъ, состоявшихъ въ училищномъ хорѣ, становился у аналоя въ качествѣ кантора, а другіе ученики ему вторили. Происходила-ли молитва, или нѣтъ, — объ этомъ надзирателю не было и не могло быть извѣстно. Это былъ не-еврей, но онъ все таки долженъ былъ наблюдать за еврейскою молитвою, чтобы она происходила по всѣмъ правиламъ обряда. вмѣсто молитвы ученики часто повторяли уроки по исторіи, географіи, или вообще читали что-нибудь подъ молитвенный напѣвъ. Очень часто ученики, подъ общій напѣвъ, отпускали насчетъ надзирателя плоскія шутки, которыя вызывали общій смѣхъ, и оправдывались тѣмъ, будто кто-то изъ учениковъ неправильно пѣлъ молитву. Словомъ, около получаса на глазахъ надзирателя происходило нѣчто невозможное и всегда сходило съ рукъ какъ ни въ чемъ не бывало. Этоть-же надзиратель вѣдалъ и хозяйственную часть молитвенной утвари. У него на рукахъ находились молитвенники, тѣлинъ (филактеріи) и т. п. И вотъ разъ онъ всѣхъ удивилъ своей распорядительностью. У учениковъ на рукахъ стали откладываться черныя полосы отъ филактерійныхъ ремней, а на лбахъ — квадратныя черныя пятна отъ головныхъ филактерій. Всѣ были крайне озадачены и обратились за разъясненіемъ къ надзирателю, который заявилъ, что по его распоряженію всѣ филактеріи переданы были на отчетку сапожнику, который ихъ усердно намазалъ вѣсой. Объ этомъ поступкѣ доведено было до свѣдѣнія еврейскаго инспектора училища Эйхенбаума, который принялъ мѣры къ тому, чтобы подобное болѣе не повторялось.

По окончаніи молитвы отправлялись всѣ въ столовую и спускались съ лѣстницы съ такимъ шумомъ, какъ будто спасались отъ пожара. Тутъ уже надзирателю ничего нельзя было подѣлать. Сколько онъ ни кричалъ, сколько ни приво-

длѣ въ порядокъ учениковъ, чтобы они выходили попарно изъ зала, ничто не помогало: какъ только доходили до лѣстницы,—все въ разбродъ: кто въ чуланъ за припасами, кто стремглавъ внизъ по лѣстницѣ, и порядку конецъ. Такъ и приходилось надзирателю у лѣстницы оставлять всякую надежду на водвореніе порядка.

Въ столовой надзиратель мѣрнымъ шагомъ молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, рѣдко обнаруживая признаки надзора. Онъ выжидалъ только конца завтрака, послѣ котораго ученики отправлялись въ классъ, чтобы освободить его на цѣлый день отъ надзора. Къ обѣду то же самое, затѣмъ занятія, и опять молитва.

Самый торжественный актъ дѣятельности этого надзирателя происходилъ по вечерамъ, когда онъ сгонялъ учениковъ со двора на верхъ, на ученіе. «Маршъ, въ *занимательный* залъ! кричалъ онъ. Маршъ, маршъ!» Затѣмъ онъ сторожу приказывалъ подавать *занимательныя* свѣчи; и когда весь залъ бывалъ освѣщенъ, ученики садились за столы со старшими во главѣ и брались каждый за свое дѣло, онъ, немного походя по залу и обходя снальни, удалялся во свояси. Ученики были предоставлены самимъ себѣ и дѣлали что хотѣли.

Надзиратель этотъ смотрѣлъ на учениковъ свысока. Онъ считалъ ихъ жидками, не заслуживающими его вниманія. Отношенія его къ ученикамъ были чисто формальнаго свойства. Не проронить, бывало, ни единого слова, которое не касалось-бы его обязанностей. Ученикамъ всѣхъ классовъ говорилъ «ты», несмотря на то, что между учениками IV-го класса уже находились такіе, которые стояли выше его по образованію. Объ ученикахъ же высшихъ классовъ нечего и говорить, что они, по образованію и развитію, были для него недосыгаемы, но тѣмъ не менѣе выслушивали его «ты» снисходительно, относясь къ нему свысока и не принимая ни сколько къ сердцу его навѣжливое обращеніе. Иногда ученики высшихъ классовъ позволяли себѣ на этотъ счетъ шутки. Бывало одинъ изъ нихъ подходитъ къ нему и говорить:—отпустите *намъ*, пожалуйста, пару сапогъ, *намъ* совсѣмъ уже износились. — Скажи: кому это *намъ* и сколько паръ?—Всего одну пару, господинъ надзиратель! — Отчего-же

ты говоришь «намъ»?—Это я потому говорю, что вы вѣдь никогда не скажете мнѣ «вы», такъ я самъ себя такъ величаю. Это, кажется, не запрещено?—Ну, ужь если впрямь хочешь, чтобъ я сказалъ «вы», то приходи, пожалуйста, еще съ однимъ ученикомъ, и тогда обоимъ скажу «вы». Этотъ надзиратель сталъ мнѣ говорить «вы», когда я былъ уже въ высшихъ классахъ и когда онъ слышалъ, что самъ директоръ мнѣ сказалъ «вы» и обращался со мною внимательно. Тогда онъ сразу переѣвилъ фронтъ и не только началъ мнѣ говорить «вы», но и сталъ вообще ко мнѣ въ фамиллярныя отношенія, а лѣтомъ даже приглашалъ меня на землянику. Вотъ что значитъ воздѣйствіе сильной власти своимъ примѣромъ.

Интересно сравнить этого надзирателя съ другимъ класснымъ надзирателемъ одного образованія и чина. Дальше перваго никто изъ нихъ не пошелъ, а одинъ, державшій въ нашемъ же училищѣ экзаменъ на первый чинъ, не могъ отвѣтить на вопросъ: «сколько продолжалась тридцатилѣтняя война?» Все, что было въ нихъ одинаковаго, это—чинъ и созвучіе въ имени. Одинъ назывался Б-о-вичъ, а другой — Б-не-вичъ. Во всемъ же остальномъ они были другъ другу діаметрально противоположны. Надзиратель квартиръ Б-не-вичъ былъ человекъ невзрачный, а надзиратель Б-о-вичъ былъ красивый, статный мужчина. Отъ перваго несло табакомъ, какъ будто отдававшимся еще какимъ-то специфическимъ запахомъ не то кислаго яблока, не то тухлыхъ яицъ; отъ втораго пахло духами, которыхъ онъ былъ большой любитель. Мундиръ перваго всегда былъ въ заплатахъ, а пуговицы въ такой-же степени стерты, какъ и матерія мундира. Вообще мундиръ и пуговицы были такъ же ветхи, какъ и первый чинъ его, который уже давно за нимъ числился. У втораго же мундиръ какъ съ иглочки, пуговицы всегда свѣжи и блестящи, какъ недавно полученный чинъ. Лицо перваго отличалось землянистымъ цвѣтомъ, изъ носа и ушей торчали длинные, густые волосы, перемѣшанные съ табачными пылинками; носъ его оканчивался длиннымъ, толстоватымъ закругленіемъ, почему ученики и прозвали его «*табакеркой*». У втораго лицо исполнено было живаніи и отличалось подвижностью и гармоніей. У перваго были манеры пономаря, собирающагося на колокольню, или

монаха, посвятившаго себя аскетическому образу жизни. Второй отличался манерами вполнѣ свѣтскими и могъ быть украшеніемъ самаго изысканнаго салона. Походка перваго походжа была на походку бабы, идущей на барщину, точь въ точь какъ показывали ее медвѣди. Походка втораго отличалась граціозностью. Первый тѣмъ только и занимался, что доносилъ на учениковъ за самовольныя отлучки и шалости, а второй, напротивъ, былъ человѣченъ и снисходителенъ. Какъ поспѣешь, такъ и пожнешь. Перваго сторонились, преслѣдовали кто какъ могъ, иногда даже очень чувствительно, а втораго всѣ любили и жаловали. Онъ былъ отличнымъ танцоромъ, а этого было достаточно, чтобы у учениковъ появилась мысль объ обученіи танцамъ. Заявлено ходатайство у директора о важномъ значеніи танцевъ вообще и въ частности для евреевъ, которыхъ надобно выправить и научить граціознымъ манерамъ. Дѣло выгорѣло, и начались танцы въ общей же квартирѣ. Танцовали старъ и младъ. Платили немногіе, но такъ какъ В-о-вичъ былъ добрякъ, то самъ приглашалъ охотниковъ танцевать, и бурса затанцовала такъ, что пыль столбомъ стояла во всемъ залѣ. В-не-вичъ страшно косился на безпорядокъ, вносимый танцами въ квартиру, но директоръ стоялъ за нихъ, и ни онъ, ни самъ старшій надзиратель ничего не могли подѣлать противъ танцевъ. Танцы сдѣлались всеобщимъ увлеченіемъ и явленіемъ эпидемическимъ. Самые серьезные раввинчуки пускались въ плясъ, забывъ свое положеніе въ будущемъ и приличіе въ настоящемъ. Научившись танцамъ, раввинчуки стали отправляться на маскарадныя балы въ житомирскомъ театрѣ. Изобрѣтательность раввинистовъ давала имъ возможность являться на эти балы въ самыхъ поразительныхъ, изысканныхъ костюмахъ. Уму дана была задача серьезная: при самыхъ ничтожныхъ средствахъ выполнить костюмы изящные, а главное — обращающіе на себя сразу вниманіе. И на самомъ дѣлѣ костюмы раввинистовъ обращали на себя всеобщее вниманіе. Разъ на одинъ изъ баловъ явился трубочистъ съ помощниками, и одно появленіе ихъ ужъ приковало взоры всѣхъ. Трубочистъ появился въ одной изъ верхнихъ ложъ и оттуда сталъ чернымъ канатомъ спускаться внизъ на партеръ шаръ съ вѣнникомъ, ко-

торый подхватывался его помощниками — тоже трубочистами. Публика окружила трубочистовъ, и когда явился внизъ главный трубочистъ, то всѣ дамы на перерывъ съ нимъ танцовали, а другія поддерживали шаръ съ вѣникомъ. Тутъ-же находился и Б-о-вичъ, тутъ-же былъ и я подъ маской, подъ которой послѣдній меня, однако, узналъ и общалъ не выдать. Боже мой, если-бы польскія дамы знали, что танцуютъ съ жидами, да еще съ раввинистами, если-бы онѣ имѣли настоящее представленіе о своемъ предметѣ увлеченія, то съ ними случилось-бы то же самое, что съ одною русскою барышнею въ Петербургѣ, которая, увлекшись на балу галантнымъ кавалеромъ, узнала тутъ-же, что это еврей. Она не болѣе, не менѣе, какъ упала на балу въ обморокъ. А можетъ быть я не правъ, думая такъ о польскихъ дамахъ. Быть можетъ онѣ совершенно другого мнѣнія, по которому все равно съ кѣмъ танцуешь, лишь бы все происходило подъ маской, а воображеніе рисовало себѣ самое идеальное, что можетъ только привести въ восхищеніе женщину. Но какъ бы то ни было, полное разочарованіе должно было наступить у раввинистовъ, когда они должны были поздно ночью, послѣ такого чудно проведеннаго вечера въ сообществѣ съ аристократическими дамами, возвращаться на Чудновскую улицу и, перелѣзши чрезъ заборъ, украдкою пробираться въ спальню и смѣстить временно замѣнявшія ихъ чучела, устроенныя на ихъ кроватяхъ.

Классный надзиратель Б-о-вичъ, былъ мастеръ своего дѣла; онъ не только танцовалъ съ учениками въ Житомирѣ, но онъ продолжалъ танцовать съ ними во всѣхъ другихъ городахъ, куда они отправлялись во время каникулъ. Тутъ танцы принимали чисто-эпидемическій характеръ. Все въ городѣ танцовало: гимназисты, раввинчуки и еврейскія барышни, которыя просто боготворили любезнаго, милаго, граціознаго Б-о-вича за его антрепризу, которая имъ окончательно развязала руки. Гимназисты и раввинисты тогда цѣнились на вѣсъ золота, первые какъ будущіе врачи, занимавшіе тогда единственно благородную профессію у евреевъ, а раввинисты какъ будущіе неопредѣленные представители чего-то неяснаго, но, во всякомъ случаѣ, заманчиваго своей новизною. И такъ какъ общеніе жен-

щинъ съ мужчинами въ то время не было еще въ ходу, у евреевъ, въ особенности когда не представлялось къ тому никакого повода, то устраиваемые танцы являлись поводомъ къ тому, чтобы отпустить свою дочь въ тотъ или другой порядочный домъ исключительно для танцевъ. Кто могъ думать, что первое общеніе раввиниста съ прекраснымъ поломъ своей національности произойдетъ не на кафедрѣ проповѣдника, а на паркетномъ полу танцмейстера? Но оно такъ случилось, благодаря ловкости, умѣлости и таланту Б-о-вича, который всѣмъ рѣшительно нравился. Во всѣхъ городахъ его благословляли, потому что не было города, послѣ пребыванія въ которомъ Б-о-вича нѣсколько гимназистовъ или раввинистовъ не сдѣлались женихами. Такимъ образомъ танцы всюду оставляли глубокіе слѣды, и едва ли выдающіеся профессора раввинскихъ училищъ могли сдѣлать послѣднія болѣе популярными среди евреевъ, чѣмъ Б. своими танцами.

Вотъ вамъ разница между двумя надзирателями, изъ которыхъ одинъ своей дѣятельностью никакихъ другихъ слѣдовъ, кромѣ полосатыхъ пятенъ отъ филактерій, не оставилъ, а другой, кромѣ чувствительныхъ слѣдовъ, оставилъ по себѣ и добрую память.

Но познакомимся тоже и съ старшимъ надзирателемъ, который игралъ самую главную роль въ раввинской семинаріи. Это былъ непосредственный и ближайшій начальникъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось все, весь внутренній и внѣшній порядокъ училища. Ему подчинялись всѣ учителя и даже еврейскій инспекторъ, занимавшій, по отношенію къ еврейскимъ предметамъ, равную съ нимъ должность.

Получивъ свое воспитаніе въ духовной семинаріи, онъ отсюда вынесъ катехизисъ своихъ правилъ, которыя онъ съ свойственною ему односторонностью примѣнялъ къ жизни учебнаго заведенія. Онъ, правда, былъ глубоко убѣжденъ въ спасительномъ характерѣ этихъ правилъ; онъ искренно думалъ, что при помощи ихъ можно воспитать характеръ и волю человека и сообщить имъ желательное направленіе. Но это глубокое убѣжденіе, эти искреннія мечты дѣлали его еще болѣе смѣшнымъ въ глазахъ тѣхъ, которыхъ воспитывать онъ поставилъ себѣ задачею. При этомъ онъ былъ совершенно не знакомъ съ тою средою, на которую онъ долженъ былъ дѣйствовать, и мало изучалъ ту почву, на которую онъ бросалъ свои сѣмена. Съ еврейскими

дѣтьми онъ столкнулся впервые, не зная ни еврейскихъ нравовъ, ни присущихъ евреямъ чертъ характера. Тѣ познанія въ еврейскомъ языкѣ, которыя онъ вынесъ изъ семинаріи, казались ему совершенно достаточными для того, чтобы считать себя знатокомъ еврейскаго духа и еврейской жизни. Но эта исходная точка его была результатомъ крайняго заблужденія, и вотъ почему его система воспитанія вносила духъ неудовольствія какъ въ классы, такъ и въ общую квартиру. Многія изъ его правилъ не имѣли разумнаго основанія, а вытекали прямо изъ каприза. Заходить куда-либо слѣдовало, по его системѣ, не иначе какъ подъ прямымъ угломъ, хотя общеизвѣстно, что діагональ сокращаетъ путь. Застегиваться слѣдовало непременно снизу вверхъ, а разстегиваться наоборотъ, хотя-бы покрой платья диктовалъ болѣе удобные приемы. Раздѣваться слѣдовало непременно такъ, чтобы раньше раздѣваемое лежало внизу, а позже раздѣваемое на самомъ верху. Хотя этотъ порядокъ имѣетъ основаніе въ удобствѣ при одѣваньи, но требованіе безусловнаго его соблюденія во всѣхъ случаяхъ пахнетъ крайнимъ педантизмомъ. Такихъ правилъ у него было много. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда начали издаваться педагогическіе журналы, въ одномъ изъ нихъ (кажется въ Педагогическомъ Вѣстникѣ) собраны были всѣ эти правила какъ образецъ извращенной системы воспитанія. Мы ихъ тогда показали учителю словесности, который смѣялся вмѣстѣ съ нами. То, что составляло идеаль старшаго надзирателя, подвергалось осмѣянію и позору. Тѣмъ не менѣе онъ съ настойчивою энергіей преслѣдовалъ свою систему и выработалъ въ ученикахъ такой духъ оппозиціи, который сначала глухо сдерживался, а потомъ принялъ открытый характеръ.

Своимъ поведеніемъ онъ просто вызывалъ смѣхъ. Онъ всегда являлся въ общую квартиру въ опредѣленное время вечеромъ, или рано утромъ, до разсвѣта, а иногда—ночью; но ученики всегда знали заранѣе, когда онъ явится. Въ квартирѣ шли слухи, что жена его предписываетъ ему время посѣщенія и что кто-то объ этомъ сообщаетъ надзирателю. Появленіе его всегда сопровождалось слѣдующими условіями: распахиваются двери, входитъ фигура, которая дѣлаетъ быстрое движеніе подъ прямымъ угломъ и еще быстрѣе останавливается на опредѣ-

ленномъ мѣстѣ, — фигура одѣтая въ длинный плащъ съ поднятымъ вверхъ барашковымъ воротникомъ, изъ котораго выглядываютъ глаза и кончикъ длиннаго носа, принимающаго перпендикулярное къ потолку направленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ выжидательное положеніе. Въ эту минуту выскакиваетъ изъ за одного изъ стоящихъ въ классѣ столовъ старшій ученикъ, дежурный, который на почтительномъ разстояніи отъ него начинаетъ рапортъ такъ: «честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего высочородія, что у насъ въ квартирѣ все благополучно; учениковъ столько-то, изъ нихъ казеннокоштныхъ столько-то, своекоштныхъ столько-то, больныхъ столько-то, въ отпуску столько-то». Все это должно идти плавно, безъ всякой запинки и замѣшательства. Чуть малѣйшее отступленіе отъ порядка — исчисленія своекоштныхъ предъ казеннокоштными, или отпускныхъ предъ больными, — изъ-за глубокихъ угловъ воротника слышатся слова: «сорока—ворона» до тѣхъ поръ, покуда весь рапортъ не будетъ сданъ въ самой чистой формѣ. Послѣ того какъ рапортъ о благополучіи квартиры благополучно сданъ, старшій нерѣшительно, но мужаясь все больше и больше, докладываетъ, что въ этотъ день ученикъ утонулъ на глазахъ всѣхъ въ Тетеревѣ, или что ученикъ исчезъ неизвестно куда, сломалъ себѣ шею и т. п. Боже упаси, если-бы старшій захотѣлъ объ этомъ доложить до рапорта: онъ-бы получилъ столько разъ «сорока» и «ворона», что ему бы на самомъ дѣлѣ показало, что онъ или сорока, или ворона. Прежде надобно, чтобы все вышло благополучно, а потомъ давай всякое неблагополучіе. Такой порядокъ, — и разсуждать нечего. Кому нуженъ этотъ порядокъ, для чего онъ нуженъ, это никому не извѣстно. Очевидно для того, чтобы старшій надзиратель и старшій ученикъ исполняли свои обязанности. Ни порядка, ни благополучія въ квартирѣ никогда не было. Не даромъ наши поэты къ своимъ отпускнымъ товарищамъ писали въ своихъ эпистолахъ:

Сидимъ мы въ залѣ безотлучно,
Гдѣ рапортуютъ намъ всегда
„Въ квартирѣ все благополучно“, —
Чего не было никогда!

Послѣ рапорта, идетъ осмотръ шкафчиковъ съ цѣлю убѣдиться, всѣ ли книги въ порядкѣ, затѣмъ обзоръ спаленъ, — и

все находится въ наилучшемъ состояніи. Старшій надзиратель торжественно оставляетъ квартиру, въ восторгѣ отъ своего дисциплинирующаго таланта. Но какъ только онъ уходитъ, все принимаетъ обычный видъ; ни одного старшаго ученика на мѣстѣ не оказывается, кто въ дѣсь, кто по дрова. Мелюзга остается на собственномъ попеченіи и дѣлаетъ, что на умъ взбредетъ.

Разъ послѣ ухода старшаго надзирателя раздался оглушительный хохотъ, который тѣмъ былъ сильнѣе, чѣмъ дольше онъ едерживался во время ревизіи. Всѣ бѣгутъ по направленію къ крайнему столу, изъ-подъ котораго вытаскиваютъ еврея съ пейсами и бородой, грязнаго и обшарпаннаго... Онъ еле живъ, еще не совсѣмъ освобожденъ отъ столбняка, который на него напелъ. Комичное его положеніе усиливаетъ хохотъ, который продолжается до вывиха челюстей. Этотъ еврей-учитель, попросту меламедъ, и играетъ роль репетитора по Талмуду. Наука Талмуда трудная. Тѣ ученики, которые вступаютъ въ раввинскую семинарію съ талмудической подготовкой, довольствуются преподаваніемъ своего профессора; но тѣ, которымъ впервые приходится знакомиться съ этимъ источникомъ еврейскаго права, религіи и морали, писаннымъ на халдейско-арамейскомъ нарѣчій, должны хорошенько заниматься дома. Изученіе одного языка само по себѣ представляетъ значительныя трудности, а тутъ еще надобно преодолѣвать сжатость изложенія, требующаго истолкованія по имѣющимся въ Талмудѣ глоссамъ. Все это вынуждаетъ учениковъ, въ особенности низшихъ классовъ (преподаваніе Талмуда начинается въ IV-мъ классѣ) обращаться къ помощи меламеда. Но постороннимъ лицамъ входъ въ общую квартиру строго на строго воспрещается. И вотъ приходится, улучивъ время оставленія надзирателемъ квартиры, снарядить экспедицію, которая должна несчастнаго трусливаго меламеда водворять контрабанднымъ образомъ въ общую квартиру. Тамъ его усаживаютъ за крайній столъ, гдѣ окружаютъ его ученики съ фолиантами Талмуда. Онъ читаетъ и объясняетъ, нугливо овираясь ежеминутно. Онъ чувствуетъ, что онъ находится въ казенномъ учрежденіи подъ господствомъ гоевъ, которые, накрывъ его здѣсь, безжалостно отдадутъ его въ руки жандармовъ. Съ ними-же у него вовсе нѣтъ охоты

ближе знакомиться. Не ровень часъ, онъ окажется безпаспортнымъ, его сдѣлають бродягой и сошлютъ въ Сибирь. Что-же сдѣлають его жена и дѣти? Умрутъ съ голоду или попадутъ въ разрядъ ниществующей братіи. Эта картина—ежеминутно у него предъ глазами, и не мудрено, что онъ такъ пугается. Кто станетъ вступаться тогда за него, несчастнаго? На этотъ разъ давно ожидаемая катастрофа случилась. Раньше времени пришелъ старшій надзиратель, и когда всѣ сразу поднялись съ мѣсть, его душа ушла въ пятки; но все-таки онъ успѣлъ пшмыгнуть подъ столъ незамѣченнымъ, благодаря маневру ревизора, который, по обыкновенію, долженъ былъ продѣлать свой прямой уголъ и стать лицомъ по направленію къ сѣверу. Это направленіе было извѣстно, а потому меламеда всегда усаживали за тотъ крайній столъ, который стоитъ у южной стѣны и приходится, повѣтому, позади старшаго надзирателя. Можно себѣ представить, что творилось въ залѣ во все время пребыванія ревизора. Дежурный, еле сдерживая хохоть, путался въ рапортѣ, многіе изъ учениковъ придерживались рукою за ротъ, и на всѣхъ лицахъ было выраженіе страха, смѣшанное съ торжествомъ надъ начальствомъ. Такъ и было написано на этихъ лицахъ: «а вотъ и не подозрѣваешь, какая диковина здѣсь въ залѣ, за твоими же плечами; ну что твоя дисциплина и всѣ строгости?» Съ другой стороны, на этихъ-же лицахъ выражался тоже и испугъ: «а что если въ самомъ дѣлѣ откроютъ контрабанду?» Всѣ жалѣли въ эти минуты объ участи несчастнаго меламеда. Но все, какъ видите, окончилось благополучно. Все дѣло стояло испуга и столбняка, но зато доставило много минутъ истиннаго удовольствія. Рискъ—благородное дѣло, и переживание рискованныхъ минутъ есть своего рода подвигъ, о которомъ толковали цѣлую недѣлю. За то меламедъ тутъ-же объявилъ, что никогда въ жизнь больше приходитъ въ квартиру не станетъ. Двадцать пять копѣекъ за урокъ по Талмуду шестерымъ ученикамъ тоже заманчивая плата для меламеда (за четыре урока онъ имѣетъ одинъ рубль въ недѣлю,—предостаточно на прокормленіе семьи); но подвергать свое здоровье опасности и ставить жизнь семьи на карту — тоже дѣло не выгодное. Какъ поправить дѣло, долго не знали. Ученикамъ низшихъ классовъ отлучаться изъ заведенія весьма и весьма

рисковано. Наконецъ придумали. Въ сосѣднемъ дворѣ, смежномъ съ заднимъ дворомъ училищнаго зданія, былъ хорошій чердакъ, и вотъ рѣшили перенести туда академію для изученія Талмуда. Благо это легко было устроить, такъ какъ хозяйка этого дома очень бойко торговала за кныши у раввинистовъ. Такимъ образомъ на чердакѣ, обиталищѣ домашнихъ птицъ, котовъ, насѣкомыхъ и пауковъ, открылась школа у самаго слухового окна. Туда уже меламедъ не боялся приходить: по крайней мѣрѣ дѣло будетъ на чердакѣ у еврея. Ученики-же тоже не боялись: отлучаются на задній дворъ по надобности. Меламедъ и нѣсколько учениковъ кое-какъ помѣщались у слухового окна, кто на стропилахъ, кто на поломанномъ стулѣ, кто—стоя, а кто сгорбившись надъ головою сидящаго меламеда. Довольно большимъ фоліантамъ Талмуда тоже приходилось жутко: то одинъ тянется вверхъ до слухового окна, чтобы добыть оттуда немного свѣта, то другой отъ этого самого уходитъ внизъ, и когда доходить до нижнихъ стоекъ, то всё онѣ сливаются отъ недостатка свѣта. Бѣда—да и только!

Но бывали на чердакѣ и курьезы. Читаютъ мѣсто въ Талмудѣ, гдѣ говорится о раздѣленіи ночи на періоды. Признакъ наступленія одного изъ этихъ періодовъ тотъ, что Господь Богъ начинаетъ рычать какъ левъ,—и вдругъ, когда читаютъ это мѣсто, пѣтухъ какъ запоетъ на весь чердакъ. Начинается хохоть, и надъ меламедомъ отпускаются разныя шутки по поводу этого случайнаго совпаденія. Вообще меламеду доставалось порядочно. Онъ подвергался экзамену по такимъ вопросамъ, на которые не только онъ, но и любой профессоръ семинаріи отвѣта не дастъ. Ученикамъ вообще преподаваніе Талмуда казалось совершенно излишнимъ, но имъ нужно было исполнять программу, отвѣчать на урокъ въ классѣ съ грѣхомъ пополамъ и получать во что-бы ни стало отмѣтку *три*; большого и не добивались. Меламеду тоже вся эта исторія съ чердакомъ и преподаваніемъ раввинистамъ Талмуда казалась совсѣмъ излишнею, но ему тоже нужна была отмѣтка въ своей хозяйственной экономіи о полученіи 25 коп. И вотъ по этимъ простѣйшимъ основаніямъ непримиримое мирилось между собою: раввинистъ и меламедъ, будущій реформаторъ и современный консерваторъ, заключали между собой международную кон-

венцію на нейтральной территоріи чердака. Впрочемъ, евреи всегда учились на чердакахъ, вообще тамъ, гдѣ не слѣдуетъ учиться. Раньше они такъ должны были учиться, уходя отъ своихъ собственныхъ изувѣровъ, которые были твердо убѣждены, что ученіе—тьма, а неученіе—свѣтъ. Позже они должны были такъ учиться потому, что мѣшали старшіе надзиратели и разныя другія условія, о которыхъ мы будемъ говорить послѣ. Теперь, когда *наши* изувѣры перевелись, также евреямъ нельзя учиться, гдѣ и какъ слѣдуетъ, гдѣ можно и какъ должно учиться, а только тамъ—гдѣ имъ учиться не должно и только такъ, какъ не слѣдуетъ. Нынѣ иностранныя государства составляютъ для русскихъ евреевъ ту нейтральную территорію, на которой имъ можно учиться, они составляютъ для нихъ то же, что нейтральный Житомирскій чердакъ для раввинистовъ. Исторія просвѣщенія евреевъ довольно поучительна: они жаждутъ учиться, но имъ не даютъ, сначала свои, а потомъ—чужіе; ихъ гонятъ на чердаки; но они всю жизнь учатся и продолжаютъ учиться. Если историческій опытъ таковъ, то не лучше-ли оставить чердакъ въ покоѣ?

Таковъ порядокъ въ общей квартирѣ, къ которому мы еще возвратимся. Но взгляните также въ фигуры учениковъ. Есть малыши, которые уже въ дѣтствѣ мечтаютъ о будущемъ своемъ положеніи какъ ученыхъ. Они уже поражаютъ своими вопросами, которые задаютъ старшимъ ученикамъ, и видно, что головка работает. Они заняты не только предметами курса, но и литературными и общественными вопросами. Много говорящіе, умные и сосредоточенные глаза свидѣтельствуютъ о жизненности и энергіи. Есть и взрослые, серьезные и важные, которые смахиваютъ на философовъ и думаютъ объ отысканіи центра земного шара. Посмотрите на нихъ съ ихъ вытертыми, лоснящимися нанковыми штанами (казеннокоштные), какъ они сидятъ подъ лѣстницей, за столомъ, или гдѣ-нибудь зарывшись въ спальнѣ, вдали отъ шума, и изучаютъ какія-то книги: или прямо *Conversationslexikon*, или исторію *Held und Corwin*, или книгу изъ средневѣковой философіи «*More Nebachim*» (наставникъ блуждающихъ) и т. п. Это завятые книгоѣды, которые изучаютъ все до глубины такъ, что всякую минуту готовы вступить въ дис-

путь по изучаемому предмету. Это ученики, которые ведутъ между собою тайную конкуренцію: кто успѣетъ достать лучшія книги и побольше, кто скорѣе ихъ усвоитъ и уложить въ мозгъ свой. Надобно знать, что ученической бібліотеки порядочной не было, въ особенности по «Judaica». Была основная для учителей, и то—не важная. Гдѣ же достать книгъ въ такомъ городѣ, какъ Житомиръ! И вотъ ухищрялись эти раввинисты и добывали книги какъ будто изъ-подъ земли. Не только по еврейской литературѣ, но и по всеобщей можно было встрѣчать у раввинистовъ порядочное количество книгъ, при томъ не только дозволенныхъ, но и запрещенныхъ. Никому не приходило въ голову съ этой точки зрѣнія посмотрѣть на ученическое увлеченіе чтеніемъ. Да кто могъ бы контролировать учениковъ? Надзиратель или старшій надзиратель не были знакомы ни съ однимъ изъ европейскихъ языковъ; имъ всякую нѣмецкую или французскую книгу можно было выдавать за Мишну или Талмудъ, смотря по формату книги. «Held und Corwin» часто играли роль Мишны. Чтеніе процвѣтало въ сильной степени. На уроки раввинисты смотрѣли съ презрѣніемъ, и тотъ раввинистъ, который не занимался чтеніемъ, терялъ всякое уваженіе въ глазахъ товарищей. Но изъ всѣхъ, занимавшихся чтеніемъ, выдающееся положеніе занимали указанные выше книгоѣды. Это были своего рода понтифексы, которые держали въ секретѣ свое знаніе. Поэтому очень рѣдко удавалось кому-нибудь знать, что читаютъ книгоѣды. Другъ у друга они также не узнавали этой тайны. Странное направление иногда принимаетъ умъ человѣческій. Человѣку свойственно дѣлиться съ другими людьми своими познаніями: въ этомъ заключается могущественный двигатель общечеловѣческаго прогресса. Между тѣмъ иногда наступаютъ минуты, когда человѣкъ становится скарденъ на умственные познанія, какъ иной, вырождающійся богачъ, который скупится на удѣленіе чего-либо изъ своихъ матеріальныхъ благъ бѣдному человѣчеству. Но бывали и другіе раввинисты, которые дѣлились своими познаніями и даже очень охотно, которые любили рассказывать и пересказывать, въ особенности малышамъ, обо всемъ новомъ, что могло быть для нихъ интересно, а то и бесѣдовать съ равными себѣ о прибрѣтенныхъ познаніяхъ.

Понтифексы этого понять не могли. Но соревнованіе между учениками въ чтеніи сдѣлало свое дѣло. Изъ среды этихъ группъ впоследствии вышли извѣстные ученые, публицисты, литераторы, сотрудники разныхъ журналовъ и пр. Кто могъ подумать, что изъ этихъ еврейскихъ мальчиковъ въ нанковыхъ костюмахъ когда-нибудь выйдутъ передовые дѣятели журналистики съ разными направленіями, начиная отъ «Новаго Времени» (не Суворинскаго) и кончая даже «Московскими Вѣдомостями» Каткова. А эти маленькіе люди тогда уже мечтали объ этомъ. Это направленіе прививалось не извнѣ, а составляло продуктъ національной жажды евреевъ къ знанію, которая усиливается путемъ соревнованія, какъ это замѣчается до нынѣ въ ешиботахъ (высшихъ талмудическихъ школахъ), гдѣ умъ еврейскій изощряется въ одностороннемъ, узко-національномъ направленіи. Въ раввинскихъ же училищахъ, гдѣ ученики имѣли возможность знакомиться съ общеевропейскимъ образованіемъ, національныя наклонности открывали почву для болѣе широкаго, общечеловѣческаго развитія. Г. М. Барацъ и М. И. Кулишеръ, изъ коихъ одинъ нынѣ отдался изученію славянскихъ вопросовъ (кирилло-меодіевскіе вопросы), а другой изученію вопросовъ общечеловѣческой культуры, — оба выросли на почвѣ еврейской бursы, и уже тогда, въ столь отдаленное время, можно было это предвидѣть. Ихъ наклонности развивались въ сказанныхъ направленіяхъ. Такова была сила среды, въ которой они получили свое первоначальное, но основательное образованіе; на этой почвѣ развивалось ихъ дальнѣйшее, университетское образованіе, давшее прежде приобрѣтенному матеріалу болѣе научное направленіе. Мы указали на этихъ двухъ бывшихъ раввинистовъ какъ на представителей оригинальной мысли въ совершенно различныхъ ея областяхъ, но сходящихся въ глубинѣ и всесторонности изслѣдованія.

Общая квартира была средоточіемъ научной дѣятельности. Въ ея не было выдающихся учениковъ по познаніямъ. Были выдающіеся по богатству, роскоши костюмовъ и расточительности, но къ нимъ относились въ общей квартирѣ свысока. Они считали за честь, если выдающіеся ученики изъ общей квартиры удостоивали ихъ своимъ посѣщеніемъ или разгово-

ромъ. Репетиторами у нихъ всегда бывали ученики только изъ общей квартиры.

Чрезвычайно развита была между учениками общей квартиры *любовь*. Очень многіе мечтали о своихъ зазнобупкахъ, и обыкновенно въ вечерніе сумерки, когда нельзя было ничѣмъ заниматься, шли мечтательные, интимные разговоры и бесѣды о любви. Вовлуженныя находились въ отдаленныхъ мѣстахъ, у каждаго на родинѣ, и здѣсь происходили только платоническія бесѣды, которыя составляли невинное и пріятное занятіе. Облагораживающее чувство, проникнутое мечтой о будущемъ, оказывало нравственное вліяніе на все поведеніе ученика: оно вызывало первыя заботы о внѣшнемъ приличіи, о благородствѣ манеръ и объ умственномъ усовершенствованіи. Оно сказывалось также въ смягченіи нравовъ. Между этими учениками, еще ранѣе наступленія царства Пирогова въ Киевскомъ учебномъ округѣ, уже впервые проявились стремленія къ гуманному обращенію съ мелюзгой. Господствовавшее тогда грубое обращеніе въ школѣ, вызванное подражаніемъ власти имѣющимъ, отражалось самымъ пагубнымъ образомъ на беззащитныхъ малышахъ. Ихъ, несчастныхъ, безпощадно сѣкли по капризу старшаго. Каждый стремился къ проявленію своей власти, а въ чемъ же она могла получить наивысшую силу проявленія, какъ не въ сѣченіи, въ опозореніи человѣческаго достоинства. Бывали примѣры, что этихъ несчастныхъ мучили и терзали безъ всякой вины: били линейками, колотили куда попало, били въ лицо кулаками, а иной разъ ударами ноги, обутой въ казеннокоштный сапогъ, отбрасывали несчастнаго малыша изъ одного конца зала въ другой. Среди такого господствовавшаго безначалія, заступничество за мелюзгу было актомъ гуманности, который началъ исполняться именно тѣми, въ коихъ чувство любви вызывало потребность въ болѣе нѣжномъ обращеніи. Смягченіе участи несчастныхъ началось съ того, что ихъ стали выдѣлять къ тѣмъ столамъ, во главѣ которыхъ стояли проникнутые гуманностью старшіе. Тамъ они чувствовали себя счастливыми. Конецъ всякимъ пыткамъ и мучительнымъ преслѣдованіямъ. Вѣчно запуганные, прибитые, они стали принимать человѣческій видъ; отъ человѣческаго обращенія у нихъ и лица повеселѣли, и движенія сдѣлались

болѣе нормальными и свободными. О розгахъ и другихъ физическихъ страданіяхъ они стали забывать, а при неисполненіи своихъ обязанностей они слышали только нравственный укоръ, который на нихъ дѣйствовалъ довольно благотворно. Я помню одного маленькаго ученика, который ожилъ отъ измѣнившася обращенія и бабушка котораго благословляла его благодѣтелей. Она знала о мукахъ своего внука, который ей часто писалъ, но ничего не могла сдѣлать, зная, что жалобами она еще ухудшитъ его положеніе.

Господствовалъ въ общей квартирѣ также и такъ-называемый «эросъ». Влюблялись ученики въ учениковъ и обыкновенно ученики низшихъ въ учениковъ высшихъ классовъ. Это весьма любопытное явленіе. Человѣкъ въ такой степени преисполняется самой высокой любви къ своему однокашнику, что постоянно глядитъ на него съ глубочайшимъ благоговѣніемъ какъ на божество, которому готовъ, по первому приказу, принести себя въ жертву. Иные изъ влюбленныхъ ни въ чемъ не проявляли своей любви, держали ее въ секретѣ, или до вѣрялись весьма немногимъ, самымъ близкимъ товарищамъ. Они никогда не объяснялись въ своей любви возлюбленному и тайнѣ боготворили его. Тѣ, которые знали объ этомъ, могли только замѣчать, какъ эротика блѣднѣли при появленіи возлюбленнаго, какъ они старались стать поближе къ нему, искали случая прикоснуться къ нему, и какое блаженство появлялось на ихъ лицѣ, когда послѣднее удавалось. Только одинъ изъ нихъ былъ извѣстенъ всѣмъ, потому что объяснился въ своей любви при помощи нѣмыхъ знаковъ и встрѣтилъ взаимность, которая выражалась не въ пламенной любви, а въ терпимости, въ соблаговоленіи принимать нѣмыя изліянія глубокаго, задушевнаго чувства. Близкіе къ обоимъ товарищи имѣли возможность наблюдать рѣдкія, душевныя проявленія эроса. Обыкновенно онъ выражался въ томъ, что эротикъ вѣриво сжималъ руки возлюбленнаго, прижимался къ его лицу, по временамъ цѣловалъ его и все время впивался въ его лицо своими взорами, въ которыхъ замѣчалось отраженіе величайшаго наслажденія. Это наблюденіе давало, быть можетъ, ясное представленіе о томъ благоговѣномъ соверченіи, которое, по легендѣ Талмуда, сдѣлается въ

лучшемъ изъ міровъ удѣломъ праведниковъ, близко созерцающихъ блескъ Шхины (покоющейся Нирванны). Все время созерцанія и проявленія своихъ чувствъ эротикъ проводитъ въ абсолютномъ молчаніи, онъ не смѣетъ проронить ни одного слова, ни одного звука въ присутствіи обожаемаго лица; онъ нѣмѣетъ при появленіи послѣдняго, личность его совершенно подавляется, поработается.

Съ общечеловѣческой, психологической точки зрѣнія это явленіе представляетъ глубокой интересъ. Едва ли гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ кому-либо приходилось наблюдать его. И вотъ почему я описываю его съ такою подробностью.

Какъ бы то ни было, но подобныя явленія въ бурѣ дѣйствовало только облагораживающимъ образомъ и вызывали подвиги самоотверженія. Эти эротики стояли во главѣ гуманнаго направленія въ школѣ, и ихъ примѣръ подавляющимъ образомъ дѣйствовалъ на другихъ. Энергическія бесѣды съ товарищами и примѣрная дѣятельность во многомъ укрощали жестокость нравовъ, какъ господствующую черту школьной жизни тогдашняго времени. Каждый подвигъ гуманности, выказанный въ школѣ эротикомъ, подымалъ его высоко въ глазахъ возлюбленнаго человѣка. Такіе подвиги во имя гуманности часто совершались, дѣлались популярными и вызывали даже новый режимъ въ жизни общей квартиры. Разъ одинъ изъ представителей жестокаго направленія въ школѣ былъ до такой степени избитъ однимъ изъ эротиковъ, что потерялъ всякую охоту жаловаться начальству и закавалъ впредь десятому не обращаться жестоко съ младшими себя. Это былъ избитъ ученикъ VIII-го класса ученикомъ V подъ воротами двора общей квартиры. Примѣръ поучительный для всѣхъ учениковъ, отъ котораго восторжествовала справедливость. Въ жизни общей квартиры бывали и не такіе, возбуждающіе всеобщее вниманіе, примѣры. Бывали дѣла болѣе серьезныя, которыя глубже затрагивали основной порядокъ жизни всего заведенія. Но о нихъ до слѣдующаго раза.

М. Моргулисъ.

ТРИ СУДЬБЫ.

Три товарища, три друга—
Мы, отъ грустныхъ думъ вдали,
Пору дѣтскаго досуга
Неразлучно провели.

Вмѣстѣ плодъ науки сладкій
Мы вкушали въ тѣ года;
Тѣ-же грезы и загадки
Чаровали насъ тогда.

Жизни строй недвижно-строгий,
Фолиантовъ ветхихъ рядъ,
Сумракъ старой синагоги
И мерцаніе лампадъ,

Тѣнь печали безконечной,
Страхъ лишеній и борьбы—
Все дышало властью вѣчной
Неразгаданной судьбы...

* * *

И однажды, въ часъ вечерній—
Въ ризахъ ярче свѣта дня
И въ вѣнцѣ изъ розъ и терній—
Намъ предсталъ пророкъ Илья,—

Тотъ, кого мы рядъ столѣтій
Ждемъ съ надеждой и тоской...
И сказалъ онъ: „—Сладокъ, дѣти,
Вашъ безоблачный покой,

„Но пройдетъ, какъ сонъ случайный...
Вамъ, рожденнымъ для борьбы,
Я открою обликъ тайный
Вашей будущей судьбы:

„Вѣчнымъ спутникомъ отрады—
Такъ сказалъ онъ одному—
Будешь ты, и будутъ рады
Всѣ приходу твоему;

„И забава, и веселье,
Поселяясь межъ людей,
Будутъ звать на новоселье
Женъ и старцевъ, и дѣтей...

„А тебя судьба иная
Ждетъ—сказалъ другому онъ:
Общій трепетъ вызывая
И въ сердцахъ рождая стонъ,

„Какъ булатъ въ кровавой битвѣ,
Будетъ голосъ твой звучать,
Къ покаянью и молитвѣ,
Бъ воплямъ, къ плачу призывать“...

Съ тайнымъ страхомъ—прорицанья
 О судьбѣ я ждалъ своей,
 Онъ сазвалъ: „Найдутъ слянье
 Обѣ ихъ судьбы—въ твоей“ ...

* * *

Годы шли... Мы, въ исполненье
 Предрѣшенія небесъ,
 Ожидали совершенья
 Героическихъ чудесъ:

Первый—дней торжествъ народныхъ,
 Дней народныхъ бѣдъ—второй;
 Я-жъ леталъ въ мечтахъ свободныхъ
 Въ край волшебный, неземной

Съ упоительными снами
 Въ дивномъ царствѣ красоты...
 Надсмѣялись сны надъ нами!
 Обманули насъ мечты!—

Первый другъ мой музыкантомъ
 Сталъ; на свадебныхъ пирахъ
 Удивительнымъ талантомъ
 Будить онъ восторгъ въ сердцахъ;

Поиграть гостямъ веселымъ
 Онъ со скрипкою своей
 По мѣстечкамъ и по селамъ
 Бродить—нищенскій Орфей...

Въ городѣ́ родномъ печальный
 Жребій свой нашелъ второй:
Въ рогъ трубить синагогальный
 Мастеръ истинно-большой—

Онъ герольдомъ Іеговы
 Сталъ,—и, страхъ въ сердцахъ будя,
Льется громко и сурово
 Звукъ трубы святой... А я,—

Я потомъ сталъ народнымъ.
 Я рыдаю и пою;
Смутнымъ снамъ, мечтамъ бесплоднымъ
 Отдалъ я всю жизнь свою.

Пѣснь моя течетъ слезами
 Изъ тоскующей груди,
Но—ни искры предъ глазами,
 Ни приюта на пути...

Кровью пѣснь моя сочится
 Но, чаруя и маня,
Все мнѣ грезится, все снится
 Образъ твой, пророкъ Илья!..

С. Фругъ.

БАБУШКА. ¹

Исторія одного дня.

IV.

— Добраго утра вамъ, Schwieger!—услышала Песя знакомый голосъ. Она подняла голову, посмотрѣла на вошедшую женщину и улыбнулась отъ удовольствія. Это была ея любимая невѣстка, которую она жаловала больше другихъ за ея красоту.

— Добраго года, Бася, — отвѣтила Песя на привѣтствіе своей невѣстки.—Спасибо, родная, что ты пришла; я очень рада. Присядь, милая.

Бася сѣла. Замѣтивъ въ висѣвшемъ противъ нея зеркалѣ, что ея волосы слишкомъ рѣво выдаются изъ-подъ головного платка, она заботливо сейчасъ-же ихъ скрыла.

— Гдѣ Эстеръ?—спросила она.—Должно быть на кухнѣ?

— Да, на кухнѣ.

— А дѣтей нѣтъ дома?

— Да, ихъ нѣтъ. Мейеръ и Михель пошли въ хедеръ, а Рахиль въ классъ.

— А гдѣ Мойшеле?

— Эстеръ его взяла съ собою на кухню. Ахъ если бы ты знала, Бася, какое это золотое, умное дитя!—съ восторгомъ воскликнула бабушка, вспомнивъ о своемъ любимомъ внуцѣ. Онъ, доложу тебѣ, умнѣ иного большого. Онъ уже лепечетъ нѣкоторыя слова.

— А какія-же слова онъ говорить?—заинтересовалась Бася.

— Онъ говорить уже: баба, папа, мама. Меиръ у него

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

выходить Мей, Михель—хель, а Рахиль тоже хель, и довольно трудно подчасъ бываетъ узнать, кого собственно онъ зоветъ: Михеля или Рахиль.

— Какъ ваше здорovie, Schwieger?—спросила Бася.

— Слава Богу. Грѣшно жаловаться на людей и на *Его святое имя*. Скажи лучше, какъ здорovie Шлоймы? У него уже всѣ зубы прорѣзались?

— Хвала Всевышнему, всѣ. Очень онъ по васъ скучаетъ. Подумавъ нѣсколько минутъ, она прибавила:

— Я къ вамъ пришла, чтобы, во первыхъ, сообщить вамъ новость, а во вторыхъ, я имѣю къ вамъ просьбу.

— Новость?—полюбопытствовала старуха. «Какая-же это новость думала она.—Видно, что хорошая: она теперь такая счастливая. Должно быть, получила телеграмму, что Айзикъ прійдетъ. Вотъ это было бы дѣйствительно хорошею новостью: я уже скучаю по немъ и хотѣла бы его видѣть. Но этого не можетъ быть: онъ всего дней пять какъ въ Варшавѣ, а пока сдѣлаетъ покупу, пока отправить ее—недѣли двѣ пройдутъ».

— Что же это за новость?

— А вотъ вчера вечеромъ у насъ былъ Абе-шадхенъ. У него есть на примѣтѣ очень хорошій и выгодный женихъ для Шифры.

— Хорошій и выгодный женихъ для Шифры?—спросила Песа, сморщивъ лобъ. Видно было, что эта «новость» ее больше удивила, чѣмъ обрадовала. — Что же тебѣ такъ некогда?—прибавила она.—Вѣдь она еще дитя!

— Хорошее дитя! — обидѣлась Бася. — Вы забываете, Schwieger, что ей уже семнадцатый годокъ стукнулъ... Не сидѣть-же ей до сѣдыхъ волосъ, не быть-же ей старой дѣвой!

А въ ту-же самую минуту въ ея головѣ носилось слѣдующее: «Старость... къ старости, надо полагать, расудокъ тупѣетъ. Кажется умная женщина, а все-же она уже далеко не та, чѣмъ была раньше. Ну, кто могъ подумать хоть годъ тому назадъ, что Schwieger, вмѣсто того чтобы радоваться и Бога благодарить за то, что онъ даетъ ей возможность благословить

внучку подъ балдахиномъ, будетъ недовольна? Вѣрна, значить, пословица—«старый умъ теряетъ силу».

Песа покачала головой, выражая этимъ слѣдующее: «Эхъ дитя, дитя! Молода еще, зелена, живни не знаешь... А вотъ проживи столько, сколько я, старуха, прожила, то совѣмъ другое, глупенькая, скажешь. Но въ томъ то и горе, что ты еще молода, зелена, живни не знаешь».

— А ты таки полагаешь, — сказала она, что я желаю, чтобы Шифра осталась старой дѣвой? Ну и глупа же ты, моя милая, не понимаешь ты своей старой Schwieger. Она только что перестала въ куклы играть, только что надѣла длинное платье, — а ты уже со своими женихами!

— А вы забываете, что въ ея годы я уже была замужемъ, — возразила Бася, желавшая во что бы ни стало доказать своей свекрови, что Шифра уже взрослая, а потому надо ее скорѣе выдать замужъ.

«Хорошо ей разсуждать, думала она, когда она уже жила столько времени, наслаждаясь счастьемъ дѣтей, видя себя окруженной внуками и внучками; но попробовала бы она быть на моемъ мѣстѣ... Я вѣдь тоже человѣкъ, и тоже хочу видѣть счастье своихъ дѣтей, тоже хочу имѣть «пашаз». Почему бы и мнѣ не нянчить, пеленать внука? Развѣ я не могла бы быть бабушкой?»

И она посмотрѣла въ зеркало, точно обращаясь къ нему съ послѣднимъ вопросомъ. Должно быть зеркало сказало ей, что она можетъ быть настоящею бабушкою, ибо она улыбнулась.

— О тебѣ нечего говорить. Ты забываешь, что тогда было другое время, а теперь другое. Что было хорошо *тогда*, то нехорошо *теперь*. Да и оставимъ объ этомъ говорить: еще успѣемъ.

«Какъ-же, вотъ стану я ее слушать. Я сама буду работать, сама буду говорить съ падхенами, пока Богъ не пришлетъ ей, птичку моей, ея суженаго. Я думаю, что Богъ не рассердится, что я иду противъ Schwieger, — желаніе вѣдь у меня хорошее; напротивъ, это еще зачтется мнѣ на томъ свѣтѣ».

— А что она дѣлаетъ, твоя невѣста, Шифра-то? — спросила старуха.

— А что она дѣлаетъ? Да книжки все читаетъ, романы тамъ разные, и изъ-за этихъ глупыхъ книгъ она мало ѣсть, мало пьетъ. Я ей говорю: «Шифра, довольно читать. Шифра, поѣшь что-нибудь. Шифра, вѣдь ты своимъ дурацкимъ чтеніемъ себѣ глаза испортишь!» А она свое дѣлаетъ: ухватится носомъ въ книгу, водить своими глазами и перелистываетъ страницы. Она меня не слушаетъ, словно не я говорю, а сабака лаетъ. Она вовсе не читаетъ, а глотаетъ книги!

И Бася тяжело вздохнула. По ея мнѣнію, нельзя человѣку много читать и остаться здоровымъ. Вотъ въ Гнилопятскѣ есть одинъ графъ, который, какъ съумасшедшій, ходитъ по улицамъ, махая руками. Говорятъ, что это оттого, что дома онъ только то и дѣлаетъ, что играетъ на рояли, такъ что ему и на улицѣ кажется, что онъ играетъ. Ясно значитъ, что во избѣжаніе несчастія надо отвлечь ея вниманіе отъ этого чтенія, надо ей дать какое-нибудь другое занятіе. Самымъ лучшимъ средствомъ противъ чтенія было бы, конечно, то, еслибы Шифра сдѣлалась невѣстой. Тогда бы у Шифры было бы что-либо другое на умѣ: она думала бы о женихѣ и была бы занята писаніемъ писемъ то къ нему, то къ его роднымъ. Но въ виду того, что это пока невозможно, ибо Schwieger почему-то думаетъ, что Шифра еще дитя, а Айвикъ, мужъ ея, тоже не пойдетъ противъ матери, то надо найти другое средство. Конечно, если бы Schwieger согласилась переселиться къ нимъ, Шифра не читала бы столько. Въ этомъ-то и заключается просьба ея, съ которой она явилась. Но удастся-ли? Не въ первый-же разъ она предлагаетъ свекрови переселиться къ нимъ, а та упорно отказывается, да не только ей отказывается, но всѣмъ дѣтямъ, которыя просятъ ее къ себѣ хоть на время. Въ этомъ отношеніи Эстеръ счастливѣе другихъ, — Песа ни за что не хочетъ оставить дочери.

— Ну, ну, не безпокойся, — утѣшала ее Песа. — Вѣды большой оттого, что она много читаетъ, не будетъ. Это можетъ

быть и хорошо, что она читаетъ, хотя я, конечно, не понимаю, какое удовольствіе отъ этого получаютъ. Я сама съ ней объ этомъ поговорю; я ей дамъ понять, что много читать — вредно. На все это должно быть время, все должно имѣть мѣру. Ты ей скажи, чтобы она пришла сегодня ко мнѣ. Скажешь?

— Скажу, скажу не беспокойтесь. Спасибо вамъ, чтобы вы долго жили, можетъ быть она васъ послушаетъ.

— Хорошо, я поговорю съ ней. Будь увѣрена, что она такъ много читать не будетъ.

— Ахъ, Schwieger, какая вы умная! Не даромъ говорятъ, что «гдѣ годы — тамъ и умъ», — восхищалась невѣстка умомъ своей свекрови, забывая, что недавно она думала какъ разъ наоборотъ, — что старость убавляетъ умъ.

— Такъ вотъ въ этомъ и заключается твоя просьба? — спросила Песя. — Что-жъ, просьбу эту можно удовлетворить.

— Это еще не вся просьба. Я опять хочу васъ просить, чтобы вы переселились къ намъ. Я не понимаю, почему вамъ не жить и у насъ? Чѣмъ Эстеръ лучше насъ?

— Ты опять за старое? — замѣтила Песя. — Но я вѣдь говорила и тебѣ, и всѣмъ моимъ дѣтямъ, которыя просили меня къ себѣ, что жить я должна у Эстеръ. Что-жъ дѣлать, таково мое желаніе.

— Я знаю, почему вы не хотите переселиться къ намъ, — потому, что вы боитесь, чтобы мы на первыхъ порахъ не поссорились. Но имѣете ли вы право такъ думать о насъ? Не имѣли-же вы причины до сихъ поръ жаловаться, что къ вамъ относятся не съ должнымъ вниманіемъ и предупредительностью; вы знаете, что безъ васъ ничего не дѣлаютъ, ничего не принимаютъ. Но если бы даже ваши опасенія и имѣли какое-нибудь основаніе, то и тогда ничего не потеряли бы, если бы попытались: Эстеръ васъ всегда приметъ.

— Что ты, дочь моя! Да опомнись раньше. Кто тебѣ сказалъ, что я боюсь ссоры съ вами? Не думай, что я дѣтей не одинаково люблю. Вы кажется знаете, что ради васъ я и

въ Палестину не поѣхала, какъ я этого желала и желаю, охъ, какъ желаю! Ты думаешь, что мнѣ легко, когда я вспоминаю, что послѣ моей смерти черви будутъ точить мое грѣшное тѣло, что во время воскресенія мертвыхъ моимъ костямъ придется катиться черезъ разныя пещеры, пока они достигнутъ святой земли? Вамъ развѣ этой жертвы мало? Чего-же вы хотите еще? Мы вѣдь видимся каждый день, иногда у когонибудь изъ васъ обѣдаю или ужинаю. Вы мнѣ всѣ одинаково дороги—переживите вы мою голову, но жить я должна у Эстеръ. Когда же наступитъ пора-время, что меня, рабу Божью, позовутъ *туда* для отдачи отчета передъ «Его святымъ именемъ», мои сыновья закроютъ мнѣ глаза, будутъ читать «кадишъ», вытаскать меня своими молитвами изъ геены огненной, ежегодно будутъ справлять *johrzeit* и читать «мишнаесъ». Такъ-то, Бася. Все это уже исключительно принадлежит моимъ сыновьямъ, а не Эстеръ. Развѣ этого вамъ мало?

— Ужъ вы сейчасъ начинаете съ того, что вамъ глаза закроютъ. Вы еще долго будете жить на радость и утѣшеніе всѣмъ намъ. Вотъ внучкѣ вашей Шифрѣ скоро, т. е. черезъ годъ или черезъ два, пора будетъ замужъ выйти; а какъ же безъ благословенія бабушки?

— Ох-ох-охъ — вздохнула Песя: — и хотѣлось бы дожить до этого времени, но достойна-ли я передъ Богомъ, чтобы Онъ явилъ ко мнѣ такую милость?

— Достойны, Schwieger, достойны! — искренно воскликнула Бася. — Да вы—праведная еврейка, какъ одна изъ нашихъ праматерей. Черезъ сто двадцать лѣтъ, когда вы умрете, наши святыя прародительницы—Сарра, Ривка, Рахиль и Лея выйдутъ вамъ на встрѣчу и прямо въ рай васъ поведутъ... Если вы не святая женщина, то такихъ и на свѣтѣ нѣтъ, если вы не...

— Ну и пошла!—перебила ее Песя.—Будетъ тебѣ меня хвалить. Такъ ты не забудешь передать Шифрѣ, что я ее хочу видѣть? — прибавила она, желая дать разговору другое направленіе.

— Нѣтъ, не забуду. А все-таки подумайте, Schwieger, отчего вамъ въ самомъ дѣлѣ не переселиться ко мнѣ хоть на время? Ваше присутствіе было бы необходимо для Шифры: она васъ такъ любитъ!

— Вотъ пристала! — ласково замѣтила Песя невѣсткѣ: — сказано, что я не могу, ну и перестала бы просить. Впрочемъ, можетъ быть...

— Ахъ, Боже мой! Какое несчастье! — раздался довольно громкій голосъ Эстеръ: — бѣги, бѣги скорѣе къ равнину! Да чего ты стоишь? Бѣги, говорятъ тебѣ! Вотъ наказаніе Господне!

Обѣ женщины хотѣли было направиться въ кухню узнать, что тамъ такое случилось, но Эстеръ предупредила ихъ. Она съ шумомъ отворила дверь и предстала передъ матерью, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, не замѣчая присутствія воловки.

— Что случилось? — спросили обѣ женщины у Эстеръ.

— Что случилось? — кричала она. — Да Господь меня наказываетъ за грѣхи мои. Это не дѣвушка, это — *кусокъ мяса съ двумя глазами*. Ахъ, Владыка вселенной, Отецъ нашъ милосердный! Избавлюсь-ли я когда-нибудь отъ этого *тейлома* (чурбана)?

— Да скажешь-ли ты въ чемъ дѣло? — строго спросила мать.

— Что мнѣ сказать, горе мое великое! Скажу, что я самая несчастная женщина на свѣтѣ, что никогда не было еще человѣка, который терпѣлъ бы, страдалъ и переносилъ столько, сколько я... Ахъ, Бася, — обрадовалась она, замѣтивъ, наконецъ, послѣднюю: — ну, что же ты скажешь о моемъ горѣ? Развѣ можно послѣ этого жить на свѣтѣ?

— Да я не знаю, какое съ тобою несчастье случилось, — развела руками Бася.

— Какое несчастье случилось? Да вѣдь объ этомъ просто слѣдуетъ въ газетахъ напечатать, чтобы всѣ знали, какой у меня *ломиз* (истуканъ) имѣется.

— Толку теперь никакого от нея не добьешься, — махнула Песа рукой: — вѣроятно *шайла* (вопросъ у раввина)?

— Да, да — *шайла* и еще какая! Этотъ «глѣмпъ» надѣлалъ мнѣ настоящую бѣду: взяла она молочную ложку и нѣсколько разъ мѣшала ею мясной супъ, потомъ взяла она тарелку, изъ хорошихъ фарфоровыхъ тарелокъ, эту же ложкой налила супъ туда и подноситъ мнѣ со словами: «попробуйте, хозяйка, достаточно-ли соли?» Я, какъ увидѣла въ ея рукахъ ложку съ тарелкой, чуть въ обморокъ не упала отъ ужаса. Ахъ, Боже мой, какое несчастіе!

Это извѣстіе произвело на обѣихъ женщинъ тяжелое впечатлѣніе, словно узнали, что совершилось дѣйствительно нѣчто ужасное. Всѣ онѣ направились на мѣсто катастрофы, своими глазами увидѣть злополучную ложку, супъ и тарелку, что причинило столько нравственнаго горя набожной Эстеръ.

V.

Залмень, снимая съ себя молитвенныя облаченія, не подрѣввалъ, что въ домѣ случилось несчастіе, — несчастіе, отъ котораго досталось служившей у нихъ дѣвушкѣ и, вѣроятно, досталось бы и ему, если бы онъ подвернулся своей набожной супругѣ на глаза. Поэтому онъ былъ совершенно спокоенъ, готовясь послѣ завтрака пойти на смѣну своему брату.

Теперь передъ нами находится совѣтъ другой Залмень; или, вѣрнѣе, Залмень, состоящій въ одно и то же время изъ двухъ Залменовъ. Одинъ Залмень весь, такъ сказать, сотканъ изъ литературы, идеалистъ, читающій передовыя статьи, сочувствующій палестинскому движенію, не желающій, чтобы его дѣти остались «застывшими, набальзамированными муміями»; другой Залмень — дѣлецъ, помышляющій о торговлѣ, о лавкѣ, объ увеличеніи капитала. Одинъ Залмень наслаждается газетами, другой думаетъ, какъ было бы хорошо увеличить торговлю, чтобы у него былъ точно такой же магазинъ, какъ у Райнеша, чтобы у него было столько же денегъ, сколько ихъ есть у ростовщика Шахны. Эта двойственность героя нашего

всегда выражалась, когда онъ отдавался своему «дѣлу», своей торговлѣ. Эта же двойственность выразилась и теперь, когда онъ готовился пойти въ магазинъ. Передовицы отошли у него на задній планъ, первое мѣсто у него теперь занимаетъ дѣло.

Онъ въ эту минуту думалъ, что галантерейный отдѣлъ въ его магазинѣ сильно страдаетъ, и что онъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи конкурировать съ Райнешомъ. Положимъ, что галантерейный отдѣлъ скоро будетъ увеличенъ, ибо Айвикъ, братъ его жены, сдѣлаетъ и ему поупку въ Варшавѣ, но и тогда его отдѣлъ далеко будетъ уступать галантерейному отдѣлу въ магазинѣ Райнеша. А это все оттого, что у него мало денегъ, не столько, сколько ихъ есть у Шахны.

Разъ добравшись мысленно до Шахны, онъ не могъ ему простить, что онъ, т. е. Шахна, ростовщикъ, занимается такимъ дѣломъ, которое поворитъ имя Израиля и даетъ пищу газетамъ извѣстнаго пошиба вымышлять, сочинять разныя небылицы, что еврей-де всѣ кровосійцы, ростовщики. Конечно, не то было бы, если бы у него были тѣ деньги, которыя есть у Шахны. Шахна поворитъ имя Израиля, Шахна высасываетъ кровь у бѣдныхъ своихъ клиентовъ, Шахна—это язва на еврейскомъ организмѣ, которая причиняетъ еврейству столько нестерпимыхъ мукъ; онъ же украшалъ бы имя Израиля, служилъ бы оворой для бѣдныхъ, поддерживалъ бы падающихъ и евреи могли бы гордиться имъ. Положимъ, что грѣхъ жаловаться. Дѣло у него, слава Богу, хорошее, въ деньгахъ онъ тоже не нуждается, онъ и такъ пользуется хорошей репутаціей въ средѣ своихъ единовѣрцевъ, но имѣя онъ тѣ средства, которыя имѣетъ миродѣ Шахна — дѣло было бы поставлено гораздо лучше, онъ дѣлалъ бы другимъ болѣе добра и стоялъ бы въ глазахъ евреевъ гораздо выше и, слѣдовательно, онъ имѣлъ бы на нихъ гораздо большее вліяніе, нежели онъ теперь имѣетъ. Онъ обращалъ бы тогда вниманіе евреевъ на улучшение школьнаго дѣла, на распространеніе

земледѣльческаго и вообще физическаго труда среди нихъ, — онъ ратовалъ бы за просвѣщеніе, прогрессъ, цивилизацію.

Онъ взялъ машинально лопотъ хлѣба, также машинально намазалъ его масломъ и приступилъ къ завтраку, не замѣчая отсутствія жены и тещи. А это тоже было оттого, что онъ отдался «дѣлу», что Зальмень идеалистъ превратился въ торгаша. Ему въ эту минуту было ни до жены, ни до тещи; онъ въ это время былъ занятъ совершенно другимъ.

«Хоть бы Айзикъ скорѣе пріѣхалъ, — думалъ онъ. — А посмотримъ, какой товаръ привезетъ онъ изъ Варшавы. Онъ вообще очень способный человекъ, — всѣкъ купцовъ нашихъ за поясъ заткнетъ. И я тоже лицомъ въ грязь не ударю. Въ слѣдующій разъ я самъ поѣду въ Варшаву и докажу я ему, Айзику, что не хуже его знаю дѣло».

«А Варшава, говорятъ, большой городъ. Будетъ значить на что посмотрѣть» и такимъ образомъ я соединю пріятное съ полезнымъ», — развивалъ онъ свою мысль, намазывая себѣ другой лопотъ хлѣба. Варшава, значить, интересуетъ его *тенеръ*, какъ крупный, торговый центръ, какъ большой и красивый городъ, гдѣ «будетъ на что посмотрѣть». Не то бы подумалъ *другой* Зальмень, т. е. не будничныи Зальмень, не торгоша, а, такъ сказать, Зальмень праздничныи, субботній, — тотъ, который читаетъ передовыя статьи, который хотѣлъ бы видѣть своихъ дѣтей евреями, но не застывшими, набальзамированными муміями. Праздничнаго Зальмена интересовала бы Варшава, какъ городъ, гдѣ живетъ значительная часть еврейской интеллигенціи, гдѣ издаются газеты и исторія Гретца, которую онъ читаетъ съ такимъ наслажденіемъ, умилаясь отъ свѣтлыхъ, могучихъ образовъ, которые нарисованы мастерскою рукою великаго историка. Пожалуй, если бы онъ вспомнилъ объ этой Варшавѣ лежа въ постели, она бы его совѣтила иначе заинтересовала.

Солнце уже стояло довольно высоко. Оно не грѣло, а палило. Утреннія тучи, преобладавшія Пееѣ равныя картины, совершенно исчезли. Предстоялъ злойныи день, утомляющій и

людей, и животныхъ, заставляющій съ нетерпѣніемъ ожидать наступленія сумерекъ, когда можно будетъ освѣжиться купаньемъ.

Обратилъ на это вниманіе и Залменъ. Онъ подумалъ: «Жарко. Въ такой день торговля плохая. Впрочемъ, — успокоилъ онъ себя, — сегодня базарный день, да и крестьяне не очень-то нѣжатся, не то, что нашъ братъ, коммерсантъ. А интересно было бы знать, много-ли сегодня заработаю? Чтожъ, рублей пятьдесятъ, я думаю. Цифра, дѣйствительно, почтенная, только... только не мѣшало бы больше, да — не мѣшало бы. Вотъ Райнешъ, напримѣръ, запишетъ хорошую копѣйку. Рублей двѣсти, навѣрное, чистой прибыли останется. А это потому, что у него большой магазинъ».

Онъ подошелъ къ зеркалу и причесалъ свои волосы, потомъ онъ заботливо вычистилъ свое пальто. Когда его туалетъ былъ приведенъ въ порядокъ, онъ, взявъ для защиты отъ солнца зонтикъ, вышелъ на улицу.

«Надо сегодня собрать членскія деньги и послать въ одесскій палестинскій комитетъ, — шепнулъ ему его двойникъ. — Въ послѣднемъ письмѣ мнѣ пишутъ оттуда, что слѣдуетъ приступить къ устройству колонистовъ Мишмеръ-Гаярдена, а въ кассѣ очень мало денегъ. Почему это интересъ къ нашему святому, народному дѣлу у евреевъ остылъ?»

«Галантерейный отдѣлъ въ моемъ магазинѣ не богатъ, — промелькнуло въ умѣ Зальмена-дѣльца, — а это такой товаръ, который выгодно, очень выгодно продается. Этотъ отдѣлъ, конечно, будетъ скоро расширенъ; но все-таки не то будетъ, что у Райнеша... Вотъ у него дѣло, у него магазинъ — это я понимаю»

Онъ на минуту остановился около одной изъ городскихъ досокъ, гдѣ расклеивались афиши и объявленія.

«Сбѣжала собака», — прочелъ онъ на одномъ изъ объявленій. Гмъ, важность какая — собака сбѣжала! Экая, подумаешь, невидаль. Вотъ чѣмъ люди занимаются; имъ должно быть больше и дѣлать нечего, какъ собакъ кормить и окружать себя

ими. «Доставшему по адресу будетъ выдано вознагражденіе» — кончили онъ объявленіе.

Вотъ глупо, нашли за что вознагражденіе давать. Слово «вознагражденіе» напечатано большими буквами. Вотъ что значить непрактично! Такіе люди какъ Шахна или Рейнешъ, конечно, не станутъ платить за каждую сбѣжавшую собаку, — у нихъ дѣла поважнѣе есть, — иронически заключилъ онъ свою мысль.

«Утерянъ браслетъ», — прочелъ онъ другое объявленіе, сначала машинально, но потомъ онъ и этимъ объявленіемъ заинтересовался. Оказывается, что это браслетъ дорогой, съ вырѣзаннымъ вензелемъ. И здѣсь нашедшему была обѣщана награда. «Это занятіе для правдошатающихся: пусть его отыщетъ какой нибудь правдный человѣкъ, нищій; имъ больше нечего дѣлать, какъ заниматься подобными дѣлами». Противъ такого вывода однако запротестовалъ другой Залменъ. «Развѣ эти несчастные люди — правдошатающіеся? — промелькнуло у него въ умѣ. — Развѣ они виноваты, что силою обстоятельствъ поставлены въ такія условія? Кто знаетъ, можетъ быть при другихъ обстоятельствахъ они были бы такими же находчивыми людьми, какъ... Рейнешъ».

«Тѣфу, что за ерунда, какая чушь лѣзетъ въ голову! Все только Рейнешъ да Рейнешъ... Этотъ человѣкъ просто мнѣ покоя не даетъ, словно онъ виноватъ, что богаче меня... Эхъ, эта жадность моя, эта меркантильная жадность! Я еще много, много долженъ работать надъ собой, пока избавлюсь отъ этой жадности. Страхни же съ себя торгашескую пыль, Залменъ! «Продается карета» — заключилъ онъ свою мысль, прочитавши еще одно объявленіе.

«Что такое Рейнешъ? Человѣкъ съ темнымъ прошлымъ... Говорятъ, что когда то онъ былъ простымъ разносчикомъ спичекъ и то и дѣло выкрикивалъ: спичекъ, спичекъ! Купите, евреи, спичекъ! А теперь? — А теперь вотъ около его магазина толпится народъ, отъ покупателей отбою нѣтъ.

«Старшины гнидопятскаго клуба извѣщаютъ, что въ чет-

вергъ 15 июня будетъ танцевальный вечеръ», — прочелъ онъ напечатанное крупными буквами объявленіе. — Это значитъ — завтра? Тоже занятіе — танцы. Тѣ же самые старшины принесли бы куда большую пользу и оказали бы истинную услугу городу, еслибы вывѣсили такое объявленіе: «Старшины клуба покорнѣйше просятъ гг. обывателей города Гнилопятака пожаловать по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ въ залу клуба, гдѣ открывается бесплатная читальня».

— Залмень, — повзвалъ его кто-то. Онъ обернулся и увидѣлъ передъ собою своего хедернаго товарища, Гершона. Это былъ еще довольно молодой человѣкъ, не болѣе тридцати пяти лѣтъ, а на его головѣ уже мѣстами виднѣлись сѣдые волосы. «Дѣловой человѣкъ, — подумалъ Залмень, замѣтивъ его: — тоже коммерсантъ. Охъ, коммерція! Поглощаетъ она всѣ наши силы, отнимаетъ у насъ молодость, цвѣтъ лица, бодрость духа, дѣлаетъ изъ насъ мелочныхъ людей, убиваетъ лучшія наши стремленія! Разъ окунешься въ эту коммерцію — такъ скоро не освободишься отъ нея. Вотъ стоитъ мой хедерный товарищъ Гершонъ. На кого онъ теперь похожъ? У него уже сѣдые волосы, морщины на лбу, улыбается какъ-то дѣланно, искусственно, неестественно. А лѣтъ пять тому назадъ этотъ самый Гершонъ былъ такой веселый, такой хорошій молодой человѣкъ. Онъ теперь старѣетъ съ каждымъ днемъ, черствѣетъ и тѣломъ, и душой и превращается постепенно изъ человѣка въ семейную машину... Годиковъ черезъ пять онъ весь посѣдѣетъ и сдѣлается неузнаваемъ».

«А что стало со мной? — Я тоже уже не тотъ, что раньше, когда я еще былъ холостымъ, не зналъ этой коммерціи и мечталъ преобразовать весь бытъ еврейскій... Когда я свободенъ отъ дѣла, я еще прежній Залмень, а когда я предаюсь ему — я уже другой. Вотъ, теперь у меня Райнешъ, какъ бѣльмо на глазахъ: Райнешъ то дѣлаетъ, Райнешъ такъ думаетъ, Райнешъ то сказалъ, Райнешъ такъ поступаетъ, — однимъ словомъ: Райнешъ, Райнешъ, Райнешъ и Райнешъ. Мнѣ не спится потому, что онъ богаче меня, и не выходитъ

онъ никакъ изъ моей головы. За что же я его не люблю? Вѣдь онъ мнѣ не сдѣлалъ никакого зла»...

— Какъ же ты поживаешь, Гершонъ? — спросилъ онъ у него послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Живемъ помаленьку, — отвѣтилъ Гершонъ. — Какъ твоя жена и дѣти?

— Спасибо, Гершонъ. Ну а дѣла твои какъ?

— Незавидныя. Времена теперь очень плохія, на хлѣбъ очень мало спросу. Я купилъ два вагона пшеницы и она гниетъ у меня.

— Плохо, значить. Отчего тебя не видать? Развѣ забылъ Залмена — своего стараго друга и товарища?

— Отчего меня не видать? Хорошо тебѣ говорить, когда у тебя хорошее дѣло, когда зарабатываешь ежедневно чуть-ли не сто рублей; попробовалъ бы быть на моемъ мѣстѣ — жить отъ вѣтра, выжимать деньги изъ мозговъ, — посмотрѣлъ бы я, было бы тебѣ до посѣщенія знакомыхъ да визитовъ!

«Вотъ она — зависть, — подумалъ Залмень, глядя съ участіемъ на своего друга: — онъ завидуетъ мнѣ, точно такъ, какъ я завидую Шахнѣ и Райнешу. А вѣдь очень нехорошая черта — зависть».

— Старѣешь ты, братъ! У тебя уже сѣдые волосы падаются.

— Это я посѣдѣлъ благодаря плохимъ обстоятельствамъ, вѣчнымъ заботамъ о добываніи насущнаго хлѣба, — раздраженно отвѣтилъ Гершонъ.

Залмень посмотрѣлъ на него и покачалъ головой.

— Отчего ты такой раздражительный? Гдѣ твоя веселость, куда дѣлись твои остроты, гдѣ прежній Гершонъ?

— А ты думалъ, что я всегда останусь тѣмъ же веселымъ, беззаботнымъ Гершономъ, какъ когда-то, въ доброе старое время? То время минуло и вы больше не увидите моей прежней улыбки, не услышите моихъ остротъ. Я семьянинъ, у меня — жена и дѣти, которыхъ остротами вѣдь не накормишь.

— Ну, братъ, не тужи, — старался Залмень утѣшить своего друга. — Обстоятельства еще поправятся: не всегда же будутъ такія плохія времена. Явится спросъ и вашъ братъ оживетъ.

Гершонъ ничего не отвѣтилъ на это, а только махнулъ рукой. Этотъ жестъ Залмень понялъ такъ: «Ну и городишь же ты порядочную чушь! Знаешь прекрасно, что лучше не будетъ, а все же утѣшаешь». Оба товарища стояли и смотрѣли другъ на друга, словно читая одинъ у другого въ душѣ.

— Впрочемъ я тебя задерживаю, — сказалъ, наконецъ, Гершонъ: — да и мнѣ некогда. Я когда-нибудь заверну къ тебѣ и тогда мы вспомнимъ старину. Я тебя потому и остановилъ, что хочу у тебя *иммасы хеседъ*¹ достать. Ты вѣдь одолжишь мнѣ?

— Съ большимъ удовольствіемъ. Много тебѣ нужно?

— Рублей пятьдесятъ.

Залмень порылся въ своемъ бумажникѣ, въ то же время думая: «надо ему дать, надо. Слѣдуетъ человѣку придти на помощь. Онъ-то навѣрное не очень-то обезпокоился бы, если бы у него пропала собака», — вспомнилъ онъ прочитанное объявленіе.

— У меня въ бумажникѣ только есть 28 рублей; возьми ихъ пока. Черезъ часъ ты зайдешь ко мнѣ въ магазинъ и тамъ получишь остальные деньги.

Гершонъ взялъ эти деньги, поспѣшно спряталъ ихъ въ карманъ, пробормоталъ какую-то благодарность и скоро скрылся. Залмень посмотрѣлъ ему вслѣдъ, искренно жалѣя его. Тоже коммерсантъ! И онъ бѣгаетъ, суетится, не доѣдаетъ, не досыпаетъ, потому что другого занятія у него нѣтъ, а кормить семейство остротами, разными шутками вѣдь нельзя... Да, шаткое у евреевъ положеніе, что и говорить! Одинъ только источникъ для пропитанія, а сколько людей живетъ отъ этого! Одинъ еврей видитъ въ другомъ своего врага, ему больно и досадно, если онъ слышитъ, что такой-то заработалъ

¹ Безпроцентная ссуда.

столько-то, стало быть, онъ прямо ограбилъ его, ибо ту же самую сумму и онъ бы могъ заработать, и эти деньги пригодились бы и ему. И начинается зависть, — все равно, какъ онъ завидуетъ Райнешу, — зависть превращается во вражду, а потомъ начинаются доносы, пасквили, пакости и тому подобныя вещи, поворяція имя Израиля.

«Продается за вывѣдомъ дача съ большимъ фруктовымъ садомъ; вблизи находится рѣчка, факторовъ просить не являться», — внимательно прочелъ онъ одно объявленіе. «Вотъ еще одинъ источникъ, откуда черпаютъ сыны Израиля свси богатства, — факторство, — съ ироніей замѣтилъ Залмень. — Спихватились, значить, наконецъ! Жидаы наживаются отъ этого, живутъ въ роскошныхъ квартирахъ, одѣваются по барски. Врутъ жидаы, увѣряющіе, что они сами рады-радехоньки были бы избавиться отъ факторства, лишь бы имъ были открыты другіе пути для существованія, — ну хоть земледѣліе, что-ли. Это они съ жиру бѣсятся. Пусть эти тысячи лучше останутся у насъ; и безъ жидаовъ отлично обойдемся».

Онъ отошелъ отъ вывѣшенныхъ объявленій и направился далѣе. Лицо у него сдѣлалось задумчивымъ, грустнымъ. Всѣ его меркантильные расчеты — коммерческая Варшава, Айзикъ съ товаромъ, ростовщикъ Шахна, магазинъ Райнепа, все то, что онъ передумалъ въ это утро, когда онъ послѣ молитвы готовился идти въ магазинъ, — все это исчезло. Залмень-мыслитель одержалъ побѣду надъ Залменомъ-дѣльцомъ. Образъ несчастнаго его друга, который прождевременно старѣетъ отъ одной заботы — кому продать вагонъ хлѣба, у кого достать новый *имиласъ-хеседъ*, чтобы отдать къ обѣщанному сроку старый, дабы не потерять кредита, предсталъ передъ нимъ. Его волновалъ теперь вопросъ, вопросъ экономическій, — какъ облегчить вообще незавидное положеніе евреевъ, какимъ образомъ достигнуть того, чтобы подобные Гершоны, которыми кишмя-кишитъ еврейская черта осѣдлости, не сдѣлаи преждевременно и имѣли возможность честно зарабатывать кусокъ хлѣба. Онъ началъ припоминать всѣ тѣ передовыя статьи, въ

которыхъ говорится объ экономическомъ положеніи евреевъ, равно какъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя предлагались и предлагаются для облегченія участи бѣднаго люда.

«Мѣры, рекомендуемыя газетами, къ улучшенію еврейскаго быта, были бы очень, очень хороши, еслибы — еслибы на это обратили гдѣ слѣдуетъ вниманіе. Еслибы устраивали для евреевъ колоніи въ Россіи — это было бы для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ, и многіе ухватились бы за это, какъ за якорь спасенія. Если бы евреямъ можно было покупать и арендовать небольшіе участки земли, — многіе съ маленькими капиталами ухватились бы за это обѣими руками: это бы ихъ навсегда обезпечило; это бы ихъ избавило отъ безпрестанной бѣготни за безпроцентными ссудами. Гершонъ, напримѣръ, имѣлъ сначала капиталъ въ двѣ тысячи рублей. Еслибы можно было землю покупать, — его руки только не были бы такими бѣлыми, но онъ не старѣлъ бы преждевременно, былъ бы прежнимъ веселымъ, добродушнымъ, отличнымъ малымъ. Но... тутъ-то и запятая — «еслибы».

«Также и эмигрировать въ Палестину для занятія тамъ земледѣліемъ — чего бы, кажется, лучше? Обрабатывать своими руками ту землю, каждая пята которой орошена нашей кровью, гдѣ каждый холмикъ имѣетъ свою исторію, гдѣ каждое деревцо столько говоритъ еврейскому сердцу, — да вѣдь это было бы настоящимъ счастіемъ! Или еслибы наши богачи были немножко благороднѣе, не подбрасывали бы бѣднымъ, какъ собакамъ, обглоданныя кости, — а устраивали бы въ городахъ съ значительнымъ еврейскимъ населеніемъ фабрики, гдѣ находили бы себѣ работу бѣдные, но здоровые люди, отъ чего наши богачи выиграли бы, а сотни людей имѣли бы работу и не ложились бы тяжелымъ бременемъ на общество, — право, дѣло отличное. Но... камнемъ преткновенія является опять «еслибы»: «еслибы» можно было эмигрировать въ Палестину, «еслибы» наши богачи устраивали фабрики; къ сожалѣнію, султанъ почему-то боится большого наплыва евреевъ въ Палестину, а наши богачи... ахъ, наши богачи — бессер-

дечные эгоисты, кулаки, мірофды. Они думаютъ, что весь міръ Божій исключительно созданъ для нихъ; они наслаждаются жизнью, живутъ въ роскошныхъ квартирахъ, эксплуатируютъ своихъ подчиненныхъ служащихъ, а бѣдные... Бѣдные могутъ ѣсть и одинъ разъ въ сутки, чортъ ихъ не возьметъ если будутъ жить въ тѣсныхъ, сырыхъ, спертыхъ лачугахъ, если обувь и платье разорваны: на то бѣднякъ и бѣдень, чтобы бѣдствовать... Ну и логика же у нихъ, что и говорить!»

Онъ такъ былъ погруженъ въ свои мысли, что не замѣтилъ, что онъ минулъ свой магазинъ. Онъ только опомнился, когда столкнулся лицомъ къ лицу со своимъ конкурентомъ, Райнешомъ, стоявшимъ у дверей своего магазина.

— Добраго утра, р. Залмень! — привѣтствовалъ его Райнешъ. — Чего вы это такъ задумались? Какъ ваши дѣла? Должно быть удовлетворительны, ибе цѣлое утро сегодня толпится у васъ народъ.

— А у васъ развѣ мало покупателей?—ядовито замѣтилъ Залмень. Его прежнее хорошее настроеніе исчезло и онъ опять превратился въ дѣльца. Ему показалось, что Райнешъ насмѣхается надъ нимъ и его самолюбіе заговорило. Это ничтожество, этотъ грубый, неотесанный человекъ съ темнымъ прошлымъ, съ черствой душой, дразнить его, Залмена, мизинца котораго весь Райнешъ и тысяча ему подобныхъ Райнешей не стоятъ! Онъ насмѣхается надъ нимъ, потому что богаче его... Онъ ему покажетъ, какъ дразнить его, онъ ему задастъ, онъ его научить уважать другихъ, онъ узнаетъ, что такое Залмень Корнфельдъ!

— Слава Богу, слава Богу, я и не думаю жаловаться!—самодовольно потирая руки, сказала Райнешъ.—Я очень доволенъ, пусть Богъ помогаетъ всѣмъ евреямъ: всѣ вѣдь должны жить, всѣ вѣдь мы живемъ подъ однимъ небомъ. Вотъ я и радъ, что вы тоже торгуете; повѣрьте, что я радъ и всей душой желаю вамъ хорошихъ покупателей и наживать много денегъ.

«Знаю, какъ ты радъ! Такъ я тебѣ сейчасъ и повѣрю,

какъ-же! Ты уничтожилъ бы меня давнымъ-давно, еслибъ это только было въ твоей власти».

— Я слышалъ, что вы ожидаете изъ Варшавы партію товара? — продолжалъ Райнешъ, взявшись за рукавъ Залмена. Этотъ рукавъ ему почему-то полюбился и онъ не выпускалъ его уже все время разговора съ Залменомъ. Онъ такъ и впился глазами въ этотъ рукавъ и сразу, какъ знатокъ, оцѣнилъ достоинство матеріи.—Это у васъ то пальто, которое вы себѣ на Пасху сшили? Ну, и вкусъ-же у васъ, р. Залмень! Въдь это бархатъ, настоящій бархатъ! Чтобъ у меня такой годъ былъ, какая это матерія.

Залмень что-то пробормоталъ себѣ подъ-носъ, не то благодарность, не то ругательство, котораго Райнешъ, однако, не услышалъ: онъ слишкомъ былъ погруженъ въ созерцаніе матеріи, чтобы замѣтить слова Залмена.

— Такъ вы ожидаете партію товара? — не отставалъ Райнешъ, не выпуская рукава. Онъ другой рукой поглаживалъ его, стиралъ съ него пыль, чистилъ его.—А какой же это будетъ товаръ, позволите васъ спросить?

«Да отвѣтится-ли онъ сегодня отъ меня? Вотъ идиотъ, ухватился за рукавъ и ни съ мѣста,—хоть ты ему что сдѣлай! И что онъ такое замѣтилъ въ этомъ рукавѣ, что такъ и не отстаеетъ отъ него? Онъ теперь мысленно оцѣниваетъ матерію. Вотъ что значитъ торгашеская натура: онъ все оцѣниваетъ, что сколько стоитъ, сколько можно дать, почему продавать».

— Что же вы мнѣ не говорите, какой это товаръ будетъ, т. е. я хочу знать по какой это части: по мануфактурной или по галантерейной?—приставалъ къ нему Райнешъ, принимаясь одной рукой за верхнюю пуговицу пальто, которую сталъ крутить и вертѣть въ разныя стороны.

— Я ожидаю галантерейный товаръ,—отвѣтилъ Залмень, желая этимъ уколоть своего конкурента: пусть не воображаетъ, что онъ одинъ только купецъ въ Гнилопятецкѣ, что у

него одного такой магазинъ. — Что вамъ такъ понравилось мое пальто, что вы такъ и не отстаёте отъ него?

— Ахъ, ваше пальто! — воскликнулъ Райнешъ, усердно крутя пуговицу: — да вѣдь у васъ такое хорошее пальто, какъ-же не любоваться имъ, когда оно изъ такой прекрасной матеріи, сшито такъ красиво и такъ превосходно сидитъ на васъ.

При этомъ верхняя пуговица очутилась, наконецъ, въ его рукахъ.

— Ну, однако, г. Райнешъ, вы уже успѣли одну пуговку оторвать; оставьте-же, пожалуйста, хоть другія въ покоѣ, — проговорилъ Залмень и готовился уйти.

— Чего-же вы такъ спѣшите? Побесѣдуемъ еще немного. Вѣдь у васъ тамъ торговля идетъ шибко и безъ васъ. Вашъ братъ Мендель, доложу вамъ, очень цѣнный человѣкъ; такимъ человѣкомъ дорожить надо.

Видя, что еще одной пуговицѣ грозитъ опасность, Залмень поспѣшно освободилъ свой рукавъ, небрежно поклонился Райнешу и направился къ своему магазину. Его сердце радостно забилось, когда онъ, вошедши въ магазинъ, замѣтилъ, что тамъ дѣйствительно покупателей много, что Мендель стоитъ у кассы и деньги получаетъ. Онъ занялъ свое мѣсто около кассы и, посчитавъ находящіяся тамъ ассигнаціи, сказалъ:

— Въ кассѣ девяносто три рубля пятнадцать копѣекъ. Столько должно быть, Мендель?

— Да, Залмень.

— Ну, я уже тутъ справлюсь безъ тебя. Иди домой.

VI.

Дома у Залмена все обстояло хорошо. Дѣвушка вернулась отъ раввина съ сіяющимъ лицомъ и торжественно объявила резолюцію духовнаго пастыря, заключавшуюся въ томъ, что ложка, какъ вещь металлическая, можетъ быть употребляема послѣ того, какъ она будетъ *выкаширована*, т. е. когда ее

обольютъ кипяткомъ; горшокъ, а равно находящійся въ немъ злополучный супъ, раввинъ считаетъ трэфными, а посему такая набожная еврейка, какъ Эстеръ, должна вылить супъ и уничтожить горшокъ; тарелка же, какъ *второй сосудъ*, должна постоять безъ употребленія до другого дня, а затѣмъ и она можетъ быть употребляема.

Песа и Бася были довольны этимъ мудрымъ рѣшеніемъ гнилопятакаго пастыря и выразили свое удовольствіе, что дорогая фарфоровая тарелка останется цѣла. Что же касается Эстеръ, то она, повидимому, не была удовлетворена такимъ счастливымъ оборотомъ дѣла. Что горшокъ и супъ трэфны— съ этимъ она согласна; что ложку, какъ металлическую вещь, послѣ того, какъ ее обольютъ кипяткомъ, можно употреблять,— это она тоже понимаетъ; но чтобы тарелка, въ которой находился трэфной супъ, могла быть употребляема на другой день,—это что-то сомнительно: если горшокъ и супъ трэфны, то, по ея мнѣнію, и тарелка трэфна. А что если раввинъ ошибся? Вѣдь и *ребе* не ангель, а такой-же смертный, какъ всѣ евреи, стало быть, и ему—хотя онъ, конечно, человѣкъ ученый и святой—свойственны всѣ человѣческія ошибки... А что если раввинъ забылъ этотъ законъ и сказалъ на тарелку *кошеръ*, когда она на самомъ дѣлѣ трейфъ? А что если дѣвушка—этотъ *момиз*—взяла да перепутала рѣшеніе раввина и сказала на *трейфъ* — *кошеръ*? Вѣдь все-же можетъ случиться, когда дьяволъ натолкнетъ на какой-нибудь грѣхъ. Ясно, значитъ, что тарелку нельзя употреблять... И вотъ, благодаря ошибкѣ раввина или безтолковости дѣвушки, она можетъ взять такой тяжкій грѣхъ на свою душу! Ну ее, эту тарелку! Она, если Богъ ей поможетъ, купить лучше дюжину новыхъ; за то она будетъ застрахована отъ ада; напротивъ, за такое религиозное рвеніе, за такой *kidusch-ha-Schem* она займетъ довольно почетное мѣсто въ раю, пожалуй, такое, какое займетъ—черезъ сто двадцать лѣтъ—сама *ребецинъ*.

Но какъ-же передать свои опасенія матери и Басѣ? Вѣдь онѣ подымутъ ее на смѣхъ, а мать можетъ еще, чего доб-

раго, рассердиться... Пожалуй, Бася расскажетъ всѣмъ роднымъ и знакомымъ, и тогда она будетъ служить предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ; а не дай Богъ попасть гвилопятскимъ кумушкамъ на язычекъ: ей тогда придется за-живо похоронить себя, ей нельзя будетъ показаться на улицѣ... И все это можетъ случиться потому, что она, Эстеръ, боится грѣха и хочетъ предостеречь отъ этого грѣха всѣхъ тѣхъ, кого любить. Не могутъ-же онѣ подняться на ту религиозную высь, на которой находится она, Эстеръ; не могутъ-же онѣ влѣзть къ ней въ душу и узнать, что тамъ дѣлается!

Какъ-же, однако, быть? Съ одной стороны грѣхъ, адъ, скитаніе по бѣлу свѣту; съ другой стороны — улыбочки знакомыхъ, насмѣшки близкихъ ей людей, гнѣвъ матери. Какъ-же быть? Господи, научи ее, внуши ей такую мысль, съ помощью которой она вышла бы незапятнанной тяжкимъ грѣхомъ и избавилась бы отъ насмѣшекъ не понимающихъ ее людей. Вразуми ее, защити, о, Боже великій, святой!

И ее дѣйствительно осѣнила такая мысль. На ея только что озабоченномъ лицѣ появилась счастливая улыбка. Наконецъ-то исходъ найденъ. Да, да, она такъ и сдѣлаетъ; она озаботится, чтобы, какъ говорятъ, и волки были сыты, и овцы цѣлы. Слава Богу, что путь найденъ. Она рѣшила тарелку сегодня-же, когда никто не увидитъ, разбить и запрятать куда-нибудь ея черепки, такъ чтобы совсѣмъ не замѣтно было отсутствіе этой тарелки. За эту ниспосланную ей Богомъ мысль она, въ знакъ своей глубокой признательности, пожертвуетъ пять фунтовъ свѣчей на синагогу, броситъ въ кружку *p. Меръ баалъ ганесъ* цѣлый рубль. Она можетъ быть спокойной насчетъ будущей загробной жизни, ея религиозное усердіе зачтется несомнѣнно ей Господомъ-Богомъ на томъ свѣтѣ.

И она, какъ великій тактикъ, показала видъ, что очень довольна исходомъ дѣла, и отправилась на кухню совершить пока расправу надъ горшкомъ и находящимся въ немъ су-

номъ. Бася тоже скоро ушла, а бабушка Песя осталась одна съ Мендедемъ, который все это время молился Богу.

Не долго, однако, приходилось Песѣ сидѣть одной. Въ передней послышалось шлепанье туфель и скоро на порогѣ появилась маленькая женская фигура, съ очками на носу. Дѣда совсѣмъ не видать было, видны были только очки, носъ да часть подбородка. Какъ только вошла, она окинула глазами косякъ дверей и, замѣтивъ тамъ подбитую «мезузу», поднялась на цыпочкахъ и послѣ долгихъ усилій рукой чуть-чуть задѣла святой пергаментъ, послѣ чего поцѣловала тѣ пальцы, которые прикоснулись къ пергаменту. Песя, замѣтивъ вошедшую, пошла ей на встрѣчу.

— Доброга утра вамъ, Песуню, — сказала вошедшая и сбросила свой большой платокъ, чѣмъ обнажила свое лицо. — Я уже давно собираюсь къ вамъ и вотъ насилу вырвалась. Я такъ соскучилась о васъ, Песуню голубчикъ, что рѣшила непремѣнно зайти къ вамъ. Между нами будь сказано, кромѣ васъ, дочери вашей и невѣстокъ, нѣтъ женщинъ, съ которыми я могла бы говорить.

— Спасибо вамъ, ребечинъ, — скромно замѣтила Песя, — въ ваше лестное мнѣнiе обо мнѣ и о всѣхъ насъ. Мнѣ тоже съ вами очень прiятно бесѣдовать.

— Какъ-же ваши дѣточки, чтобы онѣ здоровы были, поживаютъ? А внуки ваши — Меиръ и Михель — порядочно учатся? Началъ уже Михель Талмудъ учить? Вотъ мой внучекъ, Песуню, которому исполнилось шесть лѣтъ, безъ дурного глаза, учить уже «lekach-tow». Дай ему только Богъ здоровья, чтобы онъ могъ изучать святую Тору.

— Ну, не у всѣхъ же дѣтей такія свѣтлыя головки, какъ у внука вашего, — замѣтила Песя, желая этимъ сказать своей гостьѣ любезность. «Гостья» дѣйствительно была польщена похвалой Песи, что и выразилось въ ея широкой улыбкѣ, открывшей Песѣ желтые, гнилые зубы.

— Ахъ, если-бы вы знали, Песя корона моя, какой это

мальчикъ! — съ энтузіазмомъ воскликнула ребецинъ. — Какая у него свѣтлая головка, какая прекрасная память и какое рвеніе къ изученію святой Торы! Мой старикъ говорить, — а вы знаете, что онъ очень скупъ на похвалы, — что это *илуи*. Онъ, говорить мой старикъ, когда-нибудь будетъ украшеніемъ Израіля, — такимъ великимъ раввиномъ, что извѣстенъ будетъ всему міру.

Тутъ она остановилась, что-то обдумывая и улыбаясь. Она теперь наслаждалась отъ одной мысли, что когда-нибудь скажутъ, что она бабушка извѣстнаго, великаго раввина.

— Ахъ я, глупая, — спохватилась Песа, — заболталась съ вами и забыла угостить дорогую гостью. Эхъ старость! Это не то, что въ былое время... Чѣмъ-же я васъ угощу? А знаете что? Мы ужъ обѣ не молодыя женщины и намъ стыдиться — хе-хе-хе — нечего. Такъ возьмемъ по капелькѣ?

— Отчего-же не взять? — искренно обрадовалась ребецинъ. Она была рада, что ей, — не говоря уже о томъ, что она не прочь была иногда освѣжить себя водочкой, — удастся совершить еще одну мицву. До этихъ «мицвъ» она была большая охотница и только то и дѣлала, что искала ихъ, просто выкапывала. Съ мужемъ онъ заключила договоръ, подтвержденный формальнымъ «бесъ-диномъ», что изъ каждаго Богу угоднаго дѣла, которое онъ совершитъ, половину онъ долженъ уступить ей. Съ своей стороны, она ничего не обѣщала мужу: онъ, какъ мужчина, въ «мицвахъ» не нуждается, ибо у него ихъ есть *тариагъ* — т. е. 613, а у женщинъ только три.

Между тѣмъ Песа подошла къ буфету, взяла оттуда кое-что для закуски, послѣ чего она, поставивъ закуску на столъ, направилась въ свою комнату за настойкой. Она сейчасъ-же вернулась съ графинчикомъ водки, на днѣ котораго видѣлись разныя коренья. Она налила своей гостьѣ рюмочку, а потомъ и себѣ.

— Выпьемъ, ребецинъ, и скажемъ кстати «хорошее слово».

Ребецинъ поднялась, торжественно взяла въ свои руки рюмку и, закатывая глаза, какъ это дѣлалъ въ такихъ слу-

чаяхъ ея мужъ, прочла установленное «благословеніе»; затѣмъ она поднесла рюмку къ губамъ и выпила нѣмного; ея при- мѣру, съ не меньшимъ благоговѣніемъ, послѣдовала Песя.

— Ну, Песуню, водка у васъ очень хорошая,—просто вкусъ рая, чтобъ мнѣ такой годъ былъ,—сказала раввина, под- нимая рюмку къ носу и любясь видомъ этой водки.

— Ну, и на здоровье вамъ. Чего-же вы не пьете?

— Надо-же хорошее слово сказать.

— И скажите.

— Скажите вы раньше, Песуню: вы вѣдь старше меня.

— Но за то я простая женщина, а вы — ребецинъ, жена нашего раввина, да продлить Господь его годы.

Ребецинъ отъ удовольствія покраснѣла, какъ молоденькая дѣвушка, которой нравящійся кавалеръ сдѣлалъ комплиментъ. Ей льстила та мысль, что такая женщина какъ Песя, которая никому не говорить *сы*, исключая, конечно, ее и еще нѣко- торыхъ,—эта Песя признаетъ ея авторитетъ.

— Не стоитъ и говорить объ этомъ, — скромно замѣтила она.—Я, конечно, благословляю Его святое имя за то, что мнѣ, рабѣ Божіей, жалкой песчинкѣ, грѣшной женщинѣ, суждено быть женою раввина, который своею праведностью, благоче- стивымъ образомъ жизни стоитъ, смѣю думать, выше другихъ раввиновъ (вѣдь вы знаете, какое теперь грѣшное время: нынѣ нѣкоторые раввины даже читаютъ русскія книги); но и вы, Песя, святая женщина,—настоящая *цадейкес*¹.

Съ своей стороны и Песя осталась довольна похвалой ре- бецинъ.

— Скажите скорѣй «лехамъ», — сказала она съ улыбкой: — а то я за васъ скажу.

— Ну и скажите, — улыбаясь замѣтила ребецинъ, будучи увѣрена, что Песя раньше не скажетъ.

— Полно, ребецинъ! Зачѣмъ вамъ попусту время тратить? Смотрите, вотъ водка у васъ расплескалась.

¹ Праведница.

Ребецинъ поглядѣла на свою рюмку и убѣдилась, что тамъ дѣйствительно количество горькой жидкости уменьшается.

— Ну, лехамъ, — провозгласила она: — дай Богъ намъ всѣмъ здоровья; дай Богъ, чтобы мы видѣли счастье нашихъ дѣтей и внуковъ; дай Богъ, чтобы евреи были въ слѣдующемъ году въ святомъ Иерусалимѣ; дай Богъ, чтобы мы своими ушами услышали трубный звукъ Мешіаха; дай Богъ, чтобы наступилъ конецъ нашему горькому «голосу».

— Аминь! — проговорила Песя.

— Теперь, Песюню сердце мое, — сказала ребецинъ, поставивъ порожнюю рюмку. — Скажите и вы лехамъ и пожелайте всѣмъ намъ чего-нибудь.

— Я не такая краснорѣчивая, какъ вы. Поэтому я охотно присоединяюсь къ вашимъ пожеланіямъ и добавлю еще, чтобы вашъ внукъ сталъ современемъ великимъ гаономъ на радость и утѣшенье вамъ и всѣмъ евреямъ.

— Аминь! — проговорила ребецинъ, закатывая глаза.

— Теперь что-нибудь закусите, — любезно предлагала Песя, придвинувъ къ ней тарелку, наполненную печеніемъ. — Попробуйте, ребецинъ, эти коржики; я ихъ очень люблю.

Ребецинъ взяла въ свои руки одинъ изъ предлагавшихся коржиковъ, осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ и, совершивъ опять установленное *брое*, откусила кусокъ.

— Хорошо, очень хорошо, — говорила она, уничтожая одинъ коржикъ за другимъ, — вкусъ рая, таетъ во рту. Это ваша Эстеръ ихъ дѣлаетъ? Ай, ай, какъ хорошо! Она у васъ *берья*, славная хозяйка, у которой все спорится въ рукахъ.

И она продолжала ѣсть и хвалить, а ея прекрасный аппетитъ также подѣйствовалъ и на Песю.

— У васъ сегодня *шайла* случилась? Ну и былъ же озадаченъ мой старикъ этой шайлой! Онъ это только что всталъ и вышелъ. Вдругъ приходитъ ваша дѣвушка, вся красная отъ быстрой ходьбы, и спрашиваетъ: гдѣ ребе? Я говорю: а на что тебѣ ребе? Она говоритъ: у насъ шайла случилась. Я подумала: какая можетъ быть шайла въ такомъ набожномъ еврей-

скомъ домѣ? Но думаю себѣ, *so ton shekatreg*: мало-ли что можетъ случиться въ чемъ нибудь домѣ. Вотъ я и спрашиваю у нея: а скажи мнѣ, дочь моя, какая это шайла?—Я невнятно, говорить, взяла молочную ложку и мѣшала ею мясной супъ, потомъ этою-же ложкою налила на тарелку немного супу. Я, какъ услышала объ этомъ, сначала обомлѣла и слова—повѣрите-ли—не могла вымолвить; потомъ я ахнула и подумала: трейфъ, навѣрное трейфъ все, за исключеніемъ ложки. Пропадетъ, думаю себѣ, такой супъ и хорошая фарфоровая тарелка. Я ей и начала нотацію читать; ты, говорю, *хиуфе* ¹, ты—*мешумейдесте* ², ты *гойломз*, ты *ломмз*, ты, говорю, кусокъ мяса съ двумя глазами! Какъ это ты могла сдѣлать? Какъ это ты можешь быть неблагодарной твоей хозяйкѣ, которая тебѣ и ѣсть даетъ, и одеждой награждаетъ, и жалованье платить? Что у тебя глазъ не было для различія мясной ложки отъ молочной, или у тебя на умѣ вовсе не хозяйство, а женихи? Еще хорошо, что спохватились во время и отдѣляются тѣмъ, что пропадутъ тарелка хорошая и такой супъ; но что было-бы, если-бъ спохватились, сохрани Господи, послѣ обѣда,—что было-бы тогда, а? Вѣдь ты, говорю, накормила-бы трэфнымъ обѣдомъ всѣхъ и себя въ томъ числѣ! Вѣдь ты не нашла-бы себѣ покоя на томъ свѣтѣ и вѣчно жарилась-бы въ геенѣ огненной или скиталась-бы далеко-далеко, *за темными юрами*, нагая, при жестокомъ холодѣ, а *малахе-хабале* ³ издѣвались-бы надъ тобою и давали-бы тебѣ пить ровно сорокъ разъ въ день расплавленный свинецъ!.. Она какъ испугалась, какъ поблѣднѣла, какъ начала плакать,—страшно было посмотреть на нее.

— И вы могли такъ напугать бѣдную дѣвушку?—съ ужасомъ воскликнула Песя, возмущаясь противъ такого нравоученія.—Вѣдь вы умная женщина, а все-таки такъ глупо поступили. Она, бѣдняжка, я думаю на смерть перепугалась.

¹ Безшабашная.

² Отступница отъ вѣры.

³ Злые ангелы.

— Да, Песуню, чтобъ мнѣ такой годъ былъ, какъ вы правы! Я дѣйствительно убѣдилась, что слишкомъ далеко зашла... Мнѣ, признаться, и хотѣлось ей еще разсказать о всѣхъ семи отдѣленіяхъ въ аду, о томъ, сколько глазъ у ангела смерти, сколько злыхъ ангеловъ въ каждомъ адскомъ отдѣленіи, — какъ это подробно описывается въ святой книгѣ «Шеветъ-мусаръ»; хотѣлось ей также разсказать о *миллсз*, о страшномъ *иллумъ*, — какъ это подробно описывается въ святой книгѣ «Кавъ Гаюшоръ», но мнѣ ее жалко стало, и начала я ее утѣшать, что раскаяніемъ можно все поправить, что бывали такіе примѣры, что грѣшники, совершившіе въ своей жизни разные преступленія, за годъ передъ смертью начали каяться въ своихъ грѣхахъ: постились по понедѣльникамъ и четвергамъ, молились, плакали, читали псалтырь, и вотъ они постомъ, раскаяніемъ дошли до того, что попали въ рай, да еще отдѣлили имъ такое мѣсто, что иной праведникъ, святой мужъ не попалъ бы туда. И въ святомъ Талмудѣ, — какъ это говоритъ мой старикъ, — сказано, что туда, гдѣ находятся на небѣ кающіеся грѣшники, и настоящіе праведники не попадутъ. Она тогда успокоилась.

— Все это хорошо; но зачѣмъ вы ей это разсказывали въ то время, когда она еще не грѣшна и, слѣдовательно, ей каяться нечего? — недоумѣвала Песя.

— Какъ — зачѣмъ? (ребѣцинъ поднялась отъ волненія). Удивляюсь, какъ это вы могли спросить? Да говорила я ей все для острастки, чтобы она грѣха боялась, чтобы она была набожна. Но перестанемъ объ этомъ. Я вамъ разсказываю все, какъ было. Хотите слушать?

— Хочу, конечно, хочу, Ну, что же было, когда раввинъ узналъ объ этой шайлѣ?

— А вотъ я вамъ сейчасъ разскажу. Входитъ это мой старикъ. Дѣвушка хотѣла подойти къ нему, но я ей дала знакъ, чтобы она молчала. Я подхожу къ нему и говорю: Рувиень, вотъ къ тебѣ пришли съ шайлой отъ Эстеръ, дочери Песя. Онь, несмотря на то, что наступилъ часъ молитвы,

выслушала шайлу и задумался. Плохо, думаю себѣ, ибо мой то никогда не задумывается и отвѣчаетъ сразу. Онъ вынулъ одну книгу и углубился въ нее. Я съ напряженнымъ вниманіемъ слѣжу за его движеніями: вѣдь мнѣ жалко хорошей тарелки. Такъ это длилось полчаса, — все смотрѣлъ и смотрѣлъ, перелистывалъ и перелистывалъ. Наконецъ онъ провозгласилъ, что ложку можно выкашировать (этой я знала), супъ и горшокъ — тrefны (и я такъ думала), а тарелка должна постоять въ уединенномъ мѣстѣ до другого дня, а затѣмъ ее уже можно употреблять (вотъ это дѣйствительно было для меня ново). Я очень обрадовалась, а дѣвушка съ сіяющимъ лицомъ бросилась бѣжать домой.

— Слава Всевышнему, что все это такъ благополучно кончилось, — сказала Песя, — все таки тарелка такая хорошая; вы вѣдь знаете, ребецинъ, какія у насъ тарелки. — Помолчавъ немного, она прибавила: — Что же вы ничего новаго не расскажете? Вѣдь у васъ же всегда есть какая-нибудь новость.

— Ахъ, охъ, громъ меня убилъ! — воскликнула ребецинъ, всплеснувъ руками. — Хороша нечего сказать! Вотъ вамъ и ребецинъ!.. Такая новость есть... я вѣдь и направила, чтобы сообщить ее вамъ, зная, что этой новостью я вамъ прибавлю десять лѣтъ жизни. Не про васъ будь сказано, у меня такая слабая память, что черезъ минуту забываю то, что знала прежде. А знаете, Песюню (она поднялась, подошла къ дверямъ и высморкалась довольно усердно), у насъ сегодня былъ — кто бы вы думали? — *ерушалми*.

Песя вскочила. Это извѣстіе взволновало, обрадовало и поразило ее въ одно и то же время. Наконецъ-то совершилось то, чего она такъ пламенно желала, — приобрести себѣ мѣшочекъ Палестинской земли. Если она не въ силахъ ѣхать въ Палестину, чтобы быть похороненной на святой землѣ, то, по крайней мѣрѣ, она желаетъ, чтобы ее глаза и тѣло посыпали этой землей: по крайней мѣрѣ, избавится отъ тѣхъ мукъ, которыя испытываетъ тѣло послѣ смерти. Конечно, ѣхать въ Палестину было бы куда лучше; но она не

можетъ жить безъ дѣтей, и если бы уѣхала, то умерла бы на пароходѣ и ее, какъ сказываютъ люди, бросили бы въ море и такимъ образомъ она была бы лишена *израильскаго погребенія*. Она очень была благодарна Богу, что онъ внушилъ одному изъ іерусалимцевъ такую мысль, чтобы онъ пріѣхалъ въ Гиллонятскъ святую землю продавать.

— Ерушалми пріѣхалъ и былъ у васъ?—съ волненіемъ спросила она.

— Да, да, Песуню! Пріѣхалъ ерушалми и былъ у насъ. Онъ съ собою привезъ землю святую, вятую, какъ онъ говоритъ, прямо изъ могилы праматери Рахили.

— Слава Богу,—проговорила Песя.—Хоть умереть можно будетъ спокойно, зная, что эта земля совершенно уничтожаетъ тѣло и такимъ образомъ человѣкъ избавляется отъ тѣхъ страданій, которыя испытываетъ лежа въ гробу.

— И еще какія страданія!—покачала ребецинъ головой:—мой старикъ рассказываетъ, что это такая боль, словно колютъ тебя при жизни острой иглой. Я тоже обрадовалась, взяла на всякій случай два мѣшочка: одинъ для себя, а другой для моего старика.

— Ахъ, если бы вы знали, какую «мицву» вы заслужили! Вы меня просто оживили, вдунули въ меня новую душу. Онъ, конечно, будетъ и у меня?

— Разумѣется, будетъ. Я ему говорила нѣсколько разъ, т. е. не я ему говорила, ибо онъ жаргона не понимаетъ, онъ только говорить на святомъ языкѣ, — а мой старикъ (видите, какъ онъ заботится о васъ). Онъ обѣщалъ моему старику, что непременно будетъ у васъ.

— Спасибо вамъ, спасибо, ребецинъ! Дай Богъ, чтобы вы долго жили, чтобы были въ будущемъ году въ святомъ Іерусалимѣ.

— Аминь! — набожно произнесла ребецинъ и закатила глаза.—Знаете, мнѣ очень хотѣлось бы быть въ Іерусалимѣ, молиться у западной стѣны и умереть *тамъ*: здѣсь, если даже посыпать глаза и тѣло этой землей, отъ чего избавляются

отъ точенія червей, все-таки когда придетъ Мошиахъ и наступитъ воскресеніе мертвыхъ, похороненнымъ здѣсь придется катиться черезъ разныя пещеры, пока достигнешь Святой земли, а это вѣдь тоже испытанье, нисеносланное Богомъ за грѣхи наши.

— Что-жъ дѣлать? — утѣшала ее Песя: — надо мириться съ этимъ. Слава Всевышнему, мы будемъ избавлены отъ червей.

Объ женщины нѣкоторое время молчали. Какъ ни старалась Песя утѣшить ребецинъ, все же она чувствовала, что ея слова мало дѣйствуютъ на послѣднюю, ибо она, т. е. ребецинъ, никакъ не могла помириться съ мыслью, что ей придется испытать на себѣ «gilgul-mechiloth». Она опустила голову и что-то соображала. Приняла она твердое рѣшеніе непремѣнно уѣхать въ Палестину въ ближайшемъ будущемъ. Для этой цѣли она начнетъ конить деньги, сократить до minimum'a расходы и въ одно прекрасное утро она съ мужемъ оставятъ Гнилопятскъ, къ великому удивленію и огорченію всѣхъ евреевъ, населяющихъ этотъ городъ.

— Вотъ вы и хорошо сдѣлали, что пришли, — прервала Песя молчаніе: — одну «мицву» вы совершили тѣмъ, что такъ обрадовали меня, а другую вамъ еще предстоитъ совершить вмѣстѣ со мною.

— Мицву предстоитъ еще одну совершить? — оживилась ребецинъ и на ея устахъ появилась блаженная улыбка.

«Великій Боже! — думала она: — какъ Ты безконечно добръ ко мнѣ, рабѣ Твоей! За то, что Ты мнѣ далъ возможность совершить еще одно хорошее дѣло, я двѣ недѣли буду поститься по понедѣльникамъ и четвергамъ».

— Какая же это мицва? — спросила она у Песи.

— Нужно собирать приданое для бѣдной дѣвушки-сироты. Вы вѣдь знаете, что р. Ворухъ меламедъ выдаетъ свою дочь замужъ. Вотъ мы съ вами обойдемъ городъ, и я увѣрена, что мы соберемъ порядочную сумму.

— Дай вамъ Богъ здоровья за то, что вы мнѣ даете воз-

возможность сдѣлать еще одно хорошее дѣло. Дочь р. Ворука, Зельда, очень хорошая дѣвушка. А не знаете-ли вы, Песа корона моя, кто ея женихъ? Впрочемъ, я думаю, что женихъ— одинъ изъ шелковыхъ, благочестивыхъ молодыхъ людей, иначе р. Ворухъ не выдалъ бы за него Зельды. Я увѣрена, что послѣ свадьбы Зельда надѣнетъ парикъ и не будетъ носить своихъ собственныхъ волосъ, какъ это дѣлаютъ, грѣхи наши тяжкіе, многія другія женщины.

Вошла Эстеръ съ Мойшеле на рукахъ. Эстеръ очень обрадовалась приходу ребецинъ, но за то Мойшеле вовсе не радѣлялъ чувствъ и симпатій своей матери: замѣтивъ очки ребецинъ, ея продолговатое лицо и большіе желтые зубы, онъ ухватился обѣими руками за шею матери и шопотомъ проговорилъ: «мама, бу».

— Что ты, сыночекъ мой дорогой! Не пугайся, мой милый. Это, Мойшеле, не «бу», а ребецинъ, жена нашего раввина. Поди къ ней, сыночекъ мой! Пусть она тебя благословитъ, пусть пожелаетъ тебѣ быть великимъ ламденомъ¹, точно такимъ же, какъ нашъ раввинъ, и чтобы ты тоже былъ со-временемъ раввиномъ.

Но «сыночекъ» не особенно нуждался въ благословеніи женщины, хотя бы и такой благочестивой, какъ ребецинъ; надо полагать, что онъ и въ раввинскомъ креслѣ особенной надобности не чувствовалъ, ибо еще крѣпче прижался къ матери. Ребецинъ же, желая посмотрѣть на Мойшеле, о которомъ вообще была самага лестнаго мнѣнія, подошла къ Эстеръ и положила свои руки на голову мальчика. Ребенокъ, почувствовавъ прикосновеніе, раскричался такъ, что бѣдная Эстеръ, которой страхъ какъ хотѣлось побесѣдовать съ ребецинъ, вынуждена была вынести своего сына изъ столовой.

— Дитя да и только, — махнула ребецинъ рукой: — онъ не понимаетъ, что его любятъ; думаетъ, что его утащутъ куда-нибудь. Такъ мы, Песуню, скоро пойдемъ, — прибавила

¹ Ученикъ.

она, обращаясь къ Песѣ. — Уже скоро десять часовъ, а мнѣ хочется быть къ двумъ часамъ дома, такъ какъ сегодня у насъ совершится разводъ.

Песя сдѣлала большіе глаза.

— Разводъ?—спросила она.—Кто же разводится и за что?

— Кто разводится? Развѣ вы не знаете? Въ городѣ всѣ говорятъ объ этомъ, какъ же вы не знаете? Удивительно, какъ у насъ есть Богъ на небѣ, удивительно.

— А вотъ видите, я и не знаю. Кажется тоже въ городѣ каждый день бываю, а все-таки объ этомъ ничего не слышала. Кто же разводится?

— Вы вѣдь знаете Двосю лимонщицу? Вотъ она-то на старости лѣтъ и вдумала развестись съ мужемъ, съ этимъ святымъ и праведнымъ мужемъ, который только то и дѣлаетъ, что или сидитъ въ «бесѣ гамедрашѣ» и Талмудъ читаетъ, или ѣздитъ къ падику, чтобы наслаждаться лицедрвнiемъ этого великаго чудодѣя, спасающаго своими молитвами всѣхъ насъ, грѣшныхъ людей.

Песя поблѣднѣла отъ неожиданности извѣстія. У этой Двоси лимонщицы было пятеро дѣтей, изъ которыхъ старшей дѣвочкѣ было четырнадцать лѣтъ. Когда разводятся люди молодые, оживившіеся недавно, пришедшіе къ тому убѣжденію, что жить имъ невозможно, — это еще полбѣды; но если то же самое дѣлаютъ послѣ пятнадцатилѣтней супружеской жизни, когда есть взрослые дѣти, понимающія все то, что происходитъ въ домѣ родителей,—вѣдь это нѣчто такое, что трудно назвать. Песя встала и съ волненіемъ начала ходить по комнатѣ. Она приняла твердое рѣшеніе помѣшать разводу.

«Вѣдь это будетъ стыдъ и срамъ, настоящій *хилуль-га-шемъ*¹, если только будетъ разводъ... Дѣти, вѣдь дѣти есть... Нѣтъ, до этого я не допущу!»

— Изъ за чего же это теперь разводятся они?—обратилась она къ ребецинъ, любовавшейся эффектомъ, который произвела

¹ Кошунство.

своимъ сообщеніемъ. — Вѣдь у нихъ же дѣти есть, есть дѣвочка, которой 14 лѣтъ. Какъ же они Бога не боятся? Ну, а съ дѣтьми что же они сдѣлаютъ?—горячилась она.

— Что-жъ вы это на меня кричите?—обидѣлась ребецинъ:— это вѣдь не я тащу своего мужа къ раввину, а негодяйка Двоя. Ей, видите-ли, не нравится мужъ потому, что онъ денегъ не зарабатываетъ, что онъ сидитъ только въ молельнѣ, или находится у цадика. Вотъ дура! вмѣсто того, чтобы радоваться да Бога благодарить, что у нея мужъ такое сокровище, что благодаря ему, ей хорошо будетъ на томъ свѣтѣ, она ропщетъ, жалуется, недовольна и развода требуетъ. Она вся погружена въ *этотъ свѣтъ*: ей бы все утробу, одну утробу кормить.

— Вотъ я только надѣну платокъ, — перебила ее Песя и мы отправимся по городу. — Эстеръ, — закричала она черезъ минуту, выходя изъ своей комнаты съ большимъ платкомъ на головѣ: — мы съ ребецинъ уходимъ изъ дому; смотри же за домомъ, дабы не случилось, сохрани Боже, чего нибудь.

Обѣ женщины приложились рукой къ «мезузѣ» и вышли на улицу.

— Въ добрый часъ, — сказала Песя, вынимая красный платокъ, куда она бросила нѣсколько монетъ.

VII.

Пожертвованія сыпались обильно и щедрой рукой въ красный платокъ Песи. Она, какъ и сопровождавшая ее ребецинъ, была очень довольна ходомъ сбора, ибо не было ни одного человѣка, который отказалъ бы этимъ двумъ «габетесъ». Онѣ подходили къ каждой еврейской лавкѣ, къ каждому еврею или еврейкѣ со словами: «на бѣдную невѣсту»; а эти три слова магически дѣйствовали на евреевъ, въ особенности на сердобольныхъ евреекъ, и всѣ охотно давали на это богоугодное дѣло. Приданое бѣдной дѣвушкѣ—для евреевъ такая священная обязанность, что никакой еврей не откажетъ въ своей сильной лептѣ для такого дѣла. Впрочемъ, въ Гнилопятскѣ

нашелся одинъ чековѣкъ, который хотѣлъ избавиться отъ этого добровольнаго налога, собираемаго Песей и ребецинъ: это— Шахна-ростовщикъ, тотъ самый Шахна, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи сотни тысячъ, но не жертвуетъ на общественныя нужды ни гроша; тотъ самый Шахна, который живетъ такъ скупо, что дома у него обѣда не готовятъ, когда ему предстоитъ обѣдъ въ другомъ мѣстѣ. Замѣтивъ еще издали почтенныхъ сборщицъ съ ихъ краснымъ платкомъ, онъ, догадавшись въ чемъ дѣло, хотѣлъ улизнуть, но на бѣду его замѣтило зоркое, всевидящее око Песи. Она окликнула его. Отказаться не ловко было и онъ, злясь на самого себя и посылая въ душѣ къ чорту и Песю, и ея спутницу, вынужденъ былъ подойти къ ней.

— Хорошо, что я тебя встрѣтила,—улыбаясь, сказала ему Песя.—Я имѣла въ виду пойти къ тебѣ домой, но Господу угодно было избавить меня отъ излишней ходьбы. Дай, Шахна, что нибудь для обѣдной сироты—невѣсты. Надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ, старухѣ, въ моей просьбѣ.

Шахна скорчилъ что-то въ родѣ улыбки. Онъ въ душѣ уже простился съ нѣсколькими копѣйками; но ему все-таки хотѣлось попытать счастья,—авось и удастся уйти какъ-нибудь, не давъ ей ничего.

— Ай, Песуню! Что мнѣ дѣлать?—печально произнесъ онъ.—У меня, признаться, при себѣ нѣтъ денегъ. Не будете ли вы такъ добры подождать меня воагѣ магазина зятя вашего, Залмена. Я скоро вернусь назадъ, размѣняю на мелочь ассигнацію и съ удовольствіемъ вручу вамъ мою скудную лепту.

— Нѣтъ, ужь ты, сынъ мой, извини меня. Ждать тебя я не могу, ибо знаю напередъ, что мнѣ пришлось бы ждать до пришествія Мессіи. Ужь меня, Шахна, не проведешь, не дамъ я себя въ обманъ.

Дѣлать было нечего. Затанувъ вздохъ, онъ сунулъ свою жилистую руку въ карманъ, порылся нѣкоторое время и вытащилъ оттуда большой пятакъ. Онъ вручилъ этотъ пятакъ Песѣ, проговоривъ:

— Извините, пожалуйста, больше нѣтъ.

— Онъ только далъ пять копѣекъ,—замѣтила ребецинъ:— а какой богачъ. Вотъ это скарденость, вотъ это скупость, Вы замѣтили, какъ онъ дрожалъ, вынимая деньги изъ кармана? Онъ, извините меня, такая свинья...

— Чтобъ у насъ горя не было, какъ только то, что Шахна ростовщикъ далъ намъ только пять копѣекъ... *Забота большая!* Какъ говорить пословица,—отъ свиньи и волосъ пригодится. Такъ я говорю, ребецинъ?

— Такъ, такъ,—отвѣтила та.—Вы правы, очень правы. Такимъ образомъ онѣ обшли весь городъ, разговаривая и рассказывая другъ другу разные эпизоды изъ жизни. Ребецинъ ждалась на грѣшныя времена, жалѣла о томъ, что многія женщины не исполняютъ своихъ обязанностей, носятъ собственные волосы, а въ иныхъ городахъ, говорятъ, и въ «миеву» не ходятъ! Въ Гнилопятаекѣ еще кое-какъ, Гнилопятаекъ еще еврейскій городъ; за то Шведовъ совершенно другой городъ. Говорятъ, что тамъ еврея нельзя отличить отъ не еврея, ибо тамъ евреи одѣваются какъ русскіе и говорятъ между собою по русски... Песя съ своей стороны тоже не оставалась въ долгу. Она рассказывала своей спутницѣ о своемъ замужествѣ, о родахъ своихъ, о томъ, какъ ей трудно приходилось первое время, пока она сдѣлалась хозяйкой; какъ прекрасно прорѣзывались зубы у старшихъ дѣтей, не испытавшихъ почти никакой боли; но зато меньшія, въ особенности Эстеръ, очень страдали отъ этого.

— Человѣкъ всегда недоволенъ своею участью,—заключила она со вздохомъ свои слова:—онъ всегда желаетъ того, чего нѣтъ. А между тѣмъ, какъ подумаешь хорошенько, то придешь къ тому убѣжденію, что чудеса совершались не только когда-то, но совершаются также, по безконечной милости Творца, и нынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не чудо то, что изъ маленькаго человѣка, изъ куска мяса, который ничего не понимаетъ, и только то и дѣлаетъ, что пицить, въ концѣ концовъ выходитъ человѣкъ умный, ученый? Черезъ сколько болѣзней онъ про-

ходить, сколько разъ дрожишь за его жизнь! А если онъ съ Божьей помощью вырастаетъ—развѣ это не чудо?—Она вопросительно посмотрѣла на свою спутницу. Та, въ знакъ своего согласія, покачала головой, что должно было означать: правда, правда; кто-же въ этомъ сомнѣвается.

— Не довольно-ли на сегодня?—спросила ребецинъ, заглянувъ въ красный платокъ.—Мы кажется всёхъ обошли.

— Да, будетъ на сегодня,—согласилась Песя.—Конечно, этого еще мало, но никто намъ не запретитъ еще разъ выйти. Послѣ завтра,—если мы живы будемъ,—вы придете и мы опять пройдемся. Теперь посчитаемъ деньги и я васъ отпущу.

Въ присутствіи ребецинъ «касса» была провѣрена, послѣ чего ребецинъ распростилась, обѣщая непременно послѣ завтра придти и напомнивъ еще разъ про іерусалимца. Песя остановилась на нѣсколько минутъ, обдумывая, куда ей теперь идти: къ р. Боруху или къ Двосѣ? Рѣшила она сначала зайти къ р. Боруху, вручить ему деньги, а затѣмъ ужъ навѣдаться къ Двосѣ и хорошенько намылить ей голову.

Когда Песя вошла къ р. Боруху, послѣдній сидѣлъ и завтракалъ, прислушиваясь къ толкованію замысловатаго мѣста въ Талмудѣ одного изъ своихъ учениковъ, худого десятилѣтняго мальчика, выкрикивающего на распѣвъ слова, пуская въ ходъ для пуцаго разъясненія обѣ руки; въ особенности у него работала большой палецъ правой руки, которымъ онъ описывалъ по воздуху разныя дуги, задѣвая по временамъ своего учителя за бороду. Р. Борухъ былъ занятъ больше слушаніемъ *Шура*¹ своего ученика, чѣмъ ѣдой. Онъ зорко слѣдилъ за большимъ пальцемъ, изрѣдка вставляя свое замѣчаніе и поправляя своего ученика въ затруднительныхъ случаяхъ, когда маленькій Исерке запутывался въ сѣтяхъ схоластической премудрости, теряя въ нихъ всякую логическую связь. И ученикъ, и его меламедъ испытывали глубокое

¹ Урокъ изъ Талмуда.

эстетическое наслажденіе въ толкованіяхъ и преніяхъ ученыхъ. По временамъ десятилѣтній Исерке останавливалъ своего *ребѣ* какимъ-нибудь мудреннымъ вопросомъ, озадачивавшимъ р. Боруха. Въ такихъ случаяхъ, обдумывая отвѣтъ на предложенный вопросъ, учитель бралъ своего находчиваго ученика за подбородокъ и гладилъ его по щекѣ, приговаривая: «такъ, такъ, мой сынъ! Толковые вопросы ты предлагаешь. Будешь ты когда-нибудь, если только лѣниться не станешь, великимъ свѣтиломъ во Израилѣ. Острая у тебя головка, чтобъ она на тебѣ долго была»

Песя остановилась на порогѣ и благоговѣнно прислушивалась къ незнакомымъ, замысловатымъ словамъ. «Сладко, сладко, какъ медъ», пронеслось въ ея головѣ.

«Это Исерке. Ахъ, какой хорошій мальчикъ! И такой гениальный мальчикъ—сынъ Двоси—лимонщицы, и этотъ-то мальчикъ можетъ сегодня лишиться отца! Если-бы у меня былъ внукъ такой замѣчательный мальчикъ! Я бъ, кажется, не знала, что съ нимъ дѣлать, вѣчно бы держала его около себя, миловала, ласкала-бы и слушала-бы святую Тору. Какой у него голосокъ! Онъ, какъ колокольчикъ, звенить»

Она, думая все это и прислушиваясь къ талмудическому нагѣву, не замѣтила дѣвушки, которая стояла у печки и ухватомъ вытаскивала горшки. Дѣвушка, замѣтивъ вошедшую, покраснѣла и принялась спускать засученные рукава.

— Зельда, — обрадовалась Песя, замѣтивъ дѣвушку. Она ласково потрепала ее по щекѣ и прибавила: — Это хорошо, что я застаю тебя за печкой. Когда я увижу твоего жениха, то я ему расскажу, какая ты хорошая хозяйка; а это для жены прекрасное качество.

Дѣвушка совершенно застыдилась и не могла смотрѣть на Песю. Руки ей почему-то мѣшались, и она не знала, что съ ними дѣлать. Она сначала обернулась къ печкѣ—можетъ, ее выручить какой-нибудь горшокъ; но какъ на зло, никакой о горшокъ не кипѣлъ. Она обѣими руками ухватилась за свой передникъ и внимательно стала осматриваться.

— Ишь, какъ раскрасѣлась, — сказала улыбаясь Песя, любясь смущеніемъ молодой дѣвушки: — что же ты застыдилась такъ? Это дѣло житейское. И я когда-то была дѣвушкой-невѣстой и, признаться, совсѣмъ не такой скромницей, какъ ты.

«Сладко, какъ медь», пронеслось опять въ ея умѣ, прислушиваясь къ гѣвучему голосу Исерке.

Дѣвушка оставила свой передникъ и удивленно посмотрѣла на Песю. «Неужели она была когда-то молода? — говорилъ, казалось, ея взглядъ. Какъ то странно выходитъ, что эта старуха, съ сморщеннымъ лицомъ, съ сѣдыми волосами, которая уже плохо видитъ, у которой и ухо не особенно чуткое, которая не сегодня — завтра умретъ, была когда-то молода».

Находившіяся въ хедерѣ дѣти съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за бабушкой Песей, которую они очень любили. Завтракавшія остались съ открытыми ртами и старались уловить хоть одно слово изъ разговора, который происходилъ за печкой. Дѣти ожидали, что съ приходомъ «бабушки» совершится что-то хорошее. Кто знаетъ, можетъ быть «ребѣ» на радостяхъ отпустить ихъ домой... Всякое, вѣдь, бываетъ. Свою надежду они передавали другъ другу и поглядывали то на Песю, то на своего «ребѣ», негодую въ то же время на Исерке, который увлекаетъ за собою въ талмудическую высь своего учителя, такъ что они ничего не замѣчаютъ изъ того, что происходитъ виѣ Талмуда.

— Ну, что же ты мнѣ не скажешь, нравится ли тебѣ твой женихъ? Что онъ за человѣкъ? Должно быть хорошій, не правда-ли?

Зельда опять смутилась. На этотъ разъ судьба сжалась надъ жертвой любопытной Песей. Послышалось шипѣнье горшка, на который Зельда набросилась со своимъ ухватомъ, вытащила его и стала усердно мѣшать ложкой кипятокъ.

А въ то время Исерке приближался къ концу своего опіура. Голосъ его сталъ все ниже и ниже, одна рука совершенно опустилась, большой палецъ лѣвннѣе работаль; самъ же

р. Борухъ началъ обращать вниманіе на стоявшую передъ нимъ миску съ картофелемъ.

— Опять застыдилась?— между тѣмъ спросила Песя, укоровизненно качая головой. — Это не хорошо. Дѣвушка, когда дѣлается невѣстой, должна быть откровенной съ той, которая желаетъ ей добра. Вѣдь я собираюсь танцовать на твоей свадьбѣ, хочу быть настоящей «мехутенесте», а ты скрываешься.

— Я и не скрываюсь, — рѣшилась, наконецъ, сказать Зельда.

— А вотъ ты боишься подѣлиться со мной, какое впечатлѣніе произвелъ на тебя женихъ. Выйти замужъ — это, какъ говорятъ, не бубликъ съѣсть.

Въ то же время, прислушиваясь къ утихающему голосу Исерке, она подумала:

«А что съ нимъ будетъ, если разведутся? Вотъ несчастное дитя!»

— Онъ мнѣ очень нравится, — отвѣтила Зельда, воясь съ горшкомъ и скрывъ такимъ образомъ свое смущеніе.

— А, Песя! — обрадовался р. Борухъ, замѣтивъ стоящую у дверей Песю. — Вотъ гостя неожиданная. Спасибо вамъ, что вы зашли. Что же вы стоите у дверей около печки? Женское дѣло: ихъ интересуетъ прежде всего печь и горшки. Знаете, я считаю вашъ приходъ за хорошую примѣту.

— Вотъ какъ! — отвѣтила старуха. — Не думаете-ли вы мнѣ на старости лѣтъ льстить? Вѣдь въ святыхъ книгахъ написано, что лезть — дурная черта характера. Такъ я говорю, р. Борухъ?

— Такъ, такъ, Песя! Въ васъ столько учености, что наша уважаемая ребечинъ можетъ у васъ печи топить.

— Не грѣхъ вамъ, р. Борухъ, насмѣшничать надъ такой старухой, какъ я, — укоровизненно замѣтила Песя, качая головой. — Вы мнѣ лучше скажите, какъ ваше здоровье? Я зашла къ вамъ по дѣлу, — прибавила она, глазами указывая на дѣтей.

— Хорошо нечего сказать, — засуетился р. Борухъ.— Вы стоите у дверей и разговариваете со мной, а я, глухой, и не догадываюсь вамъ стулъ предложить!

Въ комнатахъ, помимо лавокъ, на которыхъ сидѣли ученики, были еще два стула, и р. Борухъ не зналъ, какой предложить Песѣ. Онъ и поставилъ передъ ней оба.

Исерке все еще стоялъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ и во всѣ глаза смотрѣлъ на Песю. Какъ всѣ дѣти, и онъ ее очень любилъ, тѣмъ болѣе, что она всегда ему оказывала предпочтеніе передъ другими.

— Дѣти,—обратился р. Борухъ къ своимъ ученикамъ:— вы можете на часъ пойти поиграть на улицу.—Эта милость очень обрадовала мальчиковъ: ребе ихъ такъ рѣдко баловала подобнымъ разрѣшеніемъ! Всѣ въ душѣ благословляли Песю, принесшую имъ своимъ приходомъ цѣлый часъ отдыха, да еще надулицѣ. Они, забывъ о прежнихъ своимъ мечтахъ, что ихъ совсѣмъ отпустить домой, бросились вонъ изъ избы, оглядываясь назадъ и взглядомъ благодаря Песю. Одинъ только Исерке неохотно воспользовался милостью учителя. «Вудущему свѣтилу во Израилѣ» хотѣлось лучше остаться въ хедерѣ и послушать, что расскажетъ Песя. Онъ поэтому неохотно слѣдовалъ за толпою своихъ товарищей.

— Исерке, пойдн, сынокъ мой, сюда,—подозвала она его, къ великой радости послѣдняго. Исерке очень обрадовался и, въ сопровожденіи одного изъ любопытныхъ товарищей, подошелъ къ бабушкѣ Песѣ, держа въ обѣихъ рукахъ за верхнюю пуговицу своей курточкн.

— На тебѣ, сынокъ мой, за то, что ты такъ прекрасно учишься,—сказала она, вручая мальчику двѣ серебряныя монеты.—Купи себѣ что нибудь на эти деньги; ты вполне ихъ заслуживаешь, золото мое. Теперь, пойдн поиграй немножко, освѣжись воздухомъ.

— Что же я куплю?—овадаченно спросилъ мальчикъ самого себя, направляясь къ дверямъ. Эта была для него очень трудная задача. Въ первый разъ въ своей жизни онъ имѣлъ

столько денегъ. — Что-же такое купить? Вѣдь я могу купить все, что мнѣ угодно.

— Исерке, купи ножикъ, — шепнуть ему на ухо сопровождавшій его любопытный товарищъ.—Я знаю, въ одной лавкѣ очень хорошенькіе ножики, острые-острые такіе, которые бумагу рѣжутъ, видишь! Вотъ когда пойдемъ обѣдать, мы вдвоемъ найдемъ въ ту лавку и купимъ ножикъ. Поклянись, Исерке, что ты никому не скажешь.

Исерке весь просіялъ отъ удовольствія и съ благодарностью посмотрѣлъ на своего находчиваго товарища. Какая счастливая мысль. Онъ, Исерке, у котораго ничего своего нѣтъ, съ которымъ ребе занимается бесплатно, сдѣлается обладателемъ ножика, и этотъ ножикъ будетъ принадлежать ему, ему одному!.. Товарищи будутъ обращаться къ нему съ просьбами. Исерке, дай ножикъ яблоко разрѣзать, Исерке, дай ножикъ палочку обстругать; Исерке, дай ножикъ карандашъ очинить. А онъ дастъ всѣмъ, никому не откажетъ; онъ имъ всѣмъ докажетъ, что онъ хорошій мальчикъ, не такой, какъ другіе, у которыхъ ничего достать нельзя. Онъ улыбнулся отъ одной мысли, что ему суждено съ своимъ ножикомъ играть такую важную роль въ хедерѣ, и готовился уже обѣщать своему товарищу, что никому не скажетъ объ этомъ и что онъ съ нимъ пойдетъ въ лавку за ножикомъ. Но вдругъ остановился и сдѣлался серьезнымъ. Онъ вспомнилъ, что дома у него есть братья и сестры, которымъ вовсе не такъ весело, какъ ему; онъ вспомнилъ свою угрюмую, вѣчно задумчивую, рѣдко улыбающуюся, сердитую мать, занятую всегда заботой—о добываніи хлѣба насущнаго,—и всѣ заманчивыя картины, нарисованныя ему услужливой фантазіей, исчезли. Онъ твердо рѣшилъ не тратить этихъ денегъ, а отдать ихъ своей несчастной матери.

О, бѣдныя, забитыя еврейскія дѣти! Рано вы развиваетесь, рано вы начинаете чувствовать и думать... Дѣтство ваше лишено тѣхъ радостей, той поэзіи, чѣмъ такъ богато дѣтство другихъ. Вы задумываетесь надъ своимъ положеніемъ уже тогда,

когда дѣти другихъ народностей бѣгаютъ, рѣзвятся и кромѣ своихъ игрушекъ ничего не знаютъ и знать не хотятъ.

— Нѣтъ, я ножика не куплю, — проговорилъ чуть не со слезами на глазахъ Исерке: — я лучше эти деньги мамѣ отдамъ.

— Бѣдный мальчикъ, — проговорила Песа, печально качая головой. — Вы знаете, р. Борухъ, что сегодня его родные будутъ у раввина?

— Знаю, знаю, — печально отвѣтилъ р. Борухъ: — мнѣ очень жаль этого мальчика, я его очень люблю. Онъ отличный мальчикъ, у него очень хорошия способности, рѣдкая память; онъ у меня вотъ гдѣ сидитъ (онъ рукою указалъ на сердце). Живой сирота, онъ останется, какъ лодка безъ руля.

— У меня просто дыра въ сердцѣ дѣлается, когда смотрю на него. Но пока объ этомъ оставимъ. Вы знаете, что я къ вамъ пришла по дѣлу. Во первыхъ, скажите мнѣ, что за человекъ женихъ вашей дочери? Я не помирюсь, если женихъ не будетъ достоинъ Зельды; вѣдь она такая рѣдкая дѣвушка: хорошая ховяйка, добрая характеромъ, красивая и тихая, какъ голубь. Во вторыхъ, я хочу знать, когда будетъ ея счастливая свадьба? Въ третьихъ, прошу васъ, чтобы вы пригласили меня на эту свадьбу. Даромъ, что старуха, а такъ протанцую, что всѣхъ молодыхъ за поясъ затену.

— Ай-ай-ай! — комически воскликнулъ р. Борухъ, заткнувъ свои уши. — Сколько словъ! не даромъ въ Талмудѣ сказано, что изъ десяти мѣръ словъ, ниспосланныхъ Богомъ на землю, девять забрали себѣ женщины. Другой, можетъ быть, испугался бы такой «мегилы», но я — нѣтъ. Я постараюсь вамъ отвѣтить по порядку, какъ заповѣдали намъ мудрецы наши — *al rischon—rischon, w'al achron—achron*. Женихъ ея очень хорошій человекъ. Хотя по вашему моя дочь очень достойная дѣвица (онъ любовно посмотрѣлъ на свою дочь, своимъ взглядомъ раздѣляя мнѣніе Песи), и что если не за сына Ротшильда, то ей не за кого выйти замужъ, но, принимая во вниманіе, что тутъ вотъ (онъ указалъ рукою на карманъ) пусто,

то я, какъ и Зельда, довольствуемся тѣмъ, что женикъ кое-что знаетъ, не «an heogaz»¹ и что онъ въ Швадовѣ находится на хорошей должности. Большие мнѣ ничего не нужно, — и за то слава Богу. Что-же касается того, что вы спрашиваете, когда будетъ свадьба, то я еще самъ не знаю. Вы знаете наше богатство, какое наследство осталось намъ послѣ Ханы — царство ей небесное (онъ при этомъ горько улыбнулся); я, конечно, буду стараться, чтобы она была въ мѣсяцъ «алулъ». А на счетъ приглашенія — знайте, что я васъ нарочно не приглашу; если-же вы сами явитесь и, чего добраго, еще захотите быть «мехутенесте», то въ наказанье за это я васъ потащу танцовать со мною. То-то мы оба смѣшны будемъ, когда пустимся въ плясъ.

И онъ улыбнулся, рисуя себѣ, какой эффектъ произведетъ на присутствующихъ, когда пустится въ плясъ съ Песей.

— Ваша Зельда — большая скромница. Посмотрите, какъ она ежеминутно краснѣетъ, слушая нашу бесѣду. Перестанемъ здѣсь говорить о томъ, что можетъ давать поводъ краснѣть молодой дѣвицѣ. Выйдемъ на минутку въ сѣни; мнѣ вамъ нужно передать нѣчто важное.

Она направилась къ выходу и мимоходомъ ласково потрепала дѣвушку, которая еще возилась около печки. Р. Борухъ молча послѣдовалъ за ней. Его шутовское настроеніе исчезло, лицо его сдѣлалось серьезнымъ: онъ предугадывалъ, для какой цѣли вызываетъ его Песа.

— Р. Борухъ, — таинственно произнесла она, вручая ему собранную сумму: — примите вотъ это. Не стѣсняйтесь, — мы всѣ люди, созданные однимъ Богомъ. Это пригодится, свадьба вѣдь не за горами. Счастья-же ея нельзя знать; можетъ быть, Богъ ей поможетъ и она сторицей возвратитъ то, что сама беретъ.

Песа остановилась. Вышло совсѣмъ не то, что она хотѣла сказать. Она поэтому искала словъ, хотѣла еще что-то прибавить, начала припоминать все то, что она составляла до-

¹ Неучъ.

рогой, идя сюда, но ничего не вышло, она только посмотрѣла на р. Воруха, выражая взглядомъ то, что не могла выразить словами. Р. Ворухъ ее понялъ. Онъ отвернулся и стеръ рукой съ правой щеки теплую слезу.

Песа поспѣшила уйти, а онъ, постоявъ нѣкоторое время на своемъ мѣстѣ, взглядомъ провожалъ удалившуюся старуху, пока не потерялъ ее изъ виду. Затѣмъ онъ, вѣдѣвъ игравшимъ ученикамъ вернуться въ хедеръ, задумчиво вошелъ въ комнату.

VIII.

Песа направилась къ Двосѣ лимонщицѣ. Усталая, она медленно шлепалась, ежеминутно останавливаясь, чтобы перевести духъ, приговаривая: «охъ, старость, старость! Въ былое время я бы такъ скоро не устала». Она хотѣла сосредоточиться на одной какой-нибудь мысли, но ей это не удавалось. То думала она о назначеніи человѣка, какъ жить должно, а въ то же время обращала вниманіе на тощую лошаденку, изрѣдка помахивавшую хвостомъ. «Вѣдная, думала она, какъ ей должно быть тяжело! И зачѣмъ ее такъ мучаютъ? Вѣдь и она—созданіе Божіе. — А Исерке хорошій мальчикъ, — пронеслось въ ея головѣ, — но что выйдетъ изъ него, если онъ лишится отца. — А этотъ червякъ, — обратила она вниманіе на ползущаго червяка, — тоже созданье Божье. Интересно узнать, чѣмъ онъ живетъ? Но съ голоду не умираетъ: какъ говоритъ пословица, Богъ и червя подь камнемъ кормитъ. — Ахъ, какъ жарко, какъ жжетъ солнце! Сжалился бы Господь и дождичкомъ омочилъ бы землю. — А у меня сегодня будетъ не такая земля, не черная, какъ вотъ эта, а святая земля, бѣлая, святая изъ могилы праматери Рахили... Та земля — известь: какъ посыпать этой землей глаза и тѣло, то оно сейчасъ и уничтожается, для червей ничего не остается». Обратила она вниманіе также на усталую птичку. «Вѣдная птичка, какъ она плохо летаетъ, устала, бѣдненькая... Помогни ей, Боже, благополучно достигнуть какого-нибудь дерева. — Какіе у него большіе рога», — подумала она, замѣтивъ козла.

— Куда это вы, бабушка? — остановила ее молодая дѣвушка, встрѣтившись съ ней.

— Шифра! — обрадовалась Песя, увидѣвъ свою внучку, о которой утромъ говорила съ Васей. — Куда я? — спрашиваешь ты. По дѣлу, дѣтя мое, по очень важному дѣлу. Ну что, душа моя, ты здорова?

— Здорова, бабушка, здорова, — весело отвѣтила дѣвушка,

— Ахъ ты, шалунья этакая! — ласково укоряла Песя свою внучку: — а про Бога ты, стрекоза этакая, забыла? Это ты, скажи, изъ книжекъ вычитала? Ну, не хорошія ты книжки читаешь, коли про Бога забываешь. Это тебѣ кто здоровье даетъ? Вѣдь Всевышній, Который меня, тебя, всѣхъ людей и животныхъ создалъ.

Дѣвушка ничего на это не отвѣтила. Она покраснѣла и потупила глаза.

— Когда спрашиваютъ о здоровьи, — глубокомысленно поучала бабушка свою внучку: — то слѣдуетъ отвѣчать: слава Богу; коли что не въ порядкѣ — тоже грѣхъ жаловаться. Безъ Бога, Шифруню, ничего не дѣлается. Скажи же: слава Богу, бабушка, я здорова.

— Слава Богу, бабушка, я здорова, — весело сказала Шифра и засмѣялась. — Теперь, бабушка, хорошо? Богъ не разсердится?

— Богъ вовсе не сердится, — остановила Песя ее строго. — Богъ добръ, Богъ никогда не сердится; сердятся только грѣшныя люди.

— Я къ вамъ сегодня, бабушка, приду.

— Приди, приди, милая. А теперь мы разстанемся, ибо я тебѣ говорила, что у меня есть дѣло.

Шифра удалилась. Песя достигла, наконецъ, того мѣста, куда ей нужно было. Она очутилась возлѣ бабушки, до такой степени низкой, что гулявшая коза безъ всякаго затрудненія доставала до соломенной крыши. Опорой этого «дома» служило бревно, на которое опирались стѣны его. Три маленькихъ окна, два съ одной стороны «дома», а одно съ другой освѣ-

пали его. Песя, войдя въ избу, должна была наклонить свою голову. Въ комнатѣ съ правой стороны стояла кровать, забитая перинами, подушками, разными локмотьями, дабы всѣмъ бросалась въ глаза эта кровать; все это было прикрыто какою то простыней, съ выдающеюся заплатой въ серединѣ. Немного дальше этой кровати стоялъ столъ, на которомъ стояла корзина съ лимонами, которые женщина и подростокъ дѣвочка усердно вытирали.

— Богъ тебѣ въ помощь, Двоя! — ласково привѣтствовала Песя женщину.

— Спасибо, — угрюмо отвѣчала Двоя.

— Какъ же ты живешь? — спросила Песя, не зная съ чего начать, какъ приступить къ главной цѣли своего посѣщенія. Двоя еще усерднѣе принялась за свою работу и вопросъ Песи пропустила мимо ушей.

Нѣсколько минутъ стояла Песя въ нерѣшительности. И хотѣлось бы ей приступить къ дѣлу, и не могла. Она чутьемъ предугадывала все, что скажетъ ей Двоя, она понимала, что обстоятельства ея заглубленной, несчастной жизни заставляютъ ее рѣшиться на подобный шагъ. Мужъ въ самомъ дѣлѣ ни къ чему не годный человекъ, не зарабатываетъ ни копѣйки, и тянуть лямку, заботиться, чтобы дѣти были сыты, чтобы они жили въ какой-нибудь квартирѣ, — приходится только ей, ей одной. По какому же праву она, Песя, вмѣшивается въ это сложное семейное дѣло? Нѣтъ, она этого не сдѣлаетъ, она не имѣетъ права вмѣшиваться въ подобныя дѣла. Богъ только одинъ можетъ ее судить, но не она, грѣшная женщина, которая еще, вдобавокъ, ничего подобнаго на себѣ не испытала.

Передумавъ все это, она уже хотѣла пожелать Двоѣ всего хорошаго и уйти домой. По взглядъ ея остановился на четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ, все время поглядывавшей на нее. Вспомнила она также о десятилѣтнемъ Исеркѣ, о прочихъ дѣтяхъ и ея любящее сердце сжалось отъ состраданья къ этимъ будущимъ «живымъ» сиротамъ. Она была увѣрена, что воспи-

тателемъ дѣтей можетъ быть только отецъ. Правовѣрное еврейство убѣждено, что только отецъ глава дома, а потому отецъ и воспитываетъ, поучаетъ ихъ уму-разуму, развиваетъ ихъ способности и дѣлаетъ изъ нихъ евреевъ. И Песя, какъ набожная еврейка, была убѣждена, что если вырастаетъ хорошій еврей, то это благодаря воспитанію отца. Что же станетъ съ Исерке, если отца у него не будетъ? Пропадетъ, навѣрное пропадетъ. Его гениальныя способности будутъ служить ему во вредъ. Онъ сдѣлается или воромъ, или аферистомъ и умретъ онъ гдѣ-нибудь далеко-далеко, въ заброшенномъ захолустьи Сибири, и будетъ онъ поворить имя Израиля, и ляжетъ онъ вѣчнымъ пятномъ на всемъ семействѣ... А что станетъ съ этой дѣвочкой? Даже страшно подумать... Песя содрогнулась отъ одной мысли,—что можетъ случиться съ дѣвочкой. А что станетъ съ прочими дѣтьми, что изъ нихъ выйдетъ безъ отца?

И въ воображеніи она себѣ рисовала разные ужасы. До этого ей дѣла не было, что этотъ отецъ ничего не дѣлаетъ для своихъ дѣтей,—что онъ ходитъ развѣ только для субботняго и праздничнаго «киддуша», что онъ больше преданъ своему паддику, чѣмъ семейству; что если Исерке и будетъ порядочнымъ человѣкомъ, то это благодаря той крѣпкой нравственности, тому чувству порядочности, которыя присущи еврейскому народу.

— Двося,—сказала она,—я что то слышала такое, чему я не повѣрила бы, еслибъ услышала отъ кого-нибудь другого, а не отъ ребедины. Неужели ты, женщина умная, рѣшишься на такой шагъ, который сдѣлалъ бы несчастными твоихъ дѣтей.

— Да, рѣшусь,—сквозь зубы замѣтила Двося.

— Господи-Боже мой!—съ неподдѣльнымъ горемъ воскликнула Песя. — Какъ же ты рѣшаешься на это? Какъ тебѣ дѣтей не жалко?

— Какъ я рѣшаюсь на это?—Двося оставила свою работу, обернулась къ Песѣ и прямо посмотрѣла ей въ глаза. — А

вотъ видите—рѣшаюсь. Я проклинаю себя за то, что раньше, по крайней мѣрѣ лѣтъ четырнадцать тому назадъ, я этого не сдѣлала, что такъ долго терпѣла. Вамъ кажется это удивительнымъ? Да, пожалуй. Не приходилось же вамъ страдать столько, сколько я настрадалась. Живете вы себѣ въ свое удовольствіе, ѣдите и пьете, любуетесь вашими внуками, отдыхаете когда вамъ угодно и сколько вамъ угодно. Развѣ вы понимаете, что тутъ у меня происходитъ (она рукой указала на сердце), развѣ вы знаете, что это сердце разбито, что въ этомъ сердцѣ адъ кромѣшный! Вамъ кажется ужаснымъ то, что дѣти останутся безъ отца. Гдѣ же ихъ отецъ? Что для нихъ отецъ дѣлаетъ? Развѣ у него есть жена, дѣти? Развѣ онъ о нихъ когда-нибудь думаетъ? Цаддикъ—его жена, цаддикъ—его дѣти. Онъ только то и дѣлаетъ, что говорить о немъ, что бываетъ у него... Охъ, несчастные молодые годы мои! Загубили вы меня, загубили вы дѣтей моихъ!..

Она остановилась. Двѣ крупныя слезы выступили изъ глазъ изстрадавшейся женщины, вся жизнь которой была одна длинная цѣпь страданій. Больно и горько ей было, что вмѣсто участія, вмѣсто хорошаго, теплаго слова — ее укоряютъ, ее осуждаютъ, о ней плохо отзываются.

— Обвиняютъ только меня,—продолжала она,—меня одну. Онъ въ вашихъ глазахъ и въ глазахъ другихъ правъ. Его не обвиняютъ, онъ не виноватъ,—виновата, по вашимъ понятіямъ, я одна. Ну, а то, что благодаря его милости я не имѣла ни одной хорошей минуты,—этого вы, люди счастливые, не знаете, о такой мелочи вы и не думаете. Въ меня вы всѣ бросаете грязью, осуждаете меня: она, молъ, виновата, что дѣти останутся безъ отца, «живыми сиротами». Ну, а того, что моимъ дѣтямъ теперь, когда у нихъ есть отецъ и когда они не «живыя сироты», еще хуже живется,—вы не знаете опять-таки, или не хотите знать. Понимаете ли вы, что я всегда свой гнѣвъ вымещала на бѣдныхъ моихъ дѣтяхъ, ругала ихъ и била бесчисленное множество разъ; что они не доѣдали, не высыпали у меня, никогда не слышали отъ меня ласковаго слова

благодаря моему мужу—это хорошо, это по вашему значить имѣть отца? Это...

Но она не кончила того, что хотѣла сказать. Слезы подступали къ ея глазамъ и заслоняли собою все, что было въ этой комнатѣ; онѣ давили, терзали ее, хотѣли простора, пока не преодолѣли и дождемъ хлынули изъ ея глазъ. Дѣвочка совершенно разрыдалась. Жутко стало Песѣ. Человѣческое горе затронуло ея доброе сердце. Она притянула къ себѣ рыдавшую дѣвочку и начала гладить своей старческой рукой ея головку, уговаривать, какъ ребенка маленькаго.

— Ша, ша, крошка моя, сиротка моя несчастная! Не порти твоихъ глазокъ, вредно много плакать, птичка моя. Ну, будетъ тебѣ, будетъ, крошка моя, бѣдненькая.

Она вынула свой платокъ и начала вытирать глаза плачущей дѣвочкѣ, послѣ чего, отвернувшись въ сторону, отерла также свою слезу.

— Пропала вся моя жизнь, проиграла я ее,—продолжала, немного успокоившись, Двоя. — Ни одного дня, ни одной минуты счастья, покоя, да и дѣти мои сколько настрадались!.. Но что я говорить,—махнула она рукой:—не понимаете вы меня, вотъ что!

Но Песя ее хорошо поняла. Она слушала ее молча, не перебивала, дала ей высказаться. «Что и говорить, она права, ахъ, какъ права! Каждое ея слово рѣжетъ мое сердце, какъ ножъ... Но все-таки—разводъ. Вѣдь, это ужасно. Отъ горя она сама не знаетъ, что говорить, что дѣлаетъ. Хотя онѣ плохой отецъ, но все-таки отецъ—мужчина, не то что женщина. Она немного успокоилась, теперь мой чередъ насталъ дѣйствовать. Призываю тебя въ помощь, Боже! Помогни мнѣ отвратить несчастье отъ еврейскаго дома».

— Ну, дочь моя, — сказала она мягко, глядя рукой дѣвочку:—зачѣмъ-же непременно разводъ? Я понимаю, что тебѣ горько живется; но развѣ нѣтъ другого средства? Ты-бъ лучше этакъ мягко, ласково поговорила съ твоимъ мужемъ. Онѣ въ сущности очень добрый человѣкъ, но «батлени». Ты бы по-

говорила съ нимъ, дала бы ему понять, что такъ жить невозможно, что человѣкъ долженъ трудиться, дѣлать что-нибудь для семьи.

— Есть съ кѣмъ говорить,—горько улыбулась Двоя: — человѣкъ твердо убѣжденъ, что еврей не долженъ жить на этомъ свѣтѣ, что настоящая жизнь будетъ тамъ, на томъ свѣтѣ. Развѣ съ нимъ что нибудь подѣлаешь? Грѣхъ, говорить, человѣку отвлекаться отъ изученія святой Торы, чтобы заботиться объ утробѣ. Богъ, говорить, питаетъ всѣхъ, съ голоду человѣкъ не умираетъ. По его понятіямъ, человѣкъ долженъ готовиться во время земной жизни къ будущей, безконечной жизни. Ну, пусть онъ себѣ и живетъ *тамъ* міромъ а я и мои дѣти хотимъ жить *здѣсь*; то, что когда-то будетъ, меня нисколько не грѣветъ.

«Грѣшитъ она отъ горя, — подумала Песя. — Прости ее, Господи! Ты видишь, что она отъ горя все это говоритъ».

— Но подумай все-таки хорошенъко, — сказала она вслухъ. — Ты знаешь, какой ты грѣхъ возьмешь на свою душу, если дѣти останутся безъ отповскаго надвора? Вѣдь за это тебя по головкѣ не поглядятъ на томъ свѣтѣ. Подумай, пока еще время есть.

— Уже думала я достаточно. Пятнадцать лѣтъ я думаю.

«Туго что-то идетъ. Добромъ, видно, ничего не подѣлаешь съ ней; надо прикрикнуть на нее», — рѣшила Песя.

И отстранивъ отъ себя дѣвочку, она быстро поднялась и подошла рѣшительно къ Двося. Та отступила немного, — она испугалась блеска глазъ старухи.

— Я тебѣ говорю, — кричала Песя: — чтобы развода не было. Слышишь? Срамница ты этакая! Пятнадцать лѣтъ жила съ мужемъ и ничего, а теперь она за умъ схватилась. Было бы тебѣ это сдѣлать послѣ свадьбы, а не теперь, когда у тебя взрослые дѣти есть. Не бывать этому, слышишь, что я тебѣ говорю?

— Но, — начала было Двоя. Но разсердившаяся Песя разошлась уже во всю и не дала ей слова вымолвить.

— Безъ словъ,—горячилась она.—Дура этакая! Ты думаешь, что послѣ развода съ мужемъ разбогатѣешь и, пожалуй, выйдешь замужъ за молодого человѣка, а?

— Что вы!—воскликнула Двоя.—Неужели вы меня подвѣрivate въ самый дѣлъ?

— А то какъ-же? Иначе я себѣ не могу объяснить твое твердое рѣшеніе. Я понимаю, что тебѣ не сладко живетъся. Но развѣ тѣмъ, что ты лишаешь дѣтей отца, ты поправишь свои обстоятельства? Грѣшно, дочь моя, рѣшаться на такой шагъ,—прибавила она мягко, видя, что Двоя что-то соображаетъ.

Дѣвочка чихнула въ эту минуту.

— Видишь, къ правдѣ вѣдь она чихнула. Не гнѣвай-же ты Господа Бога нашего, будь настоящей дочерью Израиля и Всевышній не оставитъ тебя.

— Но такъ жить вѣдь тоже нельзя, — слабо протестовала Двоя.

— А кто же тебѣ говоритъ, что можно?—мягко проговорила Песа. Она уже замѣтила, что успѣла поколебать ее и рѣшила поэтому ковать желѣзо, пока горячо. — Надо принять какія нибудь мѣры..Самое лучшее, чтобы ты хорошенько подумала. Если безъ развода ужъ нельзя будетъ, то успѣешь вѣдь и завтра, и послѣ завтра это сдѣлать, —когда тебѣ угодно будетъ. Затѣмъ я сама поговорю съ твоимъ мужемъ; хотъ бы онъ меламедомъ, что-ли, сдѣлался.

Двоя молчала. Доводы Песи показались ей убѣдительными. Развѣ разводомъ она поправитъ свои обстоятельства? И зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ спѣшить: развѣ она опоздаетъ совершить всю эту процедуру черезъ два или три дня? А можетъ онъ приметъ за что-нибудь... Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ лишать дѣтей отца?

А Песа уже въ душѣ торжествовала побѣду. Ей навѣрное удастся уговорить Халкея, чтобы онъ сдѣлался меламедомъ, и такимъ образомъ она сдѣлаетъ два хорошихъ дѣла: отвра-

тить несчастіе отъ еврейскаго дома и заставить ничего не дѣлающаго тунеядца приняться за какое нибудь дѣло.

— Чего-же ты молчишь? — обратилась она къ Двосѣ. — Принимаешь ли ты мой совѣтъ?

— Что мнѣ сказать вамъ? Чтобы я такъ горя своего не знала, какъ не знаю, что мнѣ дѣлать. Я полагаюсь на васъ. Вы вѣдь мнѣ и моимъ дѣтамъ зла не желаете, вы вѣдь старше меня и, стало быть, умнѣе; поэтому я попробую сдѣлать то, что вы мнѣ предлагаете. Кто его знаетъ, можетъ быть, такъ будетъ лучше.

— Вотъ это хорошо! — радостно воскликнула Песя. — Повѣрь, что пути Всевышняго неисповѣдимы. Онъ еще вознаградитъ тебя за твои страданія, какъ и за то, что ты исполнишь свой великій материнскій долгъ, долгъ дочери Израиля.

Лицо Двоси прояснилось, промелькнуло что-то въ родѣ улыбки. Послѣ той жертвы, которую она собиралась принести дѣтямъ, ей легко сдѣлалось, и она посмотрѣла ласково на свою дочь, такъ ласково, что послѣдняя отъ умиленія, отъ избытка счастья бросилась къ своей матери и зарыдала.

Песя положила руку въ карманъ, вынула рубль и, подавъ его Двосѣ, проговорила:

— Это я тебѣ должна за лимоны. Не безпокойся, у насъ Великій Богъ. А мужу твоему я таки намылю голову. Прощай, голубка моя, — прибавила она, обращаясь къ дѣвочкѣ и цѣлуя ее.

IX.

Очень довольная направилась Песя домой. Улыбка не сходила съ ея устъ и опытный фивіономистъ могъ бы прочесть на ея лицѣ слѣдующее: «Ангель смерти, ангель Доме! Знайте, что я васъ нисколько не боюсь. Страшны вы только для тѣхъ, у кого совѣсть не чиста, кто грѣшенъ передъ Богомъ, что-же касается меня, то совѣсть моя чиста, а коли грѣшна (какой-же человекъ не грѣшенъ?) — Господь меня проститъ, ибо грѣшила я неумышленно».

Когда она уже была близко от своего дома, она замѣтила внука своего Михеля, который, дожидаясь ея, шалилъ съ Рябчикомъ. Рябчикъ, замѣтивъ приближеніе Песи, радостно завилалъ хвостомъ, посмотрѣлъ на Михеля, какъ бы приглашая его слѣдовать его примѣру, и со всѣхъ силъ бросился къ Песѣ. Онъ отъ избытка нѣжныхъ чувствъ къ своей госпожѣ не зналъ, что дѣлать: то старался обнять ее своими лапами, то лизалъ у нея руки, то описывалъ, прыгая, разные круги, но видя, что его ласки не охотно принимаются, онъ покорился своей участи и, какъ подобаешь вѣрному слугѣ, не мудрствуя лукаво, высунулъ языкъ и чинно сталъ слѣдовать за Песей, уступая свое мѣсто болѣе счастливому сопернику, Михелю.

— Бабушка, бабушка,—сказалъ Михель, очутившись возлѣ Песи:—онъ пришелъ, пришелъ!

— Кто пришелъ? — спросила у него бабушка, взявъ его за руки: — Ай, ай! какъ это можно? Стыдись, Михель! Такой большой, скоро женить пора, а онъ...

Она вынула свой красный платокъ, поднесла его къ носу внука и добросовѣстно вытерла его.

Михелю эта маленькая операція не совсѣмъ была по душѣ; продѣлай съ нимъ то же самое мать, онъ навѣрное вырвался бы изъ рукъ, но изъ уваженія къ бабушкѣ онъ мужественно перенесъ ее.

— Ну, Михель, скажи: кто пришелъ?—спросила бабушка послѣ того, какъ носъ внука принялъ надлежащій видъ, отчего сей послѣдній сдѣлался краснымъ.

— Ерушалми пришелъ, землю принесъ,—послѣдовалъ отвѣтъ внука.—Онъ такъ чудно одѣтъ, бабушка. На головѣ у него вмѣсто шапки какой то платокъ, вмѣсто кафтана онъ одѣтъ въ какое то... Я самъ не знаю, что это такое: кафтанъ—не кафтанъ, пальто — не пальто—Богъ его знаетъ, что это такое,—пожалъ плечами Михель.

Песя очень обрадовалась извѣстію своего внука и ускорила шаги. Ей уже хотѣлось держать въ своихъ рукахъ ту священную землю, которая имѣетъ въ себѣ такую силу.

— Давно уже онъ тамъ сидить?—спросила она Михеля: — кто съ нимъ тамъ остался?

— Нѣтъ, недавно; мы изъ хедера шли обѣдать и онъ вошелъ вмѣстѣ съ нами въ домъ. Мама хотѣла спросить что то у него, но онъ ея не понимаетъ, ибо онъ только на святомъ языкѣ говорить; онъ жаргона не понимаетъ.

— Откуда ты знаешь, что онъ говорить только на святомъ языкѣ?

— Какъ—откуда?—обидѣлся Михель.—Развѣ я не знаю, что такое *loschen kodesch*? Не маленькій же я, не такой, какъ Мойшеле, который ничего не понимаетъ. Я вамъ скажу даже, что я съ нимъ пробовалъ и говорить.

— Ну и что же?—съ интересомъ спросила старуха, остановившись около дома. Этотъ внукъ, носъ котораго находился только что въ ея рукахъ, выросъ въ ея глазахъ цѣлой головой послѣ заявленія, что онъ пробовалъ говорить съ *нимъ*. Она посмотрѣла на него съ уваженіемъ, чувствуя всю свою слабую сторону въ наукахъ передъ тѣмъ, кто вступаетъ въ разговоры съ іерусалимцами. Она, поэтому, и не торопилась войти въ домъ, желая узнать всѣ подробности бесѣды съ іерусалимцемъ.—Расскажи же мнѣ подробно, какъ было дѣло.

— Какъ вошелъ онъ это къ намъ, всѣ стали смотрѣть на него: Рахиль, мама, я и Мойшеле. Мама попросила его садиться, а онъ не понимаетъ: выпучилъ глаза и смотреть. Тутъ ужъ я догадался, что съ нимъ слѣдуетъ говорить на святомъ языкѣ. Я это сказалъ Меиру, а онъ мнѣ не хотѣлъ вѣрить. Постой же, Меирке,—думаю себѣ.—Ужъ докажу я тебѣ, что я правъ! Подхожу я это къ нему и говорю: «шаламъ алахамъ», а онъ...

— Почему же — шаламъ алахамъ? Надо, сынокъ мой, говорить шолемъ алейхемъ, а не шаламъ алахамъ, — поправила его бабушка.

Михель серьезно обидѣлся и надулъ губы. Онъ думалъ поразить бабушку своею ученостью, а она поправляетъ его.

Ужъ что, а это онъ знаетъ лучше бабушки. Откуда женщины знать *loschon kodesch*?

— Это по вашему, бабушка, выходитъ «шолемъ алейхемъ», а вотъ въ настоящемъ *эрецъ-исроиль*¹ говорятъ «шаламъ алахамъ»: тамъ, бабушка, все на *насахъ*² читаютъ и говорятъ.

— Ишь какой ученый! И гдѣ это ты, сыночекъ, успѣлъ раздобыть эти свѣдѣнія?—спросила Песя.

— У насъ въ хедерѣ всѣ это знаютъ, — гордо отвѣтилъ Михель. — Даже самые маленькіе, которые недавно начали *алефъ-бейсъ*, и тѣ знаютъ, что въ Палестинѣ и у караимовъ все читаютъ на *насахъ*.

— Что же, отвѣтилъ тебѣ Ерушалми на твое привѣтствіе?

— Конечно, отвѣтилъ: подалъ руку и отвѣтилъ.

Песя съ Михелемъ вошли въ столовую. Песя сейчасъ же замѣтила мужчину высокаго роста, съ длинной широкой бородой и солиднымъ брюшкомъ. Одѣтъ онъ былъ въ длинную ситцевую хламиду, подпоясанную чернымъ шелковымъ поясомъ, а голова его была обвязана цвѣтною турецкою шалью. Онъ сидѣлъ на стулѣ, держа въ рукахъ маленькій мѣшочекъ изъ чистаго полотна. Онъ занятъ былъ осматриваніемъ обстановки столовой, а присутствующихъ точно не замѣчалъ. Эстеръ съ любопытствомъ слѣдила за каждымъ движеніемъ іерусалимца. Такъ-какъ она не сомнѣвалась, что онъ пріѣхалъ прямо изъ Іерусалима и что у него настоящая палестинская земля, то ей хотѣлось разспросить его о житѣй-бытѣ тамошнихъ евреевъ, что это тамъ за стѣна осталась отъ храма и часто ли молятся евреи у этой стѣны? Правда ли то, что говорятъ, что ежегодно, въ постъ 9-го Аба, камни дѣлаются мокрыми, точно плачутъ? Но къ великому ея прискорбію, она не могла съ нимъ вступить въ разговоръ и должна была довольствоваться тѣмъ, что наблюдала за этимъ святымъ мужемъ. Дѣти же были болѣе заняты соверщеніемъ удивительнаго костюма, чѣмъ самимъ іерусалимцемъ. При входѣ Песи, онъ поднялся

¹ Палестина.

² Гласный знакъ, означающій а.

съ своего мѣста и, отвѣтивъ на ея поклонъ, указалъ на бѣлый мѣшочекъ. Песа наклоненіемъ головы дала ему понять, что понимаетъ его и желаетъ мѣшочекъ оставить за собой. Тогда онъ движеніемъ руки подоввалъ Михеля, чѣмъ послѣдній остался очень доволенъ: его самолюбіе было удовлетворено. Этотъ Ерушалимъ оказываетъ ему предпочтеніе передъ Меиромъ, несмотря на то, что Меиръ старше его. Значитъ, онъ куда выше Меира, значитъ онъ такъ уменъ, какъ взрослый. Онъ, приближаясь къ іерусалимцу, бросилъ на Меира взглядъ, полный побѣды и нравственнаго превосходства, точно говоря: «А что, Меирке? Кто изъ насъ умнѣе? Отчего онъ меня подоввалъ, а не тебя?» Меиръ именно такъ и понялъ этотъ взглядъ и покраснѣлъ отъ злости. Онъ въ эту минуту возненавидѣлъ брата. Этотъ Михель такой безсовѣстный, такой хвастунишка! Его счастье, что они теперь не одни, а то отколотилъ бы онъ его изрядно.

— На, возьми да передай старухѣ, — обратился къ Михелю іерусалимецъ, вручая ему бѣлый мѣшочекъ. Михель чуть не ахнулъ отъ удивленія. Оказывается, что онъ говоритъ древне-еврейскимъ языкомъ, какъ всѣ говорятъ, и его рѣчь довольно обильно пестритъ, помимо пасаховъ, и *комецами*, и *сегелами*. Въ его душѣ зашевелились разные сомнѣнія. Не можетъ быть, чтобы онъ былъ изъ Палестины; въ Палестинѣ такъ не говорятъ. Но онъ сейчаеъ прогналъ эту мысль. Грѣхъ такъ думать о человѣкѣ, который такъ странно одѣтъ; его удивительный нарядъ уже говоритъ въ его пользу; что же касается того, что рѣчь его обыкновенная, вовсе не на *пасахъ*, какъ это должно было бы быть, то это ровно ничего не доказываетъ: онъ это нарочно такъ говоритъ, дабы всѣ его понимали.

Онъ поднесъ мѣшочекъ бабушкѣ. Песа съ жадностью набросилась на него. Дрожащими и отъ старости, и отъ волненія руками она схватила его и ея глаза прослезились. Накопецъ то желанный мѣшочекъ въ ея рукахъ! Теперь хоть сейчасъ и въ могилу.

Вокругъ Песи образовалась группа: ее окружили со всѣхъ сторонъ Эстеръ, Рахиль, Меиръ и Михель. Всѣ старались хоть однимъ глазомъ посмотрѣть на эту святую землю, искали и ожидали чего то особеннаго, такого, что сразу опредѣлило бы принадлежность этой земли той, гдѣ находится могила Рахили.

— Мама, знаешь, — сказала Рахиль послѣ того, какъ ея любопытство было удовлетворено:—это похоже на тотъ песокъ, который находится за городомъ, у той горы, гдѣ бьетъ ключъ.

Песа строго посмотрѣла на внучку.

— Что ты, Рахиль, опомнись! — вся поблѣднѣвъ, воскликнула Эстеръ. — Вѣдь это грѣхъ, большой грѣхъ такъ говорить о святой землѣ. Дура ты и больше ничего. То просто песокъ, песокъ обыкновенный, ничѣмъ не замѣчательный, а это земля, священная земля, такъ что ежели этой землей посыпать черезъ сто двадцать лѣтъ твое тѣло, то черви не будутъ его точить.

Рахиль, сознавъ свою вину, покраснѣла и вышла изъ комнаты.

— Михель,—обратилась бабушка къ своему внуку, которому суждено было быть такимъ важнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ:—вѣдь ты у меня умникъ; спроси же, золото мое, сколько онъ возьметъ за землю?

«Надо скорѣй покончить съ этимъ,—подумала она:—а то сейчасъ Залменъ придетъ, а мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ засталъ меня за такимъ занятіемъ: онъ въ душѣ будетъ смѣяться надо мной».

Михель, почувствовавъ всю важность возложенной на него мисси, вдругъ оробѣлъ. Онъ смѣшался и не зналъ, съ какой стороны приступить къ вопросу. Это вѣдь уже не то, что привѣтствовать пріѣзжаго двумя словами—миръ вамъ; тутъ требуется цѣлый вопросъ... Изъ хедера онъ вынесъ то, что караймы и палестинскіе евреи говорятъ и читаютъ на пасахъ, а тутъ требуется, чтобы вопросъ былъ заданъ такъ, чтобы его поняли... Краснѣя и кашляя, онъ подошелъ къ іерусалимцу.

— Скажите, — обратился онъ къ нему и его голосъ задрожалъ. У него потемнѣло въ глазахъ, комната начала кружиться вокругъ него и ему захотѣлось плакать. Но бѣдняжка крѣпился, всѣми силами стараясь быть спокойнымъ. Ему стыдно было передъ другими, передъ Меиромъ въ особенности: онъ такой злой мальчикъ.

— Что же ты остановился? — спросилъ у него Меиръ насмѣшливо.

— Онъ и безъ тебя спросить, — вмѣшалась мать. — А ты думаешь, что онъ такой *гой*, какъ ты?

«Господи, провалился бы сквозь землю этотъ Ерушалимъ съ его дурацкимъ мѣшкомъ! — влился въ эту минуту несчастный мальчикъ, теряя окончательно свое самообладаніе. Соверши какое-нибудь чудо, Господи! Дай мнѣ возможность выпутаться изъ этой сѣти, въ которую я попалъ... Я за то... буду набожно молиться, ни одного слова не буду пропускать».

Женщины и не подозрѣвали, какая драма разыгрывается въ душѣ маленькаго Михеля. Онѣ съ любопытствомъ слѣдили за каждымъ движеніемъ мальчика, удивляясь и радуясь его умѣнью говорить на святомъ языкѣ.

«Мѣшочекъ — *сакъ*, — составлялъ онъ въ умѣ нужныя ему слова: — сколько — *камо*; земля — какъ земля?... Господи, я забылъ... что же теперь будетъ?...

— Чего же ты такъ долго думаешь? — удивилась Песа. — Неужели запамятовалъ? Скорѣй, а то папа придетъ; при немъ неловко будетъ.

«Пушусь на авось, на *kidusch haschem*; можетъ, Богъ выручить».

— Скажите, сколько вы возьмете за... Меиръ, — обратился онъ съ мольбою къ брату на жаргонѣ: — какъ земля? Я, къ несчастью, забылъ.

— *Эрецъ*, — радостно воскликнулъ Меиръ.

— *Эрецъ*, — обрадовался также Михель и принялся опять за составленіе фразы, которая ему, однако, и теперь не понравилась. — Нѣтъ это не такъ, — заявилъ онъ брату: —

здѣсь слово «эрець» какъ то не на мѣстѣ; надо отыскать другое, болѣе подходящее слово.

— Ну, если не «эрець», такъ «адомо»,—предлагалъ Меиръ. Въ эту минуту онъ уже къ брату не чувствовалъ никакой вражды; онъ теперь сочувствовалъ его безвыходному положенію и старался вывести его изъ затрудненія.

— Вотъ это хорошо!—воскликнулъ Михель и отъ радости захопалъ въ ладоши:—такъ, такъ—«адомо». Вотъ увидите, какъ я сейчасъ у него спрошу,—прибавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ. И онъ проговорилъ ту фразу, которую хотѣлъ сказать раньше, къ великому своему удовольствію и радости всѣхъ.

Всѣ уставились глазами на іерусалимца, ожидая, что сей послѣдній скажетъ. А іерусалимецъ засунулъ свою за пазуху, вынулъ оттуда какой-то рожокъ и, подставивъ подъ рожокъ ладонь лѣвой руки, высыпалъ на нее табакъ, послѣ чего онъ, забравъ одну щепотку себѣ, а другую предлагая Михелю,—отъ чего впрочемъ послѣдній помахиваньемъ головы отказался,—всунулъ себѣ въ носъ не малую дозу живительнаго порошка.

— Отчего ты табаку не взялъ? — укоривленно замѣтилъ Меиръ:—было-бъ тебѣ взять, не хорошо отказываться, когда человѣкъ угощаетъ.

— Да я не могу нюхать табаку.

— Мало что не можешь. Вотъ я тоже не могу, а все-таки взялъ бы. У нихъ, тамъ въ Іерусалимѣ, вѣрно, всѣ нюхаютъ табакъ.

— Отчего же онъ не отвѣчаетъ?—спросила Песя, желавшая скорѣе приобрести мѣшочекъ и боявшаяся, чтобы зять не засталъ ее за такимъ дѣломъ.

Михель предложилъ ему вопросъ вторично.

Іерусалимецъ что-то пробормоталъ. Бѣдный Михель не понялъ ни одного слова.

— Что онъ сказалъ?—спросилъ онъ у своего брата.

— Развѣ не слышишь, что онъ говоритъ по-арамейски? Я

знаю, что это не loschon-kodesch, a targum loschon ¹. Вѣроятно въ Иерусалимѣ говорятъ на этомъ языкѣ. — Видя, что этакъ дѣло затянется, Песа вынуждена была прибѣгнуть къ мимикѣ. Она подошла ближе къ іерусалимцу и знакомъ спросила 'у него, сколько стоитъ земля. Онъ выставилъ три пальца. Песа поняла, что онъ просить три рубля. Она послѣшно направилась въ свою комнату, захвативъ съ собою мѣшокъ. Скоро она вернулась съ трехрублевкой, которую вручила іерусалимцу.

Иерусалимецъ взялъ и направился къ двери, сопровождаемый съ правой руки Михелемъ, а съ лѣвой—Меиромъ. Дѣти украдкой старались держаться за его хламиду и многозначительно при этомъ перемигивались между собой.

— Дѣти, идите сюда, — поввала ихъ мать. Дѣти ни за что не хотѣли оставить своей позиціи и пропустили мимо ушей зовъ матери. Они уже были на улицѣ и озирались кругомъ, не видно ли будетъ кого нибудь изъ знакомыхъ мальчиковъ. Но Песа подошла къ окну и, высунувъ голову, строго сказала:

— Васъ мама зоветъ, а вы не слушаете. Подите сію минуту сюда.

Дѣти неохотно вернулись и были глубоко опечалены тѣмъ обстоятельствомъ, что имъ такъ и не удастся быть замѣченными товарищами. Но какъ они обрадовались, когда вошедши въ домъ, услышали отъ матери слѣдующія слова:

— Возьмите, дѣти, эти деньги (при этомъ она вручила Михелю ассигнацію) и передайте іерусалимцу. Попросите его отъ моего имени, чтобы онъ молился у гроба матери Рахили за бабушку, за меня, за папу и за всѣхъ насъ. Смотрите-же, передайте ему все. Вы не забудете?

— Не забудемъ!—воскликнули дѣти и бросились опять къ дверямъ.

¹ Targum—переводъ. Какъ извѣстно, Пятикнижіе переведено на арамейскій языкъ. Еврейскія дѣти называютъ этотъ языкъ targum loschon, т. е. языкъ перевода.

— Да,—кричала нмъ вслѣдъ Эстеръ:—скажите ему также, что когда онъ прїѣдетъ въ Іерусалимъ, чтобы онъ за насъ всѣхъ помолился у западной стѣны. Не забудете? Вѣдь вы у меня умные мальчики.

— Нѣтъ, не забудемъ, прокричали дѣти уже на улицѣ.

Х.

Послѣ ухода іерусалимца, Эстеръ принялась накрывать на столъ. Ей помогали дѣвушка и Рахиль. Эстеръ была очень довольна собой; она даже на дѣвушку не кричала, а это означало, что Эстеръ такъ счастлива, что отъ избытка счастья, она даже прислугу считаетъ равнымъ себѣ человѣкомъ.

«Какъ хорошо, — думала она, разставляя тарелки,—что я догадалась его просить молиться за маму, за меня, за Залмена, за Меира, за Михеля, за Мойшеле и за Рахиль! Это одинъ Богъ внушилъ мнѣ эту мысль. Особенно нужно молиться за Залмена. Онъ хотя и еврей, но что и говорить о его еврействѣ: за его еврейство набожный еврей и трехъ щепотокъ табаку не дастъ. Да простить ему милосердый Господь его грѣхи, а ихъ таки у него много!»

— Хана,—обратилась она мягко къ дѣвушкамъ,—поди посмотри, что стало съ жаркимъ. Слѣдуетъ ли подлить немного воды? Да кстати возьми этотъ графинъ и наполни его водой.

«Она очень хорошая дѣвушка,—подумала она по удаленіи прислуги.—Ей бы и замужъ пора, но она такая несчастная: она бѣдная сирота. Отчего я не попросила *его*, чтобы онъ помолился за нее у западной стѣны или у гроба Рахили, чтобы Всевышній послалъ ей хорошаго жениха?»

Отъ полноты душевнаго блаженства она также обратилась къ дочери съ вопросомъ, какъ идутъ ея занятія, что тоже было рѣдкостью.

— Ну что твоя географія? Какую отмѣтку сегодня получила?—И она отъ души обрадовалась, когда Рахиль заявила, что получила пять.

«И это надо знать. Не можетъ-же моя дочь быть хуже

другихъ, когда почти всё евреи посылаютъ своихъ дѣвочекъ въ прогимназію. Ужъ такое теперь время, что порядочной еврейской дѣвушкѣ нельзя безъ географіи, грамматики и другихъ предметовъ—*черти знаютъ ихъ названія...* Это ей къ «шидуку» не повредить».

Вошелъ Залмень.

— Это хорошо,—сказала онъ, замѣтивъ, что все уже готово къ обѣду:—Я ужасно проголодался.

— Тѣмъ лучше,—удыбаясь замѣтила жена:—съ большимъ аппетитомъ будешь ѣсть.

Всѣ усѣлись за столъ, за исключеніемъ одного Меира.

— Гдѣ Меиръ?—обратилась къ Михелю мать:—вы вѣдь вдвоемъ вернулись?

— Да, вдвоемъ. Только онъ на дворѣ съ Мойшеле возится. Онъ сейчасъ войдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Вскорѣ появился Меиръ съ Мойшеле, который сидѣлъ у брата на шеѣ и то и дѣло ударялъ его рученками по головѣ, выкрикивая: «но». Меиръ весь былъ красный отъ бѣга и многозначительно улыбался. Онъ, видно было, имѣлъ что-то важное сообщить и вранѣе былъ увѣренъ, что его сообщеніе произведетъ значительную сенсацію.

— Мама, папа, бабушка,—торопился онъ сообщить важное извѣстіе:—Мойшеле... Тутъ онъ остановился, чтобы перевести духъ, будучи не въ силахъ продолжать все разомъ.

Услышавъ слово «Мойшеле», всѣ наострили уши, дабы не проронить ни одного слова изъ всего того, что касается общаго любимца.

— Что такое случилось съ Мойшеле?—полюбопытствовала бабушка, взявъ внука къ себѣ на руки.

— Мойшеле уже говорить «вода».

Извѣстіе это дѣйствительно произвело эффектъ. Всѣ осыпали его вопросами.

— Когда это было?—спросила съ сіяющимъ лицомъ Эстеръ.

— Какимъ образомъ онъ это сказалъ?—спросила заинтересованная бабушка.

— Зачѣмъ онъ это сказалъ?—обратилась къ брату Рахиль.

— Почему ты знаешь, что онъ сказалъ «вода»?—скептически замѣтилъ Михель.

Всѣ эти вопросы были заданы разомъ, и бѣдный Меиръ растерялся и не зналъ, кому раньше отвѣчать.

— Пойдите, — съ улыбкой обратился ко всѣмъ Залменъ: — дайте человѣку успокоиться. Меиръ, — позовъ онъ сына: — сядь около меня, выпей воды.

Меиръ сѣлъ и выпилъ немного воды.

— Ну теперь и расскажи, какъ было дѣло.

— Мы послѣ того, какъ погнались... (мать многозначительно на него посмотрѣла, а бабушка наступила ему на ногу) за мальчикомъ (Меиръ улыбнулся, что онъ такъ удачно извернулся) и передали ему то, что нужно было, вернулись домой. Михель вошелъ въ комнату, а я, замѣтивъ Мойшеле, побѣждалъ къ нему, посадилъ его на шею и началъ съ нимъ бѣгать по двору. Бѣгали мы это такъ, бѣгали, пугая куръ и маленькихъ цыплятъ, вдругъ слышу Мойшеле все твердить: «ода, ода». Я сначала не понялъ, остановился и спросилъ: Мойшеле, что ты сказалъ? А онъ пальчикомъ указываетъ на ушатъ воды и все твердить: «ода, ода». Я понялъ, что онъ думаетъ — вода и побѣждалъ вамъ это рассказать.

— Ты не лжешь?—спросилъ у него отецъ.—Знаю я тебя, ты лгунишка порядочный.

Меиръ покраснѣлъ отъ нанесенной ему обиды.

— Чтобъ я такъ на свѣтѣ жилъ, какъ я не лгу!—воскликнулъ онъ, положивъ ложку: — чтобы я такъ видѣлъ папу и маму, ну! Чтобъ у меня руки и ноги отсохли, если я вру, видите!

— Ну, ну, довольно, будетъ, перестань. Сколько разъ я тебѣ дѣлалъ замѣчанія, чтобы ты бросилъ эту скверную привычку—божиться,—замѣтилъ ему отецъ.

— А у насъ въ хедерѣ всѣ мальчики божатся, — защищался мальчикъ: — даже самъ ребе иногда божится.

— Нечего тебѣ смотрѣть на то, что дѣлается въ хедерѣ; ты лучше дѣлай то, что велить тебѣ твой отецъ.

— Какъ же это ты говоришь, что ему нечего смотрѣть на то, что дѣлается въ хедерѣ? — вмѣшалась Эстеръ. Ея радужное настроеніе исчезло, когда она услышала, что Залменъ даетъ Меиру такія наставленія. Онъ совершенно портить дѣтей, онъ совращаетъ ихъ съ пути истиннаго, дѣлаетъ изъ нихъ безбожниковъ, невѣрующихъ людей. Этакъ они пойдутъ по стопамъ своего папеньки и на томъ свѣтѣ — черезъ сто двадцать лѣтъ — покоя не будутъ имѣть, пропадутъ, всѣмъ пропадутъ!..

— Да, нечего имъ смотрѣть на хедеръ, — сказалъ съ раздраженіемъ Залменъ: — въ хедерѣ они только должны учиться еврейскимъ предметамъ, но чтобы они учились тамъ нравственности — я вовсе не желаю. У меня есть свои взгляды на воспитаніе, и я не желаю-бы, чтобы въ хедерѣ разрушалось то, что я строю дома.

— Ты, — начала Эстеръ, вся побагровѣвшая отъ досады. Она хотѣла разразиться грозной филиппикой противъ мужа. Но Песя, видя, что разговоръ принимаетъ слишкомъ бурный характеръ, знакомъ руки остановила ее.

— Позволь мнѣ сказать нѣсколько словъ, — обратилась она къ зятю. — Если ты говоришь, что не желаешь, чтобы дѣти учились нравственности въ хедерѣ, то это потому, конечно, что хедеръ вредно дѣйствуетъ на нравственность дѣтей, но если такъ — евреи были бы самый безнравственный народъ; а между тѣмъ, какъ ты знаешь, это вовсе не такъ. Почему-же это? Вѣдь почти всѣ евреи учились въ хедерахъ, а все-таки нельзя сказать, что они безнравственны.

— А что? — насмѣшливо спросила Эстеръ. — Ну, умникъ мой, что ты на это скажешь?

Залменъ задумался. Слова тещи были для него неожиданны, и онъ былъ поставленъ въ очень неловкое положеніе, не зная, что отвѣчать на нихъ.

— Ты молчишь? — обратилась опять къ нему Песя. — Вы,

молодые, все бракуете, все вамъ не нравится. Вамъ, молодымъ, не нравится хедерь: старо, говорите вы. Гдѣ-же, скажи на милость, ваше новое? Отчего вы не создаете чего-нибудь другого вмѣсто хедера?

— Вы правы. Но развѣ мы также не правы, когда указываемъ на недостатки стараго воспитанія? Развѣ упреки, что хедерь вреденъ для здоровья дѣтей, не справедливы? Ну, а то безтолковое преподаваніе, то отсутствіе системы и выработанной программы, то, что еврейскія дѣти въ теченіе десяти часовъ лишены воздуха,—развѣ это хорошо?

— Не думай, что старики не понимаютъ, что вы правы,— конечно, не во всемъ. Я по себѣ знаю, что многое, что теперь принято, мнѣ очень нравится. Я увѣрена, что еслибы молодые дѣло дѣлали, а не только скалили бы зубы, то вамъ и старики помогали бы.

Солнце уже склонилось къ западу, жара спала и гнилопятацкіе обитатели свободно вздохнули: наконецъ то свѣжѣе, прохладнѣе станетъ.

Хедерные ребятишки очутились, наконецъ, на свободѣ. Имъ дана теперь воля и они стараются получше воспользоваться ею; они точно живутъ настоящей минутой. а до будущности, до того, что будетъ завтра, что они опять будутъ лишены воздуха—до этого имъ нѣтъ никакого дѣла.

Бабушка Песя сидѣла, окруженная всѣмъ семействомъ. Залмень просматривалъ новости въ только что полученномъ № газеты. Мендель молча пилъ чай. Шифра, пришедшая вмѣстѣ съ матерью, не находила себѣ подходящаго мѣста: то посматривала на дѣтей, то пересаживалась къ бабушкѣ, то подходила къ Залмену. Вася съ Эстеръ о чемъ то бесѣдовали; по ихъ оживленнымъ лицамъ видно было, что предметъ разговора для нихъ очень важный. Въ особенности сіяло счастіемъ лицо Эстеръ, которая уже успѣла привести въ исполненіе свое намѣреніе: она потихоньку разбила сомнительную тарелку. Дѣти возлились съ маленькимъ Мойшееле и выдѣлывали съ нимъ

всякія штуки, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ; въ особенности онъ былъ доволенъ ручной качелью, которую устроили ему братья и сестра. Секретъ этой качели состоялъ въ томъ, что Меиръ и Михель устроили изъ рукъ своихъ стульчикъ, на который посадила его услужливая Рахиль; ребенокъ одной рукой обнялъ Меира, а другой Михела, и послѣдніе начали его качать.

— Дядя, къ вамъ можно подойти?—обратилась Шифра съ улыбкой къ Залмену. Но предложенный вопросъ остался безъ отвѣта, ибо «дядя» былъ занятъ соверщеніемъ объявленій, между которыми было одно—объ изданіи на древне-еврейскомъ языкѣ литературнаго сборника, и онъ теперь читалъ списокъ именъ авторовъ, произведенія которыхъ войдутъ въ этотъ сборникъ. Но шаловливой Шифрѣ до этого не было дѣла; ей непремѣнно хотѣлось во что бы то ни стало заговорить съ дядей. Она подошла къ нему, положила одну руку ему на плечо, а другою взялась за газету.

— Дядя, а дядя,—тормошила она его.

— А? Что? — послѣдовалъ отвѣтъ дяди.

— А? Что? — передразнила его Шифра.— Съ вами говорить, кажется.

— Ну, что же ты скажешь?—спросилъ Залмень съ улыбкой, любуясь своею племянницею.

— Можно къ вамъ подойти?

— Вотъ же ты подошла, — пожалъ плечами Залмень: — вотъ глупая!

— Подошла, да, ха-ха-ха! — разразилась она громкимъ хохотомъ.

— Чему ты смѣешься, глупая?

— Чему смѣюсь? Сама не знаю. Такъ, отъ нечего дѣлать, должно быть. Слушайте, дядя! Поговоримъ о чемъ-нибудь: вѣдь вы такой умный, такой ученый! Вы...

Но она потеряла нить мыслей. Бросился ей въ глаза Мойшеле съ его оригинальной качелью. — Мойшеле, Мойшеле, — повала она его:—пойди, голубчикъ, сюда на минуту.

Мойшеле торжественно поднесли Шифрѣ. Она взяла его на руки, но онъ не сочувствовалъ подобной фамильярности со стороны лицъ, которыхъ онъ не особенно жаловалъ и къ которымъ принадлежала и Шифра; поэтому онъ сдѣлалъ попытку освободиться изъ ея услужливыхъ рукъ, и она вынуждена была оставить его въ покоѣ.

Шифра уныло начала бродить по комнатѣ, ища чего-нибудь такого; что остановило бы на себѣ ея вниманіе. Ей стало невыразимо скучно; къ этой скукѣ присоединилась еще грусть. Она обѣщала бабушкѣ читать только четыре часа въ сутки и не знала, что дѣлать съ остальнымъ временемъ. Что бы такое ей сейчасъ сдѣлать? И она, обдумывая все это, подошла къ Эстеръ, которая такъ оживленно бесѣдовала съ ея матерью.

— Тетя, можно къ вамъ?—робко спросила она у Эстеръ.

— Нельзя, Шифра! Мы тутъ говоримъ о такихъ вещахъ, что тебѣ слушать нельзя,—отрѣвала Эстеръ.

Шифра подошла къ бабушкѣ и обняла ее.

— Бабушка, дорогая моя, ненаглядная! Расскажите мнѣ какую-нибудь сказку.

Песя удивленно посмотрѣла на нее.

— Какую же я тебѣ расскажу сказку? Вѣдь я книгъ не читаю! Да что съ тобою сегодня? Ты такая странная.

— Ахъ, бабушка, скучно! Еслибъ вы знали, какъ мнѣ скучно! Мнѣ хотѣлось бы чего-нибудь такого...

— Не царевича ли въ женихи?—съестрила бабушка, ласково трепля щечку Шифры.

— Ну, хотя бы царевича въ женихи, или тарелочку съ неба, — лишь бы не скучать, лишь бы не эта убійственная, однообразная скука, лишь бы...

Но она опять не окончила своей мысли. Бросилось ей въ глаза то, что Рахиль отдѣлилась отъ общества дѣтей и начала вояться съ своими учебниками. Она подошла къ ней.

— Рахиль, ты это задачи будешь рѣшать?

— Да, задачи.

— А мнѣ можно съ тобою?

— Сдѣлай милость, мнѣ веселѣе будетъ.

И онѣ вдвоемъ принялись за рѣшеніе задачъ. Первое время все шло хорошо. Шифра заинтересовалась задачами и съ увлеченіемъ принялась за нихъ; но скоро ей это надоѣло. Передъ ея глазами стали мелькать однѣ цифры и она ничего не понимала, несмотря на всѣ ея старанія. Она и это бросила и подошла къ игравшимъ дѣтямъ. Нѣкоторое время она стояла такъ, ничего не дѣлая. Потомъ она подошла къ Мойшеле, погладила его головку, поцѣловала и ущипнула его. Отъ такой любезности Мойшеле раскричался.

— Мнѣ за головку твою, мнѣ за косточки твои, мамѣ за сыночка,—бросилась къ нему Эстеръ. — Больно, бѣдненькій? Кто, золото мое? Шифра? Ну-ну-ну,—погровила она пальцемъ молодой дѣвушкѣ:—я ей дамъ!

На Шифру набросились со всѣхъ сторонъ. Мать назвала ее дурой, объясняя ея поступокъ тѣмъ, что она вычитала это изъ книжекъ; Эстеръ сдѣлала ей замѣчаніе, что выражать подобнымъ образомъ свои чувства нельзя, что ребенку отъ такой любезности очень больно; бабушка прочла ей нотацію о томъ, что съ ума сходить нельзя, что никому нѣтъ охоты терпѣть сѣумашедшихъ, а Залменъ укоризненно замѣтилъ ей:

— Ты вѣдь хотѣла поговорить о чемъ-то со мной — и вдругъ выкидываешь такую штуку!

— Извините, дядя, я въ самомъ дѣлѣ сдурила. Такъ скучно, дядя, такъ скучно! Раньше я развлекала себя чтеніемъ, ну, а теперь я общалась бабушкѣ читать только четыре часа въ сутки. Что я буду дѣлать въ остальные двадцать часовъ,—отъ одной этой мысли вѣдь одурѣешь!

— Что тебѣ дѣлать въ остальные двадцать часовъ?—проговорилъ Залменъ, успѣвши уже успокоиться, такъ какъ Мойшеле притихъ и на рукахъ матери уснулъ. — А вотъ я тебѣ сейчасъ распредѣлю время: два часа на ѣду, два часа на прогулку, два часа на туалетъ, два часа на сплетни и двѣнадцать часовъ на сонъ.

— Вы шутите, дядя!—съ ужасомъ воскликнула дѣвушка.

— Я не шучу. Видишь—говорю довольно серьезно.

Дѣвушка задумалась. Ужасная, ужасная пытка! Дядя правъ. Что же она будетъ дѣлать остальные двадцать часовъ? Ей въ самомъ дѣлѣ предстоитъ жить по распредѣленію дяди.

— Дядя, голубчикъ, посоветуйте, что дѣлать. Вѣдь подобная жизнь—убійство, каторга! Неужели такъ можно жить?

— Отчего-же нельзя? — насмѣшливо спросилъ Залмень.— Вотъ живутъ-же въ Гнилопятскѣ другія дѣвушки такъ; ну, и жила бы ты такъ же.

— Но я, дядя, не могу, ей-Богу не могу,—въ сердцахъ сказала Шифра.—Вѣдь я не могу спать двѣнадцать часовъ, сплетничать.

— Ну, если не можешь, такъ не спи и не сплетничай.

— Что-же дѣлать, дядя?

— Жить.

— Но какъ жить? Научите дядюшка!

— Что-жъ ты у меня спрашиваешь? Развѣ ты маленькая? Занялась бы какимъ нибудь дѣломъ, работала бы, трудилась,—ну хоть хозяйствомъ занялась бы, что ли. Вотъ видишь—моя жена не скучаетъ, не спитъ двѣнадцать часовъ, твоя мать также не скучаетъ, ибо заняты дѣломъ. Спать и скучаютъ только такія несчастныя дѣвушки, какъ ты, — дочери достаточныхъ, сердобольныхъ родителей, которые боятся своимъ дочерямъ дать какую-нибудь работу, чтобы онѣ въ этой работѣ не заморились и не огрубѣли.

Въ то же самое время между дѣтьми происходилъ совершенно другой разговоръ.

Между Меиромъ и Михелемъ происходилъ обмѣнъ мыслей объ ангелахъ вообще и объ ангелѣ смерти въ особенности. И вотъ Михелю захотѣлось узнать, сколько глазъ у ангела смерти.

— Скажи, Меиръ, вѣдь ты знаешь, сколько глазъ у ангела смерти?

— Знаю,—гордо отвѣтилъ Меиръ.

— Что, что такое? — заинтересовалась съ своей стороны

Рахиль, окончивъ переписываніе заданныхъ задачъ. Она подошла къ нимъ.

— Вотъ Меиръ знаетъ, сколько глазъ у ангела смерти, — отрапортовалъ ей Михель.

— Развѣ? — скептически замѣтила Рахиль.

— Да, знаю. У ангела смерти болѣе тысячи глазъ.

— Слышишь, Рахиль? — толкнулъ удивленный Михель сестру. — Болѣе тысячи глазъ! Гдѣ-же они у него помѣщаются?

— Гдѣ они у него помѣщаются? — А ты думаешь, что ангелъ — человѣкъ! Это только у человѣка два глаза помѣщаются подолбомъ; у ангела-же смерти вездѣ глаза: и на рукахъ у него глаза, и на ногахъ, и на спинѣ, и на шеѣ, и на головѣ, — словомъ, нѣтъ у него ни одного мѣста, чтобы тамъ глазъ не было.

— Это правда? — скептически спросила Рахиль, которая никакъ не могла себѣ представить субъекта съ такихъ громаднымъ количествомъ глазъ.

— Тебѣ все не вѣрится, — обиженно замѣтилъ Меиръ: — ты совершенная *ioя* и не вѣришь тому, что написано въ святыхъ книгахъ.

— А развѣ это написано въ святыхъ книгахъ? — удивилась Рахиль. — Ты самъ это читалъ?

— Читалъ? — кончилъ съ ней Михель.

— Я самъ этого не читалъ, но мнѣ рассказалъ Эля; это онъ читалъ. Онъ все читаетъ, онъ все знаетъ.

— А ты и повѣрилъ ему на слово?

— Какъ же ему не вѣрить, — горячился Меиръ, — когда онъ все, рѣшительно все знаетъ; онъ даже знаетъ то, что на небѣ дѣлается.

— А что онъ говорить о небѣ? — спросили вмѣстѣ Рахиль и Михель: первая изъ любопытства, а второй изъ любознательности, изъ желанія пріобрѣтать все новыя и новыя свѣдѣнія.

— А вотъ, выйдемъ на улицу и я вамъ что-то покажу, —

сказаль Меиръ и вышелъ, жестомъ руки приглашая ихъ слѣдовать его примѣру.

— Куда это вы, дѣти?— окликнула ихъ бабушка.

— Мы тутъ около дома погуляемъ, — отвѣтила за всѣхъ Рахиль:—такая чудная ночь,—просто прелесть. Вѣдь можно, бабушка?

— Идите, идите съ Богомъ, дѣтки. Только не отходите отъ дома слишкомъ далеко.

— Видите эти звѣзды? — торжественно спросилъ Меиръ, указывая мизинцемъ на небо: — что по вашему это такое — звѣзды, да?

— Ндда—звѣзды,—замѣтилъ Михель, всѣми глазами смотря на небо и стараясь найти тамъ помимо звѣздъ еще что-нибудь другое.

— Я знаю, что по твоему это звѣзды, ибо ты глупый мальчикъ, и ничего болѣе не знаешь, какъ разинуть ротъ и выпучить глаза, какъ вотъ сейчасъ. А это вовсе не звѣзды,— это...

Онъ остановился, желая произвести эффектъ своимъ неожиданнымъ открытiемъ.

— Что-же это такое?—съ любопытствомъ спросила Рахиль.

— Души, — тихо сказалъ Меиръ.

— Ахъ! — вырвалось у Михеля восклицанiе: слишкомъ неожиданъ былъ для него выводъ брата.

— Что?—васмѣялась Рахиль.—Ха-ха-ха! Ахъ, Боже мой! Ду-у-уши? Хорошiя души, ха-ха-ха!

Меиръ вскипѣлъ. Онъ такъ былъ увѣренъ, что поразить всѣхъ этимъ извѣстiемъ, а вышло, что эта глупая дѣвочка смѣется надъ нимъ!

— Чему ты смѣешься, дура ты этакая! Можетъ быть не вѣришь? Ну, хорошо. Приведу я сюда Элю. Посмотримъ, какъ это ты тогда будешь смѣяться.

— Слышишь, Михель? — продолжала Рахиль смѣяться: — тамъ души...

— Что съ тобою говорить,—махнулъ Меиръ рукой: — юз ты, вотъ что!

Рахиль наконецъ успокоилась.

— Скажи своему Элѣ, что онъ болванъ, что онъ глупъ, какъ пробка, что онъ ничего не знаетъ.

— Да вѣдь Эля читаль, — защищаль Меиръ своего кумира.—Не станеть же онъ говорить того, чего не читаль.

— Что онъ читаль?—горячилась дѣвочка.—Онъ ничего не читаль, онъ вретъ, твой Эля! Эти звѣзды вовсе не души, какъ это говорить твой Эля, а...

— Что? Что?—живо спросилъ Михель, радуясь въ душѣ, что онъ еще что-нибудь узнаеть новое, и такимъ образомъ онъ явится завтра въ хедеръ со всѣмъ своимъ запасомъ знаній и удивить всѣхъ своими свѣдѣніями.

— Планеты, — продолжала Рахиль: — т. е. цѣлые міры. Тамъ есть все то, что у насъ на землѣ: моря, рѣки, озера, горы, лѣса, животныя. Наша земля, на которой мы живемъ, — тоже планета.

— Слышишь, слышишь, Меиръ?—толкнулъ Михель своего брата:—планеты—какъ тебѣ это нравится? Но, — продолжалъ онъ, обращаясь къ сестрѣ,—почему онѣ такія маленькія, эти планеты-то?

— Потому что онѣ находятся очень далеко отъ земли. Вотъ если хотите, то я вамъ расскажу все, что я знаю объ этихъ планетахъ, что учила въ географіи и что рассказала намъ въ классѣ учительница.

Дѣти направилась къ крыльцу и сѣли. Михель уставился широко открытыми глазами въ сестру, а та рассказывала имъ долго съ увлеченіемъ все то, что она знала. Мальчики слушали ее съ интересомъ, переживая мысленно все то, о чемъ она говорила, и къ концу разсказа вѣра во всезнающаго Элю у Меира значительно поколебалась.

— Дѣти, идите спать,—вышла къ нимъ мать.—Вотъ тетя съ Шифрой уходятъ уже домой.

Дѣти неохотно оставили свое мѣсто, гдѣ имъ такъ хорошо

было сидѣть и слушать такіе чудесные рассказы. Когда они вошли, Вася съ Шифрой прощались уже со всѣми.

Залмень и Эстеръ вышли проводить немного своихъ гостей. Дорогой Залмень спросилъ у Шифры:

— Ну, что-же ты скажешь? Принимаешь ты мой совѣтъ?

— Очень охотно, дядя. Спасибо. Но удастся-ли?

— Конечно, не легко будетъ,—нужно будетъ бороться; но вѣдь ничто легко не дается.

Вася и Эстеръ были заняты своимъ разговоромъ, который вертѣлся главнымъ образомъ на завтрашнемъ днѣ, поэтому онѣ словъ Замена и Шифры не слышали.

XI.

«Слава Богу, еще одинъ день прожить,—подумала Песя, очутившись въ своей комнатѣ.—А много еще такихъ дней я проживу? Нѣтъ, видно, немного. Скоро вѣрно наступитъ тотъ день, когда Господь меня, грѣшную, позоветъ къ Себѣ. Что-жъ, я готова, достаточно я жила на свѣтѣ; пусть тѣ, которые останутся послѣ меня, будутъ счастливы».

Она направилась къ своей постели, вынула изъ-подъ подушекъ завѣтный мѣшочекъ, поддержала его нѣкоторое время въ рукахъ, полюбовалась имъ, затѣмъ благоговѣнно поцѣловала. О, съ этой драгоценностью она можетъ умереть спокойно, она можетъ быть увѣрена, что избавится отъ тѣхъ мукъ, которыя испытываетъ тѣло со дня погребенія. Господь безконечно милостивъ къ ней, ибо продлилъ ея жизнь до этого дня и тѣмъ далъ ей возможность приобрѣсть эту священную, драгоценную землю.

Съ мѣшочкомъ земли она направилась къ столу, положила на него мѣшочекъ и подошла къ дверямъ. Убѣдившись, что дверь ея комнаты заперта, что никто къ ней не войдетъ, она высыпала на руку немного земли. Въ ея умѣ вдругъ пронеслось замѣчаніе Рахили, что земля эта походить на тотъ песокъ, который находится въ такомъ изобиліи за городомъ, гдѣ бьетъ ключъ. Песя тоже нашла сходство, но ни минуту

не сомнѣвалась, что эта земля—настоящая палестинская земля, взятая или у могилы прародительницы Рахили, или у могилы другого праведника: вѣдь тамъ ихъ такое множество. «Глупая дѣвочка,—подумала она о своей внучкѣ:—не понимаетъ она, что *то*—простой песокъ, а вотъ это — земля, та земля, гдѣ покоится столько благочестивыхъ, праведныхъ людей. Куда ей знать все это: вѣдь она еще дитя, ей еще двѣнадцать лѣтъ не исполнилось».

Чѣмъ болѣе она глядѣла на этотъ мѣшочекъ, тѣмъ болѣе думала о смерти. Мысль о смерти не только ее теперь не пугала, но даже радовала. Что значить вся наша жизнь, полная тревоженій, бѣготни и суеты, гдѣ человѣкъ вѣчно занятъ своимъ грѣшнымъ тѣломъ, на содержаніе котораго стремятся всѣ его мысли, всѣ думы,—что значить вся эта грѣшная земная жизнь передъ однимъ мигомъ духовнаго наслажденія того міра,—міра, гдѣ всѣ живутъ хорошо между собою, гдѣ нѣтъ ничего того, отъ чего люди такъ страдаютъ въ своей земной жизни?... Да, скорѣй бы туда, въ рай.

«А что, если я не достойна передъ Всевышнимъ, чтобы попасть въ рай? Можетъ, за грѣхи мои я попаду въ адъ, или, что еще хуже, моей душѣ суждено будетъ еще разъ бродить по грѣшному міру въ образѣ человѣка или животнаго?»—мысленно задала она себѣ вопросъ.

Но она скоро успокоилась. Что касается страшнаго *иллула*, она увѣрена, что эта ужасная кара ея не постигнетъ: она вѣдь не такъ грѣшна, какъ другіе, а *иллул* вѣдь назначенъ только для грѣшниковъ, для которыхъ и адъ слишкомъ снисходительное наказаніе; что же касается ада—а въ адъ, можетъ быть, она попадетъ, — то вѣдь это наказаніе срочное: больше двѣнадцати мѣсяцевъ не бываютъ въ аду. Но зато то, что послѣ ада ее ожидаетъ, такъ хорошо, такъ безмолвно, такъ долго. Какое значеніе имѣютъ эти временныя муки, которыя могутъ быть смягчены молитвами дѣтей, — что значить эти муки передъ ожидающимъ ее духовнымъ блаженст-

вомъ? Значить, если даже ея опасенія сбудутся, то не печалиться надо о смерти, не бояться ея, а радоваться.

Она вспомнила восклицаніе своей невѣстки Баси: «черезъ сто двадцать лѣтъ, когда вы умрете, наши святые прародительницы, Сарра, Ривка, Рахиль и Лей, выйдутъ вамъ на встрѣчу и прямо въ рай васъ поведутъ». — «А что если она говоритъ правду? Вѣдь ребечинъ и всѣ говорятъ, что я набожная, благочестивая еврейка», — промелькнуло въ ея умѣ. Отъ одной мысли, что ее ожидаетъ такая честь, лицо ея озарилось свѣтлой улыбкой. Выйдутъ ей на встрѣчу, поведутъ ее въ рай и она тамъ увидитъ всѣхъ праведниковъ, — ахъ, вѣдь это такое счастье, за мигъ котораго можно отдать всю жизнь!

«Нѣтъ, этого не будетъ, такого счастья я, грѣшная, не достойна и нечего думать о немъ», — подумала она черезъ минуту.

«Ахъ, еслибъ я была достойна тамъ быть», — вздохнула она.

О, если бы она была достойна, если бы въ самомъ дѣлѣ она была праведной женщиной! Что было бы, когда бы она умерла?

А могло бы быть слѣдующее.

Возгласятъ на небѣ: «Души праведныя! Готовьтесь къ почетной встрѣчѣ души Песи, дочери Зороха. Приготовьте ей подобающее мѣсто въ раю. Она этого заслужила: въ своей земной жизни она дѣлала много добра, вытирала своими руками слезы страждущихъ, убогихъ, ни разу не нарушала постановленій святой еврейской вѣры».

Души зашевелиятся, заговорятъ. Найдутся и такія, которыя въ своей земной жизни знали ее хорошо. «Мѣсто, мѣсто праведной душѣ Песи! Надо объ этомъ доложить нашей матери Саррѣ».

— Что же такое она сдѣлала въ своей земной жизни? — спроситъ Сарра. — Чѣмъ была замѣчательна ея жизнь?

— Праведная мать наша Сарра, — отвѣтятъ души: — вела она праведную жизнь, была чутка, отзывчива на всякое че-

ловѣческое горе, была сострадательна, милосердна, принимала близко къ сердцу интересы людей. Между нами есть такія, которыхъ она спасла отъ преждевременной смерти. Сиротамъ была она матерью, несчастнымъ—утѣшеніемъ и опорой. Кроме этого, она отличалась нравственной и праведной жизнью: не лгала, не обманывала, исполняла обряды нашей религіи.

— Хорошая она у меня дочь, — съ умиленіемъ замѣтитъ Сарра: — она вполнѣ заслуживаетъ, чтобы я, невѣстка моя Ривка и внучки мои Рахиль и Лея вышли ей на встрѣчу.

И удостоить прародительницы великой чести бабушку Песю и выйдутъ ей на встрѣчу, обласкаютъ оробѣвшую отъ этой встрѣчи ея душу. Онѣ ее поведутъ въ рай, подведутъ къ большому столу, гдѣ сидятъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, великій праведный мужъ Моисей, братъ его Ааронъ, Ілія пророкъ, святой Мессія, группы танайтовъ, амореевъ, гаоновъ и великихъ раввиновъ, которые изучаютъ святую Тору и которымъ прислуживаютъ ангелы Михаэль, Рефозель, Гавріэль и Уриэль.

— Мужички праведные! — скажетъ Сарра. — Мы привели душу Песи, дочери Зороха, которая отличалась въ своей земной жизни всѣми добродѣтелями, которыя велитъ намъ исполнять наша святая Тора.

— А я ее знаю, — скажетъ ангелъ Рефозель: — неоднократно я ее встрѣчалъ у изголовья больныхъ, и была она мнѣ дѣятельной помощницей.

— Она и мнѣ знакома, — скажетъ пророкъ Ілія: — неоднократно я ее встрѣчалъ въ убогихъ лачугахъ тѣхъ горемыкъ, которые призывали меня въ помощь.

— Старая моя знакомая, — скажетъ Моисей: — она свято исполняла заветъ — «Люби ближняго, какъ самого себя».

— Рай, рай этой праведной, благочестивой женщины, — скажутъ патріархи. — Милости просимъ, добро пожаловать, будь благословенна, — услышитъ она со всѣхъ сторонъ.

«Какъ хорошо было бы, если бы дѣйствительно это случилось, — подумала она, блаженно улыбаясь. — Но отчего же

не может быть? Вѣдь Богъ къ ней такъ добръ, вѣдь говорятъ же о ней люди, что она благочестивая, праведная женщина, и всѣ эти люди сулятъ ей рай, будущую загробную жизнь».

«А все это можетъ случиться, когда я умру,—ну, если не совсѣмъ такъ, то немного иначе, не все ли равно? Отчего же люди боятся смерти? Глупые они, вотъ что. Я смерти ни сколько не боюсь».

Вдругъ она остановилась и ужаснулась той мысли, которую все это время желѣла, развивала. «А что будетъ съ дѣтьми?»—промелькнуло въ ея умѣ.

Вѣдь дѣти ее такъ любятъ, такъ любятъ! Вѣдь если она умретъ, они станутъ убиваться, страдать и жизнью перестанутъ дорожить. Скоро, однако, она утѣшила себя мыслию, что все это будетъ только въ первое время, когда рана еще свѣжа; но эта рана еще можетъ излѣчиться,—не только «можетъ», но навѣрное излѣчится. Вѣдь, Господомъ Богомъ уже такъ устроенъ мѣръ, что все, что предается только землѣ, забывается. Любила же она своихъ родителей, любила она своего единственнаго брата, любила покойнаго мужа своего. Она ихъ всѣхъ пережила и была же, однако, счастлива и послѣ смерти родителей, и послѣ смерти брата, и послѣ смерти мужа. Значить, то же самое будетъ, когда она умретъ. Погрюютъ первое время, а затѣмъ будутъ жить и будутъ счастливы и безъ нея... Вѣдь то же самое было съ ней, то же самое бываетъ со всѣми людьми; милостью Творца уже такъ устроенъ мѣръ.

Она мѣшочекъ положила на прежнее мѣсто, а сама подошла потомъ къ открытому окну и высунулась оттуда головой. Прохладный, свѣжій вѣтерокъ скользнулъ по ея лицу и защекоталъ ея шею. Она съ удовольствіемъ вдыхала въ себя пріятный ароматъ распустившейся акаціи, находившейся не далеко отъ ея спальни.

«Какъ великъ Господь, какъ прекрасенъ мѣръ, какой Онъ мастеръ,—восхищалась она въ эту минуту:—загробная жизнь,

рай, конечно, лучше земной жизни; но и земная жизнь хороша, ахъ, какъ хороша!» И она вздохнула отъ избытка возобновившихъ ее хорошихъ чувствъ. Вдругъ она затаила дыханіе и осталась, какъ пригвожденная къ мѣсту.

Въ саду заливался соловей, ему вторилъ другой и воздухъ оглашался дивнымъ концертомъ. Песя съ замираніемъ сердца, какъ очарованная, ловила каждый звукъ, каждый переливъ, каждую трель этой пѣсни, точно понимая ее, точно составляя изъ нея цѣлыя строфы.

«Пой, пой, милое созданье Божіе, созданное Имъ на радость и утѣшеніе человѣку,—носилося въ ея головѣ:—пой и весели весь міръ Божій, утѣшай своею пѣснью всѣхъ горе-мыкъ,—пусть хоть этимъ наслаждаются. Пой же, пой, милое, дорогое созданье Божье».

А въ это же самое время Песя услышала другое пѣнье, конечно, не такое, какъ соловьиное, но которое не менѣе послѣдняго ласкало ея слухъ. Это пѣла Эстеръ, убаюкивая маленькаго Мойшеле. Песя съ удовольствіемъ прислушивалась, какъ къ напѣву, такъ и къ словамъ народной еврейской колыбельной пѣсенки:

«Подъ колыбелькой Мойшеле стоитъ бѣлая ковочка; ковочка поѣхала торговать—изюмомъ и миндалямъ»,—съ чувствомъ пѣла Эстеръ.

«Славная пѣсенка. Кто ея только не знаетъ, а всякій слушаетъ ее съ удовольствіемъ. Или это мнѣ только такъ кажется? Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, всѣ ее слушаютъ, всѣмъ ее пѣли, и мнѣ тоже ее когда то пѣли; можетъ быть, она мнѣ потому такъ нравится».

«Айвика хотѣла бы видѣть, — думала она, приготовляя себѣ постель и выбивая подушки:—а что, если умру прежде, чѣмъ увижу его? Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшила она прогнать эту мысль:—я его скоро увижу, онъ скоро прійдетъ. Господь продлитъ мнѣ жизнь до той поры».

Когда постель уже была готова, она приступила къ молитвѣ на сонъ грядущій. Она закрыла глаза и, стараясь ни

о чемъ не думать, съ особеннымъ благоговѣніемъ произнесла слова: «Слушай, Израиль! Господь-Богъ нашъ—Господь единый». Она точно сознавала все великое значеніе этихъ словъ, точно чувствовала, что эти слова — знамя еврейскаго народа, которое еврейство держало и держитъ крѣпко, не выпуская изъ рукъ своихъ. Съ неменьшимъ благоговѣніемъ она прочла остальную молитву, окончательно забываясь и ни о чемъ не думая.

По окончаніи молитвы, она медленно раздѣвалась, разсѣянно прислушиваясь къ напѣву дочери. Она какъ будто перенеслась въ другой міръ, она еще находилась подъ вліяніемъ того религіознаго, благочестиваго трепета, который охватилъ все ея существо. Лицо ея выражало спокойствіе, которое можно читать на лицахъ людей, усердно помолившихся.

Она легла уже въ свою постель, а Эстеръ все еще убаюкивала Мойшеле, соловей все еще заливался. Она опять начала прислушиваться и къ пѣснѣ соловья, и къ пѣснѣ дочери, въ которой говорилось, что изюмъ и миндаль лучшій товарь, что Мойшеле будетъ изучать святую Тору и что онъ будетъ набожнымъ, благочестивымъ евреемъ.

— Дай Богъ, дай Богъ, — проговорила она тихо: — дай Богъ, чтобы онъ былъ евреемъ, такимъ евреемъ, какимъ былъ его дѣдъ—царство ему Небесное.

А соловей все еще пѣлъ и заливался.

Слушая эту пѣсню, Песа начала забываться. До ея слуха, однако, донеслись слова дочери, успокаивающей раскричавшагося сына:

— А, а, баюню. Баю-баюшки-баю. Спи, мой *кадиш*, спи, душа моя, Мойшеле, спи, миленькій.

«Капризный мальчикъ, но хорошій, — думалось Песѣ сквозь сонъ.—Всѣ дѣти хороши, Божій міръ хорошъ, всѣ созданья Божіи хороши! Я ихъ всѣхъ люблю: и Залмена, и Шифру, и Айвика, и Эстеръ, и Цодока, и Басю, и Пинхоса, и Михеля, и Рахиль—всѣхъ, всѣхъ люблю. И Двосю люблю, и Зельду

люблю, и Исерке люблю, и *ребецинъ*, и Рябчика... Спасибо Тебѣ, Боже Великій, за Твою безконечную милость ко мнѣ. (Она машинально ощупала подъ подушкой мѣшочекъ и перевернулась на другой бокъ). Вѣчное блаженство, рай... Ахъ, какъ хорошо быть въ раю»...

И она мало по малу заснула.

Л. Рубиновъ.

ИЗЪ ПРОРОКА ИСАИИ.

(Глава 63).

«Кто Онъ, идущій отъ Едома
«Въ червленыхъ ризахъ? Отчего
«Такъ красны ризы у него;
«И рѣчь, и взоры полны грома?»

— Я приносящій правду вамъ,
Я исцѣляющій страданья!..
«Зачѣмъ-же съ кровью пополамъ
«Смѣшалъ Ты пурпуръ одѣянья?
«Святая мощь въ Тебѣ видна;
«Грядешь ты въ благости и силѣ!—
«Зачѣмъ-же риза такъ красна,
«Какъ у топтавшаго въ точилѣ?»

— Топталъ точило я одинъ,
Никто не шель моею стезею
Въ дни этихъ бѣдственныхъ годинъ,
Чтобъ раздѣлить труды со мною!

Народъ въ безумствѣ ликовалъ,
Въ грѣхѣ грѣхамъ служили люди!
И въ гнѣвѣ дерзкихъ я топталъ—
И разсѣкалъ мечами груди!

Смотрѣлъ—и не было вокругъ,
Кто-бъ подалъ руку примиренья, —
И ярость—сдѣлалась мнѣ другъ,
И день суда—сталъ днемъ отмщенья!
Народамъ къ правдѣ я взывалъ,
Но вопіялъ къ нимъ безъ надежды..
И я ихъ въ гнѣвѣ растопталъ,—
И обагрить свои одежды!..

К. Фозановъ.

ВНУКИ ГЕТТО.

РОМАНЪ И. ЗАНГВИЛЯ.

Переводъ съ англійскаго.

ГЛАВА XIII¹.

Горизонтъ проясняется.

На друдой день Есфирь проснулась такъ рано, что не успѣла даже и отдохнуть какъ слѣдуетъ за ночь. Тюфякъ гостеприимной шведи былъ и жестокъ и въ добавокъ такъ узокъ, что она боялась даже пошевелинуться, чтобы не разбудить свою сосѣдку. Не радостно бываетъ пробужденіе человѣка, которому заглядываетъ въ глаза мрачная дѣйствительность. Не весело было также и пробужденіе нашей героини въ описываемое утро. Слова Малки безпрестанно раздавались въ ея ухахъ. „И въ самомъ дѣлѣ, за какой трудъ она можетъ взяться, чтобы обезпечить себѣ средства къ жизни? Въ беллетристикѣ она потерпѣла неудачу, на журнальную же работу ей тоже нечего было рассчитывать, такъ какъ у нея не было связей ни съ одной редакціей, кромѣ „Иудейскаго Стяга“, но о дальнѣйшемъ сотрудничествѣ въ этой газетѣ теперь, конечно, не могло быть и рѣчи. Значить, кромѣ учительской профессіи, за которую хватаются всѣ погибающіе, какъ за единственный якорь спасенія,—у нея рѣшительно ничего не имѣлось въ виду. Можетъ быть, даже и между остъ-эндскими матронами найдутся такія прогрессистки, которыя пожелаютъ обучать своихъ дочерей музыкѣ и найдутъ удовлетворительной ея далеко не блестящую игру на фор-

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

тепіано. Конечно, ей лучше всего было бы пристроиться въ какой-нибудь изъ элементарныхъ школъ, но только никакъ не въ той, гдѣ она раньше занималась, и гдѣ ей навѣрно пришлось бы выслушивать изъявленія самаго обиднаго соболѣзнованія со стороны прежнихъ ея товарокъ по профессіи. Но лежа въ убогой каморкѣ, ровно ничего не придумаешь, какъ ни ломай себѣ голову, разсматривая закоптѣлый потолокъ и полинявшіе обои, — рѣшила про себя наша героиня и, вставъ потихоньку съ постели, принялась одѣваться. Отсутствие удобнаго умывальнаго прибора какъ-то особенно непріятно поразило ее, напомнивъ ей объ одномъ изъ безчисленныхъ лишеній, на которыя обречена немущая братія, причемъ ей живо представилась ея изящная и комфортабельная спальня, которую она добровольно покинула. Но убогая обстановка, окружавшая ее и не менѣе живо напоминавшая ей ея дѣтскіе годы, помогла ей отдѣлаться отъ своихъ малодушныхъ мыслей и сожалѣній, и она, быстро одѣвшись, почти машинально развела огонь, наполнила котелокъ водой и поставила его кипятиться на жаровню. Все это она сдѣлала такъ ловко и скоро, что съ удовольствіемъ убѣдилась въ томъ, что не утратила прежней своей сноровки въ домашнихъ мелочахъ. Проснувшаяся навонецъ Дебби была не только удивлена, но даже нѣсколько растрогана, увидавъ, что для нея была уже приготовлена чашка горячаго чая, которую она могла выпить въ постели, какъ настоящая великосвѣтская леди.

— Право, мнѣ кажется, что я превратилась въ какую-то владѣтельную принцессу, которой прислуживаютъ молоденькія леди, и которая можетъ нѣжится, сколько угодно, лежа въ постели и читывая французскій романъ, — вскричала развеселившаяся шведка, желая какъ можно нагляднѣе изобразить изъ себя счастливую и беззаботную принцессу, она быстро просунула руку подъ кровать, чтобы вытащить оттуда номерокъ „Лондонскаго Журнала“, но въ своемъ увлеченіи такъ толкнула придвинутый къ ней столикъ, что чуть не опрокинула на себя чашку съ горячимъ чаемъ.

— Только по настоящему не мнѣ, а скорѣе вамъ слѣдовало бы кушать чай въ постели.

— Пустяки, пустяки! Довольно ужъ мнѣ лѣнтяйничать и жить бѣлоручкой, — возразила Есфирь, поддѣлываясь къ шутивому тону швей, въ надеждѣ на то, что ея веселое настроеніе поможетъ и ей разсѣять свои мрачныя думы.

За чаемъ наши пріятельницы приступили къ серьезному обсужденію своихъ дѣлъ.

— Мнѣ кажется, эта кровать слишкомъ мала, чтобъ спать на ней вдвоемъ, — замѣтила Есфирь, когда Дебби начала упрашивать ее пожить у нея подольше.

— Что-жъ, я могла бы потѣсниться и еще немножко, чтобы не беспокоить васъ по ночамъ, — отозвалась радушная хозяйка.

— Нѣтъ, голубушка, вы нисколько не беспокоили меня и лежали совсѣмъ съжившись у стѣнки. Но для двухъ все-таки нужна кровать пошире этой, а она никакъ не помѣстилась бы въ этой крошечной комнатѣ.

— Ну, такъ переберемтесь на чердакъ. Тамъ комната просторнѣе этой, а главное — окно выходитъ на тотъ же дворъ. Но, конечно, я ни слова не скажу старикку Гюгенгейму, что я такъ дорожу видомъ на нашъ дворъ, чтобъ онъ не вздумалъ еще увеличить плату за квартиру.

— Но, вѣдь, туда переселились уже *гринеры*.

— Ахъ, да, — я и позабыла объ этомъ, — съ сожалѣніемъ сказала Дебби.

— Какъ странно, что я сама же закрыла для себя дверь въ свое старое жилище, — въ раздумьи прибавила Есфирь.

Но легкій стукъ въ дверь и неожиданное появленіе почтальона не дали ей углубиться въ дальнѣйшія размышленія. Въ Королевской улицѣ, бѣдныя почтальоны, сами разносившіе письма по квартирамъ, вынуждены были подниматься во всѣ этажи. Но жильцы, къ счастью, не часто получали письма, поэтому Дебби была крайне удивлена, увидавъ поданное ей письмо.

— Я такъ и знала, что это не ко мнѣ, а къ вамъ, — вскричала она, внимательно осмотрѣвъ конвертъ и передавая письмо Есфири. — Мнѣ не отъ кого ждать писемъ.

— Да и мнѣ тоже, тѣмъ болѣе, что мой адресъ рѣшительно никому не извѣстенъ, — отвѣтила Есфирь.

Вскрытіе этого таинственнаго посланія повергло ее въ еще большее недоумѣніе, такъ какъ въ немъ ничего не оказалось, кромѣ листка бѣлой бумаги, изъ котораго выкатилась новенькая монета въ поль-соверена. Конвертъ былъ помѣченъ штемпелемъ Гудедича. Повертѣвъ его въ рукахъ и полюбовавшись прекраснымъ почеркомъ неизвѣстнаго каллиграфа, написавшаго ея адресъ, Есфирь сочла за лучшее не ломать себѣ головы надъ разрѣшеніемъ заданной ей загадки. Но это напомнило ей о томъ, что ей необходимо побывать, не теряя времени, у издателей ея повѣсти, чтобы предупредить ихъ о своемъ переселеніи изъ прежней мѣстности и встать попросить ихъ оставлять пока у себя всѣ письма, адресуемые на ея имя. На дворѣ стояла чудесная погода, но на душѣ у нея было далеко не весело и ей не хотѣлось даже и думать о томъ, что ожидало ее впереди. Она вошла въ контору въ самомъ подавленномъ и безнадежномъ настроеніи, но младшій компаньонъ фирмы, завидѣвъ ее, сейчасъ же всталъ съ мѣста и съ самымъ любезнымъ видомъ раскланялся съ ней.

— Вы, вѣроятно, пожаловали, чтобы свести съ нами счеты, — съ изысканной вѣжливостью заговорилъ онъ. — Я со дня на день собирался выслать вамъ деньги, которыя вамъ слѣдуетъ получить съ насъ за распроданные экземпляры вашей повѣсти; но у насъ теперь столько хлопотъ съ новыми изданіями, которыя мы спѣшимъ сбыть съ рукъ до наступленія лѣтняго затишья въ книжной торговлѣ. Не угодно ли вамъ самой заглянуть въ конторскую книгу, — счетъ составленъ такъ аккуратно, что вамъ не трудно будетъ провѣрить его. Ваша повѣсть отлично расходуется въ продажѣ, и я сейчасъ же выдамъ вамъ чекъ для предъявленія нашему банку.

Пораженная такимъ неожиданнымъ успѣхомъ, Есфирь даже измѣнилась въ лицѣ и чуть слышно пролепетала что-то въ отвѣтъ своими поблѣвшими губами.

— Мы выручили за вашу книгу всего сто фунтовъ, изъ которыхъ вамъ приходится, по условію, шестьдесятъ два фунта, десять шиллинговъ,—продолжалъ издатель, подавая ей чекъ на соответствующую сумму.—Такъ что если вы потрудитесь подписать это, то мой клеркъ сейчасъ же принесетъ вамъ деньги отъ нашего банкира.

Есфирь такъ сильно была взволнована, что ея дрожащая рука скорѣе нацарапала, чѣмъ написала ея автографъ подъ поданнымъ ей чекомъ.

— Но вы говорили, кажется, что моя повѣсть совсѣмъ не идетъ въ продажѣ,—замѣтила она наконецъ.

— Да, въ началѣ на нее почти совсѣмъ не было спроса, но потомъ публика стала все больше и больше интересоваться ею. Въ магазинѣ Мюди мнѣ сказывали, что она имѣетъ большой успѣхъ въ кругу еврейскихъ читателей. А такъ какъ это трехтомное изданіе, то оно очень и очень не дурно окупается. По правдѣ сказать, если бы не это послѣднее соображеніе, то я никакъ не предложилъ бы вамъ такихъ выгодныхъ условій и не рѣшился бы издать вашу повѣсть въ количествѣ пятисотъ экземпляровъ. Но она такъ быстро раскупается у насъ, что, вѣроятно, дастъ намъ возможность выпустить въ осеннее время новое изданіе въ одномъ томѣ. Такъ что мы будемъ очень рады имѣть съ вами дѣло и впослѣдствіи, въ особенности если вы напишете что-нибудь въ томъ же родѣ.

Пропустивъ мимо ушей послѣднее замѣчаніе издателя, Есфирь, какъ въ чадѣ, запрятала въ портъ-моне двѣнадцать пятифунтовыхъ билетовъ и три золотыя монеты и, наскоро нацарапавъ опять росписку въ полученіи, поспѣшила уйти изъ конторы. „*Еще что-нибудь въ томъ же родѣ*“,—съ саркастической усмѣшкой повторила она про себя, очутившись на улицѣ.—А что подумалъ

бы о ней Рафаэль, если бы узналъ, какую обильную жатву она собрала за то, что позволила себѣ осмѣять то, что находила недостойнымъ и мелкимъ въ представителяхъ его круга? Но, впрочемъ, какое ей дѣло до его мнѣнiя,—вѣдь и онъ, въ сущности, такой же близорукий буржуа, какъ и прочая еврейская аристократiя. А она все-таки достигла своей цѣли и, очевидно, заинтересовала своей повѣстью этихъ лицемѣровъ, какъ ни увѣряли они другъ друга въ противномъ“,—не безъ гордости подумала она и снова почувствовала себя такой смѣлой и сильной, что готова была вступить въ борьбу со всѣми еврейскимъ миромъ.

— А васъ Анна Джекобъ сейчасъ спрашивала,—сказала ей Дебби, когда она вернулась назадъ.

— Въ самогъ дѣлѣ?—отозвалась Есфирь.—Зачѣмъ же это?

— Право, не знаю. Но изъ того, что она говорила, я, кажется, догадалась, кто позаботился сдѣлать вамъ такой неожиданный подарокъ въ пользу-соверена.

— Кто же это? Неужели ребъ Шмуэль?—съ любопытствомъ спросила Есфирь.

— Нѣтъ, не онъ, а ваша родственница Малва. Она видѣла должно быть, какъ вы ушли съ Анной изъ Сквера Захарiн, и нарочно заходила потомъ къ ней, чтобы спросить ваншъ адресъ.

Есфирь не знала—разсердиться ли ей, или засмѣяться, и кончила тѣмъ, что расплакалась. Люди были, однако, не такъ эгоистичны и судьба не такъ безжалостна, какъ то казалось ей въ минуты безнадежнаго унынiя. Но слезы ея были похожи на весеннiй дождикъ, за которыми сейчасъ же проглядываетъ солнышко, и она черезъ минуту ужъ успокоилась и съ самой счастливой улыбкой убѣждала на чердакѣ къ своимъ *гримерамъ*, чтобы пожертвовать въ ихъ пользу субсидiю, полученную ею отъ Малки, считая не великодушнымъ отсылать ее назадъ къ ворчливой, но въ сущности, не безсердечной матронѣ.

Вернувшись отъ *гримеровъ*, Есфирь успѣшила рассказать Дебби о своемъ литературномъ успѣхѣ, повергнувъ ее этики въ

неописуемое изумленіе. Наввная швея, узнавъ, что ея маленькая Есфирь можетъ сочинять такіе же романы и повѣсти, какіе она читала въ своемъ „Лондонскомъ Журналѣ“, прониклась къ ней такимъ почтеніемъ, что смиренно отказалась отъ своихъ иллюзій жить съ ней вмѣстѣ и спать на одной постели. Этотъ планъ казался ей теперь такой несбыточной мечтой, какъ дерзкое желаніе зажить вмѣстѣ съ одной изъ знаменитыхъ писательницъ, произведенія которыхъ хранились у нея подъ кроватью. Поэтому она не сочла себя вправѣ удерживать свою гостью, когда та объявила ей въ тотъ же день вечеромъ о своемъ намѣреніи поселиться на время въ домъ ребѣ Шмуэля.

Анна и заходила къ Есфире именно съ этимъ предложеніемъ, такъ какъ добрѣйшій ребѣ Шмуэль, узнавъ отъ дочери о безпріютномъ положеніи молодой дѣвушки, тотчасъ же рѣшился пригласить ее къ себѣ. Есфирь, конечно, очень рада была воспользоваться этимъ приглашеніемъ, по крайней мѣрѣ до своего отъѣзда въ Америку, но хотѣла непремѣнно платить за свое содержаніе, и какъ ни протестовала противъ этого Анна, она все-таки настояла на своемъ. Анна уступила ей свою комнату, а сама перебралась съ своими пожителями въ спальню Леви, которая ужъ цѣлые годы стояла пустой, за исключеніемъ праздничныхъ дней,—хотя постель всегда была готова для него. Въ послѣднее время раввинша съ дочерью еще чаще убирали и провѣтривали эту комнату, когда ребѣ Шмуэль уходилъ въ синагогу.

Есфирь успѣшила выслать свой новый адресъ въ Америку, причемъ просила своихъ старыхъ корреспондентовъ написать ей какъ можно подробнѣе о томъ, на какой заработокъ можетъ рассчитывать хорошо образованная дѣвушка, переселяющаяся въ Соединенные Штаты. Но въ пространномъ посланіи, полученномъ ею вслѣдъ за этимъ изъ Америки, ея вѣтренные корреспонденты ни однимъ словомъ не обмолвились на счетъ того, о чемъ она расспрашивала ихъ, зато сообщили ей великую новость о томъ, что Рахиль выходитъ замужъ. Это извѣстіе снова пробудило въ сердцѣ

Есфирь всю ея вѣжность въ бывшимъ ея питомцамъ, и хотя Рахили было всего только восемнадцать лѣтъ, но она сразу почувствовала себя въ положеніи если не совсѣмъ еще старой, то уже и не молодой дѣвушки. Разумѣется, ей лучше всего будетъ уѣхать въ Америку и занять прежнее свое мѣсто въ кругу „своихъ дѣтокъ“, которыя навѣрно и теперь нуждаются въ ея материнскихъ попеченіяхъ, и ужь конечно встрѣтятъ ее съ распростертными объятіями,—повторяла она себѣ. Она даже прослезилась отъ умиленія, когда получила печатное объявленіе о помолвкѣ сестры, которое было выслано ей въ видѣ вырѣзки изъ мѣстной еврейской газеты, и въ которомъ она прочла слѣдующее: „Изъ частной жизни.—Брачная лѣтопись:—Самъ Уайзбергъ, молодой и красивый барабанщикъ изъ Цинцинати, вступаетъ въ бракъ съ нашей начинающей писательницей, прелестной Рахилью Ансель, дочерью почтеннаго Моисея Ансель, давно уже проживающаго въ Чикаго. Да ниспошлетъ небо свое благословеніе на молодую чету!“ Есфирь отерла свои заплаканные глаза и дала себѣ слово непремѣнно присутствовать при брачной церемоніи, а пока продолжала по примѣру и подъ руководствомъ Анны Джекобсъ усердно заниматься дѣлами благотворительности, то привлекаемая самымъ искреннимъ участіемъ къ своимъ обездоленнымъ и темнымъ собратьямъ, то отталкиваемая ихъ недостатками. Теперь, благодаря житейскому опыту и болѣе широкому взгляду на вещи, она могла лучше понимать ихъ, чѣмъ въ то время, когда она руководствовалась хотя и живыми, но безотчетными впечатлѣніями дѣтства, причѣмъ ее крайне удивляло то обстоятельство, что грубое суетвѣріе, господствовавшее прежде въ гетто, не только не ослабѣло, но казалось еще глубже пустило въ немъ свои корни за послѣднее десятилѣтіе. Такъ, мудрыя еврейскія матроны лѣчились отъ лихорадки посредствомъ какихъ-то таинственныхъ заклинаній, сопровождавшихся неоднократными плевками по сторонамъ, а дѣтей заставляли носить угольки въ карманахъ для предохраненія ихъ отъ дурного глаза. Но съ другой стороны, этотъ темный людъ обна-

руживалъ теперь больше предприимчивости, больше самостоятельности и сознанія собственнаго достоинства. Но какъ ни безотрадно было тусклое существованіе этихъ бѣдняковъ, изнывавшихъ подъ гнетомъ тяжелой нужды, судьба послала и на ихъ долю частичу счастья, о чемъ свидѣтельствовалъ веселый смѣхъ, оглашавшій сирадный воздухъ гетто, по окончаніи школьныхъ занятій, и возвѣщавшій о появленіи на улицѣ шумной ватаги ребятишекъ, принимавшихся за самыя разнообразныя забавы и развлеченія—одни играли въ воланъ, прыгали черезъ веревочку, пускали волчковъ, а другіе плясали подь оглушительные удары по пустой бочкѣ, именуемой органомъ, или, схватившись за руки, водили хоробы подь звуки традиціонныхъ дѣтскихъ пѣсенъ. Есфирь иногда никакъ не могла отказать себѣ въ удовольствіи осчастливить какую-нибудь маленькую оборванку, печально посматривавшую на игры другихъ дѣтей,—сдѣлавъ ей пріятный сюрпризъ въ видѣ дешо-венькой игрушки. Что же касается до Анны Джекобсъ, помогавшей неимущей братіи частію изъ собственныхъ скудныхъ сбереженій, частію же изъ той суммы, которую она получала отъ одного анонимнаго реформатора изъ остъ-эндскихъ евреевъ, избравшаго ее своей уполномоченной по дѣламъ благотворительности, то она такъ хорошо знала свое родное гетто, что не могла тѣшить себя никакими иллюзіями на его счетъ и терпѣливо мирилась со всѣми его недостатками. Поэтому, помогая бѣднякамъ, она никогда не рассчитывала на благодарность съ ихъ стороны, и вѣсть съ тѣмъ нисколько не смущалась мыслью, что она способствуетъ развитію пауперизма, такъ какъ давно ужъ убѣдилась въ томъ, что бѣдный еврей такъ высоко ставитъ самого себя, что никогда не признаетъ себя въ долгу передъ тѣмъ, кто его облагодѣтельствовалъ, тѣмъ болѣе, что смотритъ на субсидіи, передающія на его долю, не какъ на подачки изъ милости, а какъ на должное пополненіе къ его скудному содержанію. Она не вынуждала своихъ семейныхъ кліентовъ прибѣгать къ разнымъ надувательскимъ продѣлкамъ, которыми они морочили обыкновенно

строгихъ истъ-эндскихъ леди, потому что не приходила въ священный ужасъ отъ ихъ расточительности, когда видѣла у нихъ на столѣ какое-нибудь мясное блюдо; точно также, если ей случалось стоять за прилавкомъ при распродажѣ дешевой одежды для бѣдняковъ, то она не приходила въ негодованіе отъ грубыхъ манеръ своей неблаговоспитанной публики, чуть не вырвавшей у ней изъ рукъ разныя вещи. Она не ограничивалась только тѣмъ, что помогала бѣднякамъ, но побуждала и ихъ самихъ дѣлать强有力的 денежные взносы, съ цѣлью организациі учреждений для собственной ихъ поддержки. Непзмѣнная ея кротость и терпѣніе производили самое благотворное дѣйствіе на Есфирь, не имѣвшую природной наклонности къ частной филантропической дѣятельности. Вообще, простой и скромный образъ жизни въ домѣ почтеннаго раввина пришелся какъ-то особенно по душѣ нашей героинѣ. Однако, какъ ни старалась она примириться съ своей долею и какъ ни пронизировала въ глубинѣ души надъ таеъ-называемой романистами „непобѣдимой силой любви“, но все-таки боялась встрѣчи съ Рафаэлемъ Леономъ. Впрочемъ, ей некогда было посѣщать въ Истъ-Эндѣ, да и вообще она рѣдко заходила днемъ за предѣлы гетто, а вечеромъ почти и совсѣмъ не отлучалась изъ дома. По наступленіи сумерекъ, если она не особенно страдала отъ головной боли, то больше всего любила играть на старинномъ и давно уже заброшенномъ фортепіано Анны. Въ этомъ инструментѣ была одна надтреснутая нота, каждый разъ нарушавшая гармонію музыки; но Есфирь никакъ не хотѣла призвать настройщика для поправки этой дребезжащей ноты, находя какое-то болящее удовольствіе въ сознаніи, что между нею и поврежденнымъ механизмомъ фортепіано существуетъ будто бы вѣчто похожее на внутреннюю связь. А по вечерамъ съ пятницы на субботу она тотчасъ же переходила отъ церемоніи чтенія традиціонныхъ гимновъ къ чтенію „Иудейскаго Стага“, причеъ ей казалось иногда, что въ передовыхъ статьяхъ ей попадаются фразы и даже цѣлыя тирады, написанныя какъ будто исключительно для нея. „Что бы

это значило?—думала она.—Неужели ея единственный другъ умни-ленно старается поддержать духовное общеніе между ними, продолжая таинственныя бесѣды съ нею въ своихъ передовыхъ статьяхъ? Но въ такомъ случаѣ, не злоупотребляетъ ли онъ своимъ правомъ редактора-издателя?—Тутъ ей приходило на память его шутивное заявленіе на счетъ того, что онъ намѣревается издавать газету исключительно для того, чтобы обратить ее на путь истины,—и на губахъ ея появлялась какая-то загадочная усмѣшка. А иногда ей встрѣчались повторенія тѣхъ же самыхъ воззрѣній и принциповъ, которые онъ высказывалъ въ прежнихъ своихъ разговорахъ съ ней, и ей казалось, что она какъ будто видитъ и слышитъ его самого.

— „Другъ мой,—говорила она про себя, задумчиво покачивая головой:—я люблю тебя за твою близорукость, но сама я надѣлена печальнымъ даромъ прозорливости“.

ГЛАВА XIV.

Сидней вступаетъ на новый путь.

Прикорскій уголокъ, избранный м-съ Генри Гольдсмитъ для своей лѣтней резиденціи, такъ же краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о художественномъ вкусѣ мнѣди, какъ и все то, на чемъ она оставляла свое вниманіе. Это была прихотливо раскинутая по сторонамъ, холмистая и лѣсистая деревенька, полная архангелскихъ реликвій, какъ въ бытовомъ, такъ и въ архитектурномъ отношеніяхъ и живописно спускавшаяся внизъ къ дугообразной бухтѣ, гдѣ въ лѣтніе дни царилъ волшебная тишина, въ которой не слышно было ничего, кромѣ мѣрнаго журчанія синихъ волнъ, сповойно катившихся по зеркальной поверхности необозримого и вѣчно яснаго моря. Эта величественная картина не поражала пестротой тоновъ, состоявшихъ только изъ сапфироваго цвѣта моря и аметистоваго неба. Изъ роскошной листвы весело выглядывали красноватые домики, а на желтомъ песку, усѣянномъ кра-

сивыми раковинами и фигурами земляныхъ червей, искусно отшлифованными волнами, видѣлись камни-великаны, обросшіе мхомъ, какъ зелеными волосами. Голубая лента рѣки, тянувшаяся по направленію къ востоку, изгибалась здѣсь въ видѣ бухты, подернутой легкой зыбью. Тутъ же по близости были раскинуты, по распоряженію м-съ Гольдсмитъ, ея бѣлыя палатки для купанья, представлявшія весьма эффектный контрастъ съ зеленѣющей вдали рощей, густо разросшейся по всему холму.

М-съ Гольдсмитъ расположилась на мнѣ съ гостившими у нея друзьями, которые собирались къ ней иногда въ такомъ множествѣ, что ей приходилось выселять ихъ на ночлегъ въ сосѣдніе коттеджи. Самъ м-ръ Генри проводилъ здѣсь только субботніе и воскресные дни, а по понедѣльникамъ опять возвращался въ городъ. Но въ одну изъ пятницъ, м-ръ Перси Севилль, прогостившій на мнѣ Гольдсмитовъ около недѣли, совершенно неожиданно уѣхалъ въ городъ, а на другой день, прелестная хозяйка подъ секретомъ сообщила своему ревнивому супругу нѣчто такое, что заставило его яростно заскрежетать своими длинными зубами и еще больше оттопырить свои и безъ того оттопыренные уши, и вслѣдъ за этимъ красивый и щеголеватый маклеръ былъ навсегда вычеркнутъ изъ списка его знакомыхъ. Нужно, однако, замѣтить, что вся вина влюбленнаго дѣнди состояла только въ томъ, что онъ, поддавшись обаянію поэтической природы, окружавшей его, позволилъ себѣ сдѣлать самый робкій намекъ на свои нѣжныя чувства. Его спальня въ тотъ же день была предоставлена въ распоряженіе Сиднея, только что вернувшагося изъ Норвегіи въ Лондонъ и не замедлившаго навѣстить своихъ гостепріимныхъ друзей. Но вліяніе поэтической природы подѣйствовало заразительнымъ образомъ и на новаго гостя милэди. Въ субботу онъ долго блуждалъ по окрестностямъ съ своей кузиной Адди, тоже гостившей на мнѣ, и вернулся назадъ подъ руку съ своей дамой, очевидно, въ самомъ пріятномъ настроеніи. Въ воскресенье же утромъ, когда дачное общество веселой и пестрой толпой отправилось кататься на лодкѣ,

влюбленная парочка, очутившись на сушѣ, опять уединилась от шумной публики и не явилась даже къ чаю, который поданъ былъ нагулявшейся компаніи передъ возвращеніемъ на мизу. Пока м-ръ Монтегю Самуэльсъ, въ качествѣ благовоспитаннаго джентльмена, передавалъ гостямъ то чай, то сахаръ,—влюбленные вполголоса ворковали между собой, какъ нѣжные голубки, расположившись гдѣ-то подъ вѣтвистымъ деревомъ. Въ торжественной тишинѣ, царившей вокругъ нихъ, не слышно было ни щебетанья птицъ, ни даже шелеста листьевъ, и до нихъ не доносилось никакихъ звуковъ, кромѣ отдаленныхъ раскатовъ хохота веселыхъ участниковъ пикника.

— Неужели мнѣ завтра же придется уѣхать отсюда въ Лондонъ?—уныло проговорилъ Сидней.

— Кажется, что такъ голубчикъ,—съ кроткой улыбкой отвѣтила Адди.

Душистыя поля, разстилавшіяся передъ ея искрившимися глазами, были сплошь устланы дикими цвѣтами, и ей казалось, что такіе же цвѣты были насаждены ангелами въ Эдемѣ. Что же касается до Сиднея, то онъ не сводилъ глазъ съ своего земного ангела, одѣтаго, какъ и подобало ангелу, въ бѣлую одежду. Только что выслушанное признаніе въ любви, взволновавшее молодую дѣвушку до глубины души, придало еще болѣе прелести ея чарующей красотѣ, которая не только вполнѣ удовлетворяла артистическій вкусъ разборчиваго художника, но дѣйствовала неотразимо и на его духовную натуру. Всмотриваясь теперь въ ея правдивые и столь довѣрчивые глаза, онъ мысленно обзывалъ себя близорукимъ глупцомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ неудержимую потребность высказать ей все, что лежало у него на душѣ, и вымолить у нея прощенье за всѣ ошибки и заблужденія своей молодости.

— Какъ это забавно, однако, что я въ концѣ-концовъ все-таки женюсь на еврейкѣ,—произнесъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

Ему хотѣлось повести съ ней рѣчь издалека и рассказать, какъ онъ чуть не женился на миссъ Ганнибалъ, какъ понялъ наконецъ, кого онъ дѣйствительно любитъ, и какъ ловко выпутался потомъ изъ своего критическаго положенія, забывъ о своемъ семитскомъ происхожденіи отцу своей бывшей невѣсты, достопочтенному и либеральствующему члену парламента, который, несмотря на все свое свободомысліе въ религіозныхъ вопросахъ, никакъ не могъ помириться съ тѣмъ фактомъ, что онъ еврей. Но Адди только улыбулась въ отвѣтъ на его краткое вступленіе къ предполагаемой исповѣди.

— Ты смѣешься, значить тоже находишь это забавнымъ? — продолжалъ Сидней.

— Нѣтъ, я не тому смѣюсь, — отвѣтила Адди.

— А чему же? Чему? — съ живостью вскричалъ Сидней и, засмотрѣвшись на прелестное личико своей невѣсты, быстро, точно на лету, поцѣловалъ ее въ розовыя губки.

— Да какъ тебѣ сказать... Нѣтъ, ты не поймешь меня.

— Можетъ быть, тебѣ трудно передать твою мысль. Но вѣдь я же понимаю, дорогая моя, что влюбленная дѣвушка не можетъ взвѣшивать каждое свое слово, а все-таки это забавно и даже стчасти странно. Знаешь, Адди, я пришелъ къ тому заключенію, что еврейство производитъ центробѣжное и центростремительное дѣйствіе на своихъ сыновъ, иногда отталкивая, а иногда неудержимо привлекая ихъ другъ къ другу, но никогда не оставляя ихъ абсолютно равнодушными одинъ къ другому. Ну, вотъ, хоть бы я, напримѣръ — вѣдь, я далъ себѣ слово ни въ какомъ случаѣ не жениться на еврейкѣ.

— Но почему же это? Что ты имѣешь противъ евреекъ?

— Ничего особеннаго, кромѣ того, что еврейка и останется на всю жизнь еврейкой. Это несомнѣнный фактъ.

— Что же заставило тебя нарушить свое слово? — просто душно спросила Адди, слегка наклонясь въ сторону своего собе-

сѣдника, такъ что онъ невольно вздрогнулъ, почувствовавъ опьяняющій ароматъ ея волосъ.

— Ужъ право не знаю, — отвѣтилъ онъ. — Должно быть, это было *plus fort que moi*, потому что я отчаянно боролся съ собой и все-таки вынужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Я похожъ на одного изъ героевъ, выведенныхъ въ повѣсти Есфири... то есть, миссъ Ансаль, которой и долженъ отдать справедливость въ томъ, что она удивительно тонкій психологъ.

— Вѣдная Есфирь! — вполголоса прибавила Адди.

Сидней молча погладилъ нѣжную и точно выточенную изъ мрамора ручку своей невѣсты. Ему не хотѣлось омрачать самыя свѣтлыя минуты ея жизни грустными воспоминаніями о бывшей ея подругѣ, которой онъ, однако, былъ искренно благодаренъ за то, что она во-время отерла ему глаза на горячую привязанность къ нему его кузины, заставивъ его этимъ выяснитъ себѣ тотъ фактъ, что и его собственное, повидимому, спокойное расположеніе къ ней почти бессознательно для него перешло въ серьезное и глубокое чувство. А рѣка тихо журчала и, точно нѣжась, катила свои зеркальныя струи, позлащенные лучами солнечнаго заката.

— Поневолѣ приходится признать себя игрушкой всемогущей судьбы, которая точно держитъ въ своихъ рукахъ порванные звенья связующей цѣпи нашей расы и скрѣпляетъ ихъ виѣсть, наперекоръ всѣмъ человѣческимъ усилямъ, — сквозь зубы пробормоталъ художникъ. — Ну, думалъ ли я когда-нибудь, что эта своевольная судьба все-таки заставитъ меня влюбиться въ еврейку и въ добавокъ еще въ набожную еврейку. Впрочемъ, такіе резонеры, какъ я, всегда кончаютъ тѣмъ, что влюбляются въ примѣрныхъ женщинъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, Адди, почему изъ тебя вышла такая примѣрная еврейка?

Въ отвѣтъ на это, Адди только пожала ему руку и съ трогательной нѣжностью посмотрѣла ему въ лицо.

— Ну, Адди, ужъ если ты такая примѣрная еврейка, то

должна непременно поцѣловать меня, какъ своего жениха, — совершенно неожиданно заявилъ Сидней.

Адди невольно опустила внизъ свои шелковистыя рѣсницы, и на ея вспыхнувшемъ личикѣ появилось выраженіе такого наивнаго смущенія, что оно сдѣлалось еще привлекательнѣе.

— Не пора ли намъ вернуться къ прочимъ гостямъ, — застѣнчиво отвѣтила она, — а то они подумаютъ, пожалуй, что мы совсѣмъ исчезли съ лица земли.

— Что-жь, они будутъ совершенно правы, потому что мы съ тобой паримъ теперь въ небесахъ, дорогая моя. Ну, поцѣлуй же меня посворѣе, если не хочешь, чтобъ я пересталъ считать тебя примѣрной еврейкой.

Адди робко прикоснулась къ его щекѣ своими нѣжными губками.

— Очень и очень добродѣтельный, но за то ужъ черезчуръ холодный поцѣлуй, — произнесъ Сидней, тономъ далеко не удовлетвореннаго критика. — Но какъ бы я ни ропталъ на коварную судьбу, а все-таки долженъ сознаться, что бракъ съ тобой доставляетъ мнѣ одно драгоценное преимущество, которое далеко не всегда выпадаетъ на долю резонерствующаго еврея, женящагося на добродѣтельной еврейкѣ, а именно — ты будешь служить для меня великолѣпной моделью, а это весьма важно для моей профессіи художника. Кромѣ того, я убѣжденъ, что ты будешь также самою примѣрной женой. И знаешь ли, голубка моя, я начинаю думать, что я не могъ бы полюбить тебя такъ горячо, если бы ты не была такъ религіозна и такъ удивительно похожа сама на праздничный молитвенникъ съ золотыми обрѣзами и въ самомъ изящномъ переплетѣ.

— Я очень рада, милый, что ты пришелъ къ такому заключенію, — отозвалась Адди, смущаемая немножко сомнѣніемъ на счетъ того, не скрывается ли въ словахъ ея возлюбленнаго чего-либо похожаго на добродушную иронию.

— Да, твоя идеальная красота послужитъ для меня, какъ

для художника, новымъ связующимъ звеномъ въ моихъ отноше-
ніяхъ къ тебѣ, какъ къ будущей моей подругѣ жизни,—съ вне-
запною серьезностью прибавилъ Сидней.

— Но, Сидни, вѣдь, ты навѣрно откажешься и отъ прочихъ
твоихъ предубѣжденій,—съ трогательнымъ довѣріемъ проговорила
Адди.

— Ты думаешь? Я начну съ того, что сдѣлаюсь вегетариан-
цемъ. Это поможетъ мнѣ отвыкнуть отъ употребленія мясной пищи,
запрещенной нашей религіей. А знаешь ли, я смотрю на вегета-
рианизмъ, какъ на одинъ изъ самыхъ надежныхъ рычаговъ для
выполненія грандіознаго заговора, составленнаго съ цѣлью обра-
щенія въ еврейство всей вселенной. Но, къ сожалѣнію, я далеко
не такъ наивенъ, какъ нѣкоторые изъ иновѣрцевъ, попадающіеся
въ эту ловушку. Какъ видишь, скептикъ еврей—самый упорный
изъ всѣхъ прочихъ скептиковъ, и про него приходится сказать:
Corruptio optimi pessima. Да, кстати—вѣдь ты, пожалуй, по-
требуешь еще, чтобъ наше бракосочетаніе было совершенно въ си-
нагогѣ?

— Разумѣется,—а гдѣ же иначе?

— Ну, вотъ, только этого не доставало!—съ комическимъ
отчаяніемъ вскричалъ Сидней.—Какая злая насмѣшка судьбы!
Значить, по вступленіи въ бракъ я сейчасъ же сдѣлаюсь синаго-
гальнымъ столбомъ?

— Ну, конечно, тебѣ тоже будетъ отведено мѣсто въ сина-
гогѣ, потому что иначе ты лишишься права и на полученіе мѣста
на еврейскомъ кладбищѣ.

— Богъ мой! Какія злодѣйскія мысли занимаютъ хороше́н-
кую головку моей возлюбленной невѣсты. Впрочемъ, я, пожалуй,
былъ бы не прочь заглядывать иногда въ совѣтъ соединенной си-
нагоги, если бы въ награду за это онъ сообразовалъ отвести
для меня комфортабельную могилу на еврейскомъ кладбищѣ. Но
съ другой стороны, я не могу даже подумать равнодушно о томъ,
что ожидаетъ меня теперь. Я ужъ заранѣе предвижу, съ какимъ

усердіемъ будетъ превозносить меня еврейская пресса, и какіе хвалебныя гимны будутъ пѣть мнѣ наши краснорѣчивые ораторы, которые непремѣнно будутъ называть меня славнѣйшимъ изъ сыновъ израильскихъ и знаменитѣйшимъ художникомъ импрессионистомъ. Я буду дѣлать опредѣленные взносы въ синагогу, а самъ даже и заглядывать въ нее никогда не стану. Однимъ словомъ, я превращусь въ настоящаго филистимлянина и съ подобающей помпой сойду въ могилу, когда пробьетъ мой часъ. Ахъ, Адди, Адди! если бы я взвѣсилъ и сообразилъ все это, то наврядъ ли рѣшился бы предложить тебѣ мою руку и сердце.

— Ну, голубчикъ, мнѣ остается только радоваться тому, что ты ничего этого не взвѣсилъ и не сообразилъ, — сказала Адди, засмѣявшись.

— Ну, вотъ, — ты всегда третируешь меня, какъ пустого краснобаю, — проворчалъ Сидней, прикидываясь обиженнымъ. — И почему это никто не придаетъ серьезнаго значенія моимъ словамъ? Должно быть, потому, что я привыкъ всѣмъ говорить правду въ лицо. Что же касается до тебя, то ты только тогда и удостоила меня серьезнымъ разговоромъ, когда я, объяснившись въ любви, сдѣлалъ тебѣ предложеніе. Такъ, значить, ты думаешь, что мнѣ никакъ нельзя обойтись безъ благословенія раввина?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Ну, хорошо, — пусть будетъ по твоему. Но какъ бы я ни любилъ тебя, дорогая моя, а ни за что не соглашусь превратиться въ достопочтеннаго члена общины, украшающаго свою главу традиціонной высокой шляпой. Да, вѣдь мнѣ, кажется, предстоитъ еще удовольствіе переимѣнить свою теперешнюю фамилію на противную мою старую кличку Самуэля Абраамса.

— Да, Сидни, это тоже необходимо, — съ твердостью возразила Адди и съ нѣжной улыбкой взглянула въ глаза своему возлюбленному, чтобы смягчить свой суровый приговоръ.

— Право, мнѣ кажется, что довольно будетъ и того, что ты переимѣнишь свою фамилію, — тоже съ улыбкой замѣтилъ Сидней.

— Обо мнѣ, пожалуйста, не безпокойся, мой другъ. Я ничего не имѣю противъ фамиліи Абраамсъ и буду носить ее съ особеннымъ удовольствіемъ,—настоячи во прибавила Адди.

Сидней пристально, но молча, взглянулъ сначала на нее, а потомъ на небо, яркія краски котораго начинали понемногу сгущаться, принимая еще болѣе великолѣпный цвѣтъ.

— Знаешь, какой компромисъ я придумалъ? Я сдѣлаюсь членомъ Хасмонейскаго общества, — вдругъ проговорилъ онъ. — Надѣюсь, что ты оцѣнишь тѣ жертвы, которыя я приношу тебѣ, и въ награду за это тоже сдѣлаешь мнѣ одну маленькую уступку. Ты, вѣдь, знаешь, какъ я ненавижу праздные толки о предстоящихъ свадьбахъ; поэтому я предпочелъ бы отложить недѣлю на двѣ оффиціальное объявленіе о нашей помолвкѣ. Благодаря этому, мы избѣжали бы по крайней мѣрѣ лишнихъ сплетней и пересудовъ со стороны нашихъ досужихъ кумушекъ... Да, отчего ты такая во всемъ щепетильная? — прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Адди не совсемъ охотно согласилась на его просьбу. — Это тѣмъ болѣе удивительно, что ты была въ дружбѣ съ такой дѣвушкой, какъ Есфирь... то есть, какъ миссъ Ансель.

— Называй ее, пожалуйста, просто Есфирью въ разговорѣ со мной.

— Да, мнѣ кажется очень страннымъ, что ты не поддавалась вліянію Есфири. Но ужъ этии ты обязана, должно быть, Рафаэлю, который навѣрно отчитываетъ тебя отъ всякихъ лукавыхъ наводженій. Такъ, значить, ты рѣшительно ничего не знаешь о твоей бывшей пріятельницѣ?

— Ровно ничего, кромѣ того, о чемъ я ужъ писала тебѣ. М-ссъ Генри Гольдсмитъ сейчасъ же попросила ее оставить ее дома, какъ только узнала, что она — авторъ этой возмутительной повѣсти, *Мардохей Джозефсъ*. Я, конечно, не рѣшилась разспрашивать м-ссъ Гольдсмитъ объ этой исторіи, потому что это навѣрно было бы ужасно непріятно ей. Рафаэль же увѣ-

рвать, что Есфирь добровольно ушла отъ Гольдсмитовъ; но, вѣдь, онъ тоже ничего не знаетъ навѣрное.

— Ну, я повѣрилъ бы скорѣе тому, что говоритъ объ этомъ Рафаэль, — возразилъ Сидней, хитро подмигивая лѣвымъ глазомъ.— А не пробовала ты наводить справки объ Есфирь?

— Но гдѣ же ихъ наводить?—отозвалась Адди.— Лондонъ такъ великъ, а если она уѣхала куда-нибудь, то разыскать ее теперь еще труднѣе. Въ тому же, если бы она желала продолжать знакомство со мной, то могла бы и сама выслать мнѣ свой адресъ,—съ достоинствомъ замѣтила она въ заключеніе.

— Если бы я захотѣлъ разыскивать ее, то непременно разыскалъ бы,—вполголоса произнесъ Сидней.

— Да, по правдѣ сказать, у меня не было особеннаго желанія разыскивать ее, потому что я нѣсколько разочаровалась въ ней послѣ этой исторіи. Я нахожу, что она дурно отплатила м-съ Гольдсмитъ за ея благодѣянія къ ней. Вотъ что значить имѣть какіе то дикіе взгляды на вещи.

— Ахъ, Адди, Адди, ну, можно ли быть такой узкой моралисткой!—съ упрекомъ вскричалъ Сидней.

— Чѣмъ же я узкая моралистка?—вскричала въ свою очередь Адди, видимо задѣтая за живое. — Я такъ любила Есфирь и до сихъ поръ еще такъ расположена къ ней, что была бы отъ души рада видѣть ее въ числѣ моихъ свадебныхъ подругъ. Но все-таки я нахожу, что она предательски поступила съ нами.

— Пустяки, пустяки! — съ жаромъ проговорилъ Сидней.— Авторъ имѣетъ полное право писать подъ псевдонимомъ. Неужели ты думаешь, что я не предпочелъ бы тоже писать свои картины подъ псевдонимомъ, если бы не считалъ это невыгоднымъ для себя. Но я напередъ знаю, что если я не буду выставлять подъ ними свое имя, то ихъ и цокунать никто не станетъ. Въ томъ то и состоитъ матеріальное преимущество профессіи художника, что, разъ онъ составилъ себѣ имя, его *reputation* будетъ доставлять

ему огромный доходъ, даже и въ томъ случаѣ, если онъ совѣтъ перестанетъ служить искусству.

— Это вульгарная и бездарная книженка, — упрямо прибавила Адди.

— И это опять-таки пустяки. Напротивъ, это хотя и не обработанное, но очень талантливое произведение.

— Ну, если ты такой горячій поклонникъ современныхъ либералокъ, то не лучше ли тебѣ жениться на одной изъ нихъ? — прошептала Адди, задыхаясь отъ слезъ, которыя ручьемъ полились изъ ея глазъ.

— Я непременно такъ и сдѣлалъ бы, душа моя, если бы нелѣпный законъ о многоженствѣ не ограничивалъ мои матримониальныя поползновенія.

— Я не позволю вамъ обращаться со мной, какъ съ глупой дѣвочкой! — съ негодованіемъ вскричала Адди, и вставъ съ своего мѣста, съ горделивымъ видомъ отвернулась въ сторону.

Сидней съ загадочной улыбкой взглянулъ на нее и, полюбовавшись съ минуту величественной позой своей прогнѣванной невѣсты, быстро схватилъ ея за руку, несмотря на ея сопротивление.

— Ну, полно, полно, дорогая моя! — съ умоляющимъ видомъ сказалъ онъ. — Ревность — это грозовое облачко въ любви — конечно, служить однимъ изъ самыхъ нормальныхъ проявленій ея; но согласишься сама, что въ этомъ случаѣ она проявляется ненормально преждевременно.

Онъ съ такою нѣжностью смотрѣлъ на нее, тихо пожимая ей руку, что Адди покорно сѣла опять на свое мѣсто, чувствуя себя безгранично счастливой и не находя даже словъ для передачи тѣхъ сладостныхъ ощущений, которыми было переполнено ея любящее сердце.

Сидней тоже молчалъ нѣсколько минутъ, погруженный въ свои думы.

— Если ты такъ строго осуждаешь Есфирь за ея, какъ ты

говоришь, „нелѣпые взгляды на вещи“, то какъ же ты могла полюбить меня? — спросилъ онъ, наконецъ. — Право, я не понимаю этого.

Адди сдѣлала видъ, что не слыхала его вопроса.

— Скажи по правдѣ, вѣдь, въ глубинѣ твоего невиннаго сердечка, ты считаешь меня самымъ злостнымъ и закоренѣлымъ безбожникомъ?

— Право, мы останемся безъ чая, по твоей милости, — тревожно пролепетала Адди.

— Нѣтъ, ты отвѣть мнѣ сначала на мой вопросъ, — настойчиво повторилъ Сидней.

— Ахъ, Сидни, какой ты несносный! Пойдемъ лучше чай пить.

— Нѣтъ, я не отстану отъ тебя до тѣхъ поръ, пока ты не отвѣтишь мнѣ.

— Посмотри, какъ заколыхалась вода, — должно быть, тамъ ныряетъ водяная крыса.

— Оставь въ покоѣ водяную крысу и скажи мнѣ только одно — вѣдь, ты считаешь меня самымъ злостнымъ и закоренѣлымъ безбожникомъ? Да, или нѣтъ?

— Да, — коротко и чуть слышно проговорила Адди.

Сидней, казалось, совершенно удовлетворился этимъ отвѣтомъ и опять погрузился въ свои думы, которыя на этотъ разъ были проникнуты совсѣмъ несвойственнымъ ему смирениемъ. Ему казалось просто непостижимымъ, какъ могъ онъ сдѣлаться божествомъ такой безукоризненной жрицы, — да и былъ ли на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, который заслуживалъ бы любви этого чистаго существа?

Вдругъ онъ вспомнилъ, что ни слова не сказалъ еще ей о своемъ сватовствѣ къ миссъ Ганнибалъ, но онъ сейчасъ же задать себѣ вопросъ — стоитъ ли смущать ея невинную душу рассказомъ о безразсудствахъ его молодости? Нѣтъ, лучше любоваться красотой этой нѣжной розы, наслаждаясь ея чуднымъ ароматомъ и

позабывъ обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ блаженства настоящей минуты, которое тоже померкнетъ, какъ меркнетъ теперь заходящее солнце.

Такъ Адди и не пришлось выслушать исповѣдь своего жениха.

ГЛАВА XV

Д у ш а в ъ д у ш у.

Въ ту же самую пятницу, какъ Перси Севилль неожиданно вернулся въ городъ, Рафаэль Леонъ съ усталымъ видомъ сидѣлъ въ своемъ редакторскомъ креслѣ, отдыхая отъ трудовъ праведныхъ съ дымившейся трубкой въ зубахъ. Онъ развлекался еженедѣльными своимъ занятіемъ по пятницамъ, просматривая враждебныя еврейскія газеты и подводя итоги упущеніямъ, сдѣланнымъ „Иудейскимъ Стагомъ“ по части сообщенія новостей, отдѣлъ которыхъ составлялся его бойкимъ, но легкомысленнымъ помощникомъ, Маленькимъ Самсономъ. Въ счастью, на этотъ разъ молодой редакторъ не усмотрѣлъ въ своей многогрѣшной газетѣ никакихъ вопіющихъ пробѣловъ, недочетовъ и промаховъ, приводившихъ его иногда въ неописуемое волненіе.

Приходъ неожиданнаго гостя отвлекъ его отъ этого интереснаго занятія.

— А, это вы, Стрелицкій! Наконецъ то вы заглянули ко мнѣ, — вскричалъ видимо обрадованный Рафаэль, подходя къ знаменитому проповѣднику и дружески пожимая ему руку, обтянутую черной перчаткой. Но тутъ его оживленное лицо слегка отуманилось, и онъ съ сокрушеніемъ продолжалъ: — Вы зашли, должно быть, чтобъ побранить меня хорошенько за то, что я ни слова не отвѣтилъ на вашу просьбу—сказать рѣчь при раздачѣ наградъ въ вашемъ духовномъ училищѣ? Но право же, у меня не было буквально ни одной свободной минуты. Меня и такъ ужъ совѣсть замучила совѣсть за всѣ нравственные долги и обязательства, лежащія на мнѣ. Но вы такое совершенство, что вамъ

наврядъ ли приходилось испытывать тяжкое бремя подобныхъ ощущеній. Я, впрочемъ, и самъ не понимаю, какъ можетъ человѣкъ мириться съ этой пыткой, вмѣсто того, чтобы разомъ положить ей конецъ, исполнивъ тотчасъ же то, что предписываетъ ему совѣсть. Но, должно быть, человѣкъ неисправимъ въ этомъ отношеніи, — прибавилъ онъ въ заключеніе, съ меланхолическимъ видомъ прикладываясь къ своей трубкѣ.

— Да, должно быть, — съ разсѣяннымъ видомъ отозвался Стрелицкій.

Рафаэль быстро взглянулъ на своего молчаливаго гостя, и смѣхъ невольнаго замеръ на его губахъ, когда онъ замѣтилъ суровое выраженіе его лица.

— Да не опоздалъ ли ужъ я съ моею рѣчью и не пропустилъ ли дня раздачи наградъ?—съ растеряннымъ видомъ вскричалъ онъ, но тотчасъ же успокоился, сообразивъ, что Маленькій Самсонъ не могъ бы упустить изъ вида такое важное событіе, какъ раздача наградъ въ духовной школѣ, и непременно помѣстилъ бы отчетъ о немъ въ газетѣ.

— Нѣтъ, это будетъ въ слѣдующее воскресенье, — угрюмо сказала Стрелицкій и съ невольной дрожью въ голосѣ прибавилъ:— но я зашелъ къ вамъ не для того, чтобы напомнить о своей просьбѣ, а чтобы спросить васъ, неизвѣстно ли вамъ чего-нибудь о миссъ Ансаль?

Рафаэль вспыхнулъ и замѣтно смутился при имени своей бывшей сотрудницы, котораго онъ не могъ теперь слышать безъ тайнаго сердечнаго трепета. Пробормотавъ въ отвѣтъ что то безсвязное, онъ, однако, тотчасъ же оправился, вынулъ трубку изъ рта и уже болѣе спокойнымъ тономъ прибавилъ:

— Но отъ кого же и какимъ образомъ могъ бы я узнать что-нибудь о миссъ Ансаль?

— А я надѣялся получить отъ васъ какія-нибудь свѣдѣнія о ней, — продолжалъ Стрелицкій, но такимъ тономъ, по которому,

однако, не замѣтно было, чтобы его очень неприятно поразило то, что онъ ошибся въ своемъ расчетѣ.

— Почему же это?

— Потому что она писала критическія статьи для вашей газеты.

— Отъ кого же вы слышали объ этомъ?

— Отъ м-ссы Генри Гольдсмитъ.

— А-а, — какъ то неопредѣленно протянулъ Рафаэль.

— Я думалъ, что она, можетъ быть, продолжаетъ сотрудничать у васъ, и завернулъ къ вамъ мимоходомъ, чтобы разспросить, гдѣ она находится теперь, — намъ удалось бы придумать что-нибудь для облегченія ея печальнаго положенія.

— Къ сожалѣнію, я рѣшительно ничего не знаю о ней, — медленно и какъ бы въ раздумьи отвѣтилъ Рафаэль. — А развѣ вы имѣете какія-нибудь особенныя причины, заставляющія васъ тревожиться за ея судьбу?

У него вдругъ возникло смутное, но страшно мучительное подозрѣніе. Какъ человекъ мало наблюдательный, онъ не обратилъ никакого вниманія на разстроенный видъ Стрелицкаго, и замѣтилъ только, что онъ былъ какъ то особенно печаленъ и неразговорчивъ. Но теперь его невольно поразило измученное и страдальческое выраженіе его лица: глаза его горѣли почти лихорадочнымъ блескомъ, а въ черныхъ неприглаженныхъ кудряхъ просвѣчивали серебряныя нити преждевременной сѣдины. „Что бы это значило? И почему онъ принимаетъ такое горячее участіе въ положеніи Есфири?“ съ недоумѣніемъ думалъ онъ, волнуемый, съ одной стороны, какимъ то тайнымъ раздраженіемъ, а съ другой — сердечнымъ участіемъ къ своему другу.

— Нѣтъ, особенныхъ причинъ тревожиться за миссъ Ансель я не имѣю, — сдержанно возразилъ Стрелицкій. — Но она была членомъ моей конгрегаціи, и я всегда принималъ въ ней участіе, которое, разувѣтается, нисколько не уменьшилось, когда я узналъ, что она была авторомъ этой сенсационной повѣсти, благодаря ко-

торой она вынуждена была порвать всякую [связь съ здѣшнимъ обществомъ. Я нахожу, что со стороны м-ссы Генри Гольдсмита было просто безчеловѣчно выпроводить ее вонъ и бросить на произволъ судьбы. На талантливую натуру слѣдуетъ смотрѣть съ болѣе широкой точки зрѣнія.

— Но кто же вамъ сказалъ, что м-ссы Генри Гольдсмита заставила ее оставить ея домъ?—съ жаромъ спросилъ Рафаэль.

— Да сама м-ссы Генри Гольдсмита, — отозвался нѣсколько озадаченный Стрелицкій.

— Ну, такъ я скажу вамъ, что это самая безсовѣстная и возмутительная ложь! — не помня себя отъ гнѣва, закричалъ Рафаэль, энергично размахивая руками. — Съ этихъ поръ, я не переступлю порога этой женщины, а если случайно встрѣчусь съ ней, то не пощажу ее высказать ей въ глаза мое мнѣніе о ней.

— Какъ же это — значить, вы все же имѣете свѣдѣнія о миссъ Ансель? — спросилъ еще болѣе удивленный Стрелицкій.

Рафаэль во тѣмъ — это необычайное явленіе казалось ему тѣмъ болѣе страннымъ, что, по мнѣнію друзей и знакомыхъ редактора „Иудейскаго Стига“, гнѣвъ не принадлежалъ къ числу его природныхъ свойствъ.

— Нѣтъ, я ничего не слышалъ о ней съ тѣхъ поръ, какъ она ушла отъ Гольдсмитовъ; но я видѣлъ ее нѣсколько раньше, и она сама говорила мнѣ, что собирается оставить ихъ домъ. Никто и не подозрѣвалъ даже, что она авторъ *Мардохея Дожожбса*, и навѣрно никто и никогда не узналъ бы этого, если бы она сама не открыла своего псевдонима.

Стрелицкій выслушалъ своего друга съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Значить, она добровольно обрекла себя на нищету, — дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ онъ. — Но что же заставило ее рѣшиться на это?

— Это я, пожалуй, могу объяснить вамъ, не нарушая дружескаго довѣрія, которое она оказывала мнѣ иногда, — вполголоса

отвѣтилъ Рафаэль. — Видите-ли, се, кажется, давно уже мучила мысль о ея зависящемъ положеніи у Гольдсмитовъ, и это непріятное сознаніе тяжелымъ бременемъ лежало у нея на сердцѣ. Впрочемъ, теперь я вполне понимаю, какъ непріятна должна быть зависимость отъ такой особы, какъ и-съ Генри Гольдсмитъ, въ особенности для такой чуткой и интеллигентной дѣвушки, какъ миссъ Ансаль.

— Но куда же она исчезла, наконецъ?—въ сильнѣйшей тревогѣ спросилъ опять Стрелицкій.

— Право, не знаю, — тоже съ разстроеннымъ видомъ отозвался Рафаэль. Никогда не останавливающееся колесо журналиста, — этотъ новый видъ непрерывной и нескончаемой работы Сизифа, — уносило его все дальше и дальше впередъ, не давая ему возможности ни омониться, ни оглянуться назадъ. Дни шли за днями и недѣли за недѣлями, а онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ розысканію несчастной дѣвушки, въ судьбѣ которой онъ принималъ такое живое участіе, и теперь, внезапно пробужденный отъ сновывавшей его летаргіи, онъ съ сердечной болью думалъ, что, можетъ быть, навсегда потерялъ ее изъ вида.

— Да, ей, бѣдняжкѣ, конечно, не легко живется теперь, — со вздохомъ продолжалъ онъ. — Вѣдь, она осталась рѣшительно одна на свѣтѣ и, вѣроятно, перебивается какъ нибудь на литературные заработки. Она говорила, что какія бы неудачи и лишения ни ожидали ее впереди, но она непремѣнно хочетъ жить собственнымъ трудомъ. — Тутъ голосъ его оборвался, и онъ въ глубокомъ уныніи опустилъ голову внизъ. Слушатель его тоже былъ такъ потрясенъ, что не въ состояніи былъ выговорить ни одного слова,

— Бѣдная, беззащитная дѣвушка! — съ глухимъ стономъ произнесъ, наконецъ, Стрелицкій, и, закрывъ себѣ лицо руками, круто отвернулся отъ своего друга, который не могъ не замѣтить, какъ судорожно вдрагивали его плечи. У Рафаэля тоже навернулись слезы на глазахъ. Ревнивыя догадки и предположенія и всякія

мелкія чувства разомъ стихли въ его сердцѣ, вытѣсенныя охватившей его тревогой за судьбу несчастной дѣвушки.

Наконецъ, Стрелицкій отнялъ руки отъ своего разгорѣвшагося лица и опять повернулся къ своему другу.

— Такъ могла поступить только дѣвушка съ недюжинной натурой, и я убѣжденъ, что она выйдетъ побѣдительницей изъ предстоящей ей борьбы, — отрывисто заговорилъ онъ. — Да, эта живая душа не погразнетъ въ тинѣ житейской, и ея благородный призывъ послужитъ поддержкой и для другихъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось хоть разъ въ жизни высказаться передъ ней; но я знаю, что она не долюбливаетъ меня и не довѣряетъ мнѣ. Она считаетъ меня безсовѣстнымъ лицемеромъ и продажнымъ краснобаемъ. Мало того, я замѣчалъ даже, что она чувствуетъ какое-то инстинктивное отвращеніе ко мнѣ. Вѣдь, это такъ — не правда-ли? Вы были въ дружескихъ отношеніяхъ съ ней и, вѣроятно, слышали ея мнѣніе обо мнѣ.

— Я думаю, что она предубѣждена скорѣе противъ вашей профессіи, чѣмъ противъ васъ самихъ, — отвѣтилъ Рафаэль, съ непритворнымъ участіемъ взглянувъ на знаменитаго проповѣдника.

— Клянусь Богомъ, она имѣетъ полное право презирать меня за эту вивѣску моей позорной профессіи! — въ порывѣ страстнаго отчаянія вскричалъ Стрелицкій, сорвавъ съ себя бѣлый таларъ и швырнувъ его на полъ. — А между тѣмъ, я знаю, что между нами существуетъ духовная связь, основанная на взаимномъ страданіи. Я прочелъ это въ ея глазахъ, какъ ни отвертывалась она отъ меня и какъ ни избѣгала моихъ взглядовъ. Не смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ, Леонъ, и не думайте, что я сомнѣю съ ума. Я знаю, что могу открыть вамъ свою душу, потому что вы не похожи на прочихъ людей. Но неужели вы и сами не догадывались, что этотъ проклятый таларъ отравилъ самыя лучшіе годы моей жизни и отравляетъ ее до сихъ поръ? Но теперь я твердо рѣшился положить этому конецъ. Леонъ, другъ мой, возьмите перо и бумагу и напишите, что я продиктую вамъ:

„Считаюмь долгомъ извѣстить нашихъ читателей, что, по дошедшимъ до насъ свѣдѣнїямъ, достопочтенный Юсифъ Стрелицкїй покидаетъ постъ, занимаемый имъ при Кенсингтонской синагогѣ“.

Рафаэль машинально набросалъ это лаконическое заявленїе и только тогда понялъ настоящїй его смыслъ, когда дописалъ послѣднее слово.

— Неужели вы серьезно думаете отказаться отъ своего мѣста?— съ озадаченнымъ видомъ спросилъ онъ.

— Совершенно серьезно. Я не могу больше мириться съ своимъ положенїемъ... *не могу* — поймите это, Леонъ. Я теперь уже не тотъ, какимъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда занялъ теперешнее свое мѣсто. Я много передумалъ и пережилъ за это время, а жизнь мѣняетъ людей. Застой, вѣдь, смерть. Этого вы, конечно, не станете отрицать, потому что вы и сами измѣнились,— я читаю это между строками вашихъ передовыхъ статей.

— Не лучше-ли было бы читать не между строками, а то что написано въ самихъ строкахъ?— съ грустной усмѣшкой отозвался Рафаэль.— Житейскїй опытъ, правда, измѣнилъ нѣсколько мои взгляды на вещи, но я никогда не замаскировываю моихъ мнѣнїй.

— Сознательно, можетъ быть, и нѣтъ;]но все-таки замѣтно, что вы сдерживаете полетъ вашей мысли.

— Вѣрно, что я не всегда умѣю уловить ее и передать въ точности,—какъ бы про себя замѣтилъ Рафаэль.—Но чтобы вы ни говорили о себѣ, и какъ бы ни измѣнила васъ жизнь, а все же я надѣюсь, что вы не утратили вѣры въ основные принципы нашей религїи?

— Нѣтъ, не утратилъ, по крайней мѣрѣ въ то, что я считаю этими основными принципами.

— Такъ зачѣмъ же вы хотите отказаться отъ такой благородной дѣятельности, какъ дѣятельность проповѣдника, который можетъ принести столько пользы своимъ братьямъ? А васъ, къ тому же, такъ любятъ и такъ уважаютъ ваша конгрегація.

Стрелицкій зажалъ себѣ уши руками.

— Замолчите, ради Бога, замолчите и не берите на себя роль *advocatus diaboli*! — пылко проговорилъ онъ. — Неужели вы думаете, что я не повторялъ себѣ того же самого сотни разъ, и не прибѣгалъ ко всевозможнымъ успокоительнымъ средствамъ? Нѣтъ, нѣтъ, я и слушать не стану васъ, если вы вздумаете настаивать на своемъ, — я и безъ того такъ малодушонъ и слабъ. Дайте мнѣ лучше вашу руку и поклонитесь, что параграфъ, продиктованный мной, появится въ слѣдующемъ же номерѣ вашей газеты. До тѣхъ поръ остается еще цѣлая недѣля, и я сто разъ могу передумать и измѣнить свое намѣреніе; поэтому вы должны дать мнѣ слово, что напечатаете мое заявленіе даже и въ томъ случаѣ, если бы я самъ попросилъ васъ уничтожить его. Тогда я успокоюсь по крайней мѣрѣ и уйду отъ васъ съ увѣренностью, что эта мучительная борьба кончилась навсегда.

— Но... — началъ было Рафаэль.

Стрелицкій круто повернулся къ нему, сдѣлавъ нетерпѣливый жестъ рукой.

— Господи, какая пытка! — порывисто вскричалъ онъ. — Леонъ, другъ мой, неужели вы не понимаете въ какомъ двухъ-лиценномъ положеніи я нахожусь? Неужели вамъ никогда не приходило въ голову, что моя профессія дѣлаетъ меня чѣмъ-то въ родѣ некорнѣйшаго слуги раввината, блюстителя отжившихъ свое время обрядностей, раба сухого *Shulchan Aruch* и наемнаго панегириста богачей? Мы, вѣдь, люди новаго поколѣнія и новыхъ вѣяній, — продолжалъ онъ уже болѣе спокойнымъ тономъ и съ обычнымъ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. — Возможно-ли, чтобы еврейство осталось совершенно въ сторонѣ отъ лихорадочнаго движенія современнаго скептицизма, бурныя волны котораго если не потопятъ религію, то вынесутъ ее на поверхность житейскаго моря омывтой и очищенной отъ развѣдающей ее ржавчины? Нѣтъ, это тѣмъ болѣе не вѣроятно, что мы, евреи, благодаря нашему критическому уму, живой воспримчивости и проникаемости, всегда

являемся первыми послѣдователями новыхъ идей. Но къ сожалѣнію, большинство нашихъ единовѣрцевъ состоитъ или изъ лицемѣровъ, или—что еще того хуже—изъ абсолютно индифферентныхъ людей. Индифферентизмъ, по моему, самый худшій и самый закоренѣлый видъ нечестія. Да, индифферентизмъ и лицемѣріе, которыми только и держится наше правовѣріе, губятъ еврейство.

— Я не совсѣмъ согласенъ съ вами,—отвѣтилъ Рафаэль.— Если хотите, я допускаю, что скептицизмъ лучше полного застоя; но я рѣшительно не понимаю, почему вы смотрите на правовѣріе, какъ на антитезу еврейству. Одухотворенное правовѣріе,—а ваши проповѣди вѣдь тоже служатъ къ одухотворенію его..

— Одухотворенное правовѣріе—это одинъ пустой звукъ,—съ жаромъ перебилъ его Стрелицкій.— Наше правовѣріе представляетъ такую ритуальную путаницу, въ которой и разобраться невозможно. Да къ тому же обрядность, служившая основой для религіи древняго міра, утратила всякое значеніе въ наше время.

— Но еврейская обрядность проникнута такимъ возвышеннымъ символизмомъ, и ея предписанія приводятъ насъ къ самымъ полезнымъ результатамъ. Наша обрядность служитъ прочнымъ фундаментомъ для нашей религіи.

— Скорѣе гробомъ,—язвительно замѣтилъ Стрелицкій.— Религіозная обрядность стремится все окаменить и все превратить въ *rigor mortis*. Это крайне опасный элементъ, создающій лицемѣровъ и фарисеевъ и способствующій процвѣтанію желѣзныхъ законовъ и догматовъ. Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы потѣшаться виѣстѣ съ христіанами надъ страстью евреевъ подводить все подъ букву закона, тѣмъ болѣе, что и христіанинъ тоже не можетъ сдѣлать шага впередъ безъ того, чтобы не запутаться въ сѣтяхъ своего собственнаго законодательнаго устава. Нѣтъ, наша обрядность въ сущности представляетъ не что иное, какъ первобытную смѣсь всякой всячины, приплетенной къ религіи въ силу теоретическаго принципа. Что же касается до Моисеева кодекса,

то онъ послужилъ основой для гражданскаго закона, которыми онъ былъ замѣненъ.

— Да, современный міръ какъ будто умышленно стремится разобщить религію съ жизнью, — возразилъ Рафаэль. — У насъ нѣбются два разряда принциповъ: одинъ — для будничнаго обихода, а другой — для праздничнаго. Мы подталкиваемъ впередъ безпощадный механизмъ спроса и предложенія, руководствуясь языческими принципами, и пополняемъ недочеты изъ кружки для бѣдныхъ.

Стрелицкій задумчиво тряхнулъ головой.

— Вся бѣда состоитъ въ томъ, что мы до сихъ поръ еще думаемъ, что для насъ главная суть состоитъ не въ расширеніи нашего умственнаго кругозора, а въ обвѣшиваніи себя филиактеріями, — проговорилъ онъ. — Потому-то мнѣ и хотѣлось бы многое передѣлать въ великомъ трудѣ нашихъ раввиновъ, что я преклоняюсь передъ нимъ настолько же, насколько и вы. Да, это были замѣчательные политики, которые и сами не сознавали всей исторической важности того зданія, которое они сооружали. Обратите вниманіе хотя бы на кропотливый и упорный трудъ нашихъ суетвѣрныхъ фанатиковъ, сосчитавшихъ каждую букву нашего закона и сохранившихъ его текстъ въ полной неприкосновенности для изслѣдованія современной науки. Если хотите, наши раввины дѣйствительно изготовили прочный футляръ для сохраненія нашей наследственной драгоценности, но за то они скрыли въ немъ ея блескъ. Но намъ пора ужъ вынуть эту драгоценность изъ подъ спуда и открыто носить ее на груди. Раввины трудились для своего времени, а мы должны потрудиться для нашего. Еврейство возникло прежде раввиновъ, и ученая критика свидѣтельствуетъ, что его идеи прогрессировали по мѣрѣ того, какъ прогрессировало все живущее на землѣ, Основной принципъ іудейства слышится даже въ восклицаніи патриарха Авраама: „Можетъ-ли Судья всей вселенной поступить неправильно?“ Точно также и въ громахъ синайскихъ уже звучитъ негодующій протестъ развивающагося нравственнаго самосознанія. Наши великіе люди всѣхъ временъ и поколѣній

употребляли всё ивры къ тому, чтобы расширить и усовершенствовать тенденціи еврейства, — почему же бы ему не пойти теперь по слѣдамъ современной культуры, тѣмъ болѣе, что въ противномъ случаѣ ему угрожаетъ смерть. Да, смерть! А мы и знать ничего не хотимъ, кромѣ соблюденія пустыхъ обрядностей. Нѣтъ, съ этихъ поръ я дамъ себѣ слово прямо и открыто высказывать то, что я думаю. Довольно ужъ я усыплялъ свою совѣсть разными газетными статьями безъ подписи, — я не хочу больше играть роль анонимнаго апостола.

Онъ сильно разгорячился, произнося свой монологъ, и рѣчь стремительнымъ, какъ будто внезапно прорвавшимся потокомъ срывалась съ его губъ. Взволнованный до глубины души, онъ походилъ въ эту минуту на гиганта, пытающагося сбросить съ себя скопившіяся его цѣпи. Рафаэль казался тоже крайне смущеннымъ и рѣшительно не зналъ, какъ поступить въ этомъ критическомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что онъ заранѣе предвидѣлъ, какой переполохъ произведетъ въ общинѣ отказъ его друга отъ занимаемаго имъ мѣста. Какъ человекъ нѣсколько консервативный отъ природы, онъ склоненъ былъ видѣть и хорошія стороны въ существующемъ порядкѣ вещей, поэтому готовъ былъ сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы отклонить своего друга отъ задуманнаго имъ шага, хотя, съ другой стороны, не могъ не понимать и не сочувствовать его нравственнымъ страданіямъ.

— Ради Бога, не дѣлайте ничего спораха, — тономъ задушевнаго участія возразилъ онъ. — Право, вы такой же отчаянный пессимистъ, какъ и миссъ Ансель, и смотрите на наше положеніе ужъ съ слишкомъ мрачной стороны. Конечно, оно и имѣ представляетъ далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Но вы — а вмѣстѣ съ вами и всё идеалисты — совершенно упускаете изъ вида нѣкоторыя усложнительныя явленія нашей общественной жизни. Неужели вы серьезно думаете, что правовѣріе утратило всю свою нравственную силу и находится при послѣднемъ своемъ издыханіи? Неужели вы не замѣчаете въ нашемъ общественномъ строѣ никакихъ признаковъ

здоровой жизни, представляемой бытомъ цѣлыхъ тысячъ счастливыхъ семей, состоящихъ изъ скромныхъ и мирныхъ гражданъ, которые хотя и не могутъ назваться ни особенно культурными, ни безукоризненно добродѣтельными, но все же имѣютъ право быть причисленными къ разряду скорѣе хорошихъ, чѣмъ дурныхъ людей. Нельзя же требовать, чтобы герои и великіе люди попадались между нами въ такомъ же обиліи, какъ грибы въ березовой рощѣ послѣ дождика...

— Да, но не забудьте, что мы выдаемъ себя за свидѣтелей Вожихъ,—перебилъ его Стрелицкій.—Вѣдь, подобная претензія служить какъ бы вывѣской нашей круглой невѣжественности передъ цѣлымъ міромъ.

— Нѣкоторая отсталость отъ современной цивилизаціи не служить еще признакомъ круглой невѣжественности, — съ жаромъ вскричалъ Рафаэль и, быстро вставъ съ мѣста, принялся большими шагами расхаживать по своему кабинету. — Мнѣ кажется, что въ библейскомъ сказаніи о волахъ, предоставленныхъ самимъ собою и благополучно доведшихъ ковчегъ завѣта, куда слѣдовало, — заключается весьма поучительный урокъ. Право, образованіе иногда скорѣе помрачаетъ, чѣмъ просвѣщаетъ человѣческій разумъ.

— Ахъ, Леонъ, Леонъ! Вѣдь, вы кончите, пожалуй, тѣмъ, что сдѣлаетесь настоящимъ фанатикомъ, — съ упрекомъ замѣтилъ Стрелицкій.

— Ну это мы еще увидимъ, — со смѣхомъ отозвался Рафаэль.— Но мнѣ такъ надоѣло общее преклоненіе передъ современной культурой, что я, дѣйствительно, на этотъ разъ кажется немножко пересолилъ. Я потому-то и люблю такъ горячо наше еврейство, что оно такъ человѣчно, такъ чуждо всякихъ отвлеченностей, и проповѣдуетъ намъ такой идиллическій, чисто братскій образъ жизни, освященный вѣками. Я, конечно, не отрицаю, пользы образованія, — въ Талмудѣ тоже сказано, что міръ держится учащими юношествомъ. Но у насъ ужъ такъ много толковали и толкуютъ объ этомъ, что разсужденія на эту тему сдѣ-

кались похожими на избитыя фразы, которыя подъ часъ производятъ какое-то болѣзненное дѣйствіе на мои нервы.

— Неужели вы смотрите на вещи съ узкой точки зрѣнія самаго закоренѣлаго еврейства?

— Я все-таки предпочитаю эту точку зрѣнія не менѣе узкимъ взглядамъ современнаго парижанина, свидѣтельствующимъ объ упадкѣ общественныхъ нравовъ. Образчикомъ такого парижанина можетъ служить мой кузень, Сидней, увѣряющій, что еврей распространяетъ вокругъ себя какой-то томительный недугъ, въ родѣ головной боли. И замѣтите, что при этомъ какъ будто совершенно игнорируется грубая порочность всего языческаго міра, царящая и въ Азін, и въ Африкѣ, и въ Полинезін, гдѣ до сихъ поръ процвѣтаетъ идолопоклонство, убійство и всевозможныя звѣрства и беззаконія.

— Но развѣ цивилизованный міръ лучше одичалаго міра варваровъ? Обратите вниманіе на алчность дѣловаго люда, на себялюбіе, продажность и лицемеріе общества, на проституцію души и тѣла. Нѣтъ, историческая миссія евреевъ еще не кончилась. Дополняйте гебраизмъ, сколько угодно, съ помощью эллинскихъ идеаловъ, но еврейскіе идеалы все-таки останутся неприкосновенными. Безъ водворенія справедливости на землѣ, не можетъ держаться прочно никакое царство. Міръ давно ужъ жаждетъ простой и ясной вѣры, которая служила бы опорой какъ для науки, такъ и для разума, и несчастный родъ человѣчскій въ своемъ отчаяніи дошелъ до того, что обратился къ столоверченію и вызыванію духовъ. Такимъ образомъ, теперь настало самое удобное время для дѣятельности еврейства. Но мы должны прежде всего выйти изъ своего замкнутаго положенія и расширить нашу проповѣдь, сдѣлавъ ее общедоступной.

— Но вы только формулируете ортодоксальныя идеи и воззрѣнія на этотъ вопросъ, — вставилъ Рафаэль.

— Можетъ быть, — отозвался Стрелицкій. — Но наши ортодоксальныя идеи почти никогда не выходятъ изъ области идей, а

такъ какъ я не безусловно правовѣрный еврей, то нахожу, что намъ пора ужъ начать примѣнять ихъ къ дѣлу. Теперь еврейскій проповѣдникъ долженъ обращаться не къ одной только Бенсингтонской конгрегаціи, а ко всему міру. Можетъ быть, и Бенсингтонская конгрегація, увидавъ, что міръ слушаетъ его, тоже сочтетъ не лишнимъ послѣдовать данному ей примѣру, — съ горечью прибавилъ онъ.

— Но вѣдь ваша конгрегація и теперь слушаетъ васъ, — замѣтилъ Рафаэль.

— Я давно уже убѣдился въ томъ, что это одна пріятная иллюзія, которой я слишкомъ долго тѣшилъ себя въ своемъ фальшивомъ положеніи. Повѣрьте, что, какъ бы ни цѣнила и ни уважала меня моя конгрегація, но она все-таки ни на минуту не забываетъ, что я ея наемникъ. Конечно, я пользуюсь такимъ почетомъ въ обществѣ, какимъ оно не удоставляетъ ни одного изъ моихъ собратьевъ по профессіи; но это объясняется просто тѣмъ, что я имѣю счастье быть проповѣдникомъ самой богатой и фешенебельной конгрегаціи; въ глубинѣ же души, моя паства смотритъ на меня, какъ на своего покорнѣйшаго слугу, нанятаго по контракту на извѣстный срокъ. И пока я ношу на себѣ отличительный знакъ моей официальной профессіи, я не могу и не смѣю даже высказывать того, что я думаю, — это было бы нечестно и повергло бы просто въ ужасъ мою конгрегацію. Бороще говоря, проповѣдникъ находится въ такомъ же точно положеніи, какъ и благоразумный редакторъ-издатель, — каковыми васъ лично никакъ нельзя назвать: не онъ направляетъ свою публику, куда считаетъ нужнымъ, а она тащитъ его за собой, куда ей вздумается. Онъ долженъ инстинктивно подвигаться впередъ, осторожно лавируя между провалами и пропастями, попадающимися ему на пути. Пусть же Бенсингтонская конгрегація ищетъ для себя болѣе подходящаго проповѣдника, который, не смущаясь, будетъ служить эхомъ ея собственнаго голоса. Недостатка въ кандидатахъ на мѣсто съ такимъ прекраснымъ вознагражденіемъ, конечно, не

будеть. Что же касается до меня, то я рѣшительно не могу примириться съ своей иезуитской ролью, какъ ни старался я увѣрить себя, что занимаю самый полезный духовный постъ.

— Но вѣдь вы же и въ самомъ дѣлѣ занимаете неоспоримо полезный духовный постъ, — проговорилъ Рафаэль.

— Можетъ быть, вы и правы. Вы спокойнѣе, хладнокровнѣе и терпливѣе меня, — однимъ словомъ, вы англійскій, а я русскій еврей, и моя натура требуетъ живого дѣла. Въ Россіи изъ меня, вѣроятно, вышелъ бы нигилистъ, но никакъ не философъ. Я всегда поступаю такъ, какъ подсказываетъ мнѣ чувство, а между тѣмъ, я просто задыхаюсь въ окружающей меня атмосферѣ. Мнѣ казалось, что я точно ожилъ, когда я переселился сюда изъ Россіи, такъ легко мнѣ дышалось когда-то здѣсь. А теперь я опять чувствую себя, какъ невольникъ, связанный по рукамъ и по ногамъ. Неужели вы ничего не подозревали о той мучительной борьбѣ, которую я давно ужъ переживаю и на которую я не разъ намекалъ вамъ? Но я сброшу съ себя свои дѣли и опять сдѣлаюсь свободнымъ человекомъ, имѣющимъ право высказывать каждую свою мысль. Миръ Божій такъ широкъ, но сами то мы такъ мелки и ничтожны! Я не сразу почувствовалъ тяжесть цѣпей, которыя я надѣлъ на себя. Нѣтъ, я носилъ ихъ сначала съ такой радостью, какъ будто это были цвѣточныя гирлянды, потому что я вѣрилъ всему, что я проповѣдывалъ моею паствѣ. Но мало по малу, эти цвѣточныя гирлянды начали тяготить меня, какъ желѣзныя оковы. Жизнь измѣнила меня; я сталъ глубже вникать въ окружающія меня явленія и, въ концѣ концовъ, убѣдился, что мои надежды вліять на англійское еврейство должны быть отнесены къ числу пріятныхъ, но несбыточныхъ мечтаній. И несмотря на это, въ моей жизни были минуты, когда мои тяжелыя оковы опять превращались въ душистыя гирлянды. Въ преклоненіи толпы, въ громкой популярности, въ матеріальномъ благополучіи, вѣдь, такъ много соблазна, усыпляющаго душу и уносящаго ее въ міръ чудныхъ грезъ на яву. Да, я воображалъ

когда-то, что занимаю возвышенный духовный постъ, но ваше англійское еврейство разсѣяло мои иллюзіи на этотъ счетъ. Оно такъ меркантильно, что ничѣмъ не можетъ интересоваться, кромѣ финансовыхъ вопросовъ. Если соединенная синагога и хлопочетъ о поддержаніи правовѣрія въ вашей общинѣ, то потому только, что она состоитъ изъ капиталистовъ, имѣющихъ въ добавокъ откупныя мѣста на кладбищѣ. Какое, однако, печальное и знаменательное явленіе представляетъ религія, почерпаящая свою силу въ кладбищахъ. Здѣсь деньги служатъ единственнымъ средствомъ для достиженія почета и власти, и грубый перстъ капитала тяготѣетъ и надъ воспитаніемъ, и надъ богослуженіемъ, и надъ всѣмъ строимъ общественной жизни. Въ моемъ отечествѣ, и даже въ здѣшнемъ гетто, евреи хотя и не пренебрегаютъ деньгами, но все же истинное благочестіе и ученая профессія даютъ тамъ право на почетное положеніе въ обществѣ. Въ Англіи же на ученаго смотрятъ почти съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ и на *шморера*. Художникъ, писатель цѣнятся здѣсь не за талантъ, а за случайный успѣхъ въ публикѣ. Да, Леонъ, вотъ Ковчегъ Завета везутъ на себѣ волы и, при томъ, хорошо откормленные волы. Вы, какъ англичанинъ, конечно, смотрите на нихъ съ самой благодушной точки зрѣнія; но я не въ силахъ больше переносить гнетъ этой жалкой посредственности съ туго набитымъ карманомъ, этого одуряющаго господства чопорной респектабельности, — инѣ необходима атмосфера идей и идеаловъ.

Рафаэль былъ слишкомъ пораженъ обличительной рѣчью своего друга, чтобы сказать что нибудь въ защиту англійскаго еврейства. Онъ, впрочемъ, уже не въ первый разъ слышалъ подобныя іереміады. Не такъ ли же безпощадно громилъ богатую еврейскую буржуазію и его кузень, Сидней, и не то ли же самое повторяла и Есфирь въ своей повѣсти? Да, наконецъ, и самъ Стрелицкій, въ разговорахъ съ нимъ, очень часто и энергично выражалъ свой протестъ, хотя раньше онъ и не замѣчалъ въ его негодующихъ словахъ всей горечи личного чувства.

— На какія же средства вы будете жить?—съ дружескимъ участіемъ спросилъ онъ.—Вѣдь, въ реформированную синагогу вы, конечно, не перейдете?

— Ни въ какомъ случаѣ. Я не хочу имѣть никакого дѣла съ этой напыщенной и самодовольной павой, которая такъ гордится кое-какими реформами, произведенными ею полъ-столѣтія тому назадъ, что до сихъ поръ еще ставитъ себѣ въ заслугу этотъ великій подвигъ. Эта синагога зазнавшихся выскочекъ, которые, впрочемъ, не считаютъ нужнымъ даже заглядывать туда.

Рафаэль слегка улыбнулся. Онъ зналъ, что его пылкій другъ, въ порывѣ увлеченія, не любилъ стѣсняться въ выраженіяхъ.

— Тѣмъ лучше, что вы не собираетесь перейти туда,—замѣтилъ онъ,—а то ваша конгрегація...

— Сочла бы своимъ священнымъ долгомъ распять меня на крестѣ?

— На счетъ этого я ничего не знаю. Но скажите, пожалуйста, какъ же вы будете жить?

— А какъ живетъ миссъ Ансель? Развѣ я не могу приняться за прежнюю свою профессію комиссіонера при какой-нибудь табачной фабрикѣ? Я, вѣдь, такъ хорошо изучилъ это дѣло,—съ горькой усмѣшкой возразилъ Стрелицкій.—Впрочемъ, вѣрнѣе всего, что я уѣду въ Америку; мнѣ все чаще и чаще приходитъ въ голову эта мысль, особенно въ послѣднее время. Тамъ еврейство воодушевлено болѣе широкими и благородными стремленіями,—тамъ всѣ партіи пользуются одинаковыми правами; такъ люди не поклоняются человѣческимъ же останкамъ, какъ святымъ мощамъ; тамъ каждая мысль высказывается смѣло, безъ всякихъ лицемѣрныхъ оговорокъ и недомолвокъ; тамъ литература пользуется уваженіемъ, и національные идеалы не составляютъ одного пустого звука; тамъ, наконецъ, проповѣдникъ имѣетъ дѣло съ милліонами людей, а не съ ничтожными тысячами. Здѣшняя же община съ своими мелкими дразгами изъ-за соблюденія обрядовъ, съ своими раввинами, влюбленными другъ въ друга, съ тушоумными сефардинами, съ близо-

руки реформаторами, съ каррикатурнымъ самоинѣиємъ и непроходимой невѣжественностью, — похожа на какой-то суетливый муравейникъ, который будетъ играть самую жалкую роль въ исторіи нашей религіи. Еврейство, какъ извѣстно, прокладывая себѣ путь къ Западу, направилось когда-то, съ береговъ Тигра и Ефрата, въ Кордову и Толедо, и годъ изгнанія его изъ Испаніи былъ также годомъ открытія Америки. *Ex oriente lux*. Въ настоящее же время, главными пристанищами для него служатъ Россія и Соединенные Штаты, при чемъ первая направляетъ своихъ подданныхъ въ Америку, гдѣ они сдѣлаются свободными гражданами и свободными мыслителями. Такимъ образомъ, послѣдняя борьба еврейства за свое возрожденіе и за свою религію должна будутъ произойти въ Америкѣ, посреди храмовъ новаго міра; поэтому тамъ должны быть сосредоточены какъ физическія, такъ и моральныя силы нашей націи. Какъ ни низко палъ Израиль, превратившись изъ зеленаго и могучаго дуба въ захирѣлый остовъ его, но источникъ жизни еще не иссякъ въ немъ. Наше стремленіе къ обособленію есть тоже своего рода предрасудокъ, если только это стремленіе не будетъ направлено къ благимъ цѣлямъ. Мы, какъ евреи, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій не сдѣлали ничего замѣчательнаго, хотя нашъ Ветхій Завѣтъ не переставалъ служить неистощимымъ сборникомъ гражданской и религіозной свободы. Мы были также безсознательными пионерами современной торговли и служителями науки. Неужели изъ насъ не могла бы образоваться разумная сила, сознательно дѣйствующая ко благу всего человѣчества? Неужели мы не могли бы сдѣлаться соединительнымъ звеномъ между прочими націями, способствуя всюду водворенію мира? Неужели мы не могли бы послужить центромъ новаго движенія, направленнаго къ торжеству идей равноправности и братства между людьми, подобно тому, какъ горсть американскихъ евреевъ послужила центромъ этико-культурнаго движенія?

— Вы упускаете изъ вида то обстоятельство, что древнее

іудейство, не тронутое еще лоскѣмъ фелістимлянскоі цивилизаціи, передаетъ людямъ весьма полезный урокъ своимъ дружелюбіемъ, непритворной сострадательностью къ ближнему, повѣіемъ семейнаго быта, уваженіемъ къ наукѣ и полнымъ преображеніемъ къ внѣшней респектабельности. Система нашей общественной жизни, въ сущности, составляетъ наслѣдіе древняго міра, изъ котораго новѣйшій міръ могъ бы извлечь больше пользы для себя. Повѣрьте мнѣ, что недостатки, за которые вы такъ строго осуждаете англійское еврейство, происходятъ не отъ чего другого, какъ отъ уклоненія отъ житейскихъ принциповъ стараго времени. Почему же бы намъ не постараться восстановить эти принципы во всей ихъ силѣ, вмѣсто того, чтобы гонаться за обманчивыми призраками новизны? Наконецъ, обсуждая будущія судьбы еврейства, вы совершенно забываете о Палестинѣ, которая должна служить однимъ изъ самыхъ главныхъ факторовъ ея возрожденія къ новой жизни.

— Я не забываю о ней, а просто оставляю ее въ сторонѣ. Я даже самъ убѣждалъ Лигу Св. Земли употребить все зависящее отъ нея къ тому, чтобы направить эмиграціонное движеніе въ Америку, указывая на тотъ фактъ, что Палестина представляетъ теперь крайне неудобный пунктъ для поселенія. Но тогда я не проводилъ еще того мнѣнія, что спасеніе еврейства заключается не въ осуществленіи національной идеи,—такъ какъ я не вдругъ дошелъ до такого заключенія. Эта мечта фантазеровъ и юношей,—съ меланхолической улыбкой прибавилъ Стрелицкій.—Неужели мы не можемъ стремиться къ болѣе возвышенному идеалу, чѣмъ достиженіе политической независимости? Вѣдь, въ сущности, политическая независимость является только началомъ неизбежнаго конца, угрожающаго всѣмъ націямъ. Занять мѣсто на ряду съ прочими націями—не значитъ еще выполнить самую благородную изъ человѣческихъ задачъ, что бы ни говорила на счетъ этого Джорджъ Эллиотъ. Посредствомъ же реставраціи Палестины, или пріобрѣтенія національнаго центра, мы разрѣшили бы только политическую, но никакъ не нравственную нашу задачу. Нѣтъ, мы

должны отказаться отъ этого плана, тѣмъ болѣе, что онъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ чувствомъ привязанности, которыми мы невольно проникаемся къ тѣмъ странамъ, куда забрасываетъ насъ судьба. Вспомните, что наши братья дрались и убивали другъ друга, какъ во время франко-прусской войны, такъ и во время войны сѣвера съ югомъ. Конечно, если противъ насъ вооружатся всѣ націи, то мы вынуждены будемъ соединиться вѣсть и образовать самостоятельный народъ, какъ въ старину. Но вѣдь ярыя гоненія и выселенія никогда не происходятъ одновременно и повсемѣстно. Посредствомъ нашего разсѣянія по всей землѣ, мы спасли еврейство, которому, быть можетъ, суждено спасти міръ. Я не могу отказаться отъ своей любимой мечты, что мы разсѣяны по свѣту не случайно, а по Божественному предначертанію, и составляемъ сѣмя, разбросанное вѣтромъ по всему пространству земли для оплодотворенія ея истощенной почвы. Нація, существующая безъ родины, но сохранившая родной языкъ—развѣ это не изумительный феноменъ, не историческое чудо? Какое было царство Израиля въ древнія времена, когда мы назывались „сынами закона“, подобно тому, какъ прочіе народы называются сынами Франціи, Италіи, Германіи,—таково оно должно быть и теперь — царствомъ высшаго служенія закону. Оно не должно быть опредѣлено ни извѣстнымъ мѣстомъ, ни количествомъ александрійскихъ яровъ, но должно походить на великую духовную республику, такъ же чуждую всякихъ матеріальныхъ формъ, какъ и Израильскій Богъ, и вполне отвѣчающую идеѣ о божествѣ. Такое царство можетъ быть учреждено безъ всякаго нравственнаго на- силія. Если бы евреи выполняли на дѣлѣ то, что они проповѣдуютъ, то оно могло бы разомъ водвориться на землѣ, потому что истинные принципы еврейства—даже низшаго разряда—проникнуты глубокой мудростью. Такое царство, не стѣсняемое ни отведеннымъ для него мѣстомъ, ни опредѣленными границами, могло бы расширяться до тѣхъ поръ, пока не включило бы въ

себѣ весь міръ. Такимъ образомъ, еврейское братство могло бы сдѣлаться центромъ общечеловѣческаго братства.

— Какъ ни увлекательна ваша теорія, но она не имѣетъ ровно ничего общаго съ настоящей задачей еврейства. Если бы ваша мечта о будущности евреевъ осуществилась, то они сами, пожалуй, совсѣмъ исчезли бы съ лица земли. Америка и такъ уже искореняетъ ихъ посредствомъ воскресныхъ субботъ и англійскихъ молитвенниковъ. Джорджъ Эллиотъ совершенно права: люди всегда будутъ людьми, поэтому имъ необходимо отечество, группирующее народъ вмѣстѣ. А безъ отечества мы навсегда останемся кочующими цыганами, упорно держащимися за свою религію. Въ какомъ бы уголкѣ міра ни находился еврей, онъ постоянно молить Бога о своемъ возвращеніи въ Іерусалимъ. Нѣтъ, мы не должны отказываться отъ самой завѣтной нашей мечты. Страны, въ которыхъ мы проживаемъ, могутъ быть для насъ не матерями, а только мачихами. Наконецъ, если бы ваша иллюзія осуществилась, то намъ пришлось бы снова ожидать выполненія уже исполнявшагося пророчества книги Бытія — „Ты распространишься всюду, къ востоку и западу, къ сѣверу и югу, и въ тебѣ самоѣ и въ сѣмени твоѣмъ благословятся всѣ народы земные“.

— Хорошо, хорошо, — добродушно проговорилъ Стрелицкій. — Я доволенъ уже и тѣмъ, что вы спокойно выслушали мою излюбленную мечту и не назвали ее политической утопіей.

— Во всякомъ случаѣ, ваша мечта преждевременна, по крайней мѣрѣ космическая ея часть. Вы хотите, чтобы въ вашей гостеприимной республикѣ всѣ націи пользовались широкими правами гражданства, совершенно упуская изъ вида, что прежде всего слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы эти будущіе граждане сдѣлались достойными предоставляемой имъ привилегіи.

— Я возлагаю все мое упованіе на новое поколѣніе, на старое же ужъ нужно махнуть рукой. Моисей сорокъ лѣтъ водилъ свой народъ по дикой пустынѣ, чтобы очистить его отъ стараго элемента. Дайте мнѣ молодежь — и я переверну весь міръ.

— Если вы задаетесь черезчуръ широкой задачей, то, пожалуй, ничего не достигнете и только надорвете свои силы. Что касается до меня, то я считъ бы себя счастливымъ, если бы мнѣ удалось поднять Іудею хоть на одинъ дюймъ надъ теперешнимъ ея уровнемъ.

— Ну, такъ дѣлайте же свое дѣло, которое послужитъ хлѣбнымъ зерномъ для меня. А пока, прощайте. Простите, что я отнял у васъ столько времени, а главное — не забудьте вашего обѣщанія.

Съ этими словами Стрелицкій протянулъ руку своему собесѣднику. Онъ казался теперь совершенно спокойнымъ, благодаря безповоротно принятому имъ рѣшенію.

— До свиданія, — сказалъ Рафаэль, горячо пожмая ему руку. — Я отправлю къ нашимъ американскимъ подписчикамъ телеграмму такого содержанія: „Смотрите, къ вамъ грядетъ мечтатель Іосифъ“.

— Мечты — свѣтъ жизни, и я совершенно согласенъ съ Лесингомъ, что стремленіе къ намѣченной цѣли составляетъ все для человѣка.

— А какъ же вы хотите лишить правовѣрнаго еврея самой завѣтной его мечты о Іерусалимѣ, — съ добродушной улыбкой замѣтилъ Рафаэль. — Ну ужъ, если вы собрались уходить, то захватите кстаи и это; — прибавилъ онъ, поднимая валявшійся на полу таларъ и вручая его съ видомъ практичнаго англичанина своему увлекающемуся другу. — Этотъ несчастный таларъ ужасно пострадалъ отъ вашихъ тяжелыхъ ногъ, но вамъ все-таки придется еще поносить его нѣсколько времени.

— Только до новаго года, который, слава Богу, ужъ наступаетъ, — проговорилъ Стрелицкій, засовывая въ карманъ свой измятый таларъ. — А въ день Покаянія я ужъ буду свободенъ отъ своихъ официальныхъ обязанностей. Еще разъ прощайте. Если вы будете писать къ миссъ Ансель, то передайте ей глубочайшее мое уваженіе.

— Да, вѣдь, я же сказалъ вамъ, что не знаю даже ея

адреса, — отговарялся Рафаэль, стараясь подавить въ себѣ чувство какого-то безотчетнаго раздраженія, опять заговорившее въ немъ.

— А развѣ вы не можете адресовать ваше письмо къ издателямъ ея повѣсти?

И не прибавивъ больше ни слова, русскій мечтатель вышелъ въ дверь, предоставивъ практичному англичанину разрѣшить на досугъ совершенно ошеломившій его вопросъ — какъ это ему до сихъ поръ не пришла въ голову такая простая мысль? Но не успѣлъ онъ опомниться отъ удивленія, какъ дверь опять отворилась, и передъ нимъ внезапно предсталъ его пріятель Пинхасъ, который, пользуясь деликатностью редактора „Иудейскаго Стига“, усвоилъ привычку вбѣгать къ нему въ кабинетъ, даже не постучавшись предварительно у двери. Но на этотъ разъ онъ не влетѣлъ, а тихо и съ какимъ-то трагическимъ видомъ вошелъ въ комнату, молча опустился на стулъ и закрылъ себѣ лицо руками, выронивъ при этомъ на бумажный коверъ редакціи окурокъ со-всѣмъ угасшей сигары.

— Что съ вами, Пинхасъ? — съ участіемъ спросилъ его Рафаэль.

— Другъ мой, если бы вы знали, какъ я несчастливъ! — мрачно отвѣтилъ поэтъ.

— Да что же такое съ вами случилось, наконецъ?

— Ничего особеннаго. Но я весь день сегодня ломалъ себѣ голову, стараясь выяснитъ себѣ, чего я достигъ въ жизни, и пришелъ къ тому заключенію, что ничего — рѣшительно ничего... Не ужасно-ли это? Ахъ, я несчастный, несчастный, что ожидаеть меня въ будущемъ?

— Но, вѣдь, вы находитесь теперь далеко не въ такомъ тяжеломъ положеніи, какъ прежде: вы не живете больше посреди той нищеты и грязи, которая окружала васъ въ гетто; одѣты вы не только опрятно, но даже изящно, и сами не разъ говорили мнѣ, что ваши матеріальныя дѣла настолько улучшились, что вы можете даже удѣлять немущимъ кое-что изъ вашихъ заработковъ.

Такъ что мнѣ кажется, вы никакъ не можете жаловаться на то, что ничего не достигли въ жизни.

— Конечно, конечно,—съ жаромъ подтвердилъ поэтъ.—И въ довершеніе всего, я пользуюсь теперь всемірной извѣстностью, такъ какъ я стяжалъ себѣ безсмертную славу моею поэмою — *Пламя Метатрона*. Да, другъ мой, вы совершенно правы,—прибавилъ онъ, опять уныло опуская голову внизъ:—я пользуюсь всѣми благами жизни и все-таки считаю себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

— Полноте, пожалуйста, Пинхасъ,—ободритесь и не смотрите на жизнь съ такой безотрадной стороны.

— Нѣтъ, я не могу больше убавлять себя розовыми мечтами, и мнѣ ничего не остается больше, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Я понялъ, наконецъ, все ничтожество и пустоту человѣческой жизни. Деньги, слава, любовь—все это одинъ обманчивый миражъ.

И разстроенный поэтъ опять закрылъ себѣ лицо руками и истерически зарыдалъ. Рафаэль съ безпомощнымъ видомъ смотрѣлъ а своего малодушнаго пріятеля, проникнутый съ одной стороны глубокимъ сожалѣніемъ къ нему, а съ другой — сознаніемъ собственнаго превосходства надъ нимъ, какъ практичнаго англичанина. Онъ невольно задумался надъ странной ироніей судьбы, которая свела его съ тремя геніальными натурами—мужчиной идеалистомъ, женщиной пессимисткой и поэтомъ оригиналомъ, соединившимъ въ себѣ свойства какъ мужской, такъ и женской природы, и походившимъ и на идеалиста, и на пессимиста,—и никому изъ нихъ онъ не могъ принести существенной пользы. Появленіе конторскаго слуги, съ письмомъ въ рукахъ, круто оборвало нить его размышленій. Наскоро пробѣжавъ это интересное посланіе, Рафаэль пришелъ къ тому заключенію, что рука, начертавшая его—была несомнѣнно рукою м-ра Гольдсмита, голосъ же, направлявшій эту руку—былъ голосомъ его прелестной сунруги. Вотъ, что заявлялъ этотъ вѣщій голосъ:

„Дорогой м-ръ Леонъ! Я замѣчаю съ нѣкоторыхъ поръ, что вы все больше и больше уклоняетесь отъ той задачи, которая должна составлять главную и основную цѣль изданія „Иудейскаго Стата“. Въ виду этого, я пришелъ, въ концѣ концовъ, къ тому заключенію, что вы не можете быть выразителемъ древнѣйшихъ принциповъ нашей вѣры, въ смыслѣ обсужденія какъ вопроса о *кошерной* пищѣ, такъ и другихъ не менѣе важныхъ вопросовъ, особенно интересующихъ нашихъ читателей. Вы же, напротивъ, увлекаетесь хотя и самыми идеальными, но, къ сожалѣнію, крайне непрактичными теоріями, и главное—совершенно недоступными для народныхъ массъ, къ которымъ мы обращаемся. Повѣрьте, я тѣмъ болѣе цѣню вашу деликатность и нежеланіе подвергать меня неприятнымъ хлопотамъ по присканію вамъ преемника, что хорошо знаю, какъ мало между нами истинно образованныхъ и гениальныхъ людей; но я не считаю себя вправе пользоваться долѣе вашими великодушіемъ, хотя бы даже мнѣ пришлось при этомъ поступиться собственнымъ спокойствіемъ. По зрѣломъ размышленіи, я пришелъ къ тому заключенію, что м-ръ Пинхасъ, о которомъ вы отзывались всегда съ такой похвалою, могъ бы взять на себя обязанности редактора „Иудейскаго Стата“, если только вы согласитесь руководить его иногда вашими дружескими совѣтами. М-ръ Самсонъ, разумѣется, останется попрежнему на своемъ мѣстѣ помощника редактора. Я надѣюсь, что вы не откажетесь быть полезнымъ газетѣ, какъ по части снабженія ея статьями чисто научнаго содержанія, такъ и своими совѣтами моимъ уполномоченнымъ, которые будутъ теперь имѣть непосредственныя сношенія со мной, хотя самъ я попрежнему останусь въ сторонѣ отъ издательскихъ дѣлъ.

Преданный вамъ Генри Гольдсмитъ.

Въ замѣнъ формальнаго предупрежденія за мѣсяць впередъ, прилагаю здѣсь чекъ на полученіе съ меня четырехъ гиней, а также и записку отъ м-съ Гольдсмитъ, которая убѣдительно про-

ситъ васъ навѣститъ ее на дачѣ. Ваша сестра тоже присоединяетъ свою просьбу къ нашей. Мы пробудемъ на мнѣ еще нѣсколько недѣль, а къ новому году рассчитываемъ вернуться въ городъ“.

Это посланіе было каплей, переполнившей чашу горечи. Бѣднаго редактора не такъ поразила полученная имъ отставка, какъ то, что его называли непрактичнымъ идеалистомъ и оспаривали чистоту его ортодоксальныхъ воззрѣній. Это былъ особенно чувствительный ударъ для него.

— Пинхась! — вскричалъ онъ, опомнившись, наконецъ. Не постъ, погруженный въ свои горестныя думы, даже и не оглянулся на его возгласъ. — Послушайте, Пинхась, — вы назначены редакторомъ „Иудейскаго Стага“, и слѣдующій номеръ выйдетъ уже не подъ моею, а подъ вашей редакціей.

Пинхась моментально поднялъ голову къверху, стремительно подбѣжалъ къ Рафаэлю и, уцѣпившись за фалды его одежды, напечатлѣлъ на нихъ пламенный поцѣлуй.

— О, мой благодѣтель! О, мой великодушный другъ! — завопилъ онъ, точно въ изступленіи. — Ну, достанется же теперь отъ меня этимъ англійскимъ евреямъ, — я не стану церемониться съ ними и всѣхъ сотру въ порошокъ! О, мой другъ! Мой благодѣтель!

— Послушайте, постойте, Пинхась! — проговорилъ Рафаэль, слегка отстраняя его отъ себя. — Вамъ не за что благодарить меня, потому что я тутъ ровно не причемъ.

— Какъ не причемъ? Вѣдь, вы поручаете мнѣ вашу газету...

— Она вовсе не моя, — я только редактировалъ ее. — А теперь я уволенъ, и редакторомъ ея вмѣсто меня назначены вы.

Пинхась апатично усѣлся на прежнее мѣсто, скрестилъ руки на груди и опять уныло опустилъ голову внизъ.

— Ну, такъ потрудитесь довести до свѣдѣнія владѣльца „Иудейскаго Стага“, что я не хочу имѣть съ ними никакого дѣла, — съ самымъ рѣшительнымъ видомъ заявилъ онъ.

— Ну, вотъ еще! — въ волненіи отозвался Рафаэль. — Затѣмъ

же вамъ отказываться отъ такого выгоднаго и почетнаго предложенія.

— Да за кого же вы принимаете меня, наконецъ?— съ негодованіемъ вскричалъ поэтъ.— Ужъ не думаете-ли вы, что я такой же безсердечный и гнусный предатель, какъ вашъ достопочтенный Гедеонъ, или какъ ваши лицеѣрные маклеры и раввины? Владѣлецъ „Стяга“ считаетъ васъ, должно быть, недостаточно правовѣрнымъ евреемъ, поэтому и хочетъ заманить меня въ свою лавочку, вмѣсто васъ. Но ужъ этому не бывать! Я никогда не измѣню вамъ.

— Но кто же будетъ редактировать слѣдующій номеръ газеты?— дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Рафаэль, видимо растроганный преданностью своего друга.— Вѣдь, я теперь уже заштатный редакторъ.

— А вамъ что за дѣло до этого? Пусть же она умретъ скоростижной смертью послѣ вашего ухода, — съ злорадной усмѣшкой произнесъ мстительный поэтъ. — Вы создали ее, и она не должна безнаказанно переходить въ другія руки. Никто не имѣетъ права щеголять въ тѣхъ сапогахъ, которые вы только что успѣли обнести по своимъ ногамъ, а тѣмъ менѣе я.

— Но поймите же, наконецъ, что я нисколько не буду въ претензіи на васъ, если вы займете мое мѣсто, — съ жаромъ повторилъ ему Рафаэль; но поэтъ только упрямо покачивалъ головой. — Да вы подумайте хоть о Самсонѣ, который останется рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни, въ случаѣ закрытія газеты.

— Что правда, то правда, — съ дѣловымъ видомъ возразилъ Пинхасъ. — Съ нашей стороны, пожалуй, дѣйствительно было бы жестоко посадить Самсона на мель.

— Ну, вотъ, видите, — значить, вы никакъ не должны губить газету.

— Такъ то такъ, — но, вѣдь, Самсонъ, пожалуй, скоро отправится въ свою артистическую экскурсію, и тогда ужъ конечно успѣшнѣе раскланяться съ владѣльцомъ „Стяга“.

— Такъ что-жъ изъ этого? Редактируйте газету хоть до Самсоновой экскурсіи.

— Ну ужъ пусть будетъ по вашему. Помните же, что я согласился занять ваше мѣсто только до Самсоновой экскурсіи.

— Только до Самсоновой экскурсіи, — весело повторилъ Рафаэль.

ГЛАВА XVI.

Сердечная борьба.

Рафаэль вышелъ изъ редакціи „Иудейскаго Стяга“ съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ узникъ, долго томившійся въ неволѣ и выпущенный, наконецъ, на свободу. Его уже не удручала мысль объ отступленіи отъ своей миссіи, такъ какъ онъ не считалъ себя отвѣтственнымъ за пораженіе, понесенное имъ на поприщѣ публициста. Нѣтъ, теперь всѣ помыслы его были направлены къ другому нравственному долгу, давно уже лежавшему у него на совѣсти. Онъ горько упрекалъ себя за то, что, отдавшись весь своему неблагодарному дѣлу, онъ не принялъ до сихъ поръ никакихъ мѣръ къ разысканію самоотверженной дѣвушки, обреченной себя на добровольныя лишения, вѣроятно, надѣявшейся услышать отъ него слово участія и одобренія, какъ отъ друга, который обязанъ былъ доказать ей, что онъ далекъ отъ того, чтобы смотрѣть на нее глазами близорукой толпы. Можетъ быть, она давно уже уѣхала изъ Лондона и даже совсѣмъ изъ Англій, и ему предстоитъ теперь задача разыскивать ее по всему свѣту, какъ средне-вѣковому рыцарю. И онъ почувствовалъ живѣйшую благодарность къ благому Провидѣнію, которое, возвративъ ему свободу, доставляетъ ему возможность послѣшить къ ней на помощь. Рѣшившись не терять теперь ни минуты даромъ, онъ тотчасъ же отправился за справками о ней къ издателю ея повѣсти. Но младшій компаньонъ, къ которому онъ обратился съ запросомъ о ея адресѣ, коротко отвѣтилъ, что онъ ничего не можетъ сообщить ему о

миссъ Есфири Ансаль, такъ какъ даже и помята не виѣтъ объ особѣ съ этимъ именемъ. И какъ ни пытался Рафаэль отождествить имя миссъ Ансаль съ именемъ автора *Мардохея Джозефеа*, издатель упрямо повторялъ ему, что повѣсть эта написана и-ромъ Армитеджемъ. На просьбу же Рафаэля дать ему адресъ этого джентльмена послѣдовалъ рѣшительный отказъ, но съ любезнымъ увѣреніемъ, что всѣ письма, адресованныя на имя и-ра Армитеджа, будутъ немедленно переправлены къ нему. — Значить онъ въ Англии?—съ живостью спросилъ было Рафаэль.—Всѣ письма, адресованныя на его имя, будутъ немедленно переправлены къ нему, — вѣжливо, но самымъ безстрастнымъ тономъ отозвался издатель.

Но первая неудача ни мало не смутила нашего рыцаря, который рѣшился немедленно написать письмо къ дамѣ своего сердца, и съ этою цѣлью завернулъ въ ближайшій ресторанъ, гдѣ тотчасъ же спросилъ почтовой бумаги и прочія письменныя принадлежности. — „Дорогая миссъ Ансаль“, — быстро написалъ онъ, получивъ требуемое, и остановился въ глубокомъ раздумьи, рѣшительно не зная, какъ приступить къ своему посланію. Со времени послѣдняго его свиданія съ Есфирью, такъ много воды утекло, что онъ просто недоумѣвалъ теперь, съ чего начать и какъ повести письменную бесѣду съ ней. Онъ тревожно оглянулся, какъ бы ища вдохновенія, и еще больше смутился, увидавъ въ зеркалѣ свою фзіономію съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ въ глазахъ. Затѣмъ взглядъ его машинально остановился на вывѣскѣ, предупреждавшей посѣтителей ресторана, что имъ „воспрещается курить здѣсь до восьми часовъ вечера“. Это глупое объявленіе окончательно нарушило его миръ душевный, напомнивъ ему, что онъ не курилъ уже нѣсколько часовъ подъ рядъ. Наконецъ, придя къ тому заключенію, что тревоженія, испытанныя имъ въ этотъ день, такъ измучили его, что онъ не въ состояніи сказать своей интересной корреспонденткѣ ничего такого, что заслуживало бы ея вниманія, онъ рѣшился отправиться домой и, собравшись съ мыслями, на-

писать ей вечеромъ самое дипломатическое посланіе. Но по приходѣ домой, онъ вдругъ вспомнилъ о наступившемъ уже субботнемъ канунѣ, исключавшемъ, какъ дьявольское навожденіе, даже самую мысль о писаньи писемъ. Въ виду этого, онъ по заведенному порядку отправился въ синагогу, гдѣ съ чувствомъ особеннаго умиленія пѣлъ гимнъ — „Выходи, мой возлюбленный, навстрѣчу къ твоей невѣстѣ“, — хотя настоящій аллегорическій смыслъ этого гимна какъ-то совсѣмъ улетучивался изъ его головы. На слѣдующій же день, увлеченный внезапно озарившей его идеей, что м-ръ Армитеджъ навѣрно заходитъ иногда въ контору своихъ издателей, — онъ продежурилъ до самого вечера у ея подъѣзда, рѣшивъ про себя, что личная бесѣда съ этимъ джентльменомъ приведетъ его къ гораздо болѣе желанному результату, чѣмъ всякія письменныя объясненія.

Онъ съ сердечнымъ трепетомъ думалъ о предстоявшемъ ему свиданіи, и образъ Есфири представлялся ему въ самомъ поэтическомъ видѣ, причемъ картины будущаго, рисовавшіяся его воображенію, принимали то радужный, то мрачный оттѣнокъ. Но четыре долгихъ лѣтнихъ дня, проведенные имъ въ тревожномъ ожиданіи и доставившіе ему возможность узрѣть всѣхъ посѣтителей издательской фирмы, за исключеніемъ автора *Мардохея Джозефа*, повергли его, наконецъ, въ полное уныніе. И несмотря на это, онъ далеко былъ даже отъ мысли выпытывать чтонибудь отъ вонторскаго слуги, съ помощью денежныхъ подачекъ.

Поглощенный новой своей задачей, Рафаэль ни однимъ словомъ не отозвался ни на меморандумъ своего бывшаго принцепала, ни на любезное приглашеніе его супруги. Наконецъ, письмо отъ Адди, полученное имъ уже на слѣдующей недѣлѣ въ четвергъ, разомъ напомнило ему какъ о почтенной четѣ Гольдсмитовъ, такъ и о существованіи „Иудейскаго Стага“. То былъ критическій день печатанія газеты, и бывший ея редакторъ такъ живо представилъ себѣ всѣ тревоженія, которыя онъ переживалъ въ эти достопамятные четверги, что даже чихнулъ, почувствовавъ вдругъ аро-

мать типографской стряпни, что, впрочемъ, подѣйствовало на него самыми благотворными образомъ, пробудивъ въ немъ чувство великодушія и желаніе оказать возможное содѣйствіе своему преемнику. Но въ редакціи онъ засталъ только одного Маленькаго Самсона, который былъ такъ взволнованъ и подавленъ злобой текущаго дня, что, казалось, позабылъ даже всѣ свои веселыя аріи.

— А, наконецъ то вы заглянули къ намъ!—радостно вскричалъ онъ, завидѣвъ Рафаэля. — Впрочемъ, я былъ увѣренъ, что вы зайдете, когда узнаете эту великую новость.

— Какую новость?

— Да развѣ вы не слышали еще о скоропостижной смерти Гедеона, нашего представителя въ парламентѣ? Да, бѣдняга внезапно умеръ сегодня утромъ.

— Неужели? Какая ужасная катастрофа!—отозвался до нельзя пораженный Рафаэль.

— Да, это, дѣйствительно, ужасно! Вѣдь, онъ просто зарѣзалъ насъ своей неожиданной смертью. Если бы онъ догадался умереть хоть вчера, то у насъ былъ бы цѣлый день впереди, а если бы завтра — то даже цѣлая недѣля. А онъ, точно въ насмѣшку надъ нами, взялъ да и умеръ вдругъ, даже и не похоровавши предварительно. Я такъ растерялся, что не зналъ даже, что и дѣлать, и наскоро откомандировалъ Пинхаса въ музей, для наведенія самыхъ подробныхъ справокъ о жизни и общественной дѣятельности покойнаго. Наконецъ, въ довершеніе всего, мы получили отъ Гольдсмита телеграмму съ предписаніемъ напечатать рядомъ съ передовой статьей длиннѣйшій некрологъ во всю газетную страницу, съ траурнымъ ободкомъ. Да, у насъ сегодня выдался такой денекъ, что я просто совѣтъмъ ошалѣлъ и боюсь даже, что не въ состояніи буду справиться съ этими корректурами. Особенно пугаетъ меня безконечно длинная статья вашего милѣйшаго преемника, написанная такимъ убійственнымъ англійскимъ языкомъ. Право, я не понимаю, почему онъ назначенъ редакторомъ, а я его помощникомъ.

— Увѣряю васъ, что вы ровно ничего не выиграли бы, перемѣнившись съ нимъ ролью, — съ меланхолической улыбкой отвѣтилъ Рафаэль и, взявъ въ руки одинъ изъ корректурныхъ листовъ, весь погрузился въ чтеніе. Въ числѣ прочихъ извѣстій, ему попался параграфъ, написанный имъ самимъ подъ диктовку Стрелицкаго и тѣмъ сильнѣе поразившій его теперь, что онъ совсѣмъ было позабылъ о немъ, занятый своими личными дѣлами. Такъ эгоистичны бываютъ иногда даже и лучшіе изъ людей. — Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы заявленіе Стрелицкаго было непременно напечатано въ этомъ номерѣ, — проговорилъ онъ, разсѣянно взглянувъ на Маленькаго Самсона.

Наконецъ явился и новый редакторъ, который такъ долго не возвращался изъ своей ученой экспедиціи, что его нетерпѣливый помощникъ совсѣмъ измучился отъ ожиданія.

— Ну, готово! — весело закричалъ онъ, вбѣгая въ редакцію и размахивая сверткомъ объемистой рукописи, которую онъ успѣлъ настрочить въ музеѣ. — Я собралъ самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ ничтожномъ матеріалистѣ съ мелкой душонкой, не сѣмѣвшимъ оцѣнить даже мою вдохновенную поэму и не допустившимъ меня сдѣлать изъ его сына истиннаго еврея. Онъ тутъ весь на лицо — съ колыбели и до самой могилы. И какую громкую статью я написалъ о немъ — просто чудо! Вотъ, послушайте: „Ангелъ смерти снова посѣтилъ Іудею и унесъ съ собой мудрѣйшаго и лучшаго изъ ея сыновъ, повергнувъ въ уныніе весь домъ израильскій“. — Ну, что — каково начало? И конецъ въ томъ же духѣ: „Онъ умеръ, но будетъ вѣчно жить между нами, воспѣтый въ безсмертной поэмі *Пламя Метатрона*“.

Маленькій Самсонъ молча выхватилъ у него изъ рукъ его произведеніе и стремительно бросился въ наборную, гдѣ столкнулся съ Рафаэлемъ, который наскоро дѣлалъ какія-то распоряженія и по его просіявшему лицу тотчасъ же догадался, что редакціонный кризисъ благополучно окончился. Сдавъ рукопись одному изъ наборщиковъ, помощникъ редактора съ облегченіемъ вздохнулъ и

сейчасъ же принялся насвистывать одинъ изъ своихъ безчисленныхъ маршей.

— А славную штуку вы продѣляли со мной, дружище! — вскричалъ онъ вдругъ, круто обрывая звонкія трели своей аріи.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? — съ недоумѣніемъ спросилъ его Рафаэль.

— Да какъ же на-дняхъ является къ намъ въ редакцію нашъ новнй, то-есть, не новнй, а должно быть старнй же принципаль, чтобы переговорить съ Пинхасомъ и со мной насчетъ слѣдующаго намъ гонорара.—Такъ, значить, вы остаетесь у меня на прежнихъ условіяхъ?—благодушно спросилъ онъ меня.—Я не прочь былъ бы получать по два фунта десяти шиллинговъ, — съ подобающей скромностью отвѣтилъ я.—Что вы, что вы!—съ удивленіемъ вскричалъ онъ.—Да, вѣдь, это же вдвое больше того, что вы получали до сихъ поръ.—Какъ такъ,—проговорилъ я, не менѣе озадаченный.—Я прошу прибавки только въ десять шиллинговъ, за что обѣщаю вамъ завести въ газетѣ новнй отдѣлъ иностранныхъ телеграммъ. — Представьте же себѣ, въ какомъ положеніи я очутился, когда узналъ, что почтеннй издатель „Иудейскаго Стага“ воображалъ, что я усердствовалъ для его изданія только изъ за одного соверена въ недѣлю.

— Престите, ради Бога,—я совсѣмъ позабылъ предупредить васъ объ этомъ, — съ виноватымъ видомъ пробормоталъ вспыхнувшій Рафаэль.

— А я даже и не подозрѣвалъ, что вы изъ собственнаго кармана выдавали мнѣ по гинеѣ въ недѣлю,—съ упрекомъ прибавилъ Маленькій Самсонъ.

Вѣднй Рафаэль еще больше смутился.—Но, вѣдь, я... я... въ сущности, не имѣлъ никакого права на эти деньги, — безсвязно лепеталъ онъ: — потому что настоящая работа лежала не на мнѣ, а на васъ. Да, кстати,—продолжалъ онъ съ напускной развязностью:—я долженъ еще вручить вамъ чекъ на четыре гинеи, которыя вамъ слѣдуетъ получить въ счетъ вашего гонорара.

Съ этии словами, онъ принялся обшаривать свои карманы и, рыскавъ, наконецъ, послѣдній чекъ м-ра Гольдмита, робко протянулъ его своему бывшему помощнику.

— Нѣтъ, дружище, теперь ужъ кончено,—я не позволю себѣ даже прикоснуться къ этому чеку,—рѣшительно проговорилъ Маленькій Самсонъ и съ такимъ величественнымъ видомъ закутался въ свой полинялый плащъ, какъ римскій патрицій въ свою тогу. Онъ чувствовалъ такое пристрастiе къ этому романическому плащу, что никогда, даже въ самые жаркіе дни, не рѣшался сбросить его съ своихъ плечъ.

— Но почему же? Развѣ Гольдсмитъ согласился на ваши условія?—робко спросилъ Рафаэль.

— Конечно, не согласился. Но...

— Если такъ, то я считаю себя обязаннымъ доплачивать сумму вашего прежняго говорара, потому что никакъ не могу допустить, чтобъ вы пострадали изъ-за меня,—самымъ рѣшительнымъ тономъ перебилъ его Рафаэль, засовывая чекъ въ карманъ его неизносимой тоги.

— Ну, ужъ если вы непременно хотите навязать мнѣ эти деньги, то пусть будетъ по вашему,—заявила, наконецъ, видимо тронутая тога.—Но знайте, что я беру ихъ не иначе, какъ зановообразно.

— Хорошо, хорошо!

— И вы не откажетесь взять ихъ назадъ, когда я разбогатию послѣ моей артистической экскурсіи?

— Нѣтъ, не откажусь, — съ загадочной улыбкой отозвался Рафаэль.

— Ну, такъ дайте же вашу руку, дружище,—дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Самсонъ и такъ тряхнулъ протянутую ему руку, что чуть не вывихнулъ ее отъ избытка переполнявшихъ его чувствъ.

„Чортъ побери—и этотъ чудакъ считаетъ себя практическимъ евреемъ!“ подумалъ онъ и прибавилъ въ слухъ.—Такъ помните

же, что я состою у васъ въ долгу только до наступленія лучшихъ дней.

Вернувшись въ редакторскій кабинетъ, они увидали Пинхаса въ бѣшенствѣ метавшагося по комнатахъ, съ телеграммой въ рукахъ.

— Вотъ, подбуйтесть! — закричалъ онъ, съ досадою швырнувъ телеграмму на столъ.—Теперь, по милости этого вислоухаго осла, будетъ совершенно испорченъ эффектный финалъ моей рѣчи,— съ озлобленіемъ вопилъ онъ, но завидѣвъ вдругъ Рафаэля, стремительно бросился къ нему на встрѣчу, при чемъ порывъ обуяшаго его гнѣва моментально смѣнился не менѣ бурнымъ порывомъ радости. Взявъ со стола телеграмму, Маленькій Самсонъ прочелъ въ слухъ слѣдующее:

„Последнее слово о нашемъ представителѣ Гедсонѣ. Тяжелый ударъ, внезапно обрушившійся надъ нами, такъ сильно поразилъ насъ, что мы не въ состояніи еще думать о присканіи проемника нашему доблестному вождю въ парламентъ. Но какъ ни трудна предстоящая намъ задача, мы все-таки утѣшаемъ себя надеждой на то, что, съ Божьей помощью, намъ удастся выйти изъ критическаго положенія. Духъ нашего почившаго, но незабвеннаго брата, безъ сомнѣнія, лелеетъ теперь при звукѣ того почтвеннаго имени, которое единодушно произносится его осмротѣвшими единоверцами, и которое принадлежитъ человѣку высокой души, снискавшему своимъ строгимъ благочестіемъ и благотворной общественной дѣятельностью снисканіи всего правоварнаго еврейства. Неужели нашъ уважаемый патріотъ не оправдаетъ возлагаемыхъ на него надеждъ?.. *Гольдсмитъ*“.

— Ну, эта мина подведена не самимъ и-ромъ Генри,—вполголоса замѣтилъ догадливый Самсонъ.—Я увѣренъ, что онъ снесся по телеграфу съ своей супругой, которая и настрочила въ честь своего благовернаго этотъ памфлетикъ, что видно даже изъ того, что онъ составленъ все-таки складнѣе тѣхъ высокопарныхъ одъ, въ которыхъ нашъ милѣйшій привилегіалъ обыкновенно прославляетъ

самого себя. Такъ что въ этой денешѣ ему принадлежитъ только одна подпись — *Гольдсмитъ*, которая, я полагаю, никакъ не должно быть пропечатана въ газетѣ. Хорошо еще, что онъ успѣлъ во-время уволить Леона, потому что этотъ упрямый чудакъ наврядъ ли пропустилъ бы черезъ свою цензуру этотъ хвалебный гимнъ, посвященный бывшему его патрону.

Рафаэль, молча выслушавшій помощника редактора, только что хотѣлъ было сдѣлать ему какое-то возраженіе, какъ поэтъ обратился къ нему съ такимъ замѣчаніемъ, отъ котораго сердце нашего героя затрепетало сильнѣе даже, чѣмъ при извѣстїи о неожиданной смерти Гедеона.

— А знаете ли, голубчикъ, кого я встрѣтилъ сейчасъ въ Британскомъ музеѣ? — вдругъ проговорилъ Пинхасъ. — Ту самую очаровательную красоту и, въ добавокъ, умицу, которая такъ ловко отдѣлала въ своей повѣсти всѣхъ этихъ невѣжественныхъ и пошлыхъ матеріалистовъ. Мнѣ такъ и хотѣлось подойти къ ней и при всѣхъ расцѣловать ее за эту остроумную сатиру на наше мелочное и тупоумное еврейство; но я не посмѣлъ этого сдѣлать, потому что не имѣлъ еще случая представиться ей. Да-съ, тамъ фигурируетъ и нашъ достопочтенный Гедеонъ, — съ громкимъ смѣхомъ прибавилъ онъ.

— Что такое? О комъ вы говорите? — пробормоталъ Рафаэль, вздрогнувъ отъ волненія.

— Ну, конечно, объ избранницѣ вашего сердца, — отвѣтилъ Пинхасъ, съ добродушно лукавымъ видомъ поглядывая на него: — о той самой молоденькой леди, которую я встрѣтилъ какъ-то у васъ въ редакціи. Я нарочно прошелъ мимо, но она такъ была углублена въ какую-то брошюру объ Америкѣ, что, кажется, даже и не замѣтила меня.

— Въ Британскомъ музеѣ! — вполголоса повторилъ Рафаэль и прибавилъ про себя: „Ахъ я оселъ, оселъ! И какъ это мнѣ до сихъ поръ не пришло въ голову, что дѣвушка, занимающаяся литературнымъ трудомъ, непременно должна бывать тамъ?“

Тутъ онъ порывисто всталъ съ мѣста и, ни съ кѣмъ не про- стившись, быстро выбѣжалъ на улицу, вскопчалъ на перваго по- павшагося ему извозчика и приказалъ везти себя въ Британскій музей... Не прошло и десяти минутъ, какъ онъ былъ уже тамъ. Наконецъ, судьба сжалилась надъ нимъ, и онъ при самомъ входѣ въ переднюю увидалъ такъ хорошо знакомую ему миниатюрную и граціозную фигуру, тихо сходявшую съ лѣстницы. Сердце его затрепетало отъ такой восторженной радости, какой онъ никогда еще не испытывалъ. Пользуясь тѣмъ, что молодая дѣвушка еще не замѣтила его, онъ началъ пристально всматриваться въ ея задумчивое личико, которое было такъ печально, что онъ почув- ствовалъ мучительныя угрызения совѣсти. Наконецъ, взгляды ихъ встрѣтились, и въ ея большихъ черныхъ глазахъ сверкнулъ яркій лучъ радостнаго удивленія, который совершенно преобразилъ ея выразительную фizioномію. Но это длилось только одно мгнове- ніе, и нѣжный румянецъ, вспыхнувшій было на ея щекахъ, сей- часъ же замѣнился матовой блѣдностью, а на губахъ появилась болѣзненная и горькая усмѣшка.

— М-ръ Леонъ!— почти беззвучно пролетѣла она.

Рафаэль, молча, поклонился и, схвативъ ея маленькую ручку, почти до боли сжалъ ее своей дрожавшей рукой.

— Наконецъ-то я вижу васъ!— порывисто проговорилъ онъ.— Я такъ страшно виноватъ передъ вами, что наводилъ даже справки о вашемъ адресѣ, чтобы хоть письменно оправдаться въ своей невольной вигѣ.

— Извините меня, м-ръ Леонъ,— съ напускнымъ равнодушіемъ замѣтила Есфирь:— но право, мнѣ кажется, что вамъ рѣшительно не о чемъ писать мнѣ.

— А мнѣ кажется, напротивъ, что я могъ бы очень и очень многое высказать въ письмѣ къ вамъ,— горячо возразилъ Рафаэль.

— Но что же именно? Вѣдь, я ужъ не сотрудничаю больше въ „Иудейскомъ Стагѣ“; кромѣ же этихъ, чисто дѣловыхъ, отно- шеній между нами, кажется, ничего не было общаго.

— Ну, признаюсь, этого я никакъ не ожидалъ услышать отъ васъ,—тономъ упрека и глубокаго огорченія вскричалъ Рафаэль.— Я все таки надѣялся, что вы считаете меня однимъ изъ самыхъ преданныхъ своихъ друзей.

Есфирь ничего не отвѣтила.

— Да, я хотѣлъ высказать вамъ въ письмѣ,—съ отчаянной рѣшимостью заговорилъ онъ опять, но вдругъ смутился и, запинаясь, прибавилъ:—какъ... какъ понравилась мнѣ ваша повѣсть, когда я прочелъ ее во второй разъ.

— И я тоже никакъ не ожидала отъ васъ такого заявленія, и-рѣ Леонъ,—съ горечью отозвалась Есфирь.—Согласитесь сами, что для меня было бы гораздо важнѣе, если бы вы потрудились высказать ваше лестное мнѣніе о моей повѣсти не въ частномъ письмѣ ко мнѣ, а въ „Иудейскомъ Стагѣ“.

Рафаэль былъ совершенно уничтоженъ, тѣмъ болѣе, что съ фактической точки зрѣнія Есфирь была, пожалуй, вполне права, и онъ ничего не могъ сказать ей въ свое оправданіе.

— Надѣюсь, что противъ этого вы ничего не можете возразить,—прибавила она послѣ минутной паузы.

— Ничего, — робко проговорилъ Рафаэль. — Представьте себѣ,—съ негодованіемъ продолжалъ онъ:—и-ссы Гольдсмитъ увѣряетъ всѣхъ, будто она сама открыла тайну вашего псевдонима и сейчасъ же попросила васъ оставить ее дома.

— Что-жъ, тѣмъ лучше и для нея, и для меня,—съ загадочной усмѣшкой сказала Есфирь.—Воображаю себѣ, какъ презираютъ меня теперь всѣ мои бывшіе друзья и знакомые.

— Никакъ не всё,—горячо вскричалъ Рафаэль.

— Однако, намъ лучше уйти отсюда, чтобы не обращать на себя вниманіе публики, — вдругъ замѣтила Есфирь. Они, молча, сошли съ лѣстницы и черезъ минуту очутились на многолюдной и шумной улицѣ.—А почему это вы не въ редакціи? Вѣдь, четвергъ у васъ, кажется, самый трудный день въ недѣлѣ,—съ жи-

востью продолжала Есфирь, которая нарочно посѣщала музей по четвергамъ, во избѣжаніе опасной для нея встрѣчи.

— Я ужъ не состою больше редакторомъ „Иудейскаго Стяга“, — коротко заявилъ Рафаэль.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это странно, — а мнѣ казалось, что я въ каждомъ номерѣ „Иудейскаго Стяга“ узнаю руку его редактора. Неужели же мой критическій даръ совсѣмъ измѣнился мнѣ?

— Насчетъ этого я могу сказать только, что вашъ критическій даръ не уступаетъ творческому, — съ убѣжденіемъ возразилъ Рафаэль.

— А я нахожу, что журнальная дѣятельность развиваетъ въ васъ склонность къ сарказму.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога не будьте такъ жестоки и не придавайте моимъ словамъ такого значенія, какого въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть. Вашъ критическій инстинктъ, дѣйствительно, не обманулъ васъ, потому что я только на-дняхъ былъ уволенъ отъ моихъ редакторскихъ обязанностей.

— Уволенъ! — съ недоумѣніемъ повторила Есфирь. — Но развѣ газета принадлежала не вамъ?

Рафаэль нѣсколько смутился. — Нѣтъ, не мнѣ, — отвѣтилъ онъ. — Она только номинально считалась моею, но на самомъ дѣлѣ принадлежала другому, и этотъ другой счелъ за лучшее устранить меня отъ дальнѣйшаго участія въ ея дѣлахъ.

— Знаете, я нахожу, что съ вами поступили такъ безсовѣстно, что мнѣ просто обидно за васъ, — съ негодованіемъ вскричала Есфирь.

Ея горячее участіе тотчасъ же возвратило бодрость духа ей собесѣднику.

— Меня, впрочемъ, не особенно поразила моя отставка, — сказалъ онъ, — тѣмъ болѣе, что я, кажется, дѣйствительно началъ все больше и больше уклоняться отъ первоначальной программы газеты.

— Вотъ какъ! Значитъ, и вы начали измѣнять своимъ принципамъ правовѣрнаго еврея?

— Нѣтъ, не то,—я скорѣе началъ приходить къ тому заключенію, что я никогда не былъ правовѣрнымъ евреемъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово прочіе наши ортодоксы. Дѣло въ томъ, что мнѣ никогда не случалось раньше присматриваться къ нимъ, и я даже и понятія не имѣлъ о томъ, какъ недобросовѣстно относятся къ еврейству нѣкоторые изъ нашихъ ортодоксальныхъ писателей. Что же касается до меня лично, то я ни на іоту не отступилъ отъ тѣхъ воззрѣній, которыя я проводилъ, какъ словесно, такъ и письмено, — разумѣется за исключеніемъ научныхъ вопросовъ, которые навсегда останутся открытыми для изслѣдованія.

— Но что же теперь будетъ со мной?—комически жалобнымъ тономъ спросила Есфирь.—Кто возьметъ на себя задачу обращать меня на путь истины?

— Васъ и не нужно обращать на путь истины, потому что вы настоящая еврейка не только по плоти, но и по духу, — съ убѣжденіемъ произнесъ Рафаэль, совершенно безсознательно отрякаясь отъ тѣхъ самыхъ воззрѣній, которыя онъ еще такъ недавно проводилъ въ спорѣ съ Стрелицкимъ.—Чтобы вы ни говорили, но ваши стремленія и идеалы—чисто еврейскіе,—это ясно видно изъ вашихъ нападокъ на наше общество.

Есфирь упрямо покачала головой.

— Вы приписываете мнѣ свои собственныя взгляды на вещи, точно также, какъ стараетесь открыть современныя идеи въ своихъ любимыхъ старыхъ книгахъ,—спокойно замѣтила она.

— Я ничего не приписываю вамъ, а говорю только то, что читаю въ вашей душѣ, которая, наперекоръ вашему скаптяческому уму, осталась вѣрна голосу истины, — возразилъ Рафаэль, опять безсознательно вторя словамъ своего друга.—Въ себялюбіи заключается все человѣческое безбожіе, а въ самоотверженіи, въ возвышенныхъ стремленіяхъ—вся наша религія. Эта идея, по словамъ

учителя Гиллеля, составляет главную основу нашего закона, все же остальное служить только комментарием для нея. Вѣдь, мы съ вами оба твердо вѣримъ въ то, что миръ держится только справедливостью, строгой законностью и—прибавилъ онъ, понижая голосъ почти до шопота,—любовью.

Есфирь опять вздрогнула, какъ въ минуту неожиданной встрѣчи съ нимъ, и сердце ея переполнилось чувствомъ безграничной, святой радости. Но она тотчасъ же опомнилась и подавила въ себѣ это непрошенное, хотя и упойтельное чувство. „Зачѣмъ онъ нарушаетъ опять ея миръ душевный? Вѣдь, между ними ужъ все кончено, и она твердо рѣшилась начать въ Новомъ свѣтѣ новую жизнь“.

— Очень рада, что вы признаете во мнѣ нѣкоторыя хорошія стороны,—саркастическимъ тономъ проговорила она вслухъ.—Но я замѣчаю, что вы совершенно измѣнили вашимъ принципамъ правовѣрнаго еврея. Къ какому, однако, неожиданному результату привело изданіе вашей ортодоксальной газеты, имѣвшей цѣлью обратить меня въ еврейство и, въ концѣ-концовъ, поколебавшей вѣру въ него самого ея редактора. Какая злая насмѣшка судьбы! Но не смотрите на меня съ такимъ соблазнованіемъ, — „Иудейскій Стягъ“ все-таки сдѣлалъ свое дѣло и обратилъ меня въ еврейство,—съ внезапной серьезностью во взглядѣ и въ голосѣ прибавила она.—Да, я теперь преклоняюсь передъ еврействомъ въ старой его формѣ, со всѣми его крайностями, поэтому ужъ не могу сочувствовать вашимъ новымъ взглядамъ на него,

Рафаэль тревожно и вопросительно взглянулъ на нее, какъ бы стараясь выяснить себѣ, какой смыслъ имѣли ея слова—ироническій, или серьезный. Для него было очевидно только одно, что она снова ускользаетъ отъ него. Въ ея натурѣ было столько парадоксальнаго, загадочнаго и даже непонятнаго, и несмотря на это, она съ каждой минутой дѣлалась ему дороже и милѣе.

— Гдѣ вы живете теперь?—вдругъ спросилъ онъ.

— Не все-ли равно для васъ, гдѣ бы я ни жила теперь,—

уклончиво отвѣтила Есфирь. — Черезъ три недѣли я уѣзжаю въ Америку.

Вѣдний Рафаэль вдругъ почувствовалъ, что сердце его мучительно сжалось отъ охватившаго его холода. „Значить, онъ долженъ навсегда проститься съ самыми своими завѣтными мечтами и надеждами. Неужели они встрѣтились опять для того только, чтобы сейчасъ же разстаться, быть можетъ, на вѣки? Да, между ними, должно быть, стоитъ какая-то неумолимая высшая сила, разлучающая ихъ между собой“. Тутъ въ душѣ его поднялась страшная буря порывистаго горя и негодованія, и онъ хотѣлъ было высказать ей все, что онъ пережилъ и перечувствовалъ за послѣднее время, но ограничился только тѣмъ, что тихо и печально проговорилъ: — Зачѣмъ вы уѣзжаете отсюда?

— Это вопросъ уже рѣшенный, — съ живостью отозвалась Есфирь. — Да къ тому же, моя младшая сестра выходитъ замужъ, и я отложила свой отъѣздъ для того только, чтобы явиться какъ разъ къ ея свадьбѣ, — какъ добрая фея въ волшебныхъ сказкахъ. — съ мечтательною улыбкой пояснила она.

— Значить, вы поселитесь опять въ своей семьѣ?

— Конечно, и надѣюсь, что это поможетъ мнѣ сдѣлаться гораздо добрѣе и лучше, чѣмъ я была до сихъ поръ. Нѣтъ, ваши новыя теоріи не могутъ производить такого спасительнаго дѣйствія на сердца человѣческія, какъ старыя еврейскія правила, несмотря на всѣ ихъ недостатки. Онѣ не въ состояніи установить между нашей расой такую крѣпкую связь, которая сохранялась бы и въ прохладной тѣни, и подъ солнечнымъ зноемъ, какъ въ былыя времена. Сколько поэзи въ этой дѣтски-наивной вѣрѣ хотя бы въ столбъ непроницаемаго мрака, сопровождавшій нашихъ праотцевъ днемъ, и въ огненный столбъ, смѣнявшій его ночью, или же въ этомъ терпѣливомъ ожиданіи, въ теченіе цѣлѣхъ вѣковъ, обѣщаннаго Мессіи, который и для васъ, конечно, имѣетъ только символическое значеніе. Впрочемъ, — прибавила она съ прежней меланхолической улыбкой: — вы, богатые люди, никогда не поймете

этого, потому что это поэзія совсѣмъ особаго рода, не имѣющая ничего общаго съ поэзіей вашихъ обѣдовъ въ семь блюдъ.

— Нѣтъ, я вполне понимаю васъ, — горячо возразилъ Рафаэль. — Я повторялъ то же самое и Стрелицкому, который указывалъ мнѣ на необходимость интеллектуальнаго элемента въ религіи. Кстати, Стрелицкій тоже уѣзжаетъ въ Америку, — прибавилъ онъ, почувствовавъ вдругъ приливъ жгучей ревности.

— Что-жъ, онъ можетъ позволить себѣ это маленькое развлеченіе.

— Онъ совсѣмъ уѣзжаетъ туда и отказался уже отъ своего мѣста въ Кенсингтонской синагогѣ.

— Вотъ какъ! Значитъ, онъ получалъ въ Америкѣ еще болѣе выгодное мѣсто?

— Какъ вы жестоки и несправедливы къ нему, миссъ Ансаль, — съ упрекомъ замѣтилъ Рафаэль. — Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ никакъ не подъ вліяніемъ корыстныхъ побужденій, а по внушенію своей строгой совѣсти.

— Странно, что его строгая совѣсть вдругъ заговорила послѣ столькихъ лѣтъ молчанія, — саркастическимъ тономъ сказала Есфирь.

— Увѣряю васъ, что вы сильно ошибаетесь на его счетъ. Его профессія проповѣдника причиняла ему столько нравственныхъ страданій, что онъ не выдержалъ этой пытки, и кончилъ тѣмъ, что сбросилъ съ себя свои тяжкія цѣпи. И знаете-ли, онъ рѣшился на этотъ шагъ, воодушевленный вашимъ же примѣромъ.

— Мойнъ примѣромъ? Что вы хотите этимъ сказать? — съ удивленіемъ спросила Есфирь.

— Видите-ли, когда онъ узналъ отъ меня настоящую причину, заставившую васъ оставить домъ Гольдсмитовъ, то это подействовало на него какъ электрической толчекъ, и онъ тутъ же заставилъ меня написать формальное заявленіе о томъ, что онъ отказывается отъ мѣста проповѣдника въ нашей синагогѣ. Такъ что если бы я не предупредилъ васъ, то вы сами, вѣроятно, прочли бы эту новость въ завтрашнемъ номерѣ „Иудейскаго Стига“.

Есфирь ничего не отвѣтила, но ея серьезное личико приняло какое-то особенно кроткое выраженіе. Пройдя еще немного далѣе, она вдругъ остановилась, замѣтивъ, что они подходятъ къ мѣсту ея таинственнаго убѣжища.

— Однако, мнѣ пора проститься съ вами, и-ръ Леонъ, — торопливо проговорила она.—Если судьба столкнетъ меня въ Америкѣ съ моимъ бывшимъ пастыремъ, то я постараюсь загладить свою невольную вину передъ нимъ. Да, это, дѣйствительно, геройскій поступокъ съ его стороны. Но чѣмъ же онъ думаетъ заняться въ Америкѣ?

— Онъ намѣревается и тамъ посвятить себя дѣятельности проповѣдника, съ цѣлью всемірнаго распространенія настоящихъ принциповъ еврейской религіи. Онъ, вѣдь, прирожденный идеалистъ съ самыми широкими и возвышенными стремленіями. Лѣтъ десять тому назадъ, онъ съ такимъ же увлеченіемъ мечталъ о всеобщемъ переселеніи евреевъ въ Палестину.

Есфирь невольно улыбнулась, но не надъ иллюзіями Стрелицкаго, а надъ самимъ Рафаэлемъ, который съ такимъ наивнымъ самодовольствіемъ называлъ своего друга идеалистомъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи она не вполне понимала любимаго ею чловека, который, дѣйствительно, былъ надѣленъ до извѣстной степени тѣмъ, что называется практической жлжкой. Но, по ея мнѣнію, какъ онъ, такъ и Стрелицкій, на котораго она смотрѣла теперь уже совсѣмъ другими глазами, — были люди одного и того же закала.

— Его проповѣдь не сдѣластъ евреевъ счастливыми, не-евреевъ разумнѣе,—сказала она, съ скептическимъ видомъ повачавъ головой.—Увѣряю васъ, что великія націи будутъ равнодушно идти впередъ, обращая столько же вниманія на еврейскихъ проповѣдниковъ, сколько эта толпа на насъ съ вами. Къ тому же, мы составляемъ такую незначительную часть посреди окружающихъ насъ населеній. Нѣтъ, наши патріоты должны отложить въ сторону всякія

надежды на успѣхъ еврейской формулы, въ старомъ или въ обновленномъ ея видѣ.

— Какъ бы ни казалась она безнадежной, но она все-таки можетъ спасти міръ, — съ спокойной увѣренностью отвѣтилъ Рафаэль. — А для этого нужно прежде всего принять мѣры къ тому, чтобы спасти ее самое для блага міра.

— Отъ души желаю, чтобы ваши надежды и мечты вполне осуществились, — проговорила Есфирь, съ дружеской улыбкой протягивая ему руку. — Еще разъ прощайте.

— Но вѣдь мы, надѣюсь, не совсѣмъ еще прощаемся? — порывисто вскричалъ Рафаэль, сопровождая свои слова умоляющимъ взглядомъ. — Неужели мы не увидимся больше до вашего отъѣзда въ Америку?

— Но зачѣмъ и къ чему это? — тревожно отозвалась Есфирь.

— „Да, вѣдь, я люблю васъ!“ — чуть было не вскрикнулъ Рафаэль, но во-время удержался и, подумавъ, что такое внезапное признаніе выйдетъ, пожалуй, и грубо, и неуѣстно, только робко произнесъ: — Но почему-жъ бы мнѣ не повидаться съ вами до вашего отъѣзда въ Америку?

— „Потому что я боюсь васъ“, — подумала Есфирь, но ничего не сказала вслухъ.

Рафаэль пристально заглянулъ ей въ глаза, въ надеждѣ прочесть въ нихъ ея отвѣтъ; но она въ смущеніи опустила ихъ внизъ, и онъ снова и уже смѣлѣе повторилъ свой вопросъ:

— Почему же бы намъ и еще не повидаться до вашего отъѣзда?

— Право, для васъ это будетъ совершенно бесполезная трата времени, которыми вы такъ дорожите.

— Въ вашемъ обществѣ и въ разговорѣ съ вами, я далеко не бесполезно трачу свое время, — горячо возразилъ Рафаэль.

— Увѣряю васъ, что намъ гораздо лучше будетъ проститься теперь же, — въ волненіи повторила Есфирь.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я никакъ не могу согласиться съ этимъ. Я

считаю себя вашимъ другомъ и рѣшительно не понимаю, почему вы хотите лишить меня удовольствія хоть на прощанье поговорить съ вами по душѣ. Это тѣмъ болѣе огорчаетъ меня, что мнѣ угрожаетъ, можетъ быть, вѣчная разлука съ вами.

— Какое же удовольствіе вы можете находить въ обществѣ такой невеселой собесѣдницы, какъ я?

— Такое, что я, какъ безумный, бросился въ музей, когда случайно услышалъ, что васъ видѣли тамъ, — какъ бы про себя проговорилъ Рафаэль. — Да, въ обществѣ этой, какъ вы говорите, невеселой собесѣдницы я нахожу такое удовольствіе, что если я лишусь ее, то жизнь потеряетъ всякое значеніе и всякую цѣну въ моихъ глазахъ.

Онъ все еще держалъ въ своихъ рукахъ руку любимой дѣвушки, и въ его словахъ, сказанныхъ робкимъ и дрожащимъ голосомъ, звучало чувство самой глубокой и безграничной нѣжности. Вокругъ нихъ происходила обычная суматоха шумной уличной жизни.

Есфирь не могла сомнѣваться больше относительно настоящаго значенія его словъ, и сердце ея затрепетало отъ ощущенія упительной радости, переполнившей все ея существо. Но чѣмъ сильнѣе было это ощущеніе блаженства, тѣмъ упорнѣе она старалась подавить его и заглушить въ себѣ всякое стремленіе къ личному счастью, которое такъ легко давалось ей въ руки. Она такъ привыкла къ самоуниженію и такъ сроднилась съ своей печальной долей, что ее почти раздражала теперь мысль о томъ, что она можетъ сдѣлаться вполне счастливой. Ей казалось, что страданіе было природной ея стихіей, внѣ которой ей почти невозможно было дышать, и она не только помирилась съ нимъ, но въ силу привычки даже полюбила его. Мало того, она находила, что въ наслажденіи личнымъ счастьемъ было нѣчто до нельзя предосудительное, недостойное и даже предательское по отношенію ко всему страждущему человечеству. Съ другой стороны, она съ какими-то неповажнымъ упорствомъ старалась увѣрить себя, что счастье ни

въ какомъ случаѣ невозможно для нея, какъ для дѣвушки того-ваго происхожденія, не надѣленной ни красотой, ни блестящими дарованіями, и не ивѣнней рѣшительно никакого, даже самаго скромнаго положенія въ обществѣ. Поэтому ей казалось теперь, что если бы она воспользовалась возможностью занять почетное мѣсто у комфортабельнаго домашняго очага, то измѣнила бы самою себя и покривила бы душой передъ чѣмъ-то, но передъ чѣмъ именно—она и сама не вполне ясно понимала это. Выть можетъ, она думала такъ, потому что настоящій комфортабельный очагъ существовалъ только въ томъ кругу, съ которымъ она добровольно порвала всякую связь и воспоминанія о которомъ пробуждали въ ея душѣ такое горькое чувство, которое не могла смягчить даже мысль о представившейся ей возможности вернуться туда съ полнымъ торжествомъ. „Зачѣмъ ей возвращаться въ этотъ кругъ? Вѣдь, она сама не принадлежитъ къ нему“,—съ невольнымъ раздраженіемъ повторяла она себя. Тѣмъ не менѣе, она была почти до слезъ благодарна Рафаэлю за его неспостижимую для нея любовь къ некрасивой, бѣдной дѣвушкѣ, вышедшей изъ самой ничтожной общественной среды. Конечно, это чувство только и можно объяснить его рыцарски великодушной натурой, думала она. Вѣдь, другіе молодые люди проходили совершенно равнодушно мимо нея. Не полюбили же ее Сидней, да и Леви тоже въ сущности воображалъ только, что любить ее. Но несмотря на такое самоуниженіе, въ глубинѣ ея души все-таки таилось сознаніе, что она любима если не за вѣшнія, то за внутреннія ея качества, которыя могъ оцѣнить только одинъ Рафаэль, и это сознаніе, возвышавъ ее въ собственномъ мѣтнѣ, примиряло ее также и съ людьми. Встрѣтила же она между ними такого человѣка, который поддерживалъ въ ней вѣру въ себя и облегчилъ для нея этимъ тяжелое бремя ея безотраднaго существованія.

Эти тревожныя и почти неуловимыя мысли съ быстротой молніи пронеслись въ ея головѣ, и она, опомнившись, почти въ ту же минуту, съ притворно шутливымъ видомъ отвѣтила:

— Ну, и-ръ Леонъ, я никакъ не ожидала отъ васъ такого сентиментальнаго заявленія. Къ чему играть словами и невольно обманывать себя? Какъ можетъ жизнь потерять всякое значеніе для васъ, когда вы увлечены такой высокой задачею, какъ спасеніе еврейства?

— Развѣ я титанъ, чтобы могъ взять на себя такую задачу? Я желалъ бы прежде всего спасти васъ.

— Ради Бога, не уклоняйтесь въ сторону отъ главной своей цѣли и держите свое національное знамя на прежней высотѣ.

— Я и не уклоняюсь отъ своей цѣли. Но мои мечты видѣть васъ счастливой тѣсно связаны съ самыми завѣтными моими мечтами относительно будущности еврейства. Видите-ли, я пришелъ къ тому заключенію, что ваша жизнь представляетъ нѣчто въ родѣ аллегоріи на исторію жизни всего еврейства, которая начала увядать въ періодъ самаго блестящаго своего разцвѣта, подобно созрѣвшему плоду, подтачиваемому невидимымъ червемъ. Поэтому, когда я думаю о будущности еврейства, то непременно думаю также и о васъ, причѣмъ я горячо желаю, чтобы облако печали, омрачающее ваше лицо, навсегда исчезло съ него и замѣнилось бы улыбкой полного счастья; чтобы вы бодро и весело смотрѣли на жизнь, а не съ безнадежнымъ отчаяніемъ; чтобы вы искали душевнаго мира не въ наивной и безотчетной вѣрѣ нашихъ предковъ, а въ сознательной религіи, основанной на началахъ чистаго разума. Да, я горячо желалъ бы послужить для васъ опорой въ жизни и, въ замѣнъ того счастья, которымъ мнѣ такъ хотѣлось бы окружить васъ, я попросилъ бы васъ тоже быть моимъ ангеломъ хранителемъ, моей поддержкой и утѣшеніемъ въ трудныя минуты жизни... Есфирь, дорогая моя, будьте моей женой и позвольте мнѣ спасти васъ отъ самой себя.

— Нѣтъ, Рафаэль, скорѣе мнѣ слѣдуетъ спасти васъ отъ самого себя, отклонивъ васъ отъ великодушнаго, но безразсуднаго желанія связать свою судьбу съ судьбой мрачнаго духа гетто, который сомнѣвается во всемъ, даже въ самомъ себѣ.

Съ этими словами, наша непреклонная героиня тихо вынула свою руку изъ руки любимаго человѣка и, какъ настоящій безплотный духъ, тотчасъ же скрылась въ толпѣ.

ГЛАВА XVII.

Б л у д н ы й с ы н ъ .

Надъ обитателями гетто всходила заря новаго года, которому предшествуетъ цѣлый мѣсяцъ спеціальныхъ утреннихъ службъ, подъ протяжные звуки бараньяго рога (шоферъ). На пятые, или на шестые сутки десятидневнаго поста, завершающагося столь торжественнымъ и грознымъ днемъ очищенія, Анна Джекобсъ получила отъ совершенно неизвѣстнаго ей лица письмо, которое, судя по ея внезапно поблѣдѣвшему лицу, до нельзя напугало ее и повергло въ сильнѣйшее безпокойство всю семью почтеннаго равви, сидѣвшую въ столовой, за завтракомъ.

— Что случилось, душа моя?—съ озабоченнымъ видомъ спросилъ ребъ Шмуэль.

— Прочтите сами, папочка,—чуть не плача отвѣтила Анна.— Мнѣ пишутъ тутъ о Леви.

Морщинистое лицо старика нахмурилось и какъ-то судорожно передернулось отъ затаеннаго страданія.

— Не напоминай мнѣ о немъ,—онъ умеръ для насъ,—сурово проговорилъ онъ.

— Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ ужъ умеръ теперь!—съ отчаяніемъ вскричала Анна.—Вы отгадали, Есфирь: онъ дѣйствительно поступилъ въ труппу путешествующихъ актеровъ и теперь, какъ пишетъ одинъ изъ его товарищей, лежитъ въ тифъ, въ стокбриджскомъ госпиталѣ. Я увѣрена, что онъ или заразился, или простудился въ этихъ сырыхъ и неопрятныхъ уборныхъ, о которыхъ намъ не разъ приходилось читать въ газетахъ.

Есфирь нервно вздрогнула и молча опустила голову внизъ, вспоминая то печальное утро, въ которое на чердакѣ Анселей по-

лучена была роковая телеграмма съ извѣстіемъ о болѣзни ея брата Веньямина, и ей почему-то вдругъ пришло въ голову, что для бѣднаго Леви все кончилось теперь на землѣ.

— Бѣдный, бѣдный мой агненокъ!—съ сокрушеніемъ причитала раввиша, выпуская кофейникъ изъ своей дрожащей руки.

— Успокойся, Смиха,—строго произнесъ ребъ Шмуэль.—У насъ нѣтъ сына, котораго мы съ тобой могли бы оплакивать. Господу — да будетъ благословенно Имя Его во вѣки! — угодно было отнять его у насъ. Онъ посылаетъ намъ Свои дары и Онъ же отнимаетъ ихъ у насъ.

Анна порывисто встала съ своего мѣста и съ рѣшительнымъ видомъ направилась къ двери.

— Куда ты, Анна?—спросилъ ее отецъ по-нѣмецки.

— Къ себѣ въ комнату—надѣть шляпу и верхнюю кофточку.

— Куда же ты собираешься?—опять спросилъ ее раввинъ.

— Разумѣется въ стокбриджскій госпиталь. Мы всѣ—и вы, и мама, и я—должны сейчасъ же отправиться туда.

Старикъ быстро вскочилъ на ноги. Его всегда вротное лицо омрачилось отъ гнѣва и затаеннаго горя.

— Сядь на свое мѣсто и продолжай завтракать, — коротко сказалъ онъ.

— Да развѣ я могу заставить себя ѣсть, когда у меня не выходитъ изъ головы мысль, что Леви, можетъ быть, умираетъ въ эту минуту, — сдержанно, но твердо проговорила Анна. — Ну, что-жь, мама, — ѣдете вы со мной, или нѣтъ?

Но раввиша только горько плакала и лосала себѣ руки отъ отчаянія. Есфирь молча встала изъ за стола и, взявъ Анну за руки, пристально и съ такимъ участіемъ заглянула ей въ глаза, точно безъ словъ хотѣла сказать, что и она тоже отправится съ ней.

— Опомнись, Анна, и перестань сумасбродничать,—замѣтилъ ей отецъ.—Неужели ты думаешь, что твоя мать послушается скорѣе тебя, чѣмъ своего мужа?

— Но вѣдь, Леви умираетъ, папа, и мы должны быть теперь при немъ. Это наша прямая обязанность,—суровымъ тономъ отозвалась Анна, но въ ея голосѣ звучали не гнѣвные, а скорѣе какія-то скорбныя ноты.

— Эта обязанность не касается васъ, женщинъ, — сердито вскричалъ раввинъ.—Я самъ поѣду въ Отобриджъ, и если твой братъ умретъ,—да помилуетъ Господь его грѣшную душу!—то я позабочусь, чтобы онъ былъ погребенъ между своими единовѣрцами.—Съ этими словами онъ присѣлъ къ столу и, отодвинувъ въ сторону тарелку съ почти нетронутымъ кушаньемъ, началъ читать вслухъ благодарственную молитву. Подчиняясь отчасти его авторитету, отчасти же установленному обычаю, разстроенныя дѣвушки и тихо плачущая старуха покорно остались на своихъ мѣстахъ и въ благоговѣйномъ молчаніи выслушали молитву до конца.

— „Да подастъ Господь силу и крѣпость Своему народу; да ниспослетъ Господь миръ и благословіе на Свой народъ“, — твердо и съ чувствомъ глубокой вѣры произнесъ старшій. Тутъ онъ всталъ изъ за стола и, выправившись во весь ростъ, бодро направился къ двери.—Такъ ты, Анна, останешься дома, и ты тоже, Сиха, — прибавилъ онъ, пріостановившись на порогѣ, и сейчасъ же отправился далѣе, уже скорбившійся и уныло опустивъ голову внизъ, причемъ его длинная сѣдая борода закрыла ему всю грудь. Оставшіе однѣ, встревоженныя женщины, молча переглянулись между собой.

— Мама, неужели вы останетесь тутъ, зная, что Леви умираетъ отъ тифа въ чужомъ городѣ и на рукахъ постороннихъ людей!—порывисто заговорила Анна.

— Да развѣ же я могу не послушаться моего мужа!—съ отчаяніемъ отвѣтила бѣдная раввинша.—Леви совершилъ тяжкій грѣхъ передъ Господомъ, и твой отецъ ни за что не проститъ его. Онъ и взглянуть-то не рѣшится на сына до тѣхъ поръ, пока онъ не умретъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ навѣрно сжалятся надъ нимъ, — вста-

вила Есфирь.—Да, наконецъ, зачѣмъ отчаиваться зараиѣ? Леви еще такъ молодъ, что, вѣроятно, скоро поправится.

— Нѣтъ, ужъ чувствую, что онъ умретъ, и знаю, что отецъ ни за что не проститъ его, и явится только къ его смертному одру—читать надъ нимъ всалмы,—рыдая повторяла старуха.— Вѣднй мой мальчикъ! Онъ даже передъ смертью ничего не услышитъ не о своей матери, ни о сестрѣ!

— Да нельзя ли хоть нѣтъ поѣхать у него, чтобы передать ему вѣсточку о васъ?—съ живостью прибавила Есфирь.

— Нѣтъ, голубушка,—ласково отозвалась Анна:—вч, вѣдь, посторонняя для него, и мы никакъ не можемъ допустить, чтобы вы ради насъ подвергали себя опасности схватить заразную болѣзнь.

— Ну ужъ поѣзжай ты одна, Анна, только потихоньку отъ отца,—шопотомъ сказала наконецъ раввинша —Да, смотри, дорогой не попадайся ему на глаза, а тамъ ужъ у него не достанетъ духа вернуть тебя назадъ. Скажи отъ меня Леви, что я... О, мой ненаглядный сыночекъ! О, мой бѣдный, бѣдный агненокъ!—застонала она опять, обливаясь слезами.

— Нѣтъ, мама, мы съ вами должны обѣ ѣхать во что бы то ни стало,—рѣшительнымъ тономъ возразила Анна.—Я сейчасъ же пойду къ папѣ и скажу ему это.

И не дожидаясь отвѣта матери, она торопливо вышла изъ комнаты, а бѣдная раввинша, въ сильнѣйшемъ страхѣ и въ полномъ изнеможеніи, чуть не упала на кресло и принялась опять горько плакать, несмотря на утѣшеніе Есфири. Ребъ Шмуэль переодѣвался по дорожному, когда дочь окликнула его, предвѣрительно постучавшись къ нему.

— Лучше не говори и не спорь со мной, Анна,—съ раздраженіемъ отвѣтилъ онъ изъ-за двери, но сейчасъ же, какъ бы раскаившись въ своей рѣзкости, впустилъ къ себѣ дочь и началъ съ любовью гладить ее по головѣ своей морщинистой и дрожащей

рукой.—Ты всегда была доброй дочерью, голубка моя,—продолжалъ онъ,—забуди же, что у тебя былъ такой дурной братъ.

— Но, папа, какъ же я могу забыть это?—съ жаромъ вскричала Анна.—Да и зачѣмъ мнѣ забывать моего родного брата? Какое особенное преступленіе онъ совершилъ?

Ребъ Шмуэль пересталъ гладить ее по головѣ, и лицо его приняло скорбное и строгое выраженіе.

— Онъ надругался надъ великимъ именемъ своего Творца,—сурово проговорилъ старикъ.—Онъ какъ жилъ язычникомъ, такъ и умираетъ теперь язычникомъ. Его незаконная жизнь извѣстна была всей конгрегаціи, и только я одинъ ничего не зналъ объ этомъ до прошлой Пасхи; онъ покрылъ позоромъ мою сѣдую голову и нанесъ мнѣ такую сердечную рану, которая не заживетъ до самой могилы.

— Все это такъ, папа, — грустно отозвалась Анна.—Но развѣ Леви одинъ виноватъ во всемъ?

— Ты хочешь сказать, что я самъ поступилъ какъ безумецъ, позволивъ ему жить на отдѣльной квартирѣ? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ раввинъ.

— Нѣтъ, папа, не то. Леви былъ ужъ не ребенокъ, и ему слѣдовало привыкать жить своимъ умомъ.

— А развѣ я не приучалъ его къ этому?—съ горечью вскричалъ ребъ Шмуэль.—Господи,—съ сокрушеніемъ продолжалъ онъ, поднявъ глаза къверху:—развѣ я не училъ его день и ночь Твоему святому закону!

— И все-таки, папа, вы не должны слишкомъ строго обвинять Леви,—повторяла Анна.—Къ сожалѣнію, ваше ученіе не доходило до его сердца, потому что онъ принадлежитъ не къ вашему, а къ новому поколѣнію, вынужденному жить при такомъ общественномъ строе, для котораго нѣтъ никакихъ правилъ и предписаній въ нашемъ законѣ.

— Что за вадоръ ты говоришь, Анна,—возразилъ раввинъ, начиная опять хмуриться.—Законъ Моисеевъ никогда не устарѣетъ

и ни на іоту не измѣнится. Леви зналъ заповѣди Божіи, но онъ не хотѣлъ отказывать себѣ въ томъ, что прельщало его глаза и безразсудное сердце, и за это его слѣдовало бы, по слову Божію, побить каменями. Но праведное небо само позаботилось наказать его и посылаетъ ему преждевременную смерть, какъ „человѣку строитивому и непокорному, душа котораго должна быть изъята изъ среды его братьевъ“. Господь Самъ говоритъ: „Исполвай мои заповѣди, если хочешь наслаждаться долголѣтней жизнью на землѣ“. А въ другомъ мѣстѣ Писанія такъ же ясно сказано: „Веселись, о юноша, въ дни юности твоей, иди туда, куда влекутъ тебя твои взоры и твое сердце, но знай, что ты долженъ будешь дать отчетъ во всѣхъ твоихъ дѣяніяхъ, когда представишь предъ судомъ Господа“. Но тебя, голубка моя, я ни въ чемъ не могу упрекнуть,—ты всегда была доброй еврейкой и между тобой и твоимъ братомъ нѣтъ ровно ничего общаго. Ты такъ невинна и чиста душой, что тебѣ не годится даже входить въ соприкосновеніе съ нимъ и разстраиывать себя печальнымъ зрѣлищемъ его смерти. Постарайся же успокоиться и думай, что онъ умеръ, когда былъ еще ребенкомъ. Господи, Господи!—съ отчаяніемъ прибавилъ онъ:—зачѣмъ Ты не взялъ его къ Себѣ, когда онъ былъ еще невиннымъ младенцемъ?

— Папа,—въ полголоса сказала Анна, ласкаясь къ отцу:—возьмите меня съ мамой въ Стокбриджъ.

Раввинъ опять строго и печально взглянулъ на дочь.

— Нечего и толковать объ этомъ. Я сказалъ тебѣ, что поѣду одинъ,—сухо отозвался онъ.

— Какъ вамъ угодно, папа, а мы съ мамой рѣшились тоже ѣхать туда.

— Да что это съ тобой сдѣлалось, Анна?—съ растеряннымъ видомъ вскричалъ ребѣ Шмуэль.—Неужели и ты хочешь тоже пойти противъ твоего отца?

— Да, папа, на этотъ разъ я настою на своемъ,—вызывающимъ тономъ отвѣтила Анна.—Не считайте меня больше покор-

ной дочерью и доброй еврейкой; я сестра Леви и ничѣмъ не лучше его. А вы еще говорили, что я такъ чиста душой, что мнѣ не годится даже входить въ соприкосновеніе съ нимъ,—съ горькимъ сибѣхомъ прибавила она.

— И ты серьезно думаешь отправиться въ Стокбриджъ, несмотря на мое приказаніе остаться дома?—рѣзко спросилъ старикъ.

— Да, теперь ужъ я никого не послушаюсь и не откажусь отъ задуманной мною поѣздки, какъ отказалась отъ еще болѣе отдаленнаго путешествія, которое я хотѣла предпринять десять лѣтъ тому назадъ.

— О какомъ путешествіи ты говоришь?—Что ты, бредишь, что ли?

— Нѣтъ, не брежу. Вы позабыли о Давидѣ Брандонѣ, а я не забыла его. Такъ знайте же, что десять лѣтъ тому назадъ, какъ разъ наканунѣ Пасхи, я хотѣла убѣжать изъ дома и обвѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ, наперекоръ всѣмъ предписаніямъ нашего закона.

Блѣдное лицо раввина почти совсѣмъ помертвѣло, и онъ такъ сильно пошатнулся, что едва удержался на ногахъ.

— Но вѣдь ты же не рѣшилась на такой страшный шагъ?—хрипло проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не рѣшилась, и даже сама не знаю почему,—врачно отвѣтила Анна.—Должно быть у меня не достало на это смѣлости потому, что я слишкомъ уважала ваши религіозныя убѣжденія, хоть вы и представить себѣ не можете, какую жестокую борьбу я пережила въ то время. Но теперь меня ничто не удержитъ отъ поѣздки къ брату.

Резъ Шмуэль молча закрылъ себѣ лицо руками, и Анна могла видѣть только его беззвучно шевелившіяся губы. Но что шепталъ онъ про себя—благодарилъ ли Бога, избавившаго его отъ рокового удара, угрожавшаго ему, или же осыпалъ себя горькими упреками,—трудно было рѣшить. Наконецъ онъ глубоко вздох-

нулъ и отнялъ руки отъ своего разстроеннаго и заплаканнаго лица, по которому все еще катились крупныя слезы.

— Скажи мнѣ, дитя мое, ты все еще любишь этого чловека? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ.

Анна съ безнадежныиъ отчаяніемъ пожала плечами.

— Что-жъ теперь толковать объ этомъ? — съ горечью сказала она. — Прошлаго все равно не вернешь.

Ребъ Шмуэль съ нѣжностью прижалъ ее къ своему сердцу и прильнулъ своей морщинистой щекой къ ея плающему лицу.

— Бѣдная, бѣдная моя дѣвочка! — съ тоской прошепталъ онъ. — А я и не подозрѣвалъ твоихъ страданій, потому что былъ вполне увѣренъ, что Богъ послалъ тебѣ миръ душевный въ награду за твою покорность Его святому закону.

Анна порывисто откинула голову назадъ.

— Но развѣ то безчеловѣчное предписаніе можно назвать закономъ Божиимъ? — съ негодованіемъ вскричала она. — Да вѣдь это просто какой-то талмудическій фокусъ, которому только вы одни и могли придать значеніе закона Божія и о которомъ здѣсь никто даже и понятія не имѣлъ.

Старикъ былъ слишкомъ поглощенъ чувствомъ раскаянія и глубокаго сожалѣнія къ дочери для того, чтобы вступать съ ней въ споръ.

— Анна, голубка моя, значить, я неумышленно разбилъ твою жизнь, — съ трудомъ проговорилъ онъ, стараясь подавить слезы, выступавшія у него на глазахъ, и помолчавъ немного, прибавилъ: Скажи мнѣ, дитя мое, не могу ли я сдѣлать хоть что-нибудь, чтобы утѣшить тебя и загладить свою невольную вину передъ тобой?

— Если вы хотите утѣшить меня чѣмъ-нибудь, папа, то простите Леви. — Это самое задушевное мое желаніе.

Въ комнатѣ водворилось на минуту глубокое молчаніе.

— Скажи матери, что мы всё отправимся къ Леви, — произнесъ наконецъ раввинъ. — Да передай ей также, чтобы она захва-

тела съ собой все, что может понадобится намъ въ Стокбриджѣ, потому что мы пробудемъ тамъ, можетъ быть, нѣсколько дней.

Анна со слезами бросилась на шею къ отцу, который, тоже рдея, крѣпко прижалъ ее къ своему сердцу.

— Ну, поди теперь къ матери, — прибавилъ раввинъ, выпускающая дочь изъ своихъ объятій, — и скажи ей, чтобъ она позаботилась убрать комнату Леви и привести въ ней все въ прежній порядокъ. Можетъ быть, Господь услышитъ мою молитву и возвратитъ его намъ.

Лицо Анни просіяло отъ безграничной, почти неземной радости, переполнившей все ея существо. „Жертва моя все-таки не пропала даромъ“, — съ умилениемъ подумала она, спѣша исполнить приказаніе отца.

Но бѣдному Леви не суждено было вернуться въ родительскій домъ. Какъ разъ наканунѣ *Иом-Киппур'а* (Дня Очищенія), Есфирь, которой порученъ былъ присмотръ за квартирой раввина, получила письмо съ извѣстіемъ о его смерти.

„Онъ спокійно умеръ, утѣшенный мыслью, что отецъ простилъ его наконецъ и что онъ замолитъ также и его грѣхи передъ Богомъ, — писала ей, между прочимъ, Анна. — Но за то раньше онъ, бѣдный, жестоко страдалъ, особенно въ минуты бреда, и мучимый страхомъ смерти, то безсвязно молилъ Бога дать ему дожить хоть до *Иом-Киппур'а*, чтобы очиститься отъ своихъ грѣховъ, то бормоталъ что-то о змѣяхъ, которыя обовьются „на томъ свѣтѣ“ вокругъ его рукъ и головы, въ наказаніе за то, что онъ не носилъ филактерій при жизни. Онъ безпрестанно заставлялъ отца читать ему погребальный „Стихъ“, чтобы не забыть какъ-нибудь собственнаго имени, когда ангелъ Божій, который будетъ стоять у его могилы, спроситъ его объ этомъ. Не довольствуясь этимъ, онъ попросилъ отца надѣтъ на него его филактеріи, повязка отъ которыхъ оказалась черезчуръ широка для его остриженной головы. Увидавъ себя наконецъ въ филактеріяхъ и въ талисѣ, онъ замѣтно успокоился и началъ въ полголоса повторять за от-

цомъ предсмертную молитву: „О, если бы моя смерть могла послужить искупленіемъ всѣхъ моихъ грѣховъ, беззаконій и тяжкихъ проступковъ предъ Тобой“, — съ сердечнымъ умиленіемъ произнесъ онъ. — Будемъ же надѣяться, что эта скорбная молитва услышана Богомъ. Грустно и больно дѣлается, когда видишь, что жизнь, молодая и полная самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее, вдругъ угасаетъ, а жизнь, давно разбитая, продолжаетъ безцѣльно тянуться въ видѣ длинной вереницы унылыхъ и однообразныхъ дней. Леви и объ васъ тоже не разъ вспоминалъ, и я отъ души была рада тому, что онъ такъ искренно былъ расположенъ къ вамъ. „Передайте Есфирь мой сердечный поклонъ, — прошепталъ онъ уже въ предсмертныя минуты, — и скажите ей, что я увѣренъ въ томъ, что она все забудетъ и все проститъ мнѣ“. Но ужъ это былъ, должно быть, болѣзненный бредъ. Ему только что закрыли глаза, и его исхудалое лицо кажется теперь такимъ кроткимъ и спокойнымъ. Во время болѣзни его борода, которую онъ всегда брилъ, несмотря на просьбы отца, успѣла густо обрости волосами, что кажется какой-то горькой насмѣшкой надъ усопшимъ, который облеченъ теперь тоже въ талисъ и въ филактерію“.

Прочитавъ письмо, Есфирь глубоко задумалась и ей невольно пришли на память слова бѣднаго Леви: „Что сказали бы мои веселые друзья-пріатели, если бы они могли хоть на минутку взглянуть на меня?“

ГЛАВА XVIII.

Надежды и мечты.

Утро въ день великаго Очистительнаго Поста было пасмурное и холодное. Предыдущій же день походилъ почти на праздникъ для обитателей гетто, которые съ утра до вечера суетились и хлопотали, дѣлая обычныя приготовленія къ настоящему празднику. Есфирь, оставшаяся въ квартирѣ раввина только вдвоёмъ съ прислугой, въ описываемое утро уныло бродила по пустымъ комна-

натамъ. Она и наканунѣ почти ничего не ѣла, и теперь нагѣрена была пропуститься цѣлые сутки, а зачѣмъ—она и сама не знала этого. Она во всю свою жизнь ни разу еще не нарушала этого великаго поста, и теперь какъ-то инстинктивно не хотѣла отступить отъ традиціоннаго правила. Впрочемъ, въ этотъ великій день все постились — и Гольдсмиты, и даже такія высокопоставленныя особы, какъ напримѣръ, перы и лорды, а вѣстѣ съ прочими и прославленные герои бокса съ актерами. Но наша героиня, такъ строго соблюдавшая постъ, подобно большинству даже гораздо болѣе благочестивыхъ и убѣжденныхъ постниковъ,—была далека отъ всякихъ мыслей о своихъ грѣхахъ. Она думала обо всемъ, кромя этихъ скучныхъ грѣховъ—и о почтенномъ семействѣ раввина, понесшемъ такую тяжелую утрату, и о своемъ собственномъ семействѣ, съ которыми она надѣялась теперь скоро увидѣться.

День ея отъѣзда въ Америку былъ уже назначенъ, и она заранее взяла для себя мѣсто на пароходѣ, въ одной изъ переднихъ каютъ, но не потому, чтобы у нея не доставало денегъ на проѣздъ въ болѣе комфортабельной каютѣ, а единственно потому, что ей хотѣлось удовлетворить какому-то болѣзненному желанію—поставить себя въ совершенно одинаковыя условія съ многострадающей ауждой. По этому же самому убѣжденію она пожелала ѣхать непременно на томъ самомъ пароходѣ, на которомъ отправлялась на отдаленный западъ цѣлая партія нищихъ еврейскихъ эмигрантовъ. Думала она также и о голландѣ Дебби, у которой она провела вчера цѣлый вечеръ, и о письмѣ, полученномъ ею на-дняхъ отъ Рафаэля Леона, на которое она сочла за лучшее ничего не отвѣтить, такъ какъ у нея просто не доставало духа дать на него суровый отвѣтъ. Далеко не увѣренная въ себя и въ своихъ нравственныхъ силахъ, она избѣгала даже выходить изъ дома, чтобы не столкнуться опять лицомъ къ лицу съ любимымъ человѣкомъ; но къ счастью, эта опасность уменьшалась теперь съ каждымъ днемъ, въ виду ужъ подходившаго срока ея отъѣзда изъ Англій.

Около полудня, однако, хандра ея такъ усилилась, что она для развлечения рѣшилась пройтись по улицѣ. Въ воздухѣ чувствовалось уже что-то праздничное. Женщины и дѣти, не присутствовавшія въ синагогѣ, толпились у дверей, тщательно приодѣтыя и принаряженныя во все лучшее. Благоразумно набожные молодые люди, не желая подвергать себя утомленію и скукѣ слишкомъ продолжительной дневной службы, спокойно прогуливались по улицѣ, а нѣкоторые направляли свои стопы къ набережной, рассчитывая пройти въ національную галлерей и, пробывъ тамъ до наступленія сумерекъ, завернуть потомъ въ синагу, на вечернее богослуженіе.

Со всѣхъ сторонъ раздавались громогласные возгласы молящихся, исходившіе изъ синагогъ, или изъ молельнъ, въ которыхъ число мѣстъ для прихожанъ было увеличено до максимума, чтобы дать возможность присутствовать на богослуженіи всѣмъ желающимъ, даже и тѣмъ, которые являлись въ домъ Божій, только въ этотъ день.

Сосѣди и знакомые благодушно разспрашивали другъ друга о томъ, какъ они переносятъ постъ, и при этомъ безцеремонно высывали на показъ свои побѣлѣвшіе языки, глубокомысленно покачивали головами и высказывали разныя замѣчанія на счетъ прочихъ симптомовъ выдерживаемой ими діеты. Такимъ образомъ, виѣшняя сторона Дня Очищенія въ значительной степени заслоняла духовное его значеніе. Мужчины любезно подчивали другъ друга чѣмъ могли, и пузырьки съ нашатырнымъ спиртомъ быстро переходили изъ однихъ рукъ въ другія, причемъ почти всѣ единодушно утверждали, что имъ тяжелѣе всего было воздерживаться отъ куренія, и что если бы они не были вынуждены отказывать себѣ въ этомъ наслажденіи, то всѣ прочія лишенія, налагаемыя *Jom-Kippur*'омъ, были бы для нихъ рѣшительно не по чемъ.

Есфирь прошла мимо школы гетто, гдѣ происходило свободное моленіе не только внутри зданія, но даже и на дворѣ для игръ. Тутъ собраніе молящихся состояло частію изъ бѣдныхъ русскихъ и польскихъ евреевъ, доходящихъ въ исполненіи обрядовъ до фа-

натических крайностей, — частью же из распущенных лондонских рбниковъ и валисцевъ. А за оградой двора бродили, какъ грѣшныя тѣни, нѣкоторые изъ представителей вольнодумствующей молодежи, не рѣшавшіеся присоединиться къ хору молящихся по недостатку религіознаго чувства и не имѣвшіе настолькоъ твердости, чтобы остаться въ совершенно изолированномъ положеніи въ такой грозный день. Изъ внутри зданія съ утра до вечера слышался оглушительный громъ моленія, переходившаго отъ отчаянныхъ криковъ въ тихіе и жалобные стоны. Эти молитвенные звуки, раздававшіеся со всѣхъ сторонъ и наполнявшіе всё уголки гетто, пробуждали въ душѣ Есфиря чувство какого-то кроткаго и скорбнаго умиленія: ей невыразимо жаль было своихъ угнетенныхъ и униженныхъ братьевъ, и она прислушивалась теперь къ ихъ отчаяннымъ воплямъ съ такой же глубокой грустью, съ какой она слушала когда-то заунывное пѣніе сыновъ завѣта.

Очутившись, наконецъ, передъ одной большой молельней, которую она всегда посѣщала въ дѣтствѣ, Есфирь какъ-то бессознательно перешагнула черезъ ея порогъ и, быстро поднявшись на лѣстницу, безпрепятственно проникла въ женское отдѣленіе. У нея чуть было не закружилась голова отъ духоты и отъ чада восковыхъ свѣчей, но она сдѣлала надъ собой усиліе и начала осторожно пробираться къ окну черезъ плотные ряды почтенныхъ еврейскихъ матронъ, облеченныхъ въ черныя наряды и въ порывѣ молитвеннаго экстаза энергично раскачивавшихся взадъ и впередъ.

Такъ какъ это помѣщеніе, находившееся надъ мужской половиной, не имѣло сообщенія съ послѣдней, то пѣніе невидимаго кантора, доносившееся черезъ полъ, отдавалось здѣсь только какъ слабый и отдаленный отголосокъ; но общій хоръ мужскихъ голосовъ гремѣлъ такъ оглушительно, что хорошо былъ слышенъ и въ женскомъ отдѣленіи. Въ концѣ этой комнаты имѣлось окно, которое открывалось иногда въ хорошую погоду, а иногда и просто по прихоти какой нибудь изъ наиболѣе почетныхъ матронъ. Это единственное окно выходило на маленькую галлерейку, возвышавшуюся

надъ мужской синагогой, и когда здѣсь тоже было открыто косое окно, то раскатыстыя и звонкія рулады кантора такъ же отчетливо слышны были и въ женскомъ отдѣленіи, какъ въ мужскомъ.

Есфирь особенно любила эту галлерейку, гдѣ воздухъ все-таки былъ чище, и откуда въ свѣтлые дни можно было полюбоваться и на голубое небо, и на панораму красноватыхъ черепичныхъ крышъ, по которымъ бродили мѣстные кошки, лукаво поглядывая на неосторожныхъ сѣренькихъ пичужекъ, беззаботно порхавшихъ тутъ же. А нѣсколько въ сторонѣ, виднѣлся женскій монастырь, у оконъ котораго мелькали серьезные и блѣднотлицыя монахини, въ черныхъ остроконечныхъ шапочкахъ, и откуда слышалось издали оживленное жужжаніе складовъ, производимыхъ на распѣвъ свѣжими дѣтскими голосами и вносившихъ нѣкоторое разнообразіе въ утомительно скучную процедуру унылаго и безконечнаго моленія.

Занявъ свое старое мѣсто у окна, Есфирь вся отдалась своимъ воспоминаніямъ и мечтамъ, не обращая вниманія ни на теченіе времени, ни на ходъ службы, и не замѣтила даже, какъ дневное моленіе смѣнилось вечернимъ. Она не слыхала ни очистительныхъ молитвъ литургій, переложенныхъ на жаргонъ, которыя усердно бормотала зади нея какая-то благочестивая матрона въ назиданіе прочимъ набожнымъ матронамъ, окружавшимъ ее; ни цѣлаго ряда потрясающихъ проповѣдей, заставлявшихъ умиленныхъ слушательницъ благоговѣнно падать ницъ, ни поэмъ съ безконечно длинными реченіями, ни тяжеловѣсныхъ аعرстиковъ, выкрикиваемыхъ пронзительными голосами молящихся, какъ бы конкурировавшихъ другъ съ другомъ въ религиозномъ усердіи, ни воплей публичнаго покаянія въ грѣхопаденіи, сопровождающагося горестными вздохами, слезами, рыданьями, стопами, судорожнымъ сжатіемъ рукъ, тяжеловѣсными ударами въ грудь и прочими бурными изъясненіями сердечнаго сокрушенія. Она какъ бы утопала въ океанѣ звуковъ, производившихъ на нее такое же дѣйствіе, какъ волны, бьющіяся о морской берегъ то съ тихимъ журчаніемъ, то съ оглушительнымъ рывомъ, то опять съ замирающимъ ропотомъ. А свинцовыя облака спуска-

лись между тѣмъ все ниже и ниже, предвѣщая наступленіе сумерекъ и приближеніе того рокового часа, въ который Всевышній подписываетъ Свой праведный и неизмѣнный приговоръ, послѣ чего годовые свитки судебъ человѣческихъ торжественно закрываются. Взглянувъ въ косое окно, Есфирь увидала эти таинственные свитки, возвышавшіеся надъ группами фантастическихъ фигуръ, облеченныхъ въ бѣлыя погребальныя пелены (Kittel) и покачивавшихся то впередъ, то назадъ, какъ отъ взрывовъ бурнаго вѣтра.

Но вдругъ оглушительный и неумолкаемый грохотъ человѣческихъ голосовъ моментально стихъ, и кругомъ водворилась такая глубокая тишина, какъ будто все живущее на землѣ благоговѣнно притаилось, чтобы выслушать великое и знаменательное слово.

„Слышишь, о Израиль, Господь Богъ нашъ — Богъ единый!“ — громовымъ голосомъ пропѣлъ канторъ.

И вся конгрегация, охваченная религиознымъ экстазомъ, невольно закрыла глаза и, энергично раскачиваясь изъ стороны въ сторону, единодушно воскликнула:

„Слышишь, о Израиль, Господь Богъ нашъ — Богъ единый!“

Это многочисленное собраніе молящихся, одѣтыхъ въ бѣлыя погребальныя пелены, походило на воскресшее воинство, возставшее изъ своихъ гробовъ, чтобы засвидѣтельствовать единство Божіе. Оглушительный крикъ, пронесшійся съ одного конца синагоги и до другого, потрясъ до глубины души нашу героиню, одиноко стоявшую у окна. Въ ней снова пробудилось и заговорило ея природное *Я*, которое, какъ она думала, давно уже было заглушено въ ней, и она всѣмъ своимъ существомъ почувствовала, что въ жилахъ ея течетъ кровь ея предковъ. Увлеченная внезапно нахлынувшей на нее волной ничѣмъ не сокрушимой вѣры, она невольно подчинилась общему настроенію, и съ ея трепещущихъ губъ сорвался восторженный крикъ:

„Слышишь, о Израиль, Господь Богъ нашъ — Богъ единый!“

Успокоившись немного, она снова погрузилась въ свои думы, и пока конгрегация прославляла Господа въ традиционной рапсодіи,

заканчивающійся семикратнымъ возгласомъ: Господь нашъ—истинный Богъ!“—передъ ея умственными взорами, какъ въ калейдоскопѣ, промелькнула изумительная исторія ея несчастной націи. Ее и умиляла, и глубоко поражала мысль о томъ, что въ этотъ же самый тихій вечерній часъ, ея единовѣрцы, несмотря ни на что, громко исповѣдуютъ во всѣхъ концахъ вселенной ту вѣру, ради которой жили и умирали цѣлыя поколѣнія ихъ предковъ: и русскіе евреи, изнывающіе въ смрадныхъ конурахъ, и марокскіе въ своемъ меллахѣ, и южно-американскіе—въ палаткахъ у алмазныхъ рудниковъ; и еврей, проживающіе въ Новомъ Свѣтѣ, въ большихъ и свободныхъ городахъ, въ канадскихъ лѣсахъ и въ южно-американскихъ саваннахъ; и австрайлійскіе евреи, промышляющіе овцеводствомъ на фермахъ и пытающіе счастья на золотыхъ приискахъ; и азіатскіе еврей, тѣснящіеся въ своихъ грязныхъ кварталахъ, посреди варварскихъ племенъ. Ей казалось, что въ судьбѣ этихъ невѣжественныхъ и суовѣрныхъ фанатиковъ, жизнь которыхъ ей такъ хорошо была извѣстна во всей ея обиденной прозѣ,—было нѣчто таинственное и роковое, что придавало какое-то трагическое величіе этимъ приниженнымъ сынамъ гетто. Тутъ изъ вечерняго полумрака передъ ней внезапно выступилъ цѣлый рядъ свѣтлыхъ образовъ пророковъ, мучениковъ, ученыхъ философовъ и поетовъ, простиравшихъ руки къ этой темной толпѣ и съ братской любовью благословлявшихъ ее. Какими историческими путями и тропинками проникли сюда эти, всѣми презираемые, „вѣчные жида“, эти сметливые и подвижные фанатики, эти странные аскеты—матеріалисты, надѣленные такой изумительной способностью примѣняться ко всякимъ житейскимъ условіямъ, старающіеся приложить свои силы ко всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, пережившіе благодаря своему ничѣмъ не сокрушимоу оптимизму, преодолюющему даже ихъ поэтическую наклонность къ меланхолиі,—и вавилонянь, и грековъ, и римлянъ; служившіе подневольными казначеями для крестоносцевъ и выдержавшіе всѣ ужасы инквизиціи и всевозможныя преслѣдованія и гоненія какъ

въ отдаленныя, такъ и въ позднѣйшія времена своей исторіи. Неужели еврей, прошедшій черезъ цѣлый рядъ мытарствъ, кончить тѣмъ, что споткнется на своемъ пути, и увязнувъ въ болотѣ современнаго скептицизма, неизбежно увлечетъ за собой и другія религіи? Или же онъ будетъ съ прежнимъ упорствомъ держаться своей вѣры и увидитъ ее, наконецъ, пережившей другія ученія? Какая судьба ожидаетъ Израиля — сплотится-ли онъ въ одну священную фалангу, въ благороднѣйшее національное братство, какъ о томъ мечтаетъ Рафаэль Леонъ? Или же, та самая нація, которая проповѣдовала, — въ древнія времена устами своего учителя Моисея, а въ новѣйшія — своего философа Спинозы, — что міромъ управляетъ —

„Одинъ Богъ, одинъ законъ и одно начало“

сдѣлается, — какъ того жаждетъ еще болѣе увлекающійся русскій идеалистъ, — главнымъ двигателемъ къ осуществленію —

„Той необъятно великой, божественной идеи, которая составляетъ цѣль всего мірозданія?“

И какъ бы въ отвѣтъ на эти тревожные вопросы, оглушительный громъ моленія вдругъ смѣнился глубокимъ молчаніемъ. Затѣмъ раздались торжественные и протяжные звуки бараньяго рога, перешедшіе постепенно въ ликующій праздничный гимнъ. Традиціонное моленіе объ очищеніи грѣховъ кончилось.

Есфирь не сошла, а скорѣе была снесена сверху внизъ толпой, хлынувшей изъ синагоги. Но слишкомъ продолжительный постъ и удушливая атмосфера, въ связи съ нервнымъ напряженіемъ, совершенно истощали ея силы. Пока она оставалась въ синагогѣ, общее молитвенное одушевленіе какъ-то незамѣтно поддерживало ее; но едва она перешагнула съ крыльца на улицу, какъ ноги ея подкосились и она почти безъ чувствъ упала на мостовую. Въ то же время въ толпѣ мужчинъ, выходявшихъ изъ своего отдѣленія, раздался сдержанный крикъ испуга и удивленія, и какой-то человекъ стремительно бросился къ ней на помощь. То былъ Стрелицкій.

Теперь мы попросимъ нашихъ читателей перейти на палубу одного заграничнаго парохода, гдѣ въ числѣ прочихъ пассажировъ находилась и наша героиня съ Стрелицкимъ и Рафаэлемъ Леономъ, провожавшимъ въ отдаленное путешествіе такъ искренно уважаемаго имъ друга и такъ горячо любимую дѣвушку.

— Да вы взгляните только на этотъ несчастный, обнищавшій людъ,—уныло говорилъ онъ, указывая своимъ собесѣдникамъ на группы еврейскихъ эмигрантовъ, копошившихся въ узкихъ проходахъ палубы, между пучками веревокъ и тюками всевозможной клади. Зрѣлище, представляемое этой толпой жалкихъ оборванцевъ, въ истасканныхъ колпакахъ и мѣховыхъ шапкахъ, и оборванокъ въ полнвалыхъ шаляхъ, прикрывавшихъ грудныхъ младенцевъ,—дѣйствительно было далеко не веселое. Почти у всѣхъ лица были нахмуренныя, или печальныя, или совершенно апатичныя.—Вѣдь только такіе отчаянные мечтатели, какъ вы, и могли вообразить, что вы въ состояніи выносить тѣ же неудобства и лишения, какія выносить эта захудалая нищета,—продолжалъ Рафаэль.—Да вы не въ силахъ будете даже и дышать въ спертой атмосферѣ передней каюты. Взгляните, какъ скучены тамъ эти бѣдняки.

Стрелицкій поднялъ голову, но взглянулъ не туда, куда ему указывалъ его другъ, а на свою симпатичную спутницу, и въ его серьезныхъ и грустныхъ глазахъ мелькнуло такое выраженіе, какъ будто онъ думалъ, что въ ея обществѣ онъ вездѣ чувствовалъ бы себя счастливымъ, если бы только для него не былъ закрытъ навсегда доступъ къ ея сердцу.

— Вы забываете, что мы—дѣти гетто,—съ разсѣянныимъ видомъ отвѣтилъ онъ,—и оба, по одному и тому же инстинктивному побужденію, очутились въ такомъ же обществѣ, въ День Очищенія.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я никогда не забуду этого случая,—съ увлеченіемъ вскричалъ Рафаэль.—Если бы вы не встрѣтились тогда съ Есфирью, то она, пожалуй, навсегда уѣхала бы изъ

Англии и въ добавокъ отправилась бы въ такой дальній путь не подъ защитой такого надежнаго друга какъ вы, а совершенно одна, въ компаніи, можетъ быть и добродушнаго, но совсѣмъ не подходящаго для нея люда. Наконецъ, я не имѣлъ бы тогда возможности передать ей букетъ цвѣтовъ отъ Адди, съ просьбой считать ее своей сестрой и самымъ преданнымъ другомъ.

И онъ съ невыразимой нѣжностью взглянулъ на молодую дѣвушку, взявъ ее за руку, которая довѣрчиво осталась въ его рукѣ. На этой нѣжной ручкѣ еще не видно было обручальнаго кольца, такъ какъ между влюбленными рѣшено было отпраздновать сначала свадьбу Рахили Ансалъ въ Америкѣ и Адди Леонъ — въ Англии, а потомъ ужъ подумать о самихъ себѣ. Рафаэль заранѣе предвидѣлъ, какой гвалтъ возбудитъ въ истъ-эндскомъ обществѣ его эксцентричный выборъ, и даже увѣренъ былъ, что онъ окончательно упрочитъ за нимъ репутацію человѣка ненормальнаго; но эта мысль нисколько не смущала его и не омрачала его радужныхъ мечтаній объ ожидающемъ его счастьѣ.

Друзья, успѣвшіе вѣрвль наговориться между собой, стихли наконецъ и погрузились въ то безмятежное молчаніе, которое кажется иногда пріятнѣе самаго оживленнаго разговора.

На небѣ, которое до сихъ поръ то хмурилось, то прояснялось, весело засіяло солнце и озарило своими золотистыми лучами и парходъ, готовившійся къ отплытію, и мутныя волны, колыхавшіяся ринзу. Унылыя лица эмигрантовъ нѣсколько оживились, и грудныя испютки весело закопошились на когѣняхъ у своихъ матерей. Отъ времени до времени слышался звонокъ, напоминавшій увѣщающимъ и ихъ друзьямъ о наступленіи прощальной минуты.

— А ваша аллегорія, Рафаэль, все-таки сослужила вамъ службу, — вдругъ проговорила Есфиръ, сопровождая свое замѣчаніе той милой улыбкой, которая такъ шла къ ея выразительному личиу.

— Какая аллегорія?— спросилъ ее Стрелицкій, тоже весело улыбнувшись, какъ бы подъ влияніемъ ея заразителной улыбки.— Ужъ не собирается ли нашъ общій другъ написать аллегорическую поэму?

— Нѣтъ, дружище, — шутивымъ тономъ возразилъ Рафаэль. — Вы никакъ не отгадаете этой загадки, потому что Есфирь намекаетъ на одну маленькую тайну, извѣстную только ей, да мнѣ.

Стрелицкій опять улынулся, но какой-то горькой улыбкой, и торопливо отвернулся въ сторону.

Наконецъ настала печальная минута разлуки. Рафаэль молча наклонился къ своей будущей невѣстѣ, которая быстро подняла къ нему свое взволнованное и разгорѣвшееся личико, и губы ихъ слились въ первомъ упительномъ и вѣстѣ съ тѣмъ до боли грустномъ поцѣлуѣ. Этотъ нѣжный поцѣлуй прозвучалъ какъ трогательный привѣтъ двухъ родныхъ душъ, съ тихимъ вздохомъ сказавшихъ другъ другу: *Ave et vale*— здравствуй и прощай, моя радость!

— Ну, прощайте, Стрелицкій!—растроганнымъ голосомъ проговорилъ Рафаэль.—Отъ души желаю, чтобъ вамъ удалось осуществить всѣ ваши завѣтныя мечты.

Стрелицкій вздрогнулъ и порывисто повернулся къ своему другу. Его омрачившееся было лицо опять просіяло и дышало теперь выраженіемъ непреклонной рѣшимости, а черныя кудри, колеблемыя вѣтромъ, живописно развѣвались надъ его высокимъ лбомъ.

— Прощайте, дружище, — отвѣтилъ онъ, крѣпко сжимая своей мощной рукой протянутую ему руку.—И я также горячо желаю, чтобы сбылись всѣ ваши надежды на свѣтлое будущее.

Рафаэль сошелъ съ палубы и, не оглядываясь, быстро зашагалъ впередъ. Солнце по прежнему ярко свѣтило, но Есфирь вдругъ показалось, что вокругъ нея все какъ будто омрачилось и потемнѣло; сердце ея мучительно сжалось отъ какого-то невзра-

зимо тоскливаго чувства и она порывисто и почти бессознательно протянула руки въ удалявшейся фигурѣ дорогого ей человѣка. Успокоившись немного, она увидала его стоящимъ на тендерѣ и усердно махающимъ носовымъ платкомъ въ сторону парохода, который мчался на всѣхъ парусахъ изъ Стараго свѣта въ Новый, унося съ собой цѣлый грузъ человѣческихъ надеждъ и мечтаній.

К о н е ц ъ.

ПОЛЕ МЕЧЕЙ.

2-я кн. Самуила, гл. II, ст. 1—16.

Взошла заря надъ Гаваономъ...
Сіянью горнему чужда,
Подъ равнодушнымъ небосклономъ
Шумить бесплодная вражда.

Объяты злобою слѣпою,
Взирають буйно рать на рать,
Спѣша безумною толпою
И убивать, и умирать.

И вышли слуги Іоава
Рѣшить мечомъ кровавый споръ:
Въ единоборствѣ ждетъ ихъ слава
Иль пораженія позоръ!

Двѣнадцать воиновъ отборныхъ
Іевосеей на нихъ послалъ...
И вотъ раздался съ высей горныхъ
Братоубійственный сигналъ.

Кто превозможетъ: сынъ Саула
Иль помазанникъ Давидъ?
Кого надежда обманула?
Кого она благословить?

Глядятъ Израиль и Иуда
На битву грозную съ высотъ:
Сраженныхъ тѣлъ нѣмая груда
Зловѣщимъ призракомъ ростеть.

Борцы—подъ вражеской пятою,
Съ мечомъ въ груди, челомъ въ пыли...
И, вотъ, двѣнадцатой четюю
На ложѣ смерти полегли.

Безплодной ненависти сила,
Гдѣ провозвѣстники твои?
Не ты-ли ихъ соединила
Для вѣчной жизни и любви?..

1895.

К. Льдовъ.

ПАЛЕСТИНСКИМЪ КОЛОНИСТАМЪ.

Когда бывало въ дѣтствѣ я
Читаю книгу Бытія,
Когда въ душѣ моей сказанья
Рождали свѣтлыя мечтанья,—
Я уносился въ край родной
На крыльяхъ грезы золотой.
Картины сердцу дорогія,
Какъ на яву, ловилъ мой взоръ:
Въ лучахъ заката золотыя
Я видѣлъ тамъ вершины горъ,
Я видѣлъ кедры вѣвовые,
И водъ Иорданскихъ берега,
И безвонечные луга...
Я чуялъ мощный духъ свободы
Среди лѣсовъ, среди полей,—
И, мнилось мнѣ,—здѣсь неба своды
Сіяютъ ярче и пышнѣй.
.
Прошли младенческіе годы,
Померкло утро свѣтлыхъ грезъ...
Узналъ я первыя невзгоды,
вусилъ я горечь первыхъ слезъ.

Народъ стоналъ, какъ стонеть нынѣ,
Народъ въ цѣпяхъ изнемогалъ
И о разрушенной святынѣ
Лишь въ часъ молитвы вспоминалъ.
И я сказалъ себѣ впервые:
„Спасенье наше не въ слезахъ,—
Молитвы скорбныя, святыя
Намъ не вернуть поля родныя...
Намъ надо съ знаменемъ въ рукахъ,
Сплотившись тѣсными рядами,
Вступить въ открытый бой съ врагами“.
И зазвучала пѣснь моя,
Полна надеждъ и упованій,
Полна могучаго огня,
Какъ кличъ бойца на полѣ брани.
И Богу гнѣва вятву я
Принесъ предъ алтаремъ священнымъ,
Что я останусь неизмѣннымъ
Борцомъ народа моего.
Съ тѣхъ поръ у насъ однѣ страданья,
Однѣ мечты, однѣ желанья,
Одно и то же Божество.
.
Пусть говорятъ враги народа,
Что увлеклись мечтою мы,—
Но чьей душѣ близка свобода,
Кому противно царство тьмы,

Тотъ не пошлетъ намъ укорины
За то, что въ насъ не умерли
Мечты—вернуть поля отчины,
Поля своей родной земли...
Я видѣлъ васъ, родные братья,
Средь невоздѣланныхъ степей,—
За плугомъ шли вы безъ проклятья,
Подъ зноемъ солнечныхъ лучей...
Я вижу васъ теперь на нивахъ
Съ побѣдной пѣснью на устахъ,—
Предъ вами въ яркихъ переливахъ
Хлѣба пестрѣютъ на поляхъ.
Богъ въ помощь вамъ... вы показали,
Что дорогъ намъ завѣтъ отцовъ,
Что плугъ и серпъ не чужды стали
Рукамъ Израиля сыновъ...

Х. Зигеръ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ.

По еврейскимъ Херсонскимъ колоніямъ.

(ФАКТЫ И МЫСЛИ).

Приглашаю читателей, интересующихся положеніемъ евреевъ-земледѣльцевъ, сопутствовать мнѣ въ обычной побѣдѣ моей по еврейскимъ колоніямъ Херсонской губерніи. Путешествіе свое я начинаю съ Херсонскаго сельско-хозяйственнаго училища. Размѣстилось оно на одной изъ окраинъ г. Херсона въ получасовомъ разстояніи отъ центра его. Не стану утомлять читателей описаніемъ училища, а подойду къ нему вплотную съ той стороны, съ которой оно представляется интереснымъ для обозрѣвателя сельско-хозяйственнаго положенія еврейскихъ поселеній за 1894/5 года. Что общаго между земскимъ сельско-хозяйственнымъ училищемъ и евреями-земледѣльцами, я разъясню тотчасъ же. Херсонское земское сельско-хозяйственное училище функционируетъ уже многіе годы, приготовляя практически и теоретически знакомыхъ съ сельско-хозяйственнымъ дѣломъ лицъ, большинство коихъ и посвящаетъ себя сельско-хозяйственной дѣятельности въ качествѣ управителей, помощниковъ управителей и приказчиковъ въ частныхъ имѣніяхъ. При этомъ училищѣ, въ лѣтнее время, въ самую страду, открываются практическіе и теоретическіе курсы по предметамъ сельскаго хозяйства для земскихъ, министерскихъ и другихъ народныхъ учителей. Учителямъ, пріѣзжающимъ на курсы, назначается изъ специальныхъ школьныхъ фондовъ необходимая на прожитіе во время слушанія курсовъ субсидія. Хорошая постановка дѣла, благопріятныя, какъ по времени, такъ и благодаря субсидіи, условія привлекаютъ на курсы многихъ учителей. Курсы длятся максимумъ 6 недѣль. Ознакомившись съ предметами по книжкамъ и подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ, народные учителя-курсисты провѣряютъ и дополняютъ свои знанія практикой. Эта симпатичная идея, осуществленная губернскимъ земствомъ, до настоящаго времени оставалась недоступной для

еврейскихъ колоніальныхъ учителей, потому во первыхъ, что у нихъ одновременно съ курсами идутъ занятія по училищамъ, во вторыхъ—за отсутствіемъ средствъ и, наконецъ, въ третьихъ, въ виду неизвѣстности, какъ посмотрѣло бы на такую попытку педагогическое начальство, и доступны-ли евреямъ періодически организуемые земствомъ курсы. Въ текущемъ году 2 народныхъ учителя еврейскихъ колоній обратились къ своему непосредственному начальнику—инспектору народныхъ училищъ—съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ слушать лекціи по предметамъ сельскаго хозяйства наравнѣ съ другими, въ томъ конечно, случаѣ, если губернская земская администрація допуститъ пріемъ евреевъ на курсы. Г. инспекторъ отнесся къ просьбѣ обоихъ учителей очень симпатично, и не встрѣчая препятствій къ удовлетворенію ходатайства ни съ своей стороны, ни со стороны земства, рекомендовалъ обоимъ обратиться въ Управление Государственныхъ Имуществъ за пособіемъ. Ходатайство пошло по инстанціямъ и съ разрѣшенія г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, оба учителя, допущенные къ слушанію лекцій, снабжены субсидіей въ 60 рублей каждый. Одинъ изъ нихъ, это Ватнеръ, молодой человѣкъ 24-хъ лѣтъ, только что со школьной скамьи. Въ прошломъ году онъ окончилъ виленскій педагогическій институтъ и назначенъ въ колоніальную школу В. Нагартва. Второй учитель, г. Изачикъ, 34 лѣтъ отъ роду, занимается педагогической дѣятельностью уже цѣлыхъ 14 лѣтъ, въ качествѣ учителя Ново-Витебской колоніальной школы. Помимо лекцій по пчеловодству, садоводству и шельководству, учителямъ объясняются на практикѣ способы прививки и подрѣзки плодовыхъ деревьевъ, всѣ работы по огороду, сушка плодовъ при помощи имѣющейся въ училищѣ американской печи Федера; затѣмъ на особнхъ участкахъ ими же производятся всѣ работы, начиная съ пахоты, перевала и посѣва и кончая прививкой, уходомъ за посѣвомъ, рѣзкой плодовыхъ деревьевъ на крону и на плодъ. Работа всѣмъ по вкусу, и каждый усердствуетъ по мѣрѣ силъ, чтобы пребываніе въ училищѣ не осталось безслѣднымъ¹. Такъ оно и должно быть. Сельскій учи-

¹ Я поинтересовался тутъ же узнать, принимаютъ-ли на практикѣ учителя, слушающіе курсы, тѣ знанія, которыя они приобретаютъ на этихъ лекціяхъ. Мнѣ назвали фамиліи учителей, прослушавшихъ лекціи въ прошлые годы, изъ которыхъ многіе не только завели огороды и сады при самыхъ училищахъ,

тель, какъ членъ среды, дѣятельность которой главнымъ образомъ сосредоточена въ дѣлѣ обработки земли, долженъ быть близко знакомъ съ земледѣліемъ, садоводствомъ и огородничествомъ, долженъ своимъ личнымъ примѣромъ пріохотить, внушить любовь подрастающему поколѣнію къ этимъ отраслямъ сельскаго хозяйства, мало развитымъ въ предѣлахъ Херсонской губерніи, гдѣ ни еврей, ни русскій, не сознаютъ пользы древо-насажденія и садоводства, и гдѣ они совершенно чужды пчеловодству и шелководству, которыя дали бы въ ближайшемъ будущемъ новыя и необходимыя источники доходовъ. Садоводство и земледѣліе, знакомыя колоніальному учителю, сблизятъ его съ населеніемъ колоніи, которое и будетъ прибѣгать къ первому за совѣтами относительно способовъ обработки земли и культуры хлѣбныхъ злаковъ. Это тѣмъ возможнѣе, что при каждой колоніальной школѣ имѣются свободныя участки земли, на которыхъ при сравнительно небольшихъ затратахъ возможно устроить опытное поле, этотъ единственный факторъ для борьбы съ примитивными способами эксплуатаціи земли, искони практикуемыми земледѣльческимъ населеніемъ всѣхъ колоній. Часть школьнаго участка должна быть отведена подъ огороды. Хотя и въ миниатюрныхъ размѣрахъ, такое образцовое полеводство принесетъ несомнѣнную пользу населенію, въ особенности въ томъ случаѣ, когда въ работахъ будутъ участвовать школяры болѣе старшаго возраста. Для нихъ послѣ многочасоваго сидѣнія въ душномъ классѣ нужна передышка, и подобный физическій трудъ на открытомъ воздухѣ — это лучшій, наиболѣе цѣлесообразный отдыхъ отъ умственныхъ занятій и напряженія. Такой взглядъ уже давно не новъ, и ученые педагоги рекомендуютъ даже при городскихъ школахъ разбивать цвѣтники, насаждать огороды, на которыхъ работала бы учащаяся молодежь, пріучаясь одновременно къ физическому труду, развивая свои мускулы, научаясь любить и цѣнить землю, какъ производительницу всего того, чѣмъ мы живемъ и питаемся. Чего лучше, — даже въ Херсонѣ, еврейскіе общественные дѣятели, раздѣляя таковой взглядъ, по инициативѣ завѣдующаго Одесской земледѣльческой

о снабдили своихъ учениковъ, помѣтавшихъ имъ въ работѣ, дичками и сѣменами; послѣдніе развели у себя школки, которыя берегутъ пуще своего глаза.

фермой агронома А. А. Зусмана, завели при одной изъ талмуд-торъ, именно Набережной, огородъ, на которомъ работали сиротки, заработавшіе себѣ продукты перваго урожая; въ будущемъ, изъ участка земли, принадлежащаго набережной синагогѣ, возможно будетъ такимъ путемъ извлекать и нѣкоторый доходецъ, который и пойдетъ на покрытие самыхъ существенныхъ нуждъ учебнаго заведенія или его учениковъ. Такимъ образомъ мы видимъ дважды практическую пользу, которую съ тѣмъ большимъ правомъ можемъ ожидать отъ примѣненія практическаго обученія предметамъ сельскаго хозяйства при еврейскихъ колоніальныхъ школахъ, подъ руководствомъ учителей, слушающихъ курсы при сельско-хозяйственномъ училищѣ.

Послѣднее, открываетъ доступъ и небольшому числу евреевъ. Въ 1894 г. воспитанниковъ евреевъ въ Херсонскомъ сельско-хозяйственномъ училищѣ было 7, изъ 166. Воспитанники-христиане по окончаніи училища пристраиваются управителями и приказчиками въ частныхъ имѣніяхъ, и вообще занимаются сельско-хозяйственной дѣятельностью или отраслями, близко соприкасающимися съ сельскимъ хозяйствомъ, въ качествѣ агрономическихъ смотрителей и т. п. Это абсолютно недоступно евреямъ, для которыхъ единственный исходъ — пристроиться при еврейскихъ колоніальныхъ школахъ въ качествѣ народныхъ учителей. Воспитанники евреи при такой перспективѣ жмутся и дѣлаютъ выразительную гримасу; мелко, дескать! Но такой учительскій элементъ наиболѣе желателенъ для еврейскихъ колоніальныхъ школъ, ибо только при ихъ посредствѣ можно будетъ ожидать наиболѣе успѣшнаго осуществленія практическаго обученія предметамъ сельскаго хозяйства при народныхъ школахъ. И для всѣхъ кончающихъ евреевъ воспитанниковъ сельско-хозяйственнаго училища найдутся мѣста, такъ какъ въ колоніяхъ, въ которыхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ до сихъ поръ не было школъ, необходимость устройства послѣднихъ признана съ одной стороны педагогическимъ начальствомъ, а съ другой и самымъ населеніемъ колоній. Что касается вопроса о средствахъ, потребныхъ на устройство школъ, то необходимо возбудить ходатайство предъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ распоряженіи котораго находятся запасные капиталы, составленные изъ половинныхъ доходовъ съ оброчныхъ участковъ, достигшіе въ настоящее время

мя крупной цифры, около 400 т. руб. Ходатайство, поддержанное ближайшимъ начальствомъ, вѣроятно будетъ удовлетворенно.

Но пора въ колоніи. Дорога гладкой лентой тянется вверхъ межъ невысокихъ хлѣбовъ, созрѣвшихъ уже на солнцепекѣ, и мѣстами быстро снимаемыхъ, гдѣ — блестящей змѣйкой косой, гдѣ американской саможаткой, однимъ взмахомъ очищающей цѣлую площадку. Дорога пестритъ жнецами, вязальщиками и крупными и малыми копами среди безпредѣльныхъ степей. Дней черезъ десять выяснится степень урожая настоящаго года. А пока вотъ, по официальнымъ источникамъ, краткій очеркъ сельско-хозяйственной жизни еврейскихъ колоній Херсонской губерніи въ истекшемъ 1894 году.

Начало отчетнаго 1894 года характеризовалось благопріятной весной. Обильные осадки и прекрасный видъ полей подавали колонистамъ большія надежды, и въ маѣ мѣсяцѣ урожай считали уже вполне опредѣлившимся. Дальнѣйшій ходъ сельско-хозяйственной жизни не вполне оправдалъ эти надежды. Чрезмѣрное обиліе влаги способствовало значительному произрастанію сорныхъ травъ, преимущественно между яровыми посѣвами, которые производятся на плохо обработанной землѣ, истощенной 50—60 лѣтней и даже болѣе безперемѣнной перепашкой; кромѣ того на хлѣба пала ржавчина, а съ наступленіемъ во второй половинѣ іюня жаркихъ дней яровые хлѣба пріостановились ростомъ и начали сильно горѣть. Въ то-же время появленіе на хлѣбахъ разнаго рода насѣкомыхъ, какъ-то саранчи, пруса, яровой совки, развитіе грибныхъ болѣзней, частыя градобитія,—причиняли значительные убытки. Урожай уменьшился почти на половину, вслѣдствіе упомянутыхъ бѣдствій и рѣзкой перемѣны погоды въ началѣ іюля, когда яровые посѣвы созрѣвали, а озимые начали только убирать. Солома ломалась и зерна сыпались отъ удара косы или жнеи. Всѣ хлѣба созрѣли въ нѣсколько дней, а проса и поздніе посѣвы овса погорѣли, такъ что ихъ убирали только для корма скота. Высокій ростомъ хлѣбъ, какъ озимый такъ и яровой, давали слишкомъ много соломы и очень мало зерна, которое въ тому же оказалось легковѣснымъ и запаленнымъ; мѣстами-же его подмочилъ дождь. При обмолотѣ и очисткѣ хлѣба третья часть его отходила въ послѣдъ, за двѣ-же остальные части при продажѣ едва выручались

издержки, затраченныя на его производство. Данныя объ урожаѣ 1894 года сведены мной въ слѣдующей таблицѣ.

	Посѣяно.		Снято.		Урожай-самъ.	
	Озимаго	Яроваго	Озимаго	Яроваго	Озим.	Яров.
в ъ ч е т в е р т ы х ъ						
Херсонскій уѣздъ:						
Сѣверная полоса (Н. Витовскъ, Ново-Ковно, Ингулецъ, Н. Подольскъ, Н. Житомиръ, Иалучистая, Каманка)	537 ⁴ / ₁₀₀	3893 ³ / ₁₀₀	10952 ⁴ / ₁₀₀	29313 ³ / ₁₀₀	—	—
Средняя полоса. (Романовка, Б. и Мал. Нагартавъ, Ново-Полтава, Ефенгаръ, Добрая)	1845 ⁴ / ₁₀₀	4735 ³ / ₁₀₀	16289	5019 ³ / ₁₀₀	—	—
Южная полоса. (Львова, Н. Береславъ, Бобровый Куть, Б. и Мал. Сейдемиуха)	1549 ⁴ / ₁₀₀	2770 ¹ / ₁₀₀	15610 ⁴ / ₁₀₀	30410 ¹ / ₁₀₀	—	—
Елисаветградскій уѣздъ:						
Сагайдакъ, Израилевка, Грамактен.	220	2475 ⁷ / ₁₀₀	1780	13315	—	—
	3652 ⁴ / ₁₀₀	12874 ⁷ / ₁₀₀	44632	123234 ⁴ / ₁₀₀	—	—

Всего озимаго и яроваго хлѣбовъ въ 1894 г. засѣяно 17,534³/₁₀₀, а снято 167,866³/₁₀₀ четв. Такимъ образомъ урожай 1894 г. вышелъ хотя и значительно выше средняго за послѣднія 7 лѣтъ, но зато гораздо ниже урожая 1893 г., когда всего по колоніямъ Херсонской губерніи было засѣяно 16 т. четв. разнаго хлѣба, и снято 192 т. четв., т. е. въ среднемъ урожай 1893 г. далъ самъ 12, межъ тѣмъ какъ урожай 1894 г. только самъ 925.

Урожай, какъ можно судить по данной таблицѣ, былъ крайне неравномѣренъ какъ въ отношеніи отдѣльныхъ мѣстностей, такъ и въ отношеніи рода хлѣбовъ. Въ отношеніи урожая яровыхъ хлѣбовъ первое мѣсто занимаетъ южная полоса уѣзда, за нимъ слѣдуетъ средняя полоса и наконецъ сѣверная. Въ отношеніи озимыхъ хлѣбовъ наибольшей урожайностью характеризуются сѣверная полоса, затѣмъ средняя и южная,—какъ разъ наоборотъ. Далѣе, запалъ зерна яровыхъ хлѣбовъ особенно замѣтенъ въ сѣверной и средней полосахъ, гдѣ яровыя полосы были особенно густы, высоки и роскошны, въ южной яровыя запалены далеко не въ такой степени.

Урожай по колоніямъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Посѣяно.			Снято.			Самъ.		
	Озима-го.	Ярваго.	Карто-фея.	Озимаго.	Ярваго.	Карто-фея.	Озимаго.	Ярваго.	Картоф.
Херсонскій уѣздъ.									
Большая Сейде- минуха . . .	434 ⁴ / ₁₀₀	467 ⁷ / ₁₀₀	25	7890	15440	300	18	20	12
Малая Сейде- минуха	144 ⁴ / ₁₀₀	177 ³ / ₁₀₀	"	3540	3660	"	24	20	"
Вобровый Куть.	351	766 ² / ₁₀₀	28 ² / ₁₀₀	9510	6195 ⁴ / ₁₀₀	525	10	8	23
Вол. Нагартавъ.	241 ⁴ / ₁₀₀	630 ² / ₁₀₀	"	1982	5565	"	8	9	"
Ефенгаръ . . .	270	1037 ² / ₁₀₀	112 ⁴ / ₁₀₀	3375	10788 ² / ₁₀₀	225	12 ¹ / ₁₀₀	10 ¹ / ₁₀₀	2
Иягулецъ . . .	400	1076 ⁷ / ₁₀₀	58 ⁶ / ₁₀₀	4572	9597	705	11 ¹ / ₁₀₀	9	12
Камынка . . .	15	506	60	90	3064	450	6	6	7 ¹ / ₁₀₀
Излучистая . .	65	481 ¹ / ₁₀₀	70	606	3956	700	9 ¹ / ₁₀₀	8 ¹ / ₁₀₀	10
Ново-Береславъ	194 ⁴ / ₁₀₀	366 ³ / ₁₀₀	48 ² / ₁₀₀	2025 ⁴ / ₁₀₀	1287 ³ / ₁₀₀	235 ⁷ / ₁₀₀	10 ¹ / ₁₀₀	8 ¹ / ₁₀₀	5
Львова	425	692 ² / ₁₀₀	18	8645	3827	90	9	5 ¹ / ₁₀₀	5
Ново-Полтавна.	250	1802 ² / ₁₀₀	72	4315	14997 ⁶ / ₁₀₀	126	16 ¹ / ₁₀₀	11 ¹ / ₁₀₀	2
Романовка. . .	125	896	"	1250	9798	"	10	11	"
Мал. Нагартавъ.	49	226 ² / ₁₀₀	7 ⁴ / ₁₀₀	792	2070	60	16	3 ¹ / ₁₀₀	8
Ново-Витебскъ.	15	513 ² / ₁₀₀	72 ⁴ / ₁₀₀	129 ⁴ / ₁₀₀	3273 ⁴ / ₁₀₀	290	8 ¹ / ₁₀₀	6 ¹ / ₁₀₀	4
Ново-Подольскъ	7 ¹ / ₁₀₀	365 ² / ₁₀₀	90	98	2377	120	14	6 ¹ / ₁₀₀	4
Ново-Ковно . .	10	954,4	73,6	273	4337,2	295	27,3	7 ¹ / ₁₀₀	4
Ново-Житомиръ	25	358,4	50	184	2206	500	7 ¹ / ₁₀₀	6 ¹ / ₁₀₀	10
Добряя.	400	642	40	4625	6883	300	11 ¹ / ₁₀₀	10 ² / ₁₀₀	7 ¹ / ₁₀₀
	3432 ⁴ / ₁₀₀	11401 ⁶ / ₁₀₀	764 ⁴ / ₁₀₀	42852	109419 ² / ₁₀₀	4921 ⁷ / ₁₀₀			
Елисаветградскій уѣздъ.									
Израилевна . .	85	1154 ⁴ / ₁₀₀	141 ² / ₁₀₀	824	5989 ⁴ / ₁₀₀	282 ⁴ / ₁₀₀	9 ¹ / ₁₀₀	5 ¹ / ₁₀₀	2
Салайдакъ . . .	100	772	112	606	3030	210	6	3	2
Грамакляя. . .	35	549 ² / ₁₀₀	110	350	4296	440	10	6 ⁴ / ₁₀₀	4
	220	2474 ⁷ / ₁₀₀	363 ² / ₁₀₀	1780	13315 ⁴ / ₁₀₀	932			
Итого.	3652 ⁴ / ₁₀₀	13877 ² / ₁₀₀	1127 ² / ₁₀₀	44632	123234 ⁷ / ₁₀₀	5854 ² / ₁₀₀			

Количество озимаго и ярваго хлѣбовъ, полученныхъ отъ урожая 1894 года въ пудахъ представляется въ суммѣ 1,673,960 пуд.

За вычетомъ потребнаго на прокормленіе 22,792 душъ населенія (считая по 24 пуда) около 550 тыс. пуд. хлѣба, и на обмененіе всей посѣвной площади около 150 т. пуд., избытокъ святаго хлѣба около 973,960 пуд. былъ пущенъ немедленно въ продажу съ одной стороны въ виду крайней нужды населенія въ деньгахъ

для погашенія долговъ и удовлетворенія самыхъ неотложныхъ нуждъ, а съ другой—въ виду появленія на поляхъ Херсонской губерніи массы мышей, уничтожавшихъ хлѣбъ въ стогнахъ и въ зернѣ, на поляхъ и въ закромахъ. Цѣны на хлѣбъ въ это время понизились до minimum'a, отчего въ сущности хорошій урожай истекшаго года потерялъ всякое значеніе для хлѣборобовъ. Къ такому заключенію приводятъ слѣдующія соображенія: десятина пшеницы въ отчетномъ году давала среднимъ числомъ 50 пуд., десятина ячменя 80 пуд., десятина ржи—70 пуд. Рыночная цѣна въ разгаръ хлѣбныхъ операцій не превышала на пшеницу 40 коп., на ячмень 23 к., на пудъ жита 38 к., при каковомъ расчетѣ колонистъ получалъ съ десятины пшеницы среднимъ числомъ 20 руб., съ десятины ячменя 18 р. 40 к. и съ десятины жита 23 р. 10 к., въ общемъ немногимъ больше суммы, затраченной на обработку земли и производство даннаго урожая. При этихъ условіяхъ заработали лишь хозяева, владеющіе малыми участками и обрабатывающіе ихъ личнымъ трудомъ; тѣ же изъ колонистовъ, которые снимали въ аренду оброчные и другіе участки, понесли значительный убытокъ, такъ какъ доходы отъ земледѣлія вслѣдствіе небывало низкихъ цѣнъ не могли оправдать расходовъ по обработкѣ земли даже въ мѣстностяхъ съ выше-среднимъ урожаемъ. Не надо забывать, что арендная плата на оброчные участки, сдаваемые съ торговъ, изъ году въ годъ повышается; въ истекшемъ году плата за десятину колебалась между 6 и 8 руб. съ правомъ вспашки 40%; обработка десятины земли обходится въ 3 руб., сѣмена (по тогдашнимъ цѣнамъ) въ 2 р. 50 к., уборка, возка и молотьба въ 8—10 руб.; такимъ образомъ десятина земли обходилась производителю—лично въ 19 р. 50 к.—23 р. 50 к. Между тѣмъ та же десятина дала въ среднемъ 40—50 пуд. пшеницы, за пудъ которой платили 30—45 коп., такъ что въ лучшемъ случаѣ производитель получалъ послѣ ликвидаціи урожая 22 руб. 50 коп. плюсъ нѣсколько возовъ соломы съ каждой десятины.

Низкія цѣны на хлѣбъ и дороговизна рабочихъ рукъ—это своего рода Сцилла и Харибда нашего земельного хозяйства, между которыми колонистамъ постоянно приходится лавировать и борьба съ которыми мыслима только путемъ распространенія всякихъ машинъ; этимъ очень энергично занялось уѣздное земство, открывающее повсемѣстно въ центрахъ склады сельско-хозяйственныхъ

орудій, въ которыхъ можно пріобрѣтать послѣднія по фабричной цѣнѣ и на выплату путемъ разсрочки. Благодаря этому, жатвенныя машины окончательно пріобрѣли право гражданства въ еврейскихъ колоніяхъ и тѣмъ значительно уменьшили расходъ на рабочія руки; сноповязалки же входятъ въ употребленіе туго, по причинѣ ихъ дороговизны.

Мѣстами, въ виду крайней нужды въ деньгахъ для срочныхъ уплатъ, взносовъ всякихъ повинностей казенныхъ и земскихъ, колонисты пустили въ продажу хлѣбъ, оставленный ими для нуждъ личаго продовольствія, разсчитывая на зиму заработать свое пропитаніе отхожими промыслами. Расчетъ однако оказался невѣрнымъ. Съ одной стороны, сырая и дождливая зима лишила населеніе обычныхъ заработковъ путемъ извоза, съ другой,—случилось нѣчто совсѣмъ обыденное: пока колонисты и окрестное земледѣльческое населеніе продавало свой хлѣбъ, цѣны стояли низкія; какъ только несчастнымъ пришлось покупать свой же хлѣбъ, цѣна стала подыматься и каждый пудъ вновь пріобрѣтаемаго хлѣба оплачивался почти вдвое.

Чтобы дополнить картину сельско-хозяйственной жизни еврейскихъ колоній Херсонской губерніи, остается сказать еще нѣсколько словъ о движеніи скота въ 1894 г. Къ 1-му января 1894 г. состояло во всѣхъ колоніяхъ рогатаго скота и лошадей 11,817 шт. Изъ нихъ въ теченіе года переболѣло 1989 головъ; 832 скотины пали, остальные же выздоровѣли. Наибольшее количество павшихъ приходится на кол. Ново-Полтавку—360 головъ. Кормовъ для скота на зиму собрано было достаточно, даже съ избыткомъ. По всѣмъ колоніямъ въ теченіе 1894 г. убыло скота и лошадей 2363 шт., прибыло 4841 г., и къ 1-му январю 1895 г. состояло 13,463 головы, изъ нихъ рогатаго скота 7449 головъ и лошадей 6014.

V.

Колонія Доброе—это первый этапъ нашъ. Пріѣхали мы сюда часу въ 9-мъ вечера. Тишина нарушается глухимъ лаемъ дворovýchъ собакъ, да скрипомъ телегъ, подвозящихъ скошенные уже хлѣба и солому. Останавливаемся мы у учителя. Учителя въ колоніяхъ это тѣ же оазисы среди пустыни. Здѣсь васъ встрѣчаютъ вообще съ рѣдкимъ радушіемъ, хотятъ, берегутъ и предоставляютъ всевозможныя удобства, о которыхъ можно мечтать въ

еврейской колоніи. Полчаса спустя по нашемъ прїѣздѣ, все колониальное представительство собирается вокругъ насъ. Шаблонныя прївѣтствія быстро смѣняются оживленной бесѣдой на злобу дня. Мѣщане—это центръ общихъ lamentaцій. Выселенные изъ селъ и деревень, они избрали мѣстомъ своего жительства еврейскія поселенія. Колонія Доброе пользуется особой симпатіей этихъ несчастныхъ выселенцевъ въ виду близости ея къ станціи Харьково-Николаевской желѣзной дороги. Глава семьи «выѣзжаетъ на линію», гдѣ остается въ теченіе недѣли, зарабатывая гроши на пропитаніе семьи, въ качествѣ хлѣбнаго перекупщика, коммиссіонера, или же, владѣя фургономъ и парой захудалыхъ лошадокъ, занимается извозомъ. Оставленная же въ колоніи семья ухитряется открыть маленькую торговлю. Этихъ лавочекъ народилось слишкомъ много, и колонисты, которымъ вся эта копѣчная коммерція мѣщанъ точно бѣльмо на глазу, не на шутку боятся быть компрометированными ею. И вообще Добрянцы тагуются присутствіемъ мѣщанъ, дающихъ изъ своей среды лучшихъ ремесленниковъ, чѣмъ доморощенные портные, сапожники и др., не выдерживающіе конкуренціи съ первыми. Колонисты, быть можетъ примирились бы съ мѣщанами, если бы послѣдніе удовлетворяли законныя претензіи колониальнаго схода, принявъ участіе въ содержаніи колониальныхъ общественныхъ учреждений. Мѣщане, осѣвшие въ колоніи, пользуются защитой колониальной администраціи, посылаютъ своихъ дѣтей въ училище, посѣщаютъ общественную баню, молятся въ колониальныхъ молитвенныхъ домахъ. Пользуясь почти одинаковыми правами и удобствами общежитія наравнѣ съ аборигенами колоній, мѣщане должны, несомнѣнно, нести и всякіе расходы по содержанію общественныхъ учреждений и благоустройству колоніи. Можно спорить о размѣрахъ участія въ этихъ расходахъ, но ни въ коемъ случаѣ не избѣгать ихъ, какъ дѣлаютъ мѣщане, конкурирующіе съ колонистами въ ущербъ послѣднимъ по части извоза и отхожихъ промысловъ. Критическое отношеніе мѣщанъ къ постановленіямъ общественнаго схода озлобляетъ колонистовъ: начинаются взаимныя попреки, ссоры, причемъ мѣщане первые спѣшатъ вынести соръ изъ избы, привлекая обидчиковъ къ отвѣтственности. Съ января мѣсяца по время праздниковъ Пасхи къ земскому начальнику была вызвана почти вся колонія по 190 повѣсткамъ. Былъ

и такой случай: въ колоніи истекшей зимой было нѣсколько кражъ; между прочимъ пострадалъ одинъ изъ мѣщанъ, донесшій немедленно о томъ, что ни сотскіе, ни обходъ не исполняютъ возложенныхъ на нихъ обязанностей и не учиняютъ никакого надзора за мѣщанскими домами; по этому поводу возникло цѣлое дѣло и сотскіе, въ концѣ концовъ, принуждены были отсиживать въ тюрьмѣ. Въ виду частыхъ столкновеній и несолидарности, отношенія между мѣщанами и колонистами обостряются, и къ великому прискорбію, подъ часъ раздаются голоса о томъ, чтобы ни подъ какимъ условіемъ не впускать мѣщанъ въ колонію.

Знакомой преторенной дорогой мы подвигаемся къ Ефенгарю. Эта живописная колонія съ каждымъ годомъ разрастается. Относительно правильно распланированныя улицы пестрятъ новыми постройками. На задворкахъ каждаго дома тянутся скирды прошлогодней соломы. Ея хватить и на будущій годъ, несмотря на то, что текущей дождливой зимой масса соломы перемокла, еще больше снесено водой, часть же уничтожена мышами. Число послѣднихъ въ настоящее время сократилось значительно. Но осенью 1894 г. онѣ появлялись въ массѣ въ скирдахъ, амбарахъ, жилищахъ, угрожая оставить хозяевъ безъ яровыхъ сѣмянъ. Губернское земство тогда-же за свои средства производило массовое истребленіе мышей, привлекая къ участію въ истребленіи этого новаго врага сельскаго хозяйства на поляхъ еврейскихъ поселеній самихъ-же евреевъ. Въ Ефенгарѣ въ истекшемъ году большой ущербъ хозяйству былъ нанесенъ значительнымъ падежомъ птицы; послѣдній особенно сильно поражалъ индюковъ и гусей, при чемъ болѣзнь распространялась очень быстро и имѣла повальный характеръ. Всего пало птицы болѣе 3 т. штукъ. Такимъ образомъ колонія лишилась одного изъ крупныхъ подспорьевъ своего хозяйства—птицеводства. Что всего печальнѣе, это то, что по сіе время не выяснено, отъ какой болѣзни пала птица, и въ чемъ именно слѣдуетъ искать причину появленія ея исключительно въ данномъ участкѣ. Такое явленіе наблюдалось лишь въ деревнѣ Гавриловѣ, Золотобалковской волости, и въ кол. НовоКовнѣ.

Слѣдующая станція Ново-Полтавка. По пути небольшія выжженныея площади, пепель и отбросы полусторѣвшей, разметаемой вѣтромъ соломы. Это слѣды недавней борьбы съ прусомъ, во множествѣ появившимся въ Херсонскомъ уѣздѣ.

Въ Н. Полтавѣ мы ознакомились съ банковскими операціями, искушающими населеніе колоніи. Дѣло въ томъ, что въ настоящемъ году занимающимся земледѣліемъ сельскимъ обществамъ открытъ кредитъ въ государственномъ банкѣ подъ условіемъ круговой поруки, и безъ обычнаго ограниченія для евреевъ. Слухъ объ этомъ проникъ и въ еврейскія колоніи, гдѣ среди колонистовъ явилось не мало охотниковъ по части заключенія займа. Большинство, однако, скептически отнеслось къ этимъ операціямъ и расколодило кредито-жаждущихъ односельчанъ. Къ тому же и попечитель еврейскихъ поселеній Херсонской губерніи М. И. Орженскій не одобрялъ ничѣмъ не вызываемаго займа, тѣмъ болѣе несвоевременнаго, что всѣми колоніями давно уже были закончены озимыя и яровныя запашки и посѣвная площадь нигдѣ не уменьшилась. Тѣмъ менѣе смысла заключать новый заемъ колонистамъ, имѣющимъ на себѣ долговыя обязательства по займамъ, произведеннымъ ими изъ кассы земледѣльческаго фонда въ Петербургѣ, по которымъ рано или поздно придется расплачиваться. Колонисты, заключая займы, думаютъ лишь о настоящемъ, о томъ что ссуда, какъ бы мала она ни была, съ толкомъ употребленная въ дѣло, принесетъ значительную поддержку, и среди всякихъ плановъ по части эксплуатаціи ссуды они упускаютъ изъ виду, что къ извѣстному сроку вся сумма займа должна быть возвращена полностью, да еще плюсъ наросшіе на нее проценты. Эти соображенія, поставленныя на видъ ново-полтавцамъ болѣе трезвыми односельчанами и подтвержденныя со стороны г. попечителя, не удержали однако послѣднихъ отъ совершенія займа, который и имѣлъ быть совершенъ въ Николаевскомъ отдѣленіи государственнаго банка.

Сдѣлавъ большой объѣздъ по желѣзной дорогѣ, мы приближаемся къ приднѣпровскимъ колоніямъ. Первая въ ряду — Новый-Береславъ. Я всегда удѣлялъ мало вниманія этой колоніи, которая такъ много теряетъ отъ близости къ городу. Не нравятся мнѣ въ обывателяхъ этой колоніи всякія городскія претензіи по части одѣянія и домоустройства, которыя совсѣмъ не къ лицу и не подъ стать мозолистымъ рукамъ да дырчавымъ кровлямъ полуосѣвшихъ хатъ. И тамъ, гдѣ я встрѣчаю на колонисткахъ модные головные уборы, а на окнахъ бумажные цвѣты и занавѣси, это служитъ мнѣ достаточной характеристикой наклонностей населенія и степени привязанности его къ землѣ. Между

тѣмъ эти же самые ново-береславцы, будь они больше застрахованы отъ всякихъ городскихъ искушеній и отъ ненужнаго подражанія городской жизни, могли бы, благодаря только своей близости къ городу, многое сдѣлать для улучшенія своего благосостоянія путемъ эксплуатаціи такихъ статей дохода, которыхъ они упрямо не замѣчаютъ. Я говорю о густо-поросшихъ камышемъ плавняхъ и о забытыхъ ставкахъ по берегу притоковъ Днѣпра, въ которыхъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время можно было бы не безъ выгоды заниматься рыболовствомъ и битьемъ камыша, сбываемаго на ближайшемъ городскомъ рынкѣ. Такое побочное занятіе тѣмъ болѣе желательно, что занятіе земледѣліемъ въ предѣлахъ Херсонскаго уѣзда мало обезпечиваетъ производителя, и тѣмъ паче поселенцевъ колоніи Н.-Береславъ, посѣвная площадь которой, на половину изрѣзанная балками и оврагами, неудобна для обработки, при примитивныхъ условіяхъ эксплуатаціи земли. При самомъ лучшемъ урожаѣ въ окрестностяхъ, на долю Н.-Береслава приходится средній урожай, когда же въ ближайшихъ частяхъ средній урожай, ново-береславцы едва возвращаютъ посѣвныя сѣмена. Въ истекшемъ 1894 году, посевенцы этой колоніи засѣяли подъ ярь 366 четв., а собрали всего 1,287 четв., что едва составитъ самъ—3. При низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, въ прошломъ году, разумнѣе было бы оставить такой урожай на степяхъ и удобрить имъ истощенную землю, чѣмъ тратиться на уборку хлѣба, отнимающую не мало времени и силъ у земледѣльца и его скотинки.

Изъ Ново-Береслава во Львову мы ѣдемъ пароходомъ. Жалко отрывать колониста отъ работы, хотя за поѣзду съ нами каждый получаетъ въ виду горячаго времени вдвое больше противъ обыкновеннаго. Во Львовѣ «въ полномъ разгарѣ страда деревенская». Среди новѣйшихъ достопримѣчательностей кол. Львовы—новый образцовый меламедъ. Такъ намъ докладываютъ при вѣздѣ. Признаться, слово меламедъ плохо сочетается съ понятіемъ образцовый. Меламеды—это шарбункуль на тѣлѣ евреевъ вообще, и колоніальнаго еврейскаго общества въ особенности. Меламедъ—это еврейскій школьный учитель, и если пруссаки во время французской войны твердили, что ихъ школьный учитель побѣдилъ, мы, евреи, съ тѣмъ же правомъ можемъ утверждать, что насъ погубилъ тотъ же школьный учитель—меламедъ. Первоначальное

образование имѣеть самое важное значеніе въ обще-человѣческой и народной жизни. Школьный учитель даетъ первое направленіе умственнымъ способностямъ своихъ учениковъ, внушаетъ имъ любовь къ своей родинѣ и народу, научаетъ ихъ гордиться своимъ прошлымъ, подражать примѣрамъ славныхъ предковъ, вѣрить въ свое будущее. Владѣеть ли нашъ меламедъ тѣми данными, тѣми познаніями, которыя дѣлають его способнымъ исполнить столь высокую задачу? Меламедъ, увы, не владѣеть никакимъ литературнымъ языкомъ, чуждъ даже поверхностныхъ понятій о предметахъ первоначальнаго преподаванія, не знаетъ исторіи даже своего народа, ни начальныхъ грамматическихъ правилъ еврейскаго языка—главнаго предмета его преподаванія. Подъ его ферулой бѣдные еврейскіе мальчики проводятъ свою жизнь до 15 лѣтъ въ затхлой атмосферѣ хедера, набивая свою голову разными традиціонными искаженіями библейскихъ текстовъ. Вотъ почему при сообщеніи о появленіи въ колоніи «образцоваго меламеда» мы насторожили уши. Едва отдохнувъ съ дороги, мы отправились въ хедеръ. Онъ оказался по близости. Изъ передней мы попали въ просторную свѣтлую комнату. За деревяннымъ столомъ, въ углу, свободно сидѣло 10—12 дѣтей разнаго возраста. У учениковъ не было запуганнаго вида, какъ обыкновенно у меламеда добраго стараго времени. Предъ ними лежало открытое Пятикнижіе на древнееврейскомъ языкѣ. Раввинъ Э. Г. Блюменфельдъ справился о пройденномъ, раскрылъ на угадъ книгу и велѣлъ одному изъ учениковъ прочесть предложенный текстъ, перевести его и объяснить. Спрошенный правильно прочелъ, складно перевелъ и далъ нужное и толковое объясненіе; съ такимъ же усиліемъ онъ сдѣлалъ грамматическій разборъ прочтеннаго. Были спрошены и другіе, давшіе не менѣе удовлетворительные отвѣты. Правда, великая ученость мало вяжется съ земледѣльческимъ состояніемъ. Но если у колонистовъ принято за правило держать своихъ дѣтей у меламеда до 13—14 лѣтъ, то желательно, чтобы они вынесли нѣкоторое знаніе еврейскаго языка и знакомство съ библейской исторіей. Меламедъ оказался, пожалуй, изъ лучшихъ. Плохой и образцовый меламедъ въ еврейскихъ колоніяхъ имѣеть отрицательное вліяніе: въ обоихъ случаяхъ дѣти на долго отрываются отъ живого дѣла—знакомства съ хозяйствомъ, не даютъ помощи родителямъ, физически разслаблены отъ многолѣтней сидячей жизни въ непомѣстительныхъ

кедерахъ. Но если уже приходится жертвовать, то по крайней мѣрѣ, взаимнъ физической траты силъ необходимо получить правильное умственное развитіе, хотя бы въ той степени, въ какой даетъ упомянутый «образцовый меламедъ».

Не менѣе крупная злоба дня — въ Бобровомъ Кутѣ. Среди членовъ священнаго братства въ послѣднее время возникъ расколъ, а съ нимъ вмѣстѣ все населеніе колоніи раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря. Такимъ образомъ пріѣздъ главнаго раввина еврейскихъ поселеній Э. Г. Блюменфельда былъ совсѣмъ кстати. Администрація колоніи проситъ вмѣшательства раввина, отъ котораго ждетъ разрѣшенія этого религіозно-общественнаго вопроса, угрожающаго спокойствію всей колоніи. Я не стану останавливаться ни на сходеѣ колонистовъ въ главномъ молитвенномъ домѣ, ни на жгучихъ дебатахъ вожаковъ раскола. Это насъ завело бы слишкомъ далеко. Ограничусь только слѣдующими, наиболѣе существенными указаніями. Такъ называемыя священныя или погребальныя братства существуютъ почти повсемѣстно въ чертѣ осѣдлости; участники братства собираются ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ для выбора правленія, вѣдающаго этимъ дѣломъ; особеннымъ уваженіемъ и руководствомъ пользуется старшій уставъ—пинкусъ, состоящій изъ весьма гуманныхъ и достойныхъ подражанія правилъ. Къ сожалѣнію, этотъ уставъ большинству членовъ знакомъ болѣе по наслышкѣ, и мало среди нихъ охотниковъ ближе ознакомиться съ содержаніемъ его, а тѣмъ менѣе проникнуться его высокогуманнымъ духомъ. Еврейскія колоніи, составляющія мелкія еврейскія общины, не лишены такого благотворительнаго учрежденія, которое, увы, какъ и повсюду, характеризуется беспорядочностью и не знаетъ контроля. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ общества эти функціонируютъ подъ покровительствомъ закона, причисляемья къ вѣдомству духовнаго правленія одного изъ молитвенныхъ домовъ.

Въ Бобровомъ Кутѣ по какому-то капризу въ настоящемъ году священное братство раздѣлилось на два отдѣльныхъ учрежденія съ особыми правленіями. Такое дробленіе повлекло за собой слишкомъ печальныя послѣдствія: умираетъ напримѣръ какой либо колонистъ, человѣкъ болѣе или менѣе со средствами; немедленно въ домъ покойника являються представители обовихъ братствъ, которые и набрасываются на покойника какъ на добычу; пред-

почтеніе такъ или иначе отдается одному изъ двухъ; тогда получившій отказъ ополчается противъ предпочтеннаго, поднимаются шумъ, беспорядокъ, чѣмъ нарушается святость погребальнаго обряда и оскорбляется чувство присутствующихъ. Нечего ужъ говорить, что такой порядокъ идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ принципомъ, который легъ въ основу пинкуса — почитаніе покойника. Трудно разобрать кто правъ, кто виноватъ, и разъ такое печальное явленіе существуетъ, на обязанности духовнаго главы лежитъ пресѣченіе зла въ самомъ корнѣ и возможно скорѣе. Въ виду чего отнынѣ въ Бобровомъ Кутѣ, да и въ другихъ колоніяхъ, устанавливается новый порядокъ: всѣ погребальныя братства будутъ причислены къ правленію одного изъ молитвенныхъ домовъ въ колоніи.

Въ Бобровомъ Кутѣ меня за то порадовало другое обстоятельство: удовлетвореніе ходатайства народнаго учителя Любарскаго мѣстнымъ обществомъ, которое, по предписанію г. попечителя еврейскихъ поселеній, затратило необходимыя средства на приспособленіе мѣста при школѣ для устройства сада. Въ настоящее время эта площадь, въ $\frac{1}{10}$ десятины, огорожена каменнымъ заборомъ, расчищена и при помощи учащихси засажена молодыми, хорошо привившимися деревьями. Большинство изъ нихъ тутовыя (около 70 шт.), такъ какъ имѣется въ виду развитіе шелководства. На одномъ дворѣ со школой по сіе время помѣщалось зданіе, принадлежавшее частному лицу. Зданіе это приобретено обществомъ колоніи и отнынѣ будетъ принадлежать къ училищу. Г. Любарскій въ этомъ новомъ помѣщеніи заводитъ шелководню. Ему улыбается мысль приучить женское населеніе къ занятію шелководствомъ, — мысль несомнѣнно хорошая! Въ настоящее время управляющимъ Бессарабско-Таврическимъ отдѣленіемъ государственныхъ имуществъ г. Сомовымъ возбуждено ходатайство предъ г. министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ о прирѣзкѣ до одной десятины прирѣчной земли подъ расширеніе устроенаго имъ при школѣ сада.

Изъ Боброваго Кута въ Сейдеминуху перегонъ 3—4 версты. Могли бы и не ѣхать: за позднимъ часомъ все населеніе отъ мала до велика высыпало въ поле. Въ этихъ степныхъ колоніяхъ работаютъ особенно усердно, да и работа у нихъ спорится въ рукахъ. Не стану увѣрять читателей, что земледѣльцы степныхъ колоній

образцовые пахари. Это уже общезвѣстный фактъ." Маловѣрующимъ рекомендую ознакомиться съ статьей земскаго корреспондента, подъ заглавіемъ «Евреи какъ сельско-хозяйственные работники», напечатанной въ одной изъ сельско-хозяйственныхъ хроникъ въ «Сборникѣ Херсонскаго Губернскаго Земства» за 1894 г. Эта статья далеко не дышетъ симпатіями къ евреямъ, а при всемъ томъ читатель можетъ вывести заключеніе о способности еврея къ земледѣльческому труду. Случайно набранные въ городѣ Кременчугѣ чернорабочіе евреи, никогда не занимавшіеся земледѣліемъ, при всей ихъ непривычности къ такому труду, оказались удовлетворительными рабочими, вывели нанимателя изъ затруднительнаго положенія и обошлись послѣднему вдвое дешевле другихъ рабочихъ. Письмо настолько характерно, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь нѣкоторыя выдержки:—«Это было въ 1893 году, въ самый разгаръ жатвы; недостатокъ рабочихъ рукъ давалъ себя чувствовать во всѣхъ экономіяхъ; въ затруднительномъ положеніи очутилась и та экономія, гдѣ мнѣ пришлось работать (деревня Рыжкова И. В. Тищенко, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, на границѣ съ Александрійскимъ). Изыскивая способы выйти изъ этого положенія, владѣлецъ экономіи предложилъ мнѣ выѣхать въ Кременчугъ, отстоящій отъ экономіи на 75 верстъ, и нанять тамъ евреевъ... Евреи были наняты поденно по 1 рублю, срокомъ на 2 недѣли (цѣна русскому рабочему стояла около 2-хъ рублей), на экономическихъ харчахъ (харчи тѣ же что и для русскихъ, только сало замѣняли олеей). Желающихъ наняться оказалось больше чѣмъ нужно было (я нанялъ 80 человекъ). Нанимались преимущественно на пристани чернорабочіе-босьяки, которые какъ только узнали, что предлагаютъ 1 рубль въ день, сѣвши записаться, не спрашивая куда, зачѣмъ, что дѣлать. Объявленная мною цѣна быстро разнеслась по пристани подъ словомъ «кербель», имѣвшемъ какое-то магическое вліяніе на евреевъ. По взаимному соглашенію были наняты двѣ кухарки-еврейки и куплены новые казаны для варки пищи.

«Евреи вообще плохіе работники; они были назначаемы на разныя полевныя работы и оказалось, что имъ подъ силу только сноскъ сноповъ и складка ихъ въ копны. Сносили снопы евреи гораздо скорѣе русскихъ, но только при строгомъ и бдительномъ наблюденіи приказчика. По субботамъ евреи не работаютъ, во

всѣ-же остальные дни недѣли, не исключая и годовыхъ праздниковъ, работаютъ. Трудно дается евреямъ работа. Они черезъ недѣлю ходили съ окровавленными ногами, руками и проч., и притомъ буквально въ лохмотьяхъ; въ пятницу въ полдень евреи бросали работу и являлись съ требованіемъ праздничныхъ блюдъ «гугиля».

Какое же заключеніе сдѣлаете вы, читатель? Не то ли, что если евреи, набранные съ улицы, босые, какъ говоритъ корреспондентъ, могли удовлетворить помѣщика добросовѣстностью и добровачественностью своей работы, тѣмъ болѣе профессиональные земледѣльцы, какъ напр. колонисты степныхъ поселеній, могутъ быть и считаются образцовыми пахарями, не уступающими ни русскому, ни нѣмецкому пахарю.

Ис. Блюменфельдъ.

(Продолженіе будетъ).

Открытие университета въ Иерусалимѣ и интересы земледѣлія.

Во статьѣ «Иерусалимскіе евреи и университетъ», помѣщенной въ № 25 «Хроника Восхода», г. Р. I., относясь скептически къ возможности открытія университета въ Иерусалимѣ, чему помѣхой будетъ служить трудность полученія разрѣшенія на открытіе таковаго, и между прочимъ къ возможности найти «прекрасныхъ профессоровъ и достаточнаго матеріала» (для факультета семитическихъ языковъ), послѣ цѣлаго ряда доказательствъ приходитъ къ заключенію, что университетъ въ Иерусалимѣ можетъ въ данную минуту принести больше вреда, чѣмъ пользы.

Я склоненъ думать, что этотъ скептицизмъ автора вытекаетъ, если не всецѣло, то по крайней мѣрѣ значительной долей своей изъ его взгляда на открытіе университета въ Иерусалимѣ, какъ на дѣло нежелательное, или даже вредное. Такъ или иначе, но объ этомъ особенно распространяться нечего, ибо если не получится разрѣшенія на открытіе университета, то не о чемъ тутъ и говорить; что же касается института преподавателей и количества матеріала, то наврядъ-ли самъ авторъ придаетъ своему скептицизму насчетъ этого пункта особенно важное значеніе.

Но вѣрно ли, что открытіе университета въ Иерусалимѣ является дѣломъ даже вреднымъ? На мой взглядъ авторъ упомянутой статьи не только не приводитъ ни одного вѣскаго аргумента въ пользу своего мнѣнія, но даже самъ себя противорѣчитъ, самъ не замѣчая этого, потому что одни его аргументы опровергаютъ выводы другихъ, и при сопоставленіи всѣхъ доводовъ, приведенныхъ г. Р. I., мы убѣждаемся, что этотъ университетъ по крайней мѣрѣ вреда никакого никому и ничему принести не можетъ.

Но разберемъ всѣ его доводы по порядку.

1. Благодаря разрозненности элементовъ еврейскаго населенія въ Палестинѣ, является вопросъ, на какомъ языкѣ вести препода-

даваніе въ этомъ университетѣ, чтобы всѣ партіи были довольны? Оказывается, что ни нѣмецкій, ни французскій языки для этого не годятся, древнееврейскій слишкомъ мало обновленъ; придется прибѣгнуть къ какому-нибудь волапюку, иронизируетъ авторъ, а то просто къ англійскому языку.

Сомнѣваюсь, чтобы самъ авторъ считалъ это затрудненіе серьезнымъ. При выборѣ языка, разумѣется, не будутъ руководствоваться тѣмъ, чтобы «гусей не раздражать», и не разрозненность мѣстныхъ элементовъ будетъ служить руководящей нитью въ этомъ дѣлѣ, потому что эта разрозненность ничуть не помѣшаетъ преуспѣванію университета, если только выборъ языка во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ окажется надлежащимъ.

2. Дѣло идетъ о контингентѣ слушателей для Иерусалимскаго университета. Откуда мы ихъ добудемъ? Во всей Палестинѣ нѣтъ ни одного среднеучебнаго заведенія, курсъ котораго обязательнъ для лицъ, жаждущихъ университетскаго образованія. Что же касается русскихъ евреевъ, то такъ какъ имъ придется по окончаніи университета держать въ Россіи государственный экзаменъ, чтобы имѣть право примѣнять тамъ свои познанія, и такъ какъ *не всѣ* русско-еврейскіе студенты будутъ пользоваться *полною* поддержкой при прохожденіи ими университетскаго курса въ Иерусалимѣ, то авторъ не понимаетъ, какъ можно видѣть для нихъ въ Иерусалимскомъ университетѣ выходъ изъ затруднительнаго положенія.

Жаль, что г. Р. І. этого не понимаетъ. Развѣ не хорошо уже и то, что болѣе или менѣе значительная *часть* русско-еврейскихъ студентовъ, въ виду исключительности своего положенія, будутъ пользоваться *извѣстной* поддержкой, полною ли, или частичной? Да, *многіе* изъ обиженныхъ судьбою русско-еврейскихъ студентовъ вполне вправѣ взирать съ надеждой на открытіе въ Иерусалимѣ специально или преимущественно еврейскаго университета (предполагается вѣдь безъ различія вѣроисповѣданій), гдѣ для выходцевъ изъ Россіи будутъ, вѣроятно, существовать разныя стипендіи, которыя облегчатъ вполне или отчасти ихъ тяжелое положеніе.

Что же касается необходимости прохожденія курса среднеучебныхъ заведеній для лицъ, желающихъ поступить въ университетъ, то я бы могъ указать на многіе заграничныя универси-

теты, гдѣ отъ поступающихъ туда лицъ не требуются никакихъ аттестатовъ зрѣлости. Но я, напротивъ того, допускаю вмѣстѣ съ г. Р. І. необходимость подобнаго аттестата для жаждующихъ университетскаго образованія. Тѣмъ не менѣе важное значеніе этому придавать нельзя, какъ увидимъ ниже.

Въ 3 пунктѣ авторъ перебираетъ всѣ факультеты, и оказывается, что ни одинъ изъ нихъ не принесетъ той пользы, которой мы вправѣ отъ него ожидать. Такъ насчетъ факультета семитическихъ языковъ и еврейской литературы авторъ спрашиваетъ: «что будутъ дѣлать окончившіе здѣсь этотъ факультетъ? Если основатель имѣетъ въ виду снабдить Европу учеными и т. д., то *собственно для евреевъ лично тутъ ничего хорошаго нѣтъ*; въ Палестинѣ же, гдѣ уровень образованія такъ низокъ, они никакого примѣненія найти не могутъ».

Странная логика! Если окончившіе здѣсь курсъ найдутъ примѣненіе своихъ познаній гдѣ-нибудь въ Европѣ въ качествѣ ученыхъ, то, кажется, университетъ свое дѣло сдѣлалъ, создавъ классъ людей, основательно знакомыхъ съ еврейской литературой и между прочимъ съ семитическими языками и примѣняющихъ свои познанія въ качествѣ ученыхъ, продолжая изучать еврейскую литературу, пользуясь для этого пріобрѣтенными ими познаніями по части семитическихъ языковъ,—чего же намъ больше? При чемъ тутъ вопросъ «о пользѣ *собственно для евреевъ лично*»? И какая разница въ этомъ отношеніи между Европой и Палестиной?

Непонятно еще вотъ что. Говоря о естественномъ факультетѣ, авторъ находить, что окончившіе университетъ могли бы «поднять общее образованіе вообще въ Палестинѣ», такъ что отмѣченный имъ низкій уровень развитія въ Палестинѣ какъ-бы открываетъ имъ широкое поле дѣятельности, препятствіемъ же является только скудость средствъ элементарныхъ школъ, сравнительно съ требованіемъ кончившаго университетъ. Почему же окончившимъ курсъ семитическихъ языковъ этотъ самый низкій уровень образованія помѣшаетъ найти примѣненіе пріобрѣтенныхъ ими познаній? Какъ будто мы нуждаемся въ образованномъ учителѣ только по части математики и естественныхъ наукъ, но не по части языка!...

Кромѣ того, я думаю, что факультету семитическихъ языковъ можно будетъ придать характеръ еврейской богословской школы,

и окончившіе здѣсь курсъ найдутъ примѣненіе своихъ познаній въ Европѣ ли, или въ Палестинѣ не въ качествѣ ученыхъ только или учителей, но и въ качествѣ научно-образованныхъ духовныхъ пастырей.

Что же касается значительности требованій кончившихъ университетъ сравнительно со скудостью средствъ Палестинскихъ элементарныхъ школъ, то вѣдь и у насъ въ Россіи не особенно-то легко живется естественникамъ и филологамъ, которымъ не удалось пристроиться къ ученой дѣятельности при университетахъ. Часто судьба ихъ забрасываетъ въ какіе нибудь глухіе уголки нашего обширнаго отечества, и имъ, воспитанникамъ университета, приходится во многомъ себѣ отказывать. И несмотря на то, эти факультеты не остаются безъ слушателей. На такіе факультеты, которые мало даютъ своимъ воспитанникамъ, поступаютъ только люди, чувствующие къ преподаваемымъ здѣсь предметамъ особенную склонность, особое влеченіе. Такіе люди большею частью знаютъ, что будущее не сулитъ имъ ничего особеннаго въ матеріальномъ отношеніи, и вполне довольны возможностью удовлетворить своей жаднѣ знанія. А если къ этому присоединится еще другое нравственное удовлетвореніе, а именно содѣйствіе поднятію общаго уровня умственнаго развитія страны, то знамя университета не даромъ будетъ развѣваться на Палестинской территоріи. И если нашлись люди, бросившіе гимназію и университетъ для земледѣлія, дѣла, уступающаго матеріально самой скудной элементарной школѣ (а у нихъ потребности уже успѣли вполне развиться..) и вдобавокъ совершенно не привычнаго для нихъ, то отчего не найтись достаточному контингенту слушателей для этихъ факультетовъ? Вѣроятно найдется, и большинство этихъ слушателей найдетъ полезное примѣненіе своихъ познаній—кто въ Европѣ, кто въ Палестинѣ, кто въ качествѣ ученаго, кто въ качествѣ практическаго дѣятеля на учительскомъ или иномъ поприщѣ.

Затѣмъ рѣчь идетъ о медицинскомъ факультетѣ, для котораго авторъ находитъ тормазъ въ трудности достать трупы для анатомическаго театра, такъ какъ фанатичные арабы не позволяютъ брать трупы изъ госпиталей. При этомъ, однако, самъ авторъ приводитъ фактъ существованія въ Бейрутѣ американской медицинской школы, которая беретъ трупы не изъ госпиталей, а «при-

бѣгаетъ къ другимъ средствамъ». Почему бы и намъ не прибѣгнуть къ этимъ же средствамъ? Или это средство такого рода, что намъ научиться у американцевъ нельзя будетъ? Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, намъ удастся открыть университетъ подъ покровительствомъ Англій? Кромѣ того, почему авторъ забываетъ о томъ, что въ Іерусалимѣ вѣдь живутъ не одни только арабы?

Остается юридическій факультетъ, насчетъ котораго авторъ остроумно жалуется, что кандидаты правъ здѣсь не кандидаты на права...

Не знаю, можетъ быть, и насчетъ юридического факультета можно кое что сдѣлать, чтобы воспитанники его могли приложить свои познанія съ пользой для своихъ кліентовъ. Во всякомъ случаѣ всѣ приведенные до сихъ поръ доводы имѣютъ только характеръ напоминанія о затрудненіяхъ, которыя необходимо устранить для полного процвѣтанія университета, чтобы онъ стоялъ на высотѣ своей задачи. Вѣроятно, многое удастся устранить сейчасъ же при открытіи университета, многое впоследствии устранить сама жизнь; но чтобы эти затрудненія были такого рода, чтобы пришлось отказаться совершенно отъ открытія университета,—этого г. І. не доказалъ, несмотря на всѣ свои старанія...

Теперь приступимъ къ послѣднему, 4-ому, самому главному доводу, который повидимому долженъ заставить насъ серьезно призадуматься. Оказывается, что съ открытіемъ университета «прости, прощай земледѣліе!»... «Евреи, — говоритъ авторъ, — занимаютъ земледѣліемъ всего какихъ-нибудь 10—12 лѣтъ, и нельзя требовать, чтобы за это время земледѣліе стало укоренившимся, любимымъ занятіемъ нашихъ евреевъ, а между тѣмъ евреи слишкомъ убѣждены въ своей способности къ умственному труду, такъ что колонисты и теперь часто посылаютъ своихъ дѣтей за границу, несмотря на ограниченность своихъ средствъ и даже несмотря на запрещеніе администраціи барона, и при такихъ условіяхъ возможность занятія болѣе интеллигентнымъ трудомъ уничтожить начавшее зарождаться стремленіе къ землѣ». Кромѣ того авторъ недоумѣваетъ, «куда примѣнить эти университетскія познанія?» такъ какъ толпа стоитъ гораздо ниже ученаго, она не признаетъ его знаній, и ученому, слѣдовательно, негдѣ примѣнять свои знанія.

Прекрасно! Но вотъ вопросъ, какъ важутся эти два опасенія

вмѣстѣ? Если ученому нечего дѣлать со своимъ умственнымъ багажемъ, если наука только увеличить его потребности, не давая ему возможности болѣе или менѣе сноснаго ихъ удовлетворенія, то неужели чадолюбивый еврейскій отецъ станетъ отвлекать своихъ дѣтей отъ обезпеченнаго куска хлѣба ради какой-то науки, которая не только не дастъ имъ насущнаго пропитанія, но поставитъ ихъ въ болѣе стѣсненное положеніе, увеличивая ихъ потребности? Кромѣ того, вѣдь самъ авторъ для существованія университета находитъ затрудненіе въ томъ фактѣ, что въ Турціи нѣтъ среднихъ учебныхъ заведеній, и поэтому онъ заявляетъ, что и не для кого тамъ открывать университетъ. Но какое-же университетъ имѣетъ тогда отношеніе къ земледѣлію? Если съ одной стороны отсутствіе средне-учебныхъ заведеній сдѣлаетъ затруднительнымъ или даже невозможнымъ доступъ въ университетъ для дѣтей земледѣльцевъ, а съ другой стороны невозможность приложить свои познанія къ дѣлу не можетъ не охладить пылъ еврейскихъ земледѣльцевъ и не свести стремленіе ихъ къ образованію на нуль,—то какая же тутъ опасность грозитъ земледѣлію со стороны университета?

Помимо сказаннаго, я вообще не раздѣляю основной мысли автора, что при доступности евреямъ высшаго образованія существованію земледѣлія грозитъ опасность и что земледѣльцамъ евреямъ слѣдуетъ затруднять доступъ къ высшему образованію. Между физическимъ и умственнымъ трудомъ такая глубокая пропасть, что среди людей, занятыхъ физическимъ трудомъ, очень мало найдется такихъ, которые въ то же время способны и къ умственному труду. И если это вѣрно вообще, то у евреевъ, можно сказать, это даже *conditio sine qua non* для существованія ремесленниковъ и другихъ представителей физическаго труда, подчасъ довольно таки тяжкаго, которыхъ среди евреевъ такая громадная масса. Въ самомъ дѣлѣ, еврей до того уважаютъ умственный трудъ (въ сферѣ богословско-талмудической литературы, разумѣется), что каждый отецъ всѣми силами старается дать своему сыну надлежащее воспитаніе, чтобы не быть ему *амъ-зооремъ*, при чемъ община считаетъ своей священной обязанностью помогать въ этомъ отношеніи тѣмъ {несостоятельнымъ родителямъ, дѣти которыхъ оказываются способными заниматься изученіемъ св. Торы, потому что изученіе св. Торы вмѣняется еврею въ обязанность еврейскимъ религіознымъ кодексомъ. И если при всемъ

томъ подавляющее большинство еврейской массы представляет собою круглыхъ невѣждъ, еле умѣющихъ читать по-еврейски, то это доказываетъ, что одного желанія мало, что преувеличенное мнѣніе родителей объ интеллигентности своихъ дѣтей мало измѣняетъ въ общемъ положеніе вещей, и скудоумный остается скудоумнымъ, вопреки желанію родителей, вопреки предписанію религія, помощи общины и пр. Согласно этому, можно полагать съ большою долей вѣроятности, что большинство дѣтей колонистовъ евреевъ окажется неспособнымъ къ умственной дѣятельности, такъ что земледѣліе отъ открытія университета въ Іерусалимѣ погибнуть не можетъ.

Скажутъ, можетъ быть, что, благодаря особымъ обстоятельствамъ, дѣти еврейскихъ колонистовъ въ Палестинѣ дѣйствительно способны къ умственной дѣятельности, что жалоба на невозможность убѣдить еврейскаго отца, что его дѣти не таланты и пр., внесена въ статью автора только краснаго слова ради, на самомъ же дѣлѣ факты говорятъ совершенно о противномъ. Въ самомъ дѣлѣ, если родители рѣшаются отправлять своихъ дѣтей для полученія образованія за тридцать земель, несмотря ни на какія довольно серьезныя препятствія, то это никакъ не можетъ быть слѣдствіемъ преувеличеннаго мнѣнія евреевъ о своихъ способностяхъ къ умственному труду; это доказываетъ, что эти дѣти, въ большинствѣ по крайней мѣрѣ случаевъ, *дѣйствительно* одарены умственными способностями, а если такіе факты попадаются даже *часто*, то слѣдовательно процентъ дѣтей колонистовъ, прекрасно одаренныхъ умственными способностями, довольно таки значителенъ.

Допустимъ, что это такъ. Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли изъ этого, что мы имѣемъ дѣло съ вполне назрѣвшимъ вопросомъ объ открытіи высшаго учебнаго заведенія въ Палестинѣ?

По моему, мы не только не вправѣ затруднять подобнымъ дѣтямъ доступъ къ высшему образованію, но обязаны по мѣрѣ силъ помогать ихъ природному таланту развиться вполне. Взглядъ на существованіе земледѣльческаго класса среди евреевъ, какъ на дѣло весьма желательное, не даетъ намъ еще никакого права требовать отъ дѣтей колонистовъ такой громадной жертвы, чтобы они отказались отъ своего я, отъ своихъ природныхъ дарова-

ній и склопностей. Тѣмъ болѣе, что мы этимъ ничего не достигнемъ. Жизнь находить себѣ выходъ окольными путями, если прямымъ путемъ ей выбиться наружу нельзя. Такъ, въ данномъ случаѣ, жаждущія образованія дѣти колонистовъ къ счастью находятъ возможность утолить эту свою жажду гдѣ нибудь далеко за предѣлами своего мѣстожителства. Говорю «къ счастью», потому что въ противномъ случаѣ они бы, пожалуй, совершенно искалѣчились бы, и мы бы лишились не только образованнаго человѣка или ученаго, но даже хорошаго земледѣльца.

А что же съ земледѣліемъ-то? спросить читатель.

Вотъ что съ земледѣліемъ. Если можно обставить дѣло такъ, чтобы за него брались преимущественно, если не исключительно, люди, способные *только* къ физическому труду, которые оказываются на своемъ мѣстѣ только въ этой сферѣ, то дѣло земледѣлія вполне обезпечено, и мы можемъ надѣяться, что рано или поздно среди евреевъ будетъ довольно многочисленный классъ земледѣльцевъ, которые привяжутся къ этому дѣлу, и никакіе соблазны ихъ отъ земледѣлія не отвлекутъ, какъ никакіе соблазны или предписанія религіознаго кодекса не отвлекаютъ ремесленниковъ отъ ремесла. Пока же наши земледѣльцы будутъ представлять собой классъ людей, жертвующихъ, хотя бы добровольно, своими умственными дарованіями ради идеи, до тѣхъ поръ дѣло земледѣлія будетъ у насъ не прочно: разочарованія, соблазны и пр. могутъ испортить дѣло въ каждую данную минуту, даже черезъ много и много лѣтъ. Мы поэтому должны, по моему, поступать какъ разъ наоборотъ. Какъ нѣкогда при выступленіи евреевъ на войну изъ лагеря удалялись трусы и всѣ тѣ, которые имѣли основаніе быть особенно привязанными къ жизни, такъ и здѣсь мы *должны*, именно *должны* удалять изъ колоній всѣхъ тѣхъ, которые мечтаютъ объ образованіи, если они къ нему обнаруживаютъ особенное стремленіе, доходящее до презрѣнія всякихъ препятствій. Такіе люди въ качествѣ земледѣльцевъ уподобятся шукѣ, взявшейся за кошачье ремесло.

Еще нѣсколько словъ о цѣли существованія еврейскихъ земледѣльческихъ колоній. Авторъ статьи говоритъ, что здѣсь имѣлось въ виду между прочимъ доказать всему міру способность евреевъ къ земледѣлію, и насколько я знаю, это мнѣніе раздѣляется многими. Но какому міру нужно это доказать? Непреду-

черкнуть. Еврей, кто бы онъ ни былъ и чѣмъ бы ни занимался, любить и цѣнить научныя познанія, и будетъ ихъ любить и въ качествѣ земледѣльца; и какъ эти познанія не помышляли еврейству считать въ своей средѣ многочисленныя классы ремесленниковъ и пр. представителей физическаго труда, точно также они не помышляютъ ему считать въ своей средѣ болѣе или менѣе значительный классъ земледѣльцевъ.

Итакъ, открытіе университета въ Іерусалимѣ никому и ничему ни въ какомъ отношеніи вредить не можетъ. Но можно ли отъ него ждать особенной пользы? Конечно, если смотрѣть на открытіе университета не съ узкой точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, которые, встаетъ сказать, никакъ не могутъ быть приняты въ расчетъ людьми, совершенно чуждыми этой мѣстности, то польза отъ этого университета окажется не незначительною. Этотъ университетъ будетъ служить съ одной стороны убѣжищемъ для всѣхъ тѣхъ, которымъ почему-либо университеты не доступны на родинѣ, о чемъ говорилъ уже авторъ статьи въ № 16 «Нед. Хрон. Восхода», а это весьма важно, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для многихъ, какъ я уже сказалъ выше. Наиболѣе способные изъ мѣстныхъ колонистовъ тоже будутъ въ состояніи получить образованіе въ этомъ же университетѣ, и имъ не придется тратить даромъ свою энергію, время и матеріальныя средства, а это тоже дѣло весьма и весьма благое. Но помимо всего этого, здѣсь важно еще то, что еврейская наука сразу подниметъ голову.

Что евреи сдѣлали для науки? Повѣствованія объ этомъ, даже весьма поучительныя, разсѣяны въ исторіи разныхъ странъ и народовъ, и изслѣдователю этого вопроса приходится рыться въ исторической пыли разныхъ архивовъ, или путешествовать по міру, объѣздить разные университеты и собрать имена разныхъ ученыхъ, о принадлежности которыхъ къ еврейству нѣкто и не подозреваетъ. Этотъ же университетъ сразу дастъ дѣлу другой оборотъ. Исходящее оттуда будетъ носить на себѣ исключительно еврейскую печать, и такимъ образомъ еврейскій умъ заявитъ о себѣ въ качествѣ самостоятельной отдѣльной единицы. Если желательно, чтобы еврейство существовало въ качествѣ самостоятельной единицы, то земледѣліе да послужитъ основаніемъ, а университетъ крышей національнаго зданія. И бѣдные люди въ несчастіи очень часто такъ устриваются до поры, до времени:

положили основаніе, вывели крышу,—и зданіе вчернѣ готово; остальное дѣлается по мѣрѣ силъ и возможности.

Вообще я думаю, если элементарныя школы доказали даже туземному населенію свою необходимость, то то же самое будетъ современемъ и съ университетомъ. Свѣтъ солнца ослабляетъ только на минуту; привыкнувъ же въ нему, нельзя не сознать его необходимости. Ждать же, пока намъ удастся поднять уровень умственнаго развитія страны, пожалуй, пришлось бы очень долго.

Врачъ П. Жукъ.

М. Брусловъ.

КОЛОНИЗАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ РУС- СКИХЪ ЕвРЕЕВЪ

ВЪ ПАЛЕСТИНУ И АРГЕНТИНУ ¹.

ГЛАВА X.

Мы изложили весь ходъ политической и въ то же время политической дедукціи, которая сдѣлала сэра Лауренса Олифанта преданнымъ другомъ евреевъ, мечтающимъ объ ихъ палестинской эмансипаціи. Мы уже сказали, что чѣмъ дальше, тѣмъ мечта эта правилась Олифанту все больше и больше. Нѣкоторые изъ друзей его въ Athenaeum Club'ѣ, которымъ онъ не преминулъ изложить весь свой политическій планъ, надо полагать, тоже одобрительно отнеслись къ палестинскому проекту съ евреями. Одобрительно отнесся къ нему и принцъ Уэльскій, которому имѣлъ случай изложить свой проектъ сэръ Олифантъ; нашлась принцесса, которая къ идеѣ объ эмансипаціи или колонизаціи евреевъ въ Святой Землѣ отнеслась даже съ особенной симпатіей и сердечнымъ интересомъ, и въ знакъ глубокой своей благодарности за эту симпатію и сердечный интересъ, сэръ Лауренсъ Олифантъ свою книгу, «The land of Gilead», трактующую о палестинской идеѣ, и посвятилъ въ послѣдствіи ея королевскому высочеству принцессѣ Христіанѣ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Аугустенбургской, принцессѣ Великобританской и Ирландской.

И сэръ Олифантъ рѣшаетъ приступить къ немедленному осуществленію своей идеи. Интересно, что Олифантъ признаетъ, однако, необходимымъ предварительно посѣтить страну, куда должна была быть направлена иммиграція евреевъ, чтобы изучить всѣ ея мѣстные условія и вообще, чтобы на мѣстѣ, какъ выражается Олифантъ, «окончательно рѣшить, практично и исполнимо ли все это дѣло». Практическій смыслъ однако не подска-

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

зываетъ Олифанту, что не менѣе необходимо изучить и тотъ народъ, который долженъ былъ послужить матеріаломъ для осуществленія всего этого дѣла (всцеше). Олифантъ считаетъ свое знакомство съ народомъ достаточнымъ, знакомство, почерпнутое какъ мы видѣли, изъ писемъ собственнаго корреспондента «Times'a» и изъ литературныхъ указаній лейтенанта Киченера, м-ра Geary и имъ подобныхъ туристовъ.

Итакъ, Олифантъ рѣшается прежде всего познакомиться со страной и ея условіями, и, еслибъ страна и условія для ея колонизаціи оказались подходящими, Олифантъ полагаетъ немедля отправиться въ Константинополь, чтобъ изложить свой проектъ Высокой Портѣ. Раньше, чѣмъ отправиться въ путь, Олифантъ считаетъ нужнымъ изложить свой политическій проектъ тогдашнему англійскому первому министру лорду Биконсфильду и министру иностранныхъ дѣлъ лорду Солисбери.

Олифантъ утверждаетъ, что оба не только одобрительно отнеслись къ проекту, но общали даже всякую неофициальную поддержку. Они же посовѣтовали ему добиться, если возможно, одобренія со стороны французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Олифантъ немедленно отправляется въ Парижъ, видится съ Ваддингтономъ, тогдашнимъ министромъ, излагаетъ и ему всю эту исторію и послѣдняя, какъ сообщаетъ Олифантъ, настолько понравилась и Ваддингтону, что онъ снабдилъ Олифанта оффиціальнымъ циркулярнымъ письмомъ къ французскому посланнику въ Константинополь и всѣмъ представителямъ Франціи въ Турціи.

И вотъ ранней весной 1879 г. Олифантъ отправляется въ Палестину, вскорѣ, благодаря Томасу Куку, сдѣлавшейся вообще новой излюбленной страной для англійскихъ туристовъ.

О всѣхъ подробностяхъ своей поѣздки Олифантъ вскорѣ послѣ возвращенія въ Европу рассказываетъ въ своей уже упомянутой выше книгѣ.—Книга эта крайне любопытна, стиль ея легкій и читается она съ большимъ интересомъ. Вы здѣсь найдете всѣ детали поѣздки, вы узнаете, что Олифантъ встрѣтилъ вскорѣ послѣ пріѣзда въ Бейрутъ своего стараго пріятеля капитана Фибса, который уже года 4 жилъ въ странѣ, что Олифантъ убѣдилъ капитана сопутствовать ему въ поѣздкѣ внутрь страны; узнаете, что они взяли съ собой лакея капитана Фибса въ драгоманъ, взяли съ собой въ дорогу Либиковскій экстрактъ, чай, кофе, сахаръ

ветчину, немного сыру, шоколаднаго кекса, бутылку спирта, спиртовую лампу и т. п. Книга вполне можетъ замѣнить вамъ Бедкера, такъ какъ вы найдете здѣсь описаніе всѣхъ попутныхъ деревень, развалинъ, всего чего хотите. Олифантъ подробно знакомитъ васъ тутъ со всѣми племенами, живущими здѣсь, и ихъ образомъ жизни. Вы тутъ найдете прекрасное изложеніе религіи ансаріевъ, друзовъ; въ особенности подробно останавливался авторъ на религіи послѣднихъ. Олифантъ знакомитъ васъ и съ курезами, случившимися съ ними въ пути. Все это изложено подробно, ясно и талантливо. Неподробно знакомитъ васъ авторъ лишь съ экономической жизнью страны; если вы въ книгѣ что и найдете о здѣшнемъ хозяйствѣ, торговлѣ, промышленности и ихъ условіяхъ, то все это описано бѣгло и отнюдь не даетъ вамъ представленія о жизни страны въ этомъ отношеніи. Въ этой книгѣ въ 500 страницъ вы найдете лишь нѣсколько страницъ, касающихся прямо вопроса, для рѣшенія котораго отправился въ страну Олифантъ.

Капитанъ Фибсъ, отнесшійся очень сочувственно къ колонизаціонному проекту Олифанта, съ перваго момента сталъ настаивать, что для колонизаціонныхъ цѣлей слѣдуетъ предпочесть заіорданскую Палестину, гдѣ гораздо легче найти значительные участки свободной и удобной земли. Олифантъ очень скоро благо-разумно согласился съ капитаномъ, и рѣшено было изслѣдовать часть страны, вѣкогда избранной колѣнами Манасія, Гадъ и Рувимъ. Въ концѣ концовъ Олифантъ и Фибсъ облюбовали для будущей колоніи площадь приблизительно въ 1—1½ милліона акровъ, ограниченную съ сѣвера притокомъ Іордана Iabbok, съ юга рѣкой Арнонъ, впадающей въ Мертвое море, съ запада Іорданомъ и Мертвымъ моремъ и наконецъ съ востока Святой Дамасской дорогой, т. е. дорогой, ведущей изъ Дамаска въ Мекку. Участокъ, предложенный Олифантомъ, въ самомъ дѣлѣ долженъ представлять собой одинъ изъ лучшихъ въ Святой Землѣ. Намъ приходилось бывать нѣсколько сѣвернѣе этого участка и убѣдиться, какъ намъ еще придется указывать дальше, въ безусловномъ преимуществѣ этой части Святой Земли предъ западной Палестиной, и уже во всякомъ случаѣ ее благоразумно было предпочесть для колонизаціонныхъ цѣлей Іудеѣ или Самаріи, чего, какъ мы уже знаемъ, позднѣе не сдѣлали еврейскіе эмигранты

изъ Россіи. Арабовъ, которые кочуютъ на предложенной Олифантомъ землѣ, онъ въ своей книгѣ предлагаетъ загнать силой за Святую дорогу въ Арабскую пустынь. Тѣмъ же изъ нихъ, которые могутъ быть приспособлены въ осѣдлой земледѣльческой жизни, авторъ предлагаетъ сохранить опредѣленные «резервы» земли, подобно тому, какъ это было сдѣлано съ индѣйскими племенами въ Канадѣ. Земля, указанная Олифантомъ, какъ собственность султана, легко могла быть передана колонизаціонному обществу, которое основало бы особаго рода земледѣльческій банкъ. Послѣдній по плану Олифанта долженъ былъ бы ссужать поселенцамъ деньги на разумныхъ основаніяхъ и все населеніе находилось бы въ большей или меньшей зависимости отъ колониальной администраціи. Послѣдняя постепенно расширяла бы сферу своихъ операций, которыя въ то же время дѣлались бы и въ денежномъ отношеніи все болѣе и болѣе выгодными.

Мы уже знаемъ, что Олифантъ предлагалъ евреямъ явиться лишь для пріобрѣтенія земли и сдачи ея въ аренду феллахамъ. Рядомъ съ этимъ онъ однако разсчитываетъ, что евреи капиталисты сдѣлаются сами фермерами и воспользуются рабочимъ трудомъ феллаховъ. Рабочихъ феллаховъ можно будетъ достать сколько угодно, во 1-хъ, у осѣдлыхъ арабскихъ племенъ за Иорданомъ, и во 2-хъ, въ арабскихъ деревняхъ западной Палестины; притомъ Олифантъ съ большою похвалою отзывается о феллахъ, какъ объ «энергичной», терпѣливой, добродушной, послушной расѣ. Олифантъ указываетъ, что и лейтенантъ Кондеръ, одинъ изъ извѣстныхъ изслѣдователей Святой Земли, предлагавшій нѣсколько ранѣе Олифанта колонизацію евреями Святой Земли, также рекомендовалъ будущимъ еврейскимъ фермерамъ пользоваться трудомъ феллаховъ. Олифантъ однако идетъ еще далѣе: онъ предлагаетъ еврейскимъ фермерамъ воспользоваться и турецкими бѣглецами изъ Болгаріи и Румелии; они безусловно будутъ прекрасными рабочими. Наконецъ, какъ мы уже знаемъ, Олифантъ выражаетъ надежду, что, можетъ быть, еврейскіе собственники возбуждаютъ земледѣльческія наклонности и въ низшихъ классахъ ихъ собственной расы. Собственники земли могутъ платить своимъ рабочимъ, какъ то практикуется въ Палестинѣ и Сиріи, долей урожая, или же, какъ вездѣ, деньгами. Олифантъ удѣляетъ въ своей книгѣ всего нѣсколько строкъ существенному вопросу о

стоимости устройства хозяйства въ Святой Землѣ и при этомъ указываетъ, что послѣднее обойдется крайне дешево. Въ самомъ дѣлѣ орудія, которыя употребляются въ странѣ, самыя примитивныя и стоятъ пустякъ; животныя тамъ дешевы: лошадь стоитъ 8—10 фунтовъ, быкъ 8—15 фунтовъ, мулъ 12—15 фунтовъ, а овца всего 10—16 шиллинговъ. Кормъ состоитъ здѣсь обыкновенно изъ отрубей и мятой соломы, и для 4 лошадей едва ли онъ обойдется въ годъ дороже 30—40 фунтовъ. Мы увидимъ, что позднѣе Олифантъ серьезнѣе взглянулъ на стоимость устройства хозяйства, и, какъ намъ уже приходилось упоминать въ одной изъ предыдущихъ главъ, позднѣе онъ призналъ необходимымъ затратить на устройство семьи не менѣе 300 фунтовъ, или около 3000 рублей.

Всегр лишь нѣсколько словъ посвящаетъ Олифантъ въ своей объемистой книгѣ и важному вопросу о выгодности хозяйства въ Палестинѣ и, ссылаясь на какого-то протестантскаго пастора Neil'a, заявляетъ, что сельско-хозяйственное дѣло даже въ западной Палестинѣ есть занятіе крайне (extremely) выгодное. Такимъ образомъ наиболѣе важные вопросы, для рѣшенія которыхъ специально поѣхалъ Олифантъ въ Святую Землю, разобраны крайне поверхностно въ его книгѣ, явившейся результатомъ этой специальной поѣздки, а книга, какъ мы уже замѣтили, можетъ быть интересной и полезной и нынѣ для туристовъ, но нисколько образомъ она не имѣетъ большого значенія для лицъ, интересующихся колонизаціоннымъ дѣломъ Святой Земли. Однако на основаніи своихъ наблюденій Олифантъ рѣшаетъ въ совершенно утвердительномъ смыслѣ вопросъ о практичности и исполнимости его колонизаціонной затѣи, и уже на обратномъ пути изъ Святой Земли остается въ Константинополѣ, чтобъ *ohne weiteres* начать переговоры и хлопоты предъ турецкимъ правительствомъ. Еще въ Сиріи онъ изложилъ свой проектъ вали или генераль-губернатору Дамаска Мидхаль-пашѣ; послѣдній тоже, какъ раньше Виконсфильдъ, Солисбери и Ваддингтонъ, очень тепло отнесся къ проекту и цѣлыхъ 3 недѣли долженъ былъ Олифантъ оставаться въ Дамаскѣ, чтобъ выработать по указаніямъ вали подробности своего проекта.

Въ Константинополѣ Олифантъ явился, какъ онъ выразился, въ сангвиническомъ убѣжденіи, что этотъ проектъ, одобренный самимъ генераль-губернаторомъ провинціи, будетъ обязательно

одобренъ и принять турецкимъ правительствомъ. Олифантъ тѣмъ болѣе рассчитывалъ на успѣхъ въ Константинополѣ, что во главѣ правительства въ то время стоялъ просвѣщенный великій визирь Хайреддинъ-паша. Послѣдній былъ представителемъ передового направленія въ турецкой внутренней политикѣ, въ его политическую программу между прочимъ входило проведеніе реформъ въ управленіи провинцій съ предоставленіемъ имъ болѣе широкихъ автономныхъ правъ, восстановленіе турецкой палаты депутатовъ и вообще конституціоннаго ограниченія власти султана. Олифантъ былъ убѣжденъ, что подобный министръ всегда одобритъ его колонизаціонный проектъ и пойметъ тѣ полезныя для государства результаты, которые дало-бы осуществленіе этого проекта.

Случилось однако иначе. Какъ разъ въ это время палъ Хайреддинъ-паша. Вліяніе старо-турецкой партіи, равно, какъ утверждаетъ Олифантъ, вліяніе Россіи уничтожило довѣріе султана къ его великому визирю. Онъ подалъ въ отставку, а вмѣстѣ съ нимъ ушли со сцены либеральныя его начинанія. Замѣнившіе Хайреддина-пашу министры враждебно смотрѣли на всякія европейскія либеральныя начинанія и, какъ намъ уже приходилось указывать, особенно враждебно смотрѣли на затѣи и предложенія англичанъ подъ вліяніемъ раздраженія противъ англійской оккупации Египта и бомбардировки Александріи. Олифантъ добился аудіенціи у министровъ. Семь министровъ, которымъ представилъ свой проектъ Олифантъ, всѣ на словахъ горячо одобрили проектъ и обѣщали содѣйствіе, но это была обычная турецкая система обѣщаній и никто изъ министровъ ничего не сдѣлалъ для проведенія проекта, утверждая, что султанъ лично противъ него. Султанъ на аудіенціи, данной Олифанту, однако отрицалъ это. И сколько ни хлопоталъ Олифантъ, толку не вышло никакого и онъ вскорѣ вернулся въ Лондонъ.

Прошло почти около года, и въ Россіи грянулъ первый погромъ, затѣмъ второй, третій и т. д. Тысячами разбрелись бѣглецы по всѣмъ частямъ земного шара. Началось уже знакомое намъ палестинское движеніе русскихъ евреевъ. Массами очутились евреи въ Константинополѣ по пути въ Святую Землю. Вслѣдъ за ними очень скоро явился въ Стамбулъ и сэръ Лауренсъ Олифантъ. На этотъ разъ однако онъ явился сюда уже по просьбѣ Комитета англійскихъ евреевъ. Первые неудачи не остановили

его энергіи въ стремленіи осуществить его идею, послѣдняя теперь получила для него наоборотъ еще новый интересъ. Ушли на задній планъ его политическіе планы, теперь ошеломленный погромами онъ увлекся уже не столько мечтой осуществить колонизаціей Палестины важную или просто полезную для Англии политическую комбинацію, сколько мечталъ уже сдѣлать что либо для обездоленнаго еврейства. Евреи, интересовавшіе его раньше лишь какъ матеріаль для восстановления автономіи Палестины, теперь уже интересовали его, какъ страдающіе люди. Въ Константинополѣ созданъ комитетъ для вспоможенія еврейскимъ бѣглецамъ. Нечего говорить, что сэръ Олифантъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ его, доставившимъ сравнительно большія средства изъ вѣренннхъ ему для подобной цѣли англійскими евреями суммъ. Мы уже приводили его поэтическое предложеніе явиться съ евреями предъ Ильдизъ-Бюскомъ, о которомъ сообщали намъ нѣкоторые изъ наиболѣе видныхъ тогдашнихъ еврейскихъ дѣятелей въ Константинополѣ.

Старанія и хлопоты Олифанта въ Стамбулѣ однако опять принесли мало пользы. Но и новыя неудачи не охладили эту горячую натуру. Вскорѣ мы его видимъ въ Румыніи въ засѣданіяхъ Яскаго палестинскаго комитета. Олифантъ устраиваетъ митингъ, на которомъ участвуютъ делегаты 28 палестинскихъ румынскихъ кружковъ изъ 49, основавшихся въ странѣ, а вскорѣ затѣмъ онъ снова явился въ Святуу Землю на помощь основателямъ первыхъ колоній. Олифантъ на этотъ разъ оставался въ Святой Землѣ долго. Въ Кайфѣ близъ Кармелля онъ приобрѣлъ себѣ домъ и здѣсь онъ жилъ почти до самой своей кончины. Ему крайне не нравился фактъ основанія евреями первыхъ колоній въ Іудеѣ, не желалъ онъ колоній и въ Галилеѣ. Поэтому онъ оказывалъ помощь исключительно тѣмъ изъ первыхъ пришельцевъ, которые основались подалеже отъ Іудеи и поближе къ Гилеаду; всего больше помогалъ онъ основателямъ Рошъ-Пино. Однако эта помощь была сравнительно незначительной; гораздо больше онъ сдѣлалъ для членовъ основавшагося въ то время въ Святой Землѣ общества «Bnei Jehudah», которые первые изъ евреевъ рѣшили основать колонию въ Джолаѣ и Гилеадѣ; имъ, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, сэръ Лауренсъ Олифантъ далъ для ихъ цѣли значительныя сравнительно суммы въ нѣсколько тысячъ франковъ.

Только теперь Олифанту пришлось лично познакомиться съ тѣмъ элементомъ, съ тѣмъ народомъ, который онъ выбралъ для колонизаціи и съ которымъ предварительно познакомиться, какъ мы уже знаемъ, онъ раньше не считалъ нужнымъ. Вотъ что онъ говоритъ въ 1885 году о первыхъ колонистахъ Святой Земли— послѣ нѣсколькихъ лѣтъ близкаго наблюденія ихъ въ колоніяхъ— въ письмѣ, адресованномъ имъ Лондонскому обществу для сдѣлствія колонизаціи Святой Земли: «Они, можетъ быть, хотятъ сдѣлаться хорошими земледѣльцами, они здоровы и понятливы, но они сварливы, безалаберны, падки на интриги и плохо ведутъ свое хозяйство».

Въ упомянутомъ письмѣ Олифантъ жалуется, что нѣтъ никакихъ надеждъ устроить еврейскія колоніи въ мѣстахъ удобныхъ для земледѣлія пров. Сиріи, т. е. новый Сирійскій ген.-губернаторъ, фанатическій мусульманинъ, ни подъ какимъ видомъ не допускаетъ иностранныхъ евреевъ къ пріобрѣтенію земельной собственности. Въ этомъ же письмѣ онъ, какъ мы уже упоминали уже считаетъ необходимымъ для устройства семьи не менѣе 300 фун.

Въ послѣдніе годы своей жизни подъ вліяніемъ ряда неудачъ, постигшихъ его, равно, быть можетъ, подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ основавшихся колоній, Олифантъ сильно охладѣлъ къ своей палестинской мечтѣ, однако-жъ до своей, столь ранней кончины онъ остался преданнымъ другомъ дѣла и евреевъ. Послѣ его кончины вторая супруга его, вернувшись въ Кайфу, раздала оставленную покойнымъ сумму членамъ общ. «Bnei Jehudah», которые понинѣ не забываютъ сэра Олифанта и неизмѣнно называютъ его своимъ благодѣтелемъ.

Такова была дѣятельность сэра Лауренса Олифанта въ пользу евреевъ. Мы уже видѣли, что началъ онъ ее, совершенно не зная евреевъ и совершенно не интересуясь ими. Какъ выражается его біографъ¹, онъ въ то время «не проявлялъ никакого энтузіазма по отношенію къ евреямъ (any enthusiasm for the Jews). Мы уже знаемъ, что главнымъ мотивомъ къ началу его дѣятельности послужили политическія соображенія по Восточному вопросу. Намъ однако же еще понятнѣе станеть его позднѣйшая горячность въ

¹ Н. Хр. В. 1885 № 17.

² Margaret Oliphant. Memoir of the life of Laurence Oliphant, стр. 286.

пользу еврейскаго дѣла, если мы въ общихъ чертахъ познакоимся съ его интересной жизнью вообще. Онъ о ней самъ рассказываетъ въ своей книгѣ «Life of adventures». Сынъ богатой аристократической семьи, онъ еще въ ранней молодости сталъ путешествовать съ образовательной цѣлью. Онъ побывалъ чуть ли не во всѣхъ частяхъ свѣта: былъ въ Индіи, Китаѣ, Японіи, Америкѣ, Россіи, Турціи и т. д. Всѣ свои путешествія и скитанія онъ подробно описалъ въ длинномъ рядѣ изданныхъ имъ книгъ. Въ промежуткахъ между этими странствіями онъ жилъ въ Лондонѣ, тамъ вращался въ самыхъ аристократическихъ кругахъ высшаго свѣта, и, присматриваясь къ этой свѣтской жизни столицы, опять писалъ рядъ новеллъ по поводу этой жизни. Однако ему не сидѣлось въ Лондонѣ, — ему нравились всякаго рода приключенія и скитанія. Лишь только гдѣ либо на свѣтѣ случалось изъ ряда вонъ выходящее событіе, сэръ Олифантъ стремился туда. Онъ былъ въ Италіи во время борьбы ея за свое воссоединеніе, онъ былъ въ Россіи во время Крымской кампаніи, былъ въ Турціи во время послѣдней войны. Онъ нигдѣ не принималъ самъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ, а являлся, вѣрнѣе, наблюдателемъ событій, для корреспонденцій въ газеты и журналы и для своихъ будущихъ литературныхъ трудовъ. Въ дни скитаній онъ полюбилъ политику и чуть было самъ не попалъ на дипломатическую карьеру; еще въ молодости онъ сдѣлался членомъ англійской дипломатической миссіи въ Японіи. Позднѣе однако онъ увлекся всякаго рода религіозными и философскими стремленіями, сдѣлался однимъ изъ ярыхъ поклонниковъ Нэггиса, страннаго апостола страннаго религіознаго ученія. Не задолго до начала своей дѣятельности въ пользу евреевъ, онъ однако разочаровался и разошелся съ этимъ Нэггисомъ, омазавшимся чуть ли не шарлатаномъ. Теперь онъ находился въ Лондонѣ безъ дѣла, а главное безъ увлеченій, и онъ увлекся сначала Восточнымъ вопросомъ, а потомъ своей еврейской затѣей. Какъ выразился его біографъ, это еврейское дѣло ему полюбилось тѣмъ болѣе, что оно доставляло ему, во 1-хъ, особенное удовольствіе сдѣлаться дипломатомъ любителемъ, во 2-хъ, поводъ къ новымъ путешествіямъ и приключеніямъ, связаннымъ съ нѣкоторой пользой, а такія приключенія онъ всегда любилъ больше всего на свѣтѣ. Наконецъ, по мнѣнію біографа, онъ на самомъ

дѣлѣ интересовался евреями гораздо больше, чѣмъ онъ это предполагалъ самъ, съ религіозной стороны ¹.

Мы видѣли, съ какой горячностью сэръ Лауренсъ взялся за дѣло и прежде всего за путешествіе въ Святую Землю. Съ горячностью, свойственною его натурѣ, онъ взялся сейчасъ же и за переговоры съ турецкимъ правительствомъ и султаномъ. Такая горячность наименѣе умѣстна въ сношеніяхъ съ турками и испортила сразу все дѣло.

Его біографъ по этому поводу указываетъ, что по утвержденію лицъ очень хорошо освѣдомленныхъ, онъ вѣрно добился бы въ то время успѣха, еслибъ онъ предварительно обезпечилъ свое дѣло частными переговорами и лишь потомъ внесъ бы свое официальное предложеніе. Но, говоритъ его біографъ, такіе предварительные переговоры не были «среди методовъ, которые представлялись его уму». И эти первые переговоры съ турецкимъ правительствомъ въ 1879 г. окончились неудачей вслѣдствіе его горячности; дальнѣйшіе его переговоры, уже по просьбѣ англійскихъ евреевъ, окончились также печально вслѣдствіе злобы турецкаго правительства противъ англичанъ и англійскихъ затѣй, злобы обострившейся и вознившей послѣ занятія Египта англійскими войсками. Такимъ образомъ эти англійскія хлопоты въ пользу русскихъ евреевъ принесли больше вреда, чѣмъ пользы, и почему знать, быть можетъ, какъ мы увидимъ далѣе, понинѣ приходится считаться съ послѣдствіями этихъ неосторожныхъ шаговъ сэра Лауренса Олифанта.

Д-ръ А. Беркенгеймъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹ Margaret Oliphant, Life of L. Oliphant, стр. 287.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВЪ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ.

По поводу А. Г. Вейса. „Мои Воспоминанія“. (Изданіе Я. М. Гинсбурга).

А. Г. Вейсъ, авторъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній нашего вѣка, вышедшихъ на древнееврейскомъ языкѣ, «Исторія еврейскихъ преданій», выпустилъ въ свѣтъ свои «Воспоминанія» ко дню достиженія имъ восьмидесятилѣтняго возраста. Когда читаешь пятитомный трудъ Вейса, «Ист. евр. пред.», то постоянно чувствуешь, что находишься на рубежѣ различныхъ поколѣній. Съ одной стороны—глубокая привязанность къ еврейскимъ традиціямъ, преклоненіе предъ стариной, желаніе по возможности сохранить ее въ неприкосновенности, съ другой — беспощадная критика, стремленіе во что бы то ни стало идти по пути къ истинѣ безъ малѣйшаго сворачиванія съ настоящей дороги, готовность добиться вѣрныхъ результатовъ всякой цѣной, хоть-бы для того пришлось разрушить все старое до основанія. Эта внутренняя раздвоенность, борьба сердца и разсудка проходитъ красной нитью по всему замѣчательному труду А. Г. Вейса. Эта черта присуща впрочемъ не одному Вейсу, но и всѣмъ еврейскимъ дѣятелямъ, родившимся въ самомъ концѣ прошлаго, или въ началѣ нынѣшняго столѣтія и достигнувшихъ преклоннаго возраста. Всѣ они жили въ переходное для еврейскаго народа время, когда съ одной стороны приходилось ломать старое собственными руками и строить новое основаніе, на которомъ долженъ въ будущемъ покоиться весь юдаизмъ, а съ другой — постоянно находиться въ сомнѣніи, насколько прочно и подходяще новое строеніе и можетъ-ли оно выдержать натискъ враговъ, какъ то выдержало старое. Такимъ напрямѣръ, является и историкъ Грець, и не разъ мы видимъ, что онъ, самъ того не замѣчая, садится межъ двухъ стульевъ. Это вовсе не стремленіе поступать такъ, чтобы «овцы были цѣлы и

волки съты»; нѣтъ, это дѣлалось не преднамѣренно, а какъ то само собой вытекало изъ условій жизни. Исторія Греца не можетъ потому вполне удовлетворить того, кто требуетъ «послѣднихъ выводовъ науки», и въ этомъ отношеніи съ ней раздѣляется судьбу также и капитальный трудъ Вейса. Но за то той части нашихъ единовѣрцевъ, гдѣ еврейскій языкъ еще занимаетъ подобающее ему почетное мѣсто, труды Вейса несомнѣнно принесутъ большую пользу: многіе еще теперь, особенно въ Галиціи и въ нашей Польшѣ, живутъ тѣми идеями, которыя считались господствующими, когда Вейсъ былъ еще юношей, да, пожалуй, и во внѣшнихъ условіяхъ видно большое сходство. Ихъ-то Вейсъ способенъ незамѣтно вывести на новую дорогу.

Новая книга Вейса содержитъ весьма мало біографическихъ данныхъ, такъ мало, что можемъ сказать *почти никакихъ*; его трудъ посвященъ исключительно культурѣ еврейской части населенія Богеміи и Венгріи съ начала нынѣшняго столѣтія. Излагать исторію собственной жизни — Вейсъ считаетъ бесполезнымъ дѣломъ, лишь мимоходомъ (стр. 10) мы узнаемъ, что въ матеріальномъ отношеніи онъ былъ въ дни юности обезпеченъ хорошо, но потомъ, благодаря добрымъ друзьямъ, лишился всего состоянія; также упоминаетъ онъ о преждевременной кончинѣ двухъ своихъ сыновей, подававшихъ большія надежды. Писать свон «Воспоминанія» онъ началъ лишь по настоянію своихъ друзей, и въ особенноти проф. Д. Кауфмана, который находилъ, что такой трудъ будетъ весьма цѣннымъ въ смыслѣ характеристики того времени, которое пережило авторомъ. Вейсъ родился въ 1815 году въ моравскомъ городѣ Межеричъ, на границѣ Богеміи. «Въ городѣ было 150 еврейскихъ семействъ съ *разрѣшенія начальства*». Послѣднее прибавляю потому, что въ самомъ дѣлѣ правительствомъ установлена была для всѣхъ городовъ норма, перейти которую не дозволялось, ибо боялись, какъ-бы евреи не размножились черезъ чуръ; но не разрѣшалось также и уменьшать число семей, ибо за каждую семью приходилось платить особо установленный налогъ, а уменьшеніе семей влекло за собою и уменьшеніе государственныхъ доходовъ. Такъ дѣла обстои до 1848 года, когда евреи избавились отъ части своихъ бѣдъ. Такое положеніе дѣла приносило громаднй вредъ общинамъ, ибо хлопотавшіе о разрѣшеніи быть приписанными вели ожесточенную борьбу между собой

за право на первенство, такъ какъ каждому хотѣлось раньше попасть въ списокъ, а это вело къ постояннымъ раздорамъ въ общинѣ, тратѣ большихъ суммъ на подкупы и на многое другое. Порой и справедливость страдала, такъ какъ многіе почтенные, но не обладавшіе большими средствами, люди тщетно добивались своего права, а дурные, но за то имѣвшіе туго набитые кошельки, легко достигали цѣли. Въ чрезвычайной опасности находились часто старшины общинъ и отдѣльныя лица. Тѣ изъ холостыхъ, что не могли выхлопотать себѣ разрѣшенія жениться, вступали въ бракъ тайно, правда по закону вѣры, но противъ установленныхъ правительствомъ законовъ, а потому имъ вѣчно приходилось опасаться, какъ-бы ихъ тайна не стала извѣстна властямъ. За подобное нарушеніе закона полагалось жестокое наказаніе, которому подвергались какъ самыя лица, вступавшіе въ бракъ, такъ и тѣ, что совершали обрядъ вѣчанія, и свидѣтели при этомъ присутствовавшіе. Приходилось поневолѣ прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, чтобы обойти законъ, но всегда находились доносчики (изъ своей-же среды) и ничего не оставалось дѣлать какъ откупаться деньгами. Администрація высасывала евреевъ, выжимала изъ нихъ всё соки. «Незаконные поборы съ евреевъ, говоритъ авторъ, дѣлались якобы на законномъ основаніи, но не находилось такого закона, по которому слѣдовало-бы принять какія-либо мѣры для того, чтобы улучшить положеніе евреевъ; когда дѣло касалось обязанностей, тогда евреи приравнивались къ «кореннымъ», а гдѣ рѣчь заходила о правахъ—ихъ считали чужими. Государственные повинности они уплачивали наравнѣ съ другими, но имъ ничего не удѣлялось на необходимые общественные расходы. О воспитаніи ихъ дѣтей правительство вовсе не заботилось и до вступленія на престолъ императора Франца Перваго не было государственныхъ школъ для евреевъ, да и послѣ того школы были открыты исключительно на счетъ евреевъ. Въ каждой общинѣ находились учителя для начальнаго образованія дѣтей и учителемъ могъ стать всякій. Такая школа называлась хедеромъ». Это печальное время, какъ мы знаемъ, австрійскими евреями давно забыто, но мы видимъ, до какихъ размѣровъ можетъ дойти фанатизмъ, когда въ религію вмѣшиваются совершенно чуждые ей элементы; мы можемъ также въ тысячу первый разъ убѣдиться, какъ исключительное положеніе одного класса портить не только этотъ послѣдній, за-

ставляя людей стремиться обойти законъ, но какъ вмѣстѣ съ тѣми развращаются и тѣ, въ рукахъ которыхъ находится судьба угнетенныхъ. Исключительные законы во всѣ времена и во всѣхъ государствахъ вредно отражались на нормальномъ развитіи государственнаго организма.

Вейсу минуло всего восемь лѣтъ, когда онъ началъ изучать Талмудъ. Описаніе хедера намъ слишкомъ знакомо, чтобы стоило о немъ распространяться. Надо только отмѣтить, что тогда нѣмецкій переводъ Библии Мендельсона уже проникъ въ Австрію; кроме того, евреи перестали бояться изученія еврейской грамматики.

Совсѣмъ еще ребенкомъ, Вейсъ покинулъ родительскій домъ и, подобно студентамъ времени среднихъ вѣковъ, сталъ скитаться по Моравіи, Богеміи и Венгріи, переходя изъ одного ешибота въ другой. Онъ рассказываетъ массу подробностей про своихъ учителей, при чемъ отмѣчаетъ, что въ Богеміи и Моравіи учителя стояли на болѣе высокомъ уровнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, сравнительно съ таковыми въ Венгріи; тогда какъ въ первыхъ двухъ странахъ Талмудъ уживался со свѣтскими науками, изученіе коихъ не только не преслѣдовалось, но даже поощрялось, въ Венгріи — считалось величайшимъ грѣхомъ читать постороннюю книгу.

Когда въ правительственныхъ сферахъ пришли къ убѣжденію, что и для евреевъ необходимы школы, то впади въ другую крайность. Начальникамъ еврейскихъ школъ былъ порученъ надзоръ за еврейскими хедерами и они начали сильно притѣснять частныя школы. Началась борьба на жизнь и на смерть между старой школой и новой. Вейсъ утверждаетъ, что подборъ учителей въ казенныхъ школахъ оказался крайне неудачнымъ, а потому и борьба приняла такой интенсивный характеръ. Но тутъ, видно, Вейсъ слишкомъ ужъ защищаетъ духовныхъ раввиновъ, рисуя ихъ всѣхъ какими-то ангелами.

Особенно были евреи озлоблены за то, что во всѣхъ школахъ правительствомъ было введено преподаваніе еврейской вѣры по учебнику, составленному нѣкимъ Герцемъ Гомбергомъ. Чтобы добиться своего и сломить упорство евреевъ, игнорировавшихъ этотъ учебникъ, правительство издало распоряженіе, чтобы при вступленіи въ бракъ требовали свидѣтельство о выдержаніи экзамена по этому учебнику. Въ экзаменаціонную комиссію входили:

городничій, священникъ (онъ же и старшій смотритель еврейской школы), раввинъ, учитель правительственной школы и представитель отъ общины. Судьба экзаменующихся была всегда въ рукахъ учителя, и экзамены были для него хорошимъ источникомъ доходовъ. При всемъ томъ, прибавляетъ Вейсъ, если-бы правительство не приняло строгихъ мѣръ, то просвѣщеніе евреевъ не пошло-бы впередъ такъ быстро.

Весьма интереснымъ является описаніе ешиботовъ, которые онъ посѣтилъ, въ особенности венгерскихъ. И тамъ, какъ у насъ на Руси, велась глухая борьба между грубыми фанатиками съ одной стороны и тѣми изъ ешиботниковъ, что успѣли вкусить отъ плода древа познанія добра и зла, что успѣли тайкомъ прочесть книжку на нѣмецкомъ языкѣ. Тайное чтеніе книгъ съ одной стороны, доносы учителю съ другой, — вотъ милыя картинки, не чуждыя и нашимъ ешиботамъ. Шпіонство ревнителей вѣры сильно процвѣтало и уличенный въ преступленіи немедленно былъ изгоняемъ изъ школы. Но развѣ въ наше время, спросимъ мы, мракобѣсы дѣйствуютъ иначе? Они ничего не забыли, и ничему не научились! Вейсъ старается доказать, что подобная тактика мракобѣсовъ не только неправильна съ религіозной точки зрѣнія, но и не ведетъ къ настоящей цѣли. Тутъ мы отлично видимъ, какъ Вейсъ старается въ одно и то же время занять два кресла, но какъ разъ попадаетъ между ними. Вейсъ хочетъ показать, что въ испанскую эпоху евреи очень много занимались свѣтскими науками безъ ущерба для религіи. «Кто изучалъ исторію евреевъ того времени, тотъ это знаетъ, по что можно поддѣлать съ тѣми, которые не изучаютъ исторію и не знаютъ ея?» восклицаетъ Вейсъ патетически.

Преслѣдованіе ешиботниковъ, почитывавшихъ тайкомъ свѣтскія книжки, имѣло своимъ слѣдствіемъ развитіе лжи и ханжества въ ихъ средѣ до небывалыхъ размѣровъ. «Я лично убѣдился, говоритъ Вейсъ, что эта привычка лгать развратила многихъ до невозможности, а нѣкоторыхъ такъ испортила въ конецъ. Многіе изъ такихъ ешиботниковъ достигли цѣли, добившись раввинскаго кресла, и имъ уже некого бояться было; но когда они видѣли, что имъ выгодно быть палачами просвѣщенія, то они это дѣлали и исключительно ради матеріальныхъ благъ, и чтобы заручиться благоволеніемъ невѣжественной массы. Вотъ многіе изъ-

за стремленія къ изученію свѣтскихъ наукъ прибѣгали къ различнымъ уловкамъ—вводили въ заблужденіе своихъ учителей, лицемѣрили до невозможности—и все это въ виду предположенія, что наука будетъ въ ихъ рукахъ средствомъ для того, чтобы ввести свѣтъ въ окружающую тьму; этимъ, думали они, будутъ въ достаточной степени искуплены ихъ теперешніе грѣхи—вынужденное ханжество и лицемѣріе; но какъ мы должны быть удивлены, узнавъ, что они потомъ употребили свои знанія во вредъ просвѣщенію. Я зналъ между ними такихъ, которые въ самый моментъ занятія раввинскаго кресла дали наукѣ отставку и пошли по стопамъ ультраортодоксальныхъ раввиновъ, враговъ всякаго знанія, изъ среды коихъ и вышло впоследствии «общество охранителей вѣры» въ Венгріи. Это общество нарушило внутренній міръ еврейства и произвело повсюду сильный расколъ, а самыми ревностными его застрѣльщиками были именно прежніе «маскалимъ», а теперешніе гонители просвѣщенія». Вейсъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, ярко иллюстрирующихъ вышесказанное. «Мы видимъ отсюда, продолжаетъ онъ, что строгости ревнителѣй вѣры не привели къ добру; больше того,—получились какъ разъ противные результаты. Они хотѣли укрѣпить вѣру своими строгостями, а на самомъ дѣлѣ принесли больше вреда чѣмъ пользы; они забыли, что запрещенный плодъ всегда кажется сладкимъ и потому вышло, что чѣмъ больше становились строгости, тѣмъ болѣе проявлялось желаніе преступить постановленіе ревнителѣй и тѣмъ болѣе развивалось ханжество. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и того обстоятельства, что эти строгости много содѣйствовали увеличенію въ школахъ контингента грубыхъ, невоспитанныхъ ешиботниковъ». Но что однако искупало всё недостатки тогдашнихъ школъ, такъ это безотчетное стремленіе къ знанію самихъ учениковъ. Многіе изъ нихъ годами питались однимъ хлѣбомъ, многіе зачастую совсѣмъ голодали, одѣвались и обувались кое-какъ, но школы не бросали...

Все, что для Вейса отошло въ область воспоминаній, такъ хорошо знакомо и намъ, читатели, все это можетъ Вейсъ и у насъ видѣть еще и теперь, а нарождающееся у насъ общество «Махзиккей гаддасъ», очевидно, есть жалкая копія венгерскаго общества «Шомре гаддасъ». Но какъ ни страшны они, а время ихъ прошло безвозвратно: полицейскими мѣрами, угрозами, доно-

сами, насквилями и прочей прелестью можно, правда, утратить на время робкихъ, но у насъ довольно и такихъ поборниковъ просвѣщенія, которые смѣло подымутъ брошенную имъ перчатку. Колесо исторіи неустанно вертится впередъ и никакіе святоши и ханжи его не остановятъ...

Вейсъ отмѣчаетъ, что въ настоящее время ешиботы вытѣсняются правильно организованными семинаріями и выражаетъ по этому случаю свое удовольствіе. Онъ однако находитъ, что слѣдовало бы расширить въ нихъ программу преподаванія Талмуда, а теперешнюю онъ считаетъ недостаточной.

«Больше чѣмъ учителямъ, говоритъ Вейсъ, я обязанъ своимъ развитіемъ чтенію книгъ», и вотъ онъ даетъ характеристику нѣкоторыхъ своихъ современниковъ, книги которыхъ ему принесли большую пользу. Вейсъ посвящаетъ много страницъ характеристикѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ еврейскихъ ученыхъ нашего вѣка, Соломона Іегуды Раппопорта, съ которымъ онъ познакомился въ 1841 году въ Прагѣ, гдѣ послѣдній тогда былъ раввиномъ. Авторъ подробно останавливается на оцѣнѣ достоинствъ и недостатковъ характера Раппопорта, но читателю интереснѣе будетъ узнать, въ чемъ, по мнѣнію Вейса, состоитъ заслуга Раппопорта предъ еврействомъ. Вейсъ разбираетъ нѣкоторыя мѣста изъ соч. Раппопорта, показываетъ ошибочность взглядовъ послѣдняго на многія вещи, онъ не хочетъ скрыть и ту несимпатичную черту въ характерѣ Раппопорта, которой онъ обязанъ безпрестанной полемикѣ, которую ему пришлось вести почти всю жизнь, именно его излишнюю увѣренность въ своей непогрѣшимости, ничѣмъ неоправдываемое самомнѣніе, и т. д.; но это однако не умаляетъ его заслугъ, хотя съ другой стороны, его остроуміе, проницательность и глубокія познанія не увеличиваютъ его значенія. *Вся заслуга Раппопорта состоитъ въ томъ, что онъ раскрылъ новый методъ для изученія Талмуда.* «Раппопортъ показалъ намъ дорогу, по которой долженъ идти тотъ, кто хочетъ изучить Талмудъ и прочія наши письменные памятники; онъ показалъ, что «пилпулястика», толкующая все въось и веривъ и занимавшая особенно въ его отечествѣ господствующее положеніе, только унижаетъ достоинство Талмуда, тогда какъ изслѣдованіе его по методу научному дѣлаетъ Талмудъ драгоценнымъ литературнымъ памятникомъ. И дѣйствительно, онъ намъ самъ

показалъ, что, идя по этому пути, мы увидимъ въ Талмудѣ «не только источникъ, откуда можно черпать религиозные законы, но также найдемъ въ немъ неисчерпаемый источникъ для изученія исторіи нашего народа и его культуры». Въ этомъ и состоитъ заслуга Раппопорта. И, разъ онъ позналъ, что только этой дорогой можно пробраться къ свѣту, онъ безстрашно пошелъ по ней, не пугаясь враговъ. Кто можетъ исчислить всѣ невзгоды, которыя ему изъ-за этого пришлось перенести въ жизни? Хассиды вездѣ разставляли ему сѣти и травили его какъ звѣря, равнины фанатики и всѣ тѣ, что не лучше ихъ были, преслѣдовали его, отравляли ему жизнь, возненавидѣли его. А если спросить, что нашли они въ немъ дурного? Чего они такъ бѣсновались? Другого отвѣта не можетъ быть, какъ лишь то, что ихъ скудоуміе не могло выносить его мудрости! Да и какъ могли бы они его терпѣть? Вѣдь они воочію видѣли, что его разумный методъ разрушалъ всю ихъ мудрость и ничего отъ нея не оставалось. Но тщетны были ихъ усилія: какъ свѣтъ побѣждаетъ тьму, такъ поборолъ онъ своей мудростью ихъ глупость. Правда, неразумные остались неразумными, ибо глупцовъ не исправитъ, но за то немало нашлось благоразумныхъ раввиновъ, даже въ его отечествѣ, которые увлеклись его методомъ, и скоро пошли за Раппопортомъ всѣ тѣ, что дѣйствительно стремились къ знанію. Этимъ Раппопортъ увѣковѣчилъ свое имя». Раппопортъ, очевидно, произвелъ на Вейса сильное впечатлѣніе, и кто читалъ трудъ Вейса «Исторія еврейскихъ преданій», тотъ знаетъ, что все достоинство книги послѣдняго въ томъ именно и заключается, что онъ употребилъ при своихъ изслѣдованіяхъ *историческій методъ* и этимъ онъ, подобно Раппопорту, навлекъ на себя гнѣвъ нашихъ ультраортодоксовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть ужаснѣе, какъ показать, что «Устная Тора» имѣетъ *свою исторію*? Развѣ можетъ имѣть исторію то, что дано Моисею Богомъ на горѣ Синаѣ?..

Старое и новое уживается какъ то странно въ душѣ престарѣлаго Вейса. Можетъ быть, въ такіе годы нельзя иначе, читатель, но мы опять имѣемъ случай отмѣтить, какъ неустанно борются между собою рассудокъ и сердце, и потому мы тутъ и видимъ колебаніе то въ одну, то въ другую сторону. Вейсъ рассказываетъ о полемикѣ между Раппопортомъ и знаменитымъ его современникомъ С. Д. Луццато, а затѣмъ о нападкахъ С. Р. Гир-

ша, извѣстнаго франкфуртскаго раввина и столпа тогдашнихъ ортодоксовъ, на З. Франкеля, ректора бреславльскои семинарии, за книгу послѣдняго «Introductia in Mischnam» (на древне-еврейскомъ языкѣ). Подробности этой полемики во многихъ отношеніяхъ интересны, но мы здѣсь отмѣтимъ лишь книгу Раппопорта, вышедшую послѣ смерти автора въ 1868 году и содержащую отвѣды Абраму Гейгеру, знаменитому ученому и раввину Берлинской еврейской общины. Книга Гейгера, «Urschrift», вызвала въ средѣ ортодоксовъ бурю негодованія, такъ какъ Гейгеръ старался доказать, что Пятикнижіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь у насъ имѣется, не составляетъ первоисточника, ибо въ ней мы видимъ массу преднамѣренныхъ исправленій. Разумѣется, наши ортодоксы не думали спорить съ Гейгеромъ на почвѣ науки, гдѣ они себя чувствовали очень слабыми, а отвѣчали руганью и грубой полемикой. Раппопортъ былъ также недоволенъ книгой Гейгера и въ свою очередь написалъ цѣлую книгу, назначеніе которой опровергнуть положенія Гейгера. Мы тутъ не намѣрены разбирать — кто виноватъ и кто правъ, а хотимъ лишь отмѣтить слѣдующія слова Вейса. «Правда, Раппопортъ всегда былъ горячимъ сторонникомъ свободнаго изслѣдованія, онъ даже не чуждался критики Библии, но никогда не преступалъ должнаго предѣла». Но гдѣ же предѣлъ? Для еврея предѣломъ считается мѣсто, переступивъ которое онъ перестаетъ находиться въ согласіи съ Торой. Вейсъ доказываетъ, что Раппопортъ ничего не имѣлъ противъ «теоретическаго» изслѣдованія Гейгера, но боясь, что Гейгеръ, какъ раввинъ, начнетъ проводить свои идеи въ жизнь, или что люди, недостаточно знакомые съ научной постановкой вопроса, сочтутъ выводы Гейгера неопровержимыми, Раппопортъ не счелъ возможнымъ молчать. Но въ томъ то и дѣло, что Вейсъ не показалъ намъ, гдѣ именно граница, за которую изслѣдователь не долженъ выходить? Гейгеръ несомнѣнно считалъ, что онъ вовсе не переступалъ должной границы и что онъ стоитъ на почвѣ іудаизма, тогда какъ Вейсу онъ, быть можетъ, казался находящимся далеко за предѣлами послѣдняго. Но Вейсъ отлично можетъ испытать на самомъ себѣ, насколько мѣрило его непригодно для опредѣленія «религіозной благонадежности». Въ то время, какъ онъ себя несомнѣнно считаетъ вѣрнымъ іудеомъ, наши ортодоксы давно уготовали ему мѣстечко въ аду и счита-

ютъ его опаснымъ человѣкомъ, а его изслѣдованія страшной ересью. Гдѣ же тутъ мѣрило? Научныя изслѣдованія, если они дѣйствительно плодъ зрѣлаго размышленія и научно обоснованы, никогда и ни въ какомъ отношеніи не будутъ для іудаизма опасны, но весьма возможно, что многіе изъ толпы принимаютъ все на вѣру, не относясь критически къ положеніямъ того или другого автора, и идутъ ложной дорогой,—такъ развѣ потому надо заградить путь наукѣ? Развѣ мало глупцовъ, идущихъ «своей дорогой», никогда не заглядывавшихъ ни въ какую книгу и еще къ тому утверждающихъ, что весь свѣтъ ошибается и только они одни обладаютъ истинной?

Нѣтъ сомнѣнія, что про Вейса можно то же самое сказать, что и про Раппопорта. Какъ Раппопортъ принадлежитъ къ переходному времени, такъ и Вейсъ, и не мудрено, что они не могли удовлетворить ни прежнее поколѣніе, ни новое: для перваго они *слишкомъ* радикальны, для втораго *недостаточно* радикальны въ религиозныхъ вопросахъ. По отношенію къ Раппопорту Вейсъ это самъ подтверждаетъ (стр. 110 и слѣд.), а относительно самого Вейса мы видимъ то же самое въ настоящее время. Оба они, сами того не замѣчая, часто силились служить двумъ богамъ и ни одного изъ нихъ умилостивить не успѣли.

Отъ Раппопорта лично Вейсъ узналъ, что первый толчекъ къ примѣненію научнаго метода при изученіи Талмуда Раппопортъ получалъ отъ знаменитаго галиційскаго уроженца рабби Нахмана Крохмала, умершаго въ 1841 году. Раппопортъ познакомился съ Крохмаломъ около 1813 года и, по его собственному признанію (такъ передаетъ Вейсъ), Крохмалъ произвелъ на него уже въ первое ихъ свиданіе такое сильное впечатлѣніе, что онъ почувствовалъ себя совершенно другимъ человѣкомъ. Свыше 28 лѣтъ продолжалось ихъ знакомство, но въ послѣдніе два года между ними произошла размолвка, въ которой Вейсъ винитъ Раппопорта.

Крохмала Вейсъ лично не зналъ, но вездѣ шла о немъ слава, какъ о человѣкѣ не отъ міра сего, какъ о человѣкѣ, обладающемъ огромными познаніями въ еврейскихъ наукахъ, философіи и естественныхъ наукахъ. Его безграничному смиренію надо приписать, какъ думаетъ Вейсъ, то, что онъ такъ мало печаталъ, да къ тому же и не охотно.

Счастливыхъ дней выпало на его долю очень мало; то были дни дѣтства. Женившись, онъ поселился у тестя, человѣка очень богатаго, и вполне предался разнымъ наукамъ, но страшная болѣзнь потрясла его организмъ и отъ нея онъ уже никогда не могъ оправиться. «Съ необычайнымъ спокойствіемъ и твердостью духа переносилъ этотъ святой человѣкъ физическія страданія», говоритъ Вейсъ. И на долю Крохмала выпала честь быть преслѣдуемымъ безпокойными фанатиками, которые обвиняли его въ вѣроотступничествѣ, но слабый физически Крохмаль тутъ умѣлъ всегда геройски отстаивать свои убѣжденія. «Больше всего, говоритъ Вейсъ, точили на него зубы хасиды, шипя подобно змѣямъ, но они не находили средствъ мѣшать ему и заставить его свернуть съ пути, по которому онъ шелъ. Такъ исчезалъ въ пространствѣ ревъ всѣхъ враговъ науки, направленный противъ него, уступая мѣсто божественнымъ звукамъ, исходящимъ изъ глубины его души, и совершенно спокойно, не боясь враговъ, онъ предавался наукѣ, собравъ около себя небольшую группу учениковъ. Но онъ ничуть не скрывался: не только дома, но на улицѣ и въ полѣ онъ поучалъ своихъ учениковъ, ибо онъ имѣлъ привычку дѣлать ежедневно вечернія прогулки, во время которыхъ онъ бесѣдовалъ съ своими друзьями». Умирая, онъ завѣщалъ передать свои бумаги знаменитому Цунцу, который въ 1851 году, т. е. лишь десять лѣтъ спустя послѣ смерти Крохмала, издалъ извѣстную книгу «Море небухе газманъ». Эта книга всецѣло посвящена философіи религіи. Книга Крохмала не получила большого распространенія, ибо она отъ читателя требуетъ хорошей философской подготовки, какую немногіе могутъ похвастать. Подобно Ибнъ-Эзрѣ, старался Крохмаль не все высказывать открыто, что думалъ, почему мы у него находимъ много неясностей, массу загадочныхъ мѣстъ. Вейсъ очень жалѣетъ, что Крохмаль такъ поступилъ, но объясняетъ это тѣмъ, что Крохмаль боялся, какъ бы люди мало развитые при чтеніи его книги не сбились съ истиннаго пути, не будучи въ состояніи понять дѣйствительный смыслъ его словъ.

Вейсъ ставитъ еще въ заслугу покойному Крохмалу его борьбу противъ Каббалы. Крохмаль былъ глубокимъ знаткомъ Каббалы и онъ показалъ, что Каббала не только сама по себѣ не можетъ считаться наукой, но что она кромѣ того не имѣетъ никакого

основанія въ іудазмѣ. Каббала, по мнѣнію Крохмала, есть чуждое растеніе; ея ученіе составилось изъ смѣси различнаго рода суевѣрій нееврейскаго происхожденія, къ которымъ однако примѣшались положенія разныхъ еврейскихъ сектъ. Своими объясненіями Крохмаль навлекъ на себя гнѣвъ приверженцевъ Каббалы, однако многіе чувствовали, что онъ потрясъ ее у самаго основанія.

«Дунць и Іостъ, говоритъ Вейсъ, ставили Крохмала выше всѣхъ его современниковъ, а одинъ изъ самыхъ выдающихся людей своего времени, Исаакъ Беръ Левинзонъ, говорилъ, что изъ крохъ, упавшихъ со стола Крохмала, выросла потомъ цѣлая серія книгъ». Этими Левинзонъ хочеть сказать, что Крохмаль будиль умы—и многіе явились продолжателями его дѣла.

Вейсъ даетъ очень сочувственный отзывъ о русскихъ евреяхъ, говоря, что его соотечественники и нѣмецкіе ученые напрасно смотрять такъ свысока на русскихъ евреевъ. Его радуетъ, что въ Россіи и Польшѣ сохранилась у евреевъ глубокая привязанность къ еврейскому языку, который представляетъ собою истинно связующее звѣно между евреями, гдѣ-бы они ни жили. «Пусть мнѣ повѣрятъ, говоритъ Вейсъ, что мою книгу «Исторія еврейскихъ преданій», на составленіе которой я потратилъ лучшіе годы, я писалъ исключительно для русскихъ и польскихъ евреевъ и мое доброе мнѣніе о нихъ я до сихъ поръ сохранилъ».

«Сіаніе науки, что распространили два великихъ свѣтила, Крохмаль и Раппопортъ, озарило также ихъ сосѣдей въ русской Польшѣ, Литвѣ и въ остальной Россіи. Но при всемъ томъ они, по моему мнѣнію, не были первыми поборниками просвѣщенія и не они дали первый толчекъ развитію духа критики въ этихъ странахъ. Еще задолго до нихъ были посѣяны первыя хорошія и здоровыя сѣмена въ этихъ странахъ Виленскимъ Гаономъ рабби Ильею. Многіе будутъ надо мною смѣяться, что я считаю этого благочестиваго Гаона, который не имѣетъ равнаго себѣ, за радѣтеля интересовъ просвѣщенія, но однако это именно такъ. Виленскаго Гаона я считаю отцомъ критики Талмуда, Мишны и т. д., ибо его критика не была плодомъ умствованія, но основывалась на сравненіи источниковъ и текстовъ; онъ въ дребезги разбилъ вздорную пилпулистяку и на мѣсто ея водворилъ настоящее ученіе Талмуда и истинную критику. Существовавшій запретъ исправлять книги онъ уничтожилъ и очень часто прибѣгалъ къ

исправленію, перестановкѣ текстовъ, пока получался вѣрный текстъ, а это составляетъ основаніе для критики Талмуда. Виленскій Гаонъ самъ занимался свѣтскими науками и старался вселить къ нимъ любовь въ сердца своихъ дѣтей, близкихъ ему людей и учениковъ; онъ побуждалъ своихъ современниковъ заниматься больше еврейскимъ языкомъ и еврейской грамматикой, а въ наше время напечатанъ его трудъ о грамматикѣ; онъ также побуждалъ одного изъ своихъ учениковъ переводить все, что только возможно съ другихъ языковъ на еврейскій, и онъ прямо заявлялъ, что если кто превосходитъ другого въ свѣтскихъ наукахъ, тотъ однимъ этимъ въ десять разъ лучше пойметъ и еврейскія науки».

«Правда, Виленскій гаонъ былъ первымъ сѣятелемъ, но не много зеренъ взошло, ибо не сразу такое дѣло дѣлается. Прошло много лѣтъ, пока получилось хорошее растеніе и способствовало этому человѣкъ, отдавшій всю свою жизнь на то, чтобы устранить все, что препятствовало правильному развитію молодого растенія. Это былъ И. Б. Левинзонъ!»

Вейсъ въ восторженныхъ выраженіяхъ отзывается о Левинзонѣ и посвящаетъ ему нѣсколько страницъ

Значительно менѣе интересно сужденіе Вейса о Цунцѣ. Вейсъ упоминаетъ, что когда вышелъ первый томъ исторіи (т. III) Греца, то Цунцъ презрительно воскликнулъ: «еще одна исторія!» Этой фразы ему Грець никогда простить не могъ. Вейсъ становится на сторону Цунца, но его доказательства довольно слабы. Особенно симпатиченъ ему Цунцъ за то, что онъ былъ противъ всякой реформы въ области религіи, хотя свободно разсуждалъ не только о Талмудѣ, но даже о Библии. Здѣсь Вейсъ забываетъ, что разъ въ теоріи подорвано вѣрованіе во что нибудь, то и все, что основано на немъ, само собой падаетъ. Соблюденіе Цунцомъ обрядовой стороны объясняется хорошо его натурой, темпераментомъ. Цунцъ всегда былъ кабинетнымъ ученымъ, тихимъ, мирнымъ обывателемъ, жаждавшимъ улучшенія во всѣхъ сферахъ общественной жизни, но спокойствіе было ему еще дороже. Совѣмъ другимъ является намъ Абрамъ Гейгеръ, который, какъ человѣкъ науки, стоитъ гораздо выше Цунца. И если Вейсъ относится съ большей симпатіей къ Цунцу, чѣмъ къ Грецу и Гейгеру, то это сродство душъ можно лишь объяснить, какъ «отголосокъ сердца». И Вейсъ въ

теоріи является большимъ реформаторомъ, но на практикѣ онъ готовъ выпарапать каждому реформатору глаза за отгѣну какого-либо обряда. Таковымъ былъ и Цунцъ, хотя послѣдній и въ «теоріи подкалыванія религіозныхъ основъ» очень много отсталъ отъ Вейса. Наши ультраортодоксы однако достойно оцѣнили Вейса: они недаромъ считаютъ его величайшимъ еретикомъ нашего времени, ибо такого разрушителя предрасудковъ, доставшихся намъ по наслѣдству отъ нашихъ предковъ, давно свѣтъ не видѣлъ, и что имъ за дѣло — исполняетъ-ли онъ дома обряды, или пѣтъ, когда онъ въ своихъ трудахъ подрываетъ основы, на которыхъ эти обряды выждутся: надо только разрушить фундаментъ, а зданіе само рухнетъ. Теорія—одно, практика—другое, такого правила держался Цунцъ (см. стр. 109 и 110), и Вейсу это по душѣ.

Совсѣмъ другимъ является Абрамъ Гейгеръ, личность въ высшей степени интересная и до сихъ поръ весьма мало оцѣненная. Но, къ сожалѣнію, Вейсъ почти ничего не говоритъ о Гейгерѣ, быть можетъ изъ боязни, какъ-бы его не причислили къ поклонникамъ этого грѣшника, который и теперь еще мучается въ аду...

До чего доходило стремленіе Цунца къ сохраненію собственнаго покоя, видимъ мы изъ слѣдующаго случая, приводимаго Вейсомъ. Когда появился въ печати первый томъ капитальнаго труда Вейса «Исторія еврейскихъ преданій», авторъ послалъ экземпляръ книги Цунцу съ просьбой высказать о ней свое мнѣніе. Цунцъ понялъ Вейса, что послѣдній проситъ его дать о книгѣ отзывъ въ печати, и потому онъ пишетъ: «никогда моимъ дѣломъ не было—давать печатные отзывы о вновь выходящихъ книгахъ». «И какъ умно поступилъ Цунцъ!» говоритъ Вейсъ, и въ доказательство приводитъ перенесенныя имъ въ жизни непріятности отъ авторовъ, книги которыхъ онъ рецензировалъ. Въ краткихъ, но весьма мѣткихъ словахъ онъ рисуетъ намъ авторовъ, обжающихъ на критиковъ за то, что они не во всемъ видятъ одно хорошее, и мы рекомендуемъ каждому автору, раньше, чѣмъ онъ начнетъ читать рецензію на свою книгу, внимательно прочесть 151 страницу «Воспоминаній» Вейса.

Не лишены интереса нѣкоторыя черты, которыми характеризуетъ Вейсъ знаменитаго Самуила Давида Луццато. Онъ также жилъ въ переходное время и ему также трудно было согласовать старое съ новымъ. Луццато является за послѣднія шестьсотъ лѣтъ

единственнымъ евреемъ, работавшимъ на почвѣ семитической филологіи. Его родина—Италія. Онъ очень много сдѣлалъ для развитія древнееврейскаго языка, такъ какъ занимался не одной филологіей, но и печаталъ свои стихотворенія и т. д. «Будучи проникательнымъ критикомъ, говорить Вейсъ, Луццато питалъ большую слабость къ Раши, знаменитому комментатору Библии и Талмуда. И такъ какъ Раши вѣрилъ, что «Устная Тора» оставалась всегда устной, т. е., что талмудисты, благодаря священному наитію свыше, могли, несмотря на ея обширность, сохранить ее въ памяти во всей ея цѣлости, то и Луццато вѣрилъ въ это». Луццато также выступилъ противъ мнѣнія ученыхъ, утверждавшихъ, что главы 40—66 въ книгѣ пророка Исаи написаны не имъ, а неизвѣстнымъ пророкомъ, жившимъ въ Вавилонѣ послѣ разрушенія перваго храма. «Блаженъ кто вѣруетъ», восклицаетъ по этому поводу Вейсъ, «но съ научной точки зрѣнія его доводы не выдерживаютъ критики».

«Мы видимъ, продолжаетъ Вейсъ, что тутъ Луццато является во всеоружіи своей вѣры, а не какъ ученый изслѣдователь и критикъ. Я отмѣчаю это для того только, чтобы показать одну особенность въ натурѣ Луццато, которая всегда мѣшала его научнымъ изслѣдованіямъ. Мы видимъ, какъ онъ признавалъ множество мнѣній, считавшихся массою непреложной истиной, также не подлежащими сомнѣнію, защищалъ ихъ всѣми мѣрами и пускалъ тогда въ дѣло все свое краснорѣчіе. Вотъ почему его положенія необходимо строго взвѣшивать. Совсѣмъ другимъ онъ былъ въ области филологіи: тамъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго (между еврейскими учеными, конечно)».

Несмотря на нѣкоторые недостатки своего характера, Луццато является намъ, въ описаніи Вейса, человекомъ въ высшей степени симпатичнымъ: честный, правдивый, глубоко религіозный и вмѣстѣ съ тѣмъ относившійся съ большой любовью къ всякому, это тѣмъ или другимъ способомъ содѣйствовалъ разработкѣ еврейскихъ наукъ, будь то даже самъ Гейгеръ (примѣръ Вейса).

Это былъ въ полномъ смнслѣ слова человекъ науки и ей онъ отдалъ всѣ свои помыслы.

Книга заканчивается стихотвореніемъ, написаннымъ по поводу смерти Луццато и перепечатаннымъ Вейсомъ.

Мы не знаемъ, пишеть-ли нашъ престарѣлый ученый дальше

свои «Воспоминанія», столь полны интереса. Отъ души пожелаемъ ему жить еще много лѣтъ на пользу просвѣщенія нашихъ едино-вѣрцевъ. Жаль только, что за его книгу «Исторія еврейскихъ преданій», первые томы которой вышли у насъ въ Россіи вторымъ изданіемъ, назначена непомерно высокая цѣна, что мѣшаетъ ей широкому распространенію...

Ал. Брагинъ.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ.

Исповѣдь бедламыста: Old Gentleman характеризуетъ газету А. С. Суворина.—
Национальное самосознаніе и узко-націоналистическая политика.—Отношеніе
„гг. націоналистовъ“ къ инновѣрцамъ и инородцамъ.—Патріотическая печать и
армянскій вопросъ.—Общечеловѣчность и національность.—Роль интеллигенціи
по отношенію къ своей народности.—Умственный и нравственный уровень
еврейской массы.—Разсказъ А. Яблоновскаго „Нухимъ“.—Desiderata.

Недаромъ лѣтъ 40—50, тому назадъ, каждая поѣздка російскаго
гражданина за границу была обставлена цѣлой стѣной формальныхъ пре-
градъ и затрудненій: разница въ устояхъ жизни была до того рѣзка, что
всякое сравненіе представлялось рискованнымъ, обиднымъ, а потому; не-
желательнымъ.

Вѣроятно, за истекшее пятидесятилѣтіе мы настолько окультурились,
что перестали бояться сравненія съ западомъ и рѣшились широко рас-
пахнуть свои,—если не входныя,—то выходныя двери. Съ тѣхъ поръ
многіе изъ нашихъ соотечественниковъ побывали за-границей,—по крайней
мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые заранѣе подготовлены къ зрѣлищу фанта-
стическаго превращенія рубля въ полтинникъ. Совершивъ пріятный вояжъ,
они возвращаются въ самомъ веселомъ настроеніи на родину и, миновавъ
пограничный столбъ, произносятъ горячую тираду на тему о фальши и
разложеніи гнилого запада.

Вѣда, однако, если свершить такую поѣздку въ чужія земли литера-
турный воятель: онъ никакъ не можетъ сразу отрѣшиться отъ восприня-
тыхъ тамъ впечатлѣній и первые дни, по возвращеніи, обязательно фонди-
дируетъ. Признаться, я никакъ не могу понять безпечности издателя «Новаго
Времени», разрѣшающаго своимъ постояннымъ сотрудникамъ заграничный
отпускъ. Если это необходимо, то все таки А. С. Суворину слѣдовало бы
выдерживать своихъ странниковъ хотя бы мѣсяцъ въ редакціонномъ ка-
рантинѣ и предавать истребленію все, что за это время выльется изъ-подъ
ихъ пера. По моему, лучше потерять нѣсколько оплаченныхъ фальстоновъ чѣмъ

дозволять сотрудникам называть публично своего хозяина кандидатомъ въ домъ умалшенныхъ по буйному отдѣленію.

Судите сами: вернувшійся недавно изъ-заграницы талантливый фельетонистъ этой газеты откровенно сознается, что на первыхъ порахъ, по возвращеніи, «всѣ рѣзкія нецивилизованныя ноты въ хорѣ русскаго общества всегда звучать заштитѣе, ярче, а потому и съ болѣе удручающей силой. Но никогда еще не раздавалось этихъ возмутительныхъ нотъ больше, никогда не звучали онѣ противнѣе, чѣмъ сейчасъ. Властно и нахально провозглашаются на весь свѣтъ идеи и желанія, провозгласить какія во всеуслышаніе уже за версту отъ границы или Берзболово значить публично объявить себя кандидатомъ въ домъ для умалшенныхъ по буйному отдѣленію».

Боясь, однако, чтобы его тирада не была отнесена всецѣло насчетъ ретроградныхъ публицистовъ, г. Old Gentleman какъ бы снѣшить поставить точку надъ і, посвящая особое вниманіе излюбленному газетой А. С. Суворина національному вопросу.—«Послѣ завтра»—говоритъ онъ—«третій бѣдливистъ (почему не первый?) раздражается проповѣдью человѣконенавистничества и, забывъ въ бѣшеной ярости всякое человѣческое чувство, забывъ основной законъ христіанства, борцами котораго самозванно величаютъ себя эти кошунники, рычатъ въ истинно ликантропической статьѣ: «мы должны думать всегда и вездѣ о навеселіи вреда Англіи... Нашъ торжествующій ростъ начнется съ того дня, когда мы ясно сіе поймемъ и возненавидимъ Англію всѣми силами... Хорошъ «торжествующій ростъ», построенный на ненависти и стараніи нанести вредъ, обусловленный постоянной отравой задачи сдѣлать гнусность и подлость «врагу»».

Какъ видите, характеристика сдѣлана настерски и она, хотя сжато, но всесторонне суммируетъ многолѣтнюю дѣятельность престарѣлаго газетнаго Чичикова, торгующаго полумертвыми душами своихъ продажныхъ сотрудниковъ.

Не въ «Новомъ ли Времени» втеченіе цѣлаго десятилѣтія занимались и продолжаютъ заниматься усердно, изо дня въ день, проповѣдью ненавистничества ко всему инородному и чужевѣрному? Развѣ не отсюда разливается мутной волною презрѣніе ко всѣмъ тѣмъ, кто ниѣли несчастье родиться не въ православной семьѣ?—Чужой языкъ, чужіе нравы, чужая вѣра,—развѣ хоть разъ они были пощажены въ дикой, ничѣмъ несдерживаемой свистопляскѣ?.. Напрасно г. Old Gentleman, какъ своеобразный джентельменъ россійской складки, привыкшій расшаркиваться предъ работодателемъ, киваетъ на поветонное обхожденіе съ далекой Англіей. Снѣмъ

увѣрить его, что она очень мало знакома съ литературною дѣятельностью нашихъ газетныхъ патриотовъ и не потратитъ ни одного шиллинга на покупку ихъ симпатій, столь дешево котируемыхъ въ любомъ закускомъ заведеніи. Но этии симпатіями вынуждены дорожить всѣ русскіе подданные иновѣрныхъ исповѣданій. Пользуясь покровительствомъ отечественныхъ законовъ, которые не могутъ не желать полнаго развитія ихъ духовныхъ и производительныхъ силъ, эти русскіе граждане должны дрожать за каждый свой шагъ на пути преусиѣянья, словно бы они жили во вражьей странѣ.

Съ нескрываемыми завистью и злобой спѣшатъ отиѣтить гг. выразители общественнаго мнѣнія культурный ростъ финляндцевъ, матеріальную обезпеченность нѣмецкихъ колонистовъ, промышленно-торговыи успѣхи армянь и евреевъ. Играя на самыхъ дурныхъ, чисто-животныхъ инстинктахъ, они стараются зародить и взростить въ обществѣ ненависть въ чужому успѣху, къ проблеску чужого счастья. Благодаря этой проповѣди, общество перестаетъ различать истинную причину окружающаго его зла, забываетъ о своихъ обязанностяхъ къ кншашинъ вокругъ бѣднотъ и тѣмъ, стремится безсознательно лишь къ одному,—какъ бы обездолить и принизить тѣхъ, кому удалось выбиться на широкій просторъ жизни. Какъ рабы лукавыи, эти воспитатели и руководители общественнаго мнѣнія отвращаютъ его взоры отъ сложной, безъ конца и краю работы, къ вершенію которой зовуть-не дозовутся и совѣсть, и чувство долга.

Сотни экономическихъ и социальныхъ вопросовъ первѣйшей важности легкомысленно заброшены и вмѣстѣ съ ними забыты тѣ классы, которые кровно заинтересованы въ ихъ разрѣшеніи. Общество перестала тревожить чужая бѣда, за то его раздражаетъ чужое довольство. Энергія, предприимчивость, дарованья начинаютъ трактоваться какъ противупообщественные пороки—и основанный на нихъ успѣхъ разсматривается какъ результатъ преступной дѣятельности. Въ каждой строкѣ писаній гг. лжепатриотовъ чувствуются плохо скрытая зависть ко всему даровитому, сильному, невызывающему отъ жизненныхъ ударовъ—и рядомъ съ этимъ, полное равнодушіе къ обреченнымъ на нищету, иракъ и болѣзни..

Лучшей иллюстраціей нашего взгляда служитъ возмутительное отношеніе, проявленное недавно ввѣстными органами печати къ такъ-называемому армянскому вопросу.

Около двухъ лѣтъ тому назадъ въ европейской печати стали появляться ввѣстія о тяжеломъ положеніи турецкихъ армянь; съ каждымъ днемъ все чаще и чаще встрѣчались описанія возмутительныхъ звѣрствъ, чинимыхъ

турками надъ безоружными стариками, женщинами и дѣтьми. Всякій, въ комъ только не замерли окончательно чувства состраданія, не могъ читать безъ содроганія про то, какъ въ одну ночь истреблялись цѣлыя селенія армянъ, какъ толпы равенныхъ, избитыхъ, полуголодныхъ людей бросали родное нелюбимое, тщетно ища защиты отъ разъяренныхъ преслѣдователей. Словомъ, повторились извѣстные событія начала 70-хъ годовъ, вынудившія Россію встать на защиту болгаръ. Армяне оказались весьма скромными въ своихъ требованіяхъ; они просили о предоставленіи имъ minimum'a человѣческихъ правъ: гарантіи личности, нищества и правосудія. Всѣ европейскія правительства, съ русскими во главѣ, обратились съ соответствующей нотой къ Высокой Портѣ. Казалось, что сочувствіе отечественной печати должно было бы склониться всецѣло на сторону обиженныхъ. Этого требовала элементарная справедливость, къ этому призывали правильно понимаемые отечественные интересы, такъ какъ добрая половина армянъ состоитъ въ русской подданствѣ. Актъ милосердія, оказанный имъ турецкими собратьями, могъ лишь еще прочѣе привязать ихъ благодарныя сердца къ великодушному отечеству.

Однако, нововременская клика послѣдила отравить радость армянскаго общества по поводу оказаннаго заступничества. Въ цѣломъ рядѣ передовицъ, корреспонденцій, замѣтокъ и фельетоновъ, нящая себя выразительницею мнѣнія русскаго общества газета старалась доказать, что армяне разыграли водевилъ. Рѣзня, грабежи, поджоги превращены въ бутафорскія приважденности, несчастныя семьи, плачущія по отцамъ, братьямъ и сыновьямъ—въ театральныя хоры. Въ то время, какъ русскій дипломатическій агентъ, совмѣстно съ другими представителями великихъ державъ, представлялъ одну энергическую ноту вслѣдъ за другой о тяжеломъ положеніи турецкихъ армянъ,—нашъ литературный пустосвятъ помѣстилъ въ своей газетѣ возмутительную, по своему крайнему цинизму, корреспонденцію, въ которой со смѣломъ повѣствовалось о посѣщеніи армянскаго монастыря, куда скрылись преслѣдуемые турками бѣглецы. Они рисовались сытными, довольными бездѣльниками, проводящими время за веселой бесѣдой и искусно симулирующими, при появленіи представителя печати, болѣзнь и равы!.. Честные люди покупали этотъ номеръ газеты, честные люди читали эту корреспонденцію—и никто изъ нихъ не крикнулъ во всеуслышаніе: бездушные,—какъ вы смѣете издѣваться надъ человѣческимъ горемъ!

Одновременно съ подобными фальшивыми корреспонденціями изъ Турціи, стали безъ всякаго повода печататься статьи о вредности русскій армянъ, объ ихъ эксплуататорской дѣятельности на Кавказѣ, о пре-

имуществахъ передъ ними *даже* евреевъ (!!) и т. п. Свѣжему человѣку трудно понять причину этого неожиданнаго похода, но кто бывалъ на Кавказѣ, тотъ прекрасно знаетъ—откуда взялась эта внезапная злоба. Аристократическіе народцы Кавказа, въ родѣ грузинъ, имеретинъ и т. п.,—избалованные прошлою привольною жизнью въ роли владѣтельныхъ князьковъ и помѣщиковъ, не были въ силахъ приспособиться къ новымъ условіямъ трудовой эпохи; армяне, закаленные своей многотрудной исторіей, встрѣтили съ радостью новыя формы жизни и счужѣли, при отсутствіи встрѣчной энергіи и конкуренціи, стать во главѣ промышленно-торговаго движенія. И вотъ, въ то время, какъ

„... въ тѣни чинары
 Пѣну сладкихъ винъ
 На узорные шальвары
 Сонный льетъ грузинъ,“—

армянинъ предпочитаетъ менѣе эстетическое, но болѣе выгодное занятіе: онъ воздѣлываетъ эти вина, развозитъ ихъ по разнымъ направленіямъ, открываетъ торговыя заведенія, эксплуатируетъ богатства страны,—словомъ, живетъ самъ и даетъ жить тысячамъ бѣдняковъ, населяющихъ этотъ «благодатный» край.

«Новое Вр.» и ему подобныя радѣтели отечественнаго блага находятъ это положеніе ненормальнымъ, несоответствующимъ *національному* направленію. Дѣйствительно, правъ Old Gentleman, когда увѣряетъ, что за версту отъ Вержболова такихъ націоналистовъ навѣрное назовутъ кандидатами въ донъ для умалишенныхъ. Трудно даже приблизительно уразумѣть, почему русская національная задача состоитъ въ томъ, чтобы армяне были лишены возможности трудиться, а грузины продолжали заливать виномъ брюки? Всякій непредубѣжденный русскій человѣкъ (а такихъ большинство) навѣрное скажетъ: пусть каждый пожинаетъ то, что онъ сѣетъ.

Къ сожалѣнію, газетные сѣятели очень рѣдко пожинаютъ свой посѣвъ. За нихъ расплачивается своими кровными интересами общество, отвлеченное шумихою фразъ отъ насущныхъ задачъ и потребностей. Вѣроятно, и за много-національное направленіе и его послѣдствія отвѣтить не г. Суворинъ и его присные.

Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ приходится изо-дня въ день читать въ его газетѣ фальшивыя, по дѣланности своего пафоса, статьи о необходимости національнаго направленія, о значеніи его для развитія государства и т. п. Пока высказываются лишь общія пожеланія и лирическія

изліянія по поводу поставленнаго тезиса, трудно, конечно, судить о практической его пригодности. Сопоставляя, однако, отдѣльные совѣты, предложенія и требованія, высказываемые гг. націоналистами по тому или иному практическому вопросу, нельзя не признать, что проповѣдуемое направленіе лишено положительной программы, но за то изобилуетъ крайне отрицательными чертами. Оно проповѣдуетъ лишь ненависть, рознь и угнетеніе всего иновѣрнаго и инороднаго. Съ перваго взгляда казалось бы, что національное направленіе, какъ выраженіе сокровенныхъ стремленій націи, должно отличатся терпимостью, мягкостью и широтою воззрѣній, но въ дѣйствительности происходитъ нѣчто противоположное.

Исторія всѣхъ странъ и народовъ не знаетъ ни одного національнаго направленія (кромя острыхъ случаевъ борьбы за право на самостоятельность), которое въ концѣ-концовъ не обратилось бы въ конгломератъ узкоэгоистическихъ тенденцій. Знаменательно, что ни одно государство, замкнувшееся въ предѣлахъ данной національности, не достигло болѣе или менѣе крупнаго политическаго значенія и лишь соединеніе нѣсколькихъ національностей, во имя общаго блага, въ одно цѣлое давало пышный расцвѣтъ государственной и общественной жизни.

Не даромъ извѣстный государствовѣдъ Этвешъ говоритъ: «Двѣ черты, противорѣчащія началамъ равенства и свободы, общи всѣмъ національнымъ движеніямъ: убѣжденіе въ превосходствѣ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ и стремленіе дать этимъ силамъ возможное развитіе и преобладаніе»...

«Я кажется могу утверждать, — продолжаетъ онъ, — что борьба національностей была вездѣ или слѣдствіемъ прежнихъ угнетеній, или стремленіемъ народа къ преобладанію. Исторія показываетъ, что идея національности уходила на задній планъ въ той мѣрѣ, въ какой осуществлялась идея свободы и равенства; и напротивъ, — возникала и приводила иногда почти къ гражданской войнѣ тамъ, гдѣ свобода личная была стѣснена привилегированными классами или правительствомъ. Швейцарія, С.-Америка, Англія, Шотландія, Франція, гдѣ существуетъ индивидуальная свобода и право свободнаго употребленія языка, не имѣли національныхъ движеній. Напротивъ, въ Ирландіи до сихъ поръ живы воспоминанія о чужеземномъ завоеваніи. Венгерское дворянство, наслаждавшееся при прежнихъ отношеніяхъ политическою свободою и равенствомъ, потеряло чувство особенной національности, между тѣмъ какъ простой народъ, не имѣвшій ни свободы, ни равенства, сохраняетъ это чувство въ большей мѣрѣ. Нынешнее національное движеніе, въ большинствѣ случаевъ, есть только ре-

акція противъ XVIII вѣка, не обратившаго вниманія на національный элементъ, но оно не можетъ дать прочныхъ результатовъ»...

«Принципъ національный—заключаетъ Этьеншъ—былъ оружіемъ противъ государства, и ни одно оружіе не нанесло ему болѣе глубокихъ ранъ; не ошибается тотъ, кто надѣется, что этотъ принципъ можетъ и залѣчить раны»¹...

Врядъ ли противъ этого мнѣнія можно представить какія-либо бѣскія возраженія. Помимо своей вредности для успѣшнаго развитія государственной жизни, національный принципъ представляетъ огромную опасность для самой національности его исповѣдующей. При его господствѣ она замыкается, неприятно для себя самой, въ скорлупу ограниченныхъ интересовъ и теряетъ способность къ прогрессу и совершенствованію.

Однако, никакой другой принципъ не отличается такой привлекательной для массъ силой, какъ именно этотъ: онъ даетъ теоретическое оправданіе смутнымъ эгоистическимъ инстинктамъ. Стоитъ ему получить признаніе въ общественныхъ сферахъ одной народности, какъ и прочія этнографическія разновидности той же страны начинаютъ стремиться къ обособленію и замкнутости. Въ такія эпохи долгъ интеллигенціи стать на стражѣ завоеванныхъ многолѣтней культурою началъ и выдвигать то общее справедливое, вѣчное, что роднитъ между собою людей отличныхъ другъ отъ друга по вѣрѣ и языку. Самымъ надежнымъ и испытаннымъ средствомъ представляется образованіе въ широкомъ смыслѣ этого слова. И напрасно подымавшееся въ нашей массѣ реакціонное теченіе расчитываетъ поглотить изстари сложившуюся въ еврействѣ привычку къ общечеловѣческому просвѣщенію.

Правда, внѣшнія обстоятельства благоприятствуютъ этому движенію. Еврейская интеллигенція, сбита съ позиціи ограниченіями, искусственною изолированностью отъ участія въ обще-русскихъ интересахъ, не могла не впасть во временное уныніе: она очутилась какъ бы межъ двухъ огней, глубоко чувствуя удары, наносимые съ той и съ другой стороны. Справедливость требуетъ признать, что интеллигенція оказалась въ значительномъ долгу передъ своимъ народомъ. Мы имѣемъ въ виду не тотъ теоретическій долгъ, о которомъ такъ много писалось въ общей литературѣ, а прямое выполненіе своихъ обязательствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ни въ одной народности интеллигенція не обязана такъ много поддержкѣ массы, какъ именно еврейская. Большинство изъ евреевъ, получившихъ образованіе,

¹ Н. К. Ренненкампфъ: Очерки юридической энциклопедіи, стр. 47—48.

принадлежать къ нищему классу и каждая добытая ими въ школъ свѣтлая мысль, всякая крупница знанія оплачена значительными матеріальными жертвами ихъ отцевъ и братьевъ.

Отдавая свои крохи на образованіе подростящаго поколѣнія, еврейская масса въ правѣ была ожидать, что къ ней вернутся ея сыны, сильные своими просвѣщеніемъ и сознаніемъ предстоящей расплаты. Однако, съ каждымъ годомъ ей приходилось все больше и больше убѣждаться, что между нею и интеллигенціей вырастаетъ глубокая пропасть. Ряды просвѣщенныхъ евреевъ увеличивались, а масса по прежнему оставалась одинъ на одинъ съ нищетою, невѣжествомъ и соціальною приниженностью. Интеллигенція какъ бы раскололась на двѣ части: одна изъ нихъ, увлекаемая общими потокомъ, ушла на работу въ интересахъ всей страны, другая, силою вещей, сгруппировалась вокругъ представителей еврейскаго капитализма. Виновата ли въ этомъ интеллигенція, и въ какой мѣрѣ,—вопросъ этотъ, какъ и всякій иной отвлеченный, мало доступенъ сознанію массы. Она знаетъ одно лишь, что ея надежды обмануты и что она осталась такою же жалкой и безпомощной, какъ и прежде: тѣ, которые думали сдѣлать ея интересы общерусскими, не были въ силахъ выполнить свою задачу; все же среднее, болѣе всего преданное вопросамъ личнаго благополучія, неудержимо понеслось туда, куда влекъ общій потокъ эгоистическихъ стремленій. Масса темна, бѣдна и недоумчива, пройденный путь образованія былъ связанъ со многими лишеніями, о которыхъ и вспомнить горько: неужели опять идти въ эту массу, сѣшаться съ ея стѣрыми рядами и начать снова непримѣтное существованіе съ тысячами невзгодъ и никому невѣдомыхъ подвиговъ... И такъ жить изо дня въ день, безъ личнаго счастья, безъ надеждъ на будущее! А рядомъ съ этой массой кипитъ жизнь небольшой кучки счастливецевъ, которая съумѣла выбиться на гладкую дорогу успѣха и тоже предъявляетъ запросъ на услуги интеллигенціи. Выборъ былъ сдѣланъ,—быть можетъ не безъ колебаній,—но безповоротно. Масса возрпнтала и стала искать причину зла не тамъ, гдѣ она находится въ дѣйствительности. Слѣдствіе сочтено за причину, и просвѣщеніе принято за разъединяющую силу. Стали раздаваться голоса, настойчиво требующіе поворота къ старымъ традиціямъ. Не безъ грусти прочли мы въ отдѣлѣ еврейской печати «Хрон. Восх.» перепечатку изъ одной газеты, рекомендующей своимъ читателямъ обратить средства, издерживаемыя на пособіе учащейся молодежи, на непосредственныя нужды массы. Въ отвѣтъ на это требованіе выступилъ одинъ изъ представителей этой самой молодежи, убѣжденно и горячо доказывая неосновательность

обвиненія. Онъ удостовѣряетъ, что его сотоварищи-евреи прекрасно сознаютъ свои обязанности передъ народомъ и стараются сохранить съ нимъ связь путемъ изученія языка и исторіи. Мы полагаемъ, что нѣтъ основаній не вѣрить этому заявленію. Быть можетъ, новая формація еврейской интеллигенціи сумѣетъ примирить и привести въ равновѣсіе свои общечеловѣческія стремленія съ насущными потребностями народа, къ которому она принадлежитъ въ силу нравственной связи. Предстоящая задача не изъ легкихъ, такъ какъ граница, отдѣляющая сознаніе національныхъ обязанностей отъ національнаго самоудовлѣнія, въ настоящее время весьма смутна и часто неуловима. Единственнымъ надежнымъ критеріемъ могутъ служить требованія, вытекающія изъ принципа общечеловѣчности. Они не сложны: умиственное развитіе, нравственное усовершенствованіе и поддѣтъ уваженія къ чужимъ интересамъ. Возвысивъ такимъ образомъ массу, еврейская интеллигенція разрѣшитъ задачу сліянія съ нею гораздо успѣшнѣе, чѣмъ того надѣются достигнуть представители реакціоннаго теченія.

Развѣ можно слиться съ тою, напримѣръ, толпою, о которой правдиво повѣствуетъ варшавскій корреспондентъ «Вирж. Вѣд.»?

«Кромѣ русскихъ и поляковъ,—замѣчаетъ онъ,—въ Варшавѣ есть еще національность, съ которой, по ея громадной численности, несомнѣнно, приходится считаться, въ особенности если принять во вниманіе участіе ея въ торговлѣ и промышленности края. Евреевъ здѣсь два рѣзко различающихся класса: ассимилировавшіеся, называемые злыми языками «поляками Моисеева закона», классъ сравнительно весьма небольшой, и темная невѣжественная масса, внѣшнимъ забытымъ видомъ внушающая каждому одно сожалѣніе. Масса эта, представляя собою по своей некультурности чуть ли не единственный примѣръ народа въ культурномъ государствѣ, долго еще будетъ служить живымъ укоромъ полякамъ какъ націи, не обладающей достаточной ассимилирующей силой: несмотря на цѣлыя сотни лѣтъ существованія здѣсь евреевъ, среди нихъ до сихъ поръ встрѣчается много такихъ, которые не знаютъ ни слова ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ своего жаргона».

Слиться съ такою массою не значитъ ли увеличить ряды людей, забытымъ видомъ своимъ внушающихъ каждому одно лишь сожалѣніе?...

Ее надо сначала пробудить отъ вѣковаго сна, провести хотя бы чрезъ элементарную школу,—и тогда она научится понимать голосъ своей интеллигенціи. За эту работу надо приняться какъ можно скорѣе, такъ какъ упрекъ, высказываемый въ приведенной корреспонденціи, долженъ быть прежде всего отнесенъ на нашъ счетъ. Если поляки виноваты въ недо-

статкѣ ассимилирующей силы,—то мы еще болѣе ответственны за полное отсутствіе стремленія работать въ интересахъ просвѣщенія массы. Какъ ни плоха современная намъ русская интеллигенція,—все-таки она, даже теперь, выдѣляютъ не мало людей, отдающихъ себя безкорыстно служенію народнымъ интересамъ. Сколько можно насчитать способныхъ и часто выдающихся людей, которые, не задумываясь, отказываются отъ карьеры и идутъ въ глухую деревню на скромную должность сельскаго учителя, врача, агронома и т. п.

Недавно намъ пришлось наблюдать въ глухомъ уѣздномъ городкѣ Полтавской губ. дружную работу тѣсно сплоченной семьи интеллигентовъ. Встрѣченная сначала недовѣрчиво и даже съ насмѣшкой, она вскорѣ стѣмѣла привлечь къ своей просвѣтительной дѣятельности даже такіе элементы, которые до той поры относились довольно равнодушно ко всякой мысли объ общественной работѣ. Въ короткое время образовалось сельско-хозяйственное общество, поставившее задачей помогать своими познаниями крестьянскому населенію въ улучшеніи условій и способѣхъ земледѣлія; съ этой цѣлью при обществѣ учрежденъ складъ, гдѣ за дешевую цѣну крестьяне получаютъ возможность приобрести различные сорта сѣмянъ, сельско-хозяйственныя орудія и тому под.; тутъ же устроена лавка гдѣ можно найти все необходимое для удовлетворенія непряхотливыхъ потребностей небогатаго населенія окружающихъ деревень и города. Когда присматриваешься къ этой плодотворной дѣятельности и вспоминаешь, что она приводится въ движеніе энергіей пяти-шести человекъ,—то невольно является вопросъ: почему въ пресловутой чертѣ осѣдлости, гдѣ такъ много нужды и такъ мало помощи, ничего не слышно о возникновеніи подобныхъ учреждений для облегченія положенія ремесленниковъ, страдающихъ отъ разрозненности труда и примитивности способѣхъ и условій производства?

Ище недавно въ одесской печати было обращено вниманіе интеллигенціи на обязанность ея способствовать ремесленникамъ евреевъ сложиться въ артели. И дѣйствительно, въ то время, какъ мы плачемся на отсутствіе живого дѣла, — боже о боже съ нами—изнываютъ въ нуждѣ сотни добросовѣстныхъ тружениковъ, ищущихъ приложенія для своихъ силъ.

Центральная Россія, закрытая для евреевъ-торговцевъ, даетъ, однако, свободный доступъ ремесленному люду, — тому самому люду, который задыхается и иретъ отъ голода въ благословенной чертѣ. Каково ея положеніе можно судить по тому, что около двухъ лѣтъ тому назадъ редакторъ газетъ «Кіевлянинъ» (!) считалъ необходимымъ открыть въ пользу

переславскихъ евреевъ подписку. «Съ здѣшними евреями — пишетъ корреспондентъ этой газеты — плохо. Между ними насчитываются цѣлыя сотни голодающихъ семействъ. Они, видимо, переживаютъ тутъ тягостный кризисъ, такой же самый, несомнѣнно, какой почти повсемѣстно переживаютъ единоплеменники ихъ и во всѣхъ другихъ городахъ черты. Только у насъ кризисъ этотъ выражается въ болѣе острой формѣ. Шибко, точно по наклонной плоскости, больно шибко и стремительно опускаются они тутъ послѣдніе годы ниже и ниже. Чудовищно бѣдѣя съ теченіемъ времени, они выѣстъ съ тѣмъ обнаруживаютъ все явственнѣе зловѣщіе признаки умственного и нравственного разложенія.... О страшной бѣдности, воцарившейся среди огромнаго большинства здѣшнихъ евреевъ слыхиваль я не разъ. Нашъ земскій врачъ И. В. Смирновъ, говоря про здѣшнюю голытьбу еврейскую, увѣряль меня, что среди христіанскаго населенія Переслава онъ подобной нищеты не только не встрѣчалъ, но даже сильно сомнѣвается, чтобы она могла тамъ существовать въ такихъ ужасающихъ ризивракахъ. Нынѣ мнѣ представилъ случай самому поспотрѣть на эту нищету и я спѣшу заявить объ этомъ печатно, въ видахъ предостороженія всего населенія нашего града отъ тяжкихъ послѣдствій».

По вычисленіямъ автора корреспонденціи, среди этой голытьбы множество ремесленниковъ. Если «эксплоататоры-торговцы» должны пухнуть отъ голода, будучи прикованы желѣзною цѣпью къ еврейскому болоту, — то отчего не рвутся изъ него ремесленники?

Юдофобская печать видѣла до сихъ поръ въ этомъ фактѣ свидѣтельство привольнаго и сытаго существованія «эксплоататоровъ» на счетъ производительныхъ силъ страны, сирѣчь, христіанскаго населенія, но повседневные факты, подобные приведеннымъ выше, наблюдаются ея же корреспондентами въ любомъ уголку еврейской осѣдлости. Объясненіе, стало быть, надо искать не въ досужихъ измышленіяхъ юдофобскихъ передовицъ, а въ психическомъ настроеніи ищущихъ работы и не находящихъ ее труженниковъ. Когда человѣку предлагается выборъ между голодною смертью на родинѣ и рискомъ подвергнуться той же участи на чужбинѣ, — онъ всегда остановится на родинѣ. Она привлекательна, хотя бы уже тѣмъ, что здѣсь такъ же голодали и холодали отцы и братья. А центральная часть нашего отечества представляется еврейской массѣ какою то отдаленной страной, гдѣ все должно быть сурово и непривѣтливо, ибо тамъ живетъ исключительно тотъ народъ, въ ненависти котораго къ евреямъ стараются ихъ убѣдить органы печати и юдофобствующіе прожактеры. Бѣднякъ, страдающій отъ безработицы, крѣпится и остается волочить свою печальную

жизнь среди дорогих могил. Нѣтъ горя ужаснѣе горя безработицы: человекъ теряетъ вѣру въ себя, въ свои силы, мълчасть и принижается въ собственныхъ глазахъ. Такой бѣднякъ не протянетъ руки за подающимъ, такъ какъ онъ не нищій, но онъ не остановится передъ безнравственнымъ и даже преступнымъ дѣломъ, на которое его толкаетъ голодъ. Вотъ почему, мы не считаемъ преувеличеніемъ увѣреніе юдофобскаго корреспондента, что среди переяславскихъ евреевъ обнаруживаются все явственнѣе «яловѣщіе признаки умственного и *нравственнаго* разложенія». Ознакомьте этихъ труженниковъ съ условіями жизни въ великорусскихъ губерніяхъ, подыщите для нихъ таку работу — и они съ радостью бросятся за кускомъ хлѣба. Жизнь и работа внѣ проклятой черты, гдѣ каждый камень насильственно твердитъ: «жидъ, эксплуататоръ!» — вдохнуть въ еврейскаго труженника сознаніе независимости отъ внѣшнихъ случайностей и уваженіе къ своему человѣческому достоинству.

Большое чувство независимости, которое дается только сознаніемъ своей трудоспособности, выведетъ нашу массу изъ состоянія вѣчнаго страха за завтрашній день, изъ запуганной приниженности передъ всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ.

Трудоспособность — надежнѣйшій капиталъ и его не въ силахъ отнять ни временныя, ни постоянныя стѣсненія. Необходимо только создать такое положеніе вещей, при которомъ всякій трудящійся человекъ жилъ бы всегда съ бодрящей мыслью, что онъ всюду найдетъ приложеніе для своихъ силъ.

Работать для созданія такой увѣренности, давать ей оправданіе на дѣлѣ — такова одна изъ задачъ нашей интеллигенціи. Стоитъ только сильно захотѣть и, при указаніи опыта культурныхъ странъ, можно будетъ создать для разрѣшенія этой задачи множество нутей, каковы — организація артелей, возникновеніе школъ для обученія мастерству, обществъ для доставленія орудій и средствъ производства, товариществъ для сбыта произведеній ремесленнаго труда и т. п.

Въ каждомъ уѣздномъ городкѣ черты еврейской осѣдлости должны соединиться въ дружную семью интеллигентныя силы и поставить своей задачей поднятіе умственного, нравственнаго и экономическаго уровня окрестной массы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже замѣтно стремленіе еврейской интеллигенціи прийти на помощь своимъ безпомощнымъ единобѣрцамъ. Нѣсколько мѣсяцевъ, тому назадъ, «Смол. Вѣст.», а вслѣдъ за нимъ — *admirabile dictu* — и кн. Мещерскій въ своемъ «Гражданинѣ» отиѣтили

прекрасное начинаніе ковенской интеллигенціи, начертанной на своемъ знамени благородный девизъ: дѣла помощи, дѣла благотворенія, дѣла любви.

Мы глубоко вѣримъ, что задачи эти, несмотря на свою широту, или вѣрнѣе, благодаря ей, окажутся вполне осуществимыми. Слова, идущія изъ сердца, всегда встрѣтатъ откликъ въ людскихъ сердцахъ, даже въ тѣхъ, которые зачерствѣли отъ жизненной нати. Дѣла же, творимыя во имя любви и милосердія, не могутъ не принести прекрасныхъ плодовъ. Такова сила благородныхъ мыслей и стремленій. И какъ знать? — Быть можетъ, недалеко то время, когда эта единичная попытка встрѣтитъ повсемѣстное подражаніе — и тогда изъ робкаго, приниженнаго, угодливаго пролетаріата выработаются увѣренные въ себя и своемъ человѣческомъ достоинствѣ труженники.

Въ августовской книжкѣ журнала «Русское Богатство» помѣщенъ небольшой рассказъ А. Яблоновскаго — «Нухинъ» — прекрасно иллюстрирующій нашу мысль о досадной и, вѣстѣ съ тѣмъ, обидной приниженности еврейской массы.

Въ этомъ рассказѣ читатель не встрѣтитъ глубины психологическаго анализа, изображенія социальныхъ и бытовыхъ условий, сочувственнаго отношенія автора къ изображаемому лицу, но за то онъ найдетъ художественно-правильный рисунокъ, вѣрность перспективы и точный портретъ одного изъ толпы приниженныхъ и забытыхъ.

Нухинъ — это самый обыкновенный польскій жидокъ. «Небольшого роста, но широкоплечій и коренастый, онъ обращалъ на себя вниманіе своимъ необычайно острымъ лицомъ съ искривленнымъ на-бокъ горбатымъ носомъ; лицо это сплошь заросло свѣтло-рыжей бородежкой, доходившей чуть не до глазъ, которые, какъ пара юркихъ мышатъ, бѣгали среди этой дремучей растительности. Туалетъ Нухина былъ весьма несложенъ: длинный нарусиновый «халатъ» его былъ надѣтъ просто поверхъ бѣлья, о чемъ можно было догадаться по видѣвшимся краямъ полосатенькихъ подтанниковъ, заправленныхъ въ высокіе бѣлые чулки. Верхней одежды, кромѣ халата, на Нухинѣ не было никакой — повидимому, и онъ страдалъ отъ той же невозможной жары».

Почтительно согнувшись, стоитъ онъ передъ «паномъ», скучающимъ отъ бѣздѣля и жары, и старается развлечь его деревенскими шлетнями. Нухинъ — не факторъ, кормящійся около пановъ; онъ — заправскій земледѣлецъ изъ сосѣдней еврейской колоніи, живущій исключительно трудами рукъ своихъ. Нухинъ спѣшитъ въ дальнюю деревню къ своему тестю, но его изъ сада заприѣтилъ «панъ», поманивъ пальцемъ — и польскій еврей

не считаетъ себя въ правѣ не подчиниться панскому зову. Вотъ онъ стоитъ передъ обалдѣлымъ отъ жары баринномъ и, приподнявъ плечи, съ удлиненнымъ выраженіемъ на морщинистомъ лицѣ, рассказываетъ ему про «ужасный бунтъ» сосѣднихъ крестьянъ и про произведенную надъ ними экзекуцію.

Рассказъ конченъ; Александру Петровичу (такъ зовутъ барина) попрежнему скучно и ему не хочется остаться одинъ-на-одинъ со своею сытой скукою. — Вотъ бы и васъ, жидовъ, перепоротъ, а! — съ улыбкой глядя на Нухина, спросилъ онъ.

— Насъ за что же? Мы смирный народъ!

— Смирны то вы смирны, но мошенники, подлецы!..

— Нѣтъ, мы не мошенники, это городскіе жиды, которые торгуютъ, а мы безъ мошенства!..

— Рассказывай ты! «Безъ мошенства!» Всѣ жиды мошенники!

— Ну, нехай будетъ такъ, нехай всѣ! — съ улыбкой, приподнявъ плечи и склонивъ на бокъ голову, согласился Нухинъ. — Только я не мошенникъ!

— И ты мошенникъ! Всѣ жиды мошенники!.. — безапелляціонно рѣшилъ Александръ Петровичъ, махнувъ рукой. — Говори мнѣ, отчего вы всѣ мошенники? Только правду говори, не то сейчасъ велю Бисмарку и онъ отъ твоего халата ключковъ не оставитъ! Ну, отчего?

Нухинъ слегка нагнулся подъ столъ и прищипнулъ губами, пощелкалъ пальцами передъ собакой, какъ бы желая на всякій случай приобрѣсти ея благорасположеніе.

— Ну? — смѣясь наставлялъ Александръ Петровичъ. — Почему мошенники?

— Потому, что они не имѣютъ что кушать, — склонивъ на бокъ голову, серьезно отвѣтилъ Нухинъ.

— Да! Не имѣютъ!.. Нечего сказать!.. Дай Богъ мнѣ столько имѣть. Вѣдь вы, подлецы, какъ дѣлаете! Изъ васъ иной сто тысячъ имѣеть, а ходитъ молчанусомъ, кромѣ чесноку, не ѣсть ничего, вотъ вы каковы!

— Дѣйствительно... — робко согласился Нухинъ, боясь противорѣчить.

Побранивъ слегка жидовъ, Александръ Петровичъ посылаетъ Нухина за ведромъ, простыней и прочими купальными принадлежностями. Нухинъ слабо возражаетъ, что онъ торопится къ тестю. — «Подождетъ твой тесть, не полиняет!» — нетерпѣливо обрываетъ его Александръ Петровичъ. Нухинъ покоряется — и черезъ нѣсколько минутъ онъ стоитъ съ ведромъ въ рукахъ надъ гогочущимъ Александромъ Петровичемъ и осторожно поливаетъ его водой.

Нухимъ прошелъ трудную школу уголивости съ юныхъ лѣтъ. Смиреніе, приниженность и покорность издавна стали для него единственнымъ оружіемъ самозащиты. Еще на военной службѣ онъ пришелъ къ печальному сознанию, что надо всѣмъ угождать—будь то ротный, фельдфебель, взводный или дядька.

Здѣсь онъ скоро позналъ, что одной старательности и добросовѣстности мало: старшимъ надо угождать, а младшимъ чинимъ платить. Пойди—скажетъ ему фельдфебель—купи мнѣ полштофа водки, осмьшукъ чаю, два фунта сахару и турецкаго табаку на 12 коп., дасть на это десять копѣекъ и прикажетъ принести двугривенный сдачи. Нухимъ безпрекословно исполнялъ приказъ, приносилъ покупки и двугривенный сдачи. А то еще и такъ бывало. «Разъ мы—разсказываетъ Нухимъ—стояли на прицѣлѣхъ и цѣлили, не стрѣляемъ, а только цѣлимся. Ну, мой дядька и говорить: «цѣлься ты, жидуна!» Я приложился, долго, долго цѣлюсь, а онъ все не говоритъ мнѣ «отставить». Я уже вижу, что не могу больше, а онъ мнѣ говорить, что попадешь, говорить, въ бѣлый хлѣбъ и въ кварту краснаго вина? Я не понимаю, молчу!—Ну, цѣлься, говорить, такой слякой сынъ! А у меня уже и руки трясутся, потъ съ меня капаетъ.—Попадешь? спрашиваетъ. Ну, я догадался.—Попаду, говорю. Ну, такъ отставить!.. Вотъ они какъ дѣлали!—съ улыбкой заключилъ Нухимъ»...

Такія впечатлѣнія застрѣваютъ въ душѣ надолго, пригнетаютъ ее все ниже и ниже и создаютъ особый *savoir vivre*—грустный, чисто-еврейскій *savoir vivre*... И какъ бы послѣдующія событія личной жизни ни бодрили духа, Нухими будутъ помнить, что въ любой моментъ любой не-еврей можетъ ему крикнуть: цѣлься, проклятый жидуна, въ бѣлый хлѣбъ и кварту вина! А чтобы успѣшно выполнить такой приказъ, нужны деньги, деньги и деньги. Нухими прекрасно понимаютъ, что если нельзя добиться права на крошку мало-мальски человѣчное существованіе, — то его надо купить. Тысячу разъ правъ Нухимъ, когда говоритъ, что жиду нужно больше, чѣмъ мужику.

— Вы рассчитайте теверичка все! Всякій жидъ посылаетъ дѣтей въ школу, а мужикъ заставляетъ ихъ работать! Мужику тутъ не хорошо, такъ онъ пойдетъ себѣ въ другое мѣсто, гдѣ ему будетъ хорошо! А я куда пойду? Въ городъ, но зачѣмъ? Что я тамъ буду дѣлать, когда я не имѣю денегъ? Въ городѣ тоже очень прекрасно здохнешь, когда «ништу комплименты».

А требованія на нухимовскіе «комплименты» предъявляются отовсюду:

«я плачу — говоритъ онъ — на волю, я плачу поземельны, я плачу враннику, я плачу приставу нкъ празднику, я больше мужика плачу, а что я имѣю за это?».

Грустно становится отъ этой исповѣди приниженнаго человѣка, который долженъ имѣть какъ можно меньше самолюбія и, взявъ его, побольше «комплиментовъ»...

А рядомъ съ забытыми *Нухимами* — нѣсколько сотенъ благополучныхъ *Наумовъ*, развинтившихъ свое самолюбіе, въ погоню за титулами, званіями и вишннимъ почетомъ, до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Ахъ, господа! — Никакіе титулы не спасутъ васъ отъ позора жидосостоянія, пока не исчезнутъ тѣмные, пришибленные горемъ и нуждою Нухины: попробуйте обратиться на нихъ просвѣщеніе свои «комплименты» — и, быть можетъ, ваше самолюбіе найдетъ для себя болѣе глубокое удовлетвореніе...

Ос. Грузенбергъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Einleitung in den Thalmud von Dr. Hermann L. Strack. Zweite, teilweise neubearbeitete Auflage. Leipzig, 1894. (Введеніе въ Талмудъ, д-ра Г. Л. Штрака. Второе, мѣстами совершенно переработанное изданіе. Лейпцигъ, 1894).

Книга, заглавіе которой здѣсь выписано, представляла собою въ первомъ изданіи отдѣльный оттискъ статьи «Thalmud» изъ «Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche» Герцога. Уже это обстоятельство можетъ дать читателямъ нѣкоторое понятіе о характерѣ книги, ея смѣлости, полной, насколько возможно, безпристрастности проводимыхъ взглядовъ и строгой, систематической послѣдовательности изложенія. Въ новомъ изданіи она является настолько дополненной, что въ ней мы имѣемъ несомнѣнно наиболѣе солидный компендіумъ свѣдѣній о Талмудѣ, когда-либо напечатанный на европейскомъ языкѣ. Въ предисловіи къ первому изданію авторъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ цѣль своего труда:

«Я хочу служить своей книгой одной только истинѣ и буду считать свою тяжелую работу щедро вознагражденной, если мнѣ удастся уничтожить нѣкоторые предразсудки какъ у ярыхъ враговъ Талмуда, такъ и у слишкомъ ревностныхъ почитателей его».

Выпуская въ свѣтъ второе изданіе своего «Введенія», авторъ, являющийся среди современныхъ христіанскихъ ученыхъ наиболѣе виднымъ знатокомъ Талмуда, высказываетъ справедливую мысль, что знакомство съ Талмудомъ въ наше время необходимо не только для богослововъ и ориенталистовъ, но также для государственныхъ людей, юристовъ и вообще всѣхъ, причисляющихъ себя къ образованному міру. Пора разсѣять мракъ, наведенный на Талмудъ разными недобросовѣстными дѣльцами. Штракъ возмущается завѣреніями антисемитовъ, будто евреи всячески стараются сохранить въ тайнѣ содержаніе Талмуда и даже убиваютъ людей, приступающихъ къ переводу его на европейскіе языки. Онъ приводитъ распространенную антисемитами легенду, будто евреи отравили д-ра Поппера,

переводчика Талмуда. На самомъ же дѣлѣ этотъ д-ръ жилъ еще около 35 лѣтъ послѣ появленія его перевода въ 1849 г. Другіе же еврейскіе переводчики Талмуда: И. Замитеръ, И. М. Рабиновичъ, М. Равичъ, Д. Острашунъ и М. Швабъ также, конечно, нисколько не пострадали отъ того, что переводили эту книгу.

«Введеніе» Штрака принадлежитъ къ тому, если можно такъ выразиться, «энциклопедическому» типу ученыхъ нѣмецкихъ сочиненій, которыя, не представляя собой самостоятельныхъ изслѣдованій, не заключаая въ себѣ широкихъ обобщеній и болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ и выводовъ, вообще не прибавляя ничего новаго къ тому, что уже добыто въ данной области, ограничиваются сопоставленіемъ всѣхъ имѣющихся мнѣній и гипотезъ по данному предмету. Такимъ образомъ, читателю предоставляется полный просторъ по части выбора того или другого мнѣнія, хотя зачастую уже одно освѣщеніе вопроса показываетъ читателю истинное, по крайней мѣрѣ симпатичное автору книги, рѣшеніе вопроса.

Первыя четыре главы «Введенія» знакомятъ читателя съ содержаніемъ Талмуда. Здѣсь можно найти точныя, вполне научныя объясненія терминовъ: мишна, барайта, тософта, генара, талмудъ, мидрашъ, галаха и агада, здѣсь же находится наглядное графическое изображеніе того, какъ раздѣляется мишна по трактатамъ въ различныхъ изданіяхъ. Затѣмъ предъ читателемъ дефилируютъ всѣ 63 трактата мишны въ порядкѣ отдѣловъ и главъ, знакомя его въ краткихъ и общихъ чертахъ съ своимъ содержаніемъ. Пятая глава трактуетъ объ «исторіи Талмуда». Почему и какъ явился Талмудъ? Во времена Эзры, говоритъ авторъ, «законъ Моисея» получилъ окончательную форму: ничего въ немъ нельзя было ни прибавить, ни выбросить, ни измѣнить. Но новыя условія жизни потребовали новыхъ законодательныхъ нормъ, которыя и стали появляться по мѣрѣ надобности, иногда совершенно независимо отъ буквы писаннаго закона. Такъ напр., уже одинъ изъ древнѣйшихъ ученыхъ, р. Іохананъ б. Закай выражаетъ въ одномъ мѣстѣ (Sota V, 2) опасеніе, что нѣкоторые галахи будутъ отхѣнены, какъ не имѣющія оправданія въ буквѣ закона. Только впоследствии, когда явился остроумнѣйшій изъ талмудистовъ р. Акиба со своимъ удивительными методами толкованія, онъ сумѣлъ подыскать всѣмъ подобнымъ галахамъ основаніе въ Торѣ путемъ всевозможныхъ натяжекъ. Законодательныя нормы, выработавшіяся живнію, передавались устно. Существовало даже правило, хотя весьма часто нарушавшееся, по которому запрещалось записывать эти галахи. Относительно причины, побудившей талмудистовъ установить такое правило, существуютъ большія разногласія между

новѣйшими учеными. Еще больше разногласій возбуждаетъ вопросъ о томъ, когда и кѣмъ были записаны Мишна и Талмудъ. Авторитеты, жившіе въ Испаніи (Самуилъ Ганагидъ, Іегуда Галеви, Маймонидъ, Абрабавель и др.), гдѣ наука передавалась путемъ книги, не могли себѣ представить устной ередачи Таллуда и полагали, что Мишна *написана* р. Іегудой Гавасси (Рабби), палестинская Гемара—р. Іохананомъ, а вавилонская—р. Аши и Рабиной. Напротивъ того, ученые сѣверной Франціи (Раши, нѣкоторые Тосафисты, Моисей изъ Куси, Яковъ Хагизъ и др.), гдѣ практиковалась устная передача Таллуда, полагали, что Мишна была записана лишь долгое время послѣ смерти Рабби, именно позднѣйшими учеными, носителями или сабораниъ, такъ что даже ихъ предшественники, амораниъ, всѣ пренія и споры которыхъ, воспроизводимые въ Таллудѣ, вертятся именно вокругъ Мишны, не ниѣли передъ собой этой книги въ *написанномъ* видѣ. Этими же объясняетъ проф. Штракъ досадное противорѣчіе между двумя дошедшими до насъ рецензіями знаменитаго «Посланія Гаона Шериръ», являющагося собственно самымъ солиднымъ источникомъ свѣдѣній по нашему вопросу: по одной рецензіи «Посланія» выходитъ, что Мишна написана Рабби, а Таллудъ вышеупомянутыми амораниъ, Р. Аши и Рабиной, а по другой—что Таллудъ какъ и Мишна записаны сабораниъ. Въ той же (пятой) главѣ ниѣтся «исторія текста Таллуда», гдѣ собраны всѣ свѣдѣнія о сохранившихся рукописяхъ Таллуда и гдѣ читатель можетъ найти весьма любопытныя разсужденія о «цензурѣ» Таллуда, какъ внѣшней (со стороны христіанъ), такъ и внутренней (со стороны самихъ евреевъ).

Шестая глава озаглавлена: «Хронологическій перечень ученыхъ». Здѣсь перечислены по порядку главнѣйшіе талманиъ, а также палестинскіе и вавилонскіе амораниъ, участвовавшіе въ созданіи Таллуда. Весьма интересна седьмая глава («Къ характеристикѣ Таллуда»), начинающаяся съ перечисленія авторовъ, писавшихъ за и противъ Таллуда. Рѣзкое различіе въ сужденіяхъ разныхъ лицъ объ одной и той же книгѣ, говоритъ нашъ авторъ, объясняется во-первыхъ различіемъ во взглядахъ, воспитаніи, происхожденіи и обычаяхъ людей, критикующихъ Таллудъ, а во вторыхъ—громаднымъ разнообразіемъ содержанія Таллуда, дающимъ возможность приводить въ защиту самыхъ противоположныхъ мнѣній мѣста, дѣйствительно находящіяся въ Таллудѣ. Двѣ вещи необходимы для правильнаго сужденія о Таллудѣ. Во-первыхъ, нужно отдать себѣ точный отчетъ, подъ какими историческими условіями выработались тѣ или другіе проводимые въ Таллудѣ взгляды, а во вторыхъ, не ниѣтъ всегда твердо помнить, что Таллудъ представляетъ изъ себя не законодательный кодексъ, въ которомъ

каждое положеніе—обязательно, а просто собраніе мнѣній различныхъ ученыхъ, далеко не всегда пользовавшихся авторитетомъ даже въ глазахъ современниковъ. Поэтому весьма несправедливо выставлять всё мнѣніе, встрѣчающіяся въ Талмудѣ, какъ «талмудическія ученія» и за нихъ дѣлать отвѣтственными Талмудъ или еврейство. При всякой цитатѣ изъ Талмуда слѣдуетъ всегда указать автора данного изреченія, время его жизни, степень его авторитетности среди ученыхъ (т. е. не встрѣтилъ ли онъ противорѣчій, получило ли данное мнѣніе силу галахи и проч.). Приложенный къ этой главѣ новый, не имѣвшійся въ первомъ изданіи, переводъ восьмой Мишны трактата Хулинъ съ Гемарой даетъ читателю ясное понятіе о характерѣ талмудическаго изложенія.

Не менѣе любопытна восьмая и въ то же время послѣдняя глава этой книги, озаглавленная «Литература». Здѣсь имѣетъ довольно солидный списокъ трудовъ по Талмуду на разныхъ языкахъ, перечень переводовъ этого любопытнаго памятника еврейской литературы на европейскіе языки, списокъ талмудическихъ словарей и грамматикъ, компендіумовъ по галахѣ и агадѣ, а также отдѣльныхъ монографій по различнымъ вопросамъ Талмуда. Читателю, желающему серьезно познакомиться съ Талмудомъ, эта глава можетъ принести неоцѣнимыя услуги.

Вообще книга проф. Штрака представляетъ собой солидный вкладъ въ «литературу о Талмудѣ», и всякій, занимающійся Талмудомъ, долженъ считаться съ ней, какъ съ наиболее полной, удобной и надежной справочной книгой.

Tract. Rosh Hashana of the new edition of the «Original Babylonian Talmud» edited, formulated and punctuated by M. L. Rodkinson. New-York 1895. (Трактатъ Рошъ Гашана изъ новаго изданія «Подлинный Вавилонскій Талмудъ»). Обработаны и снабжены знаками препинанія М. Л. Родкинсономъ.

Одно изъ удивительныхъ американскихъ предпріятій, въ которомъ чрезвычайная простота замысла соединена съ практичностью и полной целесообразностью задуманнаго, представляетъ предпринятое теперь въ Америкѣ новое изданіе Талмуда. Въ то время, какъ въ Россіи издательская изобрѣтательность не идетъ дальше изданія Талмуда въ одномъ томѣ, изданія, совершенно бесполезнаго и рѣшительно неудобнаго ни для изученія—до микроскопичности печати, ни для справокъ—вслѣдствіе необычной па-

гинаціи, играющей, какъ извѣстно, такую важную роль при цитированіи, въ Америкѣ приступили къ изданію Талмуда, приведеннаго въ порядокъ по всѣмъ правиламъ литературной архитектурки XIX вѣка. Виѣсто того, чтобы ходить вокругъ да около и биться надъ переводомъ литературнаго памятника, рѣшительно неподдающагося по внутреннему характеру своему переводу на какой-либо современный европейскій языкъ или, чтобы писать въ поученіе культурныхъ людей, жаждущихъ знакомства съ Талмудомъ, новый, тысяча первый комментарий на основаніи послѣднихъ словъ науки, американцы рѣшились прямо взять быка за рога и перекроить Талмудъ на европейскій или, вѣрнѣе сказать, культурный манеръ.

Почему изученіе Талмуда представляетъ для цивилизованнаго человѣка непреодолимныя трудности, и почему переводъ этой книги на какой-либо современный культурный языкъ дѣло безусловно немислимое?—Потому что стиль Талмуда носить слишкомъ восточный характеръ, идущій прямо въ разрѣзъ съ принятыми у западныхъ народовъ правилами логичности и послѣдовательности въ изложеніи. Вслѣдствіе этого изучающему приходится много лѣтъ блуждать по сложнымъ, утомительнымъ преніямъ талмудистовъ, часто пересыпаннымъ совершенно неумѣстными и ненужными вставками, прежде чѣмъ онъ сможетъ разобраться въ тонкостяхъ талмудическихъ пререканій. Ясно, что слѣдуетъ расположить текстъ Талмуда въ извѣстной логичной послѣдовательности, выбросить изъ него всѣ отступленія, вставки и безчисленныя повторенія, затемняющія только смыслъ Талмуда, и кромѣ того снабдить текстъ принятыми у культурныхъ народовъ знаками препинанія, если кто-нибудь желаетъ сдѣлать Талмудъ доступнымъ для изученія въ культурномъ обществѣ или перевести его на культурный языкъ.

Это и рѣшился сдѣлать издатель американскаго Талмуда, обѣщающій своимъ подписчикамъ одновременно и англійскій переводъ, исполненный нѣкимъ Леонардомъ Левинъ. Издатель, какъ видно изъ широкоулыбательнаго предисловія, всоудушевленъ самыми розовыми надеждами. Обѣщая своимъ подписчикамъ окончить все изданіе въ 3 года, онъ дѣлаетъ такое арметическое вычисленіе. Для того, чтобы прочесть листъ Талмуда виѣстѣ со всѣми комментаріями, ему достаточно одного часа, а иногда и того меньше. Слѣдовательно, ежедневно онъ можетъ прочесть по меньшей мѣрѣ 5 листовъ, такъ что всѣ 2570 листовъ Талмуда (не считая Мишны) онъ можетъ пройти въ 550 дней. Работа его, продолжаетъ онъ, облегчается еще тѣмъ, что она будетъ производиться не перомъ и чернилами, а... ножницами, что, какъ онъ убѣдился на практикѣ въ качествѣ изда-

теля еврейской газеты («Гаколь»), идет скорѣе. Печатаніе также не можетъ задержаться слишкомъ долго, такъ какъ проектируемый ивъ Талмудъ, освобожденный отъ излишняго балласта, будетъ заключать въ себѣ не 5000 слишкомъ страницъ, какъ обыкновенный Талмудъ, а приблизительно четверть этого, т. е. немого болѣе 1200 страницъ.

Разумѣется, какъ издатель выполнить свою задачу—совершенно другой вопросъ. Судя по разосланному въ видѣ образца трактату «Рош-Гашана», а въ особенности по предисловію къ нему и статьямъ издателя въ газетѣ «Гаколь» и американскомъ журналѣ «Neg Maagabi», въ которыхъ онъ подробно развиваетъ планъ своего изданія, можно, пожалуй, усомниться въ успѣхѣ изданія. Дѣло не только въ томъ, что человекъ, взявшійся осуществить такое обширное и чрезвычайно трудное предпріятіе, не обладаетъ ни малѣйшимъ научнымъ образованіемъ (о чемъ онъ самъ съ чисто-американской беззабѣчивостью заявляетъ въ предисловіи) и наоборотъ обладаетъ весьма темнымъ прошлымъ, но и въ томъ, что онъ неправильно понялъ свою задачу. Изданіе носить заглавіе «Подлинный Вавилонскій Талмудъ» (Original Babylonian Talmud), чѣмъ издатель хочетъ сказать, что всѣ выброшенные имъ мѣста на самомъ дѣлѣ въ древнемъ, подлинномъ Талмудѣ не существовали, а появились очень поздно, *послѣ всѣхъ законовъ* (!). Но что изъ себя изображаютъ эти «вставки»? Кромѣ дѣйствительно излишнихъ на современный взглядъ повтореній и пережевываній одного и того же, которыми кишитъ Талмудъ, кромѣ дѣйствительно только путающихъ неопытнаго читателя отступленій и головоломныхъ разсужденій, издатель нерѣдко выбрасываетъ, какъ «позднѣйшія вставки», *маду* Талмуда, т. е. самую важную и привлекательную часть этого литературнаго памятника, дающую полное понятіе о великой творческой способности талмудистовъ. Онъ при этомъ руководствуется весьма странными взглядами на философское міросозерцаніе талмудистовъ, обнаруживающими полное непониманіе историческаго хода развитія іуданзма. При такомъ положеніи вещей, конечно нельзя положиться на издателя, что только мѣста, дѣйствительно мѣшающія общему усвоенію смысла, будутъ выбрасываться. Кромѣ того издатель упустилъ изъ виду, что при современномъ состояніи талмудическихъ изслѣдованій, можно уже, пожалуй, установить болѣе или менѣе правильный текстъ Талмуда, принявъ во вниманіе рецензіи разныхъ рукописей (въ особенности Мюнхенской, доступной всѣмъ, благодаря трудамъ Раббиновича) и древнихъ, цензурированныхъ изданій. Въ приличномъ изданіи Талмуда нельзя уже оставлять обычнаго текста, кишащаго ошибками, иногда ясными до очевидности, и дающими поводъ

къ самымъ страннымъ заключеніямъ объ умственныхъ способностяхъ талмудистовъ.

Есть наконецъ еще важный недостатокъ предпринятаго въ Америкѣ изданія. При господствующемъ въ Талмудѣ сѣщеніи языковъ и хаосѣ методовъ рѣшительно нельзя обойтись безъ комментарія. Въ обыкновенныхъ изданіяхъ Талмуда необходимымъ комментариемъ является Раши, дѣйствительно дающій довольно часто весьма иѣткія объясненія труднымъ мѣстамъ. Но въ культурномъ изданіи оставить Раши съ его курьезными эзегетическими и филологическими взглядами никоимъ образомъ нельзя: то, что удобно и прилично для безалабернаго восточнаго изданія, рассчитаннаго на невзыскательную массу, не совсѣмъ удобно и совершенно неприлично для изданія съ европейскимъ обликомъ. Между тѣмъ издатель оставилъ безъ измѣненія комментарий Раши, приведши его только внѣшнимъ образомъ въ соотвѣтствіе съ текстомъ. Это, разумѣется, въ данномъ случаѣ весьма умно и похвально со стороны издателя, такъ какъ есть основаніе думать, что его собственный комментарий былъ бы несомнѣнно хуже комментарія знаменитаго французскаго ученаго. Но съ другой стороны, необходимость приличнаго комментарія, на подобіе хотя-бы толкованія З. Франкеля къ изданнымъ имъ трактатамъ палестинскаго Талмуда, несомнѣнно будетъ ощущаться.

Такимъ образомъ, можно полагать, что изданіе «Подлинный Вавилонскій Талмудъ», не будетъ свободно отъ важныхъ недостатковъ. Но это, разумѣется, нисколько не уменьшаетъ цѣнности испробованной на практикѣ идеи. Изъ весьма вѣроятнаго фіаско, которое выпадетъ на долю американскаго изданія, можно будетъ только вывести, что за гигантскій трудъ упорядоченія Талмуда долженъ взятъ не одинъ человекъ, къ тому еще не проявившій себя никакими серьезными изслѣдованіями въ области Талмуда и безъ всякаго общаго образованія, а цѣлая группа знающихъ и компетентныхъ людей, способныхъ поработать надъ критическимъ анализомъ талмудическаго текста и упорядоченіемъ его по идеямъ, давно уже высказывавшимся знаменитыми учеными, но только теперь нашедшимъ практическое приженіе. Эти люди, кромя того, должны быть достаточно подготовленными чтобы составить приличный, удовлетворяющій современнымъ требованіямъ комментарий. Только съ исправленнаго такимъ образомъ текста возможенъ будетъ переводъ на европейскіе языки. Это блестяще доказывается появившимся въ видѣ образца трактатовъ «Рош-Гашава» новаго изданія. Даже тѣмъ, кто давно уже знакомъ съ содержаніемъ Талмуда, новое расположение текста облегчаетъ чтеніе и дѣлаетъ его пріятнымъ, нисколько не

извѣнія самого содержанія. Новый Талмудъ вполне напоминаетъ сочиненіе какого-нибудь современнаго юриста. Метафорфаза полнѣйшая. И все это достигнуто такимъ простымъ средствомъ, какъ выбрасываніе ненужныхъ мѣстъ. Очевидно, секретъ найденъ. Переводчики Талмуда не должны переводить силою, безъ выпусковъ. Для того, чтобы переводъ былъ ясенъ и понятенъ европейцу, слѣдуетъ выбросить изъ текста весь лишній балластъ, всѣ отступленія и уклоненія отъ обсуждаемой темы. Эти отступленія должны быть погнѣжены внизу въ видѣ примѣчаній, какъ это дѣлается у культурныхъ народовъ съ разсужденіями, не подходящими прямо, по существу, къ тексту.

Трактатъ Синедріонъ изъ Талмуда вавилонскаго съ введеніемъ переводчика, введеніемъ въ Талмудъ (Мево га-Талмудъ) Ибнъ Нареллы и тринадцатю правилами (миддоѳъ) герменевтики. Глава первая (процессы гражданскіе). Перевелъ съ арамейскаго (?) Л. Ш. Фейгинъ. Одесса 1894/5. Цѣна 2 рубля.

Ровно половина книги г. Фейгина (1—70) занята разными введеніями и переводомъ всей Мишны Синедріонъ, о которой авторъ совершенно не упоминаетъ въ эффектноиъ и далеко неточноиъ заглавіи книги. Эти всѣ введенія и переводы весьма угнѣстны и даже необходимы, но написаны такъ неуклюже, что не имѣютъ въ книгѣ г. Фейгина ровно никакой цѣны. Вообще г. Фейгинъ человѣкъ весьма оригинальный. Онъ задумалъ не болѣе, не менѣе какъ *буквально* перевести Талмудъ на русскій языкъ. Всякому, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ рѣчью вавилонскихъ ученыхъ, живой, отрывистой, не признающей никакихъ синтаксисовъ и этимологій, попавшей въ книгу, называемую Талмудомъ, съ точностью стенографическаго отчета нашихъ дней, такому человѣку, говорить мы, мысли г. Фейгина должна казаться по меньшей мѣрѣ дикою. Лежащій передъ нами переводъ вполне доказываетъ абсурдность этой мысли. Если бы мы задумали выписать всѣ мѣста, гдѣ г. Фейгинъ позволилъ себѣ грубое насиліе надъ русской грамматикою и русскимъ языкомъ, если бы мы хотѣли представить читателямъ, какую негнѣпную форму принимаютъ слова талмудистовъ въ русскоиъ одѣяніи, то намъ пришлось бы попросту переписать всю книгу отъ начала до конца. Мы этого не слѣлаемъ, щадя время и терпѣніе нашихъ читателей. Но чтобы не оставить ихъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно стиля г. Фейгина, мы позволимъ себѣ привести самое начало

его перевода, т. е., естественно думать, наиболее обработанную часть книги.

Сдѣлаетъ маленькую экскурсію въ область талмудической юриспруденціи—для того, чтобы понять, въ чемъ дѣло. Мишна, т. е., сводъ традиціонныхъ законовъ, вокругъ которыхъ и вертятся пренія и споры вавилонскихъ аморанитъ устанавливаетъ въ началѣ трактата «Синедрионъ», число лицъ, изъ коихъ долженъ состоять судъ при различныхъ процессахъ. Гражданскія дѣла¹, говоритъ Мишна, должны разбираться не иначе, какъ тремя судьями. Процессы касательно грабежей и тѣлесныхъ поврежденій—тремя; процессы, гдѣ обвиняемый можетъ быть приговоренъ къ денежной пенѣ въ полной или половинной стоимости поврежденнаго—тремя; если разбирается дѣло о воровствѣ, влекущемъ за собою штрафъ, превышающій въ два, четыре или пять разъ стоимость украденнаго—тремя и т. д., идетъ, словомъ, перечисленіе различныхъ дѣлъ гражданского судопроизводства, для разбора которыхъ необходимо присутствіе трехъ судей. Начинается Гемара. Одинъ вавилонскій ученый, не называемый по имени, выражаетъ по тому или другому поводу свое недоумѣніе. Другой ему возражаетъ, приводя свои аргументы; въ споръ вступаетъ третій,—и начинается перекрестная пальба текстами, цитатами, доводами и доказательствами. Вотъ какимъ образомъ г. Фейгинъ передаетъ самое начало подобной талмудической баталіи по поводу приведенной нами Мишны.

(Гемара):—Развѣ грабежи и поврежденія не гражданскіе процессы?—Онъ (?) учить, отвѣтилъ Рабби Абагу:—вопросительно(!): какіе процессы бываютъ гражданскіе?—Грабежи и поврежденія, но не признанія (?) и заимствованія.

И обѣ фразы должны быть: Учи (?) онъ «процессы гражданскіе», ни думали бы даже «признанія и заимствованія», черезъ что (sic) онъ указываетъ на «грабежи и поврежденія»; а учи онъ «грабежи и поврежденія» и не учи «гражданскіе процессы», ни сказали бы: этотъ самый законъ относится и къ «признаніямъ и заимствованіямъ...» (Стр. 70).

Читатель со стороны навѣрное подумаетъ, что въ вавилонской академіи, гдѣ могли происходить подобныя дебаты, засѣдали умалишенные, произносящія безсвязныя и бессмысленныя фразы. Однако это не такъ; это была бы жестокая и совершенно незаслуженная древними учеными обида, за которую отвѣтственность всецѣло падаетъ на г. Фейгина. Такъ какъ

¹ Соб., имуществомъ процессамъ. Подъ этимъ названіемъ въ Мишнѣ подразумѣвали процессы касательно наслѣдства, подарковъ и пр.

талмудисты знаковь препинанія не знали, то они сразу не замѣтили, что первое положеніе Мишны (о подсудности извѣстныхъ процессовъ коллегіи изъ трехъ судей) есть общее положеніе, послѣ котораго идетъ перечисленіе, какіе именно процессы подлежатъ суду трехъ. Это и спрашиваетъ первый талмудистъ нашей Гемары.

Вопросъ. «Развѣ грабежи и тѣлесныя поврежденія не входятъ въ понятіе «гражданскихъ» процессовъ? *Отвѣтъ.* По этому поводу имѣется разъясненіе р. Абагу, выразившагося такъ: Мишна въ данномъ случаѣ точно опредѣляетъ, о какихъ собственно дѣлахъ идетъ рѣчь—о грабежахъ, тѣлесныхъ поврежденіяхъ и т. д., а вовсе не о дѣлахъ, касающихся напр., ссудъ (безразлично, имѣется ли призваніе должника или нѣтъ).

Возраженіе: Въ такомъ случаѣ, разъ идетъ перечисленіе процессовъ, то общее положеніе оказывается совершенно излишнимъ.

Отвѣтъ. Нѣтъ, и общее положеніе и подробное перечисленіе необходимы. Если бы Мишна не перечисляла, какіе именно процессы подсудны коллегіи изъ трехъ, а ограничилась бы общимъ положеніемъ, то мы бы по ошибокѣ могли причислить къ этимъ процессамъ и вышеупомянутыя дѣла касательно ссудъ. То же самое могло бы случиться, если бы общаго опредѣленія въ началѣ не было и мы бы основывались на аналогіи».

Приведенный изъ перевода г. Фейгина отрывокъ не представляетъ собою чего-либо рѣзко выдѣляющагося отъ всего остального перевода. Стиль выдержанъ имъ на протяженіи всей книги съ привѣрной добросовѣстностью, достойной лучшаго прилѣвенія. Попытку г. Фейгина дать русской публикѣ хотя бы нѣкоторое понятіе о Талмудѣ, нужно признать совершенно неудачной. Переводъ Талмуда, а въ особенности галахическихкихъ частей его, безъ критическихъ примѣчаній (образецъ которыхъ далъ Рабиновичъ въ своей «Legislation criminelle du Talmud»), не имѣетъ никакого смысла. Чуть ли не каждое слово Талмуда нуждается въ объясненіи, и къ разумному переводу его нельзя приступить съ тѣмъ хаотическимъ и недѣльнымъ познаниемъ, которыя выносятся изъ нашихъ ошибокъ.

Переводчикъ Талмуда долженъ знать кромѣ языка, на который предполагается переводить, еще и греческій и латинскій языки, долженъ имѣть не малый запасъ свѣдѣній по археологіи, исторіи, медицинѣ, юриспруденціи и при этомъ долженъ быть ориенталистомъ, знающимъ всѣ языки семитической группы, а, главнымъ образомъ, еврейскій и арабскій. (Выставленная на обложкѣ фраза: «перевелъ съ арамейскаго»—сущяя бессмыслица, такъ какъ языкъ Талмуда представляетъ смѣсь многихъ семитическихкихъ идіомовъ). Только при наличности всѣхъ перечисленныхъ условій можно

взяться за переводъ Талмуда. Г. Фейгинъ же блестяще доказалъ, что ни однимъ изъ этихъ условий онъ не обладаетъ. Уже во введеніи къ своей книгѣ онъ выдаетъ себѣ такое ужасное «свидѣтельство о бѣдности», т. е. жалкой научной бѣдности, что нужно было собрать все терпѣніе обозрѣвателя, принужденнаго ex officio прочитывать цѣлыя ворохи книгъ, чтенія совершенно недостойныхъ, чтобы дойти до середины книги... Для курьеза приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ «введенія автара», замѣтивъ мимоходомъ, что исключительныя авторскія права г. Ф. на это «введеніе» находятся подъ большимъ сомнѣніемъ.

«Текстъ Гемары вавилонской написанъ на арамейскомъ нарѣчій, а іерусалимской—на сирійскомъ языкѣ».—«Шрифтъ Талмудовъ, какъ и всѣхъ еврейскихъ книгъ—ашурійскій».—«До Ездры всѣ книги (?) были написаны на Гебрейскомъ (!) языкѣ, буквами древнихъ Ливанскихъ (?) народовъ. Эти буквы назывались «Ксавъ Либунаи»—Ливанскій шрифтъ (!) и т. д. и т. д.—все въ томъ же родѣ (стр. 11).

На страницѣ 15 мы находимъ такой перлъ: «Предлежащій переводъ «Трактатъ Синедріонъ изъ Талмуда вавилонскаго», какъ уже объяснено, трактуетъ о дѣятельности верховнаго совѣта (Синедріонъ), который составляетъ красу и гордость еврейскаго народа. Этотъ Синедріонъ долженъ былъ неутомимо работать, чтобы развиться и стать тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть, но чѣмъ никогда не сдѣлался».

Въ число «псевдонимовъ», какъ г. Фейгинъ называетъ принятые у евреевъ аббревіатурныя имена, въ родѣ Раши, Рамбаиъ, попали и названія комментаріевъ, какъ «Лехемъ—Хамудосъ», «Пилпуло харифта», и др. Повидимому, г. Фейгинъ недалеко ушелъ отъ ученаго капуцина Генриха Сейнензіа, побѣдоносно опиравагося въ своихъ доказательствахъ на раввина Талмуда—«Ut narrat Rabbinius Talmud». Къ псевдонимамъ отнесены и настоящія имена ученыхъ, какъ «Раейну Нисимъ», Акива Эйгеръ, Эліагу Виленскій.

Г. Фейгинъ, разумѣется, понятія не имѣетъ о критикѣ текста: для него не существуетъ древнихъ цензурированныхъ изданій, не существуетъ мюнхенской рукописи. Зато г. Фейгинъ хвастаетъ во введеніи тѣмъ, что пользовался экземпляромъ Талмуда, снабженнымъ 153 комментаріями.

Буквальность перевода г. Фейгина простирается иногда до смѣшного: напр., у него фигурируетъ «Великій Священникъ» вмѣсто «первосвященникъ». Транскрипція въ книгѣ совершенно не выдержана: въ одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ «Берахотъ», нѣсколькими строками ниже—«Смохойсь», а на обложкѣ читаемъ «иудею». Такимъ образомъ одна и та же

буква S пишеть у г. Ф. три транскрипціи: т, с и ѳ. Вмѣсто «и т. д.» почему-то нашъ авторъ постоянно пишетъ «et caetera», видимо щеголяя звучнымъ латинскимъ выраженіемъ.

Весьма странно, почему авторъ даетъ сначала полный переводъ Мишны, а затѣмъ передъ каждой отдѣльной Гемарой снова повторяеть ту же Мишну, повторяя даже буквально подстрочныя «примѣчанія переводчика». Во всей книгѣ вы не найдете ни одной цифры, — всѣ числа выписаны прописью. Также неприятно поражаетъ множество красныхъ строкъ, совершенно ненужныхъ и неумѣстныхъ, повидимому введенныхъ исключительно для того, чтобы портить впечатлѣніе цѣльности и связности талмудическаго разсказа. Всѣ эти потуги какъ нибудь расширить размѣры тощей выжженки, представляющей изъ себя не «Трактатъ Синедріонъ», а только одну главу этого трактата, бросаютъ весьма подозрительную тѣнь на истинныя цѣли автора, въ особенности, если припомнить, что за 140 страницъ необычайно крупнаго шрифта назначена безобразно высокая цѣна въ два рубля.

Аль-Гаввасъ.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

ЖУРНАЛЪ „ВОСХОДЪ“ за 1895 г.

Въ 1895 г. экземпляры „Восхода“ распредѣлялись по мѣсту подписки слѣдующимъ образомъ:

Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.
Абдуино, ст. З. ж. д.	1	Атаки, Бессарабск. г.	2	Березнеговатый ст.,	
Августово, Сув. г.	1	Аткарскъ г., Саратов. г.	1	Херсонской губ.	2
Авдѣвка ст. Ек. ж. д.	1	Ачинскъ	2	Биржи м., Ковенск. г.	1
Агайманы с., Тавр. г.	1	Ахтырка, Херс. губ.	1	Бирюса, Иркутской г.	1
Азовъ пос., О. В. Д.	3			Вираула ст., Ю.-З. ж. д.	1
Акимовка с., Тавр. г.	3			Війскъ г., Томской г.	1
Акмолинскъ, Акм. обл.	11	Вазалукъ, Екатер. г.	1	Віюкъ-Онларъ станція,	
Александровъ, Влад. г.	2	Бабинновичи, Могил. г.	1	Лозово-Севаст. ж. д.	2
Александровскъ г.,	1	Баку г. г., Бакин. г.	23	Благовѣщенскъ городъ,	
Екат. г.	26	Балашово, Витеб. губ.	1	Амурской области .	2
Александро - Невская		Балаклея, Херс. губ.	1	Владатное ст., Ек. г.	1
ст., Р.-У. ж. д.	1	Балашовъ, Саратов. губ.	1	Бобринець г., Херс. г.	3
Александровскъ, Ек.		Балта г., Подольской г.	11	Бобровъ	1
губерніи	3	Барвенково, Херс. г.	1	Бобровицы, Черниг. г.	2
Александрополь г. Эри-		Балаханы	3	Бобръ г., Могил. губ.	1
ванской губерніи .	2	Барановка м., Вол. г.	4	Бобруйскъ г., Мни. г.	7
Александро - Грушев-		Баранье Поле Киев. г.	2	Богачка, Полтавской г.	1
скій г. О. В. Д.	1	Баргузинъ г., Зак. обл.	2	Богатое, С.-В. ж. д. .	2
Александровское м.,		Барнаулъ	2	Богополь м., Под. губ.	4
Ковенской губ. . .	1	Барь, Подольской губ.	1	Боготолъ, Томской г.	1
Александрия г., Хер. г.	4	Батумъ г. Кутаиск. г.	9	Богуславъ м., Киев. г.	4
Алешки г., Тавр. г.	3	Баускъ г., Курд. губ.	2	Божедаровка ст., Ек.	
Ананьевъ г., Херс. г.	1	Бахмутъ г., Екат. губ.	13	жел. дороги	4
Андижанъ	1	Вахчисарай г., Таври-	4	Бологое, Никол. ж. д.	2
Анненскій мостъ, Оло-		ческой губерніи . .	4	Болградъ, Бессар. губ.	2
нецкой губерніи .	1	Велебей г., Уфим. г.	1	Б. Долатиха с., Тавр. г.	10
Аннополь, Волын. г.	1	Вендеры г., Бессар. г.	9	Б. Токмакъ м., Тавр. г.	6
Автополь м., Гродн. г.	1	Вендинъ г., Петрок. г.	4	Большеройская ст.,	
Армазъ г., Ниж. г.	1	Вердянскъ г., Тавр. г.	28	Ватской губерніи .	1
Армянскъ, Таврич. г.	1	Вердичевъ г., Киев. г.	30	Большие Ясмрки ст.,	
Армавиръ, Куб. обл.	1	Верезино, Минской г.	2	Воронежской губ.	1
Ардатовъ, Самарск. г.	1	Верезно, Вол. губ. .	1	Борзна г., Черниг. г.	1
Астраханъ г. г., Астр.	1	Верезовка, Подольск. г.	1	Борисовъ г., Мни. г.	2
губерніи	15	Верезовка, Херс. губ.	4	Борисоглѣбскъ г., Там-	
Асхабадъ г., Зак. обл.	6	Вериславъ г., Херс. г.	6	бовской губерніи .	4
		Вершадъ м., Под. губ.	3	Борщаговка, Киев. г.	2

Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.
Боссовродь ст., Киев. г.	2	Верхнедѣпровскъ г.,		Гатчино, Петерб. губ.	1
Браиловъ ст., Юго-За-		Екатеринослав. г. . .		6 Гадячь, Полтавск. г.	1
падныхъ ж. д.	1	Верхнеудинскъ		1 Гайсинь, Подольск. г.	2
Братское, Херс. губ.	1	Верхнеуральскъ		1 Гайдуковка, Могил. г.	1
Брусилувъ, Киевской г.	3	Верхній - Рогачикъ,		1 Галещина	1
Брасово, Орловской г.	1	1 Таврической губ. . .		1 Ганчешты, Бессар. г.	1
Брагинь, Минской губ.	3	Веретіе, У. жел. дор.		1 Гельсингфорсъ, Нью-	
Брацлавъ г., Под. г.	2	Веселое, Таврич. губ.		ланденской губерніи.	
Брестъ - Литовскъ г.,		Видзы		1 Геническъ, Таврич. г.	7
Гродненской губ.	18	Вилейка, Виленской г.		1 Германовка, Киев. г.	2
Бржезица, Петрок. г.	1	Вилково, Бессар. губ.		1 Глускъ	1
Бричапы м., Бессар. г.	4	Вильковишки, Сув. г.		2 Глуховъ, Черниг. губ.	3
Бровары м., Черн. г.	4	Вилькомиръ, Ковен. г.		4 Глушково, Курской г.	1
Бровки ст., Ю.-З. ж. д.	1	Вильва, У. жел. дор.		1 Гольдингенъ	2
Брянскъ, Орловской г.	3	Вильна, Виленской г.		61 Голендры, Ю.-З. ж. д.	1
Брезинь, Петрок. губ.	1	Винославовка		1 Гольбштадтъ, Тавр. г.	1
Бугуриусланъ г., Сам. г.	1	Винница, Подольск. г.		17 Голованевскъ, Под. г.	1
Бузулукъ, Самар. губ.	1	Витебскъ, Витеб. губ.		24 Голая-Пристань, Та-	
Буки м., Киевской г.	2	Витимскъ, Иркут. губ.		5 врической губерніи.	2
Бухара	3	Владикавказъ, Тер. . .		5 Голынки, Обл. В. Д.	1
Быховъ г., Могил. г.	1	Владивостокъ		1 Голта, Херсон. губ. . .	1
Быковецъ, Ю.-З. ж. д.	1	Владимиръ, губ. городъ.		1 Гомель, Могил. губ. . .	16
Бѣжунъ, Полтавской г.	1	Владимиръ, Вол. губ.		2 Горваль, Минской г.	1
Бѣлая Глина, Ставр. г.	1	Владиславовъ, Сув. г.		1 Горловка, К.-Х.-А. ж.	
Бѣлая - Церковь м.,		Влоцлавскъ, Варш. г.		1 дороги	2
Киевской губерніи.	15	Воловьяники		1 Городище, Минской г.	1
Бѣлгородъ г. Курск. г.	3	Водяная, Х.-Н. ж. д.		1 Горошки, Вол. губ. . . .	2
Бѣлостокъ г., Гродн. г.	31	Воздвиженская, Тер. о.		1 Городица, Черниг. губ.	3
Бѣльскъ г., Гродн. губ.	2	Вознесенскъ, Херс. г.		6 Городокъ, Под. губ. . .	1
Бѣлый г., Смолен. губ.	1	Волковинцы, Под. г.		2 Городокъ, Витеб. губ.	3
Бѣлмычичи м., Мог. г.	2	Волковыскъ, Гродн. г.		2 Гоша, Вол. губ.	1
Бѣльцы г., Бессар. г.	7	Волонтировка, Бес. г.		2 Градижскъ, Полтав. г.	3
		Волочискъ, Вол. губ.		2 Граево	2
		Вонярово, М.-В. ж. д.		1 Граница, Петрок. губ.	1
Вагуйка, Варш. губ.	1	Воркляны, Витеб. губ.		1 Грановъ, Под. губ. . . .	1
Валицы ст., Полтв. ж.		Ворожба, К.-К. ж. д.		1 Гришинское, Екат. г.	15
дороги	3	Воронежъ, Черниг. г.		1 Гродно, Гродн. губ. . . .	5
Валегодулово	1	Воронежъ, Врож. губ.		10 Грозный, Тер. обл. . . .	3
Вапнярка, Ю.-З. ж. д.	2	Воронцово - Александ-		Гройцы, Воронеж. г.	1
Варварополье ст. Д.		ровское		1 Гуляй - Поле, Екат. г.	10
жел. дороги	1	Воронцово - Городище.			
Варшава, губ. г., Вар-		Вороновица, Под. губ.			
шавской губерніи	144	Воткянскій заводъ, Вят-		Дагда, Витебской губ.	1
Василевскъ г., Киев. г.	6	ской губерніи		1 Давидъ - Городокъ,	
Вейверы ст., Суваля г.	1	Всеголодо - Вильва,		Минской губерніи	1
Велижъ г., Витеб. губ.	7	Пер. губ.		1 Деміевка, Киевск. губ.	3
В. Берестовица, Грод-		Выгоничи		1 Девладово	1
губерніи	1	Выдренка		1 Деражня, Под. губ. . . .	1
В. Анадолъ, Ек. ж. д.	1	Вышгородъ, Вол. губ.		1 Дербентъ	1
Венгровъ	1	Вышковъ, Варш. губ.		2 Джанкой, Л.-С. ж. д.	3
Великіе-Луки г., Пск.		Вѣрный, Семинал. о.		1 Джалинда	1
губерніи	2	Вѣтка, Могилев. губ.		3 Дзвинскъ, Витеб. губ.	26
Верзболово	1	Вязьма, Смоленской г.		2 Дисна, Виленской губ.	2
Веревье ст., Н. ж. д.	1	Вятка, Вятской губ. . .		1 Дмитріевъ	1
Верхне-Бѣлозерка	2			1 Дмитровка, Л.-Р. ж. д.	1

Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.
Дмитровъ, Москов. г.	1	Жуковка, Черниг. г.	1	Каменецъ, Под. губ.	9
Добровеличковка, Херсонской губерніи .	2	Жовнино, Полтав. г.	1	Каменка, Под. губ.	3
Добрянка, Черниг. г.	1			Каменка, Киевской г.	2
Долинская, Х.-Н. ж. д.	1	Заблудово, Люблин. г.	2	Каменка, Таврич. губ.	4
Доманово, Гродн. губ.	2	Заверце, Пет. губ.	2	Каневъ, Киевской губ.	3
Домоновици, Мин. г.	1	Задонскъ	1	Каневъ, Енисейской г.	2
Дрогичинъ, Гродн. г.	1	Замбровъ	1	Камышинъ	1
Дуббельнъ, Лифлянд. г.	1	Затишье	1	Камышино, Полт. губ.	1
Дубно, Кол. губ.	5	Застѣйки	1	Карасубазаръ, Тав. г.	5
Дубовое, Киевской г.	1	Заславль, Вол. губ.	1	Карань, Ев. ж. д.	1
Дубенка	1	Звенигородка, Киев. г.	4	Картузъ-Береза	1
Дубоссары, Херсон. г.	10	Згержъ, Петрок. губ.	4	Карсъ, обл. г.	1
Дубровна, Могил. губ.	2	Здунская Воля	2	Качугъ, Иркутской г.	4
Дудчанская	2	Зельва, Гроднен. губ.	1	Каушаны, Бессар. г.	1
Дунаевцы, Под. губ.	2	Зея, Амурской обл.	1	Каховка, Таврич. г.	12
Дурово	2	Зиньковъ, Под. губ.	2	Кейданъ	1
Духовщина, Смолен. губ.	1	Златополь, Киев. губ.	3	Кельмы, Ковенской г.	1
Дорогобужъ	3	Златоустъ, Уфим. г.	3	Керки, Закасп. обл.	1
Дондюшаны, Ю.-З. ж. дороги	1	Золотоноша, Полт. г.	2	Керчь, Таврич. губ.	18
Друзкевичи	1	Знаменка, Иркут. г.	2	Кибарты, Сувалк. губ.	1
				Кизиль-Арватъ	1
		Иваново-Вознесенскъ	1	Килія, Бессараб. губ.	5
		Ивановка, Екатер. г.	1	Киренскъ, Иркут. губ.	1
Евье, Виленской губ.	1	Иванковъ, Киев. губ.	2	Кирсановъ, Тамб. губ.	1
Евпаторія, Таврич. г.	10	Ивенецъ, Минской г.	1	Кишиневъ, Бессар. г.	59
Екатеринбургъ, Перм.	6	Игуменъ, Минской г.	2	Кіевъ, Киевской губ.	128
Екатеринодаръ, Кубанской области	6	Измаиль, Бессар. губ.	4	Климовичи, Могил. г.	1
Екатеринославъ, Екатеринославской губ.	83	Ильино, Витебской г.	2	Клеванъ	1
Еланскъ, Тобольской г.	2	Ильницы, Киевской г.	2	Климово	1
Елецъ, Орловской губ.	8	Ирбитъ, Пермской г.	1	Клинь, Москов. губ.	1
Еленовка	1	Ирклѣвъ, Полт. губ.	1	Клышинъ	1
Елисаветградъ, Хер. г.	52	Иркутскъ, Иркут. губ.	16	Кобеляки, Полт. губ.	5
Елисаветполь, Елисаветпольской губ.	1	Ишимъ, Тобольской г.	1	Кобринъ, Гродн. губ.	2
Елисаветполь, Закасп. ж. д.	1	Ишимская, Томской г.	1	Ковель, Вол. губ.	4
Ельня, Смоленской г.	1			Ковна, Ковенской губ.	24
Ельскъ	1	Кабанскъ, Забайк. обл.	1	Кодыма ст., Ю.-З. ж. д.	2
Енисейскъ, Енис. губ.	2	Кавказская, Куб. обл.	3	Кодинцево, Херс. губ.	2
Единицы, Бессар. губ.	3	Кагызманъ, Карск. о.	2	Козельскъ, Кал. губ.	1
		Кагарлыкъ, Киев. губ.	1	Козловъ, Тамбов. губ.	5
		Казанка, Х.-Н. ж. д.	1	Кокандъ, Ферг. обл.	3
		Казакъ	1	Коломна	2
		Казаново	1	Колѣй	1
		Казань, Казанской г.	10	Колпино, Петерб. губ.	1
Жагоры, Ковон. губ.	2	Казатинъ, Ю.-З. ж. д.	1	Коло, Калшшской губ.	1
Жванецъ	1	Канскъ, Томской губ.	6	Колпино пос., Петербургской губерніи	1
Желанная, Ек. ж. д.	1	Кайдалово	1	Колыванъ, Томской г.	2
Желѣзноводскъ	1	Каларашъ, Бессар. г.	3	Компанеевка, Херс. г.	1
Желѣзная	1	Калиновка, Под. губ.	2	Конотопъ, Черниг. г.	6
Житковичи, Полѣс. жел. дороги	1	Калачъ	1	Конскъ, Радомской г.	1
Житомиръ, Вол. губ.	17	Калишь	2	Константиново	2
Жлобинъ, Могил. губ.	1	Кальварія	2	Константиновка	1
Жмеринка Ю.-З. ж. д.	1	Калуга, Калужской г.	1	Константиноградъ г., Полтавской губ.	3
		Калюсъ, Полтавской г.	1	Копай-городъ	3

Мѣста:	вѣз.	Мѣста:	вѣз.	Мѣста:	вѣз.
Копысь, Могилев. г.	3	Лезно ст., Мог. губ.	1	Маяки, Херсон. губ.	1
Копцево	1	Леово м., Бессар. г.	1	Мглинь, Черниг. губ.	2
Корець м., Вол. губ.	1	Лепсинскъ	1	Медвѣдь, Нов. губ. .	1
Копыль	1	Лепель, Витеб. губ. .	1	Меджибожь м., Под. г.	3
Корнешты ст., Бес. г.	1	Летичевъ, Под. губ. .	1	Мезирѣчь, Сѣд. губ.	3
Коростышевъ м., Киев- ской губерніи	3	Либава, Курлянд. г. .	1	Мелитополь, Тавр. г.	21
Корюковка, Черниг. г.	1	Лида, Виленской губ.	1	Мервь, Закасп. обл.	1
Корсовка, Витеб. губ.	1	Лицканы м., Бесс. г.	1	Меречь м., Вилен. г.	2
Корсунь м., Киев. губ.	3	Липецъ	1	Мешовскъ	1
Косово м., Гродн. губ.	3	Липовець, Киев. губ.	7	Мигаево ст., Ю.-З.	3
Кострома	2	Липскъ	1	жел. дорокъ	2
Костюковичи м., Мо- гилевской губерніи.	2	Лиски	1	Минскъ, Минской губ.	55
Коханово, Могил. губ.	1	Лисичанскъ с., Екате- ринославской губ. .	1	Минусинскъ	1
Красноводскъ	1	Литиць, Подольск. г.	2	Миргородъ, Полт. губ.	1
Красное Село, Петер- бургской губерніи	1	Ловцы	1	Мирововка ст. Ф. ж. д.	1
Красноавловка ст., Азов. жел. дороги.	1	Лодзь, Петроков. губ.	1	Мирополь пол. Вол. г.	2
Краснополе	2	Лозовая ст., Л.-С. ж. д.	56	Мрър, Минской губ.	1
Красноярскъ	6	Лозовая-Павловка	7	Митава, Курлянд. г.	2
Крейцбургъ м., Вит. г.	1	Лоевъ м., Минской г.	2	Михайлово	1
Кременецъ, Вол. губ.	3	Ломжа, Ломжинск. г.	3	Михайленки ст., Ю.-З.	3
Кременчугъ, Полт. г.	40	Лохвица, Полт. губ.	4	жел. дорокъ	1
Креславль м., Вит. г.	1	Лубны, Полтав. губ.	2	Михайловка, Тавр. г.	5
Крестцы	1	Луга, Петербургск. г.	1	Минскій зав., Орл. г.	1
Кривой-Рогъ м., Хер- сонской губерніи	10	Луганскъ, Екатер. губ.	1	Могилевъ, Могил. г.	23
Кристополе ст., Мо- гилевской губерніи.	1	Лужки м., Вол. губ.	6	Могилевъ, Под. губ.	10
Кролевецъ	2	Луцкъ, Вол. губ.	1	Мозыръ, Минской г.	5
Кронштадтъ	3	Лукояновъ, Сѣд. губ.	8	Молодечно, Вил. губ.	1
Круты	1	Лысянка м., Киев. г.	1	Монастиришем., Киев- ской губерніи	2
Крыловъ	1	Любавичи м., Мог. г.	1	Мордово	1
Крыжополь ст., Ю.-З. жел. дороги	1	Любарь м., Вол. губ.	2	Моршанскъ, Тамб. г.	2
Крынки, Гродн. губ.	1	Любашевка ст., Ю.-З.	1	Москва, Московск. г.	95
Крымская, Куб. обл.	1	жел. дорожки	1	Мошны	1
Куповка	1	Любечъ, Черниг. губ.	5	Мстиславль, Мог. губ.	5
Куболта ст., Бессар.	1	Люблинъ	10	Мышинецъ, Ломж. г.	1
Куйтунъ, ст. Иркутск.	1	Люцинъ, Вит. губ.	2	Муромъ, Владим. губ.	1
Курисово-Покр.	1	Лянкоронь, Вит. губ.	2	Мѣна м., Черниг. губ.	2
Курманъ-Кемельчист., Л.-С. жел. дороги	7	Ляховичи, Минск. губ.	1	Млава, Пл. губ.	2
Курскъ, Курской губ.	9	Магнитная, Орл. губ.	1	—	—
Куршань, Ковен. губ.	1	Майкопъ, Кубан. обл.	5	Нарва, Петерб. губ.	1
Кутайск, Кутайск. губ.	6	Максимовская	1	Надеждино	1
Кѣльцы	2	Малая - Перещепина м., Полтавской губ.	1	Нахичевань-на-Дону, Екатеринослав. губ.	3
—	—	Мало - Михайловская, Екатеринослав. губ.	7	Невель, Витебской г.	2
Лабинская	1	Малаяты	4	Немерчи, Ю.-З. ж. д.	1
Лавдарово	1	Манырь, Бессар. г.	1	Немировъ м., Под. г.	2
Лапы	1	Мариамполь, Суваж. г.	2	Нерчинскъ, Заб. обл.	2
Лебедянь	1	Мариановка	6	Несвижъ	1
—	—	Маринскъ, Томской г.	1	Нижне-Сѣрогосы ст., Таврической губ.	3
—	—	Маріуполь, Екатер. г.	18	Нижній-Новгородъ	17
—	—	Марьевка ст., Д. ж. д.	2	Никитовка ст., К.-Х.- Аз. жел. дороги	1
—	—	Марына - Горка ст., Л.-Р. жел. дороги	1	Николаевъ, Херс. губ.	68

Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.
Никополь, Екатер. г.	8	Орель, Орловской губ.	7	Полонное м., Вол. г.	4
Новая Ладога	1	Оренбургъ, Оренб. г.	6	Поневѣжъ, Ков. губ.	1
Новгородъ	2	Орша, Могилев. губ.	9	Поснѣя	1
Новгородъ - Сѣверскъ, Черниговской губ. . .	3	Орѣховъ, Таврич. губ.	1	Попеляны	1
Новоалександровскъ. .	1	Осташковъ, Твер. губ.	1	Попельня ст., Кіев. г.	3
Новоалександрія, Лю- блинской губерніи.	1	Остеръ, Черниг. губ.	1	Порховъ, Псков. губ.	1
Новоархангельскъ ст., Херсонской губ. . . .	1	Острогъ, Вол. губ. . .	8	Поти, Кутаисской губ.	3
Ново-Васильевка . . .	1	Острогосжскъ	1	Почепъ м., Черн. губ.	5
Ново-Воронцовка м., Херсонской губ. . . .	11	ОстрошицкийГородокъ.	1	Починки, Нижегород.	2
Новоградомыскъ, Во- лынской губерніи . .	12	Островъ, Псков. губ.	2	Пошехонье, Яросл. г.	1
Новогрудокъ, Мин. г.	1	Острозъ, Вол. ж. д. . .	1	Прага - Варшава гор., Варшавской губ. . .	3
Новогеоргиевскъ, Хер- сонской губерніи . . .	1	Острополь м., Вол. г.	2	Праснышъ	1
Новоелъня	2	Очаковъ, Херсон. губ.	2	Прели, Витебской губ.	1
Новозыбковъ, Черн. г.	3	Ошъ, Ферган. обл. . .	1	Прены	1
Новомосковскъ, Ека- теринославской губ.	6	Ошмянн, Виленской г.	1	Придруйскъ ст., Вит. г.	3
Ново-Одесса м., Хер- сонской губерніи . . .	3	Павловка, Самар. губ.	1	Прилуки, Полт. губ.	7
Ново-Павловка	1	Павловка, Екатер. г.	1	Пришибъ сел., Бак. г.	2
Ново-Ропскъ	1	Павловскъ, Петерб. г.	3	Пропойскъ м., Мог. г.	3
Новороссійскъ, Черн. Округа	6	Павлоградъ, Екат. г.	13	Просуровъ, Под. г.	15
Новоспаское, С.-В. жел. дороги	1	Паричи	1	Просняная ст., Ек. ж. д.	4
Новосвенцянъ стан., Виленской губ.	1	Пенза, Пензенской г.	7	Пружаны, Гродн. губ.	2
Новоукраинка м., Хер- сонской губерніи . . .	7	Перекопъ, Таврич. г.	1	Псковъ, Псковской г.	4
Новочеркасскъ	1	Перещепно ст., Ека- теринославской губ.	3	Прушковъ	1
Новохоперскъ, Вор. г.	1	Переяславъ, Полт. губ.	7	Путускъ	1
Новый-Бугъ м., Хер- сонской губерніи . . .	5	Пермь, Пермской губ.	12	Пыздры	1
Новый Маргелаяв, Ф. области	1	Песчанка м., Под. г.	1	Пятигорскъ, Тер. обл.	3
Нѣжинъ, Черниг. губ.	9	Петербургъ, Петерб. г.	168	Патовская, С.-В. ж. д.	1
Ободовка	1	Петриковъ	1	Радощковичи	1
Овидіополь	1	Петро-Александровскъ С.-Д. обл.	1	Радзивиллишки	1
Овручъ, Вол. губ. . . .	3	Петровскъ, Саратов. г.	1	Радзивилловъ м. Вол. г.	2
Одесса, Херсон. губ. .	420	Петровскъ, Даг. обл.	1	Радзивилловъ ст., Ю.-З. жел. дороги	1
Озеры	1	Петровская ст., Д. ж. д.	1	Радомысль, Кіев. губ.	10
Озоровъ, Кал. губ. . .	1	Петровскъ, Петрок. г.	4	Радомъ, Радомская г.	1
Ольшаница	1	Петропавловскъ, Ак- молинской области.	5	Радулъ, Черниг. губ.	1
Ольгополь	2	Петропавловка м., Ека- теринославской губ.	1	Раздоры	1
Омскъ, Акмолин. обл.	5	Печановка ст., Ю.-З. жел. дорогаъ	2	Райгородъ	1
Опочка	2	Пильвишки	2	Раковъ	1
Ораніенбаумъ	1	Пинскъ, Мнискій г. . .	21	Ратомка	1
Оргѣвъ, Бессар. губ.	5	Пиратинъ, Полт. губ.	1	Рахнн, Ю.-З. ж. д. . .	1
		Плоцкъ	3	Ревель, Эстлянд. губ.	2
		Погребини	3	Резна м., Бессар. г.	2
		Подороскъ	1	Рейовель	1
		Покровскъ, Самар. г.	1	Рени, Виссарабской г.	1
		Покровское ст., Ек. г.	1	Ржищевъ м., Кіев. г.	1
		Покровъ, Влад. губ. .	1	Рига, Лифляндск. губ.	41
		Полянгень	2	Ровно, Вол. губ. . . .	7
		Полтава, Полтавск. г.	35	Рогачевъ, Могил. губ.	3
		Полоцкъ, Витеб. губ.	6	Рогожены	1
				Рожище	1
				Ромны, Полтав. губ.	7
				Рославль, Смолен. губ.	2

Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.
Россиены, Ковен. губ.	2	Сморгоня, Вилен. губ.	2	Таурогень	1
Ростовъ на Дону, Обл.		Смѣла, Кіевской губ.	4	Ташкентъ, Смиръ-Дар.	
Войска Донского	67	Сновская	2	области	7
Ротмистровка м., Кіев-		Соколка, Гродн. губ.	2	Тальши, Ковенской г.	3
ской губерніи		Сонкамскъ, Перм. г.	1	Темиръ-Ханъ - Шура,	
Рубановка ст., Тавр. г.	6	Соболевка	1	Дагестанской обл.	2
Рудичная, Дон. ж. д.	1	Солы, Л.-Р. жел. дор.	1	Темрюкъ, Кубан. обл.	3
Рудня м., Могил. губ.	1	Сольцы	2	Тетіевъ, Кіевской губ.	1
Рудва, Вол. губ.	2	Сопоткинъ	2	Тешликъ	1
Руденскъ	1	Сосновицы	4	Терны	1
Ружаны м., Гродн. г.	1	Сороки, Бессар. губ.	8	Тельминская	1
Ружинъ, Кіевской г.	1	Сосница	1	Терновка	2
Рыбинскі, Яросл. губ.	2	Софіївка, Л.-С. ж. д.	2	Теофіполь	1
Рыпинъ	1	Спаская	1	Тересполь	1
Рѣзана м., Вит. губ.	5	Ставище, Кіевской г.	1	Тигангульскъ, Херс. г.	3
Рѣзца, Минской губ.	2	Ставроково, К.-Х.-А.	2	Тирасполь, Херс. губ.	15
Рязань, Рязанской г.	8	жел. дороги	1	Тифлисъ, Тифлис. г.	24
Рязскъ, Рязанской г.	1	Ставрополь, Ставро. г.	1	Тихвинъ	1
Рясно, Могилев. губ.	1	Старая-Русса, Новг. г.	3	Тобольскъ, Тобол. г.	1
		Старая-Ушица	1	Томашевъ, Люблин. г.	2
		Старовѣрово	1	Томашевъ, Петрок. г.	3
		Старобѣльскъ, Хар. г.	1	Томашполь, Под. губ.	1
		Стародубъ, Черниг. г.	6	Томскъ, Томской губ.	17
		Староконстантиновъ, г.	1	Торжокъ	1
		Вол. губерніи	5	Торчаны	1
		Екатериносл. губ.	2	Тораревка	1
		Степанцы	2	Торопецъ, Псков. губ.	2
		Сторожковъ	1	Троицкѣ, Оренбург. г.	5
		Стерлитамакъ, Уфим. г.	1	Троицкое	1
		Стодлбцы	3	Толочинъ	2
		Стодолище	1	Троки	1
		Стрѣтенскъ, Заб. обл.	2	Тростянецъ, Под. губ.	3
	19	Суваики, Суваик. губ.	7	Туапсе	1
		Судиславъ, Костр. г.	5	Тукумъ	1
		Сумы, Харьков. губ.	1	Тула, Тульской губ.	12
		Сураишъ, Тифлиской г.	3	Тулувъ, Иркутской г.	1
		Суражъ, Черниг. губ.	1	Тульчинъ, Подол. губ.	7
		Суражъ, Витебской г.	3	Турбовъ, Кіевской г.	1
		Сухумъ-Кале, Кут. губ.	2	Тюмень, Тобольской г.	3
	30	Сухолѣсы, Ф. жел. д.	1	Тягинка, Херсон. губ.	1
		Сычевка, Смолен. губ.	2		
		Сызрань, Симбирск. г.	1		
		Сѣдлецъ	1	1 Удачное	2
		Сѣрогосы	3	3 Узловая, Варш. ж. д.	1
		Сѣпча	1	1 Улла	1
			2	1 Умань, Кіевской губ.	7
			2	Унеча, Ю.-З. жел. д.	1
			2	Уральскъ	1
			2	2 Урбахъ	1
			2	23 Урлукъ	1
			2	3 Усмань	2
			2	6 Усятъ, Витебской г.	1
			2	2 Установская	1
			2	4 Усть-Илья, Заб. обл.	2
			2	1 Усть-Кутское, Ирк. г.	1
			12		
Савинповская, Полт. г.		Таганашъ, Л.-С. ж. д.	2		
Садки, Д. жел. дор.	1	Таганрогъ, О. В. Д.	23		
Самара, Самарской г.	16	Тальное, Кіевской губ.	3		
Самаркандъ	6	Тараша, Кіевской губ.	6		
Саратовъ, Саратов. губ.	14	Таругино, Бессар. г.	8		
Свенцьяны, Вилен. губ.	2	Татарбунаръ, Вес. г.	6		
Свирь	1	Татарскъ	12		
Свислочь, Гродн. губ.	2				
Свислочь, Минской г.	2				
Себежъ	1				
Секуряны	1				
Севастополь, Тавр. г.	19				
Сейтлеръ	1				
Семеновка, Полт. губ.					
Семипалатинскъ, Се-					
минпалатинской обл.					
Семятичи, Гродн. губ.					
Сидра, Гродненской г.					
Сивашъ, Л.-С. жел. д.					
Симферополь, Тавр. г.	30				
Сиротино					
Синельниково					
Скира, Кіевской губ.	5				
Скопинъ, Рязанской г.	2				
Славгородъ, Л.-С. ж. д.	2				
Славносербскъ, Екат.	2				
Славяны, М.-Б ж. д.	2				
Славянскъ	2				
Славута, Вол. губ.	2				
Слободской	1				
Сломники	1				
Слонимъ, Гродн. губ.	8				
Слудскъ, Минской губ.	6				
Смоленскъ	12				

Мѣста:	вкз.	Мѣста:	вкз.	Мѣста:	вкз.
Усть-Лаба	1	Чечельникъ	1	Янушполь	1
Усть-Нарва	1	Чечерскъ, Могил. губ.	1	Яновичи	1
Уфа, Уфимской губ.	5	Чигиринъ, Кіевской г.	2	Ярмолинцы м., Под. г.	2
Уцяны	1	Чимишія, Бессар. г.	2	Ярославъ, Яросл. г.	4
		Чирь-Юртъ, О. В. Д.	1	Ярошенка, Ю.-З. ж. д.	2
Фалешты, Бессар. губ.	3	Чистополь	1	Яруга м., Подол. губ.	1
Фастовъ, Кіевской г.	8	Чита, Забайкал. обл.	3	Ярцево ст., М.-В. ж. д.	2
Фасовка	1	Чугуевъ, Харьк. губ.	1	Ярышевъ	1
Фасово	1	Чуровичи	2	Яреськи	1
Фатехъ, Кур. губ.	1	Чудновъ	1		
Федоровка	2	Чухлома	1	Ѳеодосія, Таврич. губ.	13
Фундулеевка, Ф. ж. д.	3	Чусовый Заводъ	1		
				За границую:	
Харьковъ	59	Шадовъ, Ковенской г.	1		
Ханская Ставка	1	Шавли, Подольской г.	6	I. Въ Европѣ:	
Хвалыньскъ	1	Шаки, Сувалков. губ.	1		
Хасавъ-Юртъ, Тер- ской области	2	Шаргородъ, Под. губ.	2	a) Австрія:	
Херсовъ, Херсон. губ.	38	Шарковщина	1		
Хиславичи, Могилев. г.	1	Шебекино	1	Вѣна	1
Хмѣльникъ, Под. губ.	2	Шепетовка ст., Вол. г.	9	Краковъ	2
Ходорковъ	4	Шехманъ ст., Тамб. г.	1	Гологоры	1
Холмъ, Люблин. губ.	3	Шкловъ м., Могил. г.	1	Джурковъ	1
Холмычъ, Минской г.	1	Шлиссельбургъ	1		
Хороль, Подтавской г.	2	Шкуды м., Ковен. г.	1	b) Англія:	
Хортицъ, Екат. ж. д.	4	Шпола м., Кіевской г.	11		
Хотинъ, Бессар. губ.	2	Шумовка ст., Мог. г.	3	Глазго	1
Хотимскъ, Могилев. г.	3	Шумская м., Вол. губ.	1	Лондонъ	6
Хотовиажъ, Могил. губ.	1	Шумъ-Джуретъ ст., Таврической губ.	1	Лидсъ	1
		Шуа, Владимірской г.	2		
				c) Вельгія:	
Царичанка	1				
Царицынъ, Саратов. г.	10	Шедринъ м., Мин. г.	2	Антверпенъ	2
Царское-Село, Пет. г.	4	Щучинъ, Ломжин. г.	1		
Цѣхановецъ, Ломж. г.	1			d) Болгарія:	
Цѣхановъ	1	Эйраголы м., Ковен. г.	1		
Цыбулево	1	Эмильчино	1	Османъ-Пазаръ	1
		Эриванъ	1	Софія	1
				Нова-Загора	1
Чапынка, Таврич. г.	1			e) Германія:	
Чарджуй, Закасп. обл.	2	Юзовка м., Екатер. г.	10		
Чаусы, Могилев. губ.	2	Юрбургъ м., Ков. г.	2	Лейпцигъ	1
Чашники, Витебской г.	2	Юрковка	1	Гамбургъ	1
Челябинскъ, Орлов. г.	3	Юрьевъ, Лифлянд. г.	4	Берлинъ	2
Чевстоховъ, Петрок. г.	4	Юревичи	2	Дрезденъ	1
Черемховская, Ирк. г.	2			Карлсруэ	1
Чериковъ, Могил. губ.	4	Якобшталь, Курл. г.	1	Кенигсбергъ	1
Черкасы, Кіевской г.	11	Якутскъ обл.	2	Мюнхенъ	2
Черен	1	Яготино	1	Гейдельбергъ	1
Черный Островъ	1	Ялта, Таврической г.	10		
Черный Яръ, Атк. обл.	1	Ялтушковъ м., Под. г.	1	f) Италія:	
Черниговъ, Черниг. г.	5	Ялтуторовскъ, Тоб. г.	1		
Черняховъ, Вол. губ.	2	Яново м., Ковен. губ.	3	Неаполь	1
Чечевичи	1	Янишки	1		
Черневцы	1				

Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.	Мѣста:	экз.
g) Румынія:		Мориція колонія	1	Сафедь	1
Бухарестъ	1	Клара	1	Каифа	2
Сулина	1	Санъ-Антоніо	1		
h) Турція:		Домингець	1		
Константинополь	1	Валостерось	1	IV. Въ Африкѣ:	
		С. Хорхе	1	a) Египеть:	
i) Франція:		b) Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.		Каирь	1
Ница	1	Балтимора	1	b) Южная Африка:	
Парижъ	9	Нью-Йоркъ	4	Капъ-Товнъ	1
Нелья	1	Филадельфія	2	Фолькерустъ	1
k) Швейцарія:		Чикаго	1	Овдтсгорнъ	1
Женева	1	Бруклинъ	1	Йоганнесбургъ	4
		Нью-Гавенъ	1		
		Провиденсъ	1		
		Нью-Джерсей	2		
II. Въ Америкѣ:		III. Въ Азіи:		ВСЕГО	4397
a) Аргентина:		Палестина:			
Буэнос-Айресъ	2	Иерусалимъ	1		
Виллагуа	1	Яффа	3		

Такимъ образомъ, больше всего подписчиковъ въ 1895 г. „Восходъ“ имѣлъ въ Одессѣ (420). За Одессою слѣдуютъ: Петербургъ (168), Варшава (144), Кіевъ (128), Москва 95, Екатеринославъ (83) и т. д.

Изъ общаго числа 4397 подписчиковъ „Восходъ“ выслался:

Въ теченіе цѣлаго года	3778	под.
„ „ 9 мѣсяцевъ	28	„
„ „ 6 „	315	„
„ „ 3 „	276	„

Изъ нихъ:

Въ обмѣнъ и бесплатно 97 „

Экспедиція журнала «Восходъ».

Еженедельный иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни, со многими бесплатными приложениями и премиями.

НИВА 1896 г.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получать въ теченіе 1896 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ГРИГОРОВИЧА,

отпечатаннаго на хорошей глазированной бумагѣ, вновь пересмотрѣннаго и исправленнаго самимъ авторомъ, съ приложеніемъ при первомъ томѣ автографа и портрета Д. В. Григоровича гравированнаго на стали Бронгаузомъ въ Лейпцигѣ. Полное собраніе соч. Д. В. Григоровича будетъ выдано при „Нивѣ“ въ теченіе одного 1896 года, въ 12 томахъ, которые будутъ выходить въ началѣ каждаго мѣсяца и заключать въ себѣ всѣ сочиненія Д. В. Григоровича, а именно:

ТОМЪ I. Петербургскіе шарманчики. Сосѣда. Лотерейный балъ. Деревня. Антонъ Горемыка. Бобыль. Напельмейстеръ Сусликовъ. Четыре времени года. ТОМЪ II. Походженія Накатова или недалгое богатство. Неудавшаяся жизнь. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Свиштулкинъ. Мать и дочь. ТОМЪ III. Преселочныя дороги. Ром., ч. I. ТОМЪ IV. Преселочныя дороги. Ром., ч. II. ТОМЪ V. Смедовская долина. Зимній вечеръ. Рыбаки. ТОМЪ VI. Переселенцы. Ром. въ 5 ч. ТОМЪ VII. Прохожіи. Столичные родственники. Пахарь. Школа гостепримства. ТОМЪ VIII. Случные люди. Очерки современныихъ нравовъ. Въ ожиданіи парама. Почтенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ. Кошка и мышка. Пахатники и бархатники. ТОМЪ IX. Корабль Ретвизанъ. (Годъ въ Европѣ и на вроейск. моряхъ). ТОМЪ X. Два генерала. Столчный воздухъ. Гуттаперчевый мальчишка. Алексѣй Чезековъ. (Недолгое счастье). Марьеристъ ТОМЪ XI. Акробаты благотворительности. Сонъ Нарелана. Отрывокъ изъ ром. («Петербургъ прошлаго времени»). Не по хорошему мнѣю,—по милу хорошъ. Картины англійскихъ живописцевъ на выставкахъ 1862 г. въ Лондонѣ. Художественное образованіе въ приложеніи къ промышленности на всемірной Парижской выставкѣ 1867 г. ТОМЪ XII. Рождественская ночь. Мой дядя Бандуринъ. Замшевыя люди. (Занова). Ком. въ 4 дѣйств. Городъ и деревня. Литературныя воспоминанія. Порфирій Петровичъ Кукушкинъ. Встрѣча.

Сочиненія Григоровича отдѣльно отъ журнала «НИВА» не продаются.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“ въ увеличенномъ объемѣ, которыя будутъ выходить при „Нивѣ“ въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныихъ авторовъ.

12 №№ „ПARIЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и вышивныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

ПОРТРЕТЪ Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, исполненный по оригиналу художника И. С. Галикина, разм. въ 18 вер. выш. и 14 вер. ширины.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“, на 1896 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми вышеозначенными приложениями: Безъ доставки въ СПБ. 5 р. Съ доставкою въ СПБ. 6 р. 50 и Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) 6 р. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 7 р. ЗА ГРАНИЦУ 10 р.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ОБЪТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Гл. XXI—XXII. Е. Хисина	3
II. КРИТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ИЗСЛѢДОВАНИИ БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ. Профессора А. Кюнена. Ю. Б.	36
III. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. М. Г. Моргулис	81
IV. ТРИ СУДЬБЫ. Стихотвореніе. С. Г. Фруга	104
V. ВАВУШКА. Исторія одного дня. Разсказъ. (Окончаніе). Л. Рубинова	108
VI. ИЗЪ ПРОРОКА ИСАИИ. Стихотвореніе. К. М. Фофанова. . . .	189
VII. ВНУКИ ГЕТТО. Романъ И. Зангвилья. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго. С. Л. Федоровичъ	191
VIII. ПОЛЕ МЕЧЕЙ. Стихотвореніе. К. Н. Льдова	282
IX. ПАЛЕСТИНСКИМЪ КОЛОНИСТАМЪ. Стихотвореніе. Х. Зингера. . . .	284
X. О ДРЕВНОСТИ ІУДЕЙСКАГО НАРОДА. ПРОТИВЪ АПОНА. Сочиненіе Флавія Іосифа, переводъ съ греческаго. Г. Г. Гензеля. Въ особомъ приложеніи въ концѣ книги. (Окончаніе). (<i>Bound separately</i>)	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XI. ПО ХЕРСОНСКИМЪ ЕВРЕЙСКИМЪ КОЛОНИЯМЪ. Факты и мысли. Ис. Блюменфельда	3
XII. ОТКРЫТИЕ УНИВЕРСИТЕТА ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ И ИНТЕРЕСЫ ЗЕМЛЕДѢЛЦЯ. П. Жука	21
XIII. КОЛОНИЗАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПАЛЕСТИНУ И АРГЕНТИНУ. А. М. Беркенгейма.	32
XIV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ВЪ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ. По поводу соч. А. Г. Вейса «Мои воспоминанія» (Изд. Я. М. Глицбург). А. С. Брагина.	42
XV. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Исповѣдь бедламита: Old Gentleman характеризуетъ газету А. С. Суворина. — Національное самосознаніе и узко-націоналистическая политика. — Отношеніе «гг. націона-	

лѣстокъ» къ иновѣрцамъ и инородцамъ. — Патриотическая печать и армянскій вопросъ. — Общечеловѣчность и національность. — Роль интеллигенціи по отношенію къ своей народности. — Умственный и нравственный уровень еврейской массы. — Разсказъ А. Яблоновскаго «Нухимъ». — *Desiderata*. Ос. Ос. Грузенберга.

58

XVI БИБЛОГРАФІЯ:

- 1) *Einleitung in den Thalmud von Dr. Hermann L. Strack. Zweite, teilweise neubearbeitete Auflage. Leipzig, 1894.* (Введеніе въ Талмудъ, д-ра Г. Л. Штрака. Второе, мѣстами совершенно переработанное изданіе. Лейпцигъ, 1894).
- 2) *Tract. Rosh Hashana of the new edition of the «Original Babylonian Talmud» edited, formulated and punctuated by M. L. Rodkinson. New-York 1895.* (Трактатъ Роузъ Гашана изъ новаго изданія «Подлинный Вавилонскій Талмудъ». Обработанъ и снабженъ знаками препинанія М. Л. Родкинсономъ).
- 3) *Трактатъ Синедрионъ изъ Талмуда вавилонскаго съ введеніемъ переводчика, введеніемъ въ Талмудъ (Мево га Талмудъ) Ибнъ Наиреллы и тринадцатью правилами (миддова) герменевтики. Глава первая (процессы гражданскіе). Перевелъ съ арамейскаго (?) Л. Ш. Фейлингъ. Одесса 1894—1895. Цѣна 2 рубля. Аль-Гаввасъ*

74

XVII. МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ ЗА 1895 г.

86

XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ

Н. В. Не желая переносить печатаніе начатыхъ уже беллетристическихъ произведеній, а также и соч. Флавія Юсіфа на слѣдующій годъ, редакція вынуждена была дать ихъ въ этой книгѣ въ увеличенномъ объемѣ, вслѣдствіе чего, несмотря на большее количество лѣстова, отложены нѣкоторыя другія, предполагавшіяся для этой книги, статьи.

3/2

97

3 2044 015 607 567

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

5690970 LLED STALL STUD
JUL 27 5 1984 CHARGE

WILNER
BOOK DUE
NOV 14 1984
JUL 30 8 05 1984

DEC 9 1994
CANCELLED

